Энтони Саммерс

ЖЕНЩИНА-МИФ

БОГИНЯ

Тайны жизни и смерти Мэрилин Монро

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

`Звезда Голливуда`, `секс-бомба`, `богиня любви`, `самая красивая женщина в мире` - так писали и говорили об американской актрисе Мэрилин Монро. В России ее знают, в основном, по фильму `В джазе только девушки`. Обычно кумиры не долго гостят на пьедестале- их свергают и забывают. А Мэрилин Монро помнят до сих пор. В Америке о ней сняты фильмы, написаны книги, ее имя и сейчас используется в рекламе. Магическое обаяние этой необыкновенной и такой земной женщины, ее звездная судьба и обстоятельства трагической смерти остаются загадкой. Автор этой книги приоткрывает завесу над тайной, которая называется Мэрилин Монро.

•

Э. Саммерс. «Богиня. Тайны жизни и смерти Мэрилин Монро»

От автора

«Вы совершенно правы в том, что ее не так-то легко постичь. Ее можно зримо представлять себе, отчетливее, чем кого бы то ни было еще, но рано или поздно начинаешь понимать, что это не значит знать ее».

Генри Джеймс «Крылья голубя»

«Юна стояла у истоков неведомого. Она была первым человеком из тех, кого я знал, кто по-настоящему был своеобразен. Она стала человеком шестидесятых еще до того, как это десятилетие наступило».

Артур Миллер

Работа над этой книгой продолжалась с 1982 до весны 1986 года. Она началась, когда окружной прокурор Лос-Анджелеса объявил об обстоятельствах, сопутствовавших смерти Мэрилин Монро. Рой Холл, редактор лондонского журнала «Санди Экспресс», поручил мне написать об этом короткую статью, и я отправился в Калифорнию. Вскоре я понял, что бесполезно пережевывать тему смерти звезды, не проведя детального расследования. Я был удивлен, что ни один из авторов до сих пор

не удосужился заняться глубоким изучением личной жизни актрисы и обстоятельств ее кончины, а также предполагаемой связи с братьями Кеннеди. Вышедшая в 1986 году книга произвела в читающем мире настоящий фурор и вызвала у меня желание провести новое официальное расследование смерти Мэрилин. В связи с этим я и продолжил свои поиски.

Мною было опрошено около 650 человек, и всем им я весьма благодарен. Некоторые, возможно, и сожалеют, что познакомили меня с тайными подробностями своей жизни. Немало было таких, которые просили не называть их имена. В ряде случаев я соглашался, особенно тогда, когда свидетельства были чрезвычайно важны для повествования и приходилось их тщательно проверять. Каждый раз я непременно уведомлял об этом моих издателей. Ни Джо Ди Маджо, ни Артур Миллер не согласились побеседовать со мной. Как я понимаю, звезда бейсбола вряд ли когда станет обсуждать с кем-то свою бывшую жену. Что же до Артура Миллера, то он, очевидно, сам напишет о своей жизни.

Те, кого судьба сводила с Мэрилин Монро и кто согласился встретиться со мной, были терпеливы к моим расспросам и искренни в своих ответах. Это прежде всего Руперт Аллан, помощник Мэрилин по связи с прессой, ее нью-йоркские хозяева Эми Грин и ее покойный муж Милтон, вдова ее психиатра Хильди Гринсон и его дети Дэнни и Джоан. Джеймс Хэспил, с самого детства фанатично поклонявшийся ей и ставший сегодня одним из самых осведомленных людей на планете о жизни Мэрилин Монро, великодушно поделился со мной своими знаниями и дал доступ к домашним архивам.

Я очень благодарен семье Фреда Каргера, за которого Мэрилин однажды собиралась выйти замуж, особенно Энн Батте. Ричард Меримен, бывший корреспондент «Лайфа», доказал, что честности одного писателя порой бывает достаточно, чтобы противостоять сотням тысяч печатных знаков газетной чепухи и грязи, которые то и дело выливались на Мэрилин. Решительно отказывая другим, дала мне интервью Патрисия Ньюком, последняя близкая подруга Монро. Сохраняя неизменную лояльность к братьям Кеннеди, она тем не менее стремилась быть максимально искренней.

Яркую картину закулисной жизни Лос-Анджелеса тридцатилетней давности нарисовали мне Гордон Хивер и Глория

Романова, которые знали Мэрилин. В Нью-Йорке доверие мне оказали Ральф Робертс, предоставивший уникальные магнитофонные записи, и Норман Ростен, открывший нечто большее, чем просто сейф, где он хранил стихи Мэрилин. Хал Шефер, тихий музыкант, немало пострадавший за связь с Мэрилин во время ее брака с Ди Маджо, поразил меня своей смелостью. Линн Шерман познакомила меня со светскими играми, в которые когда-то играли богатые обитатели побережья Санта-Моники. Стеффи Сидней, дочь Сиднея Сколски, друга Мэрилин, после смерти своего отца, последовавшей в ту пору, когда я работал над этой книгой, мне первому позволила взглянуть на его бумаги. В настоящий момент папки Сколски переданы в Академию киноискусства и науки, где принимали меня, проявляя огромное терпение.

С большим юмором к моим вопросам, несмотря на серьезную болезнь, отнесся Роберт Слэтцер, который, по его утверждению, некоторое время состоял с Мэрилин в браке. Он оказался неоценимым источником сведений первостепенной важности. Нейл Споттс, один из многих опрошенных мною бывших полицейских, любезно приоткрыл двери, доселе плотно закрытые. Бобетт Бутиган поделилась исследованиями, проведенными после смерти Мэрилин, а невадский историк Бетель ван Тассел поведал мне о Кэл-Нева-Лодж. Билл Вудфилд рассказал о единственной попытке тех лет дать объективное сообщение о смерти звезды. Вместе со своей женой Лили они оказали мне теплый прием в холодном городе.

К лучшим книгам о Мэрилин Монро и сегодня принадлежит работа Мориса Золотова, написанная им еще при ее жизни. Он любезно предоставил мне доступ к своему фонду, хранящемуся в Исследовательском центре гуманитарных наук Техасского университета в Остине. Я премного благодарен Полу М. Бейли из библиотеки театрального искусства, расположенной там же, и Генри Дж. Гвиазде II, куратору собрания Роберта Ф. Кеннеди в библиотеке Джона Ф. Кеннеди, который честно отвечал на непростые вопросы. Карл Роллисон дал мне прочитать отдельные страницы его рукописи «Воспроизведенная жизнь Мэрилин Монро». Эдвард Вагенкнехт, старый знаток творчества и жизни Мэрилин, познакомил со своей коллекцией редких статей. Своими знаниями великодушно поделился Рой Тернер, много сделавший для изучения родословной Мэрилин.

За время моей писательской карьеры трижды пришлось мне

обращаться за помощью к ныне покойному профессору Кейту Симпсону, одному из самых признанных в Британии патологоанатомов судебной медицины. Он вместе с доктором Кристофером Фосстером, патологоанатомом из лондонской больницы Св. Варфоломея, тщательно проанализировал медицинские аспекты смерти Мэрилин Монро. Я премного обязан психиатрам из бригады профилактики самоубийств в Лос-Анджелесе, особенно доктору Роберту Литману, позволившему мне увидеть материалы, до сих пор скрываемые за семью печатями. Огромное удовольствие получил я, споря с Джоном Майнером, бывшим помощником окружного прокурора Лос-Анджелеса, человеком долга, обремененным большими секретами, раскрыть которые он не имел права. Бывший помощник директора ФБР Кортни Эванс, который в свое время выполнял неблагодарную роль связующего звена между Дж. Эдгаром Гувером и Генеральным прокурором Робертом Кеннеди, оказался человеком, в высшей степени соответствовавшим своему прозвищу «Кортли»1. Я сделал все от меня зависящее, чтобы не разочаровать заместителя окружного прокурора Лос-Анджелеса «Майка» Кэрролла, который в 1982 году в пределах возможного представил добросовестный отчет о смерти Мэрилин Монро и который рассчитывал, что я ответственно отнесусь к делу, доставившему ему столько беспокойства.

Задумав эту книгу, я с самого начала предполагал сделать наряду с ней и телевизионный документальный фильм. С этой целью я объединил усилия с Тедом Ландретом, бывшим исполнительным директором Си-Би-Эс, который на протяжении трех лет отчаянно старался найти американский телевизионный канал, где бы решились рассказать зрителям о трагическом конце Мэрилин Монро. Но власть предержащие телевизионщики боялись начать раскачивать лодку истории. Как сказано в послесловии, продюсеры телевизионной программы «20/20» Эй-Би-Си фактически подготовили материал, который начальство в день трансляции все-таки на экран не выпустило.

Но наши усилия благодаря Британской радио- и телевещательной корпорации и независимым сторонникам из других стран тем не менее принесли свои плоды. Приношу особую благодарность Виллу Виатту, Джорджу Кари и продюсеру Кристоферу Олджиати на Би-Би-Си. Подготовленную ими программу под названием «Скажи «До свидания» президенту» видели зрители как Соединенных Штатов, так и всего мира. Это был последний фильм, смонтированный великим

киномонтажером Би-Би-Си, преданным другом многих продюсеров, ныне покойным Йеном Коллэвеем.

С большим уважением отношусь я к Ландрету и его исследовательской команде, особенно Эду Тивнану и Энтони Куку, за их кропотливый журналистский труд. В то время как вся Америка пользуется услугами скромных средств массовой информации истеблишмента, похвально проявлять решимость и действовать на свой страх и риск.

Почти все важные интервью проводил я сам, даже если свидетели уже опрашивались коллегами. Тем не менее я очень благодарен таким исследователям, как Кейти Касл и Гай Уотсон в Англии, Тереса Гарофало и Чарли Холланд в Нью-Йорке, Ларри Хэррис и Роберт Ранфтел в Вашингтоне, Джек Крейн, Моника Грулер и Пол Хоч в Калифорнии и Мэри Пауэре в Мехико.

Чрезвычайно многим обязан я Лори Уинчестер в Лос-Анджелесе, без содействия которой я даже не сумел бы отыскать следы многих свидетелей, и ее партнеру Биллу Джордану, лейтенанту в отставке из полицейского управления Лос-Анджелеса. Благодаря им я практически бесплатно получил помощь со стороны «ВКДж. Инк.», фирмы, которая занимается оказанием услуг по расследованию и защите знатных клиентов, таких, как видные политики, звезды, а в 1984 году — организаторы Олимпийских игр.

Китти Келли, пишущая в настоящий момент о Фрэнке Синатре, несмотря на все попытки отвлечь ее судебными тяжбами, великодушно поделилась имевшейся у нее информацией. Адвокат Джеймс Лизар, знаток лабиринта под названием «Закон о свободе информации» на многое пошел ради меня. Как видно из послесловия, его работа не осталась втуне. Марк Аллен поделился со мной бесценными документами ФБР.

Синтия Роуэн, поражающая своей мудростью, помогла составить хронологию, на которой основана вся книга. Джин Мэншип и Джоан Уитингтон спасали меня от бумажной груды, а Эйнджи Карпентер отвечала за материально-техническую сторону дела. Анджела Кертн служила связующим звеном в Калифорнии. Когда завершалась работа над изданием книги, большую помощь в Ирландии оказали автору Джоан Кетт, Лесли Моррисон и Энн Стеарн. Альма Клисман, Каролайн Беррелл и Дениз Фицджеральд помогали выпустить издание в мягкой обложке. Марафонец

Уилли Генри еще раз показал себя самым преданным другом.

Большое спасибо моим агентам Энн Мак-Дермид в Лондоне и Питеру Гинзбергу в Нью-Йорке. Большое спасибо также моим издателям Хиллелу Блэку в «Макмиллане», Микаэле Гамильтон в «Сигнете», Джоане Голдсуорси в «Голланче», Барбаре Бут в «Сфере». В «Макмиллане» бесконечно большую работу над оригиналом рукописи проделала Бренда О'Брайен.

Ольга, моя жена, пошла на безрассудство, посоветовав мне взяться за написание этой книги, и всячески поддерживала меня, выполняя свой тяжкий труд. Ее близкие, полагавшие, что жизни вне темы Мэрилин Монро не существует, терпеливо мирились с нами обоими.

Сердечное спасибо всем.

Э.С.

Глава 1

«Промышленность дает, и промышленность забирает. Голливуд, фабрика грез, создал девушку мечты. Могла ли она перенестись в реальность? И что такое была реальность? Существовала ли для нее жизнь вне пределов мечты?»

Норман Ростен, поэт и давний друг Мэрилин

«В Голливуде "старлетками" называют всех женщин в возрасте до 30 лет если они не занимаются проституцией».

Бен Хайт, ему Мэрилин давала свои первые получившие известность интервью

Лос-Анджелес, суббота, 4 августа 1962 года, до полуночи оставался один час. В открытом зале Голливудской Чаши под тонким серпом луны собравшаяся публика внимала сладостным звукам струнного оркестра Генри Манчини.

Внезапно в одном месте возникло легкое движение. Большинство посетителей не обратили на это внимания. Служитель, прошептав скороговоркой слова извинения, передал одному из зрителей, занимавших самые дорогие места зала, срочное сообщение. Человек поднялся, прошел к телефону и взял

трубку. Выслушав, что ему было сказано, он бросил несколько отрывистых фраз, позвал из зала жену и заспешил к автомобилю.

В последующие ночные часы, пока Лос-Анджелес спал, случилось еще несколько незначительных происшествий. Кто-то еще приходил и уходил. По всему городу то здесь, то там раздавались неожиданные телефонные звонки. С постелей были подняты врачи, известный юрист, ведущие фигуры шоу-бизнеса и несколько частных детективов. Знаменитый актер, зять президента Соединенных Штатов, позвонил в Вашингтон. В небе застрекотал мотор вертолета, нарушая сон актерской братии, мирно спавшей в своих красивых особняках на морском берегу. К одному из домов в пригороде, ничем не выделявшемуся среди себе подобных, была вызвана карета скорой помощи. Водитель впоследствии никак не мог вспомнить о причине этого вызова.

Об этих ночных событиях никто ничего не узнает. Не найдем мы о них и, каких-либо записей, сделанных рукой представителей власти. А ведь то, что вызвало этот ночной переполох, стало событием года, о котором говорили и писали даже больше, чем о ракетном кризисе, потрясшем мир несколько недель спустя и едва не спровоцировавшем начало ядерной войны. Умерла Мэрилин Монро.

Ровно через двадцать лет, в 1982 году, окружной прокурор Лос-Анджелеса сделал повторный запрос относительно обстоятельств дела, которое никогда не переставало быть объектом слухов и противоречивых толков. Суть запроса сводилась к следующему: имелись ли достаточные основания для того, чтобы возобновить расследование? Могла ли Монро быть убита? По прошествии четырех месяцев окружной прокурор был уведомлен, что по имеющимся данным «состав уголовного преступления отсутствует» и его предположение является безосновательным. Хотя в деле имелись только материалы «поверхностного расследования». Это не преувеличение: следователи даже не допросили детектива, проводившего осмотр места происшествия.

Из отчета 1982 года видно, что во время расследования обстоятельств смерти Монро выявились некоторые «фактические противоречия» и «оставшиеся без ответа вопросы». Сегодня чиновники в частных беседах признают, что увязли в болоте лжи и сокрытия фактов. По их словам, Мэрилин Монро могла совершить самоубийство, однако они полагают, что в событиях

1962. года была какая-то тайна.

Эта тайна имела непосредственное отношение к ее связи с президентом Соединенных Штатов Джоном Кеннеди и его братом Робертом, — в частности, к тому, чем занимался Роберт Кеннеди в момент смерти Монро.

Обсуждая версию относительно Кеннеди, люди окружного прокурора с сожалением разводили руками. «Нас не просили, — говорил один, — исследовать политическое прикрытие». Пресса того времени, ничтоже сумняшеся, предпочитала шум и пылкие восклицания, а не серьезный анализ. С тех пор, несмотря на обилие написанных о Мэрилин Монро материалов, ни один уважающий себя автор не провел сколь-нибудь профессионального расследования событий, происшедших в последние дни жизни женщины, названной, ни много ни мало, богиней века. Норман Мейлер, вызвавший волну беспокойства своей книгой о ней, в которой намекнул на возможность убийства, сегодня сожалеет, что «не приложил для расследования более значительных усилий».

Нежелание рассказывать о конце Мэрилин Монро отличается завидным постоянством. Несмотря на миллионы слов, добрых и жестоких, умных и глупых, потраченных на жизнеописание Мэрилин Монро, никто до сих пор не предпринял попытки дать документально точную хронологию ее жизни.

Кто была эта женщина, ставшая «Мэрилин Монро»? В действительности она обладала телом, не так уж сильно отличавшимся от других женских тел. Почему, однако, она привлекала наше внимание в большей степени, чем любая другая женщина, жившая с ней в одно время и живущая ныне, в конце века? В какой степени этой необыкновенной популярностью она была обязана своему таланту и в какой — влиятельным мужчинам, в чьих объятиях побывала? Что было стержнем феномена, называемого Мэрилин Монро?

За раздутым истеричными поклонниками образом скрывался ребенок, выросший в женщину, которая, став символом любви, оставалась тем не менее невообразимо одинокой и умерла по прихоти судьбы в возрасте тридцати шести лет. Ее всегда изображали как любовницу мировых знаменитостей, а она мечтала о браке с единственным мужчиной и о материнстве. Оставаясь наедине, она читала философские трактаты и

занималась разведением сада, одновременно предаваясь дурману наркотиков и алкоголя.

В последнем своем интервью она сказала: «Когда ты знаменитость, ты как бы врываешься в души людей самым грубым образом... Люди, на которых ты воздействуешь, чувствуют это и задаются вопросом: кто она, вернее, за кого это она себя выдает, эта Мэрилин Монро? Приятно, когда о тебе воображают Бог весть что, но иногда хочется, чтобы тебя воспринимали таким, какой ты есть».

Мэрилин — я думаю, мы можем называть ее так, потому что именно под этим именем она известна от Коннектикута до Конго — так и не дожила до своего сорокалетия, не говоря уже о полувековой дате. Если бы она жила сейчас, ей было бы около шестидесяти. Но и сегодня события ее жизни описываются противоречиво, как и обстоятельства смерти.

Настало время вернуть этой богине черты реального существа. Кто была она в наших глазах?

* * *

В 1983 году по улицам Гейневилля, штат Флорида, на трехколесном велосипеде с красным флажком на руле разъезжала не узнаваемая прохожими старая дама в шляпе, похожей на опрокинутое ведро. Эта женщина была перешагнувшей восьмидесятилетний рубеж матерью Мэрилин. В полной безвестности она вела уединенный образ жизни.

Глэдис Монро — Монро имя бабушки Мэрилин по материнской линии — родилась в 1902 году в Мексике. Ее родителями были американцы. К тому времени, когда ей исполнилось двадцать четыре года, она уже дважды побывала замужем и родила двоих детей, которых растили родственники первого мужа. Второй супруг тоже не задержался у нее надолго. К моменту появления на свет Мэрилин в больнице Лос-Анджелеса, то есть к 1 июня 1926 года, его и след простыл.

Нам не известно, кто был отцом Мэрилин. В ее свидетельстве о рождении он назван как «Эдвард Мортенсон». За два года до ее рождения мать Мэрилин состояла в браке с неким Мартином Э. Мортенсоном. Он был норвежским иммигрантом, булочником, который в 1929 году погиб в мотоциклетной аварии. Но был ли

он отцом? Ведь несмотря на то, что во всех официальных документах она указывала его имя, Мэрилин позже отрицала, что Мортенсон был ее отцом.

Одному из репортеров Мэрилин призналась, что ее настоящий отец — человек, «живший с моей матерью в одном доме. Он ушел, покинув мать, в тот момент, когда я должна была появиться на свет». В этот сценарий отлично вписывался мужчина по имени Стенли Джиффорд. Он служил в компании «Консолидейтед Филм Индастриз», где мать Мэрилин работала киномонтажницей. Ходили слухи, что, когда брак Глэдис с Мортенсоном потерпел фиаско, Джиффорд стал ее любовником.

Малышке Мэрилин пришлось придерживаться семейной версии. Однажды мать показала ей фотографию и, ткнув в нее пальцем, сказала: «Вот твой отец». Она запомнила лицо человека в шляпе с широкими опущенными полями, «в глазах его притаилась живая улыбка, и у него были тонкие усики, как у Кларка Гейбла».

Так начиналась выдумка длиной в человеческую жизнь. Мэрилин вспоминала, что в детские годы говорила своим легковерным подругам, что ее отцом на самом деле был Кларк Гейбл. В последние месяцы жизни, снимаясь вместе с Гейблом в «Неприкаянных», она снова впала в эту детскую фантазию. Вдова психиатра Мэрилин, Хилди Гринсон, говорит: «Мэрилин видела ту фотографию, где запечатленный на ней мужчина был похож на Гейбла, и она иногда позволяла себе думать, что Гейбл и в самом деле был ее отцом».

В год смерти, когда Мэрилин пришлось заполнять одну казенную бумагу, в графе «Имя отца» она написала просто — но, по словам ее секретаря, довольно сердито — «неизвестно».

Если отца Мэрилин окружала тайна, то история ее семейства со стороны матери была задокументирована, может быть, даже с излишней точностью. Зная горькие страницы из своей родословной, Мэрилин опасалась, что обречена на умственное расстройство. И страх этот не был беспричинным.

Ее прадед по материнской линии, Тилфорд Хоган, повесился в возрасте восьмидесяти двух лет. Самоубийства престарелых людей не являются чем-то исключительным. Добровольный уход из жизни не обязательно признак сумасшествия, но психические

расстройства в семье наблюдались.

Причиной кончины ее деда по материнской линии, Отиса Монро, согласно свидетельству о смерти, стал общий парез. Парез, и особенно парезное слабоумие, — это форма душевной болезни, вызванной сифилисом в его последней стадии.

Мэрилин не угрожала опасность получить сифилис по наследству, но ее бабушка с материнской стороны, Делла, в возрасте пятидесяти одного года тоже умерла в доме для душевнобольных. Случилось это через год после рождения Мэрилин. Бабушка была чем-то вроде религиозного фанатика. Она страдала болезнью сердца, с «маниакально-депрессивным психозом» в качестве сопутствовавшего фактора.

Повзрослев, Мэрилин уверяла, что помнила, как бабушка пыталась задушить ее незадолго до того,

как была отправлена в психиатрическую лечебницу. Но ввиду того, что в то время Мэрилин было всего тринадцать месяцев от роду, воспоминания эти, конечно, малоправдоподобны. Ее детские страхи наверняка имеют то же происхождение, что и другие невероятные истории, которыми она приукрашивала свою юность.

Семейной жизни как таковой не существовало. После рождения Мэрилин, не имея средств заниматься только воспитанием дочки, Глэдис снова стала работать киномонтажницей. Добывая хлеб насущный для ребенка, большую часть времени она тем не менее отдавала уходу за родителями. Старшие дети Глэдис давно уже находились на иждивении родственников первого мужа.

Едва Мэрилин исполнилось семь лет, грянула катастрофа. В то время она жила с матерью. Глэдис переживала дни глубокой депрессии, сменившейся взрывом ярости и безысходности. Как вспоминают очевидцы, она набросилась на подругу с ножом. По этой причине ее срочно отправили в ту же больницу, в которой совсем недавно скончалась ее собственная мать.

За исключением коротких перерывов, Глэдис будет лежать в психиатрической лечебнице на протяжении почти всей жизни Мэрилин. Инес Мелсон, бывший менеджер Мэрилин, была на деле опекуном Глэдис. Она проводила с ней времени больше, чем

с кем бы то ни было, и считала ее не сумасшедшей, а просто нервной.

«Мать Мэрилин была помешана на религии, Христианстве, пороке и зле, — говорила Мелсон. — В этом и состояло ее помешательство. Она полагала, что совершила в жизни какую-то ошибку, за что и была наказана».

В этой одержимости Глэдис следовала дорожкой, проторенной собственной матерью. Религиозный фанатизм и чувство вины за неведомый грех встречаются как при маниакальных расстройствах, так и при шизофрении.

Рис. 1. Письмо, написанное из заключения матерью Мэрилин, Глэдис, весьма характерно. Оно содержит религиозные цитаты и обнаруживает признаки паранойи

Рис. 1. Письмо, написанное из заключения матерью Мэрилин, Глэдис, весьма характерно. Оно содержит религиозные цитаты и обнаруживает признаки паранойи

В детстве Мэрилин и сама ощутила бремя религиозного фанатизма, навязываемого ей Глэдис и одной женщиной, которая ухаживала за ней. Но, став взрослой, она была не слишком усердной приверженкой христианского учения. Религиозная страстность не превратилась у нее в одержимость. В один прекрасный день она смогла обратиться в другую — иудейскую — веру, когда решила стать женой драматурга Артура Миллера; но позже она бодро назовет себя «иудейкой-атеисткой».

Нельзя сказать, что Мэрилин была неизбежно обречена на душевный недуг, но риск психического расстройства действительно был велик. Психиатры, с которыми я консультировался при написании этой книги, подчеркивали, что маниакальные и шизофренические расстройства, как правило, передаются по наследству. Об этом написано во всех учебниках по психиатрии, которыми руководствуются американские врачи и Всемирная организация здравоохранения.

Эта книга посвящена исследованию взрослой жизни .Мэрилин, а не ее детству, — эти годы заброшенности и неопределенности были хорошо описаны более ранними биографами. Начало своей жизни взрослая женщина не могла позабыть, но и не хотела позволить, чтобы ее публика оставалась в неведении, — она сменила десять приемных родителей, два

года провела в сиротском доме Лос-Анджелеса, затем еще в одной принявшей ее семье и, наконец, четыре года с опекуном, назначенным ей властями округа после помещения ее матери в психиатрическую лечебницу.

Длинная цепь лишений и страданий стала классической основой для будущего психического расстройства. Доктор Валери Шихверг, работавшая психиатром-консультантом в нескольких больницах Нью-Йорка, говорила, что состояние Мэрилин, безусловно, могло считаться «пограничным». Это означает, что она была человеком, который парит на «грани психического и нервного расстройства, когда верх берет то одно, то другое состояние».

Рис. 2. Письмо матери Мэрилин ее опекуну, миссис Мелсон. В ее многословном послании только дважды встречается упоминание о ее известной дочери, «Норме Джин»

Рис. 2. Письмо матери Мэрилин ее опекуну, миссис Мелсон. В ее многословном послании только дважды встречается упоминание о ее известной дочери, «Норме Джин»

Прошлое Мэрилин являло собой классический пример фона, который служит основой для формирования «пограничных» состояний.

Человек с подобным наследием отличается эмоциональной нестабильностью, исключительной импульсивностью, энергичностью, поведение его представляется окружающим экспансивным. Такое лицо бывает склонно к театральности, наигранности, оно может обладать поразительной соблазнительностью или быть исключительно озабоченным собственной внешностью. Человек «в пограничном состоянии» постоянно нуждается в одобрении окружающих, он обожает аплодисменты, не выносит одиночества и, если окружающие его отвергают, часто подвержен «депрессивным, катастрофическим реакциям». Для «пограничных состояний» характерно пристрастие к алкоголю и наркотикам, не исключаются и угрозы самоубийства, к которым человек прибегает как к средству получить помощь.

Эта характеристика личности, сделанная с холодной бесстрастностью в 1984 году на основании изучения нескольких тысяч историй болезни, вполне приложима к Мэрилин Монро. Жизнь Мэрилин Монро, в которой ей суждено было познать блеск

славы и мрак трагедии, разворачивалась по безжалостному сценарию, написанному ее прошлым.

Глава 2

«Мое появление в школе с накрашенными губами и подведенными бровями вызвало многочисленные толки. Но я не имела ни малейшего представления, почему меня выставляли бездушной соблазнительницей. Мне вовсе не хотелось, чтобы меня целовали, я и в мыслях не держала обольстить какого-нибудь принца или кинозвезду. По правде говоря, со всем своим макияжем, напомаженными губами и развитыми не по годам формами я оставалась холодной, как ископаемое. Но на людей, похоже, я производила впечатление прямо противоположное».

Так говорила о себе Мэрилин Монро в 1954 году, оглядываясь назад на годы отрочества. Во всяком случае, эти воспоминания приписывает ей писатель Бен Хект, которому в тот год новоиспеченная кинозвезда двадцати восьми лет поведала свою «историю жизни».

Хект по поручению одного крупнейшего издательства Нью-Йорка рассчитывал написать за молодую Мэрилин Монро ее автобиографию. Эта запись является весьма важной, так как Мэрилин не давала других интервью такого плана. Но оно одновременно является и противоречивым.

После многочисленных долгих бесед с Хектом Мэрилин заставила его прочитать ей вслух всю рукопись, составившую 160 страниц. После чего она, по словам вдовы Хекта, «смеялась, и плакала, и говорила, что «потрясена». Она заметила, что никогда не представляла себе, что о ней может быть написана такая замечательная история, и что Бенни не оставил без внимания ни одну фазу ее жизни».

Мэрилин даже помогала работать над правкой рукописи, но потом их отношения расстроились. Дело в том, что тогдашний муж Мэрилин, Джо Ди Маджо, выразил протест против публикации, и она расторгла сделку. Когда материал все-таки появился в «Бритиш Эмпайер Ньюз», Мэрилин пригрозила подать на автора в суд, якобы обвиняя его в неправильной передаче ее слов.

Если автор и ошибался, то по милости самой Мэрилин, так

как только отдельные факты в ее истории соответствовали истине. Хект в беседах с редактором неоднократно предупреждал его, что порой был уверен в том, что Мэрилин придумывает. Он пояснял: «Когда я говорю «лжет», это значит, она говорит неправду. Я не думаю, что в ее намерения входило обмануть меня, просто она фантазерка». Хект поймал себя на том, что все время пытался понять и разгадать «странный язык жестов и неприметных для глаз телодвижений» каждый раз, когда она начинала придумывать или сглаживать острые утлы.

Многие из утверждений Мэрилин о ее юности будут воспроизведены на страницах этой книги в том виде, в котором они были приведены в рукописи Хекта. В отдельных случаях некоторые из них будут подтверждены, в других опровергнуты независимыми свидетелями. Ко всему, о чем она говорит, нам следует относиться с долей здорового скептицизма, но это не нужно воспринимать как недостаток. Мэрилин, общепризнанное воплощение мечты, на основе смешения фактов и услужливой фантазии создавала свой образ как для публики, так и для самой себя. Она упражнялась в выходе за рамки дозволенного. Фантазия была составной частью ее существа, вызовом, призванным наилучшим образом характеризовать женщину, скрывавшуюся за ним.

История, рассказанная Мэрилин Бену Хекту, оказалась грустной и слишком сильнодействующей для публики пятидесятых годов. То, что она скрыла, могло бы положить конец ее артистической карьере. В то время, в конце концов, это никого не касалось, кроме нее самой.

* * *

В возрасте пятнадцати лет Мэрилин еще называлась Норма Джин1. Это имя дала ей при рождении ее мать. В начале того года — шел 1942 — ее официальная опекунша, женщина средних лет по имени Грейс Мак-Ки, внезапно решила вытолкнуть свою воспитанницу во взрослый мир.

Будущие триумфы и беды Нормы Джин определенно были делом ее собственных рук. Однако в свой первый брак она вступила по договоренности. Грейс Мак-Ки со своим новым мужем решила переехать на Восток, и они посчитали неудобным брать с собой и Норму Джин. Решением этой проблемы могло стать замужество воспитанницы. Было решено найти ей мужа.

В качестве подходящего кандидата Мак-Ки видела сына соседей Джима Дахерти, которого она хорошо знала. Его семья пережила тяжкие годы Великой Депрессии. Сегодня он вспоминает, что одно время они жили в палатке, разбитой возле своей видавшей виды машины. В возрасте двадцати одного года он был человеком сметливым и упрямым. Одаренный футболист, Джим променял колледж на работу в похоронном бюро, где занимался бальзамированием трупов, а еще в ночную смену подрабатывал слесарем на «Локхид Авиейшн».

Джим Дахерти знал Норму Джин. Раз или два они даже встречались. Он с радостью для себя обнаружил, что, когда они танцевали, она «прижималась так тесно и закрывала глаза». Норма Джин «смеялась только в нужные моменты и знала, когда нужно помолчать». Встречаясь с Нормой Джин, Дахерти одновременно ходил и с другими девушками.

Джим Дахерти был совершенно ошеломлен, когда опекунша Нормы Джин предложила ему жениться на своей воспитаннице. Эту новость передала ему мать. Мысль о женитьбе никогда не приходила Джиму в голову. Но он согласился, узнав, что в противном случае Норму Джин отошлют в сиротский приют.

Свадьбу назначили на июнь. Нужно было немного подождать, чтобы Норме исполнилось шестнадцать лет. В оставшиеся до бракосочетания недели молодые с некоторым опозданием знакомились друг с другом. Гордостью и радостью Дахерти был его автомобиль, двухместный «Форд» модели 1940 года. Он часто уносил Норму Джин на место свиданий в горах под названием Попс-Уиллоу-Лейк. На Ивовом озере они брали напрокат лодку, катались под нависшими над водой деревьями и целовались.

Бракосочетание по всем правилам состоялось 19 июня 1942 года. Невесте минуло шестнадцать всего около трех недель назад. Медового месяца и свадебного путешествия у них не было. В понедельник утром он вернулся на работу на авиазавод.

О своем замужестве Норма Джин рассказала в первые дни своей славы в интервью с Беном Хек-том. От Джима Дахерти мы узнали историю их брака только в семидесятые годы.

Создавалось впечатление, что пара говорила о совершенно разных взаимоотношениях. Хекту она рассказывала, что «это

было, как уединение в зоопарке. Фактически наш брак скорее походил на дружбу с сексуальными привилегиями. Позже я узнала, что в большинстве случаев так оно и есть. Я была особенной женой. Я терпеть не могла взрослых... Мне нравились мальчики и девочки, которые были младше меня. Я играла с ними в игры до тех пор, пока не выходил мой муж и не начинал звать меня в постель».

Джим Дахерти, похоже, холодка пока не чувствовал. «Наш брак, — говорил он, — должно быть, был заключен кем-то, кто был без царя в голове, вроде тех двух престарелых дам, но когда наше партнерство с Нормой Джин сложилось, ни у меня, ни у нее не было претензий друг к другу».

Вначале жена-подросток была абсолютно беспомощной хозяйкой. Она совершенно не умела готовить. Кто-то ей однажды посоветовал бросить в кофе щепотку соли, а она положила чайную ложку. Приготовление напитка закончилось треском сгорающей электропроводки — она залила кофе не только ковер, но и электропроводку, после чего заперлась в своей спальне. Рыбу она подавала сыроватой.

Но постепенно Норма Джин всему научилась. Дахерти говорил, что она превосходно стала готовить оленину и крольчатину. В одном блюде соединяла морковь и горох, «потому что ей нравилось цветовое сочетание». В общем, по словам Дахерти, у нее были все задатки хорошей жены. Осенью 1943-го, год спустя после их женитьбы, он стал служить в торговом флоте.

Вначале война была милостива к мистеру и миссис Дахерти. Местом его службы стал остров Каталины. От округа Лос-Анджелеса его отделяло только водное пространство. Норма Джин последовала за мужем. Год, проведенный ими вместе, показался Дахерти идиллией. Они ловили рыбу, купались, занимались спортом. У бывшего олимпийского чемпиона она брала уроки по подъему тяжестей. Норма Джин несколько больше дозволенного красовалась перед парнями в униформе, заполонившими остров, но Дахерти не был ревнивцем. Супруги часто посещали вечеринки. Однажды Норма Джин весь вечер танцевала со всеми моряками отделения подряд, кроме Дахерти. Когда он сказал: «Пойдем домой», — Норме Джин хотелось еще немного потанцевать. Это стало поводом для их первой размолвки. Но и тогда Дахерти еще чувствовал себя как супруг уверенно.

Уверен в жене он был и потом, когда в 1944 году приказали отправляться за океан. Прибыв в Новую Гвинею, он получил ожидавшую его пачку писем. Норма Джин, жившая теперь с его матерью, писала почти каждый день. Еще много месяцев продолжался этот поток посланий. Пока Дахерти бороздил воды Тихого океана, его юная жена работала на Рейдио Плейн — этот завод выпускал самолеты, используемые для ведения стрельбы по мишеням.

Норма Джин проверяла парашюты и красила фюзеляжи. Позже она скажет: «На завод я носила комбинезон. Меня удивило, что это было обязательным. Надеть на девушку комбинезон было все равно что заставить ее работать в гимнастическом трико, особенно если девушка знает, как правильно носить его. Мужчины перешептывались у меня за спиной, как когда-то перешептывались ребята из старших классов. Вероятно, я вела себя неправильно, раз мужчины на заводе пытались назначать мне свидания и покупать вино. Я не чувствовала себя замужней женщиной».

В письмах Норма Джин писала Джиму, что очень скучает по нему. В одном из посланий она процитировала песню Сэмми Кана и Джула Стайна, с которыми ее позднее познакомит кинобизнес. Это была песня-обещание, которое давали девушки и женщины солдатам союзных войск по всему миру. «Я буду гулять одна», — заверяла она своего мужа-моряка.

Когда Дахерти после нескольких месяцев, проведенных в море, вернулся домой в первый отпуск, Норма Джин ждала его на железнодорожном вокзале. Он вспоминает: «Мы на моем автомобиле направились в самую роскошную гостиницу на бульваре Вентура, «Да Фонда», и почти не покидали номера. Норма Джин по этому случаю захватила с собой черную сетчатую ночную рубашку. Ели мы, преимущественно, не выходя из комнаты». В тот раз он заметил, что его юная жена чрезмерно много пьет спиртного.

Незадолго до его ухода в море, говорит Дахерти, «на нее напала какая-то хандра. Она не хотела ни думать, ни говорить о моем отплытии». Но у Джима Дахерти кончился отпуск, и через несколько дней он снова ушел в плавание в Тихий океан.

Норма Джин тем временем вернулась на свой завод. В конце

1944 года, когда война близилась к завершению, жизнь ее вдруг переменилась. Вернее было бы сказать, Норма Джин ухватилась за предоставившийся ей шанс изменить ее. Случилось это тогда, когда на Рейдио Плейн появился рядовой Дэвид Коновер, чтобы пофотографировать женщин, выполнявших военный заказ.

Коновер был армейским фотографом и служил в киноотделении вооруженных сил. Его командиром был капитан Рональд Рейган, актер, которому было суждено стать президентом Соединенных Штатов. Цель визита Коновера на завод состояла в том, чтобы для журнала «Янки» «для поднятия боевого духа солдат сделать фотографии хорошеньких девочек». Позже он сказал, что Норма Джин отличалась от других: в «ее глазах было нечто такое, что тронуло и заинтриговало меня». Коновер сначала снял ее на линии сборки, а потом, попросив переодеться в облегающий красный свитер, — на обеденном перерыве. Норме Джин он сказал, что ее место на обложке журнала, а не на военном заводе.

Находка Коновера в ту пору получала 20 долларов в неделю, работая по десять часов в день на Рейдио Плейн. В качестве подработки он предложил ей позировать ему за 5 долларов в час. Так на Норму Джин свалились неожиданные деньги на карманные расходы, настоящая золотая жила. В течение трех недель со дня встречи с Коновером состоялось несколько фотосеансов, после чего она присоединилась к нему для участия в сафари по южной Калифорнии, где он должен был фотографировать. Некоторые из сделанных фотографий попали на стол фотоагентства «Голубая книга». Норму Джин пригласили для собеседования. Так началась ее карьера девушки с обложки.

Став моделью, она быстро добилась успеха. Вскоре фотографии Нормы Джин стали появляться в таких журналах для женщин, как: «Суонк», «Сэр», «Пик». Иногда она снималась в купальном костюме, иногда в шортах и бюстгальтере, но в общем все фотографии были вполне респектабельными.

В свои девятнадцать лет эта модель обладала прекрасной фигурой — бюстом в тридцать пять дюймов, который она нещадно эксплуатировала2 — и белоснежной кожей, которую предпочитала сохранять в таком же виде. У нее были светлые по-калифорнийски волосы до плеч. Но по-настоящему светлыми они становились только летом, когда солнце обесцвечивало их. У Нормы Джин, работавшей моделью, никаких проблем не

возникало.

Когда Джим Дахерти приехал в очередной отпуск, вернувшись после кругосветного плавания, его жена уже не ждала его на железнодорожном вокзале. Она прибыла час спустя, ссылаясь на задержку в фотостудии. Она заметно поостыла к Дахерти, уже не жила с его матерью и не работала на заводе.

Теперь Норма Джин больше всего любила говорить о своем успехе в качестве девушки с журнальной обложки. Дахерти ничего другого не оставалось, как сделать вид, что он доволен. Их сбережения она потратила на новую одежду и изрядную часть дорогого для мужа отпускного времени была на работе. В меру возможности Дахерти решил держаться поближе к дому, совершая короткие рейсы вдоль западного морского побережья Америки.

В канун рождества 1945 года Норма Джин не смогла остаться дома — была назначена очередная съемка. Когда она вернулась, дома ее ждал сюрприз. Как явствует из слов Дахерти: «Я только сказал ей, чтобы она на чем-то остановила свой выбор: сниматься для журналов, может быть, в кино или жить со мной одной семьей».

Норма Джин не дала ему прямого ответа, и Дахерти снова ушел в море. Судьба забросила его в Китай. Там он купил для Нормы Джин браслеты и лак для ногтей. Когда плыл вверх по течению реки Янцзы, получил от нее очередное послание. Оно содержало бумаги для оформления развода. От него требовалось поставить свою подпись. Дахерти решил ничего не подписывать, пока не увидится с женой.

Ранним утром, вернувшись в Калифорнию, он взял такси и прямо от причала помчался к дому, где жила Норма Джин. Она подошла к двери, накинув на плечи шарф. Вид у нее был утомленный. Она извинилась и спросила, не могут ли они встретиться завтра. На следующий день и во время других встреч она рассказывала ему о своей новой мечте. Она задумала стать киноактрисой.

Дахерти во время шекспировского фестиваля в старших классах однажды занял первое место, присужденное ему за декламацию монолога «мести»

Шейлока из «Венецианского купца». Тогда он ей сказал: «Я всегда считал себя плохим актером. С чего это тебе стукнуло в голову, что ты вдруг сможешь играть?» Норма Джин спокойно отнеслась к его насмешке, но твердо повторила, что между ними все кончено.

«Эта тайна — игра — была во мне, — много лет спустя призналась она. — Это напоминало тюремное заключение, когда сидишь и смотришь на дверь, на которой написано: "Выход"».

Норма Джин в школьные годы участвовала в театральных постановках, играла она в основном мужские роли и иного опыта актерской работы не имела. Трясясь в стареньком автомобиле Дахерти, она поделилась с ним, что начала исследование Голливуда.

«Сидишь одна, — позже вспоминала она. — Снаружи стоит ночь. Вдоль бульвара Заходящего солнца сплошным потоком несутся автомобили, похожие на бесконечную цепь жуков. Их резиновые шины издают ровный оглушительный гул. Ты голодна и говоришь: «Для моей талии хорошо не есть. Что может быть лучше плоского, как стиральная доска, живота?»

Глядя в голливудскую ночь, я любила думать: «Тысячи девчонок сидят в одиночестве, подобно мне, и мечтают стать кинозвездами. Но мне не стоит из-за них беспокоиться. Я мечтаю сильнее других».

Примечания

1. В зависимости от обстоятельств она использовала два варианта написания второго имени: Jeane или Jean.

2. В киностудии Мэрилин любили говорить, что он был больше, — в 1954 году стандартом для бюста считались 37 дюймов. Она сама одному репортеру заявила, что хотела бы, чтобы ее эпитафия выглядела следующим образом: «Здесь покоится Мэрилин Монро — 38-23-36». Модельер Билли Травилла, бывший одно время ее любовником, который должен был знать это наверняка, утверждал, что в лучшие времена ее мерки были — 35-22-35. Я воспользовался его цифрами.

Глава 3

«Так кончилась моя история Нормы Джин... Я переехала в

Голливуд, где сняла комнату и начала самостоятельную жизнь. Мне хотелось выяснить, кто я есть. Когда я написала: «Так кончилась моя история Нормы Джин», — краска залила мне лицо, словно меня уличили во лжи. Дело в том, что эта грустная, ожесточенная девочка, так быстро повзрослевшая, продолжает жить в моем сердце. Сейчас, когда меня окружает такой успех, я иногда чувствую, что смотрю на мир ее испуганными глазами. Она еще говорит во мне: «Я никогда не жила, меня никогда не любили», — тогда я ощущаю смятение и начинаю думать, что эти слова произношу я».

Такой была Мэрилин в 1954 году, когда ее имя было у всех на устах. И нельзя усомниться в том, что смятение звезды было искренним. Позднее, когда миссис Дахерти стала актрисой, ее психиатры и теоретики этой науки неустанно повторяли, что Норма Джин не перестала существовать в ней.

Конечно, свидетельство о смерти в 1962 году фиксировало только уход из жизни голливудской дивы Мэрилин Монро. Но умерла в первую очередь Норма Джин, потому что Норма Джин всю свою жизнь стремилась, преподнося себя миру и самой себе — что волновало ее больше всего на свете, — все пропускать сперва через призму фантазии. Свою паутину вымысла начала она ткать еще до расставания с Джимом Дахерти. Рядом с безобидными выдумками мирно уживалась откровенная ложь. Только разобравшись с этой стороной жизни Нормы Джин, сможем мы перейти к актрисе по имени Мэрилин Монро.

Бывшая миссис Дахерти скажет Бену Хекту: «Я была бесконечно верна своему находившемуся в море мужу». Даже спустя три десятилетия Джим Дахерти продолжал рассуждать, что «мне это и в голову никогда не приходило, я и сейчас не верю, что моя жена могла меня обманывать. За все годы, что я знал ее, я ни разу не видел, чтобы Норма Джин лгала. Если бы у нее были свидания с кем-то еще, она бы непременно сказала мне».

Супруг или супруга стараются отогнать и мысль о супружеской неверности своей половины. Одинокому моряку военного времени не хотелось впускать в свое сердце боль. У Дахерти, экс-мужа женщины по имени Мэрилин Монро, не последнюю роль играла гордость. Но остались свидетельства об обратном: Норма Джин была неверна.

В конце 1960 года, менее чем за два года до смерти, Мэрилин Монро сама призналась одному журналисту: «Когда я была замужем, я не спала с кем попало, пока мой муж не ушел служить во флот. Тогда я вдруг почувствовала себя чертовски одинокой и иногда не отказывала себе и заводила дружка, потому что мне не хотелось быть одной».

По ее собственным словам, юная жена из четырех лет их совместной жизни с Дахерти обманывала мужа примерно половину этого срока. Можно не сомневаться в том, что она задумала избежать мрачного Рождества 1945 года, когда оставила Дахерти одного дома, а сама отправилась позировать.

В декабре Норма Джин сказала Джиму, что ей придется уехать примерно на месяц, поскольку ее ждет работа с фотографом по имени Андре де Дьенес. Он собирался отвезти ее в штат Вашингтон, за сотни миль к северу. За эту работу ей предложили две сотни долларов: именно такая сумма требовалась Дахерти для ремонта его старенького «Форда». Она сказала, что не рвется из дома, но понимала, что должна уехать. И не только из-за денег. Де Дьенес был выдающимся фотографом, который мог бы немало сделать для ее будущей карьеры. Итак, она уехала.

Находясь вдалеке, Норма Джин позвонила мужу в то время, когда он сидел за столом, накрытым для рождественского обеда. Всхлипывая, она сказала ему, что ей очень хотелось бы быть дома, но она вынуждена оставаться с Дьенесом. «У него из-за меня украли почти все фотооборудование, — пояснила жена. — Я ушла, бросив машину незапертой...» Вернувшись домой, Норма Джин, по словам Дахерти, почти не говорила о поездке, упомянув только, что ей больше не хочется позировать для де Дьенеса.

Андре де Дьенес был сыном венгерского банкира, иммигрировавшим в Америку. Позже он рассказал свой вариант истории, приключившейся в то Рождество. Тогда ему было тридцать два года, и он только что приехал в Калифорнию, где искал модель, которая могла бы ему позировать на фоне западного пейзажа, желательно в обнаженном виде. Однажды ему в отель «Сад Аллаха» на бульваре Сан-сет позвонили из агентства «Голубая книга» и порекомендовали новую девушку.

«Тогда-то и появилась эта маленькая блондинка в розовом свитере и слаксах в шашечку», — вспоминал де Дьенес. — Я в ту

же секунду влюбился в это юное создание. У меня даже возникла подсознательная мысль жениться на ней. Что в этом было плохого? Я сам был молод и хорош собой».

В тот день де Дьенес, которому действительно было суждено стать удачливым фотографом, снимавшим звезд, сказал Норме Джин, что хочет, чтобы она позировала ему в обнаженном виде. Джин смутилась, не решаясь на это. Насколько он помнил, «она сказала, что была замужем, но ее муж находится в море, и она его не любит».

В ту пору Дахерти был в плавании. Де Дьенес начал ухаживать за Нормой Джин. Он присылал ей цветы, обедал в ее доме. Вот так развивались события, предшествовавшие их совместному решению с Нормой Джин устроить для себя рождественскую поездку.

Норма Джин не легла в постель с де Дьенесом сразу. Он сказал, что на протяжении нескольких дней пытался соблазнить ее. Так продолжалось до тех пор, пока в одну счастливую ночь им не удалось найти отель с двумя свободными комнатами. Норма Джин согласилась разделить с ним комнату и постель. «Она была прелестна и очень мила, — вспоминал венгр. — Но больше всего мне понравилось то, что она позволила мне творить с ней». В постели, по словам Дьенеса, девятнадцатилетняя Норма Джин открыла для себя такой секс, которого не знала с Джимом Дахерти.

Работая с Нормой Джин зимой на натуре, де Дьенес был в восторге. «Она была мила. Красива. Ее улыбка. Ее смех. Она была очень нежной — душой и телом. Как только заканчивалась ее работа, она запрыгивала в автомобиль и заваливалась спать. Этой девушке не было дела до шоу-бизнеса. Она просто оставалась чувствительной, милой маленькой девочкой».

Норма Джин на самом деле, выйдя из машины, оставила ее незапертой, и вся фотоаппаратура де Дьенеса была украдена. Но он простил ее, он не стал настаивать, когда она отказалась позировать в обнаженном виде. Де Дьенес пребывал в состоянии влюбленности. Вскоре после возвращения в Лос-Анджелес он попросил ее выйти за него замуж. Если верить фотографу, она дала согласие. Потом он уехал по делам в Нью-Йорк, где обклеил все стены своей квартиры ее фотографиями.

Говорит ли де Дьенес правду? В этой книге будут приведены свидетельства других, менее заметных личностей, чем де Дьенес, которые утверждали, что тоже спали с Мэрилин Монро. Но кто они — любовники или просто хвастуны и прохиндеи? Автор считает нужным пояснить, что доверяет только тем, кто сумел убедить его в личной беседе, либо тем, чьи свидетельства были подкреплены словами других.

Следует заметить, что у Андре де Дьенеса имелись весомые доказательства его правдивости. Жан-Луи, модный модельер, обслуживавший Мэрилин Монро, был в сороковые годы знаком с де Дьенесом. Он подтвердил, что «тот действительно имел тогда связь, любовный роман, с Мэрилин Монро». Был ли Дьенес в последние дни брака с Джимом Дахерти ее единственным увлечением, или имелись и другие мужчины?

Оставаясь ее страстным обожателем и полагая, что все еще обручен с Нормой Джин, де Дьенес выслал ей деньги, чтобы оплатить судебные издержки за развод с Дахерти. «Но когда дело дошло до женитьбы, — с грустью в голосе вспоминал он, — она по телефону отказала мне. Я тогда должен был встретить ее в Вегасе. Охваченный ревностью, я поехал в Лос-Анджелес. Я застал ее врасплох. Она была у себя дома с любовником... Тогда я понял, что все кончено».

Но де Дьенес не таил на нее зла. До своей кончины в 1985 году он бережно хранил экземпляр книги Мэри Бейкер Эдди «Наука и здоровье», которую дала Норме Джин ее последняя приемная мать, последовательница «христианской науки». На форзаце есть сделанная детским почерком надпись:

«Милый Андре,
В 10-й и 11-й строчках на 494 странице заключена моя молитва за тебя.

С любовью, Норма Джин».

В 10-й и 11-й строках сказано:

«Божественная любовь всегда приносила и будет приносить утешение в ответ на каждое человеческое желание ... если обращена ко всему человечеству и ежечасно, божественная любовь несет все только хорошее».

Как видно из истории Нормы Джин, пробивавшей себе путь в Голливуд, она вовсе не старалась отдавать себя всему человечеству. Из ее печального повествования следует: «Теперь я стала кем-то вроде «ребенка-вдовы». Я смотрела на улицы глазами, исполненными одиночества. У меня не было родственников, которых я могла бы навестить, или однокашников, с кем можно было бы пойти на вечеринку... Но всегда находились мужчины, готовые скрасить одиночество девушки. Они говорили: «Привет, детка», — когда ты проходила мимо. А если ты не поворачивалась, чтобы взглянуть на них, они подкалывали: «Какие мы гордые, а?» Я никогда не отвечала им».

В беседах с Беном Хектом Мэрилин подчеркивала, что в 1946 году вела целомудренную жизнь. Но в тот год она оставалась почти без гроша, поэтому вполне вероятно, что у нее была любовь, но отнюдь не божественная. Позже, находясь под опекой преподавателя драмы Ли Страсберга, Мэрилин в частной беседе как-то обмолвилась, что в ранние годы жизни в Голливуде она подрабатывала девушкой по вызову. Страсберг, увлекавшийся в ту пору тем, что добивался от своих предполагаемых учеников правдивых рассказов о своей жизни, заметил, что это признание сорвалось у нее с губ во время их первого серьезного собеседования.

Много лет спустя Страсберг заметил в разговоре со своим биографом: «Она сказала мне, что была девушкой, которую приглашали в тех случаях, когда кто-то нуждался в найме красавицы». Еще он добавил, что позже она поняла, что «ее прошлое девушки по вызову работало против нее». У биографа Страсберга, Синди Адаме, не было сомнений относительно смысла его слов. «Он говорил об этом трижды. Все это записано на пленку, — вспоминает она. — Он точно имел в виду то, что она работала девушкой по вызову. Об этом ему было доподлинно известно из уст самой его ученицы».

Лена Пепитоне, нью-йоркская горничная Мэрилин, работавшая у нее с 1957 года до самой смерти хозяйки, говорит, что актриса частенько откровенничала с ней. Она вспоминает, как Мэрилин рассказывала ей о том, как она в свою бытность Нормой Джин незадолго до финальной развязки с Дахерти фактически продала себя одному мужчине. Человек средних лет предложил подвыпившей Норме Джин за пятнадцать долларов пойти с ним в его гостиничный номер. Сначала он попросил ее раздеться, желая увидеть ее голой, потом стал требовать большего. Норма Джин

хотела убежать, но, по словам служанки, передумала. Она будто бы сказала ей: «Тогда я пораскинула умом. В конце концов, меня это не слишком волнует. Тогда какая разница?» Но она настояла, чтобы мужчина воспользовался презервативом. По словам Пепитоне, потом были новые визиты в тот же бар, другие мужчины и больше карманных денег для нужд поплывшей по течению Нормы Джин.

* * *

О подлинной сексуальности мирового секс-символа можно судить по многочисленным воспоминаниям, иногда комичным, но чаще грустным.

Много раз снимал Мэрилин Монро видный фотограф «Лайфа» Филипп Холсмен. Первый сеанс состоялся в 1949 году, когда ей было двадцать три года. Мэрилин стала одной из восьми девушек, отобранных для воплощения четырех ситуаций: встреча с жутким чудовищем, проба деликатесного напитка, бурная радость по поводу удачной шутки и объятия с неотразимым любовником. Мэрилин, как явствует из его воспоминаний, хорошо справилась только с одним из заданий: когда находилась в объятиях мужчины.

Годы спустя Холсмен скажет: «Когда она встречала мужчину, которого не знала, то чувствовала себя уверенной и защищенной только тогда, когда понимала, что желанна для него; поэтому все в ее жизни было направлено на то, чтобы спровоцировать это чувство. Талантом в этой области она обладала недюжинным. Я помню, как сам пережил нечто подобное, находясь в ее крошечной квартирке со своим ассистентом и исследователем из «Лайфа». Каждый из нас чувствовал, что, если двое других уберутся, произойдет что-то невероятное».

Холсмен является единственным известным мне человеком, задавшим Мэрилин вопрос, в котором содержалось частичное объяснение неугасающего страха Нормы Джин. «Скажи мне, — поинтересовался он, — сколько тебе было лет, когда ты впервые занялась сексом?

— Семь, — ответила Мэрилин.

— Мой Бог! — воскликнул Холсмен, опуская камеру. — А сколько лет было мужчине?

Ответ прозвучал хорошо известным шепотом с задержкой дыхания: «Он был еще моложе».

Это была единственная шутка Мэрилин о детском сексе. Обычно на эту тему у нее был другой взгляд — более мрачный. Она утверждала, что в детстве подверглась изнасилованию. Эту версию звезда маниакально поддерживала на протяжении всей жизни. Имело ли место это событие на самом деле?

Впервые об изнасиловании Норма Джин, похоже, упомянула в 1947 году в беседе с журналистом Ллойдом Шиарером, который брал у нее интервью по просьбе отдела печати киностудии «XX век—Фокс», что нашло отражение в его записях. Он выслушал эту жуткую историю, на что отреагировал следующим образом: «За обедом она призналась нам, что на нее посягнул один из ее опекунов, изнасиловал полицейский и напал моряк. Тогда мне показа-- лось, что она живет в мире фантазий, с головой погрузившись в процесс его создания и ничем не интересуясь, кроме собственной сексуальности». Шиарер настолько скептически отнесся к ее исповеди, что решил ничего не писать о Мэрилин.

Изнасилование в детские годы, по ее признанию, сделанному в 1954 году, произошло следующим образом: «Мне было почти девять. Я жила в семье, которая сдавала комнату мужчине по имени Ким-мель. Это был человек сурового вида. Все с уважением относились к нему и называли не иначе как мистер Киммель. Я как-то проходила мимо его комнаты, когда дверь открылась и он тихо сказал: «Норма, зайди, пожалуйста...». Он улыбнулся мне и повернул ключ в замке. «Теперь ты не можешь уйти отсюда», — сказал он, как если бы мы с ним играли в игру. Я стояла и во все глаза смотрела на него. Мне было страшно, но я не осмелилась подать голос... Когда он обхватил меня руками, я изо всех сил начала брыкаться и драться, но я не произнесла ни звука. Он был сильнее, чем я, и не отпускал меня. Все это время он шептал мне на ухо, чтобы я была хорошей девочкой. Когда он открыл дверь и выпустил меня, я бросилась к своей «тете», чтобы рассказать, что мистер Киммель со мной сделал. "Я хочу тебе кое-что рассказать, — запинающимся голосом пробормотала я, — о мистере Киммеле. Он... он..."»

По словам Нормы Джин, ее приемная мать того времени сказала: «Не смей говорить ничего дурного о мистере Киммеле.

Мистер Киммель — замечательный человек. Он мой звездный жилец!» Потом Киммель, по утверждению Нормы Джин, сказал, чтобы она пошла и купила себе мороженое.

Эту историю актриса Мэрилин Монро без устали повторяла на протяжении многих лет — репортерам, любовникам, всем, кто был готов выслушать ее. Пегги Фьюри, которая сегодня содержит актерскую студию Лофта в Лос-Анджелесе, вспоминает о своей встрече с Мэрилин Монро на одном приеме в Нью-Йорке. Это произошло незадолго до ее кончины в 1962 году. Она опять завела старую песню о том посягательстве.

Была ли история подлинной или порождением ее услужливой фантазии с целью вызвать участие? Незадолго до смерти, в интервью с Джейком Розенстейном Мэрилин сказала: «Это случилось на самом деле. Но я не выбежала из комнаты с криками и слезами... Я понимала, что это было дурно, но, по правде говоря, больше всего в тот момент меня разбирало любопытство... До сих пор о сексе мне никто ничего не говорил и, честное слово, я никогда не думала, что это было так важно или плохо».

Доктор Ральф Гринсон, голливудский психиатр, который в последние годы лечил Мэрилин Монро и подружился с ней, признавал тот факт, что у нее было «ужасное, ужасное прошлое». Однако и он ссылался на ее «неуемную фантазию». Иллюзии и галлюцинации являются признаками расстройств, носящих шизофренический характер. Доктор Рут Брун, психиатр, которая специально для этой книги изучила историю семьи по немногочисленным сохранившимся сведениям о ее матери и бабушке, выявила признаки шизофрении.

Доктор Гринсон был единственным психиатром .Мэрилин, оставившим документальные свидетельства. Из переписки с коллегой, предоставленной мне исключительно для этой книги, видно, что он выражал озабоченность относительно «склонности Мэрилин к параноидальным реакциям». Поначалу он считал, что ее параноидальные наклонности скорее носят характер «мазохистский, чем шизофренический, и являются выражением отрицательных реакций девочки-сироты ... тенденция к сильным депрессивным реакциям и импульсивная защита против них, на мой взгляд, занимают центральное место». В заключении после смерти Мэрилин Гринсон охарактеризует ее как женщину с «чрезвычайно слабыми психологическими структурами ...

слабостью своего «я» и определенными психотическими проявлениями, включая и шизофренические».

История об изнасиловании в детские годы — не единственный пример, указывающий на неуемную фантазию или склонность к непроизвольным преувеличениям. Первый муж ее, Джим Дахерти, вспоминал об одной ночи, когда после незначительной размолвки вечером Норма Джин разбудила его. Она сказала ему, что ходила гулять в одной ночной сорочке. Дахерти продолжает: «Я почувствовал, как она меня обнимает, по ее лицу текут слезы и она, всхлипывая, причитает: «За мной гонится какой-то человек! За мной кто-то гонится!» Несколько секунд я сжимал ее в своих руках, потом сказал: «Милая, тебе приснился дурной сон». "Нет! — не унималась она. — Я не сплю. Я собралась погулять. Я прошла по улице, но какой-то человек преследовал меня и загнал домой"».

Реальной или вымышленной была жуткая детская история Нормы Джин, но она никогда с ней не расставалась. Но вернемся в мир плотских радостей, которые были в сексуальной жизни Нормы Джин.

Она рассказывала и о другом, более счастливом эпизоде, который относится к тому времени, когда ей исполнилось восемь лет; то есть, когда над ней надругался мистер Киммель: «Я влюбилась в мальчика по имени Джордж. ...Мы вместе любили прятаться в траве, где оставались до тех пор, пока ему не делалось страшно и он вскакивал и убегал. То, чем мы занимались в траве, никогда не пугало меня. Я понимала, что это было плохо, иначе я не стала бы прятаться, но что именно было дурно я точно не знала. По ночам я лежала без сна и пыталась себе представить, что такое секс и что такое любовь. Мне хотелось задать тысячу вопросов, но спросить было не у кого».

Норма Джин утверждала, что до шестнадцати лет и замужества с Джимом Дахерти гнала от себя мальчишек. Для прессы в 1954 году она говорила: «Мне и в голову не приходило думать о сексе». Не прошло и двух лет после этих слов, как в долгой домашней беседе со своей нью-йоркской хозяйкой и близкой подругой Эми Грин Норма Джин уверяла ее, что впервые переспала с мальчиком, когда училась в старших классах. С одиннадцати лет Норма Джин начала посещать среднюю школу в Эмерсон Джуниор, с пятнадцати лет она ходила в школу в Ван-Нюйсе. Но не прошло и года, как пришлось бросить ее и выйти

замуж за Джима Дахерти. Если верить ее словам, то Норма Джин принадлежала к тем трем процентам американских женщин сороковых годов, которые, по утверждению Кинсли, повергнувшему добропорядочную нацию в шок, потеряли девственность, не достигнув шестнадцатилетия, и была в числе пятидесяти процентов женщин, сделавших это до замужества.

Все это могло бы сильно удивить Джима Дахерти, говорившего: «Нашу совместную жизнь она начала, ничего, ровным счетом ничего не зная о сексе. Перед свадьбой мама меня предупредила, и я знал, что в нашу первую ночь мне следовало быть очень осторожным... Этот тонкий барьер до сих пор никто не нарушал... пока».

Норма Джин позже скажет: «Первое впечатление, полученное мной от нашей супружеской жизни, только усилило мое равнодушие к сексу. Моему мужу либо было все равно, либо он не подозревал об этом. Тогда мы были слишком молоды, чтобы открыто обсуждать столь щекотливую тему».

Какова версия Джима Дахерти? «Норма Джин любила заниматься сексом. Для нее это было таким же естественным, как завтракать по утрам. С этим у нас никаких затруднений никогда не возникало. ...Стоило нам раздеться, как нас обоих тотчас начинало лихорадить, мы падали в объятия друг друга, едва успев выключить свет... Иногда она любила подразнить меня немного, встречая, когда я возвращался из Локхида домой, обмотав вокруг тела две маленьких красных косынки...»

Еще Дахерти говорил репортеру: «В ней что-то было. Иногда, вернувшись с работы, я не успевал даже поставить сумку с обедом, которую брал с собой, как она тащила меня наверх». Можно было бы отмахнуться от версии Дахерти, решив, что это вполне понятное бахвальство первого мужа Мэрилин Монро, но у него есть свидетель. Вместе с Дахерти на заводе работал неизвестный тогда Роберт Митчум, который несколько лет спустя будет играть в паре с новой звездой по имени Мэрилин Монро. По его словам, Дахерти всегда пребывал в веселом расположении духа, однажды он даже принес фотографию своей «старушенции», на которой юная Норма Джин стояла возле садовой калитки совершенно нагая. Как сказал Дахерти Митчуму, она позировала ему так, как если бы ждала его возвращения домой.

Мужчины, которые вошли в жизнь Мэрилин вслед за Дахерти

и которые согласились поделиться своими воспоминаниями, говорили совершенно иное об отношении ее к сексу. Как явствует из их слов и признаний самой Мэрилин психиатру д-ру Гринсону, она была женщиной, не находившей удовлетворения в сексе. Возможно, перемена эта была вызвана печальным личным опытом, приобретенным в браке с Дахерти. Именно в ту пору и возникла у Мэрилин печальная озабоченность, связанная с деторождением.

Год за годом американцы не без любопытства следили за попытками Мэрилин Монро обзавестись потомством. Одно замужество у нее сменялось другим, и газетные полосы пестрели заголовками о выкидышах, о гинекологических операциях, сделанных звезде. Время от времени Мэрилин говорила о своем страстном желании иметь детей, призывала к благотворительной помощи сиротским домам и сбору средств. На ее похоронах деньги, собранные на покупку цветов, были отданы детским больницам. Наследство, оставленное Мэрилин одному из ее психиатров, было переадресовано детской клинике в Лондоне. Но даже в этом ясном деле с самого начала примешивалась характерная для Мэрилин путаница.

Оглядываясь назад в возрасте двадцати восьми лет, Норма Джин сказала о своем муже: «Он никогда не обижал и не огорчал меня. У нас был только один пункт разногласий. Он хотел ребенка. Но при мысли о ребенке у меня волосы вставали дыбом. Я могла его представить только в виде себя самой, еще одной Нормы Джин в сиротском доме. Со мной непременно должно что-то приключиться. Я не могла объяснить этого Джиму. Когда он засыпал, я оставалась лежать без сна и плакала. Я даже не скажу точно, кто плакал во мне, то ли миссис Дахерти, то ли неродившееся дитя. Но скорее всего ни один из них. Это мучилась Норма Джин, все еще живая, все еще одинокая и все еще жаждущая смерти».

Версия Джима Дахерти и на этот раз отличается от версии его бывшей жены. Он утверждает, что Норма Джин говорила о своем желании иметь ребенка почти сразу после свадьбы, но он разубедил ее. Бывший супруг даже рассказал забавную историю о том, как Норма Джин экспериментировала с новеньким противозачаточным колпачком, купленным ею по его настоянию. Вставить она его вставила, но вытащить не смогла, и ей пришлось звать мужа на помощь.

Норма Джин, ухаживай за племянниками Дахерти, быстро убедила всех, что находит общий язык с детьми. Причем заниматься с малышами ей доставляло истинное удовольствие. Когда Дахерти стал моряком торгового флота, по его словам, жена места себе не находила, «все время умоляла меня сделать ее беременной, чтобы у нее осталась от меня какая-то частица, если что случится». По прошествии многих лет, став Мэрилин, Норма Джин признается своей подруге, актрисе Жанне Кармен, что она мечтала иметь детей от своего первого мужа.

Однако за время их четырехлетнего супружества обстоятельства изменились. В последние месяцы их совместной жизни уже Дахерти умолял Норму Джин завести детей. На этот раз она отказалась, заявив, что боится испортить фигуру. В голове Нормы Джин произошла какая-то пугающая перемена. Вот два свидетельства — оба имеют отношение к Норме Джин, — которые, возможно, объяснят происшедшее.

Как известно, Мэрилин Монро умерла бездетной. В вышедшей в 1979 году книге, написанной ее бывшей горничной Леной Пепитоне, есть утверждение, что Норма Джин, не достигшая двадцатилетнего возраста, все же родила ребенка. Однако поклонники Мэрилин Монро и исследователи ее жизни посчитали, что Пепитоне просто захотела произвести сенсацию. Работая над своей книгой, я, тем не менее, встретил еще двух свидетелей, которые также говорили, что Мэрилин в разговоре с ними обмолвилась о рождении ребенка.

По воспоминаниям Пепитоне, Мэрилин рассказала ей историю о том, как один человек ее домогался, она уступила ему и забеременела. На протяжении нескольких месяцев Мэрилин скрывала это от своих опекунов. Когда она все же сказала о своей беременности, опекунша позаботилась о том, чтобы врачи взяли девочку под наблюдение, и ребенок, родился в больнице. Пепитоне цитирует Мэрилин: «У меня есть ребенок... мой ребенок. Я так боялась, но все прошло отлично. Это был маленький мальчик. Я сжимала его в своих объятиях и целовала. Мне все время хотелось прикасаться к нему. Я никак не могла поверить, что этот ребенок был мой... Я умоляла их: «Не забирайте моего малыша...» Но они его забрали у меня... с тех пор я его больше не видела».

В интервью, данном в 1984 году, Пепитоне сказала, что Мэрилин как-то обронила фразу, что так и не знает, что стало с тем младенцем; в другой раз она обмолвилась, что все о нем знает и регулярно посылает деньги супружеской паре в Калифорнии, которая усыновила мальчика. У Пепитоне создалось впечатление, что ребенок появился на свет, когда Норме Джин было четырнадцать или пятнадцать лет.

Эми Грин, с которой Мэрилин жила в 1955 году, тоже вспоминает, как слышала от Мэрилин признание, что та в подростковом возрасте произвела на свет ребенка и позволила чужим людям усыновить его, о чем теперь сожалеет, чувствуя себя виноватой. Бывшая актриса Жанна Кармен, которая познакомилась с Мэрилин в то же время, что и Эми Грин, вспоминает весьма похожую историю, но с некоторыми отличиями. Мэрилин Сказала ей, что родила ребенка после брака с Дахерти, но до ее восхождения на голливудский Олимп, когда Мэрилин было около двадцати одного года. Кармен добавляет: «Мэрилин страшно беспокоилась из-за этого. Она могла ни с того

ни с сего ляпнуть: «Бога нет», — а потом: «Буду ли я наказана за то, что отдала ребенка?». Отчаяние порой достигало предела».

«Мэрилин, — говорит Эми Грин, — была большой мастерицей на выдумки, особенно, когда хотела шокировать, вызвать интерес». Скорее всего это были фантазии женщины, которая к тому времени, когда подруги услышали эту историю, уже начала бояться, что никогда не сможет стать матерью.

Генри Розенфельд, богатый фабрикант, король одежды в Нью-Йорке, знал Мэрилин с первых дней ее профессиональной карьеры и до самой кончины. Он вспоминал: «Она так хотела иметь ребенка, что каждые два или три месяца убеждала себя в том, что забеременела. При этом она набирала в весе что-то около четырнадцати или пятнадцати фунтов. Но ее беременности все время оказывались ложными».

Мэрилин как-то поделилась с писателем Беном Хектом своей мечтой иметь дочь. «Но она не будет второй Нормой Джин, — горячо уверяла она. — И я знаю, как буду воспитывать ее, — без лжи. Не буду лгать ни о том, что существует Санта-Клаус, ни о том, что мир полон хороших и благородных людей, всегда готовых помогать друг другу и спешащих делать добро».

О мире Нормы Джин Мэрилин рассказывала Хекту и другие вещи. Так она призналась, что до девятнадцатилетнего возраста пыталась покончить с собой и делала это дважды. Один раз она включила газ, второй — наглоталась снотворных таблеток. Однако в своей книге об актрисе Хект не упомянул об этих признаниях.

* * *

1 июня 1946 года, когда Норме Джин исполнилось двадцать, у нее, кроме мечты, ничего не было. Свой день рождения она провела в комнате, которую снимала в Лас-Вегасе, что было нужно для ускорения развода с Джимом Дахерти. Стояла жара, и она мучилась от заурядной ангины Венсана.

Два месяца спустя в Лос-Анджелесе Дахерти нанес один из последних визитов Норме Джин, принеся ей свою часть документов для развода. Во время их последней встречи она не выказала ни малейшего желания иметь детей. Напротив, она говорила исключительно о своем горячем стремлении стать

актрисой. Ни одна студия, по ее словам, не станет тратить деньги на обучение замужней женщины, которая в любую минуту может забеременеть.

Сейчас, когда Норма Джин открыла Дахерти дверь, она выглядела сияющей, и не только потому, что он наконец согласился развестись с ней. Она получила то, о чем мечтала больше всего на свете, — обещание заключить контракт на киностудии «XX век—Фокс», куда ее брали статисткой.

Рассказав Дахерти о контракте, Норма Джин добавила, что на студии ей дали новое имя. Нравится ли оно Джиму? «Красивое, — вежливо ответил он, — очень красивое». Потом он ушел.1

Это было имя Мэрилин Монро.

Примечания

1. Дахерти женился вторично и стал полицейским. По прошествии нескольких лет он занимался подготовкой полицейского отделения, ставшего известным под названием СВАТ (SWAT), когда сообщения о нем появились в прессе в связи с заключительным актом похищения Патриции Херст. Ныне он — комиссар округа в Сабатусе, штат Мэн.

Глава 4

За месяц до того, как Мэрилин предоставился счастливый случай, в вестибюле старой студии «XX век—Фокс» на бульваре Пико прохлаждался Роберт Слэтцер, автор, писавший статьи для одного журнала по шоу-бизнесу. Он читал книжку стихов Уолта Уитмена «Листья травы» и ждал удобной минуты, чтобы взять интервью у звезд малой величины. Слэтцер, которому в ту пору было девятнадцать, сегодня вспоминает: «Эта девушка вошла, протиснувшись в большую дверь с большим альбомом в руках. Она зацепилась каблуком или еще чем, и все фотографии высыпались на пол. Я поспешил ей на помощь, я с радостью должен заметить, что было только одно свободное место, где она могла присесть в ожидании своей очереди, — рядом со мной. Она сказала, что ее зовут Норма Джин Мортенсон. Она проявила живой интерес к моей книжке стихов, и я сказал, что, возможно, что-нибудь напишу о ней. Все закончилось тем, что мы договорились о свидании в тот же вечер».

Боб Слэтцер взял напрокат «Студебеккер» 1938 года и поехал

на Небраска-авеню за Нормой Джин. Они покатили вдоль Пасифик-Коуст-Хайвей, договорившись поужинать на берегу Тихого океана. Малибу в то время еще было великолепным местом, свободным от нагромождений. После ужина они гуляли по пляжу и катались на лодке в волнах прибоя. Слэтцер сказал, что чувствовал себя смущенным, куда более смущенным, чем Норма Джин. Он полагает, что в тот же вечер они и занялись любовью, хотя утверждать это наверняка по прошествии стольких лет не может. Когда они возвращались домой, Норма Джин попросила высадить ее на углу, а не перед парадным входом.

«Думаю, мы почувствовали мгновенное расположение друг к другу, — говорит Слэтцер, словно мужчина должен извиняться за то, что переспал с Мэрилин Монро. — На мой взгляд, от нее исходила какая-то магия, чего не было у других девушек, которых вам десятками были готовы подсунуть люди из киностудии. Не знаю, но мне кажется, что я полюбил ее тотчас, как только увидел».

Прошли годы, Мэрилин Монро стала кумиром других мужчин и притчей во языцех, но Роберт Слэтцер продолжал любить ту девушку, которая рассыпала когда-то свои фотографии в фойе киностудии

«XX век—Фокс». В течение лета 1946 года у него с ней было много свиданий, как, впрочем, и у других молодых людей.

Роберт Слэтцер и сегодня еще влюблен в красавицу с пляжа, которая живет в его воспоминаниях. Он завоевал известность, написав весьма противоречивую книгу, в которой не только заявил о своей связи с Мэрилин Монро, продолжавшейся до самой ее смерти, но также уверял, что якобы через шесть лет после их первой встречи был короткое время женат на ней, — трехдневное безумство, охватившее их на мексиканской границе. Такое утверждение, на котором мы остановимся позже, встречено было с изрядной долей скептицизма. Однако все это Слэтцер неизменно повторял в своих многочисленных и обстоятельных интервью. К тому же есть немало надежных свидетелей, подтверждающих близость его отношений с Мэрилин Монро.

В 1984 году легендарной фигурой на калифорнийском побережье был шестидесятилетний Томми Зан, лейтенант, служивший на спасательной лодке лос-анджелесского округа. Говорят, что в 1946 году он выглядел, как Тэб Хантер, прошедший

курс накачки мускулов. В то время он работал спасателем и надеялся, что в один прекрасный день сможет стать актером. Благодаря тому, что на Масл-Бич он познакомился с девочкой-подростком по имени Даррилин Занук, его мечта об актерской карьере едва не воплотилась в жизнь. Даррилин по достоинству оценила Томми, и потому представила его своему отцу, Даррилу Зануку, возглавлявшему производство фильмов на киностудии «XX век—Фокс». Занук взял Зана как актера студийного резерва. Так парень с пляжа попал на киностудию, где ему предстояло научиться играть, петь и танцевать. Случилось так, что в конце лета 1946 года Зан познакомился с многообещающей актрисой, которая на другой год вошла в скромное число его девушек. О Норме Джин он сохранил самые теплые и, вероятно, в какой-то степени уникальные воспоминания.

«Она была в самом расцвете сил, — говорит Томми Зан, — с потрясающей физической подготовкой. Я, бывало, брал ее с собой в Малибу, где мы занимались серфингом тандемом, — знаете, когда двое управляют одной доской. Потом я проверял ее и в самый разгар зимы, когда было холодно, и это ничуть ее не беспокоило; она могла спокойно лежать на холодной воде, ожидая прихода волны. На воде она держалась прекрасно, была очень крепкой и здоровой, у нее было по-настоящему прекрасное отношение к жизни. Когда я встретился с ней, мне исполнилось двадцать два года, а ей, по моим прикидкам, было двадцать. Боже, она и в самом деле нравилась мне».

Пока двое мужчин развлекались на побережье с Нормой Джин, третий лежал, покалеченный, в больнице и влюбленными глазами пожирал ее фотографии. Журналы вроде «Титтер» и «Лафф» не относились к тем, о которых рассказывали матерям, хотя ничего особенного на их страницах не было, кроме, пожалуй, длинных ног в коротких шортах и дерзко торчащих грудей, скрытых под слишком тесными свитерами. В 1946 году Говарду Хьюзу, собиравшему фотографии актрис, уже не было нужды прятать эти издания. Он находился на больничной койке, попав в авиакатастрофу. Журналы с фотографиями девочек он тоже собирал, отчасти по той причине, что любил их, и частично потому, что состоял владельцем «Райдио Пикчерс».

26 июля 1946 года в колонке сплетен «Лос-Анджелес Таймс» поместили язвительную заметку следующего содержания: «Говард Хьюз, находящийся в данный момент на излечении, просматривал журнал, и его внимание привлекла девушка, украсившая обложку.

Он тотчас распорядился, чтобы его помощник подписал с ней контракт на картину. Ее зовут Норма Джин Дахерти, фотомодель». За двенадцать месяцев Норма Джин появлялась на обложке журнала «Лафф» не менее четырех раз под разными именами — то по мужу, то в качестве Джин Норман. Хьюз обратил на нее особое внимание, но он не спешил вынести о ней свое суждение.1

Один из помощников Хьюза действительно позвонил агенту Нормы Джин, который незамедлительно воспользовался предоставившимся случаем закрепить наметившийся успех и на другой студии, «XX век—Фокс». Норма Джин вырезала заметку из «Лос-Анджелес Таймс» и с восторгом показывала ее друзьям. К этому времени она уже наладила важные для карьеры связи.

Актерским отделом киностудии заведовал тогда Бен Лайон, который в тридцатые годы сам был кинозвездой. В Британии его знали по радиопередаче «Жизнь с Лайонами». За несколько лет до этого именно он заметил творческие возможности Джин Харлоу, и теперь он согласился посмотреть Норму Джин. Позже он вспоминал, что «у нее было милое личико. По некоторым лицам, в зависимости от того, как плоть покрывает кости, образуя поверхности и углы, можно сказать, что они хорошо будут выглядеть на фотографиях... Кроме того, было что-то необычное в ее манере двигаться».

Через два дня кинокамера впервые повернула свой стеклянный глаз в сторону Нормы Джин. В платье с блестками, покачиваясь на высоких каблуках, она послушно следовала указаниям: «пересечь съемочную площадку, присесть, прикурить сигарету, загасить ее, подойти к заднику, пройти перед ним, выглянуть в окно, сесть, выйти на первый план и потом уйти».

За кинокамерой стоял оператор Леон Шэмрой, которому доведется снимать Мэрилин Монро в картине «Нет такого бизнеса, как шоу-бизнес». Сейчас на прогоне его даже пронял озноб. «У этой девушки, — сказал он, — было что-то, чего я не видел со времен немого кино. Она поражала фантастической красотой, сравнимой с красотой Глории Свенсон ... на каждом сантиметре пленки она выглядела такой же сексуальной, как Джин Харлоу... Она убеждала нас, что способна вызывать у зрителей чувства».

Отснятый материал целую неделю просматривал сам Даррил

Занук. Он пришел в восторг и дал свое согласие на то, чтобы Норму Джин Дахерти взяли в качестве актрисы с испытательным сроком за 75 долларов в неделю, то есть с условием повторного просмотра через полгода. Тогда ее еженедельное жалование могло подняться до 100 долларов. Норма Джин ворвалась в дом с криком: «Это лучшая студия в мире... Люди в ней замечательные, я буду сниматься в кино. Пока это маленькая роль. Но как только я появлюсь на экране...»

Теперь Норма Джин могла не только забыть о своей прошлой жизни, но и о прежнем имени. Томми Зан, бывший спасатель, который вместе с ней пополнял ряды актерского резерва на киностудии «XX век—Фокс», признался, что первое крещение взяло ложный старт. «Бен Лайон, — говорит Зан, — терпеть не мог ее настоящего имени и изменил его на Кэрол Линд. Некоторое время они примерялись к нему, но оно звучало не так уж хорошо; от него ощутимо веяло оперной певицей и усопшей актрисой».

Бен Лайон и его жена актриса Беб Дэниеле, сразу же проникшаяся искренней симпатией к Норме Джин, решили, что надо бы придумать имя получше. Они пригласили Норму Джин в свой дом на побережье в Малибу, где и перебрали разные варианты. Лайон вспоминал: «Я в конце концов сказал ей: «Я знаю, кто ты. Ты Мэрилин!» Я объяснил ей, что когда-то была прелестная актриса по имени Мэрилин Миллер и что она напоминает мне ее. «А как быть со вторым именем?» Тогда Мэрилин обронила: «Моя бабушка была Монро, и мне хотелось бы сохранить это имя». Я обрадовался: «Замечательно! Звукосочетание приятное, а два «М» должны принести удачу». Вот так она получила свое имя». Мэрилин по-прежнему занималась позированием, но сердце ее уже принадлежало киностудии. Томми Зан вспоминает, что много работали все, но столько, сколько она, никто.

Зан забирал Мэрилин рано утром, и всю неделю они занимались тем, что учились актерскому мастерству, а также петь и танцевать. С танцами дела у них обоих шли не слишком гладко. По субботам все статисты собирались в студии. Одни исполняли пантомиму, другие загадывали шарады, третьи должны были угадать, что те и другие изображают. Зан придумывал пантомимы. С довольно застенчивой Мэрилин они выступали в паре.

Настоящих ролей пока не было, но Мэрилин без устали пробивала себе дорогу к ним. Для этого она позаботилась о том, чтобы работники из отдела рекламы знали ее. Кроме того, она обхаживала репортеров, приписанных к студии. Один из них, Ральф Кейси Шоуэн, вспоминает, что зачастую, когда служебный вход был закрыт, Мэрилин свистела работникам прессы, располагавшимся на третьем этаже, чтобы те сошли вниз и впустили ее. Шоуэн и сегодня еще видит Мэрилин, приникшую к окну, «в обрезанных джинсах, потертых сзади. Она начала носить их одной из первых».

Хихикающая на холоде Мэрилин позировала на пляже в середине ноября для фотоснимков. Журналисты любили ее, и Пресс-клуб удостоил ее специальной награды. Хотя это не имело никакого отношения к кино, Мэрилин рано поняла значение хорошего паблисити.

Иногда в ту пору в административном здании киностудии «XX век—Фокс» можно было видеть семенящую мелкими шажками в истоптанных туфлях и спущенных носках миниатюрную, не более пяти футов, фигурку. Сидней Сколски, легендарный автор, писавший для «Нью-Йорк Пост», колонка которого, посвященная Голливуду, могла изменить чью угодно судьбу, направлялся к питьевому фонтану. Однажды ему пришлось ждать целую вечность, любуясь прелестными женскими формами, в то время как обладательница их стояла, склонившись над фонтаном. Но он не испытывал раздражения. Затем они обменялись шутками относительно вместимости верблюдов, и все закончилось длинным разговором. Мэрилин не преминула попотчевать его душераздирающей историей своего детства и приобрела нового влиятельного друга. Он навсегда остался ее другом и помогал будущей кинозвезде, которая относилась к нему с неизменным доверием.

Из наблюдений Сколски: «Было ясно, что Мэрилин приготовилась много над собой работать. Она хотела быть актрисой и кинозвездой. Я знал, что ничто не может остановить ее. Стремление, решимость и желание в Мэрилин были непоколебимы».

«Мои иллюзии ничего общего не имели с тем, какой должна быть хорошая актриса». Так скажет Мэрилин несколько лет спустя. «Я-то знаю, насколько я была заурядна. Я почти физически осязала отсутствие в себе таланта. Если его можно

представить в виде одежды, то у меня были дешевые тряпки, которые я носила внутри. Но, Боже мой, как мне хотелось учиться! Измениться к лучшему! Больше ничего мне не надо было. Ни мужчины, ни деньги, ни любовь, только умение играть».

В начале 1947 года Мэрилин, которой уже был двадцать один год, наконец появилась на съемочной площадке в числе двенадцати статисток в «Скудда хо! Скудда хей!»2, картине о фермере и стаде его мулов. Хотя почти весь кусок пленки с Мэрилин оказался на полу в монтажной, но одна произнесенная ею фраза — вернее, слово «Привет!» — уцелела, а также кадр, где она плывет на лодке.

Тем временем студия оплачивала Мэрилин ее посещения Актерской лаборатории, театральной школы, расположенной вблизи бульвара Сансет в Голливуде. «Она приходила на занятия вовремя и добросовестно выполняла все задания, — говорила миссис Моррис Карновски, которая содержала школу, — но я никогда бы не сказала, что она добьется успеха». Миссис Карновски Мэрилин казалась слишком молодой, застенчивой, скромной. Именно тогда Мэрилин постигла большая неудача: после года занятий в киностудии «Фокс» решил избавиться от нее.

О причинах увольнения Мэрилин до сих пор ничего не известно. Бен Лайон, первый покровитель Мэрилин, впал в хандру. Мэрилин в отчаянии бродила по коридорам студии, пока не нашла кабинет самого главного человека, Даррила Занука. Каждый раз, когда она порывалась добиться с ним встречи, ей отвечали, что «его нет в городе». Томми Зан, спасатель и приятель Мэрилин, полагает, что знает, как и почему это произошло, поскольку сам он тоже был уволен вместе с Мэрилин. Зан думает, что причиной его увольнения в первую очередь стало то, что Занук предполагал заполучить Томми себе в зятья. Флирт Зана с Мэрилин не остался незамеченным начальством, за что оба и были уволены. Зан тогда маханул в Гонолулу. Мэрилин, оставшись у разбитого корыта, положилась на волю судьбы.

Но она не сдалась. Снимая теперь меблированные комнаты, актриса время от времени меняла адреса и жила то одна, то вместе с другими девушками. Занятия в Актерской лаборатории Мэрилин не бросала и оплачивала их из денег, получаемых за позирование для журналов и, вероятно, за счет побочного дохода, который имела, работая девушкой по вызову, в чем она позднее

призналась Ли Страсбергу.

Получить работу в качестве модели ей помог Билл Бернсайд, сорокатрехлетний шотландец, который представлял в Голливуде организацию Дж. Артура Рэнка. Не в последнюю очередь ее интерес к нему подогревался тем обстоятельством, что тот был знаком с ее кумиром Кларком Гейблом, с фотографией которого она никогда не расставалась. Теперь, когда Мэрилин осталась без работы, Бернсайд попытался помочь ей. Он показал ее Полу Хессу, коммерческому фотографу высшего класса. Хесс без обиняков заметил: «Дорогуша, ты слишком толстая». В ответ на эти слова Мэрилин разрыдалась. Бернсайд спас положение тем, что начал снимать ее сам, и они сблизились.

Позднее Билл Бернсайд вспоминал: «Она очень хорошо знала, как умеет влиять на мужчин. Если я приглашал ее в ресторан, то официанты, каким бы элегантным заведение ни было, сломя голову бросались исполнять ее желания. Этим звездным качеством она обладала уже в возрасте двадцати лет... В течение первых месяцев нашего знакомства она относилась ко мне настороженно». Потом сам собой завязался роман, продлившийся несколько месяцев. У Бернсайда хранилась одна сделанная им фотография с надписью: «Стоит подождать то, что стоит иметь. С любовью Мэрилин».

«Я думаю, что ее ко мне привлекало мое образование, — сказал Бернсайд. — Ее интересовали Шелли и Китс, но она не отказывалась и от более легкого чтения. Она понимала, что без знаний ей не обойтись». Свободного времени было достаточно, и Мэрилин с азартом принялась овладевать «культурой». В школе, которую она бросила в пятнадцать лет, ее прилежание расценивалось как «приемлемое»; по английскому языку оценка была «хорошей». Теперь, стремясь расширить кругозор, она задумала собирать обширную библиотеку, с жадностью впитывала информацию. С одной стороны, она просто удовлетворяла свою жажду познания, с другой — эти знания могли ей пригодиться в будущей актерской профессии.

С давних пор Мэрилин интересовало все оккультное. Она часто обращалась к астрологам и экстрасенсам. Но она и тут сохраняла чувство меры и однажды своим замечанием осадила известного астролога Каррола Райтера. Он как-то спросил ее: «Вы знаете, что родились под тем же знаком [Близнецов], что и Розалинд Расселл, Джуди Гарланд и Розмари Клуни?». Мэрилин

посмотрела ему прямо в глаза и ответила: «Я ничего не знаю об этих людях. Я родилась под тем же знаком, что Ралф Уолдо Эмерсон, королева Виктория и Уолт Уитмен».

Мэрилин любила напоминать, что знак Близнецов означает интеллект. Стремление к знаниям сохранилось у нее на всю жизнь, к чему многие относились с иронией, полагая, что это игра. Но это было не так. Мэрилин с жадностью поглощала книги Томаса Вулфа, Джеймса Джойса, стихи (преимущественно романтические), биографическую и историческую литературу.

Среди обожаемых героев Мэрилин особое место занял Авраам Линкольн. (Впоследствии она любила бравировать своей дружбой с биографом Линкольна Карлом Сэндбергом.) Портрет Линкольна следовал за ней при переездах с квартиры на квартиру до конца ее жизни. Рядом с ним, как правило, всегда висел его Геттисбергский Адрес. Это был ее первый роман с президентом Соединенных Штатов.

В Актерской лаборатории Мэрилин впервые столкнулась с политическими взглядами левого крыла. В пятидесятые годы во время расследования «антиамериканской деятельности», предпринятой конгрессом, ее преподаватели Карновски подвергнутся гонениям как коммунисты. Мэрилин никогда не увлекалась политикой, но она всегда относила себя к рабочему классу и отдавала дань уважения простым людям. В последнем интервью в 1962 году актриса подчеркнула: «Я хочу сказать, что звездой — если я звезда — меня сделал народ, не студия, не кто-то конкретно, а народ».

Тем временем, продолжая фотографироваться для обложек журналов, Мэрилин старалась и тут поднять планку. Уже в 1947 году фотограф Эрл Тейсен заметил, что у нее была книга под названием «De Humani Corporis Fabrica», научный трактат, посвященный анатомии человеческого тела, написанный ученым шестнадцатого века Андреасом Везалием. Он был испещрен многочисленными пометками, по поводу которых Мэрилин сказала, что изучает скелетную систему тела. Картинки из этой книги, выполненные Жаном Стефаном ван Калкаром, художником тициановской школы, еще долго украшали стены ее скромно обставленных комнат. Незадолго до ухода из жизни Мэрилин, уже пристрастившаяся к наркотикам, будет делиться с молодыми друзьями своими энциклопедическими познаниями в области анатомического строения человеческого тела. Атлетически

сложенный Томми Зан всегда восхищался тем, как Мэрилин поддерживала себя в хорошей форме. Она поднимала тяжести, бегала по утрам, на тридцать лет предвосхитив охватившую людей эпидемию, когда тысячи побежали трусцой, замаячив в утреннем смоге вдоль зеленых обочин Лос-Анджелеса.

В житейском смысле жизнь Мэрилин тогда была незавидной, а если точнее, то она просто нищенствовала: отказывала себе даже в еде. Но продолжала все-таки оплачивать учебу. Часами сидела она за чашкой кофе в аптечном магазине Шваба на бульваре Сансет, который был рабочей штаб-квартирой ее друга — журналиста Сиднея Сколски. Сколски же помог Мэрилин открыть в книжном магазине счет и покупать книги в рассрочку, что облегчило выполнение культурной программы.

Роман с Биллом Бернсайдом заглох, потому что он укатил в длительный вояж по Латинской Америке. Когда он вернулся, она подарила ему стихотворение:

Я могла бы полюбить тебя однажды
и даже сказать об этом,
Но ты уехал,
далеко уехал.
Когда вернулся, было уже слишком поздно,
И любовь стала забытым словом.
Помнишь?

Вероятно, у Шваба Мэрилин встретила какого-то молодого человека, появление которого и скрасило разлуку с Биллом Бернсайдом. В аптечном магазине всегда толпились актеры, оставшиеся не у дел. Одного из них звали Чарли Чаплин. И ему тоже Мэрилин дарила частицу себя.

Примечания

1. По словам Наташи Лайтес, педагога, которая натаскивала Мэрилин по актерскому мастерству, ученица однажды упомянула, что у нее с Хьюзом был мимолетный роман. Актриса Терри Мур, ставшая женой Хьюза, вспоминает, что он подарил Мэрилин украшение — булавку. Учитывая, что дарителем был Говард Хьюз, Мэрилин удивилась, когда узнала, что стоимость драгоценности «всего» 500 долларов, в ценах пятидесятых годов.

2. «Не отставай! Поднажми!»

Глава 5

В двадцатые годы известный Чарли Чаплин соблазнил пятнадцатилетнюю девушку по имени Лита Грей, с которой короткое время состоял в браке. Она родила ему двух сыновей. Один мальчик на первом году жизни не получил никакого имени, второй, родившийся через год, был назван Сиднеем. Как говорили, Лита своего первенца хотела назвать Чарли, но великий Чарльз неодобрительно относился к идее иметь сына с таким же, как у него, именем. Однако после развода родителей мальчик все-таки стал Чарльзом. В 1947 году ему был двадцать один год от роду, как и Мэрилин. Он собирался стать актером, чего и боялся его отец, а пока еле-еле сводил концы с концами.

Несмотря на огромное состояние отца, молодому Чарли почти ничего не перепадало, и он кое-как перебивался на крошечное пособие, которое приходилось делить с бабушкой, а мать-певица гастролировала по ночным клубам страны. Когда она в тот год вернулась из поездки, Чарли привел на обед свою тогдашнюю подружку. Этой девушкой была Мэрилин Монро. Лите она показалась «откровенно наивной, без признаков изысканности, похожей на маленькую девочку из провинции. Тогда она была гораздо полнее; она еще была не обстругана и не окружена ореолом очарования. Но Чарли был от нее без ума».

В состоянии влюбленности Чарли пребывал многие месяцы. На Рождество он даже нашел кое-какие деньги, чтобы купить Мэрилин несколько модных платьев. По словам Артура Джеймса, давнишнего друга Чаплина, Мэрилин оставалась у Чарли на ночь. Она забиралась к нему в односпальную постель, в то время как его брат Сидней спал на другой кровати в той же комнате. Эта любовная история закончилась в тот час, когда Чарли, вернувшись домой, увидел Мэрилин в постели Сиднея. Но, несмотря на разрыв, они остались добрыми друзьями. Пятнадцать лет спустя, находясь на грани отчаяния, Мэрилин будет звонить Чаплину и Джеймсу. Чаплин не надолго переживет ее. Как актер он не состоялся и всю жизнь много пил. В 1968 году его обнаружили умирающим в ванной комнате.

Любовная связь с Чаплиным не прошла бесследно. По словам Артура Джеймса, зимой 1947 года Мэрилин забеременела и сделала один из своих многочисленных абортов.

Находясь в состоянии профессионального вакуума, актриса

время от времени продолжала видеться с Робертом Слэтцером, молодым журналистом из Огайо. У Слэтцера в городе был приятель Уилл Фаулер, писатель, сын Джина Фаулера, газетчика, биографа Джона Барримора. Согласно рассказу Фаулера о вечере, проведенном в комнате Мэрилин, несмотря на всю свою застенчивость, проявляемую в других случаях, теперь она, как флаг, несла свое тело, развлекая приятелей.

«Оставаясь холодной, как камень, — вспоминает Фаулер. — Она просто сняла одежду. Она любила демонстрировать тело мужчинам. Она привыкла делать все, о чем бы мужчины ее ни попросили, причем так, как будто оказывала услугу. Она просто ходила по комнате, каменная и голая. Инициатива исходила от нее в такой же степени, как и от нас. О сексе речи не было, во всяком случае, в тот вечер».

Вряд ли рассказ случайного знакомого Мэрилин является хвастовством, поскольку есть довольно много воспоминаний такого рода. Годы спустя, живя в Нью-Йорке, она в обнаженном виде будет давать интервью публицисту Джо Воландеру. Свидетельством тому может быть утверждение миссис Бен Бодн, жены хозяина отеля «Алгонквин», которая как-то встретила Мэрилин на Пятой авеню в норковом манто. Когда она поинтересовалась у актрисы, с чем она его носит, то в ответ прозвучало: «Ни с чем». Подкрепляя свои слова, Мэрилин распахнула полы. Слух о том, что Мэрилин не любила носить нижнее белье и терпеть не могла надевать трусики, подтверждается ее бывшим мужем Джимом Дахерти и многими другими людьми, знавшими ее.

Говоря о своем детстве, Мэрилин сама сказала репортеру: «Желание завоевать внимание, на мой взгляд, имело какое-то отношение к моим проблемам с посещением церкви по воскресеньям. Стоило мне оказаться на церковной скамье и услышать звуки органа и пения прихожан, как у меня возникало импульсивное желание сбросить с себя всю одежду. Мне неодолимо хотелось стоять обнаженной перед Богом и чтобы все это видели. Мне приходилось стискивать зубы и запихивать под себя руки, чтобы удержаться от раздевания... Об этом мне даже снились сны. Во сне я входила в церковь в юбке с кринолином, под которой ничего не было. Люди лежали в проходе навзничь, и мне приходилось перешагивать через них, и они снизу вверх смотрели на меня».

В 1947 году, когда она прохаживалась обнаженной перед Робертом Слэтцером и Уиллом Фаулером, Мэрилин Монро, которой исполнился двадцать один год, начала знакомиться с работами Зигмунда Фрейда. Из его «Толкования снов» следовало, что сон, когда видишь себя обнаженным, довольно распространен, а видеть себя голым в публичном месте — значит испытывать скрытый страх быть развенчанным. Возможно, у Мэрилин этот страх выразился в попытке уйти от сиротского детства. А эта попытка превратилась в круговую оборону, где самым верным оружием была пробуждаемая в людях жалость к пережитым ею в детстве несправедливости и лишениям. Летом 1947 года Мэрилин добавила новую историю к длинному списку своих страданий.

Однажды глубокой ночью, когда она жила еще в доме в Бербанке, Мэрилин выскочила на улицу в одной, едва прикрывавшей тело, ночной сорочке и закричала, что ее убивают. По ее собственному рассказу, — а других свидетельств, кроме ее личных, нет, — она почему-то проснулась и увидела, что к ней в окно спальни лезет какой-то мужчина. Она окликнула его, а потом опрометью выскочила из дома, искать защиты на улице. Соседи проснулись и вызвали полицию. Мэрилин сказала, что пока полиция осматривала место происшествия, появился и сам нарушитель ее покоя, который тоже оказался полицейским. Мэрилин уверяла, что полиция умоляла ее не выдвигать обвинений против их коллеги, таким образом, дело было замято. Этот рассказ ранние биографы Мэрилин считали достоверным.

Читателю предстоит самому решать, как относиться к бесчисленным повествованиям Мэрилин о сексуальных посягательствах на нее. Мы уже знаем о том, что произошло с нею в детстве, помним и рассказ горничной об изнасиловании, приведшем к беременности. Есть и откровения Мэрилин о приставании мужа ее опекунши, в результате чего она чувствовала себя «оскорбленной». В 1947 году, когда Мэрилин знали лишь немногие люди, имевшие вес, она заявила о сексуальном посягательстве со стороны полицейского.

Было ли все это с Мэрилин в действительности? Автору этой книги представляется, что ключ к этой загадке таится в рассказе ее первого мужа о том, как однажды ночью его разбудили крики Мэрилин, из которых он узнал, что она в одной рубашке убегала по улице от гнавшегося за ней мужчины. Джим Дахерти ничуть не сомневался, что это был сон. Ее преданный друг Сидней Сколски

также никогда не верил в ее россказни об изнасиловании в детские годы.

Однако эта история сослужила ей хорошую службу, впрочем, как и миф 1947 года о злокозненном полицейском.

В конце 1947 года с Мэрилин в одном придорожном ресторанчике встретился актер Джон Каррол. У нее с собой была вещевая сумка. Она сказала, что собирается на перекладных добраться до Сан-Франциско, что состояние подавленное, что устала от Голливуда и неудач в поисках работы. Каррол пообещал помочь ей. Второй раз они встретились, когда Мэрилин появилась на соревнованиях по гольфу в роли «старлетки, подносящей клюшки и мячи». Вместе с Карролом была его жена, директор по работе с кадрами на киностудии «Метро-Голдвин-Мэйер», Лусил Раймен. Каррол, слышавший историю о полуночном злоумышленнике и не преминувший заметить сексапильность жертвы, попросил жену помочь «этой девочке».

Вскоре Карролы уже оплачивали комнату Мэрилин и снабжали ее карманными деньгами. Потом она переселилась в квартиру, принадлежавшую Кар-ролам, но пустовавшую. Тогда произошел уже всем известный эпизод: Мэрилин сказала, что видела мальчика на лестнице, который заглядывал в ее комнату. После этого она переехала к Карролам.

Немного погодя Каррол уже дарил Мэрилин драгоценности, которые самым таинственным образом куда-то исчезали. Однажды и сама Мэрилин ошарашила Лусил, сообщив ей: «Вы не любите Джона, а мне кажется, что я люблю его... Вы не могли бы с ним развестись, чтобы мы поженились?» Странно, но отчуждение между женщинами не было длительным. У Карролов с Мэрилин был заключен персональный контракт на ведение ее дел, и в один прекрасный день Лусил сделает для Мэрилин главное — добьется для нее роли в картине Джона Хьюстона «Асфальтовые джунгли».

* * *

«Голливуд — это место, где тебе заплатят тысячу долларов за поцелуй и гроша ломаного не дадут за твою душу. Я это знаю потому, что я слишком часто отвергала первое предложение, а моя душа не продается. Меня тошнит от мужчин, пытавшихся делать мне предложения. Я давала отказы...»

В этом состояла линия Мэрилин для публики, когда на волне первого успеха она давала интервью писателю Бену Хекту. Она во всех подробностях описала историю о том, как дала отпор поползновениям агента по работе с актерами, который обманным путем заманил ее в свой кабинет на студии «Голдвин». Томми Зан, старый приятель Мэрилин, подтверждает, что она действительно порой проявляла разборчивость. Рэндольф Черчилль, приехавший в Калифорнию из Англии, пригласил Мэрилин зайти к нему в обычно пустой домик на побережье, чтобы «обсудить одно дельце».

«Я думаю, она знала, что у того на уме было нечто другое, — говорит Зан, — и она попросила меня на всякий случай сопровождать ее».

Циники, однако, утверждали, что реальным шансом продвижения Мэрилин в кино могла стать для нее торговля собственным телом. Похоже, что циники были правы.

За два года до смерти в беседе с писателем Джейком Розенстейном Мэрилин сказала: «Когда я начала позировать, это было частью работы. Все девушки поступали так же. Все эти сексуальные картинки снимались не только для того, чтобы рекламировать арахисовое масло или для помещения в соответствующие журналы. Им нужны были образцы для их торговли, и если ты не соглашалась, то, кроме тебя, было еще двадцать четыре девушки, которые ничего не имели против. Никто не видел в этом большой трагедии. В конце концов, от секса еще никто не заболел раком».

По поводу же Голливуда Мэрилин сказала Розенстейну: «Знаете, когда продюсер вызывает к себе в кабинет актрису, чтобы обсудить сценарий, это не все еще, что у него на уме. Роль в картине или контракт на какую-нибудь работу является для девушки важнее всего на свете, важнее даже еды. Она может ходить голодной, спать в машине, но согласна на все — только бы получить роль. Я это знаю, потому что мне приходилось делать и одно и другое, и притом множество раз. И я спала с продюсерами, и я буду лгуньей, если скажу, что нет...»

К тому времени, когда Мэрилин сказала это, они уже были с Розенстейном старыми и добрыми знакомыми. Она просила его тогда не писать об этом, и он не писал. Сегодня мы знаем, что Мэрилин разумно воспользовалась своими услугами. Говорят,

самым первым ее благодетелем был человек, который помог заключить контракт на студии «XX век—Фокс». Звали его Бен Лайон. По утверждению писательницы Шейлы Грехем, Лайон спал с Мэрилин и обещал протолкнуть ее на студию. Когда ничего не вышло, Мэрилин начала приставать к нему; Лайон позвонил директору по работе с актерским составом, служившему у Сола Вуртцела, продюсера фильмов категории Б. По словам директора, Вуртцел пообещал дать Мэрилин маленькую роль в «Опасных годах», в своей картине 1947 года о молодежной преступности. Там Мэрилин, игравшая официантку в кафе, ставшем притоном для банды подростков, произносила несколько фраз.

Немало было сказано об отношениях Мэрилин с Джозефом Шенком, семидесятилетним властелином киностудии «XX век—Фокс». Он был одним из патриархов, стоявших у ее истоков. Киностудия была создана двенадцать лет назад, когда слились «Фокс» и компания «Двадцатый век», которой он владел на паях со своим братом Даррилом Зануком. Похожий на медведя, крепкий, обветренный годами, он, несмотря на возраст, вел активный образ жизни, был бонвиваном и по праву считал себя одним из великих старцев Голливуда.

Будущих звезд Шенк видел за версту и знал толк в красивых женщинах. Он любил собирать их вокруг себя и любовался ими, как, по словам одного писателя, «некоторые мужчины любуются породистыми жеребцами». В конце 1947 года этот знаток женщин положил глаз на двух прелестниц — Мэрилин Монро и Мэрион Маршалл, которая впоследствии станет женой Роберта Вагнера.

Мэрион Вагнер познакомилась с Мэрилин Монро, когда они обе добивались работы по рекламе купальных костюмов. Она вспоминает: «Мэрилин была самой видной девушкой, какую я когда-либо встречала. Особенной красоты в ней не было, но она излучала какую-то энергию. Помню, в тот день, когда я увидела ее впервые, она приехала поздно, после всех девушек. Я сидела рядом с этими изысканными моделями, разряженная в шелка, в перчатках, в шляпке и все такое. Мэрилин вошла в маленьком с глубоким вырезом полосатом платье для загара. Волосы у нее тогда не были обесцвечены и выпрямлены. Когда она появилась, показалось, что комната замерла, и все, кто в ней находился, в ту же минуту поняли, что она получит работу. Так оно и вышло».

Наблюдения Мэрион Вагнер, связанные с Мэрилин тех лет,

отличаются тонкостью и пронизаны сочувствием. Память ее хорошо сохранила вечера, проведенные вместе с Мэрилин в доме Джо Шенка на бульваре Заходящего солнца. В роскошный особняк, построенный в средиземноморском стиле, девушек доставлял лимузин, вместе или по отдельности. Там их ждали коктейли, ужин, иногда уединенные просмотры фильма в собственном кинозале старца. Джо имел слабость к карточным играм, и Вагнер вспоминает, как он «балдел, болея за нас, когда мы играли в карты против его товарищей. Он радовался, если мы выигрывали, Мы обе очень нравились ему... Для меня он был как отец, отец-исповедник, очень умный и такой милый старик. Когда вечер подходил к концу, меня на лимузине просто отвозили домой. Насколько мне известно, с Мэрилин поступали так же».

В 1948 году компания «Коламбия Пикчерс» подписала с Мэрилин шестимесячный контракт. Так же, как и на «Фоксе», ей предложили 75 долларов в неделю. О том, что из этого вышло, хорошо известно. Вот что говорит Джонни Тапс, работавший в управленческом аппарате при Гарри Коне, главе «Коламбии»:

«Мне позвонил Джо Шенк. Он сказал: «Я в долгу перед ней, если можешь, дай ей двадцатинедельный контракт, я был бы тебе очень благодарен». Я отправился к Гарри Кону, тот сказал: "Раз это нужно ему, пусть будет так. Возьми девушку"».

Мэрион Вагнер вспоминает: «Чем бы она там ни занималась, я не думаю, что она ложилась с ним в постель каждую ночь. Скорее всего, у них была душевная дружба, во всяком случае, у меня создавалось именно такое впечатление». Сама Мэрилин на прямой вопрос одного журналиста решительно опровергла слух о половой связи с Джозефом Шенком.

Однако ветеран голливудской колонки Джеймс Бейкон весьма необычно раздул сплетню. Он описал и в 1933 году рассказал мне довольно прозаическую историю о том, как раздобыл сведения о тех услугах, что оказывались Джо Шенку. Бейкон сказал, что впервые встретил Мэрилин Монро, когда у нее уже был контракт с «Коламбией». Их познакомил представитель агентства печати Милтон Стейн. По словам Бейкона, его первой мыслью было: «Боже правый! Как она восхитительна». Он добавил: «В этой девушке было что-то. С первого момента стало ясно, что у нее все получится».

Не мог Бейкон довольствоваться этим мимолетным и

восторженным впечатлением и позаботился о новой встрече. После третьей встречи Бейкон предложил Мэрилин отвезти ее домой в «Стьюдио-клаб», отель для молодых начинающих актрис, где она тогда жила. По словам Бейкона, Мэрилин вместо отеля попросила отвезти ее к Джо Шенку. Она пояснила, что проживает там в доме для гостей.

Бейкон говорит, что Мэрилин ясно дала ему понять, что она была одной из девушек, кто заботился о восстановлении сексуальных потребностей Шенка. Она разоткровенничалась, признавшись, что эрекция у старика бывает редко и длится недолго и порой не без медикаментозного вмешательства. Живя в доме для гостей, Мэрилин всегда находилась под рукой на случай, если такой счастливый момент настанет. Вдвоем с Бейконом они большими глотками пили шампанское из бутылки великого человека и завершили вечер в обоюдных объятиях в постели. В три часа утра в дверь постучали: это за Мэрилин пришел дворецкий Джо Шенка. Она выскользнула из постели, но вскоре вернулась, хихикая, и сказала, что появилась «слишком поздно».

Бейкон, по свидетельству других людей, хорошо знал Мэрилин. Он был другом многих знаменитостей, и, по словам его коллег, в своих репортажах отличался точностью и объективностью. К упрекам по поводу того, что не скрыл столь интимную подробность из жизни Мэрилин Монро, он относится спокойно, говоря: «Я знаю, что в ранний период своей карьеры она была очень неразборчива в связях. Она не скрывала, что это помогало ей. Я ничуть не заблуждаюсь относительно того, что Мэрилин привлекал не я сам. Я нравился ей, но больше она была заинтересована в газетах, где появлялась моя голливудская колонка».

Похоже, что другие сообщения также подтверждают рассказ Джеймса Бейкона о Мэрилин и Шенке. Два корреспондента национальных журналов вспоминают, что, когда навестили Шенка в Палм-Спрингз, узнали там, что Мэрилин «присматривала» за стариком. Один из них припоминает, что тогда Шенк прозрачно намекнул, что Мэрилин могла бы присмотреть и за репортером. Но прямее всех высказался почтенный работник прессы Джордж Чейзин. Связь Мэрилин и Шенка, по его словам, носила «физический характер».

Но отношения с Шенком были чем-то большим, чем просто

услуги подвернувшейся случайно девушки. Актер Нико Минардос, сблизившийся с Мэрилин Монро в конце 1952 года, делится своими воспоминаниями о посещении ее в больнице, где Мэрилин делали гинекологическую операцию. Он, без предупреждения войдя в ее палату, увидел актрису в объятиях престарелого Шенка.

Джо Шенк дожил до восьмидесятидвухлетнего возраста. В 1960 году, когда его свалил обширный инфаркт, кинозвезда Мэрилин Монро снималась в картине «Займемся любовью». На званом обеде, устроенном продюсером Дэвидом О. Селзником, произошла неприятная сцена: один из гостей упрекнул Мэрилин в сердечной черствости из-за того, что она не навестила умиравшего Шенка.

Руперт Аллан, ее помощник и друг последних лет, утверждает, что на деле все было наоборот. Он сопровождал Мэрилин, когда она пришла в особняк навестить старца, уже не вставававшего с постели. Всех гостей из комнаты больного попросили удалиться. Аллан, оставшийся ждать внизу, до сих пор вспоминает переливы смеха Мэрилин, доносившиеся из комнаты старика наверху. Ухаживавшая за Шенком медсестра с удивлением говорила, что больной воспрянул духом, узнав, что приехала Мэрилин, чтобы повидаться с ним. По дороге домой Мэрилин плакала. Шенка она больше не видела.

Эми Грин, близкая подруга Мэрилин в пятидесятые годы, заметила: «Действительно, создавалось впечатление, что дорогу себе она проложила, переспав со всеми». Мэрилин, говоря об этом времени, по словам Грин, использует недвусмысленные намеки: «Я много времени проводила на коленях».

К 1948 году двадцатидвухлетнюю актрису можно было постоянно видеть в мужском обществе в фешенебельных ресторанах и ночных клубах Голливуда. Самым излюбленным местом стало заведение Романова. Мэрилин сблизилась с его владельцем «князем» Майком Романовым и его женой Глорией.

Глория Романова знала Мэрилин с конца сороковых годов до самой кончины звезды. Вот ее мнение о том, как Мэрилин распоряжалась своей сексапильностью в целях карьеры: «Мой взгляд не найдет широкого признания. Это была девушка, которая рано начала делать то, что было нужно, чтобы добиться своего. Со временем Мэрилин, на мой взгляд, стала в какой-то

степени безразличной к сексу. У нее не было желания быть рядом с мужчиной, и, я думаю, немалую роль в этом сыграли те ранние годы».

Однако решающее слово об этом сказала сама Мэрилин. Когда британский журналист У. Дж. Уитерби спросил ее, соответствовали ли истине истории о помощнике директора по работе с актерами, она ответила: «Вполне могли соответствовать. Но нельзя стать звездой, переспав со всеми. Нужно нечто большее, гораздо большее. Но это помогает. Многие актрисы свой первый шанс получили именно таким образом. Большинство мужчин — это какой-то ужас...»

Мэрилин иногда заводила и молодых любовников, но мужчины, которые имели хоть какой-то вес в ее глазах, как правило, были старше.

«Ненадежность — вот что сводит меня с ума, — откровенно призналась Мэрилин. — Меня всегда привлекали зрелые мужчины, потому что у молодых не хватает мозгов, они чаще всего стремятся только заигрывать, но на деле даже не думают обо мне. Они приходят в сексуальное возбуждение только потому, что я кинозвезда. Более зрелые мужчины добрее, они больше знают, а те, с которыми я была знакома, были еще к тому же в бизнесе важными людьми и старались помочь мне».

Мэрилин рассказывала, как сидела у ног Джо Шенка и «слушала его. Он был полон мудрости, словно какой-то великий ученый. Еще мне нравилось смотреть на его лицо. Оно как будто было лицом города, а не просто лицом мужчины. В нем отражалась вся история Голливуда». Теперь в реальном мире Голливуда все мужчины, которых она станет серьезно обхаживать, будут старше ее и полезны для ее карьеры.

Мэрилин искала учителей. Вышло так, что первой наставницей в 1948 году, когда ее наняла «Коламбия», была женщина, Мэрилин судорожно ухватилась за протянутую ей руку помощи. Так завязались крепкие и странные отношения, продлившиеся семь лет. Ни с кем не оставалась она так долго, как с этой женщиной. В то лето был еще педагог-мужчина и страстный любовный роман, забыть который она так и не смогла.

Глава 6

«У меня есть для тебя новая девушка, — раздался в телефонной трубке голос, ее зовут...»

Наташа Лайтес, глава драматического отдела в «Коламбии», ждала, пока шеф, занимавшийся поисками новых талантов для студии, рылся в своих бумагах, ища листок с незнакомым именем.

«Мэрилин Монро, — произнес он наконец. — Посмотри, что можно сделать с ней».

Было это весной 1948 года.

Наташа Лайтес, сама в прошлом актриса, была тощей, седеющей женщиной с русскими и французскими корнями. На много лет старше Мэрилин, чрезвычайно нервная и чувствительная, в Соединенные Штаты она приехала вместе с другими изгнанниками, бежавшими из нацистской Германии, где работала с артистическим составом театральной труппы Макса Рейнхардта. Мужем ее был писатель с левыми взглядами Бруно Франк. Теперь она жила в Голливуде с трехлетней дочерью и вот уже семь лет преподавала актерское мастерство. Наташа привыкла иметь дело со старлетками, не имевшими ни опыта, ни таланта, и с первого взгляда Мэрилин показалась одной из них.

«Она не произвела на меня никакого впечатления, — говорила Наташа годы спустя. — Она была заторможенная и зажатая; не могла свободно произнести ни слова. Ее привычка говорить, не шевеля губами, казалась нелепой, искусственно приобретенной. Голос ее был похож на писклявое хныканье». Но как бы то ни было, Лайтес взялась поработать с Мэрилин. Так начались их занятия, о которых она будет вспоминать «с гордостью и отчаянием, любовью и страхом».

Мэрилин аккуратно посещала уроки, и никогда не опаздывала. Работала она с безграничным энтузиазмом. Лайтес усердно учила ее «ходить, свободно говорить, свободно передвигаться, внушала мысль, что расслабленность придает уверенность. Для девушки, страдающей от незащищенности, эти новые чувства являли собой переход от существования под водой к возрождению жизни».

Долгое время Мэрилин ничего не рассказывала Наташе о своем прошлом. Ее преподавательница чувствовала, что «та

привыкла скрывать все», и порой она не знала, чему верить. С некоторых пор ученица стала являться на занятия в изысканных дорогих платьях, и вдруг Мэрилин пришла в слезах. Свое состояние она объяснила тем, что ее последняя, добрейшая приемная мать, ее дорогой друг, умерла от «недоедания». Лайтес удивленно захлопала глазами, но решила, что это не ее ума дело. К этому времени она уже сильно привязалась к своей молодой ученице.

Находились люди, которые поговаривали, что у Мэрилин с Наташей были лесбийские отношения. Нью-йоркская горничная Мэрилин, Лена Пепитоне, в своих воспоминаниях писала, что Мэрилин ей как будто сказала однажды: «С доверием и бережностью относилась я к любому проявлению тепла, исходившему от любого лица, невзирая на пол». Мэрилин хотела, чтобы ее любили, — все равно кто, лишь бы чувство было искренним. Флорабел Муир, старый голливудский репортер, хорошо знавшая Мэрилин, также утверждала, что с Лайтес у той были лесбийские отношения. Сидней Сколски, еще один близкий друг, тоже так думал.

Много лет спустя Мэрилин сама сказала У. Дж. Уитерби: «Люди пытались превратить меня в лесбиянку. Я всегда смеялась над этим. Нет плохого секса, если в нем присутствует любовь». Раньше, рассказывая о своей жизни в 1948 году, о сексуальной стороне отношений с мужчинами, она обронила замечание, что те до сих пор были для нее сплошным разочарованием.

«Тогда до меня дошло, — сказала она, — что другие люди — другие женщины — отличаются от меня. Они способны чувствовать вещи, которые не в состоянии чувствовать я. Когда я начала читать книжки, мне попадались такие слова как «фригидная», «отверженная», «лесбиянка». Тогда я подумала, не была ли я сочетанием всех трех качеств... Бывали времена, когда я не чувствовала себя человеком, и времена, когда ни о чем другом, кроме смерти, я не могла думать. Следует также признать зловещий факт, что я всегда с трепетом взирала на хорошо сложенную женщину».

После нескольких месяцев учебы у Наташи Лайтес Мэрилин все-таки решила, что она не лесбиянка, чем и поделилась с писателем Беном Хектом. Наступил долгожданный час, когда Мэрилин наконец получила свою первую роль в кино, где ей надо было говорить, петь и танцевать. Это была сравнительно дешевая

картина под названием «Хористки». Мэрилин играла роль бедной девушки, которая становится звездой. Это была одна из многих ролей, где отражен опыт ее собственной прошлой жизни. Там ей пришлось спеть две песни «Every Baby Needs a Da Da Daddy» («Каждому малютке нужен папочка») и «Anyone Can See I Love You» («Любому видно, что я люблю тебя»).

По воспоминаниям Лайтес, именно в то время, когда Мэрилин готовилась к исполнению этих песен, «она раскрылась и все время льнула ко мне, как ребенок, нуждавшийся в совете и утешении. Однажды она сказала, что была влюблена». Но Мэрилин не назвала Наташе имя своего возлюбленного.

В то лето 1948 года молодая вдова по имени Мэри Д'Обри, жившая со своей матерью на Харпер-авеню в Голливуде, ворвавшись в спальню, обнаружила там в постели своего брата Фреда с новой подружкой. «Привет! Нельзя ли принести мне сока!» — раздался веселый голосок Мэрилин. Фреду Каргеру в ту пору было тридцать два года, на десять лет больше, чем Мэрилин, и он был человеком женатым. На «Коламбия Пикчерс» Фред заведывал музыкальной частью. Композитор по образованию, сегодня он хорошо известен благодаря «Отныне и вовеки» (From Here to Eternity). Он был сыном Макса Каргера, одного из основателей МГМ, и Энн, ирландки из Бостона, женщиной доброй и жизнелюбивой. Макса уже не было в живых, а Энн, перешагнувшая свое шестидесятилетие и известная многим под именем «Нана», оставалась хозяйкой большого веселого дома, наполненного детьми и внуками. Как-то, в годы юности, Нана была душой настоящего салона в духе раннего Голливуда. Его веселая атмосфера и теперь ощущалась — хотя и не так, как прежде — в образе жизни, которого Энн держалась в своем доме на Харпер-авеню.

Продюсер «Хористок» отправил Мэрилин к Фреду, чтобы тот подготовил ее по музыкальной части. Каргеру голос ее показался тонким и непоставленным, а его обладательница поразила своей неуверенностью и страхом перед съемочной площадкой. Но он заметил и другое — для достижения успеха новенькая готова была без устали работать и учиться. Стремясь заставить Мэрилин петь перед публикой — пусть и малочисленной, — Фред водил ее по домам своих друзей. Директор Ричард Квайн вспоминает, как Каргер играл на пианино, а Мэрилин, собравшись с духом и стоя возле камина пела «Baby, Won't You Please Come Home» («Бейби, не придешь ли ты домой»).

Уроки в один прекрасный день переросли в любовь. Мэрилин позвонила по телефону и сказала, что заболела. Каргер зашел навестить ученицу и увидел ее голодную, забытую в тесной однокомнатной квартирке. Он пригласил ее к себе, под материнскую опеку Наны. Так начался их любовный роман.

Племянница и племянник Фреда, Анн и Беннет, до сих пор вспоминают благоговейный страх перед странным, не похожим на других созданием, которое дядя привел в дом. «У нас была старая кладовка, где я хранил свои игрушки, — говорит Беннет. — Однажды утром, не зная, что она там, я ворвался в комнату Фреда. Она нагая сидела перед зеркалом и красилась. Я испуганно попятился к двери, но она сказала, чтобы я прошел и забрал свою бейсбольную биту и перчатку».

Беннет и его восьмилетняя сестра Анн жили в соседней комнате, и Анн вспоминает, как однажды «появилась, точно видение, прекрасная белокурая дама. Она просто была без ума от детей, она вполне могла бы вписаться в нашу компанию маленьких друзей. Она устроила для меня день рождения, сидела с нами на полу и играла в групповые игры. Мы очень полюбили ее».

В доме Каргеров и имя гостьи произносилось на особый лад. Все ее называли «Мэрил». Ее великодушие к детям было неистощимым. Приехав на Рождество, она узнала, что Терри, дочь Каргера от первого брака, получила больше подарков, чем Анн и Беннет. Мэрилин незаметно исчезла из дома и вернулась, нагруженная праздничными покупками. Сирота делала то, что было свойственно ей: войдя в новую семью, она изо всех сил старалась сделать ее своей собственной. После того, как закончился ее роман с Чарли Чаплиным младшим, она осталась близка с его бабушкой. Теперь свою любовь перенесла на мать Фреда. Нана готовила ей еду, чинила одежду, по утрам провожала на студию. Зато и Мэрилин никогда не забывала о ее дне рождения и непременно присылала цветы на Мамин день.

Наконец-то актриса обрела семью и впервые в жизни влюбилась до беспамятства. По настоянию Каргера она из своего бедного и унылого жилища перебралась в другое, более благопристойное место, на той же улице, где жили Каргеры. Любовники еще сняли квартиру возле студии. Позже Мэрилин скажет Бену Хекту: «Для меня началась новая жизнь... Я всегда

считала себя человеком, которого никто не любит. Теперь я знаю, что в моей жизни было нечто хуже этого. Это было мое собственное, не умевшее любить сердце... Я даже забыла о Норме Джин. В моем обличии появилась новая я — не актриса, не кто-то, высматривающий мир ярких красок. Когда он сказал мне: «Я люблю тебя», это было лучше, чем если бы тысяча критиков назвали меня великой звездой».

Беспокоило Мэрилин то обстоятельство, что она стала причиной раздора в семейной жизни Карге-ров. Когда брак их все-таки распался, она даже всплакнула. В то же время, хотелось, чтобы он безраздельно принадлежал ей одной, но это желание так и осталось неосуществленной мечтой.

Мэрилин говорила: «Одно облачко омрачало мой рай. Я знала, что нравлюсь ему и что он был бы счастлив со мной. Но его любовь вовсе не походила на мою. Большая часть его разговоров со мной сводилась к критике. Он критиковал мой ум. Он все время подчеркивал, что я мало знаю, что практически ничего не смыслю в жизни... Его цинизм тоже задевал меня...»

Каргер любил спрашивать:

— Что самое главное в твоей жизни?

— Ты, — отвечала Мэрилин.

— После того, как я ушел, — с улыбкой говорил Каргер.

Если Мэрилин плакала, Каргер упрекал:

— Ты слишком много плачешь. Это потому, что ум твой не развит. По сравнению с твоей фигурой он находится в зачаточном состоянии.

Нана Каргер рассчитывала, что ее сын женится на Мэрилин. Но он отступился от нее. Однажды ночью, по признанию Мэрилин, он объяснил ей почему. «Мне было бы хорошо, но я не перестаю думать о своем сыне. Если мы поженимся и со мной что-то случится, например, я умру, — то его ждут плохие последствия».

«Почему?» — спросила Мэрилин.

Ответ Каргера был жесток: «Ничего хорошего для него не будет, если его станет воспитывать такая женщина, как ты».

Мэрилин, уязвленная его словами — несправедливыми, потому что душа ее нуждалась в детях, — предприняла попытку удержать Каргера. Какое-то время они жили в том неопределенном состоянии, когда кажется, что еще можно избежать разрыва. «Было третье, а потом и четвёртое прощание. Но все это походило на состояние, когда подбегаешь к краю крыши, чтобы спрыгнуть вниз. Я каждый раз останавливалась и не прыгала, поворачивалась к нему и просила удержать меня. Трудно сделать то, что причинит боль вашему сердцу».

Мэрилин не смогла забыть Каргера. На Рождество 1948 года она пошла к модному ювелиру и в рассрочку купила для Каргера часы за 500 долларов, хотя в ту пору, как говорится, знала она счет деньгам. Ей понадобилось бы два года, чтобы рассчитаться за покупку. Особое удовольствие всегда испытывала Мэрилин, когда делала гравировку на подарках или подписывала фотографии, но на часах стояла только дата: «25.12.48».

«Ты еще будешь любить и других девушек, — сказала она Каргеру. — Ты не смог бы пользоваться моим подарком, если бы на нем стояло мое имя».

Через несколько месяцев после этого разговора они расстались, и вскоре Каргер женится на актрисе Джейн Уаймен, бывшей жене будущего президента Соединенных Штатов Рональда Рейгана. Семейная жизнь не заладилась. Супруги развелись, но в 1961 году они вновь соединились в браке. И все эти годы Мэрилин не могла выбросить его из сердца. Ее друг Сидней Сколски вспоминал: «Единственная злая выходка Мэрилин, которой я стал свидетелем, произошла однажды вечером в ресторане Чейзена. Когда мы подошли к раздевалке, то увидели, что в большом банкетном зале, снятом частным лицом, отмечается какое-то событие... Оказалось, там справляли свадьбу Фред Каргер и Джейн Уаймен. Мэрилин сказала, что должна пойти и поздравить Фреда. Она знала, что это оскорбит Джейн Уаймен, но без колебаний вошла в банкетный зал и принесла Каргеру свои поздравления. Если Мэрилин и Джейн делали вид, что не замечают друг друга, то напряжение за столом достигло такой плотности, что его можно было бы резать, как свадебный торт».

Возможно, самую точную оценку чувствам Мэрилин к Фреду Каргеру дала Пэтти, женщина, на которой он был женат в пору своего любовного романа с Мэрилин. Сегодня она уже без горечи говорит: «Она страстно желала его. Я думаю, ее чувство было очень глубоким». Вай Расселл, которая была лучшей подругой сестры Каргера и фактически членом их семьи, добавляет: «Мне кажется, она так и не смогла оправиться после Фреда». И была уверена, что ни один мужчина никогда не сможет любить ее. Она и в себя тогда не верила: как мог ее кто-то любить, если она сама себя не любила?

Фред Каргер, похоже, тоже не забыл ее. Много лет спустя он как-то позвонил своей бывшей жене Пэтти и взволнованно сказал, что ему приснилась Мэрилин. Каргер, на семнадцать лет пережив Мэрилин, умер в день ее смерти.

В Нью-Йорке в середине пятидесятых Мэрилин с сожалением будет говорить о времени, проведенном с Каргером. Сожаление это прежде всего вызвано тоской по нерожденным детям. Во время их романа с Фредом, по словам Мэрилин, она неоднократно ходила по проторенной дорожке в абортарий.

Наташа Лайтес, возглавлявшая отдел репетиторства, утешала Мэрилин, говоря, что Каргер не стоит ее слез. Вскоре вместе с дочкой Наташа переехала на квартиру, снятую Мэрилин неподалеку от дома Каргеров. Ни та, ни другая женщина не могли похвастать благополучием. Младшие Каргеры, навещая их, поражались бедности жилища, где почти не было никакой мебели. Мэрилин спала на матрасе, брошенном на пол. Но самым печальным было то, что актерские надежды Мэрилин вот уже в который раз опять потерпели фиаско.

* * *

Джони Тапс, исполнительный директор на «Коламбия Пикчерс», которой руководил Гарри Кон, получил нагоняй от шефа в тот день, когда его босс присутствовал на прогоне и увидел сцены с участием Мэрилин в «Хористках». «Для чего ты поместил в картину эту жирную свинью? — орал Кон. — Что ты делаешь? Трахаешься с ней?» В сентябре, когда срок контракта Мэрилин истек, Кон не стал его продлять. На помощь снова кинулся старый Джо Шенк, но на сей раз его заступничество было тщетным.

Мэрилин уверяла, что она потеряла благосклонность Гарри Кона, как только отвергла его сексуальные притязания. Она утверждала, что Кон однажды заманил ее в кабинет и, пообещав прогулку на своей яхте, попытался овладеть ею. По ее словам, она не далась. Тогда Кон пригрозил, сказав: «Это твой последний шанс». Она повернулась и вышла из кабинета.

Фред Каргер вспоминал, что вместе с Мэрилин пошел в кабинет Кона, чтобы еще раз попытаться убедить директора студии продлить контракт. Мэрилин, мать которой и последняя опекунша, как уже говорилось, были страстными приверженцами «христианской науки», вместе с дочерью Фреда Каргера недавно начала наведываться в церковь. Теперь, готовясь к встрече с Коном, она позвонила своему церковному наставнику, чтобы спросить его совета. Но совет не помог. Кон не изменил своего решения, и Мэрилин опять оказалась не у дел.

В октябре того же 1948 года судьба послала ей луч утешения. Фильм, созданный на «Коламбии» с ее участием, как-то незаметно появился на экранах. Он был плох, но работа Каргера оказалась не напрасной и Мэрилин заслужила первые лестные отзывы. «Одним из ярких пятен является пение мисс Монро, — писал в «Мошн Пикчер Геральд» Тибор Крекес. — Она прелестна со своим приятным голосом и стилем, она далеко пойдет».

Тогда-то вместе с семейством Каргеров Мэрилин впервые пошла на публичный просмотр. «Хористок» показывали в Кармел-театр на бульваре Санта-Моника, который в новые времена начал потчевать зрителей исключительно порнофильмами. Племянница Фреда Каргера Анн вспоминает, что «она была, как малое дитя. Она сидела сгорбившись, пригнувшись так низко, что едва могла видеть экран. Она пришла в длинном пальто и темных очках».

В тот вечер Мэрилин не узнал никто. Однако на «Коламбию», только что избавившуюся от актрисы, потек тоненький ручеек посланий от ее поклонников.

Глава 7

«Она, определенно, не ребенок, — скажет в будущем с проницательной горечью Наташа Лайтес. — Ребенок наивен,, открыт и доверчив. Мэрилин практична. Мне хотелось бы обладать хотя бы одной десятой частью ее деловых качеств, ее ловкого расчета, позволяющего продвигать то, что полезно для

нее, и отбрасывать прочь все, что мешает». В начале 1949 года Мэрилин в очередной раз осталась почти без средств к существованию. Она лишилась работы и потеряла Фреда Каргера, первого мужчину, которому по-настоящему отдала свое сердце. В двадцать три года Мэрилин уже успела немало повидать, и этот опыт оказался для нее бесценным багажом. Она хотела играть и уже научилась действовать решительно и энергично.

Джимми Старр, имевший когда-то в «Лос-Анджелес Геральд-Экспресс» колонку, сказал, что знает секрет походки Мэрилин Монро. «Она применила один трюк, для чего отпиливала каблук одной туфли на четверть дюйма, в результате, когда она шла, ее маленькая попка вихляла из стороны в сторону. Это здорово помогло ей».

Это помогло Мэрилин в один весенний день того года, когда она осталась без работы после неудачных проб в роли ассистентки иллюзиониста и трюкача по игре в гольф, а также серии сеансов позирования для «обнаженных» календарей. Мэрилин сидела в аптечном магазине Швабса, когда услышала, что братьям Маркс нужна была сексапильная девушка для небольшой роли в картине под названием «В любви счастлив». Мэрилин немедля отправилась на съемочную площадку и встретилась сначала с режиссером, а потом с Граучо и Харпо Марксом. «Ты умеешь ходить? — спросил, пыхтя сигарой, Граучо. — Для этой роли нам нужна девчонка, которая могла бы, пройдя мимо меня, пробудить такие желания, чтобы у меня из ушей повалил дым».

Мэрилин прошлась, — предполагают, что один каблук был подпилен. Когда она повернулась, от Граучо Маркса и в самом деле повалил дым. Он назвал Мэрилин: «Мей Уэст, Теда Бара и Бо-пип, соединенные в одной». Сцена эта была заснята на следующий же день.

Продюсер картины «Счастлив в любви» решил привлечь Мэрилин для рекламы фильма. С этой целью был создан образ актрисы — голливудской «сиротки», пытавшейся заработать хоть немного денег. Снарядив Мэрилин, он отправил ее в рекламное турне по стране. Именно тогда Мэрилин впервые побывала в Нью-Йорке. Кстати сказать, Фред Каргер не пришел на вокзал, чтобы проводить ее.

Нью-Йорк припас для Мэрилин приятные сюрпризы. У нее

взял интервью Эрл Уилсон, репортер колонки шоу-бизнеса, который станет ее другом и поможет завязать знакомства с прессой Западного побережья. По просьбе работников отдела рекламы студии он представил ее как «Мммммм девушку». Мэрилин здесь повстречалась со своим бывшим любовником Андре де Дьенесом, которому она когда-то позировала на пляже.

В Манхэттене ее повели в «Эль Морокко», самый элитарный ночной клуб в стране, Мэрилин, представленная как скромная «туристка», была тут же приглашена в «правую» часть клуба Генри Розенфельдом, тридцативосьмилетним миллионером, промышленником, королем одежды.

В этот день Мэрилин приобрела себе друга на долгие годы. Она станет приезжать в гости к Розенфельду в его дом на побережье Атлантики. Они будут кататься на катере и коротать тихие вечера за разговорами, прерываемыми смехом. Друг-миллионер проявит к ней участие в трудные минуты жизни, будет находить докторов и психиатров, спасать ее от финансовых затруднений. В 1984 году в своем офисе в Эмпайер-Стейт-Билдинг семидесятитрехлетний Розенфельд только нахмурится и взморщинит моложавое лицо, когда его спросят, были ли они с Мэрилин любовниками. Но он признается, что «Мэрилин считала, что секс делает людей более близкими друзьями. Она сказала мне, что очень редко испытывала оргазм, но по своему характеру не была эгоистичной. Больше всего на свете ей хотелось доставлять удовольствие партнерам. Не обязательно половым путем. Как хорошо я помню ее смех!».

Из Нью-Йорка Мэрилин перекинули на Средний Запад, где заставили позировать в роли «снова прохлаждающейся горячей штучки в купальнике». Желание Мэрилин рекламировать картину изрядно охладело. Она вернулась в Лос-Анджелес, где ее ждала небольшая роль в вестерне, добытая стараниями человека, давшего ей новое имя, Беном Лайоном. А еще, к великому своему сожалению, Мэрилин узнала, что Фред Каргер по-прежнему не хочет жениться на ней. Зато на приеме в доме Палм-Спрингс она встретила мужчину, который хотел этого. Он также стал человеком, усилиям которого Мэрилин Монро была обязана своим успехом.

Джонни Хайд, один из наиболее влиятельных людей в стране, сказал Мэрилин Монро, что мог бы сделать из нее звезду. Ему было пятьдесят три года, на тридцать лет больше, чем Мэрилин.

Он был очень богат, но страдал от серьезной болезни сердца, которая и свела его в могилу через полтора года. Эти последние месяцы жизни Хайд почти полностью посвятил Мэрилин.

Известно, что Фред Каргер нашел ей дантиста, исправившего неровные зубы. Теперь Хайд отыскал косметолога, который убрал два небольших, но нежелательных пятнышка на подбородке Мэрилин1. Он нанял парикмахеров, которые, начиная с этого момента, будут неизменно обесцвечивать ее волосы. По некоторым данным, он и был тем самым человеком, по рекомендации которого, как позже рассказывала Мэрилин, она подверглась стерилизации.

Но самым важным было то, что Хайд имел доступ ко всем воротилам шоу-бизнеса в Голливуде. Дни он посвящал тому, что восхвалял таланты Мэрилин, а вечерами водил ее по гостям. Вдвоем они посещали дома знаменитых и влиятельных людей. Перед самой смертью ему удалось обеспечить Мэрилин первой ролью в значительном фильме и новым контрактом со студией, которая однажды вышвырнула ее на улицу, «XX век—Фокс». На сей раз ей гарантировались 500 долларов в неделю. Контракт заключался на семь лет и предусматривал постепенное повышение жалования до 1500 долларов в неделю.

Значительный фильм, где она снялась благодаря Хайду, назывался «Асфальтовые джунгли». Его режиссером был Джон Хьюстон. Три года назад этот самый Хьюстон намечал провести экранные пробы Мэрилин, но потом отменил их, считая, что она больше годится не для актерской игры, а для плотских утех репетитора. И вот она снова попала к нему, на этот раз стараниями трех людей: Джонни Хайда, ее краткосрочного любовника Билла Бернсайда и простившей ее хозяйки дома, где она проживала, Лусил Раймен. На первую встречу ее привел Хайд, после чего она ушла изучать сценарий.

Ее преподавательница по актерскому мастерству Наташа Лайтес говорила, что они трудились вместе «три дня и три ночи почти без перерыва», чтобы подготовиться к читке. Она пришла снова в сопровождении Хайда — смущенная и неуместно возбужденная. Мэрилин подбила ватой и без того роскошную грудь, но Хьюстон бесцеремонно убрал все лишнее. Она играла, и день прошел незаметно. Хьюстон говорит: «Мэрилин получила роль не благодаря Хайду. Она получила ее потому, что была чертовски хороша».

Джонни Хайд, расторгнув свой двадцатилетний брак, теперь всецело посвятил себя Мэрилин. Как она относилась к нему — трудно судить, поскольку сведения противоречивы. Сценарист Наннелли Джонсон, который был достаточно близок к Хайду, считал его «хорошим, мягким человеком, которого женская красота волновала сильнее, чем кого бы то ни было».

На самого Джонсона Мэрилин особого впечатления не произвела. «Когда я ее увидел тогда, — вспоминал он, — я посчитал само собой разумеющимся, что она из тех молодых бесцеремонных дамочек, которые расталкивают всех вокруг локтями. Обычно мы виделись за обедами у Романова. Иногда я подсаживался к ним. Она почти не принимала участия в наших разговорах, несмотря на все наши усилия вовлечь ее в беседу, которая большей частью сводилась к банальным сплетням. Слушала она внимательно, вежливо не сводя с нас взгляда, в то время как глаза посетителей Романова только и следили за тем, кто пришел и с кем. Но не могу припомнить случая, чтобы она произнесла хоть одно слово».

Глория Романова, муж которой был владельцем ресторана и которая хорошо знала Мэрилин, считала ее несколько безразличной к мужчинам. Но она утверждает, что: «Джонни Хайд очень многое значил для нее. Ее очень трогала его искренняя забота. Ему ничего не было нужно от нее, и она становилась иной раз мишенью для насмешек».

Когда Хайд бросил жену и купил дорогостоящий новый дом, то устроил в обеденном зале четыре кабины из белой кожи и танцевальную площадку посредине. Мэрилин называла зал «мой собственный «Романов» в миниатюре». Билли Уайлдер, который снимал ее в двух фильмах, вспоминает о встрече с Мэрилин, когда он и Сэм Шпигель играли в карты с Джонни Хайдом: «Она в ожидании, когда Джонни закончит кункен2, просто сидела в углу и читала роман».

Возможно, молчаливость Мэрилин была вызвана чувством неуверенности и неумением вести себя в благородном обществе, либо это был тонко продуманный ход: всецело довериться Хайду и предоставить ему право пробивать ей дорогу. Режиссеру Гарсону Канину она сказала как-то: «Послушайте, у меня множество друзей и знакомых, вы понимаете, что я подразумеваю под словом «знакомые»? Но ни один из них, ни один из этих

больших шишек даже пальцем не пошевелил ради меня, никто, кроме Джонни. Потому что он верил в меня...»

В Голливуде по поводу их романа передавали из уст в уста язвительные шутки, затрагивавшие и сексуальную несовместимость Мэрилин с больным Хайдом. Писатель Джеймс Бейкон утверждает, что и тогда, когда Мэрилин встречалась с Хайдом, его любовная связь с ней не прерывалась и что, лежа в постели, она насмехалась над половой немощью больного старика. Однажды Мэрилин на выходные оставила Хайда в Палм-Спрингс, чтобы навестить в Лос-Анджелесе Каргера. Мэрилин в разговоре с Каргером сказала о нем: «Он такой славный. Я очень люблю его. Но у меня нет таких чувств, как у него».

Позже Мэрилин признается, что Хайд предлагал ей выйти за него замуж, но она ответила: «Я не люблю тебя, Джонни... Это было бы нечестно». А ведь выйди Мэрилин замуж — она бы после смерти своего супруга унаследовала львиную долю его состояния. Между тек Хайд лихорадочно, неутомимо работал на благо ее карьеры. В разгар этих хлопот его и постиг первый и тяжелый сердечный приступ.

Время от времени Мэрилин жила в одной квартире со своей преподавательницей Наташей Лайтес, которая припоминает, что Мэрилин оттягивала визит к больному человеку, который ради нее бросил все. Как-то поздним вечером в декабре 1950 года, рассказывала Лайтес, по телефону позвонил Хайд и спросил: «Где Мэрилин, Наташа? Я все жду и жду ее. Наташа, никогда в жизни мне не приходилось сталкиваться с такой жестокостью, с таким эгоизмом».

Неделю спустя после ночи, проведенной Мэрилин у постели больного, Джонни Хайд скончался в больнице «Ливанские кедры». Она, похоже, упрекала себя за бесчувствие, поэтому и не вняла просьбе семьи Хайда не приходить на похороны. Она все-таки пришла и с рыданиями бросилась на крышку гроба. Ее нью-йоркские подруги Эми Грин и Морин Стэплтон рассказывают, что и через пять лет она продолжала скорбеть о Джонни, чувствуя себя несчастной оттого, что его дети «ненавидели ее как разрушительницу их семьи».

Наннелли Джонсон считал, что «Джонни был первым мужчиной, который ее искренне уважал, и был единственным человеком на свете, кто по-настоящему заботился о ней. Когда Джонни похоронили, в этом мире она снова осталась одна».

Спустя несколько дней после похорон, в канун Рождества 1950 года, Наташа ехала с работы домой. Ее не оставляла мысль, что произошло что-то нехорошее. Войдя в квартиру, она на подушке своей постели увидела записку Мэрилин, в которой говорилось: «Машину и меховой палантин оставляю Наташе».

Другая записка, прикрепленная к двери спальни Мэрилин, предупреждала, чтобы дочь Лайтес ни в коем случае не входила внутрь. Наташа ворвалась в спальню и увидела, что «комната была похожа на преисподнюю. Мэрилин лежала в постели, раздетая, щеки ее раздулись, как у кобры».

Лайтес закричала: «Мэрилин! Что ты наделала?» Но та молча моргала глазами. «Я силой открыла ей рот, сунула туда пальцы и вытащила пригоршню раскисшей зеленоватой массы, которую она не успела проглотить. На ночном столике стоял пустой пузырек из-под снотворных таблеток».

Почти двадцать лет спустя психиатры из Центра профилактики самоубийств Лос-Анджелеса скажут о мертвой Мэрилин: «В прошлом бывали случаи, когда она в минуты отчаяния или разочарованности принимала огромную дозу барбитуратов и звала на помощь».

Если мы примем на веру ее слова о том, что до девятнадцати лет она дважды пыталась уйти из жизни, то это была ее третья попытка. До двадцатипятилетия Мэрилин оставалось шесть месяцев.

Примечания

1. Говорят, что Мэрилин изменила и форму носа, но это ничем не подтверждается.

2. Карточная игра.

Глава 8

«Приходить на студию она должна была в семь часов утра, но она никогда не успевала. Я жил через дорогу, и мне приходилось идти к ней и молотить в дверь. Она, взлохмаченная и неприбранная, открывала дверь и просила сигарету,1 а я говорил: «Давай, вставай, хватит дрыхнуть». Иногда я буквально заталкивал ее под душ».

Человек, которому было поручено приводить Мэрилин на работу, был француз по рождению Ален Бернхейм. В Голливуд он приехал в сороковые годы. Ныне выдающийся продюсер, тогда он работал с Чарли Фелдменом и Хью Френчем, которые после смерти Джонни Хайда стали, заменив его, агентами Мэрилин. Как Ален, так и другие вскоре узнали, что Мэрилин являла собой клубок противоречий и была большой мастерицей перевоплощения.

Немецкая актриса Хилдегард Кнеф2 впервые встретилась с Мэрилин в гримуборной киностудии «XX век—Фокс», когда та как бы не совсем проснулась. Вот как она вспоминала об этом: «Рядом со мной сидит полусонная девица. У нее на светлых волосах прозрачный полиэтиленовый колпак для приема душа и толстый слой крема на бледном лице. Она роется в выцветшей пляжной сумке и извлекает сэндвич, упаковку таблеток и книжку. Она улыбается моему отражению в зеркале. «Привет, меня зовут Мэрилин Монро, а тебя?»

На Кнеф Мэрилин произвела впечатление «ребенка с короткими ногами и толстым задом, шаркающего по гримерной в поношенных сандалиях». Но полтора часа спустя, говорила Кнеф, от старого образа «узнаваемыми остаются только глаза. После того, как грим наложен, она становится как будто выше, тело стройнее, лицо светится, словно озаренное свечами...».

Обе они присутствовали на званом обеде, чтобы объявить о наградах и новых открытиях. «Теперь, — говорила Кнеф, — на

ней красное платье, слишком тесное для нее; я уже видела его в шкафу «Фокса». Кроме того, что оно слишком тесно, оно и выглядит так, словно его выкопали из старого бабушкиного сундука. Глаза полуприкрыты, рот полуоткрыт, руки слегка подрагивают. Один бокал — слишком много для ребенка, впервые пришедшего на вечеринку. Фотографы как можно выше поднимают камеры, освещая вспышками ложбинку на груди. Она сгибается и выпрямляется, поворачивается и улыбается, с готовностью демонстрируя себя перед объективами. Кто-то склоняется над ней, что-то шепчет на ухо. «Нет, прошу вас, — говорит она. — Я не могу». Дрожащая рука хлопает по стакану. Наконец она поднимается, слышатся смешки — узкая юбка мешает идти, — она направляется к микрофону. Походка нелепа, кажется, что от цели ее отделяют мили; все пялятся на платье, ожидая, что оно вот-вот лопнет и наружу вывалятся грудь, живот и задница. Гремит хриплый голос распорядителя: «Мэрилин Монро!» У микрофона она застывает, закрывает глаза. Следует длинная пауза, во время которой слышно ее усиленное динамиками дыхание — прерывистое, тяжелое, непристойное. «Привет», — шепчет она и шествует в обратную сторону».

«Асфальтовые джунгли», истинное рождение Мэрилин в кино, появились на экранах в июне 1950 года. Закрученная история о ювелирном ограблении, преступлении и наказании и о том, что происходит, когда воры ссорятся. И сегодня эта картина — одна из лучших среди фильмов подобного рода. Мэрилин играла молодую любовницу стареющего преступника, отношения между которыми — в угоду морали дня — подавались как отношения «племянницы» и «дяди». Ее заметили обозреватели «Нью-Йорк Пост» и «Геральд Трибьюн». «Таймс» с похвалой отозвались об игре Мэрилин, назвав ее «безупречным исполнением».

Несмотря на все это, Мэрилин не получила работы, о которой мечтала. За год у нее было несколько эпизодических ролей, типичных для голливудской машины, штампующей дешевку. Джонни Хайд устроил ей семилетний контракт на «Фоксе», но Даррил Занук, человек, однажды уволивший ее, навязывал ей мелкие роли в картинах-однодневках. И Мэрилин предстает в двух ипостасях — публично создает дерзкий образ секс-символа, а в частной жизни — образованной актрисы.

В 1951 году Мэрилин, которой уже исполнилось двадцать пять лет, записалась на вечерний факультет Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, остановив свой выбор на

литературе и искусствоведении, в частности, на искусстве Ренессанса. На занятия она ходила в скромном платье, и едва ли кто знал, что она была старлеткой. Для преподавателя литературы эта студентка «ничем не отличалась от девушки, только что вышедшей из монастыря».

Одна незначащая роль сменяла другую, но Мэрилин продолжала спокойно и упорно работать над своим актерским мастерством. Она позаботилась о том, чтобы ее преподаватель Наташа Лайтес была с нею на «Фоксе». Лайтес вспоминает: «Ее привычка смотреть на меня всякий раз, когда она заканчивала сцену, в просмотровом зале давала повод для постоянных шуток... Пленка с отснятым материалом кишела эпизодами, в которых Мэрилин, закончив диалог, немедленно, прикрыв от света глаза рукой, начинала искать меня, спеша убедиться, что хорошо справилась с заданием».

Мэрилин, не спросясь Лайтес, стала брать дополнительно уроки у Михаила Чехова, племянника писателя и ученика Станиславского. Во время занятий она играла Корделию, а он — короля Лира. Его талант завораживал ее. Незадолго до смерти в интервью она говорила о нем как о своем кумире, человеке, «который показал мне, что у меня на самом деле есть талант и что мне нужно развивать его».

Однажды, репетируя сцену из «Вишневого сада», Чехов неожиданно спросил, не была ли она сексуально озабочена, исполняя свою роль. Мэрилин дала отрицательный ответ. Тогда Чехов мудро заметил: «Теперь я понимаю ваши проблемы на студии, Мэрилин. Вы молодая женщина, от которой, независимо от того, что она делает или чувствует, исходят сексуальные флюиды. Ваших боссов на студии ничего не интересует, кроме этого. И я понимаю, почему они отказываются видеть в вас актрису. Вы представляете для них большую ценность как сексуальный стимул».

Интервьюеру Мэрилин сказала, как она ответила Чехову: «Я хочу быть художником, а не эротической причудой. Я не хочу, чтобы меня подавали публике как целлулоидное средство, усиливающее половое чувство. Первые несколько лет меня это вполне устраивало. Но сейчас многое изменилось».

Конечно, когда было нужно, Мэрилин пускала в ход это оружие. Ей не раз удавалось встряхнуть директора студии

Даррила Занука и вывести его из состояния апатии. Писатель Роберт Кан описал тот эффект, которого она достигла одним прекрасным вечером 1951 года.

«Кафе де Пари», лучше известное как лавка студии «XX век— Фокс», было переполнено оживленными студийными «шишками» и свеженапомаженными торговцами. Гости собрались за стаканчиком виски с содовой. На закуску подавались такие звучные имена как Сьюзан Хейуорд, Джин Крейн, Джун Хейвер, Анн Бакстер, Грегори Пек и Тайрон Пауэр. У бара порядком уставший агент печати просил налить ему пятый хайбол, когда он поднял глаза к входу и увидел только что пришедшую Мэрилин Монро, недавно приобретенную студией старлетку. Она стояла там среди медленно воцарявшейся тишины, белокурое создание в черном без бретелек платье для коктейля. Слегка запыхавшаяся, она напоминала Золушку, явившуюся из кареты-тыквы. Пока давно признанные звезды кино оценивающе разглядывали ее, Мэрилин Монро, на счету которой едва набралось пятьдесят минут экранного времени, оказалась в центре внимания!.. Наконец, когда гости расселись, блондинка заняла место во главе стола номер один по правую руку от президента компании Спироса Скураса».

Зрители уже вынесли свой вердикт. Незначительные роли Мэрилин в кино вызвали бурный поток посланий от почитателей. Ее изображения в дешевых журналах сделали ее «пин-ап»3 страны — «мисс Творожный Пудинг 1951» для американских войск в Германии. Теперь, утро спустя после того, как она взяла штурмом Спироса Скураса, Даррил Занук был вынужден поддаться давлению. Жалование Мэрилин подскочило до 500 долларов в неделю, и Занук распорядился, чтобы ей давали больше ролей. Благодаря вмешательству ее приятеля, Сиднея Сколски, ей позволили работать на другой студии, где с ее участием собирались снять изысканный фильм «Ночная схватка» по пьесе Клиффорда Одетса. Вскоре «Нью-Йорк Уорд-Телеграм» назовет ее «сильной актрисой, одаренной молодой звездой».

Мэрилин никогда не забывала обхаживать друзей из отдела печати. Сейчас это сослужило ей хорошую службу. В тот год в журнале «Лайф» появился ее портрет вместе с фотографиями других старлеток. Осенью Рой Крафт позвонил Руперту Аллану, редактору журнала «Лук» на Западном побережье, и Теду Страуссу, его коллеге из «Колльера».

Руперта Аллана, высокообразованного выпускника английского Оксфордского университета, долго уламывать не пришлось. Он терпеливо ждал, как большинство мужчин в его положении, пока Мэрилин закончит одеваться в своей тесной квартирке. С добродушной улыбкой наблюдал он за тем, как Мэрилин выполняет заученные упражнения перед камерами и распространяется на тему анатомии человека в изложении флорентийских докторов. Взыскательным взглядом осмотрел он недорогие репродукции Дюрера, Фра Анжелико и да Винчи, прикрепленные клейкой лентой к стенам.

Интерес Аллана еще больше возрос, когда рядом с постелью увидел он портрет женщины в черном, но это была не Сара Бернар и не Гарбо, а итальянская актриса Элеонора Дузе. Через несколько дней Аллан превратился в консультанта Мэрилин в области искусства. В будущем ему было суждено стать ее пресс-агентом и другом на всю жизнь. Другими словами, «Лук» почтил Мэрилин своим вниманием, поместив ее фото на обложке читаемого по всей стране журнала. Он также объявил всему миру, что эта голливудская актриса желает упражнять свой ум.

На студии Теду Страус су из «Колльера» сказали, что Мэрилин боится давать интервью для большой статьи, и посоветовали ему пригласить ее на обед. Страусе совершил паломничество на ту же квартиру, дождался актрису и пригласил ее к Романову. Там ему воочию пришлось испытать тот эффект, который она производила на окружающих, в данном случае на зал, полный народу.

«Это было настоящее явление, — вспоминает Страусс. — На ней было что-то красное. Она казалась полуголой и полуодетой, с вырезом почти до пупка. Она вошла и начала спускаться по лестнице, и жизнь вокруг словно замерла. Все таращились на нее, — помнится, что освещение сделало их глаза похожими на пустые глазницы черепов, — создавалось впечатление приема на кладбище. Но это еще было не все. Я ожидал увидеть составленную из заученных фраз и движений маленькую девочку, мечтавшую сделать карьеру любым способом. Мнение мое, когда я уходил с обеда, не изменилось. Она делала то, чего от нее ожидали люди, в то же время неуверенно, отчаянно пыталась справиться с тем, что ей досталось по наследству. Мы разговаривали об актерской игре, но она много также говорила о детях, — о детях, которые, став взрослыми, сумели бы пойти собственным путем».

* * *

В тот 1951 год, когда совершился ее прорыв в кино, Мэрилин исполнилось двадцать пять лет. Из квартиры, которую она снимала вместе с преподавательницей актерского мастерства, актриса переехала и снова вернулась к прежней, скрытой покровом тайны, личной жизни, пока не получил широкую огласку роман с Джонни Хайдом. Обычно она жила одна, но некоторое время ее одиночество скрашивала молодая актриса, с которой Мэрилин познакомилась на благотворительном бейсбольном матче несколько лет назад. Новую подругу звали Шелли Уинтерс. Они делились историями о несчастных любовных приключениях, неродившихся детях и неуважительном отношении к шоу-бизнесу.

Уинтерс не могла не заметить незащищенности Мэрилин. Ей так недоставало внимания, что она буквально ходила за приятельницей по пятам, не оставляя ее даже в ванной комнате. «Стоило уединиться в сортире, — рассказывала Уинтерс, — как она уже думала, что ты исчезла навеки и навсегда оставила ее в одиночестве. Она даже открывала дверь, чтобы проверить, на месте ли ты. В сущности она была маленьким ребенком».

По утрам в воскресные дни две молодые женщины чинно сидели и слушали классическую музыку. Как только часы отбивали полдень, они обращались к Фрэнку Синатре или Нату Кинг Коулу. Однажды, рассматривая фотографии неженатых актеров в «Академическом справочнике актеров», они оплакивали свою несостоявшуюся любовь. Шелли Уинтерс вспоминает, как Мэрилин задумчиво сказала: «Не лучше ли быть как мужчины: просто проставлять «галочки» и спать с самыми привлекательными мужчинами, не давая воли чувствам?»

После этого каждая из них составила список мужчин, с которыми им хотелось бы переспать. Список Мэрилин, по словам Уинтерс, включал такие имена как: Зиро Мостел, Эли Уоллэч, Чарльз Бойер, Джин Ренуар, Ник Рей, Джон Хьюстон, Элиа Казан, Гарри Белафонте, Ив Монтан, Чарльз Бикфорд, Эрнест Хемингуэй, Чарльз Лаутон, Клиффорд Одетс, Дин Джеггер, Артур Миллер и Альберт Эйнштейн.

После смерти Мэрилин Уинтерс среди вещей давнишней подруги увидит заключенную в рамку фотографию Эйнштейна с

надписью: «Мэрилин с уважением, любовью и благодарностью, Альберт Эйнштейн». На основании этого она сделала очевидное, на ее взгляд, заключение. Однако другой приятель Мэрилин, имя которого значилось в необычном списке, расставил все по своим местам.

Актер Эли Уоллэч, позднее работавший с Мэрилин, отрицал, что был в числе счастливчиков, которым повезло. Он с немалой радостью сообщил, что подпись на портрете Альберта Эйнштейна — дело его рук. Именно Уоллэч «в шутку» подарил его Мэрилин после того, как она показала ему письма Эйнштейна. Уоллэч пожелал удачи историкам, которым в будущем придется проводить экспертизу почерка на фотографии.

Из семнадцати мужчин, значившихся в списке Мэрилин, она познакомится с девятью, трое из них действительно станут ее любовниками. Причем одному свою благосклонность она подарит в тот же год, когда список был составлен.

Теплым днем 1951 года в дом Чарли Фелдмена, агента Мэрилин, в Голдуотер-Каньон приедет его бывшая жена, фотограф Джин Говард. Позже она будет вспоминать, что, уезжая, «заметила сидящую у бассейна маленькую блондинку. Я не знала, кто она такая, но все-таки предложила ей кока-колу, от которой та отказалась. У Чарли в тот день намечалась встреча с Элиа Казаном, и Мэрилин ждала их».

Элиа Казан — «Гедж» для друзей — к тому времени был видной фигурой на американской сцене и в кино. Ему исполнился сорок один год. Он был и актером, и режиссером. В тот год увидело свет одно из его выдающихся творений — «Трамвай "Желание"». Родившись в предместье турецкого города Стамбула, он был теперь стопроцентным нью-йоркцем. О Голливуде он говорил с оттенком пренебрежения, но не скрывал, что ведущему режиссеру кино без этого зла не обойтись. В 1951 году он состоял в браке с драматургом Молли Тэчер. Их долгий союз увенчался рождением четырех детей. Сегодня Казан отказывается беседовать о Мэрилин Монро, но есть немало свидетельств об их романе.

Фотограф Милтон Грин узнал про это от самой Мэрилин Монро. Актер Эли Уоллэч также был в курсе. В эту тайну посвящен и тогдашний агент Мэрилин Ален Бернхейм. Он вспоминает, что «"Трамвай" получил множество наград Академии

по различным номинациям, но Мэрилин не могла присутствовать на церемонии награждения, поскольку Казан был женат. Поэтому он оставил ее у меня и сказал, что позже присоединится к нам в маленьком ночном клубе на Беверли Хиллз. Вдвоем с Мэрилин мы провели несколько часов в полутемном баре у пианино в ожидании, когда Гедж освободится».

Другой агент Милт Эббинс вспоминает об одном комичном происшествии, которое произошло уже в разгаре их знакомства. По какому-то срочному делу он зашел к Казану в его номер в гостинице «Беверли Хиллз». Каково же было его удивление, когда ему навстречу выплыла полуодетая Мэрилин — в одной пижамной куртке хозяина номера.

Сидя с Мэрилин Монро в баре в памятный вечер вручения академических наград, Ален Бернхейм изумлялся по другому поводу. «Было необычным то, — вспоминает он, — что Мэрилин повторяла сказанное ей Казаном, причем так, словно эти идеи родились в ее собственной голове. Я очень хорошо знал Казана и понимал, что подобные мысли исходили от него. Она все впитала в себя, дословно запомнила то, что он говорил о любви, актерской игре и политике».

Для Мэрилин дружба с Казаном, несомненно, означала впрыскивание изрядной дозы радикальных политических взглядов. Казан когда-то был членом коммунистической партии. В 1952 году — в год его знакомства с Мэрилин — перед комитетом конгресса, проводившим расследование антиамериканской деятельности, он, вызвав раздражение своих друзей и коллег, признается в прошлой связи.

Когда Руперт Аллан, готовя интервью для журнала «Лук», посетит Мэрилин в ее доме, он увидит над кроватью фотографию, на которой были два человека. В одном он без труда узнал Элиа Казана. Когда он попросил Мэрилин назвать имя второго, высокого парня, та ответила: «Пока мне бы не хотелось этого делать».

Аллан не узнал Артура Миллера.

С Миллером Мэрилин познакомилась в компании Элиа Казана. Это случилось несколько дней спустя после ее неудавшейся попытки самоубийства, на которое ее толкнула смерть Джонни Хайда. В это время она работала над ролью в

фильме «Пока вы молоды» и пребывала в состоянии упадка душевных и физических сил. Она появилась на сцене, а затем незаметно удалилась в укромный уголок, где оставалась наедине со своими мыслями.

Когда Миллер познакомился с Мэрилин, он уже был женат на тонкой брюнетке, на год младше его, и имел двух детей. Жену его звали Мэри Слэттери, она была его подружкой со студенческих времен. В брак они вступили в 1940 году. Мэри работала корректором в издательстве «Харпер», в то время как ее муж пробовал себя в качестве свободного писателя. В ту пору Миллер исповедовал радикальные взгляды и в число своих друзей включал коммунистов. Это-то в один прекрасный день и вынудит его предстать перед комитетом конгресса.

К работе над первой пьесой, имевшей успех, подтолкнула его беседа с тещей о женщине, которая сдала властям собственного отца за то, что тот во время войны отгрузил для армии партию бракованных авиадвигателей. В 1947 году пьеса «Все мои сыновья» завоевала награду нью-йоркских театральных кругов. Два года спустя новое произведение «Смерть коммивояжера» принесла ему премию Пулитцера и настоящую славу. В 1950 году, когда вместе со своим другом Элиа Казаном он в канун Рождества приехал в Голливуд, чтобы обсудить картину о бандитизме на рынке труда, Артур Миллер был уже знаменитым драматургом.

Из многочисленных источников, включая и слова признаний, оброненных ими самими, этот его приезд стал началом любовного романа с Мэрилин Монро. Как рассказывает Камерон Митчел, молодой актер, игравший в Бродвейском спектакле «Смерть коммивояжера», однажды днем они с Мэрилин шли на обед и она внезапно остановилась. В нескольких ярдах от них, прислонившись к стене павильона звукозаписи, стояли два человека — Казан и Миллер. Ее внимание привлек Миллер, долговязый, как каланча, и она спросила у Митчела, кто это. Митчел представил их друг другу.

Случайное знакомство имело продолжение. Вскоре Миллер наблюдал за игрой Мэрилин на съемочной площадке в фильме «Пока вы молоды». Потом с Казаном на прицепе он зашел в гримерную, но ее там не оказалось. Режиссер картины, приятель Казана, предупредил драматурга, что после смерти Джонни Хайда актриса замкнулась в себе. По словам Миллера, они наконец отыскали Мэрилин на соседнем студийном складе. Мэрилин

позже вспоминала, что, когда они появились, она плакала.

На той же неделе Миллер и Мэрилин встретились на вечеринке, устроенной Чарли Фелдменом, агентом Мэрилин и соседом Казана. По утверждению Наташи Лайтес, Мэрилин в тот день вернулась домой в 4 часа утра. Ей нестерпимо хотелось поговорить. «Я редко видела ее такой умиротворенной, — вспоминала Лайтес. — Она сняла туфлю и пошевелила большим пальцем. "Я встретила человека, Наташа, — сказала она. — Это было что-то! Видишь мой палец? Этот большой? Он сидел и держал его в своих руках. Я хочу сказать, что сидела на диван-кровати, и он тоже сидел на нем и держал мой палец. Знаешь, это был кайф! Знаешь, как глоток холодной воды, когда тебя мучает лихорадка"».

Не прошло и нескольких дней, как Миллер написал Мэрилин, предложив ей крут чтения. «Если вам нужен кто-то, кем вы хотели бы восхищаться, почему бы не взять для этого Авраама Линкольна?» Мэрилин, как это теперь хорошо известно, и без того уже обожала Линкольна. Ее восхищение им началось еще в ту пору, когда она училась в средней школе и когда ее сочинение о Линкольне было признано лучшим в классе. По счастливому совпадению Артур Миллер учился в школе Авраама Линкольна. Пять лет спустя, незадолго до заключения брака с Миллером, Мэрилин огорошит Джошуа Логана, режиссера фильма «Автобусная остановка» своим заявлением: «Правда, Артур выглядит в точности как Авраам Линкольн? Я просто без ума от него!»

«Он увлек меня тем, что умен, — признается Мэрилин королеве репортеров светской колонки Луэлле Парсонс. — У него ум сильнее, чем у любого из мужчин, которых я когда-либо знала. Он понимает и поощряет мое стремление к самосовершенствованию».

Наташа Лайтес вспоминала, что сразу после первой же встречи с Миллером «я могла сразу сказать, что Мэрилин влюбилась в него. Это проявлялось в манере ее игры». Через год после описываемых событий один друг увидел фото Миллера в спальне Мэрилин, то же, о котором говорит Руперт Аллан из журнала «Лук». Этот гость, однако, узнал драматурга, что дало ему потом повод написать: «Мэрилин даже взвизгнула. Она сказала, что другие люди, кто бывал в комнате, никогда не узнавали его. Тогда, судя по поведению Мэрилин, у меня

сложилось впечатление, что они симпатизировали друг другу. Но она обмолвилась, что он был женат и, по ее мнению, ничего из этого не могло выйти». Позже перед приходом репортеров она станет фотографию переворачивать лицевой стороной вниз. Это как раз и возбуждало любопытство гостей, которые рассматривали снимок и, конечно, узнавали драматурга.

Актриса Морин Стэплтон, работавшая с Мэрилин в Нью-Йорке пять лет спустя, вспоминает: «Мэрилин сказала мне, что остановила выбор на Артуре давно, задолго до того, как они поженились. Она не приезжала в Нью-Йорк и в Актерскую студию потому, что хотела стать великой актрисой. У того парня не было шансов увильнуть от нее, если уж она так решительно настроилась на него. Она остановила свой выбор на Артуре — и она получила его».

Но в 1951 году Миллер с женой и детьми оставался в Нью-Йорке. Мэрилин в Голливуде продолжала преодолевать те препоны, которые сама же для себя поставила. В своем первом длинном письме к ней Миллер писал: «Очаруй их тем образом, который им нужен, но я надеюсь и почти заклинаю тебя: только не обожгись в этой игре и не изменись...»

В канун Нового 1951 года в доме журналиста Джима Бейкона из «Ассошиейтед Пресс» раздался телефонный звонок. Звонила Мэрилин. Бейкон на протяжении трех лет время от времени виделся с Монро. Она умоляющим голосом попросила его: «Накануне Нового года, Джим, я не хочу оставаться дома одна. Ты не можешь пойти со мной на вечеринку?» Бейкон, человек семейный, сказал, что его жене это не понравится.

На другом конце провода слабый голосок «мисс Сырный пирог» того года отозвался: «О, я понимаю», — и она повесила трубку.

Девушку, которая умела мечтать лучше других, впереди ждало еще много праздников, проведенных в полном одиночестве.

Примечания

1. Курить она бросила в середине пятидесятых.

2. В Голливуде ее называли «Нефф».

3. Полураздетая красотка, соблазнительное фото (амер. жарг.)

Глава 9

«Я хочу, чтобы ты поговорил с этой девушкой, — сказал руководитель отдела рекламы «Фокса» Гарри Брэнд. — Мы готовим ее — хотя, вероятно, точнее было бы сказать, она готовит себя — к тому, чтобы стать самой сексуальной штучкой в кино со времен Джин Харлоу». Слова эти были произнесены 5 января 1952 года. Главный посредник Даррила Занука при решении щекотливых вопросов давал обед в честь репортера-фельетониста Хая Гарднера.

Брэнд снабжал Гарднера информацией, тщательно отбирая ту, которая сулила автору наибольший успех у читателей. «Нас немного беспокоит только одна вещь, — признался он. — Когда дела шли из рук вон плохо, Мэрилин позировала для местного фотографа, и сегодня эти снимки красуются в календаре, напоминая картинки из «Сентябрьского утра», только еще хлеще. Я бы показал тебе фото, но наш юридический отдел спрятал их в сейф».

Едва эта фраза, пробудившая интерес, была произнесена, как появилась Мэрилин, готовая уделить внимание заезжему журналисту. Вещь, которая беспокоила Бренда, — это календарь Кейпера. Связанная с ним история вскоре найдет отражение в сенсационных газетных заголовках. Эхо ее не смолкнет месяцы и даже годы спустя.

Официальная версия календарной истории такова. В 1949 году, когда Мэрилин было двадцать три года и она не имела работы и средств к существованию, она в обнаженном виде позировала для фотографа Тома Келли. Сделанные снимки он продал «Вестерн Литограф Кампани» для серии календарей. По прошествии трех лет — к великому смущению Мэрилин, ее студии и тогдашнего продюсера — кому-то взбрело в голову сравнить лицо новой звезды «Фокса» с личиком и телом, украшавшим стены гаражей и парикмахерских на территории почти всех Соединенных Штатов.

В начале пятидесятых годов хорошенькие девушки не позировали обнаженными. Вскоре толпы газетчиков осаждали двери киностудии «XX век—Фокс». Нетрудно догадаться, что

руководство студии переполошилось и не знало, что делать. Ходили разговоры о разрыве контракта с Мэрилин и прекращении съемок фильма «Ночная схватка» с ее участием. Сама Мэрилин, говорят, также была в слезах. Потом она решила, что ей нужно признать факт, что она позировала в обнаженном виде, но при этом объяснить, что на такой шаг ее толкнула крайняя нужда. У нее даже не было денег, чтобы заплатить за жилье. Эта жалостливая история должна была вызвать у публики симпатию и превратить грандиозный скандал в триумф новоиспеченной звезды.

Конечно, это сработало. В продаже и сегодня можно встретить календарные снимки Мэрилин. Но правда о том, как эта история получила огласку, никогда не излагалась полностью. Эта забавная по своей сути повесть высвечивает еще одно свойство Мэрилин, показывая, что она была большой мастерицей создавать себе рекламу.

Как обычно, Мэрилин преподнесла эту сногсшибательную новость по-своему, обставив все весьма изощренным способом. Сначала она устроила для себя интервью с журналисткой из «Юнайтед Пресс Интернешнл» Алин Мосби. Мосби работала в агентстве, обслуживавшем тысячи газет, журналов, радио- и телестанций. Ей предстояло взять у Мэрилин интервью и расспросить ее об «обнаженном» календаре. Во время их разговора присутствовали Соня Вольфсон и Джонни Кэмбелл, студийные агенты из отдела рекламы. Об эпизоде с календарем им ничего известно не было, таким образом Мэрилин создала у Мосби впечатление, что та напала на действительно сенсационную новость.

«Она попросила Алин проследовать за ней в дамскую комнату, — вспоминает Кэмбелл, — представив все так, будто у нее были месячные. Естественно, пойти туда за ними я не мог. Там в относительной безопасности уединения она продолжила рассказ о своей судьбе натурщицы, ставшей украшением календаря. Все это нас страшно взволновало...»

Проникнутая сочувствием история в изложении Мосби появилась в прессе несколько дней спустя. Мэрилин недоумевала: «Я до сих пор никак не возьму в толк, как меня узнали». По меткому замечанию Кэмбелла: «Мэрилин понимала тогдашний дух страны лучше, чем кто бы то ни было из нас. Она понимала, что времена изменились».

Календарная история еще долго продолжала оставаться у всех на устах. Вскоре изображения обнаженной Мэрилин Монро украшали дома американцев по всей стране. Яркие оттиски со снимков можно было увидеть на подносах и стаканах в коктейль-барах. Мэрилин только бормотала, что вовсе не хотела, чтобы «картинки приобрели общегосударственный размах», но произносила она это очень спокойным голосом.

Тем временем защитники американской нравственности позаботились о том, чтобы скандальная история не заглохла. В 1953 году в Лос-Анджелесе был арестован владелец магазина фотоаппаратуры. Его обвинили в том, что у витрины его магазина останавливались школьники и глазели на выставленный на обозрение календарь. В Пенсильвании и Джорджии календарь был официально запрещен. Мэрилин снисходительно поблагодарила власти, и ее картинка оттуда пришла, задрапированная в черное кружево. Но и три года спустя после того, как Почтовое управление Соединенных Штатов объявило его непристойным, календарь еще имелся в продаже.

В декабре 1953 года один снимок из «обнаженного» календаря, купленный за 500 долларов молодым, никому не известным парнем по имени Хью Хефнер, украсил своим присутствием первый номер нового журнала «Плейбой». На обложке его появилась и сама Мэрилин, только в одежде. Таким образом, «Плейбой» мог похвастать, что его первой подружкой, вернее возлюбленной месяца — как это позже стало называться, — была Мэрилин Монро.

Так Мэрилин сыграла ключевую роль в первой атаке сексуальной революции в Америке. В противовес расхожему мнению, что однажды, чтобы заплатить за жилье, она согласилась сняться в порнографическом фильме, документальных доказательств на этот счет нет. В последние годы широкое распространение получили два старых порнофильма, в одном из которых чрезмерно физиологично показан половой акт, а во втором — сеанс стриптиза. Оба они были объединены названием «Apple Knockers and the Coke Bottle» (Яблочные буфера и бутылка коки). Оба выдавались как образец кинопродукции, в которой задействована Мэрилин Монро. Но проведенное исследование показало, что в обоих случаях женщина, принимавшая участие в фильмах, — не Мэрилин Монро.

Особенно близко подошла Мэрилин к порнопродукции в фильме, где снялась в возрасте двадцати одного года, за пять лет до эпизода с календарем, — и то это были вполне невинные кадры. Как-то в субботу вместе с отцом на студию приехала Стеффи — дочь Сиднея Сколски, друга Мэрилин. В ожидании его она бродила по павильонам и зашла в просмотровый зал, где актеры-контрактники просматривали куски, отснятые «ради забавы, и за чем Занук любил коротать выдавшиеся свободные минуты». Юная Стеффи увидела полностью одетую Мэрилин в весьма недвусмысленных объятиях молодого актера, Роберта Карнеса. Но этот кусок давным-давно был брошен в корзину.

История, связанная с «обнаженным» календарем, разразилась 13 марта 1952 года. Одновременно назревала другая газетная кампания, менее успешно подготовленная Мэрилин. Она никогда не уставала твердить людям, какое трудное, полное лишений детство было у нее, что стало еще одной темой, вызвавшей сочувствие зрителей. Этими байками, разбавленными новыми подробностями, она станет кормить прессу и знакомых на протяжении всей жизни. Самым излюбленным ее коньком будет тайна родительства.

В возрасте восемнадцати лет, будучи женой Дахерти, Мэрилин внезапно объявила, что намерена позвонить своему «отцу». Она пояснила, что вычислила его благодаря людям, которые работали с ее матерью. При Дахерти она набрала телефонный номер, но быстро трубку повесила. Ее «отец», сказала она, отказался говорить с ней.

Своего первого мужа Мэрилин все время называла «папочка» (Daddy). После смерти актрисы ее душеприказчица Инее Мелсон обнаружила кейс «атташе», в котором хранились письма от ее другого мужа, Джо Ди Маджо. Мелсон не могла не отметить, что тот подписывался «папа» (Pa).

Эта потребность в отце стала важной частью запутанных фантазий Мэрилин. В 1950 году, выступая в качестве старлетки, она как-то попросила Сиднея Сколски съездить с ней к «ее отцу». На другой день она повезла его в направлении Палм-Спрингс, утверждая, что ее отец живет в том районе на молочной ферме. На облюбованном ею месте Мэрилин припарковала машину, затем пешком прошла по дороге, ведущей к скрытому за деревьями дому. Что было дальше, Сколски не видел.

Вернувшись, Мэрилин сказала ему, что отец, «сукин сын», прогнал ее: «Послушай, Мэрилин, я женат, у меня есть дети, я не хочу, чтобы с твоим появлением в моей семье возникли неприятности».

В своей газете об этом инциденте Сколски не написал, хотя, возможно, именно этого добивалась актриса.

Читатель, вероятно, заинтересуется, на самом ли деле Мэрилин встретилась с кем-то за оградой из деревьев. Две недели спустя, когда Сколски начал рассказывать о происшедшем Наташе Лайтес, та оборвала его, заметив, что похожий спектакль с таким же сюжетом Мэрилин недавно устраивала и для нее.

По прошествии нескольких лет произошло два сходных события, разделенных во времени месяцем с небольшим. Мэрилин разыграла с Ральфом Роберт-сом и своим помощником по работе с прессой Пэт Ньюком такие же сцены. Это случилось в 1961 году, когда актриса только что выписалась из психиатрической больницы.

Были ли это настоящие попытки встретиться с родным отцом, бросившим ее? Или они стали проявлением изощренной фантазии, давно придуманным сценарием на тему, как вызвать жалость к Мэрилин Монро? Стэнли Джиффорд, один из вероятных отцов Мэрилин, после Второй мировой войны действительно имел молочную ферму в районе Палм-Спрингс. Возможно, он был ее отцом и на самом деле отказался от нее. Определенно можно сказать только то, что после этих вояжей, предпринятых в 1950 году, ум Мэрилин на теме отцовства замкнулся.

Своей нью-йоркской хозяйке Эми Грин она сообщит, что встречалась с отцом. В то же время своему давнишнему преданному другу Генри Розенфельду представит историю по-иному, сказав, что ее отец был «фермером со Среднего Запада» и что она жаждет встретиться с ним.

Как-то на одном приеме в Нью-Йорке Мэрилин приняла участие в игре, в которой ей нужно было сказать, чего ей хочется больше всего на свете. В ответ, по словам Розенфельда, она заявила, что «ей хотелось бы надеть черный парик и подхватить отца где-нибудь в баре и сделать так, чтобы он переспал с ней. Потом сказать ему: "Ну, как тебе нравится иметь дочь, с которой

ты только что переспал?"»

В начале 1952 года, когда миф Мэрилин начал овладевать умами сограждан, она предприняла попытку извлечь выгоду из истории своей семьи. Дело было так. Она отправилась в Малибу, чтобы встретиться с репортером Джимом Хенаганом в его доме на побережье. Упали сумерки, вино лилось рекой, написал спустя некоторое время Хенаган, и Мэрилин разоткровенничалась. Она сказала, что ее отец погиб при дорожно-транспортном происшествии. Это и в самом деле случилось с одним из ее предполагаемых отцов. Потом она добавила: «У меня никогда не было дома, который я могла бы назвать своим. Вообще ничего, что принадлежало бы мне одной. Моя мать умерла, когда я была младенцем...»

Если сказанное об отце в какой-то мере могло соответствовать истине, то о матери она, конечно же, говорила неправду — мать Мэрилин была жива, и актриса хорошо знала, что та лежала в психиатрической лечебнице неподалеку. Тем не менее она давно начала говорить агентам по связи с общественностью, что родители ее умерли, и теперь не упускала случая упомянуть об этом.

На этот раз, однако, выдумки превратились в бумеранг. Хенаган сочинил историю, в которой Мэрилин изображалась как сиротка, «самая одинокая девушка Голливуда». Но другой журналист, Эрскин Джонсон, обнаружил, что мать Мэрилин жива. Сообщение об этом появилось в его газете.

К величайшему удивлению Мэрилин, мир ее не рухнул. Газетчики решили, что эта была очередная интересная выдумка из серии фантазий Мэрилин Монро. Зачем это им было нужно? Мэрилин стала национальным достоянием, утешением государственного масштаба, с которым никто не хотел расстаться. С тех пор ее жизнь напоминала качели, возносившие ее на вершину триумфа и низвергавшие в бездну печали, а окружающий мир жадно наблюдал за всеми перипетиями ее судьбы.

* * *

Весной 1952 года благодаря шумихе, связанной с календарями, началась самая широкая рекламная кампания. Журнал «Лайф» соизволил выразить свое благосклонное мнение,

объявив, что истина состоит в том, что наконец появилась «поражающая великолепием шикарная девушка, которая не оставит равнодушным ни одного человека в мире, и отныне все ринутся к кассам кинотеатров». В это время, когда Мэрилин вместе с Кэри Грантом снималась в картине «Обезьяньи проделки», газеты начали публиковать сообщения о болезни Монро, тем самым мир получил самое надежное подтверждение, что родилась звезда.

28 апреля съемки фильма были приостановлены, так как Мэрилин оказалась на больничной койке. Ей предстояло удаление аппендикса. Операция была выполнена в больнице «Ливанские кедры», где год с лишним назад скончался ее любовник Джонни Хайд.

В операционной медицинская сестра вслух поинтересовалась, неужели Мэрилин и впрямь была «блондинкой с головы до пят» — такую шутку она сама однажды бросила прессе. (Но это не соответствовало действительности. В более позднее время обесцвечивание лобковых волос станет одной из обязанностей ее парикмахера.) Но шутки были сразу же забыты, как только сестра обнаружила нацарапанную карандашом записку, прилепленную клею-щей лентой к животу пациентки. В ней говорилось:

«Обязательно прочитать перед операцией.
Дорогой доктор,
Отрежьте как можно меньше. Я понимаю, что это может показаться глупым, тем более что этот факт как будто не имеет к делу отношения, — но я женщина и это очень важно и многое значит для меня. Сохраните (хотелось бы добавить: насколько можно) все, что можете, — я всецело в ваших руках. У вас есть дети, и вы должны понимать, что это значит, — доктор, прошу вас. Я чувствую, что вы так и поступите! Спасибо — спасибо — Бога ради, доктор, не трогайте яичник, — и, пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы шрамы были как можно меньше. Спасибо от всего сердца.

Мэрилин Монро».

Хирург, доктор Маркус Рабуин, уже был осведомлен о тревоге пациентки по поводу своей способности забеременеть. Вероятность того, что в области малого таза возникнут осложнения, была мала. Кроме того, на операции ожидалось присутствие гинеколога. Это был доктор Леон Крон, который с

данного момента будет сопровождать Мэрилин в ее длинном пути к достижению цели стать матерью.

Операция прошла гладко. Когда звезда пришла в себя, на животе ее был один неизбежный шрам. «Когда я сказал Мэрилин, что она может отправляться домой, — вспоминает доктор Рабуин, — глаза ее наполнились слезами и она сказала: «Не могу, потому что у меня нет денег, чтобы оплатить больничный счет». Я предложил ей позвонить на студию; пусть они позаботятся об этом. Она спросила: «И вы думаете, они это сделают?» Она все-таки позвонила. Разумеется, они оплатили счет и через час прислали к больничным дверям лимузин».

Несмотря на то, что чувство неуверенности и незащищенности еще не оставило ее, отныне Мэрилин Монро могла жить как звезда. Студийный лимузин доставил ее в относительно недорогой отель «Беверли Карлтон», где она жила до операции. Но вскоре она уже перебралась в роскошные апартаменты в отеле «Бель-Эр». Оплачиваемый ею счет достигал 750 долларов в месяц. Теперь она могла себе это позволить.

1 июня 1952 года, в день своего двадцатишестилетия, Мэрилин получила от голливудской элиты горы подарков и пачку телеграмм. Говорят, в этот вечер кинозвезда ужинала в одиночестве; но у нее состоялся долгий телефонный разговор с мужчиной в Нью-Йорке. Звали его не Артур Миллер — тот пока был вне досягаемости. Она разговаривала с Ди Маджо.

Глава 10

«Нет ничего радостного в браке с электрическим светом».

Ди Маджо

В наши дни еще появляются книжки и газетные статьи, посвященные патриарху бейсбола, которого величают «Последним героем». Джо Ди Маджо, взмахнувший последний раз бейсбольной битой в 1951 году, прожил с тех пор еще тридцать четыре года1, и каждый его шаг сопровождался аплодисментами. Потом он играл в гольф и, навевая ностальгические воспоминания на преданных болельщиков бейсбола, неоднократно участвовал в различных шоу. Для тех, кто смотрит коммерческие телевизионные передачи, он стал «мистером Кофе» и человеком Сбербанка Бауери. Тысячи раз в солнечное

калифорнийское утро собирался он со своей свитой в пивной сан-франциского ресторана, носящего его имя. Несмотря на то, что Ди Маджо дожил до семидесяти одного года и за тридцать лет практически ничего не сделал, его лавровый венок, похоже, остался неувядаемо-зеленым.

Каждый год в издательских кулуарах Нью-Йорк-Сити редакторы вспоминают, что Последний герой до сих пор не написал свою автобиографию. Из года в год ему предлагают контракты, но всякий раз он отказывается. Это вовсе не означает, что Ди Маджо вообще не любит говорить о своей лучшей поре или о тонких материях кофейного бизнеса. «Им меня не одурачить, — сказал Ди Маджо года два назад. — Люди хотят узнать о Мэрилин, но распространяться об этом мне как раз и не хотелось бы».

Темой, которой Ди Маджо не хотел касаться, было девятимесячное чудо — жизнь со звездой, вспыхнувшая ослепительным светом и тут же погасшая, подобно вспышкам репортеров, которые сделали все это достоянием гласности. Вернее было бы сказать, что Ди Маджо не выносит упоминаний о десятилетии в целом, поры, начавшейся так блистательно и закончившейся столь печально.

* * *

Весной 1952 года по предложению пресс-агента Роя Крафта Мэрилин с двумя игроками чикагской команды «Уайт Соке» снялась во время тренировки. Фотография была помещена в газете, которую читал Ди Маджо, и тот очень внимательно рассмотрел ее. Мэрилин, выглядевшая в свитере и шортах свежо и невинно, стояла с бейсбольной битой в руках, опершись на пятки. Ди Маджо, у которого было своеобразное хобби знакомиться с молодыми артисточками, навел справки у Гаса Зерниала. Этот бейсболист был одним из двух парней, стоявших на снимке рядом с Мэрилин.

Кстати, Ди Маджо знал коммерческого агента по имени Дэвид Марч, который собирался предложить Мэрилин целый комплекс своих услуг. Ди Маджо переговорил с Марчем, и тот пообещал устроить первое свидание. Когда он позвонил Мэрилин, особого интереса та не проявила.

«Мне незачем встречаться с ним, — ответила Мэрилин. —

Мне не нравятся люди в кричащих одеждах, в клетчатых костюмах, с накаченными мускулами и в голубых галстуках. Меня это нервирует».

Слабо представляя себе разницу между футболом и бейсболом, Мэрилин призналась, однако, что имя Ди Маджо ей знакомо. Она, правда, рискнула заметить, что так, вероятно, зовут одного итальянского актера. Но в конечном счете согласилась на обед с участием Ди Маджо, Марча и еще одной молодой актрисы. Свидание должно было состояться в 6.30 вечера в итальянском ресторане — несомненно — под названием «Вилла Нова».

В ресторан Мэрилин не пришла, и Ди Маджо усомнился в том, что человек, взявший инициативу в свои руки, знает ее. Марч позвонил Мэрилин, которая пробурчала, что слишком устала и никуда не пойдет. Но все-таки два часа спустя она предстала перед глазами Ди Маджо. Человек в строгом костюме, которого увидела Мэрилин, был крепкого телосложения, с тронутыми сединой волосами и выглядел лет на десять старше ее.

«Он был не похож на того, кого я ожидала увидеть, — скажет она Сиднею Сколски. — Я представляла его с черными прилизанными волосами в аляповатой спортивной одежде, с нью-йоркским говором». Как вспоминает Марч, в тот вечер Ди Маджо едва ли проронил хоть слово.

О подробностях той первой встречи почти ничего не известно. Правда растворилась в бесчисленных вымыслах журналистов. По словам Мэрилин, сказанным еще до распада их брака, она, к собственному удивлению, предложила Ди Маджо отвезти его домой. И тут оказалось, что им есть что сказать друг другу. Они три часа катались по Беверли Хиллз. Закончилось дело тем, что Ди Маджо выпросил у нее номер телефона, а до Мэрилин дошло, что Ди Маджо уже был всенародным любимцем и большой знаменитостью в своей области.

На другой день в студии об этой встрече Мэрилин не замедлила рассказать агенту, занимавшемуся ее рекламой. «Она все время прыскала от смеха, как школьница, — вспоминает Рой Крафт. — Она встретила этого замечательного человека, но сначала из его имени сделала тайну. Можно было подумать, что она пятнадцатилетняя девчонка, которая вернулась с первого свидания».

Крафт отнесся к делу с чисто профессиональной сметливостью. Он предложил Мэрилин сфотографироваться с любимым чемпионом Америки. Когда Ди Маджо появился на съемочной площадке, где с участием Мэрилин снималась картина «Обезьяньи проделки», его уговорили сфотографироваться в компании с Мэрилин Монро и Кэри Грантом. Снимок с Ди Маджо, который выглядит так, словно ему очень хотелось быть кем-то другим, тотчас опубликовали во всех изданиях страны. Лицо Кэри Гранта было аккуратно отрезано. Так Америка стала свидетельницей рождения новой романтической истории.

Сплетни о любовной парочке будут муссироваться в прессе на протяжении двух лет, пока заголовки газет не запестрят сообщениями о браке. Для самих виновников слухов, особенно Ди Маджо, все было не так просто.

Джозеф Пол Ди Маджо — коренной итальянец. Он был восьмым в семье сицилийской четы, иммигрировавшей в Соединенные Штаты на стыке веков. Его отец, Зио Пепе, был рыбаком. После неудачной попытки прижиться в рыбацкой деревушке на Севере, он перевез детей в Сан-Франциско. Произошло это за год до рождения Джозефа. В то время Сан-Франциско был еще неиспорченным городом, но портовая жизнь изобиловала трудностями. Не только рыболовный промысел, но и жизнь на берегу была полна опасностей, и, чтобы завоевать свое место под солнцем, приходилось вертеться. Вместе с иммигрантами пересекли океан и жестокие сицилийские нравы. Насилие считалось нормой.

Молодого Ди Маджо ждала участь рыбака, но он разочаровал своего отца. Он не слишком любил лодки и страдал от морской болезни. По этой причине отец и братья даже за человека его не считали. Он предпочитал держаться подальше от их насмешек и где-нибудь на песке учился играть в бейсбол, взяв вместо биты сломанное весло. Такое времяпрепровождение считалось несерьезным, и Ди Маджо на многие годы утратил то, что ценится итальянцами больше всего, — уважение братьев.

Уважение к нему вернулось, когда ему исполнилось девятнадцать. Играя за команду «Тюлени Сан-Франциско» (San-Francisco Seals), юноша установил рекорд Тихоокеанского побережья, благополучно получая очки на протяжении 61 игры. К нему стали присматриваться искатели молодых талантов, и в 1936 году двадцатидвухлетний Ди Маджо уже играл в бейсбол на

стадионе «Янки» в Нью-Йорке. В течение следующих пятнадцати лет, за исключением короткого перерыва на заключительном этапе войны, когда Ди Маджо служил в военно-воздушных силах, публика, как завороженная, следила за спортивным мастерством своего любимца. В 1941 году — за несколько месяцев до событий в Пирл-Харборе — Ди Маджо в 56 играх подряд выбил 56 очков — причем одно было получено с помощью чужой биты, когда его собственную украли. Таким образом, достигнутый спортсменом результат превзошел последний рекорд, который и сегодня остается непобитым. «Нью-Йоркские янки» выиграли призовой вымпел и Американский чемпионат по бейсболу. Музыкальные автоматы по всей стране распевали песенку, написанную специально для него:

В Храме бейсбольной славы будет он царить,
И будут дети внуков наших его боготворить.
Имя Ди Маджо у всех на устах,
Удар его противникам внушает страх.

После войны Ди Маджо продолжал играть, приводя публику в неистовство, но его преследовали травмы и болезни. Годы славы достались ему с невероятным трудом. Он и сам не берег себя, предаваясь бражничеству больше, чем выносил его измученный язвами желудок, и выкуривая по две-три пачки сигарет в день. Некоторое время он даже состоял в браке — с блондинкой, будущей звездой экрана. Дороти Арнольд подвизалась в качестве певицы в одном из ночных клубов Нью-Йорка. С Ди Маджо они поженились в 1939 году, под радостные песни жителей Сан-Франциско, вышедших на улицы города и в знак приветствия размахивавших итальянскими флагами. Четыре года спустя Дороти, обвиняя Ди Маджо в жестокости, подала на него в суд, и они развелись.

Теперь в возрасте тридцати семи лет Ди Маджо был богат, свободен и, вероятно, очень одинок. Король бейсбольного поля вышел в путь на поиски королевы. Ему показалось, что в Мэрилин Монро он нашел ее. После встречи в «Вилла Нова» Ди Маджо стал усиленно ухаживать. Последовали новые свидания и, возможно, физическое завоевание. Рассказывали, что поначалу Ди Маджо, знававший и другие постельные триумфы, как будто даже бахвалился. Потом для прессы Мэрилин скажет, что она «вечером другого дня снова ужинала с ним, и в другие вечера тоже, так продолжалось до его отъезда в Нью-Йорк».

Менее чем за два года отношения их стали чем-то большим, чем простой материал для рекламной кампании Мэрилин. Доктор Рабуин, выполнявший аппендэктомию у Мэрилин, вспоминает беспрестанные звонки из Нью-Йорка от Ди Маджо. Розы приносили охапками. К дню ее двадцатишестилетия, 1 июня 1952 года, в газетах уже вовсю писали о возможном браке. Давать свои комментарии по этому поводу Мэрилин отказывалась, правда, снисходительно заметила (эксклюзивно): «Больше всего на свете мне хочется любить и быть любимой». Еще она добавила: «Мужчины подобны вину: с возрастом они становятся лучше. Но и против молодых людей у меня нет предубеждений».

Год спустя репортер Дик Уильяме в этой связи процитирует Мэрилин: «Меня вечно окружают сплетни о других мужчинах, якобы увивающихся вокруг меня, — произнесла она, отпив из бокала глоток воды и лениво глядя на меня своими альковными глазами. — Я, честно говоря, не понимаю, о чем это они толкуют. Кроме того, это страшно злит Джо. Как бы ему хотелось хорошенько отдубасить кое-кого из этих людей».

Гнев стал бы действительно неизбежным, если бы Ди Маджо знал, что происходит на самом деле. Выяснилось, что в течение двух лет ухаживания и даже иногда во время пребывания Ди Маджо в Лос-Анджелесе Мэрилин имела любовную связь, по крайней мере, с четырьмя мужчинами. С одним из них она всерьез обсуждала замужество, с другим, возможно, — тайно — очень короткое время даже состояла в браке.

* * *

Весной 1952 года на съемочной площадке «Обезьяньих проделок» она заметила одного, еще неоперившегося, юнца — молодого актера лет двадцати, то есть на шесть лет моложе ее. Нико Минардос, смуглый грек приятной наружности приехал из Афин совсем недавно. Актерскому мастерству он обучался в. Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. Курс включал прохождение класса кинопроизводства на студии «XX век—Фокс». Мэрилин попросила другого грека, работавшего в ту пору на «Фоксе», познакомить ее с Минардосом. Так начался этот любовный роман.

В настоящее время Минардос, старый актер, ставший удачливым продюсером, не стремится делать себе рекламу, распространяясь о своей связи с Мэрилин Монро. Работая над

книгой, я узнал о Минардосе из случайно оброненной фразы врача, который также знал Мэрилин. При нашей встрече он сказал, что в конце весны 1952 года у них с Мэрилин возник роман, продлившийся около семи месяцев. Затем они время от времени виделись до самой ее смерти. Знакомство завязалось еще до встречи Мэрилин с Ди Маджо.

«В то время я был совсем молодым щенком, — вспоминает Минардос, — а она была такой прелестной девушкой. Одной из самых красивых девушек, каких я когда-либо видел. Когда по утрам она просыпалась без грима, то была просто ослепительна. Она была умна, — вернее, обладала больше природной сметливостью, чем глубоким интеллектом, — такое чувственное дитя, и в то же время грязная подстилка. Но все же я любил ее. Я был очень молод».

Несмотря на «грязную подстилку», Минардос и Мэрилин стали близки. Они встречались либо в ее отеле, либо в его квартире на Уилширском бульваре. Иногда, приезжая на своем зеленом «Понтиаке», она заставала его за игрой в карты с кем-нибудь из приятелей. Двое молодых людей, в нижнем белье из-за нестерпимой летней жары, доигрывали партию, а Мэрилин ждала. Казалось, что она ничего не имела против.

Ясно, что Мэрилин больше не была существом, исполненным сексуального чувства, какой описывал ее первый муж Джим Дахерти. «Бывало, что высшей точки она так и не достигала, — говорит Минардос, — хотя очень старалась. Ее одолевали всевозможные проблемы психологического плана. Она была очень и очень несчастна».

В беседе Минардос заявил, что ничуть не сомневается в том, что Мэрилин постоянно использовала секс для достижения своих целей. При этом он упомянул имя Спироса Скураса, тогдашнего босса киностудии, который продвигал Мэрилин, пользуясь своим влиянием.

«Однажды вечером в ее отеле, — продолжает рассказ Минардос, — Мэрилин спросила меня: «Не будешь ли ты против оставить меня на часок? Между семью и восьмью у меня здесь назначено деловое свидание». Тогда мне показалось, что в том, как она это сказала, было что-то странное. Тогда я был молод и ревнив, и не привык спешить. Тут в дверь постучали, и послышался голос: «Дорогая, это я». Деваться мне было некуда. Я

надел штаны и открыл дверь, за которой стоял Скурас. Он пришел в такую ярость, что прогнал меня со студии. Позже, когда мы с ним сошлись, он никогда не называл меня по имени, а только «приятель Мэрилин». Тогда и потом я ругал Мэрилин за то, что она делает. Частично успеха она добивалась неправедным путем — манипулируя людьми».

В ноябре 1952 года, через шесть месяцев после начала ухаживания Ди Маджо, Мэрилин приведет Минардоса на его первый обед в честь дня Благодарения, в дом Фреда Каргера, своего любовника, отвергнувшего ее четыре года назад. В семье Каргера, ставшей для Мэрилин роднее, чем любая из ее приемных семей, молодого Минардоса встретили радушно. Однажды по просьбе Мэрилин Минардос взял ее посмотреть греческие обычаи — на пасхальную службу, проходившую в местной православной церкви. Бесконечно долгая церемония очаровала ее. К большому огорчению Минардоса, она захотела остаться до конца службы.

К осени 1952 года, рассказывает Минардос, Мэрилин заговорила о замужестве. Отношения зашли настолько далеко, что было решено позвонить в далекие Афины и переговорить с его родителями, которых Мэрилин удивила своим театральным заявлением: «Я хочу иметь от вашего сына ребенка».

У молодого Минардоса, правда, были свои причины увильнуть от брака. Теперь он рассказывает: «Я никогда не собирался становиться «мистером Монро». Если бы я женился, то моя жена стала бы "миссис Минардос"».

Минардос с содроганием вспоминает, как в тот год или немного позже в газетах стали появляться ссылки на Джо Ди Маджо, «приятеля Мэрилин». Однажды, когда он еще встречался с актрисой, он застал ее трудившейся над любовным письмом, адресованным Ди Маджо. Перед ней на столе лежала раскрытая тонкая коричневая книжка. Оказалось, это был томик писем английского романтического поэта, и Мэрилин переписывала оттуда целые куски. Письмо к Ди Маджо заканчивалось строками, которые родились на свет из совместных усилий Мэрилин и Минардоса.

Вскоре, однако, вспоминает Минардос, он узнал, что Ди Маджо был «страшно ревнив». Упоминания об этом встречались даже в популярных изданиях, которые, тем не менее, избегали распространяться о женских «шалостях» Мэрилин. Газетчики

усвоили, что Ди Маджо претит реклама, в то время как Мэрилин только этим и жила. В отеле «Беверли Хиллз» он будет бесцельно шататься по коридору, очень хорошо зная, что в это время она внизу в полном одиночестве принимает пищу. Итальянцу, родившемуся в Сан-Франциско, очень не нравилось, когда Мэрилин всему свету выставляла напоказ свое тело. Она говорила, что пытается несколько изменить свой образ, но жившая в ней эксгибиционистка все же одерживала верх.

Модельер Билли Травилла, который теперь одевал Мэрилин для фильмов, напрасно пытался ее отговорить носить слишком тесные вещи. Однажды, когда во время съемок сцены катания на роликах в фильме «Обезьяньи проделки» ей пришлось надеть пышную юбку, Травилла подумал, что наконец сумел победить ее. Он одел ее, полагая, что подготовил для сцены, затем в растерянности наблюдал, как она, изогнувшись, «буквально раздвинула руками половинки и затолкала в образовавшуюся щель несколько складок, чтобы сделать юбку уже. "Ну что, обдурила тебя, Билли, правда? — сказала она, вернувшись с площадки. — Тебя и твою дурацкую широкую юбку"».

Поведение Мэрилин в жизни, вне всяких сомнений, должно было опечалить Ди Маджо. Однажды во время визита на одну из военно-морских баз США она явно дразнила десять тысяч собравшихся муж: чин, когда говорила: «Право, не знаю, почему вы, ребята, всегда так возбуждаетесь при виде девочек в обтягивающих свитерах. Снимите с них свитера, и что у них останется?»

Через год Мэрилин на конкурсе «Мисс Америка», являясь гранд-маршалом парадного шествия, надела нелепое платье с вырезом почти до пупка. Говорят, Ди Маджо испытал боль обиды и стыда. Если бы он знал, что таит в себе эта выставленная на всеобщее обозрение красотка, его обида превратилась бы в муку. На природе, вдали от Лос-Анджелеса, Мэрилин развлекалась с очередным мужчиной.

Примечания

1. Книга была написана Саммерсом в 1985 году.

Глава 11

К этому времени миновало уже шесть лет с тех пор, как у Мэрилин начался роман с Робертом Слэтцером, молодым

писателем из Огайо, с которым она впервые встретилась в вестибюле киностудии «XX век—Фокс». Свою жизнь он делил между домом в Коламбусе, где имел постоянную работу в местных газетах, и Голливудом, куда регулярно приезжал, надеясь прорваться в кинобизнес. Несмотря на то, что за эти годы Слэтцер стал старше, он по-прежнему находился под очарованием «девушки бесхитростной», которая отдалась ему однажды на калифорнийском побережье. Мэрилин, со своей стороны, поощряла его. Он присылал ей из Огайо письма, а она в ответ разражалась потоком междугородных телефонных звонков. Эта привычка станет отличительной особенностью Мэрилин. В былые годы звонки заканчивались для нее неоплаченными счетами и, по крайней мере, одним судебным иском, предъявленным телефонной компанией.

Бывало, когда Слэтцер появлялся в Голливуде, они снимали для встреч меблированные комнаты. «Порой в этом не было необходимости, — говорит Слэтцер. — Если ты не оплачивал проживание, они могли запереть комнату и забрать все твое имущество. С нами обоими случалось такое, когда мы были парой, так что иногда мы делили жилище, чтобы меньше платить. Можно было бы сказать, что мы жили вместе, две недели в одном месте, месяц — в другом. Мы были непостоянными любовниками, но я думаю, что я стал одним из ее немногочисленных друзей на всю жизнь».

После смерти Мэрилин Слэтцер снискал себе сомнительную репутацию человека, помешанного на Монро. Вышедшая в 1974 году его книга «Жизнь и странная смерть Мэрилин Монро» положила начало устойчивому мнению, что неудачное знакомство Мэрилин с Робертом Кеннеди и стало причиной ее убийства. Это и плюс невнятное изложение своей точки зрения вызвали скептическое отношение к Слэтцеру, перерастающее порой в обвинения в подтасовке фактов. Некоторые даже сомневаются в том, знал ли он Мэрилин на самом деле. Репортеры и редакторы, не упускающие случая вынести имя Монро в заголовки, тоже относятся к нему критически, а порой с откровенной усмешкой, тем не менее сами они не предпринимают сколько-нибудь серьезных попыток провести собственное расследование.

Однако работе Слэтцера далеко до исследовательской. Его книга о Мэрилин, как и его интервью, сумбурна и практически не подкреплена документально. Во многих отношениях она

неубедительна и вызывает раздражение. Однако по причине его громких заявлений о последнем периоде жизни Мэрилин — в частности, о ее связи с президентом Соединенных Штатов и его братом Робертом — есть необходимость либо подтвердить его близкое знакомство с Монро, либо опровергнуть это. После многократных бесед с самим Слэтцером, с которым мы встречались на протяжении двух лет, и независимого исследования, я вынужден признать, что тот действительно был близок к актрисе в течение многих лет.

Эта убежденность возникла после разговоров со значительным числом свидетелей, причем большинство из встреч состоялись без предварительного уведомления Слэтцера. Среди них Аллан «Уайти» Снайдер, который гримировал Мэрилин для первых в ее жизни экранных проб и затем стал одним из ее постоянных гримеров. Он же готовил ее для похорон. Снайдер, бесспорно считающийся одним из наиболее близких друзей Мэрилин, говорит, что Слэтцер познакомился с актрисой в 1946 году. Снайдер писал:

«Довольно часто, пока я ее гримировал, она говорила, что Боб шлет мне поклон, либо сообщала, что они недавно разговаривали по телефону, либо рассказывала о свидании с ним накануне вечером. Боб Слэтцер был хорошим слушателем, в чем Мэрилин так отчаянно нуждалась на протяжении всей их многолетней дружбы... Мэрилин имела обыкновение рассказывать мне, что могла позвонить Бобу среди ночи, и он разговаривал с ней часами... По-моему, она всю жизнь очень любила его».

Воспоминания о первых днях любовного романа Слэтцера с Мэрилин сохранились в памяти Нобла «Кида» Чиссела, бывшего чемпиона по боксу военно-морского флота, который стал в Голливуде каскадером и исполнителем эпизодических ролей. Именно у него позаимствовал машину Слэтцер для своего первого свидания с Мэрилин. Чиссел был в машине третьим, когда Слэтцер отвозил актрису домой. Он вспоминает, что иногда в те молодые годы Мэрилин готовила у Слэтцера дома завтраки и что они бесчисленное множество раз расставались и затем вновь сходились. Однажды на Рождество, в конце сороковых годов, Чиссел сопровождал Слэтцера и Мэрилин, нагруженных подарками, в сиротский приют, где она когда-то жила. Идея привезти детям подарки принадлежала Мэрилин.

Есть еще с полдюжины свидетелей, знающих Слэтцера с

начала пятидесятых годов, которые подтверждают его связь с Мэрилин. Вот, скажем, Говард Хивер, англичанин, появившийся в Голливуде в 1952 году. Он был редактором сценарного отдела в киностудии «Парамаунт». С Мэрилин Хивер впервые встретился, когда она проводила время в компании Слэтцера. Люди, знающие Слэтцера по Коламбусу, его родному городу в Огайо, вспоминают, что в пятидесятые годы он говорил, о Мэрилин как о близкой приятельнице. Тут должен быть назван и драматург и многолетний корреспондент «Коламбус Стар» Дорал Гленовет; признанный автор «Стриппс-Говард» Рон Патаки; состоятельный владелец ресторана Ли Генри; а также зубной врач Слэтцера, доктор Санфорд Файерстоун.

Из его воспоминаний узнаем, что в конце пятидесятых годов любопытство доктора Файерстоуна было таким острым, что, услышав разговор своего друга по телефону с женщиной, назвавшей себя Мэрилин, он решил выяснить, не занимается ли его друг мистификацией. Используя свои связи в Голливуде, Файерстоун позвонил самой Мэрилин. Она подтвердила, что это она разговаривала с его другом по телефону. Файерстоуну, благодаря Слэтцеру, даже удалось встретиться с Мэрилин.

Поразителен рассказ Слэтцера о событиях 1952 года, когда Мэрилин повсеместно была известна как «девушка Ди Маджо».

В начале июня того года, когда были завершены съемки фильма «Обезьяньи проделки», Мэрилин полетела на Восток, чтобы в картине «Ниагара» сыграть роль неверной жены. Своим успехом этот фильм не в последнюю очередь будет обязан тому, что его драматическое действие разворачивается на фоне Ниагарского водопада. Еще он стал знаменит благодаря мастерски снятым дальним планам с наплывом, которые, вероятно, и сегодня остаются самыми впечатляющими в истории кино.

Пока съемочная группа собиралась в Буффало, с американской стороны канадской границы, Мэрилин на короткое время отправилась в Нью-Йорк-Сити, чтобы встретиться с Ди Маджо. В ночных увеселительных клубах Манхэттена только и говорили о предстоящем знакомстве подруги чемпиона с его друзьями.

Друзья, с которыми познакомилась Мэрилин в «Тутс Шор», были настоящими мужчинами — горластыми спортсменами,

игроками, борцами и завсегдатаями ночных клубов. Журналист, взявший у нее потом интервью, написал: «Для Мэрилин, ради Джо мужественно сражавшейся со сном, все это была пустая мишура. У нее свои, иные интересы в Нью-Йорке — сходить на дневной спектакль в театр, побродить по музеям и тому подобное, но Джо, похоже, успешно взявший инициативу в свои руки, и не помышлял об этом».

Тем временем, по-видимому тайком от Ди Маджо, Мэрилин вынашивала еще один план — повидаться с Робертом Слэтцером.

По словам Слэтцера, Мэрилин позвонила ему в Огайо еще до отъезда из Голливуда и предложила встретиться с районе Ниагары. Ему в ту пору было двадцать пять. Уставший от работы и все еще находившийся в плену чар Мэрилин, Слэтцер с радостью ухватился за предоставившуюся ему возможность. В отеле «Дженерал Брок», по другую сторону канадской границы, он связался с Фрэнком Нейллом, студийным публицистом. Нейлл, знавший Слэтцера как газетчика и обозревателя, нашел для него прекрасную комнату рядом с номером Мэрилин.

Слэтцер вспоминает, что Мэрилин встретила его с большой радостью. На этот раз она пила больше обычного и чаще, чем когда бы то ни было во время его визитов в Калифорнию, фланировала обнаженной. Это вспоминает и одна из парикмахерш Мэрилин: актриса стояла обнаженная у окна и захихикала, когда увидела, что на нее пялится группа юнцов.

Ниагарский водопад всегда был для новобрачных традиционным местом для проведения медового месяца. Женщина, которую пресса окрестила будущей невестой Ди Маджо, вдруг ошарашила Слэтцера. «Разве это не чудное место, чтобы пожениться? — спросила она. — И нам не придется ехать к Ниагарскому водопаду, потому что мы уже здесь».

Раньше разговора о браке они никогда не затевали, и Слэтцер решил, что это говорит в ней выпитое вино. Потом, после еще одной ночи возлияний и любви, этот вопрос уже задавал Слэтцер, причем совершенно серьезно. На этот раз призадумалась Мэрилин и сказала, что пока не готова к семейной жизни.

Во время съемок «Ниагары» гример Уайти Снайдер вдруг заметил, что у Мэрилин почему-то опять возник страх перед камерами. К тому же она стала очень беспокойной. Режиссер

назначил Снайдера на роль, которая уже была ему хорошо знакома, — роль няньки Мэрилин. Ему часами приходилось просиживать с Мэрилин и мягко уговаривать ее выйти на съемочную площадку, потом сопровождать ее в Нью-Йорк, когда она ни с того ни с сего снова решила навестить Ди Маджо. Тем временем Слэтцер потерял работу — слишком надолго задержался он на Ниагаре, развлекаясь с Мэрилин. Она позвонила ему, выразила свое сочувствие и предложила опять приехать к ней. Слэтцер принял приглашение и после завершения съемок поспешил за ней в Калифорнию.

Лето в Лос-Анджелесе, как подает пресса, было очередной главой в любовной истории Ди Маджо. В газетах промелькнули сообщения о Мэрилин, проводившей время у плавательного бассейна вместе с Ди Маджо и его десятилетним сыном, Джо-младшим. Писали газеты и о шумном недовольстве его бывшей жены, протестовавшей против того, что ее сын находится в такой компании.

Затем по непонятной причине газетный шум пошел на убыль. В начале сентября 1952 года Ди Маджо и Мэрилин заявили, что совместных планов на будущее у них нет. Рассуждая на тему брака, она говорила, что легкая ревность мужа никогда не обижает жену. «Без этого жизнь была бы просто скучна, — заметила она. — Ревность — это как соль для стейка. Достаточно небольшой толики». Похоже, Ди Маджо указывали его место.

По просьбе Мэрилин Роберт Слэтцер приехал в Калифорнию. На протяжении двух месяцев, говорит он, жизнь напоминала французский фарс. «Я видел ее так же часто, как и Ди Маджо, — вспоминает Слэтцер. — Не знаю, находила ли она какие отговорки, когда он звонил ей, а она хотела провести время со мной, или наоборот. У Ди Маджо была какая-то работа, связанная с трансляцией передач с американского чемпионата по бейсболу. Когда он уезжал из города, я встречался с Мэрилин каждый вечер. Когда он звонил ей, я, как правило, был у нее. Иногда я звонил среди ночи и обнаруживал, что Ди Маджо с нею. Она могла перезвонить мне в три утра и сказать: "Теперь я могу поговорить с тобой"».

Однажды у Слэтцера произошла классическая встреча с Ди Маджо, когда оба они явились на свидание, назначенное на один и тот же вечер. «Я уже находился там и ждал ее, — рассказывает Слэтцер, — когда подъехал Ди Маджо. Каждый из нас знал, кто

был другой, поэтому последовала длинная выжидательная пауза: сказать друг другу нам было нечего. Потом появилась Мэрилин и впустила в дом нас обоих. Он был здоровенный парень, и спорить с . ним мне было не с руки. Я налил себе вина. Тот факт, что я хорошо ориентируюсь в доме, вывел его из себя. Между нами завязался спор, и он попросил меня уехать. Я не послушался. Мэрилин не сдержалась и велела убираться нам обоим. Через час она позвонила и извинилась, сказав, что перепутала свое расписание».

В конце августа была напечатана статья Дороти Килгаллен, которая открыла дорогу сплетням о Ди Маджо. В ней говорилось: «В романтическом дерби Мэрилин Монро есть темная лошадка, Боб Слэтцер, бывший литературный критик из города Коламбус, штат Огайо. Он обхаживает ее по телефону и в письмах, просвещает ее ум, дарит лучшие в мире книги».

Три недели спустя в прессе дал о себе знать Роберт Слэтцер. Он уточнил, что снабдил Мэрилин «Рубайятом» Омара Хайяма и произведениями Эдгара Аллана По. Она, в свою очередь, писал он, подарила ему «Пророка» Калила Джибрана. Как можно было предположить, Ди Маджо не мог разделять с Мэрилин читательские интересы такого плана.

Как-то вечером в начале октября Мэрилин много и долго говорила с ним о Ди Маджо. По утверждению Слэтцера: «Она мне сказала, что не видит способа быть счастливой с ним. Потому что он страшно ревновал ее, и не только ко мне, — он ревновал даже тогда, когда они сидели в ресторане и обедали и кто-то подходил к ней и просил автограф. Он просто выходил из себя, и это Действовало ей на нервы. В то время я мог побиться об заклад, что она никогда не выйдет замуж за Ди Маджо, даже если бы впереди у нее еще было сто лет». Тогда-то, если верить Слэтцеру, Мэрилин и вышла замуж за него. Они сочетались гражданским браком на мексиканской границе.

Утверждение Слэтцера о его браке с Мэрилин, по вполне понятным причинам, не могло не вызвать скептического отношения. Никаких официальных документальных свидетельств в настоящее время не имеется. Здравомыслящие люди исходят из предположения, что Мэрилин едва ли сделала бы такой важный шаг без сенсационных газетных заголовков. Сомнение возникает и потому, что публичное заявление о своем браке с Монро Слэтцер сделал через несколько лет после ее смерти. Но кое-кто,

с кем я беседовал, работая над книгой, склонен верить в подлинность этого события.

Двое из них припоминают, что о факте бракосочетания с Бобом упоминала сама Мэрилин. Доктор Файерстоун, зубной врач Слэтцера, говорит, что несколькими годами позже Мэрилин рассказывала о «медовом месяце в Мексике с Бобом». В то время Файерстоун ничего подобного от Слэтцера не слышал, поэтому решил, что актриса так поэтично выразилась об их романтической поездке.

Актриса Терри Мур, бывшая жена Говарда Хьюза, знала Мэрилин с ее первого появления в Голливуде. Тогда они вместе работали по контракту сначала на «Фоксе», потом на «Коламбии». Мур говорит: «Я очень хорошо помню, как восторженно она относилась к своим прогулкам с Бобом. Она всей душой стремилась к культуре, и она уважала Боба, потому что он был хорошо начитан. Она мне тоже говорила, что вышла за него замуж, говорила вскоре после того, как это произошло. А запомнила я потому, что сама рассказывала ей о моем собственном краткосрочном браке с Гленном Дэвисом».

Уилл Фаулер, пишущий друг Слэтцера из Голливуда, свидетельствует: «Боб сказал, что хочет на некоторое время смотаться в Мексику и жениться на Мэрилин. Когда они вернулись, помню, Боб показывал мне их свидетельство о браке. Оно выглядело как необычный аттестат об окончании средней школы, в черно-белой обложке с золотой печатью...»

Слэтцер говорит, что бракосочетание состоялось 4 октября 1952 года, после длинной ночи разговоров и возлияний. Ди Маджо в то время находился на Западе, а они, воспользовавшись его заветной собственностью, «Пакардом» 1948 года, с откидывающимся верхом, помчались к пограничному мексиканскому городу Тихуана. Они и раньше ездили в Мексику по выходным. Тихуана славился своими безволокитными браками и разводами, где, кроме резиновой печати, ничего другого не требовалось. Десять лет спустя Мэрилин полетит в другой пограничный городок, чтобы развестись с Артуром Миллером.

«О процедуре мы толком ничего не знали, — говорит Слэтцер. — Я спросил совета у помощника менеджера из «Иностранного клуба», с которым был знаком. Он сказал, что нам нужен юрист, выполняющий работу тотчас, и добавил, что мы можем найти его на этой же улице. Мэрилин хотела пойти в церковь, говоря, что без нее нет романтики. Контору юриста мы нашли за магазином, прямо на главной улице. Сейчас я уже не помню его имени — ведь с тех пор прошло чертовски много лет. Он сказал, что сможет заняться нами примерно через час и что нам понадобятся два свидетеля. Одним могла стать его жена, а второго нам предстояло отыскать в городе самим».

Этот второй свидетель и является тем единственным, очевидцем, который подтверждает сказанное Слэтцером о

событиях того свадебного дня как непосредственный их участник. В 1982 году я связался с Кидом Чисселом, старым актером, который в сороковые годы был знаком с Мэрилин и Слэтцером. Слэтцер о нашей беседе предупрежден не был. Вот что сказал Чиссел об этом браке: «Это была чистая случайность. Я находился в Тихуане, желая увидеться со старым дружком по ВИФ. Вдруг я увидел, что из магазина выходят Боб и Мэрилин. Я толкнул его в плечо, он резко повернулся, глаза у него были безумными. Когда до них дошло, кто я, мы все расхохотались, потом они спросили: «Не смог бы ты быть нашим свидетелем?» Я ответил: «Да». Тогда я еще подумал, что давно пора... А Мэрилин добавила, что будет чувствовать себя лучше, если перед бракосочетанием сходит в церковь. Мы отправились в католический храм. Других церквей там не было. Боб и я остались стоять у дверей, а Мэрилин, прикрыв голову свитером, зажгла у алтаря свечи. Когда она освободилась, мы пошли к юристу. Его жена протянула Мэрилин цветок, они заполнили бумаги, а юрист оформил их брак. Тогда мы пошли покупать Мэрилин мексиканские сандалии, потому что кто-то забрал ее туфли, которые она сняла перед юридической конторой. Сделав покупку, мы направились в «Иностранный клуб», чтобы пропустить по стаканчику».

Если эту историю Чиссел придумал, то он хорошо заучил ее. Его воспоминания в малейших деталях совпадают с тем, что говорит Слэтцер. Вероятность того, что Мэрилин узнают, была чрезвычайно мала, полагает Слэтцер. «Она вовсе не походила на неотразимую красотку Мэрилин Монро, — сказал он. — На ней не было грима, и волосы она собрала сзади, словом, ничем не отличалась от любой девчонки, приехавшей на выходные в Тихуану».

В ту ночь, говорит Слэтцер, свои брачные отношения с Мэрилин они закрепили в спальне отеля «Розарита-Бич», который в то время представлял собой старомодное уединенное место в двадцати милях от Тихуаны. «На другой день утром, — говорит он, — я проснулся и увидел, что она сидит в постели и глаза ее на мокром месте. Она плакала, но о причине слез ничего не сказала».

Брак просуществовал три дня. «Мы вернулись в Лос-Анджелес, недоумевая, что будем делать с Ди Маджо, — говорит Слэтцер, — но первым до нас добрался Даррил Занук. Он позвонил Мэрилин вечером в понедельник и сказал, что на студии возникли определенные проблемы. О случившемся она

проболталась кое-кому из знакомых, и новость быстро распространилась. Мне пришлось иметь дело с Зануком, а он был непоколебим: "Мы вложили в эту девушку кучу денег и не желаем из-за этого брака оказаться на крючке. Его нужно расторгнуть"».

Как говорит Слэтцер, им с Мэрилин пришлось подчиниться воле студии. Его друг Уилл Фаулер вспоминает, что Слэтцер тогда так и сказал ему. По свидетельству Терри Мур: «Мэрилин сказала, что конец этому каким-то образом положила студия».

Слэтцер с явным нежеланием признает, однако, что Мэрилин, вернувшись в Голливуд, изменила отношение к браку. Последовали звонки от Ди Маджо, и новоиспеченная жена Слэтцера, похоже, смутилась и пришла в замешательство. На другой день молодожены вернулись в Тихуану и, подкупив юриста, уговорили его уничтожить свидетельство о браке, которое еще не было оформлено надлежащим образом. Что он и сделал.

В той невообразимой кутерьме, которой отличается Тихуана в наши дни, нечего и думать о том, чтобы провести настоящее расследование и проверить, на самом ли деле был заключен брак Мэрилин Монро с Робертом Слэтцером. Самое грустное замечание по этому поводу исходит от Терри Мур. Она говорит: «Мэрилин хотела быть свободной, и все же она страшно боялась одиночества. Я думаю, она совершенно запуталась с Ди Маджо, а Боб ей нравился. Она просто бросилась с головой в омут, а потом вынырнула из него».

* * *

В последние недели 1952 года Мэрилин начала сниматься в фильме «Джентльмены предпочитают блондинок», ставшем одним из заметных мюзиклов пятидесятых годов. Картина эта принесла Мэрилин огромный успех, который она разделила с Джейн Рассел. Обе они учились в одной и той же средней школе, и Рассел однажды даже видела Мэрилин на танцах, куда та пришла со своим первым мужем Джимом Дахерти. Теперь, к величайшему огорчению сплетников, Джейн Рассел и Мэрилин Монро стали хорошими приятельницами.

Рассел была замужем за ушедшим из спорна футболистом Бобом Уотерфилдом, и Мэрилин спросила у нее, что та думает о браке с известным спортсменом. Рассел говорит: «Я сказала ей,

что она должна будет находить время, чтобы встречаться с собственными друзьями, с кем можно поговорить о книгах, поэзии и искусстве. Но по всей видимости у нее не было такой возможности. Мэрилин чувствовала, что какая-то часть ее умирает, потому что она никак ее не проявляла».

Джо Ди Маджо и не думал отступать. О том, как завершился для Мэрилин 1952 год, рассказал ее друг Сидней Сколски: «Она пришла на традиционный Рождественский прием в студии, выглядела веселой и, казалось, веселилась. Потом она исчезла, но, кроме дома, идти ей было некуда. В то время она снимала комнату в «Беверли Хиллз». Там она ждала телефонного звонка от Джо, который поехал в Сан-Франциско навестить свою родню. В комнате на столе Мэрилин увидела крохотную елочку, а еще сопроводительную записку на картонке. Печатными буквами от руки было написано: «Счастливого Рождества, Мэрилин». А в углу на стуле сидел Джо».

Несколько дней спустя Мэрилин призналась Сколски: «Мне первый раз в жизни кто-то принес рождественскую елочку. Я была так счастлива, что даже всплакнула».

В тот месяц ее студия подкармливала прессу сообщениями, что Мэрилин теперь официально становится полноправной звездой. По утверждению студии, у нее были даже преимущества перед другими звездами, так как она была «больше разрекламирована в печати», чем Рита Хейворт и королева Англии. От своих поклонников актриса получала более пяти тысяч писем в неделю и теперь имела право занять на студии роскошную гримуборную, которая когда-то принадлежала Марлен Дитрих. На студии ее стали называть «мисс Монро».

За несколько месяцев до этого в Голливуде рядом с плавательным бассейном руководителя музыкальной группы Рея Энтони, ревя моторами, приземлился вертолет. От порыва ветра, поднятого винтами, в воду попадали стулья и столики, нарушив гармонию тысячи плавающих гардений. Из вертолета в пламенеющем красном платье, оскорбившем вкус всех собравшихся (за исключением фотографов), вышла Мэрилин. Она явилась на церемонию, одетая с такой безвкусицей, что испугался даже тот, кто затеял это действо. Предстояло первое исполнение песни под названием «Мэрилин». В ней говорилось:

От Евы начиная, никто, уверена,

Пленять мужчин не может, как Мэрилин моя.
Я все давно продумал — есть церковь и кольцо,
Увидеть остается лишь Мэрилин в лицо.
Хотя она покуда мне не сказала «Да»,
Но я готов признаться, что это не беда.
Уверен я, что если мне все же повезет,
То Мэрилин со мною все ж под венец пойдет.

В мечтах американцев Мэрилин теперь стала невестой всех и каждого. В реальном же мире она была потерпевшим крушение кораблем, отданным на милость волнам, с запасным якорем в виде бейсбольного чемпиона.

Глава 12

В разгар лета 1953 года, вскоре после двадцать седьмого дня рождения, Мэрилин совершила необычный ритуал напротив Китайского театра Граумена на Голливудском бульваре: вместе с Джейн Рассел, актрисой, с которой снимались в картине «Джентльмены предпочитают блондинок», они оставили на еще не застывшем гипсе отпечатки своих рук и ног и рядом с ними написали свои имена. Толпа любопытных отозвалась на это одобрительным гулом. Мэрилин не удержалась и сделала несколько обычных для нее саркастических замечаний. Она в шутку предложила Рассел, для которой Говард Хьюз однажды изобрел специальный бюстгальтер, оставить на гипсе и другие отпечатки. Что касается ее самой, то после «Ниагары» она уже снискала себе репутацию актрисы, которая способна на экране заявить о своем приходе, уходя. Мэрилин предложила сесть на незастывший гипс. Но обе ее идеи были отклонены, так же как и предложение сделать точку над буквой i в ее имени из бриллианта, чтобы увековечить песенку «Лучший дружок девушки — бриллиант» (Diamonds Are a Girl's Best Friend). Вместо бриллианта нашли горный хрусталь, который, однако, вскоре был украден.

Церемония у театра Граумена была старомодной, но показательной, как еще одно подтверждение, что актриса стала звездой. Мэрилин, говорит Рассел, была рада, и в то же время испугана. Теперь всем вокруг было видно, что чувство незащищенности ни на минуту не покидало эту самую беззастенчивую в мире актрису.

В день появления у Граумена перепуганная насмерть

Мэрилин позвонила своей парикмахерше Глэдис Уиттен, которую именовала «Глэднес»1. «Мне нужна твоя помощь, — произнес на другом конце города слабый голосок, — пожалуйста, приезжай, Глэднес, и захвати свою мамочку». Казалось, произошла катастрофа, но Мэрилин объяснила: «Я никак не могу решить, что надеть».

Уиттен, как всегда, повиновалась. «Она была, как маленькая девочка, — говорит Уиттен. — Я ничего не могла с этим поделать. Я просто хотела помочь ей».

Актрисе очень повезло в том, что ее помощники были такими терпеливыми. Уиттен продолжает свой рассказ: «...Бывало и так: мы причешем ее, наложим грим, она начнет одеваться, а потом всех ошарашит: «О, я забыла принять душ». И сделает, как решила, — пойдет и примет душ, а потом мы начнем все сначала...»

Иногда Мэрилин бывала не только подавленной, но и смешной. Однажды она позвонила из студии и беспомощным тонким голосом взмолилась: «Глэднес, не могла бы ты подъехать и забрать меня? Моя машина что-то не пришла. Мне уже пришлось пройти весь путь от Беверли Хиллз пешком, и никто меня не подвез».

Озадаченная Уиттен поспешила на выручку. Мэрилин ждала ее с лицом, покрытым толстым слоем вазелина. По ее мнению, это должно было сохранить молодость ее лица, хотя ее уверяли, что такое средство только вызовет нежелательный рост волос2. Водители в то утро отказывались брать «Стремительно восходящую звезду 1953 года», одетую в джинсы и свитер, с толстым слоем смазки на лице.

На съемочной площадке Мэрилин всегда легко обижалась на любые критические замечания. Однажды слышали, как актер Томми Нунан после съемки сцены поцелуя с Мэрилин сказал: «Мне показалось, что меня засосало пылесосом». В ответ на замечание партнера Мэрилин разразилась слезами. «Она была на самом деле расстроена, — вспоминает Джейн Рассел. — Она сказала: "Как люди могут быть такими жестокими? Нельзя быть таким жестоким и остаться безнаказанным"».

Вне съемочной площадки ее гример Уайти Снайдер выполнял и вторую обязанность — няньки Мэрилин. Уже прошло некоторое

время с тех пор, как ему поручили сидеть рядом с Мэрилин в гостинице или гримерной и мягко увещевать ее встать перед камерами. Снайдер, женатый к тому времени на Марджори Плечер, костюмерше Мэрилин по многим фильмам, вспоминает, что почти никогда Мэрилин не могла избавиться от «ужаса, настоящего ужаса», становясь перед камерами. Плечер добавляет: «Перед камерами она никогда не чувствовала себя уверенно. У нее все время было опасение, что она не так посмотрит, не так сыграет, поэтому физически не могла заставить себя выйти из фургона. Это был абсолютный страх сцены. Она была великой актрисой, но никогда не чувствовала" себя свободно, никогда не могла поверить в себя».

Снайдер, парикмахерша Уиттен и еще горстка людей стали преданными тружениками, находившимися в личном распоряжении Мэрилин. Это были неутомимые муравьи кинопроизводства, и с ними Мэрилин чувствовала себя более спокойной, чем с кем бы то ни было из самых великих и известных столпов кино. Она знала им цену и старалась подтвердить это с помощью маленьких подарков. Снайдеру она преподнесла позолоченный зажим для денег, Уиттен — оправленный в серебро графин и подписала фотографию: «Глэднес, за то, что делает меня такой, как тут. Я люблю тебя».

После картины «Джентльмены предпочитают блондинок» свой автомобиль, «Понтиак», на котором она ездила всего несколько месяцев, Мэрилин отдала своей репетиторше Наташе Лайтес, за которым последовало пальто из викуньи. Лайтес считала, что благодарность Мэрилин выражалась в материальных дарах потому, что она «была неспособна отдавать себя самое». Такого мнения придерживалась не только Наташа. Об этом же говорит и один из мужчин в длинной веренице поклонников Мэрилин. Это — Билли Травилла, художник по костюмам в фильме «Джентльмены предпочитают блондинок» и многих других картинах.

Травилла познакомился с Мэрилин еще в 1950 году. Тогда ей было двадцать четыре, а ему — двадцать пять лет. «Впервые я ее увидел, — вспоминает он, — в черном купальном костюме. Она открыла раздвижные двери моей примерочной, с ее плеча свалилась бретелька, и я увидел обнаженную грудь. У нее была такая особенность — зная о своей красоте, она хотела себя показать. Некоторых людей это шокировало. Конечно же, она делала это умышленно. Она походила на ребенка и могла сделать

что угодно, а вам ничего другого не оставалось, как простить ее, как бы вы простили маленькую девочку. Она соединяла в себе женщину и дитя, ее обожали и мужчины и женщины. Мужчина не знал, что делать с ней: то ли усадить на колени и приласкать, то ли заключить в объятия и завалить на спину... В своей жизни мне приходилось одевать многих женщин, но никогда мне не попадалась такая, как эта дама. Она была для меня двойственной личностью. Она не могла похвастать хорошим образованием, но имела яркий ум и чудачества ребенка. Она обладала чудесной способностью располагать к себе людей. Она приходила в офис, как другие люди, чтобы пожаловаться на что-то; но у Мэрилин глаза всегда были на мокром месте, в одном глазу блестела настоящая слезинка, а губы дрожали. Ах, эти губы! Сопротивляться этому мужчине не дано. Вам не хочется, чтобы этот ребенок плакал».

«Билли, дорогой, прошу тебя — одень меня навеки. Я люблю тебя, Мэрилин», — гласит надпись на «обнаженном» календаре, подаренном Мэрилин Билли Травилле. «После трех лет знакомства по работе, — говорит Травилла, — во время съемок фильма «Джентльмены предпочитают блондинок», пока моя жена находилась во Флориде, а Ди Маджо отсутствовал, у нас возник короткий роман». Связь продлилась только одну неделю, но этот срок позволил Травилле увидеть скрытую от посторонних взглядов жизнь женщины с манерами ребенка.

Удержаться от флирта с Мэрилин было просто невозможно. Однажды к художнику по костюмам вошла секретарша в то время, когда Мэрилин сидела у него на коленях. Мэрилин встала, в то время как Травилла, находясь в таком виде, который не позволял ему подняться, не приведя себя прежде в порядок, оставался сидеть. Обрадованная Мэрилин на глазах его секретаря прыснула и спросила: «Билли, почему ты не можешь встать?»

«Помнится, однажды я должен был за ней заехать в семь тридцать, — говорит Травилла. — Я постучал в дверь ее номера, она попросила меня подождать. И тут тоже с букетом цветов пришел красивый молодой актер. Мы шапочно знали друг друга и теперь стояли, образовав очередь. Он сказал, что у него назначено свидание, я ответил ему, что у меня тоже. Прошло хороших двадцать минут, и только тогда она открыла дверь. Мэрилин взяла цветы у коридорного и второму гостю сказала, что предпочитает видеть меня, и я вошел к ней. Комната была наспех прибрана для приема гостей, к тому же сделано это было

неважно. Из-под дивана выглядывали ее гантели, и она не знала, куда девать цветы. Я предложил ей позвонить портье, но она ответила: «У меня есть идея получше», — с этими словами она поместила оба букета в туалет. Потом спросила, не будет ли она рядом со мной слишком высокой на каблуках. Мне пришлось подвести ее к зеркалу, чтобы проверить, как мы будем смотреться рядом. На высоких каблуках она оказалась выше меня на полдюйма. После длительных раздумий высокие каблуки все же одержали победу».

Вот еще одно воспоминание Травиллы: «Однажды вечером мы отправились в клуб «Тифанни» на Восьмую улицу; Я спустился в мужскую комнату, располагавшуюся за служебным помещением. В офисе я заметил на стене «обнаженный» календарь Мэрилин, о чем сказал ей. Она спросила: «О, Билли, где? Мне хочется взглянуть на него». Мы спустились вниз; поскольку дверь была закрыта, мы постучали. Вышел высокий чернокожий мужчина и спросил, что нам нужно. Мэрилин ответила, что хотела бы посмотреть на свой календарь. Оказалось, кабинет был гримерной Билли Холидей, которая решила, что Мэрилин зашла поздороваться с нею. Но как только она услышала о цели визита, то пришла в ярость. Перед нашими глазами промелькнул белый рукав со свешивавшимися с него бусами и темная кисть руки. Холидей сорвала со стены календарь, смяла его и швырнула в лицо Мэрилин, обозвав ее неприличным словом. Ошарашенные, мы вернулись за столик. Менеджер хотел, чтобы мы остались и посмотрели шоу, но мы ушли».

Из воспоминаний Травиллы о прошлом видно, что его восторг любовника уравновешен тонкими наблюдениями человека, всю жизнь работавшего рядом с кинозвездами. «Я думаю, она хотела любить, но никого, кроме себя, не могла любить, — замечает он. — Она являла собой пример полного нарциссизма. Она обожала собственное лицо, ей все время хотелось улучшать его, вносить изменения в свой облик. Все, что она делала в этом направлении, она делала вовремя. Однажды она сказала мне: «Со своим лицом я могу творить все, что угодно. Так же, как ты можешь взять белую доску и, сделав что-то, создать картину». Существовал единственный способ завести ее. Сексуальный заряд она получала, когда смотрелась в зеркало и видела красивый рот, который она нарисовала с помощью пяти тонов губной помады, необходимых для нанесения правильных линий и точных теней, подчеркивающих губы, потому что ее настоящие были совершенно плоскими».

«Если кого на свете и можно назвать «динамисткой»3, — говорит Травилла, — так это Мэрилин, когда ей хотелось быть такой. Она делала это и взаправду, и желая покрасоваться. Однажды мы вели съемку в галерее, я стоял рядом с ней, когда она прошептала мне: «Скажи что-нибудь непристойное», что я и сделал. Вы это и сами могли бы увидеть на снимках, так и кажется, что рот произносит: «Fuck me» или «Suck me»4. Это ее заводило».

«Одно время, — вспоминает Травилла, — у нас обретался вечно недовольный человечек из компании «Истмен Кодак», — мы тогда апробировали новый тип пленки, — и она пришла в ночной сорочке из шифона и замирала то в одной позе, то в другой, и человечку стало как-то не по себе. Она это заметила, подошла к нему и сказала: «Как вам это нравится, мистер Истмен?» — В этом заключалась ее потребность — возбуждать».

Травиллу, как и многих других коллег и любовников, всегда удивляла собственная способность выносить Мэрилин. «В этой девушке было такое, что нельзя не любить. Опаздывая на утреннее свидание, она могла позвонить в три и сказать, что уже в пути, и ты прождешь ее до семи. Она была единственной женщиной из всех моих знакомых, рядом с которой мужчина чувствовал себя высоким, красивым, обаятельным, благодаря немигающему взгляду ее глаз, заглядывающих вам прямо в душу. Вы, если она так решила, были королем вечера. С ней у вас возникало чувство, что вы у нее единственный, даже если это было не так».

На этот счет у Травиллы не было заблуждений. Другим любовником того года, связь с которым у нее продлилась месяц или около того, был Эдвард Дж. Робинсон, Младший Робинсон. Робинсон, сын знаменитого актера — фигура драматическая, порождение разрушенной семьи и отвратительных отношений с отцом. Он так и не поднялся выше подающего надежды актера, который спился и в сорок лет умер, удавившись во время просмотра одного из фильмов своего отца. В 1953 году Робинсону было девятнадцать, и он уже снискал себе репутацию возмутителя спокойствия и любителя женщин старше его по возрасту. По словам друга Робинсона Артура Джеймса и его последней жены Нан Моррис, Мэрилин принадлежала к их числу.

Джеймс говорит, что Мэрилин познакомилась с Робинсоном

благодаря сыну другого артиста с прославленным именем — Чарли Чаплину-младшему, бывшему любовнику Мэрилин. Во время работы над фильмом «Джентльмены предпочитают блондинок» знакомство переросло в роман. На студии «XX век— Фокс» Робинсон рассчитывал получить эпизодическую роль, и Мэрилин вызвалась ему помочь. Он жил в том же доме, что и сестра Джеймса. Именно там впервые и увидел их Джеймс вместе.

Самая пылкая страсть у Робинсона быстро проходила и превращалась в дружбу. Джеймс говорит: «Мы, трое мужчин, образовали нечто вроде трио, и Мэрилин время от времени видела нас всех вместе или по отдельности на протяжении многих лет. Все они порой впадали в тяжелую депрессию: Мэрилин, Чарли и Эми, и, когда дела шли плохо, всегда находили друг друга. Она была очень дорога им обоим, и они всегда стремились прийти на помощь. Но Чарли и Эдди были подвержены суицидальным настроениям еще в большей степени, чем Мэрилин, и справиться с ними самостоятельно не могли, как не могли справиться со своими прославленными именами. Иногда только Мэрилин и удерживала их в этой жизни».

Артур Джеймс, остававшийся про запас, стал одним из многих, кто мирился с бесцеремонными ночными телефонными звонками Мэрилин. «Она могла позвонить от кого-то в три-четыре часа утра, — вспоминает Джеймс, — и спросить, не могу ли я прибыть туда немедленно. Я надевал поверх пижамы какую-нибудь одежду и мчался туда, чтобы узнать, что ее уже там нет...»

В Эдди Робинсоне Мэрилин нашла человека, который не только пил, но и экспериментировал с наркотиками, «таблетного чудика», как выразился Артур Джеймс. Вероятно, именно тогда и там Мэрилин, эта девушка, ведшая здоровый образ жизни, державшая гантели под диваном, перешагнула мрачный, пока неведомый порог голливудского мира наркотиков.

Наркомания стала бичом киноколонии, начиная с двадцатых годов. Первые звезды немых картин увлекались марихуаной, в редких случаях — героином. В сороковые и пятидесятые годы, с ростом фармацевтики их сменили таблетки. Послевоенная пора ознаменовалась победоносным шествием «бенниз», различных производных бензедрина. «Бенниз» лишали сна, подавляли аппетит, не позволяли толстеть и вызывали состояние легкой эйфории.

В Голливуде, несмотря на постоянную утечку человеческих жизней, ничего не делалось, чтобы остановить этот неуправляемый смертельный поток. Доктор Ли Сигел, штатный медик студии «XX век—Фокс», был лечащим врачом как Джуди Гарланд, так и Мэрилин Монро, которой приходил на помощь во время затянувшихся месячных. На Уилширском бульваре доктор и сегодня принимает больных. Сейчас он качает головой, вспоминая, что студийные боссы длительное время положительно относились к приему таблеток. «В те дни, — говорит он, — в таблетках усматривали средство заставить кинозвезд работать. Врачи были поставлены в безвыходное положение. Если один не выписывал лекарство, всегда находился другой, который не отказывал в этом. Когда я первый раз лечил Мэрилин, в начале пятидесятых годов, таблетками увлекались все».

После смерти Мэрилин биографы ее полагали, что причиной послужили таблетки от бессонницы, которыми она начала пользоваться в середине пятидесятых годов. Но проведенный опрос свидетелей показал, что пристрастие возникло у нее раньше. Эми Грин, которая жила с Мэрилин в 1955 году, говорит: «Она сказала, что всегда пользовалась лекарствами. Когда она начала принимать таблетки, то была еще совсем ребенком семнадцати или восемнадцати лет от роду». Милтон Грин, партнер Мэрилин после ее ухода с «Фокса», утверждает, что дексамил, модный стимулянт того периода, она принимала давно. Он содержал амфетамин, более известный под названием «спид»5.

Банни Гардел, который гримировал Мэрилин на съемках многих картин, знал ее с первого появления на «Фоксе». В начале пятидесятых, вспоминает Гардел, «она приходила в гримуборную с полиэтиленовым пакетом — столько лекарств в одной сумке вы никогда не видели. Там были стимулянты и депрессанты, витамины и Бог знает что».

В сентябре 1953 года совершила самоубийство, приняв слишком большую дозу барбитуратов, Грейс Мак-Ки, бывшая опекунша Мэрилин, которая больше, чем кто бы то ни было, заменяла ей в детстве мать. Не исключено, что Мэрилин так и не узнала о подлинной причине кончины близкого ей человека, так как свидетельство о смерти было найдено исследователями совсем недавно, но она точно знала, что это было самоубийство. Тем временем Мэрилин и саму все больше и больше затягивала та жизнь, в которой уже не могут обойтись без той или иной дозы

барбитуратов.

В 1953 году душевное смятение Мэрилин усугублялось возникшей дилеммой в профессиональной жизни. С одной стороны, подбадриваемая студийным руководством, она утвердила за собой образ секс-символа общенационального масштаба. Актриса вызвала форменный скандал, явившись на церемонию вручения наград «Фотоплея» в платье, сшитом модельером Биллом Травиллой с учетом каждого изгиба ее прославленных форм. «Когда она, покачивая бедрами, шла по залу, чтобы подняться на подиум, — писал ее бывший любовник-журналист Джеймс Бейкон, — ее низ спины был похож на двух сцепившихся под покровом шелка щенков».

Но было и другое. Пока мир посмеивался, Мэрилин уповала на слова режиссера Джона Хьюстона, сказавшего ей однажды, что она может «стать очень хорошей актрисой». Об этом она и говорила корреспонденту «Нью-Йорк Таймс»: «Вот чем я хочу быть на самом деле. Я хочу расти и развиваться, и играть серьезные драматические роли. Мой репетитор по актерскому мастерству Наташа Лайтес всем говорит, что у меня большая душа, но пока это никого не заинтересовало».

Шанс играть Мэрилин получила в картине «Как выйти замуж за миллионера». Ей предстояло сниматься вместе с другими звездами: Бетти Грейбл, царствующей королевой Голливуда, и Лорен Бейкол — в шикарной комедии о трех манекенщицах из Нью-Йорка, задумавших заарканить богатых мужей. Раздираемая сомнениями, Мэрилин без предупреждения ворвалась в кабинет режиссера Джина Негулеско. Она засыпала его хорошо продуманными вопросами о «характеристике» и «мотивах», и пораженный Негулеско вскоре узнал, что «ее волновало то, как передать в роли сексуальный образ, который, по ее твердому убеждению, она была призвана представлять». Он сказал ей: «Мэрилин, не старайся изображать секс. Ты сама и есть секс. Ты воплощение секса. В этой роли тебе нужно будет руководствоваться одним-единственным мотивом: что в картине без очков ты слепа, как летучая мышь».

Мэрилин все поняла и с головой окунулась в образ. Наннели Джонсон, продюсер и сценарист, считал, что «Мэрилин впервые по-настоящему понравилась всем как человек на съемках картины «Как выйти замуж за миллионера». Причину этого она с тонкой проницательностью назвала сама. Она сказала, что это была

единственная картина из всех, в которых она снималась, где у нее было чувство меры, — не физической скромности, а скромности относительно собственной привлекательности».

Продюсеры Мэрилин и ее коллеги-актеры увидели обеспокоенную женщину и ищущую актрису. Во время одной сцены, в которой за завтраком в постели раздается телефонный звонок, она «безнадежно запуталась, когда сняла трубку еще до того, как прозвенел звонок, и выпила из чашки кофе до того, как его туда налили». Потеряв половину рабочего дня понапрасну, Мэрилин оставалась глуха к треволнениям продюсера.

Лорен Бейкол вспоминала: «Мэрилин была испуганной и неуверенной, она не доверяла никому, кроме своего репетитора, и всегда опаздывала. Во время съемок она смотрела мне в лоб вместо глаз... Это было нелегко, порой вызывало раздражение. И все же я не могла испытывать к ней неприязнь. В ней не было алчности, стервозности. Ей только нужно было сосредоточиться на себе и на людях, которые присутствовали там исключительно ради нее».

Вскоре сценарист Наннели Джонсон писал приятелю: «Монро — это своего рода зомби. Разговаривать с ней — все равно, что разговаривать с кем-то, кто находится под водой...» Спустя несколько лет он упрячет ее еще глубже, сказав: «...В десяти футах под водой... До нее невозможно достучаться. Она напоминает мне ленивца. Втыкаешь в живот ленивца булавку, и через восемь дней он говорит: "Ох"».

Но на экране «ленивец» одерживал триумф за триумфом. Режиссер Негулеско говорит: «Под конец я просто обожал ее, потому что она была истинное дитя, в котором было «нечто» от Бога, чему мы до сих пор не в состоянии дать определение, что не в силах понять. Это что-то и сделало ее звездой. Мы не знали, была она хороша или плоха, но, когда мы смонтировали картину, на экране возник один образ, образ великой актрисы, — Мэрилин». В конце концов довольным остался даже Наннели Джонсон.

В день премьеры ленты «Как выйти замуж за миллионера» Джонсон и его жена вместе с Хэмфри Богартом и Бетти Грейбл пригласили в свою компанию и Мэрилин. Вечер оказался веселеньким. «Появилась Мэрилин и попросила дать ей крепкого напитка, бурбона с содовой, — вспоминает Джонсон. — Потом,

несмотря на то, что в скором времени ожидался ранний ужин, она попросила еще. От возбуждения она была на грани срыва, взвинченная и испуганная одновременно, вечер внушал ей ужас. Я и представить себе не мог, как наивна и молода еще она была, каким почти невыносимо трудным был для нее этот вечер. Потом, когда нам нужно было садиться в машину, в арендованный лимузин с шофером, она попросила третью порцию, на этот раз напиток был по-настоящему крепок. Оставаясь джентльменами до конца, мы с Боги по дороге в кинотеатр выпили вместе с ней. К тому времени, когда нам нужно было выходить на сцену, вы во всем штате Калифорния не могли бы встретить трех более очаровательных людей.

Словом, — сказал Джонсон, — когда началась картина и ей понадобилось выйти в дамскую комнату, она была уже навеселе. Миссис Джонсон, которая твердо стояла на ногах, вызвалась проводить ее, поскольку она явно нуждалась в компании. В дамской комнате у нее тоже возникли определенные сложности, потому что надетое на ней тесное платье было буквально зашито на ней... Моей жене (как она потом мне рассказывала) пришлось изрядно попотеть, чтобы подготовить Мэрилин для посещения очка, а потом снова одеть ее, чтобы она могла вернуться на место. Женщинам, на которых зашивают их наряды, не следует пить слишком много...»

* * *

Критики оценили картину «Как выйти замуж за миллионера» как невиданный успех. Актриса выбралась из кокона назойливой сексуальности. После этой шумихи с целлулоидными мужьями Мэрилин теперь сама подступила к порогу собственного замужества.

Лорен Бейкол вспоминает, как Мэрилин «однажды вошла в мою гримуборную и сказала, что на самом деле хочет быть в Сан-Франциско с Джо Ди Маджо и есть спагетти. Она хотела узнать о моих детях, о моей семейной жизни, — была ли я счастлива? Похоже, она завидовала мне в этом, печальная, она надеялась, что получит все это сама...».

Мэрилин, идя на премьеру, попросилась в группу Джонсона потому, что не хотела, чтобы на вечере в кинотеатре ее видели в компании другого мужчины, не Ди Маджо. Любовник, который еще год назад казался ей скучным, теперь представлялся

Мэрилин спасительной соломинкой. В ноябре 1953 года до свадьбы с американским героем оставалось только два месяца. Этот путь не покажется ей легким.

Примечания

1. Что в переводе с англ. значит «радость».

2. Как видно из фотографий Мэрилин, сделанных после тридцати лет, на щеках у нее действительно появился волосяной покров.

3. Женщина или девушка, которая позволяет мужчинам все, кроме полового акта.

4. Английские нецензурные ругательства.

5. От англ. слова speed, имеющего два значения: «скорость» и «удача».

Глава 13

Летом 1953 года наступил час, когда выпавшее на долю Джо Ди Маджо испытание быть ухажером звезды доконало даже любимца американцев. Жениховские ухаживания длились уже больше года, а пресса по-прежнему не унималась и продолжала пережевывать эту любовную историю. Мэрилин на Дохени-драйв, нефешенебельной стороне бульвара Заходящего солнца, сняла скромную трехкомнатную квартиру, устроиться в которой ей помогала Джейн Рассел.

Квартира на Дохени на много лет станет местом уединения и любовным гнездышком с Ди Маджо — так это будет названо прессой. Мэрилин позаботится о том, чтобы публика знала, что Ди Маджо привез туда кое-что из своей одежды. Своему другу, репортеру Сиднею Сколски, отныне она будет говорить, что спешит домой, чтобы приготовить еду своему мужчине. Сколски, как ему и подобает, поделится с читателями подробностями: Джо научил Мэрилин готовить спагетти, они пьют вино, и Мэрилин уже знает несколько слов по-итальянски. Джо нравится смотреть телевизор, сообщал Сколски, отрывается он от экрана только для того, чтобы дать своей даме совет, типа: «Против рекламы ничего не имею, детка. Делай деньги».

В конце весны 1953 года возле рыбацкой лодки в заливе

Бодега, к северу от Сан-Франциско, был найден мертвым брат Ди Маджо, Майк. Мэрилин вместе с Ди Маджо поехали на север, на семейную встречу, состоявшуюся вслед за похоронами. По Голливуду разнесся слух, что горе Ди Маджо наконец-то распахнуло сердце Мэрилин навстречу прославленному спортсмену. Она созрела для замужества с ним, хотя и не такого уж поспешного.

По пятам толков о браке пришла другая, противоположная новость: они поругались и были на грани разрыва. Гордому Ди Маджо Мэрилин доставляла унижения не меньше, чем блаженства. Ему была ненавистна дурацкая реклама, и он терпеть не мог манеру Мэрилин афишировать свое тело. Он не захотел присутствовать на церемонии награждения «Фотоплея», где Мэрилин выставляла себя на всеобщее обозрение: итальянские женщины так бы не вели себя. Его, изнывавшего от тоски, заметили, когда он поджидал Мэрилин, надеясь сразу увезти ее домой. Теперь нам известно, что самым худшим тогда было то, что у Мэрилин один любовник сменялся другим. Если до Ди Маджо долетали даже отдельные слухи, то вызывает удивление, как ему удавалось сохранять самообладание. К Мэрилин он испытывал чувство собственника и ревновал ее ко всем голливудским друзьям, невзирая на пол.

Наташа Лайтес, репетиторша Мэрилин, призналась как-то: «Впервые я увидела его, когда вечером зашла к ней на Дохени-драйв. Я невзлюбила его сразу, как только он открыл дверь, — скрытный и скучный на вид человек. Она познакомила нас. С того дня прошло только Две недели, когда я однажды позвонила Мэрилин и трубку снял Ди Маджо. Он сказал: «Я думаю, что, если вам угодно связаться с Мэрилин, лучше позвонить ее агенту...» Тогда у нее не хватило мужества дать ему отпор».

Лайтес, в свою очередь, испытывала нечто большее, чем просто ревность. Джордж Мастерс, парикмахер Мэрилин позднего периода, очень хорошо знал обеих женщин. Наташа, по его словам, однажды сказала Мэрилин: «Ты изумительна, и я люблю тебя». На что Мэрилин как будто ответила: «Не нужно любить, Наташа, просто учи меня».

Генри Розенфельд, доверенный друг Мэрилин в Нью-Йорке, полагал, что любовь учительницы к своей ученице не пользовалась взаимностью. Как следует из его воспоминаний, Мэрилин якобы заметила однажды: «Господи! Если бы у меня был

член, Наташа никогда бы не оставила меня».

Наташа Лайтес первой приводит сведения, согласно которым Ди Маджо в частной жизни сильно отличается от Ди Маджо, известного американской публике. Лайтес говорила: «На протяжении всех тех месяцев 1952 и 1954 года она звонила мне и днем и ночью, иногда в слезах, и жаловалась на его отвратительное поведение».

В конце лета 1953 года Мэрилин сошла с поезда в Джаспере, в Канадских Скалистых горах. Ей предстояло сниматься в картине «Река, с которой не возвращаются». Партнером ее должен был стать Роберт Митчум. Съемки фильма так сильно отставали от графика, что Митчум окрестил его «Картина, с которой не возвращаются». Мэрилин, несчастная в любви и тяготившаяся вынужденным пребыванием в столь отдаленной местности, сначала казалась скрытным, ушедшим в себя человеком. Джим Бей-кон, которого попросили взять у нее интервью до отъезда из Лос-Анджелеса, был поражен. «Волосы ее были спутаны, — писал он. — Лицо ее было покрыто застывшим кремом, брови были размазаны. По настроению это была все та же знакомая Мэрилин, но внешне она казалась дочерью Дракулы. После этого я еще долго не мог прийти в себя».

Оказавшись в такой глухомани, Мэрилин часто пряталась за маской жира, который не смывала, даже отправляясь в ближайший город. Уайти Снайдер, гример, которому она доверяла, однажды не вытерпел и сказал ей: «Сними эту гадость с лица. Ты пугаешь людей».

Единственным человеком, кого это не пугало, был Роберт Митчум. Впервые он услышал о Мэрилин на заводе во время войны от Джима Дахерти, ее первого мужа. Он играл в фильме крутого парня, любовника певицы из бара, роль которой исполняла Мэрилин. После съемок Митчум приглашал ее присоединиться к шумным и изобильным возлияниям, что в конечном счете помогло ей выйти из оцепенения. В результате на свет появилась вереница непристойных анекдотов, которые иногда и сегодня еще можно услышать.

Съемки картины «Река, с которой не возвращаются» были делом по-настоящему трудным. В ней были сцены, связанные со спуском по бурным водам реки на плоту, от которых волосы вставали дыбом. По настоянию режиссера, играть их следовало

без дублеров, поэтому не обошлось без происшествий, как настоящих, так и мнимых.

Сначала Мэрилин в высоких сапогах свалилась в воду. В сапоги набралась вода, но участники съемочной группы с помощью Митчума вытащили ее. В газетах появились заголовки: «МЭРИЛИН МОНРО ЕДВА НЕ УТОНУЛА». В другой раз, как следует из воспоминаний дублера Нормана Бишопа, «Мэрилин и Митчум решили покататься на плоту, и проклятая штуковина наскочила на порог и каждую секунду грозила перевернуться». Бишоп вместе с коллегой добрались до него на спасательной лодке, но съемочный день был безнадежно потерян.

Третий случай произошел 20 августа и тоже нашел отклик в газетных заголовках. На этот раз они гласили: «МИСС МОНРО ПОВРЕЖДАЕТ В КАНАДЕ НОГУ». Но о подробностях ни одна из газет не сообщала и все потому, что происшествия как такового не было. Мэрилин раньше имела с режиссером Отто Преминджером стычки, и, похоже, теперь она решила отыграться на нем. Но актриса Шелли Уинтерс, которая когда-то жила с Мэрилин, вскоре обнаружила обман.

Уинтерс, принимавшая участие в съемках другого фильма, проходивших поблизости, приехала на съемочную площадку, чтобы повидаться с Мэрилин. Вместе с сотней туристов, собравшихся поглазеть на работу киношников, она наблюдала за Мэрилин, стоявшей на плоту, привязанном к причалу. Съемки этого эпизода заняли практически весь день. «Мэрилин, — вспоминает Уинтерс, — делала то, что она обычно делает, когда находится в состоянии смятения. Она просто открыла рот и улыбалась всему, что попадалось ей на глаза. Преминджер начал грязно ругаться, смысл его слов сводился к тому, что она так бездарна, что ей следовало бы заниматься своей первой «профессией». Мэрилин ни разу не удостоила его взглядом; только ее улыбка стала более застывшей».

Когда съемка закончилась, Уинтерс помогла Мэрилин сойти на берег. Она заметила, что Мэрилин слегка поскользнулась. «Будь осторожна, — предупредила она Мэрилин, — иначе на этом скользком причале можешь сломать ногу». Это предупреждение послужило для Мэрилин подсказкой. Когда лимузин подъехал к отелю, она сказала Уинтерс: «Я не моту выйти. Я сломала ногу». Тут же вызвали сильных мужчин и пригласили врачей. Уинтерс дала Мэрилин перкордан, болеутоляющее средство, и двойную

порцию водки. Потом она слушала, как звезда вела междугородный разговор с директором студии Даррилом Зануком. Она великодушно пообещала шефу, что, несмотря на «изрядную болезненность», постарается довести съемки до конца.

Уинтерс вспоминает: «Но мне не показалось, что она страдает от боли». Потом Мэрилин, Митчум и Уинтерс с удовольствием съели на обед омаров, как следует приправив их спиртным.

На другое утро на частном самолете из Лос-Анджелеса прилетел целый отряд докторов. Поскольку на рентгеновском снимке перелом обнаружен не был, светила вежливо предположили, что, «вероятно», имело место растяжение. Мэрилин настаивала на том, чтобы наложили гипсовую повязку, утверждая, что не может передвигаться без костылей. После дорогостоящего простоя — с обряженной, как инвалид, Мэрилин и Преминджером, воплощавшим любезность, — съемки возобновились.

«Можно ее назвать глупой? Нет, моя молодая подружка Мэрилин была, как лиса, — говорит Шелли Уинтерс. — Тот вечер мы отметили в ночном клубе, в какой-то момент она собиралась уже подскочить, чтобы идти танцевать с Митчумом румбу. «Бога ради, Мэрилин! — сказала я ей. — Сядь! У тебя же сломана нога!» — «О, да. Я совсем забыла», — сказала она и со смехом уселась Митчуму на колени».

Проказница не только укротила Отто Преминджера, но и всполошила Ди Маджо. По словам Мориса Золотова, который брал у Мэрилин интервью год спустя или около того после описываемых событий, он позвонил ей в тот вечер, когда она затеяла свою мистификацию с травмой. Она плакала, и на другой день приехал Ди Маджо, привезя с собой своего доктора. Кроме него, Ди Маджо привел человека, давно ставшего его тенью, билетного маклера из Нью-Йорка Джорджа Солотэра. В канадской глухомани они смотрелись странноватой парочкой: Ди Маджо в спортивном костюме, вооруженный рыболовными снастями, и бредущий следом Солотэр в темных очках и фетровой шляпе.

На природе Ди Маджо всегда чувствовал себя свободнее, чем в сюрреалистической атмосфере Голливуда. С сигаретой в зубах он без толку толкался на площадке, иногда помогая съемочной группе да фотографируя Мэрилин. Иногда пара ходила ловить рыбу, беря с собой десятилетнего Томми Реттига, игравшего в

фильме роль сына Митчума. Как-то мальчик признался Мэрилин, что, по словам его священника, ему не возбранялось работать с такой «женщиной, как вы», но только не общаться. Пораженная смыслом сказанного, Мэрилин изо всех сил старалась завоевать его расположение. Дети, похоже, все больше занимали ее ум.

Однажды вечером в поезде, специально нанятом для доставки участников съемок, гример Уайти Снайдер спросил Мэрилин: «Почему бы тебе не выйти замуж за этого даго1 и не наплодить кучу детей?»

«Может быть, так оно и будет», — отозвалась актриса.

В дни пребывания Ди Маджо на съемках пара как-то в выходные исчезла, дав повод для сплетен. Поговаривали, что влюбленные собираются тайно пожениться. Вскоре Мэрилин начала ездить в гости к Ди Маджо на Бич-стрит в Сан-Франциско. Этот дом он купил за 14000 долларов на заре своего успеха. Хозяйничала в нем его сестра Мария. Иногда влюбленная парочка вставала до рассвета и шла на рыбалку. Мэрилин упаковывалась в джинсы, кожаную куртку и шарф. Узнавали их редко. А когда все-таки узнавали, Ди Маджо сердито обещал репортерам «поколотить их». На просторе вольготной жизни в его доме Мэрилин испытывала редкостное для нее умиротворение.

День всех святых в тот год писатель Ли Белсер провел с новой, более спокойной Мэрилин. Она праздно ходила по квартире на Дохени-драйв, сокрушалась по поводу кошачьих криков, доносившихся с улицы, да время от времени выходила на звонки в дверь, подавая завернувшим в ее дом детям домашнее печенье и яблоки. Печенье испекла сестра Ди Маджо. Главным предметом их разговора был Джо.

«По мере того как опускались сумерки, — заметил Белсер, — возраст звонивших в дверь гостей Мэрилин становился старше. Мэрилин попросила подходить к двери меня, и тогда началась настоящая потеха. Я ходил и открывал дверь Мэрилин Монро, отваживая от ее жилища всех этих взрослых оболтусов в одеждах привидений».

В последние недели 1953 года Мэрилин блеснула своим исчезновением, опять затеяв игру с прессой и студией. Она должна была начать сниматься в картине «Розовые колготки» (Pink Tights). Ее партнером в фильме должен был стать Фрэнк

Синатра. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы заставить ее работать. После Рождества, когда Ди Маджо подарил ей норковое пальто, Мэрилин дала о себе знать по телефону, объявив, что намерений выходить замуж у нее нет. Тем временем посыльный Ди Маджо прибыл в Лас-Вегас для подготовки брачной церемонии в местном отеле, но приготовления были отменены.

На другой день в Лос-Анджелесе за неявку Мэрилин на работу было объявлено о ее увольнении. Мэрилин, теперь хорошо знавшая силу своей власти, и пальцем не пошевелила, чтобы предпринять какие-либо действия. Она решила, что «Розовые колготки» совсем не то, что ей было нужно.

Только по прошествии года Мэрилин Монро согласилась поделиться воспоминаниями о том, что произошло дальше. «После всех этих многочисленных толков Джо и я наконец решили, что расстаться мы не можем, поэтому брак остается единственным решением... Однажды Джо сказал мне: «У тебя неприятности со студией, ты не работаешь, тогда почему бы нам не пожениться сейчас? По бейсбольным делам мне нужно съездить в Японию, эта поездка могла бы стать нашим свадебным путешествием».

Так мы и поженились».
Примечания

1. Презрительная кличка итальянца, испанца, португальца.

Глава 14

14 января 1954 года судья Сан-Франциско Чарльз Пиари был потревожен телефонным звонком во время обеда в Ассоциации адвокатов. Позвонил Рино Барзочинни, менеджер ресторана Джо Ди Маджо с Рыбацкой Пристани, и спросил, не мог бы судья прямо сейчас совершить церемонию бракосочетания. В муниципалитет Пиари приехал за несколько минут до прибытия Ди Маджо и его невесты. На Мэрилин был скромный костюм коричневого цвета с воротником из горностая. Жениха сопровождали Барзочинни, выступавший в роли шафера, и Фрэнк Лефти О'Доул, звезда бейсбола прошлых лет, который до войны помог Ди Маджо продвинуться в этом виде спорта. Друзья Мэрилин на церемонии бракосочетания не присутствовали. Позже Мэрилин скажет, что решение о замужестве было принято ею

всего за два дня до этого.

Все это обернулось некоторыми затруднениями. На третьем этаже здания муниципалитета возникла неловкая заминка, так как главный письмоводитель вынужден был послать за машинисткой, чтобы заполнить разрешение на бракосочетание. Мэрилин это оказалось на руку — у нее появилось время для важных телефонных звонков.

Прежде чем отправиться на церемонию, она позвонила директору рекламного отдела на «Фоксе», коротко объявив ему о своем намерении. Теперь, поправ романтику последних минут незамужней жизни, она стремилась наладить прежнюю связь с прессой. Она попыталась дозвониться до Сиднея Сколски, но тот не снимал трубку. Правда, она сумела оставить сообщение для прославленной и невероятно могущественной Луэллы Парсонс. Потом она сама разыскала лос-анджелесского журналиста Кендиса Роклена и огорошила его известием в выражениях, которые он не забудет до самой смерти.

В муниципалитете вокруг Мэрилин поднялся невообразимый шум, когда Роклен спросил ее, что она думает по поводу предстоящего замужества. «Кендис, — прошептала она знакомым трепетным голоском, — я отсосала последний раз...»

Распространенная среди журналистов легенда гласит, что это выражение использовалось Мэрилин не единожды. Возможно, это и так, но Роклен, отдавший журналистской профессии много лет, утверждает, что за несколько минут до произнесения супружеского обещания Ди Маджо Мэрилин произнесла именно эту фразу. Конечно, Мэрилин хорошо знала, что слова эти не относятся к числу печатных.

Между тем на площади у здания муниципалитета собралось уже около пяти сотен человек. Когда судья открыл окно, чтобы дать доступ свежему воздуху, помещение утонуло в гуле толпы, доносившемся с улицы. В раскрытые створки то и дело норовили заглянуть репортеры. Наконец Ди Маджо воскликнул: «Ладно, давайте перейдем к делу», — и судья призвал толпу к тишине. Над площадью пронеслось послушное «ш-ш-ш».

В свидетельстве о браке Мэрилин подписалась как Норма Джин Мортенсон Дахерти, указав неправильный возраст — двадцать пять лет; хотя в то время ей было почти двадцать

восемь. Ди Маджо достал кольцо — ободок из белого золота, усыпанный бриллиантами1. Как свидетельствовала пресса, Мэрилин пообещала Ди Маджо только «любить, уважать и заботиться, но ничего не сказала о послушании». В 1954 году уже появилась мода пропускать эту часть даваемого супругами торжественного обещания, хотя сыну эмигранта из Сицилии вряд ли это пришлось по вкусу. Вечером того же дня представитель архиепископа объявил Ди Маджо, что его предыдущий брак, заключенный в католической церкви, считается «автоматически расторгнутым» по причине заключения гражданского брака с Монро.

В сутолоке, возникшей сразу после церемонии бракосочетания, Ди Маджо спросили, что они собираются делать с невестой дальше. «Как вы думаете?» — спросил он, многозначительно подмигнув. На вопрос о детях он ответил: «Мы думаем иметь одного. Это я могу гарантировать». Мэрилин добавила: «А мне бы хотелось иметь шестерых». В конце концов Ди Маджо взорвался: «С меня этой толчеи хватит. Давай отменим прием», — и молодые уехали.

Мэрилин и Ди Маджо поехали в город Пасо Роблес — в двухстах милях к югу от Сан-Франциско. Там при свете свечей и любопытных взглядах из-за дверей они съели по стейку. Потом сказали, что намереваются укатить в Голливуд, но, запутав следы, вернулись в «Клифтон-мотель». После того как Ди Маджо удостоверился в том, что в номере есть телевизор, супруги сняли комнату стоимостью в четыре доллара и вывесили на двери табличку: «Просьба не беспокоить». Не выходя, они провели там пятнадцать часов. В будущем комната будет украшена медной табличкой с надписью: «Джо и Мэрилин спали здесь». После отъезда из мотеля мистер и миссис Ди Маджо исчезли из поля зрения прессы более чем на две недели, что было весьма редким событием в жизни Мэрилин Монро.

Но в последних числах января, когда Ди Маджо по делам улетел в Нью-Йорк, Мэрилин не смогла устоять против соблазна позвонить какому-нибудь журналисту. Вскоре, запершись в салоне автомобиля, припаркованного на безлюдной улице, сидели они вдвоем с Сиднеем Сколски. Мэрилин, сказав, что ее не должны видеть, делилась со своим другом подробностями медового месяца.

С Ди Маджо они укрылись в коттедже приятеля в горах возле

Палм-Спрингз. «Кроме нас, там никого не было, — сказала она. — Джо и я подолгу гуляли. Телевизора там не было. Мы по-настоящему узнали друг друга. Мы играли в бильярд, Джо учил меня играть». Материал, полученный Сколски, прошел по всей стране на правах эксклюзивного. Тем временем Мэрилин приготовилась ко второй половине медового месяца, которой суждено было стать зрелищем общенационального масштаба. Чета Ди Маджо собиралась в Японию.

Для чемпиона по бейсболу поездка на Дальний Восток была обычным делом, связанным с выполнением хорошо знакомой работы. Два года назад под выкрики: «Банзай Ди Маджо!», Джо провел свою последнюю игру в турнире. Самыми популярными американцами в Японии были признаны генерал Макартур и бейсболист Джо Ди Маджо. Бейсбол, быстро набирая силу, теперь выходил в Японии в большой бизнес. Свадебное путешествие четы Ди Маджо, по правде говоря, рассматривалось как оплачиваемая газетой «Йомиури Шимбун» давно запланированная поездка, призванная открыть в Японии бейсбольный сезон.

В Сан-Франциско супругов на борт трансатлантического самолета Пан-американской авиакомпании посадила Кей Паттерсон, представитель «Шимбун» в Калифорнии. Она рассказывает: «Джо выглядел очень спокойным, в Сан-Франциско он был мистер Большой, — Мэрилин казалась очаровательной и, судя по тому, что не сводила с него глаз, по уши влюбленной, безусловно. Она играла второстепенную роль».

На Гавайях самолет остановился для дозаправки. Именно здесь супруги впервые почувствовали взрывчатую природу своего союза. На бетоне взлетной полосы собралась многотысячная толпа, скандируя имя Мэрилин. По дороге к залу отдыха для транзитных пассажиров со всех сторон к Мэрилин тянулись руки обезумевших поклонников, норовя вырвать у нее на память прядку волос. Однако она сумела овладеть собой настолько, что пробормотала журналистам: «Отныне брак является моей основной карьерой».

Гавайи стали прелюдией безумной истерии, ожидавшей их в Токио. Из самолета супругам пришлось выбираться тайком через багажный отсек. Здесь толпа скандировала: «Мон-чан! Мон-чан!», что в грубом переводе значило: «сладкая крошка». Позже у отеля «Империал» сотне полицейских пришлось сдерживать неистовую толпу, которая никак не желала успокаиваться, пока Мэрилин не

появилась на балконе. Она поблагодарила публику за «чудный прием», но вновь она испытала страх. «Я чувствовала себя, — скажет она впоследствии Сиднею Сколски, — в роли диктатора из хроники военных времен».

Мэрилин попыталась смирить монстра созданного ею образа. Она с достоинством провела пресс-конференцию, на которой две сотни японских репортеров забросали ее пустыми вопросами. На вопрос: «Вы носите нижнее белье?» — Мэрилин ответила: «Я покупаю кимоно». Фотографы разузнали, что тогда она была в нижнем белье, — вероятно, по настоянию Ди Маджо.

Постепенно японцы стали приходить в себя. «Японцы в результате визита «Уважаемой актрисы, вихляющей задом», вероятно, не скинут свое нижнее белье, — глубокомысленно заметил один ученый муж, — потому что довольно холодно... но я уверен, что вскоре они сами начнут вилять задами».

На протяжении десяти дней, проведенных в Японии, особенно после того, как они сбежали из Токио, Мэрилин как будто и в самом деле играла «второстепенную роль» при герое бейсбола Ди Маджо. Скромно одетая, не ярко накрашенная, она послушно таскалась за Ди Маджо, пока ее прославленный муж играл в гольф; скрытая от глаз, оставалась в автомобиле, когда он устраивал встречу со спортивными болельщиками. Вечерами наблюдала она за игрой Ди Маджо в снукер, в который он сражался со своим приятелем и коллегой Лефти О'Доулем. Но через две недели Мэрилин вновь вернула себе свой мифический образ. Она одна, без мужа, поехала в Корею, развлекать американских солдат.

За несколько недель до этого Мэрилин рассказывала об одном «морском десантнике, который после пребывания в Корее подошел к дверям моего дома. Он сказал мне, как много в жизни мужчин, находящихся на службе в армии, значит фотография. Говоря об этом, он заплакал...». Сейчас, сидя за холщовой занавеской ее импровизированной гримерной на пронизывающем холоде, собираясь выступить перед солдатами Первой дивизии морской пехоты, принимала она свой облик Мэрилин Монро. Тринадцатитысячная толпа одобрительно взревела, когда она ломким голосом без поддержки микрофоном исполнила «Лучший дружок девушки — бриллиант», «Прощай, детка» (Bye, Bye, Baby) и «Сделай это снова» (Do it Again).

С исполнением последней песни у Мэрилин возникли определенные трудности, когда вмешался один офицер, заявив, что песня чересчур откровенна. Напрасно она ссылалась на то, что песня была написана известным Джорджем Гершвином. Все же изменила строчку припева на «поцелуй меня снова».

Мэрилин не позволила цензуре вставать между ней и аудиторией. В падающих хлопьях снега она, задрапированная в пурпурное платье с низким вырезом, на протяжении трех лихорадочных дней являла собой солдатского ангела вожделения. Фильм о концертах Мэрилин показывает, что она сама была на взводе и явно наслаждалась восторгом одетой в униформу солдатской массы.

Позже Мэрилин скажет подруге Эми Грин, что после этого толпы народа больше не пугали ее. Еще она добавила: «Раньше в душе я никогда не чувствовала себя звездой. Было так замечательно смотреть вниз и видеть парня, улыбающегося тебе». Джо Ди Маджо, ожидавший ее в Японии, видел кинохронику и не чувствовал себя в восторге от всего происходившего.

На протяжении всей поездки Мэрилин по Корее супруги обменивались напряженными телефонными звонками. Один из разговоров, благодаря умению военных связистов усиленный динамиками, транслировался на обеденном приеме с участием Мэрилин. Военная публика услышала, как она спросила: «Ты все еще меня любишь, Джо? Скучаешь по мне?» Ответ Ди Маджо был умышленно заглушён.

Спустя несколько недель Мэрилин без умолку болтала с Сиднеем Сколски, описывая ему свой визит в Корею и концерты перед американскими войсками. Потом, повернувшись к Ди Маджо, она спросила: «Джо, ты можешь себе представить, что это такое? Когда-нибудь десять тысяч человек вставали и аплодировали тебе?»

Сколски вспоминал: «Голос Джо прозвучал бесстрастно, не отразив никаких эмоций, умышленно принижая значение слов, как он всегда принижал свои невероятные победы на стадионе «Янки». «Семьдесят пять тысяч», — ответил он спокойно. Мэрилин стала похожа на озадаченного игрока, потерпевшего поражение в первом туре чемпионата страны по бейсболу».

В Токио Мэрилин вернулась с легкой формой пневмонии. Там

ее ждала трудная встреча с мужем. Нет точных сведений о том, почему решила Мэрилин прервать медовый месяц и отправиться в Корею развлекать воинов Вооруженных сил США. Согласно ее версии, с этой просьбой к ней обратился американский генерал во время перелета Гавайи-Токио. По ее утверждению, Ди Маджо не возражал против этого. Но по словам Сиднея Сколски, Мэрилин эту гастроль запланировала еще до отъезда из Соединенных Штатов. Эта идея не нравилась Джо Ди Маджо, но Мэрилин пошла против его воли.

В газетных репортажах о свадебном путешествии не было ничего интересного, за исключением одной странной детали. В «Лос-Анджелес Таймс» сообщалось, что в Токио Мэрилин отправилась с шиной на большом пальце, поэтому всю дорогу держала руку в норковом пальто. «Я просто ударила его, — сказала она. — У меня есть свидетель. При этом присутствовал Джо и слышал, как хрустнула кость». Распространяться более подробно о сломанном пальце она отказалась. Рядом прилагался снимок с изображением пальца в лубке.

Непредназначенная для широкой публики версия Мэрилин — хотя ко всем ее байкам следует относиться с осторожностью — гласила, что палец был сломан Ди Маджо в минуту гнева. Об этом она рассказывала многим приятелям, включая Эми Грин. Из воспоминаний Грин: «Мэрилин подошла к нему, чтобы обнять. В тот момент он разговаривал с Джорджем Солотэром, и ее поведение раздосадовало его. А у Джо были такие огромные лапищи. Он только оттолкнул ее руки. От этого резкого толчка палец и сломался...»

Из рассказа Эми Грин видно, что травма нанесена случайно: просто Ди Маджо недооценил собственную силу. Однако в будущем появится серия сообщений о том, что Ди Маджо во время их короткой семейной жизни с Мэрилин Монро плохо обращался с женой.

Луи Уэббер, пресс-агент Мэрилин Монро в пятидесятые годы, сказал: «Я уверен, Мэрилин боялась его, в физическом смысле. Она говорила, что Джо имел тяжелый характер. Он был очень консервативен в своих взглядах». Все свидетельства сходятся в одном: Ди Маджо был своенравен и ревнив.

Генри Розенфельд, доверенный друг Мэрилин в Нью-Йорке, утверждал, что она якобы говорила, что уже во время медового

месяца «он начал ее упрекать в том, что она ложилась в постель со всеми». Своей парикмахерше Глэдис Уиттен, которой она привезла с Дальнего Востока подарок, Мэрилин сказала, что Ди Маджо был вне себя от ярости из-за ее вояжа в Корею. «Она пошла против его воли, — говорит Уиттен, — и он рассвирепел. Мэрилин сказала: "Он угрожал развестись со мной еще во время медового месяца!"»

После того как брак их потерпел фиаско, Мэрилин с актрисой Морин Стэплтон как-то рассматривала старые фотографии. Она взяла один снимок и заметила: «Смотри, это было сразу после бракосочетания. Обрати внимание на мои руки — я буквально отталкивала его от себя. Правда, глубоко в душе мне не хотелось выходить за него». Удивительно, но не успели просохнуть чернила на свидетельстве о браке, как Мэрилин заговорила о новом замужестве. Сразу после возвращения супругов Ди Маджо из свадебного путешествия к ним в номер «Беверли Хиллз» был приглашен Сидней Сколски. Стоило Джо Ди Маджо выйти из комнаты, вспоминает старый журналист, как Мэрилин огорошила его откровенным заявлением.

— Сидней? — сказала она.

— Да.

— Знаешь, за кого я собираюсь замуж?

— Замуж? Я что-то не понимаю, о чем ты?

— Я собираюсь замуж за Артура Миллера, — сказала Мэрилин.

Ошарашенный Сколски сказал, что не понимает Мэрилин.

— Подожди, — уверила его Мэрилин, — и ты увидишь.

Не прошло и года после этой беседы со Сколски, как она и драматург начали всерьез встречаться. Год спустя она исполнит свое намерение и выйдет замуж за Миллера.

Брак с Ди Маджо, начавшийся с разногласий, продлится менее девяти месяцев.

Примечания

1. В качестве свадебного подарка Мэрилин подарила Ди Маджо свои «обнаженные» фотографии из известной календарной серии, которые считались слишком откровенными и не были опубликованы. Но об этом стало известно только по прошествии многих лет.

Глава 15

После половодья эмоций в Азии Ди Маджо привез жену домой, в тихий дом в Сан-Франциско. Месяц или около того в начале 1954 года супруги жили спокойно, без вмешательств со стороны прессы.

Кое-какие сведения о них все же просачивались. Вот снимок: мистер и миссис Ди Маджо на борту лодки Джо «Янки клиппер», Мэрилин в джинсах и мокасинах держит бумажный пакет с едой. В Сан-Франциско она чувствовала себя свободней. Она ходила в заведение Машина за покупками. А однажды привлекла внимание зевак, когда у подножья холма помогла тормозному кондуктору опрокинуть одну из кабин кабельной дороги.

В колонках светской хроники промелькнула мысль о вероятной беременности актрисы, но соседи, рыбаки и портовые рабочие замечали больше, чем любой из репортеров. Они недоумевали, когда поздним вечером во внутреннем дворике видели ее одинокую фигуру с накинутым на плечи пальто. Однажды ночью встретили ее, истерично рыдавшую и бегущую по дороге, ведущей с пирса. Ди Маджо бежал следом. Рыбаки отводили взгляды.

Голливуд ждал. В марте 1954 года Мэрилин вернулась в Лос-Анджелес. Заполняя анкету и оставив незаполненной графу о детях, актриса криво усмехнулась. В Голливуд она приехала, чтобы получить награду как «Самая популярная актриса». Церемония превратилась в шумное приветствие по поводу возвращения домой, туда, где Ди Маджо не было. Он сказал, что будет сопровождать ее только тогда, когда она отправится за «Оскаром», — но такой чести ей не суждено было дождаться.

Вдохнув студийный запах и все больше настраиваясь на новый контракт, Мэрилин поспешно латала прорехи в отношениях с «Фоксом». Она согласилась сняться в картине «Нет такого бизнеса, как шоу-бизнес», пустом мюзикле, ставшем данью уважения творчеству композитора Ирвинга Берлина. Там

Мэрилин предстояло петь и танцевать. Один из номеров имел название с глубоким смыслом: «После того, как ты получил то, что ты хочешь, тебе это уже не надо». Ди Маджо, конечно, не хотел крутых перемен, связанных с возвращением Мэрилин в Голливуд.

Когда-то Мэрилин воркующим голоском пропела: «Глава в нашей семье — Джо, и я буду жить там, где захочет он». Теперь, загнанный в угол, Ди Маджо был вынужден некоторое время пожить в Голливуде, в городе, который он ненавидел больше всего на свете. Супруги сняли дом в Беверли Хиллз на Норт-Палм-драйв. В доме было восемь комнат — одна из них предназначалась для юного сына Ди Маджо, когда тот будет навещать их — и плавательный бассейн. У входа стояли два черных «Кадиллака». Это был наименее изолированный дом в Лос-Анджелесе, так как его парадная дверь практически выходила на улицу.

Писатель Сидней Сколски, присутствуя как-то на одной из музыкальных репетиций Мэрилин, заметил, что часто звонил Ди Маджо, и решил, что между ними все хорошо. Мэрилин, казалось, искренне озабочена тем, что больше всего хлопот по переезду легло на плечи Ди Маджо, а не на ее собственные. Она поспешила домой, а Сколски, как доверенный хроникер звезды, увязался за ней, чтобы самому понаблюдать за семейной жизнью двух знаменитостей.

Вскоре жадная до новостей публика узнала, что Мэрилин поставила телевизор возле камина, чтобы мужу было удобно следить за спортивными событиями, сидя в своем любимом кресле. Она призналась, что он был страстным болельщиком бейсбола, большого бокса, а также любил иногда посмотреть вестерны. Обед ему она всегда подавала в кресло.

«Джо не нужно было шевелить и пальцем, — откровенничала она с прессой. — Обращаясь с мужем подобным образом, вы получите от него вдвое больше. Мне нравится гладить рубашки Джо, но у меня часто нет для этого времени. Мне нравится видеть Джо в рубашке, выглаженной моими руками. Мужчина никогда не должен думать о своей одежде. Его жена должна заботиться о том, чтобы его костюмы и туфли были вычищены». Все это, конечно, было легко осуществимо с помощью трех слуг, нанятых Мэрилин.

Сидней Сколски исправно публиковал заметки, пронизанные уютным воркованием актрисы, приправляя его зарисовкой из реальной жизни, «Джо и я иногда ссоримся, — якобы сказала она ему. — Нельзя сбрасывать со счетов человеческую натуру. Брак познается в браке». По правде говоря, супружеская чета довольно скоро обнаружила свою полную неспособность овладеть ситуацией в семейной жизни.

Все рассуждения Мэрилин о ведении домашнего хозяйства были досужим вымыслом. Писательница Шейла Грехем, беседовавшая с Мэрилин после разрыва супружеских уз с Ди Маджо, отмечает: «Они были равны в славе, но только не в привычках. Опрятность Джо граничила с манией. На его туалетном столе все было разложено по алфавиту: А — аспирин; Б — бритва; В — вата и т.п. Мэрилин можно было отыскать, следуя за вереницей разбросанных повсюду вещей: чулок, лифчика, носового платка и, наконец, сумочки. Он все время пытался муштровать ее, но из этого у него ничего не выходило. В своих отношениях они дошли до того, что без крика уже не могли разговаривать».

С сексом проблем не было. По многочисленным сообщениям, а также ее Собственным признаниям, сделанным друзьям и врачам, секс-символ мира в сексе не находил большого удовлетворения, несмотря на изрядное число сменявших друг друга партнеров. Но с чемпионом по бейсболу все было в порядке. «Самая большая бита Джо, — радостно делилась она с подругой на студии Джет Фор, — не та, которой он пользуется на поле». Потом она скажет Трумену Капоту: «Если бы этим дело и ограничивалось, мы бы до сих пор были женаты».

Более серьезно о доблести Ди Маджо в постели скажет Мэрилин своей подруге Эми Грин, когда несколько месяцев спустя начнет жить у нее в Нью-Йорке. «Она говорила, что никто не был с ней так хорош в спальне, как Джо, — вспоминает Грин, — но наступает момент, когда нужно выбираться из постели и начинать разговор. Этого они делать и не умели».

Однажды ночью в доме актера Брэда Декстера зазвонил телефон. Он давно познакомился с Мэрилин, еще во время съемок «Асфальтовых джунглей». С тех пор они не разговаривали, Декстер с трудом поверил, что звонила Мэрилин. «Мне хотелось бы, чтобы ты встретился с Джо, — сказала она. — Ты не мог бы прийти к нам на обед? Приди до того, как вернется Джо, чтобы

мы могли поговорить».

В назначенный час Декстер приехал, и Мэрилин прямо с порога обрушила на него свои тревоги: «У меня в браке есть очень серьезная проблема. Джо изолировал меня; он не хочет, чтобы я общалась с людьми, причастными к кино. Он ужасно настороженный человек. Он даже отвадил меня от моих подруг-актрис, и я не знаю, к кому обратиться. Я подумала, может быть, ты сможешь стать чем-то вроде моста между нами. Ты парень что надо, играешь в покер, любишь спорт, мне кажется, вы с Джо могли бы стать друзьями. Тогда ты и я смогли бы разговаривать обо всем, что в течение дня делали на студии».

Декстер понимающе сказал, что Готов пойти ей навстречу. Но, когда в доме появился Ди Маджо, весь предварительный разговор оказался бессмысленным. «Боже, он был таким скованным и напряженным! — вспоминает Декстер. — Джо просто сидел, но я видел все, что творилось в его голове, — не переспал ли я с ней? Почему я пришел к ним? Мы убеждались, что ничего не выйдет. Я сослался на то, что у меня назначена еще одна встреча, и на обед не остался».

Отношения между супругами бесповоротно испортились. Позднее Мэрилин сказала судье на бракоразводном процессе: «Ваша Честь, у моего мужа бывало так, что он мог не разговаривать со мной пять-семь дней подряд. Иногда даже больше. Я спрашивала его, что случилось, но он не отвечал... Мне не разрешалось принимать в доме гостей, за девять месяцев, что мы были женаты, ко мне приходили не более трех раз... В отношениях преобладала холодность и безразличие».

Ди Маджо, мужа в лучших итальянских традициях, все больше и больше удручала потребность его жены выставлять напоказ свое тело не только на работе, но и дома. Брак отчасти смягчил эксгибиционистские замашки Мэрилин. Дома в обнаженном виде она теперь фланировала только перед женщинами. Одна гостья, сидя рядом с Ди Маджо, оказавшись в такой ситуации, заметила, что этим Мэрилин, вероятно, пыталась заманить его в спальню. Но эта шутка его не позабавила.

Когда Мэрилин вышла замуж за Ди Маджо, ее боссы на киностудии «Фокса» размечтались о том, что постоянное присутствие на съемках укрощенного героя бейсбола сделает хорошую рекламу. Один из работников управленческого аппарата

хвастался: «Мы не только не потеряли звезду, но мы приобрели центрального полевого игрока». Ди Маджо разочаровал их. На съемочной площадке он появился только один раз, когда снималась картина «Нет такого бизнеса, как шоу-бизнес», и то позировать для фотографов рядом с женой, одетой в слишком откровенный костюм, отказался.

В августе 1954 года Мэрилин, не отдохнув ни одного дня после «Шоу-бизнеса», сразу приступила к работе над фильмом «Зуд на седьмом году», режиссером которого был Билли Уайлдер. Эта картина стала для нее наградой за участие в «Шоу-бизнесе». Предстояло сыграть интересную роль в паре с одним из ведущих актеров. Это обстоятельство, должно быть, осталось для Ди Маджо незамеченным. «Зуд» рассказывал историю женатого человека, сорока лет (его играл Том Иуэлл), которого соблазнила девушка сверху, — роль Мэрилин, — пока жена и дети были в отъезде. Картина балансировала на грани щекотания нервов и сексуального двусмыслия.

Уайлдер и сегодня посмеивается, вспоминая о съемках эпизода, в котором Мэрилин предстояло тихо спуститься по пожарной лестнице, чтобы увидеть жившего внизу мужчину. «На ней была надета ночная рубашка, — говорит он, — и я видел, что она в лифчике. «Под ночным бельем лифчики не носят, — сказал я ей, — а твою грудь заметят потому, что на тебе надет лифчик». «Какой лифчик?» — возмутилась Мэрилин и положила мою руку себе на грудь. Лифчика на ней не было. Грудь ее имела совершенную форму чуда, плотная, не знавшая, что такое земное притяжение».

В другой сцене, когда она, перегнувшись через балкон, извещает соседа о том, что в такую нью-йоркскую жару держит белье в холодильнике, казалось, что Мэрилин обнажена. Для начала пятидесятых годов это была большая смелость. Уайлдер вынужден был разочаровать Мэрилин, собиравшуюся играть одну из любовных сцен в нагом виде. Никакие увещевания не потребовались, чтобы она пошла на знаменитый эпизод с юбкой, который пресса назовет «самым интересным драматическим воплощением со времен леди Годивы» и который выведет Ди Маджо из себя.

В конце того лета Мэрилин посетила Марлона Брандо, игравшего тогда в картине «Дезире» Наполеона. Он, как и другие, заметил, что правая рука Мэрилин была покрыта синяками и

кровоподтеками. Когда он спросил об этом, она ответила, что во сне укусила себя. Спустя несколько недель после сцены с юбкой друзья увидят и другие синяки. Тогда Мэрилин признается, что это Ди Маджо поколотил ее.

9 сентября 1954 года Мэрилин вылетела в Нью-Йорк, где предстояли натурные съемки «Зуда». Связанные с этим события хорошо освещены в воспоминаниях Роя Крафта, рекламного агента Мэрилин. «Если бы тогда русские оккупировали Манхэттен, никто бы не заметил этого». Когда Мэрилин покинула Голливуд, по городу пронесся слух, что браку с Ди Маджо наступил конец. В Нью-Йорк она приехала без него, но прессу заверила: «У нас все хорошо. Счастливый брак превыше всего».

Через пять дней она подъехала к театру «Транс-Люкс» для съемки эпизода со своим партнером Томом Иуэллом. По сценарию ей надо было стоять рядом с улыбающимся Иуэллом, когда порыв ветра из подземки выше головы задирает ее юбку.

Студийные агенты по связи с прессой не забыли сообщить газетчикам о точном месте проведения съемок — угол 52-й улицы и Лексингтон-авеню, — а также о том факте, что откровенный костюм Мэрилин вызовет на дороге «транспортные пробки». Несмотря на то, что минула полночь, у деревянного забора, поставленного полицией, собралось не менее тысячи зевак, жаждущих увидеть, как огромная машина, создающая ветер, задирает юбку Мэрилин выше головы. По иронии судьбы, говорит Уайлдер, съемки нижней части тела Мэрилин проводились в павильоне и весьма скромно. В ту же ночь жители Нью-Йорка увидели нижнюю часть, облаченную в достаточно тонкие трусики, и лицезрели неясное пятно лобковых волос. Тут-то и появился муж Мэрилин.

В ту ночь участники съемочной группы, жившие по соседству с номером Мэрилин Монро в отеле «Реджис», почти не сомкнули глаз. Сквозь стены до кинооператора «Зуда», Милтона Краснера, долетали яростные крики. Хотя к рассказам богатой на фантазии Мэрилин всегда надо относиться осторожно, тем не менее не принимать их совсем в расчет нельзя.

Парикмахерша Глэдис Уиттен и костюмерша никакого шума ночью не слышали, но утром к ним явилась Мэрилин. «Она сказала, что кричала и звала нас на помощь, — вспоминает Уиттен. — ... Ее муж просто озверел и даже немного поколотил

ее... На ее плечах были следы, но мы убрали их, знаете., наложили немного грима, и она ушла работать».

Эми Грин, нью-йоркская подруга Мэрилин, также видела следы побоев. Она пришла в «Сен-Реджис» исполнить глупую мечту — померить норковое пальто. «Я сидела на кровати, обвернувшись ее норкой, — говорит Грин, — когда Мэрилин начала раздеваться. Она забыла, что я сижу здесь и начала снимать блузку... Все ее спина была покрыта синяками — я не могла поверить своим глазам... Она не знала, что и сказать. Но так как лгуньей она не была, то просто сказала: "Да..."»

Эми Грин добавляет: «Мэрилин бывала умницей, но стоило ей выпить шампанского, как она начинала подстрекать его. Они не были интеллигентами, они но умели обсуждать наболевшее, а просто издевались друг над другом...»

Гример Уайти Снайдер, один из немногих голливудцев, кто вполне ладил с Ди Маджо, говорит: «Они любили друг друга, но не могли быть мужем и женой... Иногда он устраивал ей «хорошую» жизнь — бывало, что мог слегка и поколотить».

В сентябре 1954 года, после «юбочного» скандала в Нью-Йорке, Мэрилин храбро заявила всему свету: «Я просто хорошенькая девушка, которую вскоре забудут. Но Джо совсем другое, он будет велик во все времена».

Наедине с собой эта хорошенькая девушка подвергалась тяжелым испытаниям. Том Иуэлл, ее партнер по «Зуду», заметил, что она была больна в физическом смысле, «она дрожала, как осиновый лист», и с жадностью поглощала таблетки. Милтон Грин, навестивший ее в «Сен-Реджисе», застал Мэрилин в состоянии лекарственного дурмана. Он решил, что это, должно быть, были транквилизаторы. Актриса не способна была вести разумную беседу.

В Калифорнию Мэрилин вернулась вместе с Ди Маджо и на десять дней взяла отпуск. Много времени провела Мэрилин в разговорах с Мэри, сестрой Фреда Каргера. Соседи несколько раз видели ее, бродившую по улицам ночью, по-видимому, в слезах. Днями валялась она в постели. В постели же давала интервью Сиднею Сколски, знакомя его с подробностями поездки в Нью-Йорк. Сколски имел возможность наблюдать ссоры супругов, но писать об этом не стал.

Утром в понедельник 4 октября 1954 года Мэрилин

позвонила Билли Уайлдеру, режиссеру «Зуда». Чувствовалось, что она расстроена. Запинаясь, сказала, что не вернется на работу, потому что «Д-Джо и я собираемся р-р-разводиться».

Отдел рекламы студии «XX век—Фокс» под руководством своего начальника Гарри Бранда тотчас взялся за дело. Все было устроено самым тщательным образом. Бранд переговорил с адвокатом Джерри Джизлером, колоритной фигурой, который обычно занимался распутыванием сложных голливудских узлов. (Позже выяснилось, что с ним Мэрилин начала договариваться еще десять дней назад.) В понедельник, во второй половине дня адвокат и директор отдела рекламы вынесли свой вердикт: причиной размолвки стал «конфликт карьер». Джизлер сказал, что на другой день оформит для Мэрилин заявление о разводе, указав в качестве причины развода «обычную душевную черствость». О звезде он писал в одной газете, что та страдала от заболевания, которое в различных источниках называлось по-разному: то вирусом, то нервным расстройством. В другой газете промелькнуло его сообщение иного характера: беременной Мэрилин не была.

Дом на Палм-драйв осаждали орды газетчиков. Автобусные компании срочно изменили маршруты, чтобы туристы могли поглазеть на дом Ди Маджо, взятый в блокадное кольцо. Два дня еще Мэрилин и Ди Маджо оставались в доме. Тем временем студия готовила финальную сцену. «Развод Монро, — вспоминает бывший работник отдела рекламы «Фокса» Рой Крафт, — был обставлен что надо».

Рано утром 6 октября газетчики в назначенное время собрались возле дома. «XX век—Фокс» доставил к Мэрилин обычно обслуживавшую ее команду гримеров, парикмахеров и других специалистов по наведению красоты. Парикмахерша Глэдис Уиттен вспоминает: «Нас провели в дом с черного хода. Все время, пока мы готовили Мэрилин, она бормотала: «Я не хочу этого», — и хваталась за голову, и плакала».

Там был и художник по костюмам Билл Травилла. Несмотря на ранний час, они с Мэрилин пили вино. Он вспоминает: «Она плакала и приговаривала: «Как мне хотелось бы быть другой. Если бы я только могла больше любить». Она ругала себя, но не объясняла почему». Когда их работа была завершена, команду косметологов той же тайной тропой вывели из дома. Обогнув его, они появились у парадного входа, чтобы посмотреть на

представление.

Джо Ди Маджо, которому предложили выйти из дома по той же аллее, отказался сделать это. В десять часов утра он появился на пороге и сквозь строй газетчиков, толпившихся на обсаженной розами дорожке, пошел к машине.

— Куда вы направляетесь? — спросил один из них.

Ди Маджо, оказавшись в тесном кольце, громко прокричал, стараясь пересилить гвалт:

— Я еду в Сан-Франциско.

— Вы еще вернетесь сюда?

— Мой дом — Сан-Франциско, — ответил Ди Маджо, ускоряя шаг. — Он всегда был моим домом. В этот я больше никогда не вернусь. — Автомобиль, за рулем которого сидел его друг Рино Барзочинни, тронулся, унося с собой Ди Маджо.

По словам Глэдис Уиттен, то, что произошло дальше, было «ужасно». Спустя много лет корреспондент «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» Джо Хайемс говорил, что он до сих пор видит «ее [Мэрилин] заплаканное лицо с той же отчетливой ясностью, как тогда, когда она вышла из дома и с полсотни журналистов набросились на нее, как стая диких зверей набрасывается на свою жертву. Только один маленький Сидней Сколски пытался защитить ее. Эта сцена и горькая мысль о профессии журналиста до сих пор болью отзываются в моем сердце».

Корреспондент «Ассошиейтед Пресс», которого не мучили такие сомнения, просто написал: «Сегодня Мэрилин Монро совершила выход, достойный награды Академии...»

Она появилась через пятьдесят минут после отъезда мужа. Несмотря на то, что на ее лице лежал толстый слой театрального грима, этого оказалось недостаточно, чтобы скрыть следы синяка на лбу. В черном наряде она жалась к руке своего адвоката и руководителя отдела рекламы «Фокса». Репортеры, которым пообещали пресс-конференцию, засыпали ее вопросами. Мэрилин всхлипывала. «Мне нечего добавить, — то и дело повторяла она. — Простите...» Она начала спотыкаться и покачиваться на каблуках, готовая вот-вот потерять сознание.

На другой день утром Мэрилин появилась на работе. Своему гримеру она призналась, что «впервые за много дней чувствует себя бодрой». В Сан-Франциско Ди Маджо проспал до полудня, красовался, позируя для фотографов, а потом играл в гольф. Для постороннего мира драма завершилась. Прессе ничего не оставалось делать, как ждать бракоразводного процесса, который начинался через три недели. Тем временем шла грязная закулисная возня.

Видя, что брак разваливается, пришедший в полное отчаяние Джо Ди Маджо, ревновавший к теням, предпринял попытку успокоить душу другими средствами. Он обратился за помощью к частным детективам, типичным персонажам Реймонда Чэнджлера пятидесятых годов, сыщикам, которые своими рапортами могли принести супругу облегчение или вызвать сердечный приступ.

Одновременно на студии «XX век—Фокс» такая же идея пришла в голову другого человека, но по иной причине. Обеспокоенная администрация «Фокса» боялась, что их вложения в Мэрилин Монро пропадут из-за скандала. Было решено предотвратить эту катастрофу. С этой целью созвали собственную команду платных агентов. Отныне за Мэрилин следили. В дальнейшем это неоднократно будет повторяться.

Однажды вечером, в пору своего замужества с Ди Маджо, Мэрилин зашла навестить Анн, мать человека, которого она когда-то любила, но потеряла, Фреда Каргера. Приходить к ней она будет до самой своей смерти. С семьей она была знакома еще с тех времен, когда была бедна, как церковная мышь, а теперь они, радостные, собрались вокруг нее и восхищенно рассматривали платье, норку и «Кадиллак» с откидывающимся верхом. «Когда в тот вечер она уходила, — говорит Пэтти Каргер, — снаружи ее поджидали два парня. Все в доме видели их, мы хотели помочь ей. Мэрилин не знала, что и делать».

У Мэрилин уже давно вошло в привычку звонить Сиднею Сколски в любое время дня и ночи. Однажды, вспоминает его дочь Стеффи, она позвонила после полуночи. «Я едва разбудила отца. В семь часов утра Мэрилин уже приехала к нам. Без макияжа, с непричесанной головой, в наспех наброшенном меховом пальто... Отец позже говорил, что Мэрилин просто нужно было уйти, скрыться. Она думала, что «они» пытались накачать ее наркотиками».

Через несколько дней после расставания Мэрилин с Ди Маджо актер Брэд Декстер столкнулся с ним в Лос-Анджелесе в ресторане «Вилла Капри». Тот был в компании Фрэнка Синатры и частного детектива по имени Барни Рудитски.

Когда-то Рудитски работал детективом в Нью-Йорк-Сити, но затем переехал в Калифорнию и стал совладельцем «Шерри» на Сансет-стрит, известного в те времена притона гангстеров. Одновременно он содержал городское детективное агентство и службу охраны. Детище его специализировалось на охране личной жизни и проводило слежку за супругами, собирая компрометирующий материал для развода.

Фрэнк Синатра, обозначивший для справочника «Кто есть кто» свою профессию как «баритон», в тридцать девять лет только что одержал крупную победу в жизни. Он завоевал награду Академии за роль рядового Маджо в картине «Отныне и вовеки веков», а также был удостоен звания «первого великого певца спален наших дней». В течение нескольких месяцев журнал «Тайм» будет называть его «одним из наиболее замечательных, сильных, драматических, печальных и порой откровенно путающих личностей, находящихся в поле зрения публики».

О Синатре «Тайм» также написал: «Мужчина, безусловно, внешне похож на общепринятый стандарт гангстера образца 1929 года. У него яркие, неистовые глаза, в его движениях угадываешь пружинящую сталь; он говорит сквозь зубы. Он одевается с супермодным блеском Джорджа Рафта — носит богатые темные рубашки и галстуки с белым рисунком… согласно последним данным, у него были запонки, примерно стоившие 30000 долларов… Он терпеть не может фотографироваться или появляться на людях без шляпы или иного головного убора, скрывающего отступающую линию волос».

Фрэнк Синатра и Джо Ди Маджо, оба американцы первого поколения, в то время были самыми знаменитыми итальянцами в мире. Они оказывали финансовую поддержку одним и тем же питейным заведениям, включая «Тутс Шор» в Нью-Йорк-Сити. В 1954 году можно уже было сказать, что и судьба им обоим досталась одинаково несчастливая. У Синатры были определенные проблемы в его неудачном браке с актрисой Авой Гарднер. В Рино, еще до женитьбы, он принял чрезмерную дозу снотворного. Два года спустя после свадьбы он поступил в нью-

йоркскую больницу с «несколькими порезами на предплечье». К моменту разрыва Ди Маджо с Мэрилин Монро отношения Синатры с Авой Гарднер были еще запутанным клубком.

Итак, стояла осень 1954 года, когда Брэд Декстер увидел собравшихся за одним столиком ресторана «Вилла Капри» баритона, бейсболиста и частного детектива. С момента неловкой встречи на Норт-Палм-Драйв, когда Мэрилин попыталась использовать его в качестве моста между собой и мужем, Брэд не виделся ни с актрисой, ни с Ди Маджо. Теперь же, в приглушенном свете ресторанного зала, Ди Маджо снизошел до него: «Господи Иисусе, прошу прощения за тот вечер. Я не знал, кто вы, что за человек. Не могли бы вы помочь мне сейчас?»

По утверждению Декстера, Мэрилин скрывалась в своей гримуборной на студии «XX век—Фокс» и отказывалась встречаться с Ди Маджо. Часы между тем неумолимо приближали супругов к бракоразводному процессу. Ди Маджо теперь отчаянно пытался вернуть ее назад. Директор «Фокса» Даррил Занук распорядился, чтобы ничто не мешало работе Мэрилин, и запретил Ди Маджо появляться на студии. Вот в ресторане тот и попросил Декстера, актера, которого хорошо знала охрана, тайком, спрятав под одеялами, провезти его на территорию студии в своем автомобиле.

«Они пытались надавить на меня, — вспоминает Декстер, — тогда я сказал: «Я позвоню Мэрилин и спрошу, хочет ли она видеть вас». Я разговаривал с ней, но она ответила: «Брэд, пойми, я не хочу видеть Джо, не хочу говорить с ним; все кончено». Тогда я вернулся к ним, передал все, как есть, и исполнить их просьбу отказался».

Утром 27 октября Мэрилин вошла в здание суда в Санта-Монике. После поверхностного заслушивания дела она получила развод на основании «душевной черствости» супруга. На процессе Джо Ди Маджо не присутствовал и опротестовывать решение не стал. Несмотря на судебное решение, он еще не оставлял надежду повернуть дело вспять. Когда за день до суда его увидели в Лос-Анджелесе, Ди Маджо сказал, что приехал только «повидаться с сыном».

А в день развода Ди Маджо предпринял несвойственный ему шаг и пригласил журналистов, желая поговорить о личной жизни. Он сообщил им, что еще возможно примирение. «Я надеюсь, она

увидит свет», — процитировала его слова одна из газет.

От Мэрилин тем временем исходили странные и противоречивые сигналы. Накануне бракоразводного процесса она дала первое с момента разрыва супружеских уз интервью, подчеркнув, что никакой связи с другим мужчиной не было. Потом она, решившая в суде говорить о душевной черствости Ди Маджо, искала утешения — у Ди Маджо. Говорят, что ночь перед процессом и после процесса она провела, запершись с мужем. Местом их уединения стала квартира Фрэнка Синатры.

Скептиков в Лос-Анджелесе не убеждали причины развода, выдвинутые официально. Прозвучавшее в зале суда заявление о «холодности и безразличии» Ди Маджо не показалось убедительным. Также не поверили люди и в то, что причиной размолвки стала демонстрация сексуальности Мэрилин, связанная с ее профессиональной деятельностью. Представитель «Фокса» Рой Крафт без обиняков отклонил это объяснение. «Когда они поженились, Мэрилин уже обладала соответствующей репутацией, — сказал он. — Если строишь дом рядом с бойней, не стоит жаловаться на визг забиваемых свиней».

Сейчас, когда Мэрилин мертва, а Джо Ди Маджо хранит молчание, марево тайны все еще окутывает финал этого брака. Но благодаря новой информации, на поверхность выплывает другая версия их расставания. В ней главной причиной названа неотступная слежка за Мэрилин и треволнения человека, с которым она встречалась.

Этот человек и сегодня, по прошествии тридцати лет, не может без содрогания слышать имени Ди Маджо.

Глава 16

Через несколько дней после бракоразводного процесса, в начале ноября 1954 года Джо Ди Маджо позвонил другу Мэрилин, журналисту Сиднею Сколски и попросил срочно встретиться с ним. Сколски предложил вместе пообедать, но Ди Маджо настаивал на разговоре в уединенном месте — в его спальне в голливудском отеле «Никербокер». То, что произошло во время встречи, и сегодня заставляет Сколски смущенно поеживаться. Тогда у него возникло чувство, что перед ним «стоял преклонивший колени идол и молил о снисхождении».

Как следовало из воспоминаний Сколски, Ди Маджо «указал на кровать и предложил мне присесть на край. Сам он сел на стул, подставив его поближе. «Вы все знаете. Есть одна вещь, которую я хотел бы узнать, — сказал он с такой выверенной интонацией, с какой профессиональный певец выжимает пафос из каждой ноты. — Замешан ли здесь другой мужчина? Почему Мэрилин развелась со мной?»

Пришедший в глубокое замешательство Сколски не знал, что и ответить, и постарался закончить разговор на эту тему как можно быстрее. Он уже знал о маниакальной ревности Ди Маджо. В его квартире не раз раздавались испуганные звонки Мэрилин, уверявшей, что за ней следят. Сколски считал, что до Ди Маджо долетели слухи, имевшие хождение в последнее время, о лесбийских отношениях Мэрилин с преподавательницей актерского мастерства Наташей Лайтес. Но наблюдение и слежка главным образом велись за мужчиной — двадцатидевятилетним учителем пения Мэрилин Холом Шефером.

Шефер, замечательный композитор и пианист, начинавший под покровительством Дюка Эллингтона, в один прекрасный день среди своих учениц назовет такие имена, как: Пэгги Ли, Джуди Гарланд и Барбара Стрейзанд. Годом раньше, во время съемок фильма «Джентльмены предпочитают блондинок», он снискал доверие Мэрилин. После совместной работы еще над двумя фильмами они стали близкими друзьями. В первые месяцы замужества с Ди Маджо Мэрилин прибегала к его профессиональной помощи при работе над картиной «Нет такого бизнеса, как шоу-бизнес». К апрелю 1954 года на территории «Фокса» им отвели для работы бунгало номер 4.

От внимания руководителей музыкального отдела не ускользнула взаимная симпатия звезды и ее учителя. Еще они с чувством радости заметили, что мастерство Мэрилин как певицы с каждым днем становилось выше. Никто, правда, не придавал значения тому факту, что они могли работать в бунгало всю ночь напролет или что вместе ходили перекусить. По мере того как дело продвигалось, Мэрилин проявляла все большую заботу о Холе Шефере.

На протяжении тридцати лет Хол Шефер хранил молчание о своей дружбе с Мэрилин Монро. "Причина этого прежде всего в той страшной цене, которую он заплатил. В 1984 году у себя дома, в другом штате, композитор спокойно рассказывал о тех

годах, которые он считал самым мучительным периодом в своей жизни. Когда он впервые встретил Мэрилин, говорит Шефер, «она поразила меня своей неземной хрупкостью, показалась не от мира сего. Она была довольно молчалива, и особенно не раскрывалась. Сначала в ней не было уверенности, но она хорошо усваивала то, чему я ее учил, и быстро совершенствовалась. Я заставил ее пойти и купить альбом песен Эллы Фицджеральд, которая произвела на нее сильнейшее впечатление и повлияла в лучшую сторону... С профессиональной точки зрения с ней было хорошо работать. Одно время она начала опаздывать на занятия, но я сказал, что со мной эти штучки не пройдут... Так я укрепил в ее глазах свою репутацию. Я сказал ей, что на меня вовсе не производит впечатления тот факт, что она Мэрилин Монро, с тех пор она больше не опаздывала».

На протяжении многих месяцев, говорит Шефер, отношения с Мэрилин оставались исключительно служебными. «Только во время съемок «Нет такого бизнеса, как шоу-бизнес», — вспоминает он, — я начал узнавать ее как человека. Мэрилин, по-видимому, почувствовала, что я был самым добрым и мягким мужчиной из всех ее знакомых. Ей нравилась моя игра на фортепиано, она считала, что я должен стать прославленным на весь мир музыкантом. Я не был величайшим в мире любовником, мне было далеко до Тайрона Пауэра, но я давал ей то, что ей было нужно больше всего на свете, — помощь. Я не использовал ее, скорее по/удерживал — заботился о ней».

Пришло время, когда Мэрилин и Шефер сделались любовниками, хотя он дает понять, что секс не стоял во главе угла их отношений. Он, как и другие возлюбленные Мэрилин, повторяет уже известную нам истину, что «Мэрилин, должно быть, почти все время ощущала некую безысходность. Мне кажется, она считала естественным для себя быть привлекательнейшей из женщин, которой положено заниматься сексом с мужчинами, потому что она умела делать это, и это было тем, что она могла дать. Но по ее собственному разумению, больших успехов на этом поприще она не добилась».

Шефер однозначно утверждает: «Я не был причиной ее разрыва с Ди Маджо. В их отношениях уже была трещина, но не по моей вине. Она бросила бы его в любом случае. Со мной это никак не связано, как не было связано ни с кем другим, но Ди Маджо не мог поверить в это. Он был устроен таким образом, что не мог поверить этому».

В середине лета 1954 года Мэрилин рассказала Шеферу о своих проблемах с Джо Ди Маджо. Ему, как и некоторым другим людям, она призналась, что ее муж иногда пускал в ход кулаки и что он был страшно деспотичен. Очень скоро, говорит Шефер, ему представился случай убедиться в этом самому. Ему даже стало известно, что сыщики, нанятые Ди Маджо, прослушивали автомобиль Мэрилин.

«У нее был большой черный «Кадиллак» с откидывающимся верхом, — вспоминает Шефер, — и она иногда говорила: «Давай сядем в машину и покатаемся». Однажды я отвез ее в еврейскую часть города на Феафакс-авеню: было еще не поздно, она надела парик с черными волосами и была без макияжа. Когда мы уходили, кто-то все-таки узнал ее, мы сели в машину и уехали. Мы сидели в машине и говорили о том месте, куда направляемся, но там нас почему-то уже ждали. Либо нас прослушивали, либо за нами следили».

Не много понадобилось времени, чтобы Шефер и Мэрилин окончательно убедились, что за ними ведется наблюдение. «Все превратилось в кошмар, — говорит он. — Она чувствовала, что больше не может жить собственной жизнью, и это пугало и злило ее. Она была в полной растерянности».

Так прошло несколько недель. Шефер решил, что настала пора поговорить с Ди Маджо начистоту. Он позвонил в дом на Норт-Палм-драйв к мужу Мэрилин. Тот пригласил его зайти через час. В последний момент Мэрилин, опасаясь насилия, убедила Шефера отказаться от задуманного.

В ночь на 27 июля 1954 года, за три месяца до развода, Шефер в условленное время не пришел на встречу с друзьями. В четыре часа утра его обнаружили в его комнате на студии. Он лежал без сознания на полу. Сказали, что он упал в обморок из-за переутомления, но его близкие друзья знали, что он предпринял попытку самоубийства. Вспоминая об этом, Шефер и сегодня вздрагивает: «Я выпил чистящую жидкость для пишущих машинок, я выпил углеродный тетрахлорид [чистящую жидкость], я выпил четверть бутылки брэнди и принял около сотни таблеток, — все, что нашел там...»

Выжить Шеферу удалось с большим трудом. «Я просто не хотел, чтобы это продолжалось, — говорит он. — Мэрилин

многое значила в этом деле, но не все заключалось в ней одной. Причина была в той жизни, которую я вел, я был подавлен, угнетен, слишком много пил». Серьезно пострадали печень и почки Шефера, болезнь сопровождалась обострениями. Выписавшись из больницы, он нанял двух мед-братьев и снял дом на северном побережье Лос-Анджелеса, где начался его долгий и мучительный путь к выздоровлению.

В больницу к Шеферу сразу после суицидальной попытки пришла Мэрилин. На побережье она тоже продолжала навещать его. «Мэрилин приезжала туда, — говорит Шефер. — Думаю, она, возможно, оставалась в ночь с пятницы или с субботы. Мне кажется, сексом мы тогда не занимались... Я все еще был очень болен, к тому же там присутствовали мед-братья». Тогда его снова охватило чувство беспокойства.

«Снова, когда однажды приехала Мэрилин, — рассказывает Шефер, — они следили за ней. Я плохо это помню, потому что все еще был слаб. Помню только, что они кричали в окно и угрожали. Они говорили, что собираются ворваться в дом. Мы ответили, что вызовем полицию. Они сказали, что перережут телефонные провода. Помнится, была ночь, близилось время рассвета. Никто из нас не спал, Мэрилин стояла в углу. После угроз они принялись убеждать: «Мы только войдем, чтобы забрать ее, мы оставим тебя в покое, не причинив вреда. Мы знаем, что она там, нам нужно забрать ее». Мэрилин была напугана. В конце концов она незаметно выбралась во двор, села в машину и уехала. Физическую силу никто не применял».

Это испытание сблизило Мэрилин и Шефера. «Мэрилин приезжала, чтобы помогать ухаживать за мной. Она была очень мила и довольно практична. У меня дело шло на поправку, и это ее радовало. Мэрилин хорошо выглядела, много плавала и даже загорала. Это было совершенно пустынное место. Мы думали, мы в самом деле полагали, что сможем построить что-то для будущего».

Близилась осень. Шефер поправился настолько, что уже мог вернуться в Лос-Анджелес. С Мэрилин они встречались редко и преимущественно тайком, не желая афишировать свою дружбу в преддверии развода. Это не слишком хорошо им удалось.

В день разъезда супругов в одной из ведущих газет сообщалось, что Ди Маджо «не одобрял» визиты Мэрилин к

Шеферу в больницу в минувшем июле. Журналистка Луэлла Парсонс, хорошо знавшая Мэрилин, воспользовалась этим фактом и дала свое заключение. Она писала: «Я думаю, что все дело было в ревности, которая подняла свою безобразную голову в тот момент, когда Мэрилин Монро и Ди Маджо вели финальную битву... Джо — итальянец, обладающий ревнивым характером».

После их официального развода в прессе начали мусолить тему возможного примирения. У Мэрилин и Ди Маджо действительно было несколько встреч, но ни одна из них не закончилась благополучно. Напряжение достигло апогея 5 ноября. Этот день никто из них не забудет до самой смерти.

Утром Мэрилин твердо сообщила прессе: «В том, что мы собираемся помириться, нет ни слова правды». После развода Ди Маджо не обладал никакими юридическими правами, что приводило его в полное отчаяние. Между тем нанятые им частные детективы все еще находились на своих дежурных местах. В ту ночь Ди Маджо вместе с Фрэнком Синатрой совершил величайшую глупость.

То, что случилось тогда в ночь с пятницы на субботу, аукнется Ди Маджо и Синатре самым неожиданным образом. Два года спустя в скандальном журнале «Конфиденшиал» напечатают материал, поднявший такую шумиху, что сенатский комитет штата Калифорния и большое жюри Лос-Анджелеса начнут расследование. Ниже сделана попытка восстановить происшедшие события на основании показаний, заслушанных названными здесь официальными органами, довольно противоречивых свидетельств очевидцев и газетных сообщений, а также новых сведений, полученных при написании этой книги.

Вечером 5 ноября вездесущий журналист Джеймс Бейкон, пользовавшийся когда-то благосклонностью Мэрилин, направил стопы в ресторан «Вилла Капри». Это заведение никак нельзя было назвать любимым местом отдыха звезд Лос-Анджелеса; скорее оно представляло собой уютное место свиданий, где подавали спагетти и фрикадельки. Отличие его от других подобных ресторанчиков состояло в том, что он находился под покровительством, вернее сказать, получал солидную финансовую поддержку от некоторых известных итальянцев. В их число входили Джо Ди Маджо и Фрэнк Синатра. Когда в ресторан приехал Бейкон, оба итальянца были там.

«Они сидели за соседним столиком, — вспоминал Бейкон, — казалось, что встретились сыны Италии, — там был Синатра, Ди Маджо и еще несколько их соотечественников. Среди присутствующих был и Хэнк Саникола, менеджер и близкий друг Синатры в ту пору. Я не присоединился к ним, хотя состоял у Фрэнка в приятелях, я видел, что Ди Маджо в отвратительном настроении».

А на другом конце города для обитателей дома на углу Килкиа-драйв и Уэаринг-авеню в Восточном Голливуде вечер завершался в тишине. В своей уютной квартирке наверху отошла ко сну пятидесятилетняя Флоренс Котц. Хозяйка миссис Вирджиния Бласген также собиралась лечь, ее подросток-сын уже спал. В квартире жившей над ними актрисы по имени Шейла Стюарт еще продолжался поздний ужин. В гостях у Шейлы была Мэрилин Монро. Тридцатисемилетняя Стюарт как раз в то время подружилась с Мэрилин, чему способствовал общий интерес к пению. В тот вечер Мэрилин учила новый киносценарий.

В ночной тьме на своем автомобиле по улицам кружил двадцатичетырехлетний частный детектив Филип Ирвин. Его подрядил Барни Рудицки, детектив, нанятый, в свою очередь, Ди Маджо для слежки за Мэрилин. Он уже несколько месяцев вел наблюдение.

Теперь, проезжая мимо дома на углу Килкиа-драйв, Ирвин заметил припаркованный автомобиль Мэрилин. Он немедля позвонил боссу. Примчался Рудицки. Малое время он подежурил у дома, а потам позвонил Фрэнку Синатре, находившемуся в «Вилла Капри».

В ресторане репортер Джим Бейкон видел, что Ди Маджо и Синатра о чем-то спорили, затем быстро пошли к выходу. К дому на углу первым приехал Ди Маджо. Дважды он объехал здание вокруг, а затем поставил автомобиль рядом с машиной бывшей супруги.

«Он был очень расстроен и направлялся к дому, — засвидетельствовал позднее Ирвин. — Я остановил его и попытался успокоить». Вскоре вслед за ним подкатил Фрэнк Синатра.

В это время из окна выглянула домовладелица Вирджиния Бласген. Она рассказывала, что увидела двух мужчин, «высокого и

коротенького... Высокий был разъярен и все время ходил взад и вперед... Маленький то и дело подпрыгивал и улыбался мне...». В высоком человеке миссис Бласген узнала Джо Ди Маджо, в маленьком — Фрэнка Синатру. Час спустя, в 11.15 ночи, на углу Килкиа-драйв началось светопреставление.

Настоящий шок пережила Флоренс Котц. Она спала и знать ничего не знала о том, что происходило .на улице. Проснулась от страшных ударов и треска разбитой двери. В комнату ворвались мужчины, в глаза ударили ослепительные вспышки фотоаппаратов. Миссис Котц заголосила. Тогда мужчины, с той же поспешностью, с которой вломились в дом, толкаясь и отпихивая друг друга, бросились вон.

Боевая группа Ди Маджо в поисках Мэрилин ворвалась не в ту квартиру. Это идиотское приключение позже получило название «Налет по ложному адресу» (Wrong Door Raid).

В 1954 году ночное вторжение в дом на Килкиа-драйв было квалифицировано в полиции как попытка кражи со взломом. Перепутанная насмерть жертва ночного происшествия осталась перед сломанной дверью в тяжелом нервном потрясении. Официальные отчеты о случившемся появились лишь в 1957 году: сенат штата Калифорния занялся расследованием непристойных действий частных детективов. Слушание дела тогда превратилось в поединок между Филипом Ирвином, сыщиком, заметившим автомобиль Мэрилин Монро, и Фрэнком Синатрой.

Официальное расследование дела принесло некоторое облегчение пострадавшей Флоренс Котц. Она призвала к судебной ответственности Джо Ди Маджо и Фрэнка Синатру, а также нескольких их приятелей и частных сыщиков. До суда дело не дошло, поскольку ее удовлетворила денежная компенсация в сумме 7500 долларов.

Однако при разборе инцидента почему-то не упоминалось еще одно имя — имя настоящей мишени преследователей, любовника Мэрилин, Хола Шефера. Хозяйка дома, у которой гостила Мэрилин в ту ночь, теперь признается, «что в тот вечер Хол Шефер был вместе с Мэрилин, и мы ужинали. Они сидели в столовой, а я относила посуду на кухню, когда мы услышали грохот».

Шефер, который не отрицает, что был на месте

происшествия, до сих пор вспоминает об этом с содроганием. «Нам показалось, как будто была взорвана бомба. Было жутко...» На вопрос, не были ли они с Мэрилин в тот момент в постели, Шефер отвечает: «Не тогда... нет, к тому же мы, двое взрослых людей, находились там по обоюдному согласию, и она уже разошлась...» Он добавляет: «Нам очень повезло, что они ворвались не в ту дверь. Думаю, что они могли бы страшно изувечить меня».

Шейла Стюарт говорит, что Мэрилин сразу сообразила, в чем дело. Она и Шефер покинули квартиру и на разных машинах разъехались по своим домам. В ту ночь Мэрилин предстояла встреча с Джо Ди Маджо. Один из большой группы детективов, нанятых для операции, уже два часа после налета дежурил у ее дома, ведя тайное наблюдение, когда Ди Маджо появился на пороге жилища своей бывшей жены. Она впустила его. Ди Маджо задержался у нее до рассвета, и лишь тогда сыщик наконец оставил свой пост.

Но на этом лавина несчастий Мэрилин не закончилась. К моменту развода ее здоровье расценивалось, как «морально и физически подорванное». Ее адвокат говорил, что у Мэрилин вирусное заболевание, беременность он отрицал. Однако он подтверждал, что ее навещал доктор Леон Крон.

Доктор Крон наблюдал за Мэрилин вот уже два года, то есть с тех пор, как она настояла на присутствии гинеколога во время операции по поводу аппендицита. На другой день после «налета по ложному адресу», события, долго хранившегося в тайне от прессы, было объявлено, что Мэрилин собирается в течение двадцати четырех часов лечь в больницу на «операцию, связанную с коррекцией». Провести ее должен был доктор Крон.

На следующий день Мэрилин, ощущая «боли в области живота», появилась в студии, где позировала для фотографов из отдела рекламы. На операцию р уже знакомую ей гавань — больницу «Ливанские кедры» — ее отвез Джо Ди Маджо. Прессе доктор Крон сказал, что Мэрилин предстояло хирургическое вмешательство по поводу гинекологического заболевания, от которого Мэрилин страдала уже «много лет». Ночь Ди Маджо провел в больнице, то подремывая в комнате отдыха врачей, то меряя шагами коридор перед палатой Мэрилин.

Через четыре дня Мэрилин, необихоженная и изнуренная,

выписалась из больницы. Газетчиков в известность об этом не ставили. В тот вечер ее видели в компании Ди Маджо в ресторане «Вилла Капри». Они вместе ужинали в том самом ресторане, откуда за неделю до этого он ушел, чтобы оказаться замешанным в «налет по ложному адресу». В течение месяца, кроме этой, были и другие встречи. В прессе с новой силой разыграются страсти по поводу возможного примирения. Но Мэрилин уже приняла окончательное решение.

Не пройдет и несколько недель, как Ди Маджо останется совершенно один. Он станет частым гостем в кабинете менеджера Мэрилин на бульваре Заходящего солнца. Вид его вызывал сожаление: сгорбленная фигура, расспросы о том, не упоминала ли Мэрилин его имя. В будущем он не раз еще встретится с Мэрилин, за что приобретет репутацию человека, пронесшего пламенную любовь к Мэрилин до самой ее кончины и дольше. Мэрилин будет снисходительна к его назойливой привязанности и с благодарностью станет принимать его помощь, но сердца ему она уже не отдаст.

В декабре 1954 года, пока газеты с интересом наблюдали за попыткой Ди Маджо повернуть время вспять, никто не вспоминал о другом человеке, ждущем своего часа. Хол Шефер, который уже испытывал к Мэрилин настоящее, глубокое чувство, вскоре получил отставку. Она позвонила ему и сказала: «Может быть, мы с тобой еще встретимся». Тогда он понял, что потерял ее.

Воспоминания о Ди Маджо до сих пор вызывают у Шефера страх, который не в силах были стереть три долгих десятилетия. О Мэрилин он вспоминает с печалью. «Она говорила, что любит меня, — произносит он тихо, — но, я думаю, она сама не знала, что это значит».

Не прошло и двадцати четырех часов после печально известного «налета по ложному адресу», как Мэрилин уже танцевала. Накануне гинекологической операции до трех часов утра пробыла она на приеме «У Романова», устроенном в ее честь и в связи с завершением работы над фильмом «Зуд на седьмом году». Она с удивлением обводила взглядом гостей и шептала Сиднею Сколски: «Я чувствую себя Золушкой, я и не думала, что все они придут. Честное слово».

Мэрилин на час опоздала. Причина задержки была в том, что кончился бензин в баке ее автомобиля. В очереди на получение

памятного автографа на огромном сувенирном портрете Мэрилин стояли такие знаменитости, как: Хэмфри Богарт и Лорен Бэйкол, Клодетт Колберт, Уильям Холден, Джими Стюарт, Сьюзен Хейуорд, Гари Купер и Дорис Дей. Впервые Мэрилин встретилась с кумиром своих детских лет Кларком Гейблом, и они говорили о совместном фильме.

На вечере, расточая Мэрилин бесчисленные похвалы, присутствовали также «Великие моголы» Голливуда: Сэм Голдуин, Джек Уорнер и старый противник Мэрилин Даррил Занук. «Этот прием, — несколькими днями позже писал Сколски, — очень многое значил в жизни Мэрилин, потому что в истинно голливудской манере засвидетельствовал, что городская элита наконец признала ее».

Но городскую элиту ожидало жуткое потрясение. Если она наконец соизволила признать Мэрилин, достигшую двадцати восьми лет, полноправной звездой, то сама актриса уже приняла неожиданное решение. Она, собравшись с духом, задумала повернуться спиной к Голливуду, ко всем сразу: мужу, любовникам, заправилам кинобизнеса и всем остальным. В канун Рождества 1954 года, надев парик с черными волосами и темные очки, Мэрилин поехала в сторону аэропорта Лос-Анджелеса. В сумочке у нее лежал билет на имя Зельды Зонк.

Золушка, она же Зонк, собиралась исчезнуть.

Глава 17

«Как можно заключить Мэрилин в ка-кую-то оболочку? Чем лучше узнаешь людей, тем более сложными они вам кажутся. Если бы она была простой, помочь ей не составило бы труда».

Артур Миллер

Пока самолет Мэрилин летел на восток, в предрассветных морозных сумерках вблизи Уэстона, штат Коннектикут, по дороге, окаймленной лесом, несся многоместный автомобиль. За рулем сидела молодая хрупкая женщина. Эми Грин ехала в аэропорт «Да Гардия», чтобы встретить Мэрилин и ее попутчика. В полете из Голливуда Мэрилин сопровождал тридцатилетний муж Эми Грин, Милтон. На протяжении двух последующих лет он будет ее ближайшим другом и защитником, а также деловым партнером.

Обхаживать одно из самых ценных приобретений Голливуда Грин начал не сразу. Его первая встреча с Мэрилин, случившаяся за полтора года до упомянутого события, в анналах жизнеописания Монро занимает такое же место, как встреча Стэнли с Ливингстоном. При виде детского лица Грина она не сдержалась и сказала: «Но вы же совсем мальчик!» На что он ответил: «А вы просто девочка». Они тотчас почувствовали расположение друг к другу. Грин, специализировавшийся на фотографировании знаменитостей, приезжал в Голливуд делать снимки для журнала «Лук». Его подход к делу подкупил не только Мэрилин, но и Ди Маджо. Он фотографировал ее в пышных платьях и скромных позах. В его видении Мэрилин не было привычного сексуального начала Монро, но сохранилась ее общая аура.

План, который вызовет гневный протест Голливуда, начал приобретать смутные пока очертания во время их первого совместного обеда. За вином Грин много и с энтузиазмом говорил о своей мечте самостоятельно снять фильм. Мэрилин выразила желание появиться хотя бы в одной из его будущих картин. На «Фоксе» она чувствовала себя несчастной по двум причинам.

С одной стороны, Мэрилин понимала, что она для студии выгодна. Несмотря на свой невероятный успех, актриса была связана контрактом, по которому ее максимальный заработок составлял 1500 долларов в неделю. По голливудским стандартам это были не слишком большие деньги.

Милтон Грин был согласен с Мэрилин в том, что такое положение несправедливо. Он убеждал ее, что она могла бы зарабатывать куда больше, если бы рассталась с «Фоксом».

Мэрилин пожаловалась ему и на то, что студия все время предлагает ей глупые роли. Это беспокоило ее ничуть не меньше, чем жалкая оплата труда. Она уже давно говорила репортерам, что «на самом деле хочет делать что-то другое, что ее привлекают роли типа Джули в фильме «Похороните мертвых» (Bury the Dead), Гретхен в «Фаусте», Терезы в «Колыбельной песне» (Cradle Song)». Ей хотелось работать рядом с такими серьезными актерами, как Марлон Брандо, Ричард Бартон. Ей хотелось играть, но на «Фоксе» об этом не хотели и слышать.

Грин не мог не сочувствовать ей. «Я думал, что перевидал их всех, — сказал он в 1983 году. — По роду работы я встречался со

многими моделями и актрисами. Но с такой интонацией голоса, с такой добротой и неподдельной мягкостью, как у нее, я никого не видел. Если она замечала на дороге мертвую собаку, она плакала. Она была настолько чувствительна, что мне все время приходилось следить за собственными интонациями. Позже я узнал, что у нее была склонность к шизоидным состояниям — она могла быть абсолютно умной и абсолютно доброй, а потом являть полную противоположность». Поначалу, правда, Мэрилин показалась Грину воплощением совершенства.

От заговора они перешли к немедленным действиям. Первым делом Грин попросил Мэрилин показать ему ее контракт. Посоветовавшись с юристом, он сказал ей, что контракт не имеет юридической силы, а поэтому она вполне может покинуть «XX век —Фокс». Эта идея глубоко захватила актрису. Когда Грин уезжал в Нью-Йорк, Мэрилин вызвалась отвезти его в аэропорт, удивив к тому же пылкостью прощального поцелуя.

В последующие месяцы состоялось еще несколько встреч.

Грин и его жена Эми оказались как нельзя кстати для Мэрилин, когда она приехала в Нью-Йорк на съемки эпизода с юбкой для «Зуда седьмого года». Эми видела, как со съемочной площадки ушел с посеревшим лицом Ди Маджо. На другой день Эми была в отеле «Сен-Реджис» и сокрушалась по поводу полученных Мэрилин синяков. Когда Мэрилин уехала в Лос-Анджелес, Милтон не раз звонил ей. По телефону обговорили они мельчайшие детали ее обязательств по контракту. Несчастная и растерявшаяся из-за рухнувшего замужества, Мэрилин просто не знала, что делать с контрактом. В конце концов она поддалась на уговоры. Немалую роль в этом сыграли как посулы обеспечить ей спокойствие, так и надежда на лучшее будущее. К тому же Милтон и Эми выразили желание взять знаменитое дитя Голливуда в свой дом.

Итак, 1954 год близился к концу, когда Мэрилин тайно переступила порог дома Гринов в Коннектикуте. Старый фермерский дом, построенный еще в начале восемнадцатого века, стоял на поросшем лесом участке площадью в 25 акров.

В свое полное распоряжение Мэрилин получила мастерскую, дом в доме, с балконом, с видом на озеро. Этот утолок земли показался ей волшебной страной.

Прежде Мэрилин не часто доводилось видеть снег или смену времен года. Потом, когда дело пойдет к весне, она будет радоваться ей с наивным восторгом ребенка. Здесь никто не докучал актрисе. Закутавшись в теплую одежду Грина, она ходила гулять в лес. Она могла пройтись пешком до ближайшего ресторанчика «Литл Корнер» (Уголок), которым управлял брат Грина, и пообедать сэндвичами и домашними шоколадными эклерами.

Эми вспоминает: «Ей нравилось водить машину. Мы, бывало, брали автомобиль и с опущенным верхом носились по шоссе. Нам обеим было приятно, когда ветер обдувал лица, а ноги ощущали тепло обогревателя».

Для годовалого сына Гринов Джоша Мэрилин быстро стала «Тетей». Она помогала кормить и купать его, удивив супругов тем, что с готовностью осталась дома присмотреть за малышом, чтобы в канун Нового года они могли сходить на вечеринку. Тогда в одном из интервью Мэрилин скажет, что Грины были «единственной настоящей семьей из всех, что я знала».

Конечно, это было не так. То же самое говорила актриса и о семье Ди Маджо в Сан-Франциско, а еще раньше — о семье Фреда Каргера. У нее уже вошло в привычку врастать в жизни других людей. Как прозорливо заметила Эми Грин, Мэрилин также умела «сбрасывать их со счета», когда люди становились ненужными.

«Нельзя забывать, — говорит Эми Грин, — что Мэрилин больше всего на свете хотела стать великой кинозвездой. Она могла сделать все, что угодно, и кого угодно бросить, лишь бы добиться своего».

Именно по этой причине в Голливуде бесцеремонно получил отставку по телефону Хол Шефер. Друг Мэрилин Сидней Сколски, преданно хранивший молчание, когда так трудно было устоять перед соблазном и не опубликовать все, что ему было известно о браке с Ди Маджо, также удерживался ею теперь на расстоянии. Подошел конец и ее странной близости с репетиторшей Наташей Лайтес.

Лайтес, поняв, что теряет ученицу, попросила оказывать ей финансовую поддержку. Позже она писала: «Я много лет была ее личным режиссером, работала с ней и днем и ночью. Все же, когда я попросила ее кое-что для меня сделать, у нее возникло

подозрение, что ею манипулировали». Были и другие люди, кроме Мэрилин, которые полагали, что Лайтес слишком многого хотела от нее. Напрасно. В скором времени она была забыта за ненадобностью.

Во вновь открытом для себя мире Мэрилин нуждалась в новых друзьях. Грины были ее душевными товарищами, которые могли познакомить ее с восточной изысканностью и культурой. Эми Грин, бывшая манекенщица, во внешнем облике которой чувствовалось присутствие латинской крови ее предков, была хороша собой. Мэрилин, которая была старше ее на шесть лет, Эми говорила, что для того, чтобы красиво выглядеть в обычной жизни, вовсе не надо носить излишне тесные юбки и облегающие свитера, благодаря которым Мэрилин и прославилась на экране.

«Я увидела, насколько жалкой была ее одежда, — вспоминает Эми. — Каждый раз, когда ей нужно было куда-то выйти, она совершала набеги на мои шкафы. Тогда мы пригласили на обед Нормана Норелла, одного из ведущих модельеров того времени, и попросили его создать для Мэрилин элегантный гардероб». Мэрилин охотно приняла перемены. Вдвоем с Эми они совершили увлекательную прогулку по магазинам Манхэттена, проматывая деньги Милтона.

У Мэрилин редко случались подруги одного с ней возраста. Неожиданно сблизившись с Эми, она начала приоткрываться как человек.

Конечно, многое в Мэрилин раздражало педантично аккуратную Эми Грин. Она видела, что Мэрилин жила в окружении полного хаоса. Одежда торчала из чемоданов, шкафов, свешивалась с полок. По всей комнате валялись разбросанные косметические и туалетные принадлежности. Она забывала об элементарных обязанностях, которые выполняют люди в обычной жизни. Забыла, скажем, о предстоящем рассмотрении дела в суде Лос-Анджелеса по поводу управления машиной без водительских прав. Этот вопрос пришлось урегулировать ее друзьям.

Грины с изумлением наблюдали за тем, как Мэрилин с головой погрузилась в книжный мир их библиотеки. Она начала читать о Наполеоне и, открыв для себя Жозефину, с жадностью хваталась за все книги о ней, которые ей попадались. Некоторое время главной темой за ужинами в доме Гринов стала Жозефина и ее свита.

«Ее завораживали женщины, — говорит Эми Грин, — которые сумели чего-то добиться». Особенно радовалась она, узнав, как подруга Жозефины, Жюльет Рекамье, прославившаяся своей фигурой, обошлась с выполненной по заказу собственной статуей, запечатлевшей ее в обнаженном виде: с возрастом, когда ее грудь опустилась, она разбила мраморные груди.

Мэрилин могла сидеть на ступеньках рядом с Эми и разглядывать портрет Эммы, леди Гамильтон, возлюбленной лорда Нельсона. Она с трудом могла заставить себя поверить, что эта импозантная женщина была когда-то служанкой. «К историям она относилась подобно ребенку, — вспоминает Эми Грин. — Она сказала, что в детстве ей никогда не рассказывали сказок, поэтому, когда кто-нибудь начинал что-то рассказывать, она попадала в плен».

У Милтона Грина был мотоцикл с коляской, и он брал Мэрилин покататься. Однажды, когда они собрались уже ехать, Эми обратила внимание, что на актрисе был длинный белый шарф. Она напомнила им об Айседоре Дункан, эксцентричной американской танцовщице нового веяния, которую задушил шарф, намотавшийся на спицы спортивной машины. «Кто это — Айседора Дункан?» — спросила Мэрилин. Судьба танцовщицы потрясла ее. За этим в Коннектикуте последовала неделя Айседоры Дункан.

Для записей своих впечатлений Мэрилин приобрела маленький дневник в кожаном переплете с застежкой и крошечным ключиком. Она носила его с собой по всему дому, делала записи по ходу беседы или при чтении привлекших ее внимание журнальных статей. По ночам Грины слышали, что в комнате Мэрилин до самого утра звучало радио. Она удовлетворяла свою ненасытную жажду к знаниям. Но узнали они и о ее недуге, который не оставит Мэрилин до самой смерти, — о бессоннице. Сон приходил лишь после приема барбитуратов. Таблетки — в тот период секонал — всегда лежали на ее ночном столике.

Именно тогда поведала она Эми о своем несчастном женском прошлом, о ребенке, который у нее якобы был, о бесчисленной череде абортов.

В это время дала о себе знать актриса Джейн Рассел,

партнерша Мэрилин по фильму «Джентльмены предпочитают блондинок». Она просила Мэрилин оказать помощь ВАИФ, организации, которая определяет заброшенных детей в благополучные семьи. Это положило начало активному интересу Мэрилин к проблемам детей. Интерес этот не угаснет до самой ее смерти.

Во время Рождества 1954 года Грины и Мэрилин находили развлечение в той шумихе, которая поднялась после побега Мэрилин из Голливуда. Эми на нескончаемый поток телефонных звонков от знаменитостей отвечала с напускной невинностью. Вымышленной историей накормили Фрэнка Синатру, который все еще находился в Лос-Анджелесе и опекал Ди Маджо. Таким же образом обманули и Билли Уайлдера, режиссера фильма «Зуд седьмого года». Позвонил Мэрилин и Боб Хоуп, который тешил себя надеждой увидеть ее в своем Рождественском шоу в Корее. В то время как все остальные, посмеиваясь, сидели рядом, Эми Грин, с трудом придавая голосу серьезность, спрашивала по телефону: «Скажите, мистер Хоуп, мисс Монро пропала?»

Но прятаться долго Мэрилин не стала. В начале января 1955 года Милтон Грин устроил в Нью-Йорке коктейль для прессы. Круг приглашенных ограничивался восьмьюдесятью избранниками. Задрапированная в мех горностая Мэрилин Монро объявила, что создала собственную корпорацию «Мэрилин Монро Продакшнз», коей является президентом и держательницей контрольного пакета акций; 49 процентов акций принадлежат вице-президенту Милтону Грину. Еще она добавила, что намерения продлить контракт с киностудией «XX век—Фокс» не имеет. Для ее боссов на «Фоксе», которые предвидели, что существовавшее соглашение с ней должно потерять силу, это ничего хорошего не сулило.

Мэрилин сказала, что теперь она стала «новой женщиной». Прессе она заявила, что делает паузу, «чтобы играть роли порядком выше, те, которые хочется играть. Большинство моих картин мне не нравились. Мне надоели сексуальные роли. Я попытаюсь расширить рамки своих возможностей. У людей есть свой предел, вы знаете... на самом деле есть». На вопрос о том, какие роли ей хотелось бы играть, Мэрилин Монро упомянула одного из персонажей в «Братьях Карамазовых» Достоевского. Когда ухмыльнувшийся репортер попросил ее назвать имя персонажа по буквам, Мэрилин ответила: «Дорогуша, я не назову по буквам ни одно из имен, о которых я вам говорила».

Милтон Грин попытался в общих словах наметить контуры грандиозного плана. Он состоял в том, чтобы собрать группу актеров и режиссеров, кто хотел бы делать собственные фильмы, свободные от тирании больших студий. Газетчики особого значения этому проекту не придали. В фокусе их внимания все-таки оставалась Мэрилин. Грин вскоре убедится, что управление «Мэрилин Монро Продакшнз» занимает все время, к тому же финансовое бремя окажется непосильным.

Мэрилин жаловалась Грину, что ей всегда недоплачивали и что ее единственной ценностью оставалась слава. Денег у нее не было, а поскольку контракт с «Фоксом» все еще был в силе, легально взяться за другую оплачиваемую работу она не могла. В течение 1955 года Грин нес все ее расходы, тратя на это свой заработок фотографа.

Целый год Грин жил надеждой, что, несмотря на все юридические препоны, Голливуд не позволит себе роскоши отказаться от кассового успеха, который сулило любому фильму одно лишь, имя Мэрилин Монро. «XX век—Фокс», при явном нежелании, должен был все-таки пойти на уступку и предоставить Мэрилин независимость. Как покажут дальнейшие события, Грин оказался прав, а пока он взял на себя добровольную повинность содержать Мэрилин хоть и в роскошном, но все же затворничестве.

Грин считал, что Мэрилин должна жить по принятому звездному стандарту, а не скатываться в черную дыру. Мэрилин не возражала и с большой помпой переселилась в «Валдорф Астория Тауэре». Ее рабочим помещением стал огромный и очень дорогой трехкомнатный люкс, ее первый дом в Манхэттене. Все оплачивал Грин — расходы на одежду, косметологов, парикмахеров составляли пять сотен долларов в неделю (в ценах 1955 года). К этому надо добавить содержание матери Мэрилин и уход за ней. Еще он купил Мэрилин черный спортивный автомобиль «Тендерберд». Она, садясь за руль машины, носилась, как ошалелая, явно воображая себя лихим водителем.

По условиям «фоксовского» контракта Мэрилин могла бесплатно появляться на публике. Грин позаботился о том, чтобы зрители разглядели приятное сочетание новой Мэрилин со старой. Но сначала он сделал все, чтобы не исчез единственный в своем роде ореол романтического обаяния актрисы. В марте 1955

года в Мэдисон-Сквэр-Гарден верхом на розовом слоне въехала полуголая Мэрилин, внеся таким образом свой вклад в буффонаду, организованную для оказания помощи фонду лечения ревматоидного артрита. В роли дрессировщика выступал комедийный актер Милтон Берл, который позднее утверждал, что входил в число любовников Мэрилин.1 Появление Мэрилин было встречено одобрительным ревом двадцатипятитысячной толпы, собравшейся посмотреть на представление. Актриса стала гвоздем программы.

Утром в страстную пятницу 1955 года дом Гринов в Коннектикуте заполонили телевизионщики. Милтон Грин организовал выступление своей подопечной в передаче «Лицом к лицу» (Person to Person), ведущим которой был Эдвард Р. Марроу. Предполагалось, что шоу будет построено как «неофициальный» визит к мистеру и миссис Милтон Грин и их знаменитой гостье. Интервью должно было транслироваться в прямом эфире. Мэрилин сетовала, что согласилась на участие в программе. Ее, не привыкшую к телевидению, повергала в оцепенение сама мысль, что предстоит встреча в прямом эфире с пятьюдесятью миллионами телезрителей. Голос ее дрожал, и закаленная звезда казалась неопытной любительницей рядом со спокойной, хорошо владеющей собой хозяйкой дома Эми Грин.

Марроу поспешно перешел к вопросам, начав расспрашивать Гринов об их гостье. Готовит ли она еду? Помогает ли убирать в доме? Сама ли застилает свою постель? Грины послушно лгали. Сама Мэрилин подкинула несколько дельных мыслей о важности работы с нужными кинорежиссерами, а потом коснулась любимой, давно обкатанной темы, сказав, что получила огромное удовольствие, проехав на розовом слоне, потому что в «детстве не была в цирке».

* * *

Отныне большую часть времени Мэрилин проводила в Нью-Йорке, возвращаясь в сельский дом Гринов только по выходным. Она с интересом знакомилась с городом, пыталась уловить ритм его пульса. По всему было видно, что актриса всей душой стремилась стать настоящей жительницей Нью-Йорка. Постепенно она приобрела множество знакомых и несколько настоящих друзей. Одним из них — как это ни покажется невероятным — стал ее горячий поклонник, шестнадцатилетний парнишка.

В конце прошлого года, когда Мэрилин приезжала в Нью-Йорк для съемок знаменитой сцены с юбкой из «Зуда седьмого года», у отеля «Сен-Реджис» каждый вечер собиралась многолюдная толпа, чтобы, если повезет, увидеть свою богиню. Однажды вечером среди собравшихся оказался Джим Хаспил, подросток, в пятнадцать лет сбежавший из дома, кочевавший по меблированным комнатам и живший за счет того, что Бог пошлет. Почти все свои дни он проводил, слоняясь по кинозалам. По его собственному выражению, он ожидал увидеть экранную Мэрилин, «крупногабаритную даму, леди во всех отношениях из «Ниагары». Когда появилась Мэрилин из плоти и крови, Хаспил был удивлен тем, что она такая миниатюрная — по паспортным данным, рост Мэрилин Монро не превышал пяти футов, — еще его поразили ее большие уши. Юноша сразу понял, что хочет встретиться с ней. Два часа спустя, когда Мэрилин вернулась, он все еще был там.

Стоило Мэрилин выйти из машины, как ее тотчас окружила толпа поклонников, щелкавших фотоаппаратами и просивших автографы. Но вот подошел Хаспил, у которого не было ни камеры, ни листка для автографа, и попросил поцеловать его. «На ее лице ясно было написано «нет», — вспоминает Хаспил, — но я настаивал: «Ну, пожалуйста, вот сюда в щеку», в толпе кто-то протянул: «О-о-о», — и она сдалась, и поцеловала меня». На другой вечер Мэрилин отказалась поцеловать даже восьмилетнего малыша, пробормотав, что «Джо» это не понравится. Внутренний голос подсказал Хаспилу, что в нем ее что-то привлекло. Дальнейшее подтвердило его правоту.

В те дни Мэрилин в Нью-Йорке повсюду сопровождала группа самых преданных ей фанатов, получившая название «Шестерка Монро». Это были подростки тринадцати-четырнадцати лет. Сначала они в одиночку дежурили у стен домов и официальных зданий, поджидая своего кумира. Потом, по мере того как познакомились друг с другом, объединили усилия. Хаспил иногда тащился в хвосте «Шестерки», но он так и не стал одним из них. Оставаясь сам по себе, он полагал, что так скорее понравится ей.

После смерти Мэрилин в ее комнате найдут конверт из оберточной манильской бумаги, содержавший фотографии ее «детей». Там было фото сына Ди Маджо, детей Артура Миллера и — Джима Хаспила. Она выделила его за своеобразную преданность.

Мэрилин сразу же прониклась симпатией к

шестнадцатилетнему подростку. Она впускала его в свою нью-йоркскую квартиру и брала с собой на прогулки, когда на такси носилась по Нью-Йорку. Между тем за много месяцев она даже не узнала, как его зовут. Она никогда не спрашивала имя, а он забыл представиться. Потом это казалось уже излишним. Только по прошествии года как-то в разговоре Мэрилин вдруг назвала его «Джимми». Он решил, что, вероятно, она попросила кого-то из «Шестерки Монро» коротко рассказать ей о парнишке, который даже не удосужился назвать ей свое имя. В глубине души Хаспил верил, что нравится ей своей дерзостью, а также тем, что в одиноком, упрямом подростке она видела бедную сиротку, какой сама была в детстве.

Дружба Мэрилин с Хаспилом поддерживалась «на ходу», большинство его рассказов из ее частной жизни связано с поездками на такси. Как он убедился, Мэрилин терпеть не могла некоторые повадки нью-йоркцев. Как-то, оплатив проезд в такси, она ждала сдачи, и водитель сказал: «Вы Мэрилин Монро и еще требуете сдачи?». Она сделала это своим правилом: вела точный денежный расчет. Получив сдачу до последнего цента, не поскупилась на чаевые.

В пачке писем Мэрилин, обнаруженной в 1986 году, есть послания ее юного друга и ответы звезды. История Хаспила не вызывает сомнения. Сейчас возраст его приближается к пятидесяти годам, он женат и имеет двух подростков-сыновей. Ныне Хаспил один из людей, наиболее осведомленных о жизни Мэрилин. У него обширная коллекция фотографий, многие из которых были сделаны фотокамерой стоимостью в пять долларов, которую он приобрел тридцать лет назад.

Мэрилин глазами Хаспила — это женщина, малознакомая всему остальному миру, редко красившаяся и не любившая наряжаться в обыденной жизни, «которая бегала по Нью-Йорку в коротеньких носочках». Хаспил был свидетелем того, как Мэрилин каталась в Центральном парке на своем новеньком английском велосипеде, как путешествовала по сосисочной империи торгового центра Натана на Кони-Айленд. Он помогал ей с покупками у «Уилана», в любимом аптечном магазине на 93-й улице и Лексингтон-авеню. По мнению Хаспила, Мэрилин в этом реальном мире чувствовала себя более комфортно.

Еще Хаспил видел, что в Нью-Йорке Мэрилин пыталась стать не просто его настоящей жительницей — она занималась

самоусовершенствованием, на что в Голливуде у нее почти не оставалось времени. Когда Хаспил предложил ей «Нью-Йоркер Пост», бульварное чтиво, где в колонке светских новостей был помещен очередной бред об актрисе, она с отвращением отказалась даже взглянуть на статью. В то же время Мэрилин с жадностью поглощала «Нью-Йорк Таймс», даже «Уолл-стрит Джорнал». В то лето еще один гость Мэрилин обратил внимание, что кофейный столик хозяйки был завален такими книгами, как: «Очерки» Эмерсона, «Греческая мифология» Эдит Гамильтон, письма Жорж Санд, «Улисс» Джойса и «Режиссерские уроки К.С. Станиславского» М. Горчакова. Последнее название говорило о цели, которую Мэрилин ставила во главу угла, — стать «серьезной актрисой».

Примечания

1. В своих мемуарах, опубликованных в 1974 году, Берл пишет, что в 1948 году, во время съемок картины «Джентльмены предпочитают блондинок»? у него с Мэрилин был роман.

Глава 18

В конце апреля 1955 года, через три недели после появления в телевизионной программе с Мил-тоном и Эми Грин, Мэрилин, никем не замеченная, посетила часовню городского похоронного бюро на Лексингтон-авеню в Нью-Йорке. Она пришла туда проводить в последний путь британскую актрису Констанс Кольер, умершую в возрасте семидесяти семи лет. Мэрилин сидела рядом с писателем Труменом Капоте, с которым она встретилась не так давно в ночном клубе «Эль Морокко». Капоте вспоминал, что одета она была во все черное «и все время грызла начисто откусанный ноготь большого пальца... время от времени снимая очки, чтобы промокнуть струившиеся из ее серо-голубых глаз слезы». Она сказала Капоте: «Я ненавижу похороны. Мне не нужны похороны — хочу, чтобы мой прах бросил в волны один из моих детей, — если они у меня будут...»

С Констанс Кольер Мэрилин познакомил Тру-мен. Капоте. В течение нескольких недель, до кончины великой актрисы, Мэрилин брала у нее уроки актерского мастерства. Кольер, которая последние годы только и занималась тем, что готовила американских актеров, вынесла Мэрилин короткий приговор: «О да, в ней что-то есть. Она красивое дитя. Но я не могу назвать ее актрисой, во всяком случае в традиционном смысле слова. То, чем она владеет, — эта аура, это свечение, этот трепетный ум —

может так и не проявиться на сцене. Все это так хрупко и трудноуловимо, что может быть ухвачено только камерой. Это — как колибри в полете: только камера в состоянии запечатлеть поэзию этого. Тот, кто полагает, что эта девушка просто вторая Харлоу или шлюха, или что там еще, — просто безумец. Я надеюсь и молю Бога, чтобы она прожила как можно дольше, чтобы раскрепостить странный чудный талант, который ищет выхода в ней, подобно заточенному в темницу духу...»

* * *

Потеряв свою наставницу Кольер, Мэрилин пыталась найти того, кто помог бы ей выпустить свой талант на волю. Такого человека она нашла в Ли Страсберге, основателе «Экторз Стьюдио» (Актерской студии), кузницы актерских талантов Нью-Йорка, которая стала самой знаменитой театральной мастерской в мире. В число его учеников в пятидесятые годы входили: Марлон Брандо, Джеймс Дин, Эли Уоллэч и Анн Джексон, Пол Ньюмен, Монтгомери Клифт, Стив Мак-Квин, Шелли Уинтерс, Морин Стэплтон и Том Иуэлл, партнер Мэрилин по «Зуду седьмого года». Своего учителя, вспоминает биограф Страсберг, одни ученики называли равви, другие отцом, третьи гуру, богом, гением, жуликом, шарлатаном, либо «Последней усадкой» (Ultimate Shrink).

В том клубке противоречий, который составлял сущность Мэрилин, Страсберг открыл существо, обладавшее опасной силой. Она, в свою очередь, нашла в нем учителя, воспитателя для своей личности и новую зависимость.

В Голливуде Мэрилин уже встречалась с женой и дочерью Страсберга и говорила о своей мечте — хоть один день поучиться у маэстро. В марте 1955 года Мэрилин сидела напротив продюсера Черила Крофорда, одного из соучредителей «Экторз Стьюдио». Она рассказала о своем желании стать серьезной актрисой, и тот пообещал оказать содействие. На другой день Мэрилин уже очутилась у Страсберга, в его тесной, уставленной книгами квартире на углу Бродвея и 86-й улицы. После короткого собеседования он согласился взять ее как частную ученицу; стать полноправном воспитанником актерской студии могли только те, кто имел опыт сценической работы. Первые уроки Страсберг проводил дома, так как он сразу увидел, что Мэрилин принадлежала к «типу людей с определенными проблемами эмоционального плана».

Пока Мэрилин рассказывала Страсбергу о своем прошлом (именно тогда она призналась ему, что работала девушкой по вызову), он отметил, что она очень нервная. От страха ученица буквально заикалась. Но новый педагог приободрил ее.

Потом Страсберг вспомнит: «Я заметил, что она казалась не той, кем была на самом деле, и то, что происходило внутри, не соответствовало тому, что делалось снаружи, а такие вещи всегда означают, что есть над чем поработать. Создавалось впечатление, что она ждет, когда нажмут на кнопку. Когда же кнопка была отжата, дверь открывалась и вашему взору представала сокровищница, полная золота и драгоценностей».

Говоря о Мэрилин, Страсберг не боится прибегать к самым смелым гиперболам. О ее присутствии он сказал следующее: «Вокруг нее полыхало таинственное зарево, как у Иисуса во время Тайной вечери, когда вокруг его головы сияет нимб. Такой же яркий белый свет окружал и Мэрилин».

Но в 1955 году Страсберг воздерживался от таких цветистых фраз. Вместо этого он многие месяцы нагружал ее изнурительными упражнениями. В святая святых американского актерского мастерства все были равны, там не существовало звезд. На занятия Мэрилин приходила в мешковатом свитере и джинсах, без грима, и усаживалась в самое неприметное место в комнате. Сначала актер Кевин Маккарти даже не замечал ее, хотя они сидели рядом, бок о бок и наблюдали за плохо сыгранной сценой из «Трех сестер» Чехова. Когда он наконец узнал ее, то открыл у Мэрилин интересную способность то «включать», то «отключать» личность Монро, переходя из состояния неприметности к состоянию яркого свечения, о чем говорит Страсберг.

«Это взъерошенное человеческое существо, сидевшее справа от меня, — вспоминает Маккарти, — было невесть чем. Но пятнадцать минут спустя, после того как я прервал сцену каким-то справедливо грубым замечанием, я снова взглянул на него и увидел, как из этого ничтожества появляется живая, пульсирующая Мэрилин Монро... Помнится, я смотрел и думал: "Боже мой, это она — она только что ожила"».

Мэрилин быстро подружилась с Эли Уоллэчом, который совсем недавно вернулся из Лондона и играл в «Чайном доме

августовской луны». Уоллэч, который, как и Маккарти, будет играть с ней в «Неприкаянных», также был поражен феноменом моментального преображения Мэрилин Монро. На улицах прохожие могли вдруг остановиться и пялить на нее глаза, хотя всего минуту назад все проходили мимо, не замечая. «Просто в какое-то мгновение я почувствовала, что я Мэрилин», — будет объяснять актриса.

Иногда уроки актерского мастерства Страсберга казались выше разумения Мэрилин. Один из ее коллег Фрэнк Корсаро стал даже называть себя «переводчиком Мэрилин». Он говорит: «Почти половину она не понимала из того, о чем говорил Ли».

Пэгги Фьюери, которая в настоящее время ведет театральную мастерскую в Лос-Анджелесе, не соглашается с ним: «В актерском мастерстве Мэрилин вполне преуспевала. Ее проблема состояла в том, что она так боялась, что у нее ничего не получится, что становилась скованной, и поэтому все считали ее тупой».

С некоторыми заданиями Мэрилин справлялась лучше других: у нее все получалось более естественно. Так, на уроках импровизации она всех превосходила в изображении котенка. Для репетиций Мэрилин попросила котенка у знакомых и часами наблюдала за ним, а потом подражала ему до совершенства. Главная трудность ее состояла в том, чтобы преодолеть страх, страх сцены, который появляется у человека, когда нужно вести диалог в присутствии зрителей.

Вне студии защиту Мэрилин теперь взяли на себя Ли и Паула Страсберг. Поскольку она все больше времени проводила в городе и меньше в доме Гринов в Коннектикуте, сирота по призванию, она охотно прильнула к груди еще одной семьи. В доме Страсбергов, предоставив полную свободу, ее принимали как свою. В шумном еврейском семействе Мэрилин стала третьим ребенком Паулы Страсберг. Праздники она проводила на Огненном острове, где у семьи был дом, куда они выезжали на выходные.

В одной комнате с Мэрилин иногда жила семнадцатилетняя дочь Страсберга Сьюзен, тоже актриса. По утрам, лежа в кровати, Сьюзен с благоговейным трепетом наблюдала за тем, как Мэрилин готовила для дня свое знаменитое тело, которому скоро должно было исполниться тридцать лет. Вечерами она становилась свидетельницей того, как Мэрилин, сбросив туфли, в

одиночестве танцевала на середине комнаты, если не случалось никого, кто мог бы составить ей компанию».

Однажды, когда гостья обронила, что завидует людям, умеющим рисовать, Сьюзен одолжила ей блокнот для эскизов и перо. Способность Мэрилин к рисованию стала для всех сюрпризом. «У меня сохранилось два ее эскиза, — говорит Сьюзен. — На одном, быстрыми округлыми линиями запечатлев чувственную кошачью грацию и движение, она изобразила себя. На втором была маленькая негритянская девочка в жалком платьице, со спущенным чулком». Этот рисунок Мэрилин назвала «Одна». Несколько ее рисунков сохранилось. Несмотря на любительское исполнение, в них ощущаешь проницательность и чувство. Один рисунок, изображающий элегантную женщину с бокалом шампанского в руках, она назвала: «Ах, что за черт!»

По прошествии лет за гостеприимство Страсберга Мэрилин своеобразно и щедро вознаградила его: она оплатила расходы своего учителя, связанные с поездкой в Советский Союз. Его сыну Джону в день восемнадцатилетия она подарила свой автомобиль «Тендерберд». Во время сбора средств в пользу студии само присутствие Мэрилин обеспечило приток многих тысяч долларов.

В своем завещании Мэрилин все свое личное имущество оставляла Страсбергу. Платья, меха, кинонаграды, книги, письма, даже белье однажды будут доставлены в дом Страсбергов в Нью-Йорке. Позже нежданно-негаданно Страсберг унаследует все права на один из фильмов Мэрилин, «Принц и хористка». Многие из ее личных вещей и сегодня неусыпно оберегаются второй женой Страсберга, Анной.

В завещании Мэрилин также упоминалась одна нью-йоркская чета, которую никак уж нельзя заподозрить в том, что они использовали актрису. Речь идет о поэте Нормане Ростене и его жене Хедде. Они ввели Мэрилин в свою компанию, где она была как рыба в воде. Вероятно, в ее жизни это были самые долгие чисто дружеские отношения. Дружба эта началась совершенно случайно, в дождливый весенний день 1955 года.

Норман Ростен сидел дома в Бруклин-Хайтс за письменным столом, когда позвонил его приятель, фотограф Сэм Шоу, и спросил, можно ли зайти. В районе Проспект Парка его с товарищем застиг ливень. Через несколько минут Ростен видел, как по ступенькам лестницы вверх поднимался Шоу, а за ним

следом семенила фигурка в промокшем пальто из верблюжьей шерсти. Шоу невнятно познакомил свою спутницу с хозяином дома, тому показалось, что прозвучало имя «Мэрион». Девушка взяла томик стихов, написанных Ростеном для своей дочери Патрисии, и погрузилась в чтение. Только позже, когда Хедда Ростен спросила, где девушка работает, та застенчиво назвала свое имя, Мэрилин Монро.

Кроме Ростена и его жены, среди восточных друзей Мэрилин практически не было никого, кто интересовался бы самой Мэрилин. «Нас на самом деле совершенно не интересовало, кем она была, — говорит Ростен, — в реальной жизни она очень отличалась от созданного стереотипа. С нами она была само очарование. Такое странное человеческое существо...»

Все лето 1955 года, а потом в течение последующих семи лет Мэрилин часто и с удовольствием уединялась с Ростенами. У них сохранилось несколько ее записок и писем, которые являются подлинной ценностью, поскольку имеют отношение к женщине, практически не оставившей после себя письменных свидетельств. После первой встречи Мэрилин написала из «Валдорф-Астории»:

Дорогой Норман,

Мне немножко странно писать имя «Норман», поскольку меня саму зовут Норма, и тем не менее мне кажется, будто я вывожу собственное имя.

Во-первых, спасибо, что Вы в субботу позволили Сэму и мне посетить Вас и Хедду, — было очень мило. Я была рада познакомиться с Вашей женой. Как бы то ни было, она встретила меня с большой теплотой.

Огромное спасибо за Вашу книгу стихов, с которой я все воскресное утро провела в постели. Она очень тронула меня; я всегда думала, что, если бы я имела ребенка, мне хотелось иметь только сына, — но после Ваших «Песен для Патрисии» я знаю, что маленькую девочку любила бы ничуть не меньше, — вероятно, прежнее чувство было в какой-то степени фрейдистским.

Я когда-то тоже писала стихи, но обычно это происходило в моменты депрессии. Те немногие люди, которым я их показывала (по правде говоря, их было двое), сказали, что они произвели угнетающее впечатление, — один из них даже плакал, но это был старый друг, которого я давно знаю.

Надеюсь, что мы снова увидимся.

Еще раз за все спасибо.

С наилучшими пожеланиями Хедде и Патрисии, и Вам.

Мэрилин М.

«Ей нравилась поэзия, — вспоминает Ростен. — Для нее это было кратчайшим путем. Она с интуицией поэта понимала, что это была прямая дорога к сути переживаний».

После встреч с Ростенами, где часто звучали стихи, ее увлечение поэзией сделалось устойчивым. Двумя самыми любимыми авторами были Уолт Уитмен и У.Б. Итс, ставший для нее настоящим открытием. На вечерах у Ростенов каждый по очереди брал книгу стихов и вслух читал поэтические строчки на той странице, на которой книга открывалась. Мэрилин досталось читать стихи Итса «Никогда не отдавай все сердце» (Never Give All the Heart). Ростен вспоминает: «Она читала довольно медленно, мягко, как на уроке, тихо, но напряженно».

Не отдавай ты сердца без оглядки,

Любовь с людьми порой играет в прятки.

Но страстным женщинам так хочется влюбиться,
Хоть даже им не может и присниться,
Что с каждым поцелуем чувство тает,
Что красота обманчива бывает.
Без лишних вздохов, ахов и печали
Они свои сердца игре отдали.
Но не дано в нее легко играть
Тому, кто, полюбив, не может есть и спать.
Но коль душа другому отдана,
То, значит, все уплачено сполна.

Читать Мэрилин закончила в полной тишине. Ростен говорит: «Она считала, что поэты были загадочными, замкнутыми, не похожими на других людьми. Я пытался разубедить ее в этом...» Вскоре Мэрилин прислала Ростену свои собственные опусы, написанные в порядке эксперимента. Вот некоторые строки:

Жизнь —
Я оба твои направленья,
но все же больше существую в холоде мороза.
Сильная, как на ветру сеть паутины,
Оттягиваемая больше книзу.
Как-то сохранясь,
Те капельки света имеют краски,
что видела я на картинах, — ах жизнь,
они тебя надули...
Паутинной нити тоньше,
простого проще, —
она цеплялась,
удерживаясь крепко на сильном ветре
и опаленная скачущими жаркими огнями, —
жизнь, в которой я одновременно
сосуществую в обоих направленьях —
но как-то остаюсь висящей,
оттягиваемая книзу,
и оба направления меня терзают.

Для Мэрилин 1955 год стал годом познания — самой себя, актерского мастерства и искусства, на которое у нее в прошлом никогда не хватало времени. Иногда она «заимствовала» Ростена у его жены, чтобы пойти с ним на спектакль или концерт.

Однажды в «Карнеги-Холл» их пригласили познакомиться с русским пианистом Эмилем Гилельсом. Он поцеловал Мэрилин руку и сказал, что ей нужно приехать в Советский Союз. Мэрилин ответила ему то, что говорила всем вместе и каждому по отдельности: что в данный момент читает Достоевского.

Когда пресса обнаружила, что Ростен сопровождает Мэрилин, в колонках светской хроники замелькали сплетни, намекавшие на любовный роман. Ростен, считавший свой брак счастливым, заметил, что эта идея всерьез никогда не приходила в его голову. «Лечь в постель с Мэрилин — это не означало бы лечь в постель с одной женщиной, это означало бы лечь в постель с целым учреждением. Кто мог бы вынести это? Как жутко было бы оказаться на его месте!»

Ростены увидели в Мэрилин существо, которому нравится быть домашним до тех пор, пока домашний труд является приятным развлечением, а не обязанностью. Она любила похвастать своим искусством в приготовлении того или иного блюда, доставшимся ей, как она говорила, в наследство от годов детского рабства в приемных домах. Повариха Мэрилин своих новых друзей использовала как подопытных свинок. Ростен вспоминает превосходное тушеное мясо и рыбу, тушеную в белом вине, и жуткие салаты, залитые уксусом. Он говорил: «Ее цветовая гамма» (горох и морковь), если не поражала, то все же оставалась постоянной. Однажды она предложила, чтобы «смягчить» остроту приправленного блюда, воспользоваться феном для сушки волос!»

Дочь Ростенов Патрисия, которой в ту пору было восемь лет, сохранила отчетливые детские воспоминания о новой знакомой, с «которой было очень весело оставаться вдвоем, потому что она все делала против правил, а дети любят проводить время со взрослыми, которые способны на такое. Когда Мэрилин прикасалась ко мне или тискала меня, я чувствовала ее тепло и мягкость, которые действовали прямо-таки успокаивающе. Это было все равно, что ухнуться на стеганое одеяло, цвета шампанского, что украшало ее кровать».

Однажды Мэрилин застала Патрисию врасплох, когда та сидела в ее спальне, засунув любопытный нос в огромную коробку с декоративной косметикой. «Она усадила меня перед зеркалом на туалетном столике, — вспоминает Патрисия, — и сказала, что покажет, как нужно делать эту работу правильно. Я

наблюдала, как ее умелые руки превращали мое детское лицо в нечто великолепное, даже по моему разумению. Благодаря ей мои веки засияли, мои скулы стали отчетливее, а губы порозовели. Она также собрала волосы в элегантную французскую прическу, убрав их с плеч. «Что ж, — подумалось мне, — так я могла бы сойти и за семнадцатилетнюю». Тогда, гордая своим творением, она взяла меня за руку и отвела вниз в гостиную, чтобы показать взрослым».

Иногда Ростены приглашали Мэрилин в дом, который они снимали на Лонг-Айленд. Поездка в ее компании никогда не проходила спокойно. Ростены вспоминают о выходных, когда Мэрилин проводила время, скромно сидя на берегу в купальном костюме, соломенной шляпке и солнечных очках, укрывшись в тени зонтика.

«Медленно, почти неприметно для глаз, — говорит Ростен, — как будто новость распространилась телепатическим способом, вокруг собралась группа молодых людей в плавках и, прежде чем мы успели что-либо сообразить, окружила нас. Они пялились на Мэрилин, не веря глазам, словно она была миражом. Они подошли ближе, издавая радостные восклицания, протягивали руки, чтобы потрогать ее. Толпа росла, и оживление толпы вышло из-под контроля, когда Мэрилин отшатнулась назад и в ее глазах блеснул страх.

Рис. 3. Письмо Мэрилин поэту Ростену, написанное в середине 50-х. Она все еще способна подшучивать над собой
Рис. 3. Письмо Мэрилин поэту Ростену, написанное в середине 50-х. Она все еще способна подшучивать над собой.

«Я был поражен таким двойственным эффектом: любовь толпы и потребность в низкопоклонстве — и в то же время невыразимый страх. Она нервно рассмеялась, и внезапно вырвалась из круга и побежала к воде, от которой ее отделяло около пятидесяти ярдов. Юные поклонники с ликованием устремились следом. Она поплыла, позвав меня плыть за ней. Я тоже немного испугался, особенно когда шумные ребята окружили ее, а мне пришлось распихивать их...»

Вдруг Мэрилин начала разбрызгивать воду и захлебываться. «Я не слишком хороший пловец, даже когда я в форме», — выкрикнула она. По-видимому, ее доблесть на воде, десять лет назад поразившая Томми Зана, мастера серфинга, осталась в

прошлом. Ее и Ростена вызволила из беды команда проходившей мимо моторной лодки. Стоявший за рулем парень, которому, наверно, не исполнилось и двадцати, водил лодку кругами, не сводя завороженных глаз с измученной женщины на борту. Это могло продолжаться бесконечно долго, если бы Ростен не вернул рулевого к действительности.

Иногда Мэрилин проникалась сочувствием к людям, узнавшим ее. Однажды в платке и темных очках она в мужской компании остановилась на автобензоколонке на Ист-Сайд-драйв, чтобы заправить машину. Работник заправки, перемолвившись несколькими словами со своим напарником, объявил: «Я только что на десять долларов поспорил с другом, что вы Мэрилин Монро».

Сидевший в машине с Мэрилин мужчинам ответил: «Нет, это не так, но ее часто путают с Монро».

Они уже отъезжали, когда Мэрилин воскликнула: «Мой Бог, он платит приятелю десятку». Она подозвала рабочих, сняла очки и сказала: «Верните ему деньги, я — Монро».

Джим Хаспил, фанат, ставший ее другом, в конце первого года пребывания Мэрилин в Нью-Йорке отправился с ней за рождественскими покупками в «Сакс» на Пятой авеню. Она «замаскировалась», завязав под подбородком шелковый платок и надев бейсболку «Лиги Айви». Вместо макияжа на лицо нанесла гормональный крем. Но это не помогло. Когда Хаспил на несколько минут оставил ее, условившись встретиться у прилавка отдела мужских галстуков, то, вернувшись, увидел, что ее поджидало «восемь» продавцов, а вокруг толпилось «около двухсот пятидесяти» покупателей. Все другие отделы магазина были девственно пусты.

Мэрилин, пробравшись через толпу к Хаспилу, прошептала: «Пожалуйста, не называй меня по имени, я не хочу, чтобы догадались, кто я». Хаспил подумал, что она так давно жила, окруженная толпой, что больше не замечала ее. Но можно предположить, что, когда это было удобно, Мэрилин нравилось быть узнанной.

Норман Ростен считает, что Мэрилин нравилось чувствовать себя женщиной и упиваться властью, обусловленной этим. «Она физически ощущала разницу в психологии мужчин и женщин, —

полагает Ростен, — она никогда не порицала мужчину за то, что он первым, так сказать, обнажал оружие против женщины. Мы могли желать ее, мечтать об обладании ею, но никто не должен быть обиженным. Она могла завлекать и согревать, и одновременно смело сойтись один на один со всемогущим Голливудом, в котором заправляли мужчины, и выиграть битву».

Через несколько месяцев после их первой встречи, ближе к концу 1955 год а, Мэрилин попросила Ростена, чтобы тот взял ее на выставку работ Родена, открывшуюся в художественном музее «Метрополитен». «Две вещи привели ее в восторг, — говорит Ростен, — "Пигмалион и Галатея" и "Десница Бога"».

«Десница Бога», выполненная из белого мрамора, — это изгиб ладони, удерживающей мужчину и женщину, застывших в страстном объятии. «Они вместе и в то же время отдельно, — вспоминает поэт. — Волосы женщины струятся из камня. Мэрилин кругами ходила вокруг этого маленького мраморного чуда. Глаза у нее расширились, что стало заметно, когда она сняла темные очки».

* * *

В тот год жизни в Нью-Йорке, словно выйдя из забвения, Мэрилин стала говорить друзьям, что встретила свою любовь. Безусловно, она приблизилась к тому, чтобы исполнить свое давнее намерение: на крючке у нее оказался самый выдающийся драматург Америки. Теперь ей только останется вытащить рыбку на берег.

Глава 19

При жизни Мэрилин Монро Артур Миллер редко говорил о ней, но и через двадцать лет после ее кончины он все еще продолжал хранить молчание. Во время моей работы над этой книгой он любезно отвечал на мои письма, не забывая при этом добавлять: «Когда я захочу сказать что-то о Мэрилин, я сделаю это с помощью своей пишущей машинки».

И все-таки благодаря признаниям, сделанным им самим и Мэрилин в 1956 году, в дни, когда их роман был в самом расцвете, сегодня мы можем восстановить обстоятельства, которые привели к одному из самых громких браков тех лет.

Когда Мэрилин обосновалась в Нью-Йорке, возраст Миллера приближался к сорока годам. Ей в ту пору было двадцать девять. С женой Мэри, с которой драматург прожил пятнадцать лет, и двумя детьми-подростками он по-прежнему обитал в Бруклине, где провел детские годы.

У Миллера практически не было времени ни для посещения таких мест, где после вечерних спектаклей собирался театральный мир, ни для следования моде города Нью-Йорка. Когда нужда заставляла его покупать новый костюм, он радостно оповещал близких, что нашел его на распродаже. Он отдавал предпочтение прочным башмакам с толстыми кожаными подметками и любил говорить, что покупал по одной паре, получив деньги за написанную пьесу. Его любимой одеждой за городом была ветровка и штаны цвета хаки.

К 1955 году его желание как можно чаще бывать за городом превратилось в манию. После успеха, который принесла ему пьеса «Все мои сыновья», Миллер купил четыре акра дешевой земли в Коннектикуте. Целых шесть недель он упорно трудился, строя себе лачугу для работы, в которой он просидел еще шесть недель, сочиняя пьесу «Смерть коммивояжера», удостоенную премии Пулитцера.

С 1950 года, когда он познакомился в Голливуде с Мэрилин, Миллер написал еще три пьесы. В 1953 году, когда набирала силу развернутая сенатором Джозефом Маккарти кампания против вымышленного коммунизма, появилось «Тяжкое испытание» (The Crucible), в основу которого легла история расправы над ведьмами в Сейлеме, что было два с половиной столетия назад. В 1955 году увидела свет его пьеса «Вид с моста» об отце, предавшем ухаживавшего за его дочерью молодого человека, который нелегально иммигрировал в Америку. В тот год на Восток приехала Мэрилин.

Мэрилин появилась в Нью-Йорке в ту пору, когда жизненно необходимое напряжение уже ушло из личной жизни Миллера. Его брак подвергся суровым испытаниям. Жена, которая в первые годы их семейной жизни работала, чтобы он мог писать, которая родила ему детей и исправляла его рукописи, больше не устраивала его. Дело шло к разводу, как заметил он год спустя: «С Мэрилин или без нее».

Корреспонденту «Тайм» в 1956 году он сказал: «Я знать

ничего не знал о том, что Мэрилин собирается в Нью-Йорк, пока не прочел об этом в газетах». Со дня их встречи в 1950 году они не виделись, но о том дне ни он, ни она не забыли.

Миллер помнил молодую женщину на коктейле в Голливуде, «такую испуганную, что она не могла вымолвить ни слова, а просто стояла молча, отказываясь принимать участие в пустой светской болтовне». Он сказал, что сумел завоевать ее доверие, потом в течение трех дней провел с нею в общей сложности часов восемь. Она пожаловалась ему на «удушающее чувство неполноценности, на неспособность завести настоящих друзей, на то, что люди воспринимают ее только как тело и ничего больше».

Миллера поразила «чувствительность и восприимчивость Мэрилин, ее понимание реальности», и он сказал ей, что она должна поехать в Нью-Йорк и учиться актерскому мастерству. Когда он уехал из Калифорнии, о своих проблемах она писала ему в письмах, и он отвечал ей. Так продолжалось недолго. Потом, когда он окунулся в работу над новой пьесой, переписка прекратилась.

Критик Морис Золотов, знавший их обоих, Мэрилин и Миллера, полагает, что встреча в Голливуде наложила отпечаток на драматурга и повлияла на его работу. Как в «Тяжком испытании», так и в «Виде с моста» Золотов отмечает тему вечного треугольника, неверности в браке и любви зрелого мужчины к молоденькой девушке. Сам Миллер, хотя и не сразу, а по прошествии нескольких лет, также признается, что «Вид с моста» «отражал тревогу... не столь далекую от моих собственных душевных переживаний...».

Его коллега, драматург Клифорд Одетс, прочитав «Тяжкое испытание», которое Миллер написал сразу после встречи с Мэрилин, сказал: «Никакой мужчина не написал бы такую пьесу, если бы его браку не грозил распад».

Во всяком случае девушку из Голливуда Миллер нашел спустя некоторое время после того, как Мэрилин, проехав на розовом слоне, появилась в общенациональной телевизионной программе и открыла для себя Ли Страсберга. Было это в апреле 1955 года.

По словам Мэрилин, встреча произошла снова на вечере, куда была приглашена театральная общественность Нью-Йорка. Она

пила водку и оранжад, когда Миллер подошел к ней. Они немного поболтали и в конце вечера расстались. Миллер выждал две недели, а затем позвонил Пауле Страсберг из Актерской студии и спросил номер телефона Мэрилин. Они встретились в доме их общего друга, поэта Нормана Ростена, который учился вместе с Миллером в Мичиганском университете. Так начался их любовный роман.

Они сумели одержать замечательную победу: встречались почти год, а пресса ничего не подозревала. Миллер, длительное время заимствовавший велосипед у своего сына, наконец решился и купил велосипед для себя. Это была английская машина с приводом, как у Мэрилин. Вдвоем, никем не замеченные, они могли спокойно колесить по Шипсхед-Бей в Бруклине или по Кони-Айленд. Соглядатаи из колонок светских новостей никогда не сидели в засаде в местах, подобных этим. Перекусить они заходили в неприметные ресторанчики, где тихо садились в углу.

Питер Леонарди, тогдашний ассистент Мэрилин, потом скажет: «Я находился при ней денно и нощно целыми неделями, но я ни разу не слышал имени "Миллер"».

Миллер, о присутствии которого так долго мечталось и чья фотография у постели Мэрилин служила единственным утешением, наконец стал реальностью дня. Он, как в один голос давно признавали все журналисты, на самом деле походил на другого человека, с портретом которого Мэрилин никогда не расставалась, — на Авраама Линкольна, только без бакенбардов. Годы спустя, когда ее спросили, за что она была благодарна Миллеру больше всего, Мэрилин ответила: «Он дал мне понять важность политических свобод в нашем обществе». Миллер был человеком, который на социальные темы мог говорить часами. Зажав трубку в зубах, или, если ее не было, перекидывая из одного угла рта в другой сигарету, он развивал любимую теорию, а Мэрилин слушала.

Один их близкий друг заметил: «Кроме личного обаяния, — к тому же величайшего в истории, — в Артуре ее привлекало вот что: он был человеком, включавшим целую систему социальных идей, доведенных до чистоты благодаря большой начитанности».

Все это было через двенадцать месяцев после того, как Мэрилин напрасно пыталась убедить Ди Маджо прочитать «все от Мики Спиллейна до Жюля Верна». В день рождения Ди Маджо

Мэрилин подарила ему золотую медаль к его цепочке для часов, где записала цитату из «Маленького принца» Антуана Сент-Экзюпери: «Настоящую любовь глазами не увидишь, зорко одно лишь сердце, потому что глаза могут обманывать». Озадаченный Ди Маджо спросил: «Что значит эта чертовщина?» С Артуром Миллером роли их поменялись местами: вопросы задавала Мэрилин.

Она, как и раньше, восхищалась интеллектом Миллера, но вскоре она будет твердить: «Я люблю мужчину, а не его ум. Артур Миллер, который привлек меня, был человеком, излучавшим тепло и дружелюбие. Артур помог мне переделать себя. У меня всегда была неуверенность в себе. Артур помог мне преодолеть это чувство».

Мэрилин, в свою очередь, также была причиной перемен в Миллере. «Миллер был влюблен по уши и серьезно, — скажет потом Норман Ростен. — Видеть это было отрадно».

Миллер сказал репортеру «Тайм» Роберту Эджемиану: «Она самая женственная из женщин, какую можно себе представить. Находясь рядом с ней, хочется умереть. Эта девушка находит отклик в душе каждого мужчины. У большинства из них в ее обществе выпячиваются те качества, которыми человек наделен от природы: пустозвон становится еще большим пустозвоном, стеснительный стесняется еще пуще, скромный делается скромнее. Она похожа на магнит, который вытягивает из самца присущие ему качества».

Миллер был совершенно убежден в том, что склонность Мэрилин к адюльтеру сильно преувеличивали. «Безусловно, у нее были мужчины, — говорил он, — но она никогда не кочевала с одной постели на другую, от одного мужчины к другому. Каждая связь была наполнена для нее смыслом и строилась на ниточке надежды, порой ошибочной. Я знавал работниц патронажа с более пестрым прошлым, чем у нее».

Драматурга Миллера в Мэрилин восхищала ее честность, он считал ее «буквально неспособной говорить что-либо, что не являлось правдой». Он сказал, что как актриса, «она либо сделает взаправду, либо объявит забастовку. В ней есть что-то, что заставляет в любой ситуации выискивать элементарную правдивость. Конечно, в актерской игре это жуткая вещь. Она позволяет вам добраться до сути».

Миллер говорил о навязчивом беспокойстве Мэрилин из-за того, что у нее нет образования. «Бывало она подойдет ко мне и скажет: «На днях я услышала новое слово, что оно значит?» Недавно она спросила меня о слове «impermeable» (непроницаемый). Порой она неправильно произносит слова, так вместо «внутривенно» она могла сказать «внутрьвенно» («intraveniously» вместо «intravenously»). Но она хотела учиться».

Миллер вспоминал об одном эпизоде, когда Мэрилин читала книгу об искусстве Гойи. «Когда я разговаривал с ней по телефону, она сказала мне: «Я еще не добралась до сути». В другой раз, когда я позвонил ей, она сообщила: «Я прочла уже две трети, но до сих пор не разобралась». Правда состояла в том, что книга попросту была построена на предположениях и не содержала ничего существенного. Когда Мэрилин добралась до конца, она сказала мне: «Что ж, я закончила ее, но так ничего там и не нашла. Зачем они написали ее?» Это был хороший вопрос. Именно так следует читать книги».

Корреспонденту «Тайм» Миллер сказал: «Вместо того чтобы потерять веру в жизнь, а для этого у нее имелись все основания, она сохранила способность чувствовать и искать подлинную дружбу. Ей больше не хотелось разбрасываться. Ей так часто твердили, что она была никчемной девчонкой, ничего не стоящей, что у нее сформировалось невероятное по масштабам самоуничижение. Сейчас она освобождается от этого».

Миллер просто потерял голову. Так же, как полагали их общие друзья, и сама Мэрилин. Но ее преследовали все те же, знакомые, призраки — и новый соблазн.

* * *

В первые месяцы 1955 года Джо Ди Маджо еще не оставлял своих попыток вернуть Мэрилин, и сама она пока не полностью освободилась от него. По иронии судьбы, связующим звеном между ними стала семья самого важного в юности возлюбленного Мэрилин Фреда Каргера. Сестра Фреда Мэри вместе с детьми переехала в Нью-Джерси, и Мэрилин часто навещала ее, иногда в сопровождении Ди Маджо.

Каргерам казалось, что Мэрилин и Ди Маджо опять любили друг друга. Ди Маджо играл с Мэри в гольф, а Мэрилин веселила

детей необыкновенными кушаньями и шутками.

Но и в Нью-Йорке Ди Маджо не оставлял Мэрилин в покое, продолжая проявлять свой ревнивый нрав. Он в расстроенных чувствах появлялся на людях, просил совета у посторонних, даже у журналистов. Как-то он обратился к автору колонки светской хроники Эрлу Уилсону и его жене, умоляя их помочь ему вернуть Мэрилин. Своему давнишнему нью-йоркскому другу Генри Розенфельду актриса рассказала, что однажды ночью Ди Маджо «появился в "Валдорфе" и едва не снес с петель дверь. Чтобы утихомирить его, пришлось вызывать полицию. Он был очень, очень ревнивым».

1 июня 1955 года, в день своего двадцатидевятилетия, Мэрилин вместе с Ди Маджо пришла на премьеру «Зуда седьмого года». Потом в «Тутс Шор» он устроил в ее честь прием, но настроение его быстро испортилось. За ужином парочка повздорила, и Мэрилин ушла из ресторана со своим другом, фотографом Сэмом Шоу.

«Зуд седьмого года» предоставил Мэрилин возможность сыграть злую шутку со своим возлюбленным, за которого в 1948 году она так страстно хотела выйти замуж. Речь идет о Фреде Каргере. В то время у него были сложные отношения с его второй женой, актрисой Джейн Уаймен. Мэрилин не преминула со злорадством напомнить Уаймен, что когда-то была любима Каргером.

Случилось так, что летом 1955 года Фред Каргер остановился в Нью-Йорке в отеле «Валдорф-Астория». Мэрилин жила на одном из верхних этажей. Он позвонил ей и пригласил спуститься вниз и выпить чего-нибудь вместе. Когда она не пришла, Каргер снова позвонил ей, ему показалось, что Мэрилин уже где-то успела выпить. Он поднялся наверх и убедился, что Мэрилин была в хмельном тумане от вина и от снотворных пилюль. В жизни Мэрилин забрезжил новый зловещий призрак.

В первые месяцы дружбы с Артуром Миллером Мэрилин встречалась не только с ним. Многое для устройства ее апартаментов в «Валдорф-Астории» сделал предприниматель, выпускавший готовое платье, Генри Розенфельд. Кроме того, он часто ссуживал Мэрилин деньгами. Время от времени она консультировалась с ним по поводу своих финансовых дел. В один прекрасный день она предложит ему воспользоваться всей

выручкой от одного ее фильма с тем, чтобы он еженедельно выплачивал ей тысячу долларов на повседневные расходы. Розенфельд мягко отказался, сказав, что на этом капитале он сделает больше денег, чем положено по справедливости. Он сам испытывал к Мэрилин глубокое чувство и, как она сказала одной близкой подруге, даже делал ей предложение.

В 1955 году промелькнула мысль выдать Мэрилин замуж за главу одного европейского королевского семейства. Идея эта нашла поддержку со стороны миллионера Аристотеля Онассиса. А дело было в том, что один из его любимых курортов, княжество Монако, испытывал затруднения. Мировая знать стала ездить куда угодно, только не туда. Онассис полагал, что эта ситуация изменится, если принц Ренье женится на великолепной иностранке. С этой целью он попросил своего приятеля Джорджа Шлее поискать подходящую невесту в Соединенных Штатах. Тот обратился за советом к Гарднеру Каулесу, издателю журнала «Лук», который случайно оказался соседом Милтона Грина в Коннектикуте.

«Я предложил Шлее идею женить Ренье на киноактрисе, — сказал мне Каулес. — Он спросил, нет ли у меня кого на примете. Я ответил: "Сейчас в зените славы Мэрилин Монро, к тому же она гостит поблизости. Давай подкинем ей эту идею"».

Далее Мэрилин и Грины были приглашены для встречи со Шлее в загородный дом Каулеса. Каулес говорил: «Мы не стали ходить вокруг да около. Когда я сказал об этом Мэрилин, она ответила, что идея ей нравится, но загвоздка в том, что она даже не знает, где находится Монако. Еще она добавила, что была бы рада познакомиться с принцем».

Принцесса Монако Мэрилин? В тот вечер, когда Мэрилин и Грины возвращались домой, их не покидало веселое настроение, к которому примешивалась мысль о том, что предложение было вполне серьезным. На некоторое время князь Ренье, которого тут же окрестили «Рейндиар»1, стал темой для разговоров.

Однако идея потерпела крах, когда королевский дом Монако объявил, что Ренье собирается жениться на другой актрисе, Грейс Келли. Мэрилин, правда, это так не оставила. Она позвонила Келли по телефону и, поздравив, добавила: «Я так рада, что ты нашла способ уйти из этого бизнеса».

Возможно, Артур Миллер считал, что Мэрилин не, вступала в беспорядочные половые связи по той причине, что она не чувствовала себя больше незащищенной. Однако, точно так же, как и в пору ухаживания Ди Маджо, Мэрилин не блистала в любви постоянством. В 1955 году она сблизилась с Марло-ном Брандо.

Брандо был одним из самых ценных голливудских творений «Экторз Стьюдио». Мэрилин уже давно восхищалась им. Год тому назад, после его триумфа в картине «В порту», она надавила на Сэма Голдуина, чтобы тот дал ей роль в следующем фильме Брандо «Парни и куклы». В Нью-Йорке Мэрилин надеялась, что один из ее первых самостоятельных кинопроектов включит Брандо и Чарли Чаплина.

Когда ее попросили дать определение сексуальному влечению, Мэрилин ответила: «Есть люди, на которых реагируют другие люди... Я тоже реагирую на мужчин... в частности, я реагирую на Марлон Брандо». Но желанию Мэрилин работать с Марло-ном Брандо не суждено было сбыться, хотя в 1955 году у них завязался роман.

Эми и Милтон Грин, которые, как и прежде, часто виделись с Мэрилин, летом уже знали, что у нее с Брандо роман. О связи этой было известно и другим ее друзьям и коллегам. Брандо, снискавший у зрителей известность как человек высокомерный, склонный к насилию, был любим близкими за мягкость и верность. Говоря о нем с Эми Грин, Мэрилин называла его «милым, нежным». Его она называла условным именем «Карло». Ей страшно нравилось, что окружающим было невдомек, кого она имела в виду, говоря о «Карло». На фотографии, где они были запечатлены вместе в декабре 1955 года на актерском бенефисе, они выглядят мечтательно счастливой парой.

Однако связь с Брандо, которая держалась в секрете, постепенно ослабла, так как Мэрилин готовилась придать гласности роман с Артуром Миллером. Но все-таки дружба с Брандо сохранилась. В 1962 году, незадолго до смерти, Мэрилин часами будет разговаривать с Брандо по телефону. Когда, собирая факты для этой книги, я связался с актером, то ощутил в нем редкую личную заинтересованность, эмоциональный подъем. Он сказал: «Я действительно знал ее, и именно из-за этого отношения к ней я никогда не мог говорить о Мэрилин для печати. Думаю, вы меня понимаете».

Весь 1955 год Мэрилин старалась проявлять изобретательность, чтобы держать свою частную жизнь если не в тайне от прессы, то хотя бы не слишком рекламировать ее. Ближе к концу года в длинном интервью журналисту Эрлу Уилсону она ходила вокруг да около хитроумных вопросов, не спеша заглатывать наживку. На вопрос, кто был ее любимым актером, Мэрилин ответила: «Марлон Брандо», — а потом поспешно добавила еще несколько имен. Кто был ее любимым драматургом? Мэрилин сказала: «Артур Миллер и Тенесси Уильяме». На вопрос о ее любовных увлечениях она дала классический ответ Монро: «Никаких серьезных увлечений, но я всегда заинтересована кем-то».

В январе 1956 года Эрл Уилсон оповестил мир о том, что Артур Миллер и его жена намерены развестись. Между собой Мэрилин и Миллер уже всерьез поговаривали о браке. На публике они еще месяцев пять хранили мертвое молчание, но Мэрилин победоносно приближалась к исполнению желания, о котором с грубоватой откровенностью заявила Сиднею Сколски в конце медового месяца с Джо Ди Маджо, — выйти замуж за Артура Миллера. Новый год обещал принести успех, и не только в любви.

* * *

Примерно через год после начала занятий Ли Страсберг наконец решил, что Мэрилин созрела для того, чтобы играть перед аудиторией себе подобных в «Экторз Стьюдио». Она и Морин Стэплтон, проработав некоторое время над сценой из «Падших ангелов» Ноэля Коуарда, бросили ее и остановили свой выбор на первой сцене из «Анны Кристи» Юджина О'Нила. Этот материал был знаком Мэрилин: над ним она работала еще с Наташей Лайтес. Мэрилин играла Анну.

Морин Стэплтон вспоминает, что у «нее были вечные проблемы с запоминанием текста. Тогда я ей сказала: «Послушай, у нас ведь не премьерный спектакль. Мы просто положим книгу перед собой на стол — многие так делают». Но Мэрилин отказалась работать так. И на репетициях мы ни разу не сыграли сцену до конца без ее заминок с текстом. Зато потом, когда показывали этот кусок, она была просто великолепна и за пятнадцать минут ни разу не сбилась. И даже ее чрезмерно тонкий голосок вел себя хорошо, несмотря на все ее волнения. После показа мы отправились в бар на Десятую авеню, где

праздновали свою очередную победу».

Скептики, доселе подававшие свои голоса, прикусили языки. «Она была великолепна, — говорит актриса Ким Стэнли. — Нас приучили никогда не аплодировать в «Экторз Стьюдио», — как если бы мы находились в церкви, — тогда я в первый раз там услышала аплодисменты».

У некоторых еще оставалось сомнение. Другие полагали, что победа уже в том, что Мэрилин осилила сцену вообще. Успех Ли Страсберга заключался в том, что он сумел заставить ее сделать все профессионально, но ни о какой гениальности не могло быть и речи. Мэрилин и сама чувствовала противоречивую реакцию аудитории и осаживала тех, кто перехваливал.

Тем не менее в начале 1956 года Ли Страсберг. выразил свое одобрение. «Я работал с сотнями и сотнями актеров и актрис, — сказал он директору Джошуа Логану, — среди них есть только двое, которые возвышаются над всеми остальными. Номер один — Марлон Брандо, и Мэрилин Монро — номер два...»

Тем временем, вознесясь на вершину шумного одобрения, в преддверии помолвки с Артуром Миллером, Мэрилин выиграла свою борьбу с киностудией «XX век—Фокс».

Прошел уже год, как Мэрилин улетела в Нью-Йорк, но ее гримерная в Голливуде оставалась незанятой. Уборщики приходили сметать пыль с бессчетных коробок с гримом и искусственными ресницами, с пузырьков и пачек таблеток, забытого томика стихов и фотографии Ди Маджо, огибали груды нераспечатанных писем от поклонников. Наконец-то игра, затеянная Милтоном Грином, начала приносить первые плоды. Поскольку замены для Мэрилин Монро не нашлось, киностудия согласилась пойти на сделку.

В канун Нового, 1955 года Мэрилин подписала с «Фоксом» новый контракт с небывало выгодными для нее условиями. За очередные семь лет она должна сняться на студии всего лишь в четырех фильмах, имея право делать еще по одному фильму в год на других студиях. За каждый фильм, созданный на «Фоксе», «Мэрилин Монро Продакшнз» получает 100000 долларов в виде жалования, плюс процент от доходов. По стандартам 1955 года это была более чем хорошая сделка, обещавшая за время контракта дать ей доход около 8 миллионов долларов.

Специальная оговорка, особенно важная для Мэрилин, позволяла ей отказываться от любого фильма, который, на ее взгляд, не дотягивал до класса «А», а также отклонять предлагаемых режиссеров и операторов, не соответствующих, по ее мнению, нужному уровню. На рассмотрение она представила список, услужливо составленный для нее Милтоном и Эми Грин, в который входило шестнадцать режиссеров, с кем она хотела бы работать. Спорить «XX век—Фокс» не стал.

Радуясь победе, Мэрилин новый 1956 год встречала, окрыленная радужными планами. Она намеревалась вернуться в Голливуд, чтобы сняться в «Автобусной остановке», режиссером которой был один из выбранных ею мэтров, Джошуа Логан. Она стояла бок о бок с сэром Лоренсом Оливье, чтобы объявить о будущей совместной работе над киноверсией пьесы Теренса Рэттигана «Спящий принц».

Самый прославленный в мире актер дал ей свое благословение. Мэрилин была, по словам сэра Лоренса, «гениальная комедиантка, а следовательно и чрезвычайно хорошая актриса». Он с удивлением наблюдал, как 150 газетчиков толкались, чтобы сделать фото, а потом, когда на платье Мэрилин оборвалась бретелька, застыли в оцепенении.

Но кое-что в Мэрилин беспокоило сэра Лоренса Оливье. Потом, когда микрофоны остались позади и лимузин уносил его прочь, он признался своему продюсеру Солу Колину: «Знаешь, Сол, я все гадаю, не совершил ли я ошибку?» Об этом сэр Лоренс Оливье узнает позднее, но в тот же год.

С некоторых пор знакомство с Мэрилин стало вызывать у людей противоречивые чувства. У писательницы Дороти Мэннинг поначалу сложилось впечатление, что «от стеснительного, напряженного существа с голосом маленькой девочки, которая с трудом подбирала нужные слова, не осталось и следа… Вместо нее появилась уравновешенная женщина. Веселая, раскованная, менее застенчивая, она с легкостью в считанные минуты могла повести оживленную беседу, в то время как большинству звезд для этого требовались часы».

Встретив Мэрилин в тот же день вторично, Мэннинг с удивлением отметила про себя резкую перемену в ней. Она писала: «Во всем облике ее чувствовалось, что Мэрилин снова

испытывала затруднения, она как будто стала меньше, незаметнее, вернулась нервозность и неуверенность в себе. Теперь это была странная, озадаченная девочка, которая своей беззащитностью трогает ваше сердце».

Мэннинг в мягкой манере выразила то, что не ускользнуло от взгляда сэра Лоренса Оливье. Вспоминая их первую встречу, сэр Лоренс напишет: «Вы не слишком погрешили бы против истины, если бы назвали ее шизофреничкой».

Первая запись о посещении Мэрилин психиатра относится к 1954 году, когда она еще состояла в браке с Ди Маджо, Шесть месяцев она пользовалась услугами психоаналитика, о котором ничего не известно.

Лечащие врачи Мэрилин ничуть не сомневались в том, что она нуждалась в помощи психиатра. Доктор Милтон Готтлиб, оказывавший Мэрилин гинекологическую помощь, говорит: «Она была неуверенной, испуганной реальностью жизни. Очень встревоженная молодая женщина».

Доктор Эллиот Гордей, терапевт Мэрилин с 1948 до середины пятидесятых годов, говорит: «Я практически устранился от дела, потому что она не хотела найти себе подходящего психиатра. Люди могли бы лучше понять причину ее смерти, если бы они послушали, что говорила она тогда в моем кабинете. С ее стороны было множество суицидальных попыток, гораздо больше, чем это известно официально. К 1954 году она уже вовсю пользовалась медикаментозными средствами — и не только снотворными пилюлями, но и наркотикосодержащими, к которым привыкают. В конце концов я ей сказал, что не хочу быть в это замешанным и не намерен спокойно наблюдать за тем, что должно произойти».

Однако достоверных сведений о том, что Мэрилин принимала наркотики, нет. Сыщики, нанятые Джо Ди Маджо для наблюдения за личной жизнью Мэрилин, доносили ему, что видели в ее квартире «шприцы для подкожных впрыскиваний, два или три флакона с каким-то порошком и прочие принадлежности». Как бы там ни было, но ясно одно, что женщина, сбежавшая из Голливуда в Нью-Йорк, остро нуждалась в помощи.

Милтону Грину Мэрилин сказала, что психиатрическое

лечение прекратила. Грин же посоветовал ей продолжать и обещал найти высококлассного психоаналитика. Постепенно он сам убедился в шизоидных тенденциях Мэрилин и послал ее к женщине-психиатру, доктору Хоенберг. Кабинет ее располагался на Ист-Сайд в Нью-Йорке. Мэрилин приходила туда пять раз в неделю на протяжении почти всего 1955 года.

Ли Страсберг, проводивший занятия в Актерской студии, полагал, что сеансы Мэрилин у психиатра «освободили» ее для обучения актерской технике на основе «общего погружения». Артур Миллер заметил, что год психиатрического лечения в значительной мере помог Мэрилин. «Теперь она более ясно видит суть вещей, — сказал он, — обнаруживая, что в прошлом жизненном опыте во многих ситуациях не одна она бывала неправа. Она чувствует, что психотерапия сильно изменила ее».

Придет час — и Миллер начнет задаваться вопросом, какую ощутимую пользу приносил психоанализ. Некоторые в открытую заявляли о своем недоверии к нему. Вот что со своей профессиональной точки зрения говорил по этому поводу Билли Уайлдер, режиссер картины «Зуд седьмого года»: «В этом мире существуют замечательные плутишки, подобные Монро. В один прекрасный день они оказываются на кушетке психоаналитика и выходят от него мрачными, зажатыми существами. Для Монро лучше не пытаться исправиться. Ее очарование заключается в том, что у нее обе ноги левые».

Являя собой мешанину чувств и настроений, Мэрилин не укладывалась в обычные нормы и стандарты. Генри Розенфельд видел в ней женщину, которая «от страха покрывалась красными пятнами при мысли о новом знакомстве».

Писательница Адель Флетчер как-то ожидала Мэрилин к обеду в апартаментах Эльзы Максвелл в «Валдорф Тауэре». «В номер Эльзы она приехала, опоздав на три часа, как раз в то время, когда у нее была назначена встреча в студии Сесила Битона. Позже я узнала, что перед уходом она трижды перемывала голову и делала укладку. Ее все время заботила собственная внешность, она боялась, что будет выглядеть не лучшим образом и люди начнут говорить, что ее красота увядает».

Помощник Мэрилин Питер Леонарди в 1955 сказал: «Перед каждым интервью или появлением на публике она сидит и сидит,

и витает где-то мыслями. Иногда она часами пялится в окно, думая о чем-то и дергая себя за прядь волос. Иногда беспокойство ее бывает таким сильным, что ее начинает подташнивать».

Работая, Мэрилин часто заносила свои мысли и замечания по игре в записную книжку. «Чего я боюсь?» — прочитал в ее блокноте один любопытный коллега. «Я знаю, что умею играть. Но я боюсь. Я боюсь, хотя не следовало бы, я не должна бояться. Черт!»

Милтон Грин видел, как Мэрилин на его глазах постепенно привыкала к барбитуратам. Борясь с бессонницей, она могла принять снотворное в три часа ночи, зная, что в шесть ей нужно вставать и ехать на деловую встречу. По дороге к месту назначения, чтобы выйти из ступора, она снова принимала лекарства, на этот раз стимулянты, часто дексамил. К тому же Мэрилин стала много пить, сочетая выпивку с пилюлями.

В 1955 году Мэрилин сообщила Милтону и Эми Грин, что сделала очередной аборт. К этому времени — к двадцати девяти годам — их уже было тридцать. Во всяком случае, эту цифру называла Эми Грин сама Мэрилин. Можно не сомневаться, что это был новый удар по ее неустойчивой психике. Эми Грин не знала, кто был предполагаемым отцом, а Генри Розенфельд предпочитал не афишировать свои отношения с актрисой.

Несмотря на уверенность в завтрашнем дне, которую ей сулила дружба с Артуром Миллером, Мэрилин вела себя так, как будто все еще оставалась безнадежно одинокой. Чаще, чем когда бы то ни было, потакала она своему желанию звонить людям глубокой ночью или перед рассветом. Милосердные друзья были готовы прийти к ней на помощь в любое время суток и соглашались до рассвета колесить с ней по Манхэттену или во тьме городских предместий. Мэрилин уже боялась оставаться ночью одна.

Ли Страсберг пытался решить эту проблему, пригласив ее ночевать к себе в дом. «Она пребывала в расстроенных чувствах, — вспоминал он. — Она нуждалась в семье. Ей хотелось принадлежать кому-то. Не в том смысле, чтобы заниматься любовью, а просто для поддержки, потому что, когда она принимала таблетки, они воздействовали на нее так, что ей хотелось принять еще. А мы их не давали ей. По этой причине у нее появилась привычка приезжать и оставаться. Я немножко

подержу ее, а потом она идет спать».

В мае 1956 года журнал «Тайм» подготовил о Мэрилин большую хвалебную статью. Эта работа заняла у журналистов много месяцев. Они брали интервью даже в столь отдаленных местах, как Токио, Париж и Лондон. Эзра Гудмен, знавший Мэрилин через Сиднея Сколски, несколько недель провел в Лос-Анджелесе, собирая о ней всевозможные сведения. Дотошный, он через сито пропустит созданный ею миф о своем прошлом. Он переговорит с ее школьными учителями, коллегами, врачами и психиатрами и соберет для «Тайма» обширнейший материал.

Гудмен придет к выводу: «Как следует из психиатрических наблюдений, она, вероятно, испытывает к себе настолько сильное отвращение, что пытается найти с миром общий язык не путем приспособления к реальности, а путем воссоздания себя и окружающего ее мира, в ней есть что-то загадочное, почти магическое, такое, чему пока еще никто не в силах дать определение, что-то, что вознесло ее туда, где она сейчас пребывает, несмотря на прошлое, которое неминуемо должно было сделать из нее шизофреничку, привести в больницу для умалишенных или превратить в валяющуюся под забором алкоголичку. Вероятно, тем качеством, которое делает ее столь привлекательной в глазах многих людей, является ее неуверенность, ее несчастливость и сомнамбулическое шествие по жизни. Но загадка по имени «Мэрилин Монро» пока еще не разгадана. Сомнительно, чтобы год амбулаторного наблюдения, подглядывания и полицейского надзора мог справиться с этой задачей. Вероятно, это под силу только психоаналитику».

По словам Гудмена, журнал «Тайм» большую часть его материала выбросил и опубликовал заздравную статью об актрисе, уверенно идущей по гладкой дороге, которая ведет ее к еще более славному будущему. Вероятно, ничего иного публика и не ждала, и не потерпела бы.

Норман Ростен, наверно, самый близкий из ее нью-йоркских друзей, видел, что Мэрилин была в большой беде. Он надеялся, что это может быть уравновешено другой ее стороной, женщиной «разумной в смысле выживания».

Выживание для Мэрилин означало идти вперед, а идти вперед значит больше сниматься. И никого рядом не было, кто сказал бы ей об обратном. Даже если бы и был, скорее всего, она

не послушала бы. В течение первых семи лет своей карьеры Мэрилин снялась в двадцати четырех картинах. На протяжении остальных семи, с 1955 года до своей кончины, она сделала только пять. Первый из них, как она пообещала журналу «Тайм», доказал, что она на самом деле была «настоящей актрисой».

Примечания

1. Северный олень (англ.).

Глава 20

В феврале 1956-го, проведя год в добровольном изгнании, Мэрилин вернулась в Голливуд, где ей устроили бурный прием. Около самолета поджидали ее сотни фотографов. Толпа, отпустив Мэрилин, волновалась еще добрых два часа.

Актриса вернулась, и вернулась на собственных условиях. Она собиралась сделать фильм по пьесе «Автобусная остановка», с шумным успехом прошедшей на Бродвее. Специально для Монро, только что выпущенной из «Экторз Стьюдио», был приглашен выбранный ею режиссер. По совету Милтона Грина Мэрилин обратилась к «Фоксу» с просьбой позвать Джошуа Логана. Это был единственный американский режиссер, который учился в Советском Союзе у Станиславского. Сначала Логан настороженно отнесся к идее совместной работы с Мэрилин, но восторженные похвалы Ли Страсберга, расточаемые актрисе, сделали свое дело. И сейчас он теплее и охотнее других режиссеров говорит о Мэрилин.

«Я и не подозревал, что она обладала таким ослепительным талантом, — вспоминает Логан сегодня. — С ней режиссура оправдывала себя. Когда она произносила текст, с ее лицом, кожей, волосами и телом творились такие потрясающие вещи, что она — не побоюсь показаться банальным — вдохновляла. Я загорался, и все мои мысли занимала только ее игра. О сексуальном плане я вообще не говорю. Она была ослепительна во всех отношениях, на нее было приятно смотреть, стоять рядом, чувствовать ее запах и ощущать, — все это вкупе с ее талантом. Я просто помешался на ней. Я и сейчас еще не отошел».

«Автобусная остановка» — это история Чери, уставшей от жизни певички с многочисленными любовниками в прошлом, и влюбившегося в нее наивного молодого ковбоя по имени Бо. Многие в Голливуде отнеслись к идее с насмешкой, полагая, что в

конечном счете получится очередная вариация темы сексапильности Мэрилин. Но они оказались неправы. Произошло это по двум причинам: благодаря науке, которую прошла Мэрилин в школе актерского мастерства Страсберга, и благодаря бесконечному терпению Логана.

Милтон Грин предупреждал режиссера: «Следите за тоном своего голоса, разговаривая с Мэрилин, потому что, если вы напугаете ее, считайте, что все пропало». Конечно, время сгладило острые углы воспоминаний. Но не забылось то, что порою долготерпению Логана мог бы позавидовать сам Будда.

В первый раз Мэрилин участвовала в обсуждении ключевых моментов сценария. Логан с благодарностью воспринимал замечания Мэрилин до тех пор, пока речь не зашла о трактовке других ролей и она не начала возражать. Мэрилин позвонила Бадди Адлеру» новому директору «Фокса», и тот вызвал Логана. Логан, как и любой бы режиссер на его месте, пришел в ярость, узнав, что актриса через его голову напрямую обратилась к студийному начальству.

У Мэрилин больше не было нужды в услугах ее первой наставницы, репетиторши Наташи Лайтес. Когда Лайтес пришла повидаться с Мэрилин после ее возвращения в Голливуд, помощник актрисы, как говорится, дал ей от ворот поворот. Последний раз свою ученицу-звезду Наташа видела стоявшей у окна одиноко, с застывшим взглядом. Место Лайтес заняла жена Страсберга Паула, ставшая незаменимой фигурой в жизни Мэрилин.

Несмотря на духовную отчужденность от мужа, Паула стала настоящей дуэньей дама Страсбергов. Уже много лет устраивала она карьеру Ли, проталкивая его как гения, и никогда не уставала на всех перекрестках твердить о добродетелях своих детей.

Теперь Мэрилин фактически стала третьим ребенком Страсбергов, которые считали, что она и шагу не может сделать на профессиональном поприще без помощи мастера. Ли Страсберг был по рукам и ногам связан своей работой в «Экторз Стьюдио». По этой причине водить Мэрилин за ручку была приставлена Паула, имевшая опыт как актрисы, так и преподавателя. К Мэрилин она относилась с искренней преданностью, а о кинорежиссерах не могла говорить без изрядной доли гнева.

Джошуа Логан не на шутку встревожился, когда узнал, что Мэрилин намерена не только брать уроки у репетиторши Паулы, но и держать ее при себе на съемочной площадке. Он прибегнул к помощи Милтона Грина, который взял на себя роль дипломата и находил компромиссы в спорных ситуациях. Грин переговорил с Ли Страсбергом, и было решено, что Паула будет присутствовать лишь в гримерной.

Во многих случаях Паула занималась неблагодарным делом. Она получала приличное жалование — ни много ни мало 2000 долларов в неделю, — но зато была и объектом насмешек, а то и ненависти, для участников съемочной группы. К тому же именно ей все чаще приходилось сносить странные выходки Мэрилин. Но на съемках «Автобусной остановки» гриновская «формула мира» работала, частично благодаря тому, что язык «Экторз Стьюдио» был совместим со стилем режиссера Логана.

Один раз, по крайней мере, чрезмерное увлечение Мэрилин этим стилем актерской игры завело ее слишком далеко. По сценарию ей требовалось ударить партнера Дона Мюррея. Мэрилин не очень-то хорошо ладила с Мюрреем и ударила его слишком сильно, оставив на лице след. Возможно, Мэрилин брала пример со своего недавнего любовника, Марлона Брандо, который в сценах насилия дошел до правдоподобия, граничащего с крайностью. Этот случай стал причиной кризиса. Несмотря на мольбы Логана, Мэрилин не могла заставить себя извиниться, а только в бессильной злости кричала на партнеров. Похоже, что отношения с Миллером не давали ей ни равновесия, ни душевного покоя. Во время работы над «Автобусной остановкой» Паула Страсберг убедилась, что «друзья» Мэрилин в склянке — транквилизаторы — всегда были у нее под рукой.

Для Мэрилин Паула Страсберг стала также подмогой в делах, весьма далеких от актерского искусства. Иногда Паула давала оценку некоторым гостям на приемах. Если они были ей не по вкусу, Мэрилин не выходила из лимузина, а Паула оказывала гостям формальную любезность. Она стала советчицей Мэрилин в делах любви, сиделкой, когда та болела. Во время работы над «Автобусной остановкой» и потом Паула почти все время оставалась нянькой.

В 1956 году в газетах появились уже привычные заголовки: «МЭРИЛИН МОНРО В БОЛЬНИЦЕ». Диагноз врачей гласил:

«вирусная инфекция, истощение, переутомление и острый бронхит». В неофициальном комментарии прозвучало мнение одного врача, что Мэрилин «была завязана узлом».

Режиссер Логан обмолвился, что звезда больна, но «не на две недели». Поскольку кинобизнес простоя не терпит, Логан продолжал съемки фильма, занимаясь сценой, которая присутствия Мэрилин не требовала. Группа, расходуя в день 40000 долларов, за пятнадцать дней сняла драку, которая в готовом фильме заняла полминуты экранного времени.

Однажды, когда Мэрилин снова включилась в работу, Логан увидел, что она не успевает на ключевую сцену, где нужно было снять ее бегущей по улицам в лучах заходящего солнца. Актриса уже три часа потратила на подготовку. Режиссер ворвался в гримерную и застал «бедняжку все еще глядящей на свое отражение в зеркале». Логан не стал тратить время на слова. Он силой выволок Мэрилин из гримерной и, поставив ее на нужное место перед камерой, крикнул: «Побежала!» — ей, и «Мотор!» — оператору.

Логан готов был простить Мэрилин все, что угодно. Он с восхищением вспоминает ее абсолютное погружение в роль, ее способность плакать настоящими слезами, в то время как большинству актеров требуется глицерин. Он разделял ее решимость снимать рискованные эпизоды, невзирая на запреты цензоров, и восторженно радоваться косвенным намекам на сексуальность, что в пятидесятые годы далеко опережало время.

Пресса, которую Мэрилин так долго обхаживала на пользу себе, во время работы над «Автобусной остановкой» к актрисе не допускалась. Ее на лимузине подвозили к самым дверям трейлера, где была гримерная, и торопливо проводили внутрь по специально сделанному коридору. Фотографы, которым удавалось прорваться силой, ничего интересного не могли отснять. Газетчики стали применять партизанскую тактику. Они караулили Мэрилин, снимая соседние номера в гостинице, а затем выманивали ее со свитой на балкон, внезапно включая мощные прожектора.

Билл Вудфилд, в ту пору фотокорреспондент журнала «Дис Уик», тайком снимал Мэрилин во время натурных съемок родео в Аризоне. Вудфилд рассказывает: «Дела обстояли так плохо, что нам приходилось скрываться кто где может и делать снимки из-

под трибун на стадионе. Спрятавшись за сиденьем одного из дешевых мест для зрителей, я снял Мэрилин, когда ее вырвало чуть ли не на мою голову. Она играла сцену, а потом наклонялась и ее рвало или она делала рвотные движения, а я как раз находился внизу. Я напечатал эти фотографии и, бросив их перед носом Милтона Грина, сказал: «Вот что придется нам печатать, если вы не дадите нам несколько снимков». Тогда им пришлось сдаться и я сделал свои снимки».

Когда во время съемок «Автобусной остановки» журнал «Тайм» напечатал свою первую объемную статью о Мэрилин, его следопыты начали выискивать сведения о родителях Мэрилин, и им многое удалось раскопать. Для нее это было больное место, поскольку слишком много всего она насочиняла. В результате один из самых молодых репортеров «Тайм», Брэд Дэрреч, удостоился чести личного интервью. Проходило оно при довольно сложных обстоятельствах.

В 11 часов утра Дэрреч подобрал Мэрилин у «Фокса», повез ее в гостиницу «Шато Мармон». Актриса, считая себя лихим водителем, все же попросила журналиста вести машину медленнее. Ему показалось, что она боится не быстрой езды, а чего-то другого, и оставляла впечатление «испуганной вообще». Оказавшись в номере, Мэрилин тут же объявила, что устала, и спросила, не могли бы они провести интервью в спальне.

Закончилось все тем, как теперь шутит Дэрреч, что он «десять часов провел в постели с Мэрилин Монро». Она легла на кровать, а он устроился у ее ног. Когда спустилась ночная тьма, они все еще разговаривали.

«Это была Мэрилин, в меру хорошенькая, — вспоминает он. — И, конечно, все было при ней: и ее бесподобно выдававшиеся груди, и выдававшийся зад. Я никогда не видел корму, подобную ее; она была по-настоящему замечательна, очень тонко сработанная задница. Все же я ни на минуту не почувствовал сексуального соблазна. В ее коже не было ничего такого, что бы вызвало у меня желание прикоснуться к ней. Она выглядела напряженной и несколько нездоровой. Казалось, что какой-то внутренний нервный жар высушил ее кожу. Никакой эманации сексуального желания от нее не исходило. Я уверен, что этим она пользовалась только, оказавшись перед камерой».

Во время работы над «Автобусной остановкой» некоторое

время контакт Мэрилин с прессой поддерживала Пэт Ньюком, работавшая на Артура Джекобса, владельца одной из ведущих голливудских фирм по связи с общественностью. Ньюком, очень молодая женщина с восточного побережья, в этом деле была новичком. Ее отец — судья, мать — патронажный работник психиатрической службы, сама она специализировалась в психологии. Но всего этого было маловато, чтобы ладить с Мэрилин Монро.

«Случилось так, что мы не сошлись почти сразу, — вспоминает Ньюком. — Я долго не могла понять, почему это произошло, но, как потом выяснилось, все дело было в одном парне. Мэрилин считала, что он мне нравится, а на самом деле он даже не интересовал меня. Я не знала, как быть с этим. Тогда Артур Джекобс сказал мне, чтобы я немедленно убиралась оттуда».

Ньюком пришлось уехать. По иронии судьбы, спустя несколько лет она станет ведущим агентом Мэрилин по связи с прессой и доверенным лицом, одной из немногих, кто видел Мэрилин последней в день смерти. Даже тогда, перед самым концом, они будут ссориться.

Мэрилин поругалась с режиссером из-за Хоуп Ландж, игравшей в «Автобусной остановке» роль юной девушки. Волосы Ландж, по мнению Мэрилин, были слишком светлые; она боялась, что это будет отвлекать внимание зрителей от ее собственной персоны. Логану пришлось сдаться и заставить Ландж сделать волосы темнее. «В последние месяцы жизни во время съемок «Так больше нельзя» Мэрилин опять впала в панику, лишенную оснований, на этот раз из-за своего партнера Сида Чарисса. Впервые во время работы над «Автобусной остановкой» из Нью-Йорка был приглашен психиатр Мэрилин, чтобы наблюдать за ней на съемочной площадке.

Так из капризов и страданий получился отличный фильм с превосходной игрой Мэрилин Монро. Критик из «Нью-Йорк Таймс» Босли Кроутер без обиняков отметил, что Мэрилин «наконец доказала, что она актриса». Далее он продолжал: «К счастью для нее и для традиции прилежания, ведущей к успеху, ее игра в этой картине показывает, что она настоящая играющая звезда, а не просто секс-символ и шикарная штучка, какой слыла до сих пор».

Это был панегирик, о котором Мэрилин так давно и страстно мечтала. К ее величайшему сожалению и разочарованию многих, «Автобусная остановка» не была отмечена ни в одной из номинаций «Оскара». Трагедия Мэрилин состояла еще и в том, что, хоть мечта актрисы и сбылась, сама она как личность продолжала распадаться. В зените ее славы Джошуа Логан высказал опасение: «Она может стать величайшей звездой, каких у нас еще не было, если сможет управлять своими эмоциями и здоровьем».

Глубину проблем Мэрилин Логан распознал раньше других. «Меня начинают душить рыдания, когда я по-настоящему думаю о ней, — говорит он сейчас, — мне кажется, ей в жизни не выпало и двух дней счастья или удовлетворения, если не считать времени, когда она работала».

По мере того как приближался день тридцатилетия, Мэрилин как будто нашла счастье в любви.

Глава 21

Весной 1956 года в офисе ранчо для приезжих «Пирамид-Лейк», в пятидесяти милях к северо-востоку от Рено, штат Невада, на протяжении восьми недель ежедневно раздавался телефонный звонок. Женщина, называвшая себя миссис Лесли, просила пригласить к телефону мистера Лесли. Настоящий краснокожий индеец спешил к крошечной хижине передать сообщение мистеру Лесли, и тот с трубкой в руках торопливо шел к телефону.

«Миссис Лесли» была Мэрилин Монро, снимавшаяся в «Автобусной остановке», а «мистером Лесли» — Артур Миллер, нашедший убежище в пустыне и ожидавший развода. Свои кодовые имена они позаимствовали из романа Вины Деламар «О мистере Лесли», где повествуется о любви певицы из ночного клуба и женатого мужчины, которые шесть недель в году жили вместе как муж и жена. В реальной жизни Мэрилин и Миллеру скоро уже не нужно будет прибегать к такому обману.

Артур был осторожен, как и подобает мужчине, затеявшему развод. Разговаривая с репортером журнала «Тайм» в салоне припаркованного автомобиля, он старательно обходил стороной вопрос о женитьбе на Мэрилин. «Я долгое время не смогу позволить себе жениться, — говорил он, — где мне взять столько денег, чтобы содержать две семьи? Показ на Бродвее моей пьесы

«Вид с моста» только что прекратился. Я получил тридцать пять тысяч долларов, их нужно распределить на два года, пока я не напишу другую вещь. К тому же она также не готова к замужеству. Она фанатично работает над претворением в жизнь своих проектов».

Мэрилин же не смогла избежать соблазна и не поделиться новостью с близкими ей людьми. Так же, как и перед вступлением в брак с Ди Маджо, она не преминула познакомить с планами своих любимых репортеров. Мей Менн из нью-йоркской «Геральд Трибьюн» была удивлена, получив телеграмму от Мэрилин, которая просила в определенный час ждать от нее телефонного звонка. Свое слово актриса сдержала и, позвонив в назначенный час, по секрету призналась, что они с Миллером собираются пожениться и что это случится «в середине лета, — только пока это не для печати».

2 июня, когда «Автобусная остановка» была завершена, Мэрилин немедля вернулась в Нью-Йорк. Миллер тоже собирался последовать ее примеру, но тут возникли непредвиденные обстоятельства. Находясь в Неваде, он получил от Комитета конгресса по расследованию антиамериканской деятельности повестку с требованием явиться на слушание дела. Конгрессмены намеревались допросить ведущего драматурга страны по поводу его предполагаемого членства в коммунистической партии. Миллеру хорошо было известно, что могло его ожидать, — за минувшее десятилетие более десяти его коллег уже подверглись этой пытке, погубившей их.

Голливудская кинообщина, включавшая большое число идеалистически настроенных представителей левого крыла тридцатых и сороковых годов, также попала под прицел Комитета. Артур Миллер с ужасом наблюдал за тем, как кампания, развязанная против писателей и режиссеров, набирала обороты. Рушились карьеры, совершались самоубийства, некогда видные творческие работники становились отбросами общества. Сценарист Алвах Бесси, начало творческого пути которого обещало обильные плоды, закончил техником в ночном клубе. Автор детективных книг Дэшил Хеммет сел в тюрьму, но не выдал имена известных ему сторонников левого крыла.

До 1956 года Комитет никак не мог найти причины, чтобы пригласить для дознания Артура Миллера, хотя устные нападки на него велись постоянно и давно. Возмущение, вызванное его

ранней пьесой «Все мои сыновья», привело к тому, что в оккупированной Германии она была запрещена. Причиной послужило «уродливое» изображение порочных военных поставщиков и мягкотелых военных инспекторов. В 1949 году сторонники правого крыла пикетировали кинотеатр, где демонстрировался фильм по его пьесе «Смерть коммивояжера». В самый разгар этой кампании Миллер создал «Тяжкое испытание», мощное обличительное произведение, направленное против истерии «охоты на ведьм», начавшейся еще в семнадцатом веке. Едва ли кто мог не заметить, что смысл произведения перекликается с современностью, но и тогда Артура Миллера не тронули. Черный список, ходивший в Голливуде и не позволявший предполагаемым сторонникам левого крыла работать, на Бродвее так и не нашел поддержки. Теперь, в 1956 году, Комитет по расследованию антиамериканской деятельности нашел наконец предлог вызвать в суд Артура Миллера.

Вскоре стало ясно, что дело это касалось не только самого Миллера, но и Мэрилин Монро: пресса распространяла слухи о намерении Мэрилин выйти замуж за драматурга. И председатель Комитета конгрессмен Фрэнсис Уолтер увидел шанс попасть на страницы газет. До сих пор деятельность Комитета не освещалась в первых колонках. По секрету Миллеру предложили компромисс — попросить Мэрилин сфотографироваться рядом с конгрессменом Уолтером. Миллер отказался.

Перед Комитетом он предстал 21 июня 1956 года. Было это в просторном помещении для закрытых совещаний в старом административном здании палаты (Old House Office Building). Миллер был в синем костюме и очках в роговой оправе. Он признал, что примерно в 1939 году, на курсах по марксизму «заполнял какие-то анкеты». Он добавил, что о подаче заявления с просьбой принять в Коммунистическую партию «знать ничего не знал».

Настоящая схватка Миллера с Комитетом началась, когда он отказался назвать имена людей, с которыми встречался на коммунистических митингах. «Я не мог упоминать имя человека и доставить ему неприятности, — говорил он конгрессменам. — Насколько мне известно, те люди были писателями и поэтами, а жизнь литературного работника, какой бы она ни казалась со стороны, и так довольно тяжела. И мне не хотелось бы для кого бы то ни было создавать дополнительные трудности. Я прошу вас этот вопрос мне больше не задавать».

Отказ Миллера назвать фамилии стал поводом для его легального судебного преследования. Через месяц после его первого появления перед Комитетом палата представителей, рассматривая его дело о неуважении к конгрессу, большинством голосов признала драматурга виновным по статье, которая грозила ему тюремным заключением на год. Его признали виновным, но он подал апелляцию и через два года был оправдан. Мэрилин Монро в этой тяжбе приняла его сторону и неизменно поддерживала Артура.

Когда ее попросили прокомментировать свидетельские показания, даваемые Миллером конгрессу, она прикинулась заурядной обывательницей. «Я не слишком сильна в политике, — сказала она. — Мне нужно было бы поговорить с ним, и я думаю, что он очень устал». Два года спустя, когда дело наконец решилось в пользу драматурга, она заметила, что никогда не сомневалась в его исходе, «потому что я уже много лет изучаю Томаса Джефферсона, а по Томасу Джефферсону выходило, что его дело должно было обернуться именно таким образом...».

Разыгрывая из себя наивную простушку ради Миллера, Мэрилин на самом деле училась применять природную смекалку в делах политического порядка. Встречаясь с журналистами во время выпавшей Миллеру тяжбы с Комитетом, она была образцом достоинства и молчаливой поддержки. Сама аура Мэрилин защищала Миллера от враждебного настроя общественности, чего не было ни у одной из жертв Комитета. Благодаря прессе и усилиям Мэрилин Миллер предстал миру не в образе писателя левого толка, подвергнувшегося нападкам, а в образе измученного возлюбленного секс-символа страны. Позднее Мэрилин помогла Артуру и материально. По совету своего финансового помощника, Генри Розенфельда, она оплатила за Миллера львиную долю устрашающих по своим размерам государственных пошлин.

Мэрилин снова доказала, — если это еще нуждалось в подтверждении — что умеет быть смелой. В 1960 году она сказала английскому корреспонденту У. Уиттерби: «Некоторые из тех ублюдков в Голливуде хотели, чтобы я бросила Артура, они говорили, что он погубит мою карьеру. Они родились трусами и хотели бы, чтобы и другие были подобны им. Одна из причин того, почему я хочу победы Кеннеди, состоит в том, что Никсон причастен к происшедшему».

За год до ее смерти о комитетских слушаниях говорил с Мэрилин студент Дэнни Гринсон, сын ее психиатра. «Мэрилин рассказывала, — вспоминает Гринсон, — что якобы сказала Миллеру: «Ты не можешь позволить этим ублюдкам пинать себя. Ты должен дать им отпор». Конечно, в политике она была совершенно неискушенным человеком, но инстинктивно всегда становилась на сторону жертвы несправедливости, — как мне кажется — на сторону того, кто прав. В Мэрилин было много такого, чего с первого взгляда и не увидишь».

* * *

Если не считать Миллера, среди знакомых Мэрилин было много людей, которые, по терминологии пятидесятых годов, относились к левым крайним. В Комитете по расследованию антиамериканской деятельности имелись сведения и на Ли и Паулу Страсбергов, что давало повод причислить супругов к так называемому «коммунистическому фронту». Паула, бывший член Коммунистической партии, была теперь репетиторшей Мэрилин. Для ФБР эти обстоятельства не остались незамеченными.

Повторные мои обращения в ФБР с просьбой выдать для ознакомления документы, касающиеся Мэрилин, благодаря закону о свободе информации, все же увенчались успехом. Первые записи, датированные 19 августа 1955, относились к начальному периоду пребывания Мэрилин в Нью-Йорке. С момента новых знакомств прошло всего несколько месяцев. Прежде чем выдать мне материалы, цензор, руководствуясь пунктом Б-1 об изъятии, вымарал из них почти все сведения. Категория Б-1 включает материалы, относящиеся к национальной безопасности, но часто применяется для изъятия сведений, имеющих отношение к иностранным делам, Судя по резолюции, наложенной на этот рапорт, документ также направлялся помощнику директора отдела планирования (Deputy Director of Plans) в Центральном разведывательном управлении.

Другие документы по Монро того периода выдаче не подлежат, так как причисляются к высшей категории секретности, поскольку имеют отношение к государственной безопасности. Читатели, которых раздражают порядки ФБР, возможно почувствуют некоторое облегчение, узнав кое-какие подробности о его директоре. Дж. Эдгар Гувер, у которого в сороковые годы был только один близкий друг, его коллега по службе, с

гордостью показывал в своем доме оригинальное издание «обнаженного» календаря Мэрилин.

21 июня 1956 года, в самый разгар дачи свидетельских показаний конгрессу, безопасность Артура Миллера по его вине оказалась под угрозой. На вопрос, почему он недавно хотел получить разрешение посетить Англию, тот ответил: «У меня две цели. В Англии готовится к постановке моя вещь, «Вид с моста». Идут переговоры. Туда я намерен отправиться с женщиной, которая в скором времени станет моей женой. Вот — моя цель». Потом, разговаривая с репортерами в Вашингтоне, Миллер уверял, что неблагоприятную рекламу ожидать не приходится. Он прямо сказал, что собирается жениться на Мэрилин Монро «очень скоро».

В тот же день за обедом в Нью-Йорке Мэрилин позвонила Норману Ростену. Она была на грани истерики. «Ты слышал? — спросила она. — Он всему миру заявил, что собирается жениться на Мэрилин Монро. На мне! Ты можешь поверить в это? Ты же знаешь, что по-настоящему он никогда не просил меня об этом. Ты должен приехать ко мне немедленно. Я нуждаюсь в моральной поддержке. Вернее в помощи. Я здесь в осаде, сижу, запершись в номере. Газетчики пытаются прорваться, они повсюду — в фойе, в коридорах».

Пока репортеры толпились снаружи, Мэрилин у себя в номере болтала с рабочим, налаживавшим у нее кондиционер. Выходя, он с триумфом сообщил: «Она сказала мне: "Точно, я собираюсь выйти замуж"». Журналисты бросились к телефонным аппаратам, так началась свадебная карусель.

Вскоре жилой дом в фешенебельном районе Нью-Йорка Саттон-Плейс со всех сторон окружало примерно три сотни зевак. Мэрилин и Миллер, забравшись в старенький автомобиль фургонного типа, умчались из города в Роксбери штата Коннектикут и укрылись в уединенном сельском доме. Газетчики поспешили за ними и совершенно вывели Миллера из себя, разбив лагерь чуть ли не на крыльце. Но все же он убедил их разъехаться, пообещав в конце недели устроить пресс-конференцию.

В те несколько дней относительного покоя пара занялась обсуждением свадебных планов, одновременно ожидая разрешения на поездку в Англию. Вместе с ними в доме жили семидесятидвухлетний отец Миллера, Айзадор, и его мать, Августа. Мэрилин со слезами на глазах говорила им: «Впервые в жизни у меня появились люди, которых я могла бы назвать отцом и матерью». Миллеры были иудеями, хотя и не воинствующими. Но Мэрилин пожелала вступить в иудейскую веру и справить свадьбу по иудейскому обычаю.

В течение всего этого года невесту Миллера окружали друзья-евреи — Ростены и Страсберги. По этой причине она уже была знакома с их традициями. Во время работы над «Автобусной остановкой» она вместе с Милтоном Грином даже отмечала еврейскую пасху и с Эли Уолэчем ела бейгели1 и фаршированную рыбу. Друзья объяснили ей значение мезузахов, цилиндрических сосудов с Десятью Заповедями, которые висят на парадных дверях еврейских домов.

Дело дошло до того, что Мэрилин стала более пылкой блюстительницей еврейских обычаев, чем сам Миллер. В доме в Роксбери она перенимала у его матери еврейские рецепты. В ту неделю по настоянию Мэрилин позвонили раввину, принадлежавшему к Реформированной ветви иудаизма. Он согласился проинструктировать Мэрилин и провести церемонию бракосочетания согласно еврейской традиции.

Артур Миллер был счастлив. Мэрилин тоже вела себя так, как

если бы была счастлива, но в ней чувствовалась какая-то исступленность. Прессе удалось узнать, что она исполняла «наказ доктора отдохнуть». Отец Миллера, ставший одним из преданнейших друзей Мэрилин, сокрушался: «Тщательно ли они продумали этот шаг?»

Репортеры следовали за ними по пятам. Они выяснили, что пара сделала анализ крови, как того требовал местный закон о браке. Пробирки с кровью отвез в лабораторию на своей машине кузен Миллера, Мортон. Ходили слухи, что пара уже выправила брачную лицензию. Журналисты проверили пять десятков регистрационных отделов, но это ни к чему не привело.

На другой день, 29 июня, должна была состояться обещанная Миллером пресс-конференция. Газетчики снова понаехали, число их выросло до четырех сотен. Вся эта шумная орда толклась в районе пересечения двух дорог — Олд-Тофетс и Голдмайн. Но вскоре того места им стало мало и они разбрелись по всей территории частных владений Миллеров, разместившись на Траве и на деревьях.

Около часа дня откуда-то донесся звук удара и скрежет металла. Через несколько минут в толпу вкатил автомобиль и изрыгнул из своего чрева Мэрилин и Миллера, которые, ничего не говоря, бросились к дому.

А несколько минут спустя, кузен Миллера, едва сдерживая слезы, рассказал, что случилась трагедия. Он вез Мэрилин и Миллера домой, несясь на полной скорости по сельской дороге, чтобы уйти от мчавшейся за ними машины репортеров. Водитель этой машины, не знавший местной дороги, потерял управление и врезался в дерево. Его пассажирка, Мара Щербатова, аристократка из русских белоэмигрантов, представитель «Пари-Матч» в Нью-Йорке, вылетела, пробив ветровое стекло. У нее из поврежденной артерии на шее фонтаном била кровь. Она умрет через некоторое время на операционном столе.

Тем временем в доме Роксбери Мэрилин пребывала в состоянии между истерией из-за случившейся трагедии и гневом на своего пресс-агента, потому что на улице были установлены телевизионные камеры. Телевидение Мэрилин ненавидела. Но все же вместе с Миллером и его родителями она появилась на этой странной пресс-конференции.

Милтон Грин обегал всех присутствующих, отдавая распоряжения и пытаясь призвать аудитории к спокойствию. В Мэрилин проснулась актриса, и она являла собой воплощение безмятежности. Миллер с неприкуренной сигаретой, свешивавшейся с одного уголка рта, едва сдерживался, чтобы не нагрубить репортерам. Он по-прежнему отказывался говорить, где или когда они собираются пожениться.

Во второй половине того же дня Мэрилин пригласила в спальню Милтона Грина и спросила его совета по делу, которое он считал давно решенным. «Артур хочет, чтобы я вышла за него замуж, — сказала она, — сегодня вечером. Скажи, не совершаю ли я ошибки, как ты думаешь?» Потрясенный Грин отошел было к окну, но потом снова вернулся. Запинаясь, он пробормотал: «Мэрилин, ты должна поступить так, как будет, на твой взгляд, лучше».

В тот вечер, после судорожно сделанных звонков юристам и местным властям, Миллер и Мэрилин пересекли на машине границу штата, направляясь к Белым Равнинам, штата Нью-Йорк. Второе за неполных три года бракосочетание Мэрилин Монро помешало мировому судье устроить званый обед.

Судья Сеймур Рабинович, отложив празднование собственного юбилея, поспешил в здание суда. Мэрилин в свитере и юбке в очередной раз заполнила брачную лицензию. Она сказала, что ее отцом был Эдвард Мортенсон, о браке с Робертом Слэтцером она не упомянула. Что касается возраста, то на этот раз она сказала правду. В начале месяца Мэрилин исполнилось тридцать лет. А Миллеру уже минуло сорок два. Он был одет в синий полотняный костюм, без галстука. Он вытащил позаимствованное для церемонии кольцо.

Бракосочетание состоялось в 7 часов 21 минуту. Стоял влажный жаркий летний вечер. О случившемся событии пресса ничего не знала.

Два дня спустя, снова тайно, для Мэрилин сыграли еврейскую свадьбу, как она этого хотела. Краткий курс по основам иудаизма прочел ей раввин Роберт Голдбург. Мэрилин утешила его, сказав, что дети, родившиеся от этого брака, будут воспитываться в духе иудаизма.

Вторая церемония проходила перед мраморным камином в

доме литературного агента Миллера, в Ваккабуке, штат Нью-Йорк. На этот раз Мэрилин в свадебном наряде, с фатой была похожа на невесту. Миллер завязал галстук и воткнул в петлицу цветок. Новобрачные выпили вина и обменялись кольцами, потом жених разбил бокал в память о разрушении Иерусалима древними римлянами.

Недели Напряжения закончились сценой из сельской жизни. Двадцать пять приглашенных на свадьбу гостей вышли на открытый воздух, чтобы насладиться обедом, включавшим блюда из омаров, индейки и шампанское. Мэрилин и ее муж разрезали свадебный торт. Его накануне испек один нью-йоркский кондитер после того, как восемь других отказались исполнить заказ, сделанный за двадцать четыре часа. Невеста и жених целовались и обнимались без всякого стеснения. За последние месяцы Миллер преобразился и теперь демонстрировал полную физическую раскрепощенность.

«Это было похоже на сказку, ставшую явью, — вспоминал потом Норман Ростен. — Появился принц — принцесса была им спасена».

К этому дню Миллер купил золотое обручальное кольцо. На нем была выгравирована надпись: «М. от А., июня 1956. Сейчас и всегда». Мэрилин, в свою очередь, на обороте свадебной фотографии написала три слова: «Надежда, Надежда, Надежда».

Примечания

1. Черствый хлеб в форме кольца.

Глава 22

Через две недели после свадьбы мистер и миссис Миллер под музыку Гершвина «Ты соблазнительна» (Embraceable You) щека к щеке танцевали в фешенебельном английском загородном доме. Миллер наконец получил разрешение на поездку в Англию, и они прибыли в Британию, чтобы вместе с сэром Лоренсом Оливье начать работу над «Принцем и хористкой».

Хозяином дома был Теренс Рэттиган, автор шедшей на подмостках театров пьесы, он пригласил блистательное собрание отметить медовый месяц новобрачных. Вместе с ними танцевали сэр Джон Гилгуд, Дуглас Фербенкс-младший, госпожа Сибил Торндайк и сэр Льюис Кэссон, госпожа Пэгги Эшкрофт, госпожа

Эдит Эванс и Марго Фонтейн, титулованные герцоги и герцогини, рыцари и американский посол.

Приезд Мэрилин Монро в Британию вызвал ликование во всех кругах общества. Газеты по всей стране состязались друг с другом в дурацких заголовках и охотно печатали о Мэрилин несусветную чушь. Рассказы о ее прибытии были помещены на первых страницах, потеснив исполненную тревог речь премьер-министра Энтони Идена о том, что Англия стоит на грани экономической катастрофы. Одна газета, подарившая Мэрилин велосипед для катания по английским сельским дорогам, потом посетовала, что на нем катаются слуги актрисы. Пожилые леди вышивали портрет Мэрилин серебряными и золотыми нитями. Актрису приглашали на крикетные матчи, тетеревиную охоту в Шотландию, а также отведать рыбы с хрустящим жареным картофелем в компании стиляг. Под окнами Мэрилин группа студентов распевала непристойные песни и — 23-й псалом.

Никто из добивавшихся ее внимания, даже наиболее отчаянных, в этом не преуспел. Мэрилин, которая обхаживала когда-то прессу и потакала всем ее прихотям, больше не существовало. Вместо нее появилась замкнутая женщина и стеснительный муж, прятавшиеся за воротами Парксайд-Хауса, загородного особняка, снятого у лорда Мура.

Обслуживающий персонал был предупрежден, что «мисс Монро привыкла спать в абсолютной темноте». С этой целью на окнах были установлены специальные жалюзи. Спальня была выдержана в белых тонах — белая кровать, белые занавеси, белая мебель, белый ковер, — все, как в апартаментах Мэрилин в Манхэттене. (Дворецкий и повар, которые осмелились сообщить прессе такие подробности, вскоре были уволены.) Мэрилин повсюду сопровождал неуклюжий суперинтендант полиции, бывший работник Скотленд-Ярда. Она, похоже, утратила присущее ей чувство юмора. Теперь актриса стала звездой, в самом худшем смысле слова.

За несколько месяцев до этого, услышав о планах Лоренса Оливье, Ноэль Кауард записал в своем дневнике: «Ларри на основе «Спящего принца» собирается сделать картину с участием Мэрилин Монро, что по вполне понятным причинам может далеко завести его».

Мэрилин раньше уже раза два встречала Оливье, когда она

была еще никем, а он уже был сэром Лоренсом, ведущим актером англоязычного мира. Теперь ему предстояло быть режиссером и ведущим актером, а ей — ведущей актрисой в мыльной опере об американской хористке, которая влюбляется в холодновато-романтического принца.

Оливье уже слышал рассказы о трудностях работы с Мэрилин Монро, но полагал, что справится.

Он беседовал с тремя из ее предыдущих режиссеров, Джоном Хьюстоном, Билли Уайлдером и Джошуа Логаном. Логан, которому «Автобусная остановка» принесла триумф, хотя и совершенно его вымотала, в письмах постоянно предупреждал Оливье: «Пожалуйста, не говори ей, что нужно делать. Она, наверно, куда больше разбирается в актерской игре в кино, чем кто бы то ни было. Не приказывай ей, потому что это отпугивает ее и тогда ты ничего из нее не выжмешь». Но в целом Логан был настроен весьма оптимистично: «После черного и белого, это самое лучшее сочетание».

Узнав, что Мэрилин привезла с собой репетиторшу, Паулу Страсберг, Оливье страшно рассердился. Потом, вспомнив, что во время их встречи в Нью-Йорке Мэрилин показалась ему «шизоидной», он смягчился, понадеявшись, что Страсберг «сумеет из двух половин выставить лучшую». Когда на репетициях Мэрилин повергла его в уныние, он решил вместо нее заняться воспитанием Страсберг. Вскоре он пришел к выводу, что «Паула ничего не знала; она не была ни актрисой, ни режиссером, ни учителем, ни консультантом, никем. Всем она была, видимо, лишь в глазах Мэрилин, потому что обладала одним талантом: умела умасливать ее».

Эта мысль осенит Оливье в один прекрасный день, когда он в лимузине будет прислушиваться к беседе Мэрилин и Страсберг, сидевших сзади. «Моя дорогая, — говорила Паула Страсберг, — ты до сих пор никак не можешь понять важности твоего положения для мира. Ты величайшая женщина своего времени, величайшая личность эпохи, да и всех времен. Ты не назовешь ни одного человека, — я имею в виду, и самого Христа, — который по популярности превосходил бы тебя».

Оливье готов поклясться, что в его воспоминаниях нет ни капли преувеличения. Эта лесть продолжалась битый час, и Мэрилин заглатывала наживку. Когда начались съемки, Оливье

пришлось отослать Страсберг в Нью-Йорк, а Мэрилин приложила все старания, чтобы убедиться, что та намерена вернуться. За четыре месяца Оливье узнал, что такое настоящий ад.

Он пытался помочь Мэрилин превозмочь страх перед камерами, когда у нее буквально отнимался язык. Он предложил ей спокойно посидеть и посчитать, а потом произнести слова текста. Когда это не возымело действия, он взорвался: «Ты что, и считать не умеешь?» Логан предупреждал его, что нельзя вести себя с ней властно, тем более приходить в ярость. Потерять контроль над собой означало потерять Монро, и Оливье быстро утратил с ней контакт. Он испытывал отчаяние даже тогда, когда Мэрилин чувствовала себя спокойно.

Оливье было совершенно невыносимо наблюдать за тем, как Мэрилин ловила настроение, навеваемое ей Паулой Страсберг, которая шептала: «Дорогая, просто подумай о кока-коле, или о Фрэнке Синатре!». В результате он пришел к выводу, что в «шоу-бизнесе она была славной любительницей, неквалифицированной и, вероятно, не поддающейся обучению актрисой интуиции».

«Я видел, что, по мере того как Ларри и Мэрилин уставали и отношения их становились напряженнее, противоречия между ними нарастали, — вспоминал оператор Джек Кардифф. — Она начала спрашивать себя, неужели он был тем гением, каким она его считала». Через год после этого сама Мэрилин скажет: «Сэр Оливье (так в оригинале) старался быть дружелюбным, но получалось так, будто он оказывает милость... Я начала плохо себя вести по отношению к нему, опаздывала, он это ненавидел. Но, когда не уважаешь своих артистов, они не могут хорошо работать. Уважение — вот за что нужно бороться».

На самом же деле человеком, который в большом и малом не оказывал уважения Оливье и другим людям, была сама Мэрилин. Она даже не поблагодарила Оливье и его жену за доброе к ней отношение, за розы, присланные ей в день приезда, за великолепные часы с гравировкой, подаренные после завершения съемок.

Однажды Мэрилин умудрилась превзойти рекорды своей непунктуальности, опоздав на девять с лишним часов и заставив госпожу Сибил Торндайк ждать себя все утро. А ведь актриса уже была в годах, к тому же ей предстояло играть еще в вечернем спектакле. Приятельница Мэрилин, журналистка Луэлла Парсонс,

приехавшая из Соединенных Штатов, чтобы навестить ее, решила, что та, по-видимому, проходила тестирование, хотя на самом деле была партнершей с именем. Мэрилин вела себя, как ребенок, которого все время нужно подгонять.

Самому Артуру Миллеру также пришлось немало пережить из-за детских капризов Мэрилин. Через две недели после начала съемки фильма он под именем «мистера Стивенсона», чтобы избавиться от назойливых репортеров, улетел в Соединенные Штаты. В Америке заболела его дочь от первого брака, и Миллер намеревался навестить ее. Однако Мэрилин восприняла его отъезд как дезертирство. Она целую неделю просидела дома, «утверждая, что у нее сильнейший приступ колита». Работа над фильмом стояла на месте. И Миллер вынужден был раньше времени покинуть Америку и вернуться в Англию.

Второй компаньон «Мэрилин Монро Продакшнз», фотограф Милтон Грин, купив английский автомобиль «Ягуар», метался между домом Монро и студией, студией и Лондоном, пытаясь залатать дыры в отношениях Мэрилин и Оливье, а также между ними и британской прессой.

Картина была завершена во многом благодаря стараниям Милтона Грина. Все же фильм «Принц и хористка» стал началом конца его дружбы с Мэрилин. В Америку из Англии просочился слух, что Артур Миллер во что бы то ни стало хочет избавиться от Милтона. Но Миллер это отверг: «У меня всего лишь простой интерес мужа к деловым отношениям жены. Разговоры о конфликте между мной и Милтоном Грином — это сплетни досужих журналистов».

Грин подтвердил: «У Миллера и меня не было никаких проблем. Продать свои акции «Мэрилин Монро Продакшнз»? Да никогда».

Но это была дымовая завеса. Миллер ссылался на срочную работу над очередной пьесой, на самом деле его неумолимо затягивал водоворот профессиональной жизни жены. Недобрым предзнаменованием для Грина стала увиденная им сцена, когда Миллер отбирал фотографии Мэрилин и оформлял альбом для вырезок. Вскоре Миллер обрушил на Грина всю свою ярость, обозлившись на его откровения перед прессой. Грин рассказывал мне: «Миллер орал на меня. Он хотел, чтобы Мэрилин принадлежала исключительно ему одному, хотел, чтобы она

делала кино и спектакли только для него».

Через год Грин лишился своего поста вице-президента «Мэрилин Монро Продакшнз», получив компенсацию в 100000 долларов. В новое правление директоров вошли зять Миллера и один из его друзей. Это была ничтожная подачка Грину, который вспоминал, что два фильма, в создании которых он принимал участие — «Автобусная остановка» и «Принц и хористка», — были единственными значительными картинами Монро, полностью уложившимися в смету.

Как бы там ни было, а фильм «Принц и хористка» вышел на экраны. Большинство критиков отнеслись к нему благосклоннее, нежели Ноэль Кауард, хотя даже он заметил в своем дневнике: «Ларри великолепен. Мэрилин Монро выглядит прелестно, порой она просто очаровательна, но слишком много внимания уделяется бюсту и заднице. На мой взгляд, картина прелестна». Случилось чудо, которое предвещали Оливье другие режиссеры. В законченной работе Мэрилин смотрелась потрясающе эффектно. Позже в своих воспоминаниях Оливье с горькой усмешкой отметит: «люди считали, что я был выше похвал, и Мэрилин тоже! Мэрилин была просто чудо, лучше всех. И что же? Что вы можете знать?»

Прежде чем покинуть Англию, Мэрилин сумела обменяться любезностями с королевой Елизаветой на киносеансе для королевской фамилии. У нее достало смелости, чтобы по настоянию Оливье извиниться перед всей съемочной группой «Принца и хористки». Она сказала: «Надеюсь, что вы все простите меня, потому что в общем это была не совсем моя вина. Просто я хворала».

В скором времени восковая фигура увековеченной Мэрилин была выставлена в музее Мадам Тюссо в Лондоне. Ее двойник стоял в роскошном наряде, с бокалом шампанского в руке. Что же до Мэрилин и ее мужа, то после пяти месяцев супружества для особой радости причины у них уже не было.

* * *

За год до брака с Миллером у Мэрилин спросили, как она понимает любовь. Она ответила, что любовь — это доверие. Чтобы любить мужчину, она должна полностью доверять ему. Доверие во время медового месяца с Миллером дало трещину.

Первый удар пришелся на начальный этап работы над «Принцем и хористкой».

К этому инциденту Мэрилин будет возвращаться на протяжении еще многих лет, хотя и не всегда одинаково воспроизводя детали. Суть дела состоит в следующем. Как-то, вернувшись домой, она случайно наткнулась на оставленные на столе записи Миллера. Там были и некоторые высказывания о ней, которые показались ей ужасно обидными. Ли и Паула Страсберг, которые в то время находились в Англии, стали первыми, кому она сказала о записях.

«В них шла речь о том, насколько глубоко он разочаровался во мне, — говорила она Страсбергам, — что он когда-то считал, что я была ангелом, а теперь полагал, что ошибался. Что первая жена подвела его, но я сделала нечто еще более отвратительное. Оливье считал, что я была порядочной стервой, и теперь он уже не знал, как дать достойный ответ на это».

Бобу Джозефи, приятелю Миллера из Коннектикута, Мэрилин сказала, что суть записей Артура сводилась к следующему: «Мой Бог, я женился на той же самой женщине». Смысл состоит в том, что в Мэрилин он увидел черты, напоминавшие ему качества его первой жены, Мэри Слэттери. Это открытие повергло Мэрилин в уныние, потому что, со слов Джозефи, она сказала, что Миллер «ненавидел» свою первую жену. Годы спустя Мэрилин уже как будто утверждала, что в своих записях Миллер называл ее «шлюхой».

В том, что записи эти действительно существуют, сомневаться не приходится. Долгое время они находились в руках Паулы Страсберг. Сам Миллер по поводу записей ничего не говорил. Не прошло и двух лет после смерти Мэрилин, как появилась его более чем противоречивая пьеса «После грехопадения» (After The Fall), в которой явно описывается совместная жизнь драматурга с Мэрилин. Разумеется, не стоит делать поспешных заключений, опираясь на произведение художественной литературы, тем не менее следует заметить, что Миллер включил в пьесу эпизод, когда героиня обнаруживает злополучные записи.

В пьесе «После грехопадения» прототип Мэрилин, «Мэгги», гневно просит мужа не путать ее с бывшей его женой. Супруг отвечает: «Это точно. То, что двух столь различных женщин я

смог упрекнуть в одном и том же грехе, означает, что круг замкнулся. И я увидел самое худшее, что мог себе представить, — что я не способен любить. И я написал об этом, это было как послание из ада».

Во время работы над «Принцем и хористкой» Миллер, вероятно, осознал, что не может рассчитывать на верность Мэрилин. В обществе уже давно поговаривали о ее истинных отношениях с компаньоном Милтоном Грином. Восторженный звон литавр по поводу ее брака с Миллером заглушил слухи, но кто мог поручиться, что это дым без огня.

В 1980 году в своей книге артист эстрады Сэмми Дэвис вот что скажет о Мэрилин: «Снимаясь в «Принце и хористке» с Лоренсом Оливье, она переживала наиболее трудные дни в своей жизни. У нее был роман с одним близким моим другом. Он был фотографом... Встречались они тайно, часто у меня дома. За ней постоянно следили, и нам приходилось прибегать к различным уловкам, чтобы эта связь оставалась в секрете. Я говорил, что устраиваю вечеринку, чтобы Мэрилин имела возможность приехать, уезжали они с моим другом всегда в разное время».

Как нам известно, Милтон Грин был фотографом. Он включал Сэмми Дэвиса в число своих приятелей. Именно Грин познакомил Дэвиса с Мэрилин. В 1984 году на вопрос о рассказе Дэвиса Милтон расхохотался: «Неужели он на самом деле такое говорит? Я думаю, будет точнее сказать, что мы были близкими друзьями и товарищами, и мы любили друг друга. Какое-то время».

В пьесе «После грехопадения» сцена, где заходит речь о записях мужа, происходит в тот момент, когда он пытается помешать жене выпить смертельную дозу алкоголя и снотворных пилюль. Это, несомненно, отражает реальную ситуацию, возникшую во время работы над «Принцем и хористкой».

По приезде Мэрилин, пресса, не зная всей правды, задавала наивные вопросы о ее привычке много спать. Мэрилин ответила: «Я вот что скажу, сейчас я в Англии, и мне нравится спать в «Лаванде» производства Ярдли».1

Правда была менее романтичной. Мэрилин очень страдала от бессонницы и от средств, к которым прибегала, чтобы вызвать сон. Фред Гайлз, разговаривавший с Миллером, писал: «Раньше она хоть иногда избавлялась от мучившей ее бессонницы,

принимая пилюли. Теперь даже они не помогали. По мере того как ночь проходила, а сон не наступал, она начинала впадать в истерику. Муж не мог допустить, чтобы лошадиные дозы барбитуратов делали ее сонливой и вялой. Так начались ночные бдения».

Милтон Грин, которому по утрам приходилось иметь дело с разбитой Мэрилин, добавляет пугающую деталь: «В 9 часов утра, прежде чем отправиться на съемочную площадку, она требовала к чаю подать ей джин. Я сокращал дозу снова и снова, чтобы уменьшить его действие, и она начинала злиться. Я должен был давать ей стимуляторы, без которых она обойтись не могла. Но в Лондоне они были иного цвета, и она думала, что я мошенничаю, подсовывая ей другие таблетки».

На съемочной площадке Паула Страсберг была хранительницей пилюль, снабжая ими Мэрилин во время перерывов в работе. Грин говорил прямо: «Она сходила с ума». Как и во время съемок «Автобусной остановки», из Нью-Йорка прилетел ее новый психиатр, чтобы привести актрису в относительно спокойное состояние.

В Англии Мэрилин снова встретилась с поэтессой Эдит Ситуэлл, с которой она впервые увиделась в Голливуде. Рассказать журналистам о предмете их беседы Ситуэлл отказалась. Но после смерти Мэрилин она сказала: «Если бы меня попросили составить список людей, которые, на мой взгляд, могли бы совершить самоубийство, то ее имя я внесла бы в него».

У Артура Миллера и сэра Лоренса Оливье оказалось много общего в их мучительных проблемах со своими женами. Жена Оливье, Вивьен Ли, долгое время была подвержена нервным срывам и бесконтрольным вспышкам ярости. Во время съемок фильма «Принц и хористка» у Вивьен Ли случился выкидыш. Когда у Мэрилин начались приступы тошноты и рвоты, то помощь ей оказывал гинеколог королевы, и поползли слухи, что она тоже беременна. Однако доподлинно не известно, потеряла ли тогда и она ребенка.

В сложившихся обстоятельствах Оливье и Миллер прониклись друг к другу симпатией. Британский критик Кеннет Тайнен каким-то образом узнал о том, что происходило между двумя известными мужьями.

«Ларри в Миллере узнал самого себя, вспоминал Тайнен. — Он видел, какие муки испытывал Миллер, будучи мужем Монро, которая была весьма близка к состоянию сумасшедшей женщины со всей ее психоневротической нетерпимостью, — в то время как характер самого Миллера отличался уравновешенностью и спокойствием, совсем как у Ларри. Он и Миллер часто говорили о горьком жребии быть мужьями великих звезд, у которых тот или иной сдвиг.

Миллер занял оборонительную позицию. Он постоянно пытался найти оправдание своей покорности. Но Ларри вскоре понял, что это были пустые слова. Он видел, что отношения с Мэрилин полностью поглощали его. Миллер испытывал смятение, был парализован и не мог работать, не мог делать ничего из того, что ему нужно было делать, не мог сконцентрироваться».

Драматург говорил, что собирается плодотворно использовать пребывание в Англии и закончить очередную пьесу. Прислуга в Парксайд-Хаус слышала стук печатной машинки, но ни одно мало-мальски стоящее произведение тогда не вышло из-под пера Миллера. Только четыре года спустя появился его киносценарий «Неприкаянные».

В середине ноября 1956 года подавленная Мэрилин в черном платье под норковым пальто вместе с мужем вылетела в Соединенные Штаты. В течение почти двух лет она не снимется ни в одном фильме. В этом оазисе ничегонеделания их пошатнувшееся супружество получит шанс окрепнуть.

Примечания

1. Фирма, выпускающая парфюмерные товары.

Глава 23

Союз Мэрилин с Артуром Миллером продлился четыре с половиной года. Бок о бок так долго она не жила ни с кем из других мужчин. Впоследствии Мэрилин горестно заметит: «Я не привыкла ощущать себя счастливой, поэтому никогда не относилась к счастью как к само собой разумеющемуся. Знаете, я думала, что брак способен сделать это». Если Мэрилин когда-то и надеялась на счастье, то именно в эти годы. И она приложила все усилия, чтобы получить его. Что касается Миллера, то он, как никто другой, готов был отдать ей свою жизнь и любовь.

После неудачного медового месяца в Англии супруги отправились в свое настоящее свадебное путешествие, на Ямайку. Неделю или что-то около этого они, наконец-то оставленные прессой в покое, наслаждались отдыхом в «Мут-Пойнт», роскошной вилле британского аристократа. Потом, вернувшись в Нью-Йорк, семья обосновалась в новых апартаментах на Восточной 57-й улице.

Это их жилье получит название «Апартаментов Мэрилин», в то время как дом в Коннектикуте — «Ферма Артура». Как это ни покажется странным, но номер их телефона был в телефонном справочнике, и его могли найти те, кто знал, где следует искать. Он значился под именем «Мэрилин, Монро», а не «Монро, Мэрилин». Здесь, как она привыкла, цветовая гамма оставалась все той же. Все было белым — белые стены, белые гардины, бледная мебель и белое пианино.

Фортепиано, которое последовало за Мэрилин из Калифорнии, было единственным предметом обстановки, доставшимся ей со времен детства. Когда-то оно принадлежало актеру Фредерику Марчу, у которого и приобрела «несколько исковерканный» инструмент мать Мэрилин, когда дочери было восемь лет. Она умела извлекать из него несколько мелодий легкой классической музыки («Дикой розе» (To a Wild Rose), «Крутящееся колесо» (The Spinning Wheel) и «Элизе»).

Квартира была забита книгами, пластинками. Со стены смотрел уже известный нам третий жилец — Авраам Линкольн. В библиотеке на шахматном столике стояли застывшие на середине партии фигуры из слоновой кости. За установленной для Мэрилин «Аляской», то есть местом ее обитания, начиналась строго отмеченная зона ее мужа — его рабочий кабинет.

Интервью в ту пору она давала исключительно редко, но в двух из них она четко обозначала свои приоритеты. Если случится так, сказала она, что ей придется выбирать, она без колебаний оставит кино, чтобы сохранить семью. «Кино — это мой бизнес, — сказала она, — а Артур — моя жизнь. Где находится он, там и я хочу быть. Когда мы в Нью-Йорке, Артур — хозяин». Позже Мэрилин заметила, что в начале их супружеской жизни у нее с Миллером были «отношения учителя и ученицы».

Мэрилин делала и другие заявления о своих намерениях. Как и во время замужества с Ди Маджо, она говорила: «Я должна

находиться рядом, чтобы готовить мужу завтрак и в течение дня иногда подавать ему чашечку бодрящего кофе. Писать ведь приходится в одиночестве». Правда, теперь она действительно кое-что из названного делала. «Брак, — откровенничала актриса с одним репортером, — позволяет мне чувствовать себя в большей степени женщиной, дает право гордиться собой. Еще я чувствую себя более спокойной. Впервые в жизни у меня возникло ощущение защищенности, словно после холода очутилась в тепле».

Миллер, которого она называла «Арт», «Поппи» (мак) и «Па», звал ее «Пенни Дредфул» (сенсационный роман-дешевка), «Шугар Финни» (Сахарная Финни) и «Гремерси 5» (Благодарю). В тот год увидел свет сборник его пьес, и он посвятил его Мэрилин. Он говорил, что смирился с тем, что где бы ни появлялся с Мэрилин, их повсюду узнавали. Он с жаром защищал ее любовь к излишне откровенным нарядам. Эта пылкая влюбленность Миллера к Мэрилин была обоюдною.

«Мэрилин — взыскательный человек, — говорил он, — она предъявляет к себе невозможные требования. Я тоже такой. Никогда нельзя достичь того, к чему стремишься. Я пытаюсь помочь Мэрилин смириться с этой истиной, а она помогает мне».

На стене кабинета Миллера висела фотография блондинки. Лицо ее почти полностью скрывает тень, что делает его почти неузнаваемым. «Это Мэрилин, — пояснял он. — В этом портрете мне нравится нежность, мечтательность. Мне нравится она, потому что Мэрилин здесь беззащитна. Не многим приходилось видеть ее в таком состоянии». В тот год Миллер провозгласит себя «новым человеком в сорок один. У нее я учился жизни».

Вот что сказал о той весне и о том лете Джим Проктор, близкий друг Миллера: «Я думаю, что не видел двух других людей, которые так, до умопомрачения, были бы влюблены друг в друга...» Дурное начало в Англии, не сулившее ничего хорошего, казалось вычеркнутым из жизни навсегда. Вне съемочной площадки Мэрилин, похоже, научилась владеть собой.

Мэрилин и Миллер ходили в Центральный парк, где катались на лодке по озеру. Мэрилин, надев для маскировки очки Миллера в роговой оправе, прогуливала Хьюго, свою таксу. На семейных встречах, когда собирались родственники Миллера, она исполняла песню «Лучший дружок девушки — бриллиант»,

ставшую ее коронным номером. Она сидела у ног отца Миллера, Айзадора, и старик притворялся, что сердится, когда она ластилась к нему.

Мэрилин с легкостью и желанием приняла на себя роль мачехи Джейн, дочери-подростка Миллера от первого брака, и его девятилетнего сына Роберта. Вскоре Мэрилин удивляла гостей из Голливуда, приехавших навестить ее в Манхэттене, внезапно исчезая во время важной встречи. По возвращении она спокойно объясняла, что «должна была подбросить деток в школу».

Годы спустя она сказала о детях Миллера и сыне Ди Маджо: «Я очень пекусь о них, потому что они из разбитых семей. Я думаю, что понимаю их. Думаю, что люблю их больше всего на свете. Мне хотелось бы быть им другом. Но для этого требуется время, и это время они должны дать мне». Даже после того, как ее брак с Миллером распался, она еще долго поддерживала отношения «со своими детьми». После смерти в ее комнате найдут их фотографии.

В первый год замужества с Миллером Мэрилин с помощью горничной и повара освоит начальный курс домашних наук, хотя по-прежнему на устраиваемый дома званый обед могла опоздать на два с лишним часа. А Миллер, скривив лицо, оправдывался: «Она все еще в ванне».

О том, какой была Мэрилин у себя дома на Восточной 57-ой улице, вспоминает актер Кевин Маккарти: «На высоких каблуках, без чулок, в коротком черном платье, прохаживается она, покачиваясь. На ногах порезы, потому что в спешке брила их. У нее странные манеры — приятные, пикантные, несколько рассеянные».

Норман Ростен вспоминает веселые приемы с шампанским: «Мэрилин любила танцевать, и Миллер тоже, — если выпьет — и был способен показать жуткий, с вывертами фокстрот, опасно шатаясь во все стороны». Сам Ростен, танцуя с Мэрилин, пропустив не один и даже не два стаканчика, пообещал ей написать поэму, воспевающую ее груди.

Миллер говорил: «Жизнь текла по тому единственному руслу, куда я мог ее направить, — было много работы, пара веселых ситуаций и много забот». Весна 1957 года принесла новые тревоги.

Было не до шуток, когда первое слушание дела о неуважении к конгрессу закончилась признанием Миллера виновным. Немало драматических минут пришлось им пережить и тогда, когда началось судебное дознание по другому делу и «налет по ложному адресу» получил широкую огласку. Реальной стала угроза, что Мэрилин тоже вызовут для дачи свидетельских показаний. Она притворилась, что подхватила «вирусную инфекцию», благодаря чему избежала тяжелого испытания.

Разрыв партнерских отношений с Милтоном Грином принес ей сердечную боль. А к ней добавилась и утрата доверия. Один журнал, жадный до сенсаций, поместил скандальную статью о супружеской неверности Мэрилин в 1952 году, когда она жила с Ди Маджо, рассказав всему свету о ее романе с Бобом Слэтцером и подкрепив написанное фотографией, украденной бывшей горничной Мэрилин, на которой актриса была снята рядом со Слэтцером. Мэрилин в панике позвонила Слэтцеру и сказала, что ее новый муж страшно раздосадован.

Но все это были мелкие проблемы. «Нет ничего радостного в браке с электрическим светом, — сказал как-то Ди Маджо. — Мистеру Миллеру как будто живется лучше. Значит, он знает, как выключать».

«Выключение» для Артура Миллера всегда означало бегство в деревню. Летом 1957 года они с Мэрилин почти не бывали в Манхэттене. Норман Ростен, которому хозяева в их отсутствие разрешили пользоваться их апартаментами, нашел нацарапанную Мэрилин приветственную записку. В ней говорилось:

Дорогой Норман, В холодильнике — домашний слоеный торт с клубничной начинкой, еще молоко, — угощайся. Еще, сколько бы ты ни был здесь, — 1 или 2 недели, — чувствуй себя свободно, пожалуйста, приходи и уходи, когда тебе нужно...

Ты нам не помеха. Мы рады, что ты с нами в одной лодке, — даже если пойдем ко дну, будем тонуть — все же веселее!

Оставляю тебе эти строчки (из недетского детства):

Вот идет
Спокойный
Сон
Ночной
и Сладостный покой.

Куда б ты голову ни преклонил,
Найдешь всегда, надеюсь, нос свой.

Мэрилин.

* * *

В июне 1957 года Миллеры, усевшись в белый «Линкольн» с откидывающимся верхом, выехали из Нью-Йорка, направляясь к восточной оконечности Лонг-Айленда. Здесь в Амагансете ждала их летняя идиллия. Они присмотрели видавший виды деревянный дом, «Стоуни-Хилл-Фарм» (ферма «Каменистый холм»), и на несколько месяцев выпали из поля зрения публики. Местные жители видели Мэрилин в потрепанных шортах и мужниной рубашке. В такой одежке она заходила в деревенский магазин. Потомки могут записать, что чета истребила много тортов «Пища богов» и мороженого, а бифштекс Артур Миллер предпочитал толстый.

В Амагансет Артур Миллер привез пишущую машинку и по утрам работал. Он по-прежнему никак не мог закончить свою очередную пьесу для театра, правда, ему удалось написать несколько коротких рассказов. Один из них назывался «Неприкаянные». Ему было суждено превратиться в киносценарий и лечь в основу последнего завершенного фильма Мэрилин Монро.

В Амагансете работа для Артура была на втором месте, а жена на первом. Супруги ходили каждый день на пляж. Они то прогуливались, то просто сидели на песке. На одном снимке, сделанном кем-то из друзей, Мэрилин восторженно обнимает мужа за талию, в то время как он ловит рыбу. Миллер признался, что, женившись на Мэрилин, он поправился на двадцать пять фунтов, что хорошо видно на фотографии.

Несколько раз они выбирались на экскурсии в город. На премьеру картины «Принц и хористка» в Нью-Йорке Миллер явился в смокинге, а его жена в вечернем туалете. Каким-то образом удалось уговорить Мэрилин открыть суперинтендантский клуб «Сайдуолк» в помещении нового здания «Тайм энд Лайф». Муж ее на этот раз от участия в мероприятии отказался. Мэрилин заявила, что она согласится только при условии, что туда и обратно ее доставят на вертолете. На встречу с Лоренсом Рокфеллером она приехала, опоздав на два часа, и

тот, не дождавшись ее, ушел, проворчав, что «никогда так долго никого не ждал».

Тем, кто знал Мэрилин, эти вылазки в город не казались странными. Премьера устраивалась в помощь детским благотворительным организациям, и на открытие суперинтендантского клуба Мэрилин прибыла с «тяжестью в животе».

Мэрилин забеременела. В июньском интервью, которое при ее жизни не было опубликовано, поскольку газетчики решили, что оно как-то не вяжется с привычным образом актрисы, она сказала: «Мужчина и женщина нуждаются в чем-то своем собственном. Ребенок делает брак совершенным». Эту истину она постигла спустя несколько недель после тридцать первого дня рождения, накануне первой годовщины свадьбы.

После всех разговоров о беременности Мэрилин, наконец, пребывала в радости, благоговейном страхе и смятении. Однажды на вечере на Лонг-Айленде Норман Ростен увидел Мэрилин на веранде. Она стояла в полном одиночестве и всхлипывала. У Мэрилин сохранится фотография, сделанная в тот месяц. Как-то, показывая ее другу, она скажет: «Это было самое счастливое время в моей жизни».

Миллер тоже был доволен. «Чтобы лучше понять Мэрилин, — говорил он, — нужно увидеть ее среди детей. Они ее любят. В ее отношении к жизни есть что-то от их простодушия и прямолинейности». Один остряк из их друзей, может быть, не совсем в шутку, потому что Миллер был вполне красивым парнем, перефразировал известный ответ Шоу Айседоре Дункан: «Как было бы замечательно, если бы их первый ребенок имел его внешность и ее ум».

Беременность не продлилась и двух месяцев. В первый день августа, когда Миллер работал в доме в Амагансете, он услышал, как Мэрилин вскрикнула. Она стояла в саду, перегнувшись от боли. «Скорая помощь» отвезла актрису к ее гинекологу в «Докторскую больницу» в Нью-Йорк-Сити. Его усилия были тщетными, поскольку ее беременность оказалась внематочной. Мэрилин, очнувшись после операции, узнала, что эмбрион удален хирургическим путем.

Навестить ее в больнице пришел «старый» друг, Джим

Хаспил. Она лежала в темной комнате, рядом сидел Миллер. Из радиоприемника на прикроватной тумбочке звучала классическая музыка. Хаспилу она сказала, что, по словам врача, ребенок, которого она потеряла, был мальчик.

Вроде бы дела у Мэрилин пошли на поправку. Она позаботилась о том, чтобы вечер с шампанским, отмененный в день, когда произошел выкидыш, все-таки состоялся. Врачи говорили, что для нее еще не все потеряно и она еще сможет родить ребенка, и Миллер заявил, что «она хочет иметь столько детей, сколько получится, я хочу того же. В ней больше отваги, чем в ком бы то ни было».

Вернувшись в Амагансет, Мэрилин, отдохнув, предприняла новую попытку. Это была горестная попытка, ставшая мукой. Потом она напишет Ростенам:

«Я думаю, что три или две недели была беременной. У меня так болели груди, что я не могла прикоснуться. У меня никогда такого не было, чтобы они болели; еще с понедельника меня мучили спазматические боли и выделения, — теперь выделения стали обильнее, и боль усиливается с каждой минутой. Вчера за весь день я ничего не съела. А ночью приняла 4 таблетки снотворного, а они равны восьми маленьким.

Не могла ли я убить его, приняв столько амьютала на тощий желудок (если не считать нескольких глотков шерри)?

Что мне делать? Если он еще жив, мне хотелось бы сохранить его».

Но беременность Мэрилин тогда не подтвердилась, и она не сможет забеременеть еще много месяцев. В последние дни лета 1957 года супруги вернутся в свою квартиру в Манхэттене.

В ту осень Мэрилин наняла новую горничную Лену Пепитоне. Лена рассказывает, что Мэрилин была в таком подавленном состоянии, что ее измученную душу не могли исцелить месяцы отдыха. Ее хозяйка, по словам Пепитоне, могла пролежать в постели до полудня, после чего она вставала и голая бродила по квартире. Проснувшись, она часто требовала подать ей спиртного, обычно это была водка. Миллер проявлял стоицизм и никак не выдавал своих чувств. К счастью для них обоих, зима принесла им новое занятие: «Ферму Артура».

В конце того года они купили ферму с тремя сотнями акров

земли. Большая часть суммы была уплачена за счет средств Мэрилин. Участок находился недалеко от старых владений Миллера и по соседству с городком Роксбери.

По описанию Мэрилин, этот фермерский дом восемнадцатого века «был двухэтажным с фасада и одноэтажным с противоположной стороны, с пристроенной кухней». К совету снести его и построить новое здание супруги не прислушались. Вместо этого они занялись реконструкцией, которая, по мнению Мэрилин, так и не завершилась. Нетронутыми они оставили только балки и потолок. Для Миллера был построен кабинет вроде студии. К дому также было пристроено новое крыло, которое жившая надеждой Мэрилин назвала детской. Миллер сказал: «Это было место, где мы рассчитывали жить до самой смерти».

Район Роксбери штата Коннектикут заселен коренными фермерскими семьями, которые возвели свои загородные дома несколько поколений назад. В их число входили и представители шоу-бизнеса, как, например, Ричард Уидмарк, снявшийся с Мэрилин в картине «Беспокойте, не стесняйтесь». Здесь их никто не беспокоил.

Мэрилин с легкостью вписалась в местное общество, хоть и выглядела экзотической диковинкой в давно сложившемся сельском клане. Их непосредственные соседи, Диболды, прониклись к ней симпатией после первого же званого коктейля. Они относились к Мэрилин не как к кинозвезде, а как к одному из своих детей, и актриса, казалась, была вполне счастлива.

Эти американские сквайры воспринимали Мэрилин, как Марию-Антуанетту, разыгрывавшую из себя деревенскую девчонку. Здесь, как нигде, могла она проявить свою любовь ко всему живому. Своего Хьюго, вымокшего на дожде и грязного, она впускала в только что прибранную гостиную. Под свою опеку Мэрилин взяла умиравшую от голода Синди, полукровку, неизвестно какой породы, приковылявшую на задний двор. На ясене устроила она кормушки для птиц и постоянно сокрушалась о том, как трудно птицам питаться во время сезонных перелетов. Она приобрела двух длиннохвостых говорящих попугаев, которые с тех пор совершали многократные перелеты в Голливуд и обратно. Своего любимца Батча она пронесла тайком на борт самолета, летевшего в Нью-Йорк. В пути птица оживилась и пронзительно закричала: «Я птичка Мэрилин, я птичка Мэрилин».

Любовь к животным и природе доходила у нее до абсурда, и психиатрам пришлось этим заниматься. Инее Мелсон, служившая импресарио Мэрилин в Калифорнии, однажды ночью была разбужена телефонным звонком из Коннектикута. На Восточном побережье было четыре часа утра. Звонила Мэрилин. Звонила, чтобы сказать, что Батч, ее попугай, испугался грозы.

Артур Миллер вскоре тоже ощутил, каково жить с человеком, так близко воспринимавшим смерть каждого живого существа. У него даже есть короткий рассказ «Никого не убивайте, пожалуйста» (Please Don't Kill Anything), написанный по следам истории, происшедшей однажды вечером, когда он и Мэрилин стали свидетелями того, как рыбаки возвращались с уловом. Бросившаяся к ним Мэрилин принялась выбирать еще живых рыбешек и отпускать их в воду, беспокоясь о их дальнейшей судьбе.

«Она подняла глаза, — писал он, — похожая с этим откровенным вопросом на ее лице на маленькую девочку, несмотря на то, что улыбалась как взрослая женщина, и сказала: "Но некоторые из них, возможно, теперь доживут до старости ... и увидят, как подрастут их детки!"»

В Нью-Йорке, направляясь в небольшой парк на Восточной 58-й улице, она наткнулась на мальчишек, ловивших в силки голубей. Когда те объяснили ей, что на рынке за каждую пойманную птицу они получат по пятьдесят центов, она заплатила мальчикам, чтобы они отпустили свою добычу. После этого Мэрилин каждую неделю на протяжении долгого времени приходила в парк и платила выкуп за голубей.

А вот еще один поистине трогательный случай из ее жизни. Однажды, приехав домой в Роксбери, Мэрилин заметила, что, пока она отсутствовала, траву, окаймлявшую границы участка, скосили. Настурции, в изобилии росшие среди травы, лежали теперь мертвыми оранжево-желтыми ворохами. Мэрилин, «плача, словно она была ранена», заставила Миллера остановить машину. Она бросилась к цветам и стала собирать их, лихорадочно втыкая в землю срезанные стебли, надеясь, что они еще могут прижиться.

Артур Миллер с беспокойством наблюдал и слушал. В рассказе «Никого не убивайте, пожалуйста» он написал, что «в то время как половина его души преклонялась перед ее страстной

нежностью ко всему живому, вторая половина осознавала, что ей следует понять, что ее жизнь не кончается со смертью мошек, пауков и всяких пташек».

В Амагансете как-то вечером Миллер стал свидетелем того, как его супруга, прерывисто дыша, тяжело опустилась на стул. Он пересчитал ее снотворные пилюли, вернее, то, что от них осталось, и понял, что жена из-за передозировки впала в кому. Жизнь ее в тот раз была спасена только благодаря слаженным действиям местной бригады врачей «скорой помощи», немедленно прибывшей на вызов.

Однажды в три часа ночи в Нью-Йорке телефонный звонок поднял с постелей Нормана и Хедду Ростенов. Их срочно просили приехать на квартиру на Восточной 58-й улице. Снова Мэрилин злоупотребила снотворным, и ей пришлось промывать желудок. Она тихо плакала в кровати. Чувствовалось близкое дыхание смерти; пальцы ее еще оставались синими. В полутьме Ростен, склонившись над ней, спросила: «Как ты, дорогая?»

«Жива. Не повезло, — прозвучал невнятный ответ. — Как все они жестоки, эти ублюдки. О Господи...»

На приеме в Бруклин-Хайтс в 1958 году Норман заметил Мэрилин, сидевшую на подоконнике с бокалом в руке. Она выглядела мрачной, «пребывала в своих грезах, погруженная в мысли, в которых ничего приятного не могло быть». Ростен подошел к ней: «Эй, очнись».

Мэрилин заговорила о своих бессонных ночах, а потом, указав на окно, произнесла: «Отсюда вниз — короткая дорога. Кто заметит, если меня не станет?»

«Я, — сказал Ростен, — и все люди в этой комнате, кто обратит внимание. Они услышат грохот».

Мэрилин рассмеялась.

В шутку или всерьез, но Ростен заставил Мэрилин заключить с ним договор. Если кому-то из них захочется покончить с собой, он или она позвонит другому, чтобы сказать об этом. Тогда Ростен подумал, что такой день наступит и Мэрилин позвонит ему. До сих пор у него хранятся строки ее стихотворения, написанного в 1958 году. Вот они:

Помоги. Помоги.

Помоги. Я чувствую, что жизнь подходит ближе,

Когда хочу я только умереть.

В ту пору и началось незаметное для посторонних глаз за привычным образом раздвоение ее личности, ставшее предтечей ее ухода из жизни.

Глава 24

Британский фотограф Сесил Битон рассуждает: «Это чудо века — дремлющая сомнамбула, со-четайие Алисы из страны Чудес и Трилби. Возможно, она родилась в тот послевоенный день, когда мы больше всего нуждались в ней.... Как «Ондине» Жироду ей только пятнадцать лет; но что произойдет дальше, знает только время».

Из миллиона слов, посвященных Мэрилин, три страницы, вышедшие из-под пера Битона, наиболее точны и проницательны. Он увидел существо «столь же впечатляющее, как серебряный душ Везувия, диковинное воплощение нарциссианских настроений». Игра Мэрилин для Битона была «загадкой чистой воды».

В 1958 году Мэрилин позировала фотографу Ричарду Аведону, готовившему замечательную серию портретов кинозвезд. На страницах журнала «Лайф» Мэрилин стала Джин Харлоу, Кларой Боу, Лиллиан Рассел, Тедой Бара и Марлен Дитрих. Как прокомментировал Артур Миллер, это было «страницей истории нашей массовой фантазии на тему обольстительницы».

В тот год, когда мечта ее поднималась все выше, в реальном мире Мэрилин медленно сползала к поражению. Она уже была не девочкой из мечты, а женщиной тридцати двух лет от роду, употреблявшей алкоголь, да еще в чрезмерных дозах, женщиной, которая к тому же знала, что пропадает. В это время Мэрилин познакомилась со своим киноидолом — будущим партнером по фильму «Неприкаянные» — Монтгомери Клифтом. Во время своей первой встречи на званом обеде оба они изрядно напились: он шотландского виски, она — ромовых коктейлей.

Потом вечером в компании Мэрилин и ее мужа Клифт был не в состоянии связать двух слов, не держался на ногах и в конце концов полностью отключился, как это часто с ним бывало. По этому поводу Мэрилин заметила: «Он единственный из моих знакомых, кто находится в еще худшей форме, чем я».

В начале июня Мэрилин вернулась в Лос-Анджелес, где предстояли съемки картины «Некоторые любят погорячее» (в советском прокате — «В джазе только девушки»). После «Автобусной остановки» в Голливуде она больше не снималась. Толпы газетчиков пришли в аэропорт, чтобы встретить актрису. Когда все пассажиры из самолета вышли, возникло замешательство: никто не знал, прибыла ли Мэрилин. Только через полчаса она появилась на трапе самолета.

«У парадных дверей материализовалось видение в белом, — писал репортер «Лос-Анджелес Таймс», — ветер, поднятый винтами другого самолета, взметнул белые волосы; белая шелковая блузка открывала белую напудренную шею; белая облегающая шелковая юбка; белые туфли; белые перчатки. Замигав большими сонными глазами, Мэрилин Монро взглянула на мир... начала спускаться — медленно и вызывающе — вниз по ступенькам. "Прошу прощения, — проворковала она, — я спала"».

Репортеры углядели подмышкой у Мэрилин три книги: «Как важно жить» Лина Ютанга, «Жизнь среди дикарей». Шерли Джексон и «Актеру» Михаила Чехова. Потом узнали, что номер-люкс Мэрилин в отеле «Бель-Эр» был выдержан в белом цвете и в точности повторял ее нью-йоркские апартаменты, и что она купила второго попугая, который хоть и не мог заменить собаку, оставленную на Восточном побережье, но все-таки скрашивал одиночество.

Поведение Мэрилин на съемках фильма «Некоторые любят погорячее» превзошло все, чего только можно было ожидать. Режиссер Билли Уайлдер, который четыре года тому назад хватил с актрисой лиха, работая с ней над «Зудом седьмого года», теперь подвергся новой, пятимесячной пытке. Если съемка назначалась на обеденное время, Мэрилин появлялась к шести часам. Однажды, сидя у себя в гримерной, она читала «Права человека» Томаса Пейна и на вызов ассистента режиссера послала его ко всем чертям и даже дальше.

Мэрилин, от которой прежде почти не слышали непечатных

выражений, все чаще стала применять их. Просмотрев отснятый материал, она сказала: «Я не возобновлю работу до тех пор, пока Уайлдер не переснимет мое первое появление. Когда в комнату входит Мэрилин Монро, никто не должен смотреть на Тони Кертиса, играющего Джоан Кроуфорд, все должны смотреть на Мэрилин Монро».

В картине «Некоторые любят погорячее» в комической форме рассказано о двух молодых людях, спасающихся от гангстеров. Переодевшись в женские платья, они устраиваются в разъездной джаз-ансамбль, состоящий только из Девушек. Один из них, которого играл Тони Кертис, влюбляется в девушку, роль которой исполняла Мэрилин. Ее героиня играла на гавайской гитаре, была не прочь выпить и «закадрить» миллионера. Реклама представит Кертиса и его партнера Джека Леммона как «закадычных друзей» Мэрилин, хотя на съемочной площадке все обстояло по-другому.

Уже стала легендой история о том, как во время съемок Мэрилин вечными опозданиями, отсрочками и неспособностью запомнить наипростейший диалог доводила Кертиса и Леммона до безумия. Фраза, состоявшая из трех слов, требовала порой не менее шестидесяти пяти дублей. Кертис, на которого она однажды выплеснула стакан шампанского, вспоминал о «злостном высокомерии» и «мстительном эгоизме» Мэрилин. Просматривая как-то отснятый материал, Кертис мимоходом прокомментировал свои чувства к мировому секс-символу, отстояв свою оценку для потомства. Целовать Мэрилин, заметил он, все равно, «что целовать Гитлера».

Подготовка Мэрилин к выходу на съемочную площадку поражала наблюдателей и бесила коллег. «Перед каждым дублем, — писала Ллойд Шиарер, — Мэрилин закрывала глаза и впадала в глубокий транс. Она опускалась на свой дешевый купальный костюм моды 1927 года, потом вдруг начинала стремительно махать руками, как будто во что бы то ни стало хотела отделить кисти от запястий». То были элементы техники, которую Мэрилин освоила в актерской студии. Паула Страсберг в черном платье, черном капоре и черных очках всегда находилась поблизости.

Во время съемок фильма «Некоторые любят погорячее» режиссер Билли Уайлдер чувствовал себя больным. Когда работа над картиной закончилась, он признался: «У меня появился аппетит. Впервые за много месяцев я наконец в состоянии спать. Я могу спокойно смотреть на жену и у меня не появляется

желание ударить ее просто потому, что она женщина». Позже, сравнивая выпавшую на его долю пытку с воздушным путешествием, Уайлдер сказал: «Мы находились в полете, и с нами на борту был псих».

«Когда ты режиссер, — говорит сегодня Уайлдер, — приходится быть в некоторой степени и психологом. Со своей командой нужно установить контакт. Обычно я быстро приноравливаюсь ко всем. С Мэрилин было трудно потому, что она совершенно непредсказуема. Я никогда не знал, какой день ожидает нас. Я всегда нервничал: в каком настроении она придет сегодня? Будет ли она работать или только чинить препятствия? Может быть, она сорвется и мы не сумеем отснять ни кадра? В этом состояла суть проблемы. Я мог справиться с чем угодно, но я должен был знать, что ждет меня. С Мэрилин я этого никогда не знал».

Хотя в конечном счете, как большинство других режиссеров, Уайлдер ни о чем не жалел. Мэрилин как-то бесхитростно сотворила на пленке чудо. Картина получила хвалебные отзывы критиков и сделала колоссальные кассовые сборы. И сейчас эту ленту показывают по телевидению чаще, чем другие фильмы с участием Монро.

Ныне Уайлдер говорит: «Как комедийная актриса с ее острым чувством комического диалога она была просто гениальна. Это был дар от Бога. Поверьте мне. За последние пятнадцать лет я получил около десятка предложений от актрис. Но когда я начинал работать с ними, то думал: «Ничего не получится, для этого нужна Мэрилин Монро». До ее уровня никто не дорос; рядом с ней все такие заземленные».

* * *

11 сентября 1958 года с натурных съемок в Колорадо, штат Калифорния, Мэрилин послала письмо Норману Ростену. Почтовая бумага отеля была украшена изображением пляжа. К этому пейзажу Мэрилин добавила маленькую женскую фигурку в воде, машущую руками и кричащую: «Помогите!». В письме говорилось:

Дорогой Норман,

Не бросай корабль, пока мы тонем. У меня такое чувство, что эта лодка до порта никогда не доберется. Мы идем по Зловещему

проливу. Он неспокоен и бурлив, но к чему мне волноваться, когда у меня нет фаллического символа, следовательно мне нечего терять.

Мэрилин.

P.S. «Люби меня за одни мои кудри золотые»1
Я бы написала это от руки,
но моя ладонь дрожит.

На этот раз снова для наблюдения за Мэрилин с Восточного побережья прилетел и психиатр и терапевт. Через четыре дня после того, как было отправлено письмо Норману Ростену, Мэрилин Монро с диагнозом «нервное истощение» поместили в больницу «Ливанские кедры». Настало время всерьез подумать о ее психическом состоянии. Мэрилин снова была беременна.

Рис. 4. Записка Мэрилин, присланная Ростену со съемок фильма «Некоторые любят погорячее» (в российском прокате известен как «В джазе только девушки»). Пририсованная ею женская фигурка расположена в правом верхнем углу

Рис. 4. Записка Мэрилин, присланная Ростену со съемок фильма «Некоторые любят погорячее» (в российском прокате известен как «В джазе только девушки»). Пририсованная ею женская фигурка расположена в правом верхнем углу

Шли недели, и с каждым днем тревога Артура Миллера росла. Он попросил Билли Уайлдера отпускать Мэрилин с работы как можно раньше, сразу после обеда.

На что Уайлдер возразил: «Но Артур, мой первый кадр бывает отснят только к трем часам дня. Что она делает по утрам?»

Озадаченный Миллер ответил, что, насколько ему известно, на съемки Мэрилин каждый день уходит из дома в семь часов утра. Загадка этих утренних отлучек так никогда и не была разгадана.

27 октября Мэрилин написала Ростену:

Дорогой Норман,
Спасибо тебе за поздравления с праздником всех святых. Как плохо, что мы не можем быть вместе. Я могла бы напугать тебя.
Я никому не пишу. Только стихи. — Здесь так страшно! Артур

выглядит хорошо, но кажется слабее, — потому что поддерживает меня... Мне тоже нужно за что-то зацепиться...

Свое послание Мэрилин подписала «Э.Э. Каммингз», чьи стихи она читала.

Завершающие сцены картины «Некоторые любят погорячее», снимавшиеся в начале ноября, потребовали от больной Мэрилин неимоверных физических усилий. Выписавшись из больницы, она лежала в отеле, «чтобы не растрясти ребенка». Потом на машине скорой помощи ее отвезли в аэропорт, и она вернулась в Нью-Йорк. Там незадолго до Рождества Мэрилин все-таки опять потеряла ребенка.

Перед тем как приступить к работе над лентой «Некоторые любят погорячее», она спросила Ростена: «Надо ли мне делать новую картину или остаться дома и снова попытаться забеременеть? Думаю, больше всего на свете мне хочется малыша. Но, может быть, Господь подает мне какой-то знак, в смысле моей беременности. Вероятно, из меня получилась бы чокнутая мать; я бы до смерти любила свое дитя. Я так хочу его и в то же время боюсь. Артур тоже говорит, что хочет, но его пыл проходит. Он считает, что я должна сделать картину. В конце концов, я ведь кинозвезда, правильно?»

Кинозвезда снялась в очередном фильме и в очередной раз потеряла ребенка. Мэрилин, чтобы повысить шансы на благополучную беременность, согласилась на хирургическое вмешательство. Но 1959 год новой беременности не принес. Близкие друзья теперь уже видели, что их брак с Миллером начал клониться к закату. Ростену, наблюдавшему за супругами, казалось, что они разыгрывают «гармоничный с виду брак».

Мэрилин продолжала посещать «Экторз Стьюдио». Летом 1959 года, направляясь на машине с Сьюзен Страсберг за город, она воскликнула: «Знаешь, если бы не работа [в актерской студии], я бы выпрыгнула из машины». Миллер, напротив, постепенно освобождался от чар Страсбергов и их студии.

Актрису Морин Стэплтон, подругу Мэрилин по студии, путал бросавшийся в глаза перекос в отношениях супругов. «Артур превращался в лакея. Он носил за ней ее набор грима и косметики, ее дамскую сумочку, слишком уж много делал для нее, и у меня возникло чувство, что их дела были безнадежны». У

режиссера Мартина Ритта, когда он обедал с Миллерами, тоже возникло такое ощущение. «Это был жуткий вечер, — говорит Ритт. — Он был у нее на побегушках и весь вечер носился вокруг нее, меня это обеспокоило».

В то же время, по свидетельству Нормана Росте-на, духовно Миллер отдалялся от нее, становясь скорее наблюдателем в собственном супружестве, чем его участником.

* * *

В своем кабинете в Нью-Йорке среди стопок с записями Миллер положил новую «Британскую энциклопедию» — подарок от Мэрилин. Над его письменным столом висели две фотографии Мэрилин. Еще три года назад он «заканчивал» новую пьесу, но на самом деле и теперь на подходе ничего не было. До смерти Мэрилин ни одна пьеса завершена не будет. Осенью 1959 года в «Эсквайре» напечатают краткий биографический очерк о драматурге под названием «Творческая агония Артура Миллера».

На потребу публике Мэрилин продолжала делать оптимистические заявления, но они все больше и больше походили на перефразированные советы психоаналитика. В то лето в одном интервью британскому репортеру она сказала: «Я боялась всю мою жизнь, нет, правда, до настоящего момента. Боялась всего на свете, даже снять телефонную трубку, чтобы позвонить. Наконец-то я с этим начала справляться. Сегодня мою философию можно выразить так: «Наслаждайся каждым днем». Будущее меня больше не путает».

В ближайшем будущем ее ожидал визит в Голливуд. В сентябре 1959 года туда прибыл находившийся в Соединенных Штатах лидер страны Советов Никита Хрущев. На званый обед, устраиваемый на киностудии «XX век—Фокс», были приглашены многочисленные кинозвезды, в том числе Мэрилин Монро, Элизабет Тейлор и Дебби Рейнольдс. Миллер, в памяти которого еще были свежи воспоминания о борьбе с парламентским Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности, на прием не пошел.

В Калифорнию Мэрилин полетела одна. Проведя пять часов перед зеркалом, на обед она не только не опоздала, но даже пришла раньше. Хрущев остановил ее, чтобы перекинуться несколькими словами, и она передала привет от Артура Миллера.

Вспоминая об этой встрече, Мэрилин не без горделивого самолюбования будет рассказывать: «Хрущев смотрел на меня, как мужчина смотрит на женщину».

Этот эпизод, вероятно, дополнил дело Мэрилин в ФБР еще одним рапортом.

Была очевидная заинтересованность ЦРУ в том, чтобы познакомить Мэрилин с политическим лидером другой страны, находившимся в США с визитом. Так, во время съемок «Автобусной остановки» в 1956 году Мэрилин уже встречалась с президентом Индонезии Ахмедом Сукарно. Сначала она и знать не знала, кто он такой, — она называла его просто «принц» Сукарно. Но бывала она и на дипломатических приемах в отеле «Беверли Хиллз».

Мэрилин и индонезиец прониклись друг к другу симпатией. «Вечер близился к завершению, и они все время куда-то исчезали, — вспоминает режиссер «Автобусной остановки» Джошуа Логан. — Атмосфера создалась, прямо скажем, сексуальная. Я думаю, они договорились встретиться после».

Много лет спустя Сукарно своему биографу рассказывал, что Мэрилин, тоже жившая в «Беверли Хиллз», позвонила ему в номер по телефону и попросила о приватной встрече. Любивший прихвастнуть своими любовными победами, Сукарно, однако, — что на него не похоже — о Мэрилин не распространялся.

Реакция со стороны Мэрилин, как всегда, была излишне эмоциональной. Через год после голливудской встречи, услышав, что на жизнь Сукарно покушались, она удивила Миллера, заявив о своем желании «спасти» индонезийца, предложив ему дом в Соединенных Штатах. Своему другу Роберту Слэтцеру она расскажет, что с Сукарно «провела вместе один вечер».

Все, что произошло на первом вечере, не ускользнуло от внимания Центрального разведывательного управления. В те годы Индонезия, наряду с Вьетнамом, входила в число приоритетов Вашингтона в Азии. В 1957 и 1958 годах, как свидетельствуют документы, ЦРУ не гнушалось ничем, лишь бы сместить Сукарно, в котором видели причину поворота Индонезии в сторону коммунизма.

В замыслы ЦРУ входила подготовка фальшивки, то есть

порнографического фильма, где Сукарно был бы в постели с блондинкой, советским агентом. Цель фильма состояла в том, чтобы дискредитировать президента Индонезии, но план этот был отклонен. Однако позже, когда Соединенным Штатам стало выгодно заигрывать с Сукарно, ЦРУ предложило пустить в ход секс — в виде Мэрилин Монро — и тем польстить диктатору.

По словам Джозефа Смита, бывшего офицера ЦРУ, работавшего в Азии, «была попытка свести Сукарно с Монро. В середине 1958 года я что-то слышал о плане уложить их в постель. Помнится, приехал кто-то из Вашингтона и говорил о «некой безумной затее с Мэрилин Монро, которая не удалась».

Неизвестно, как далеко ЦРУ зашло в будущих планах привлечь к своей работе Мэрилин Монро. Попытки получить нужную информацию закончились ничем, так что случай этот остается под покровом тайны.

Но в той глупости, которую совершила Мэрилин в своей супружеской жизни в 1960 году, ничего тайного не было. В возрасте почти тридцати четырех лет она начала расшатывать и без того неустойчивые семейные отношения с Артуром Миллером. Закат их брачного союза наступил после того, как она вернулась в Голливуд, где вместе с французским киноактером Ивом Монтаном начала сниматься в фильме «Займемся любовью».

Примечания

1. В постскриптуме Мэрилин неправильно процитировала строчку из Итса, у которого на самом деле сказано:

«... только Бог, моя дорогая,
Мог бы любить тебя, какая ты есть,
А не за твои кудри золотые».

Глава 25

В сентябре 1959 года в одной из гримуборных Бродвея покатывались со смеху мистер и миссис Миллер, мсье и мадам Монтан, мистер и миссис Ростен. Причиной неуемного веселья послужили пуговицы на ширинке брюк мсье Монтана. Французский актер впервые выступил на американской сцене, и его зрители почему-то смеялись в самых неожиданных местах. От своих нью-йоркских друзей Монтан узнал, что взрывы смеха вызывали пуговицы на ширинке, сверкавшие в лучах прожекторов

каждый раз, когда Ив засовывал руки в карманы. Так, весело и непринужденно, началось знакомство, завершившееся международным скандалом и несчастьем в личной жизни.

Как это ни покажется невероятным, но в то время «XX век— Фокс» предпринимал отчаянные попытки найти актера на Ведущую роль в будущей картине с участием Мэрилин Монро «Займемся любовью». По тем или иным причинам Юл Бриннер, Кэри Грант, Рок Хадсон, Чарлтон Хестон и Грегори Пек, — все отказались участвовать в съемках. В этот кризисный момент на глаза Джорджа Кьюкора и попался Ив Монтан, выступивший на телевидении со своею музыкально-танцевальной программой. Этой идеей он поделился с Мэрилин Монро. После встречи в Нью-Йорке прошло всего лишь несколько недель. Мнение Мэрилин, вскоре ставшее газетными заголовками, было таково: «После моего мужа Ив наряду с Брандо является самым привлекательным мужчиной из всех, что я встречала». Так Монтан попал в картину.

«Займемся любовью» повествует о миллиардере (Ив Монтан), ставшем мишенью сатирического ревю, влюбившемся в одну из девушек этого ревю (Мэрилин). Фильм не оправдал ожиданий — получился пустым и стал исключением в ряду прекрасных картин, которыми завершился творческий путь Мэрилин Монро. Хотя сама актриса отличилась прекрасным исполнением песенно-танцевальных номеров, не в последнюю очередь благодаря своей чувственной интерпретации песенки Кола Портера «Мое сердце принадлежит папочке». Но еще задолго до того, как работа над фильмом была завершена, сердце Мэрилин принадлежало Иву Монтану.

Артур Миллер знал и любил Монтана. Монтан играл во французской постановке «Тяжкого испытания», к тому же он разделял некоторые политические убеждения драматурга. Вместе с женой Симоной Синьоре, удостоенной «Оскара» за роль в «Комнате наверху»1, Монтан долгое время предпочитал отказываться от посещения Соединенных Штатов, чем указывать в декларации, что в коммунистической партии никогда не состоял. Во Франции он и Синьоре всегда использовали свою популярность, чтобы оказать поддержку либеральному движению.

Монтан был единственным жителем Вселенной, кто ни разу не видел ни одного фильма с участием Монро. По-английски он почти не говорил. Однако Миллер тоже считал, что «он чудным образом подходит для роли. Они с Мэрилин очень живые люди. В

каждом из них есть внутренний мотор, который вырабатывает невиданную энергию. Ив станет одной из крупных звезд американского экрана».

Итак, в январе 1960 года чета Монтанов и чета Миллеров въехали в домики 20 и 21 отеля «Беверли Хиллз». Там они устроились вполне уютно. Каждый вечер обе пары собирались за столом, уставленным блюдами, приготовленными в домашних условиях. Разговоры порой продолжались за полночь.

Симона Синьоре подружилась с Мэрилин и с юмором относилась к ее эксцентричности. Ее очень забавлял ритуал, совершаемый каждое воскресенье, когда приходила маленькая пожилая дама, чтобы осветлить волосы Мэрилин. Эта старушка когда-то была парикмахером Джин Харлоу. В Лос-Анджелес она прилетала раз в неделю специально ради Мэрилин.

Синьоре считала, что Мэрилин выглядела как «самая красивая крестьянская девушка, какую себе можно только представить, откуда-то из Иль-де-Франс, именно такой тип красавиц существовал там много веков». Поздно вечером Синьоре рассказывала Монро анекдоты из актерской жизни и чувствовала себя матерью, рассказывающей ребенку перед сном сказки.

Что касается Монтана, то очень скоро он вслух уже высказывал недовольство, вызываемое работой с Мэрилин. Иногда без предупреждения она исчезала со студии и могла не появиться до самого вечера. Съемки прекращались. Монтан мерил площадку шагами и ворчал: «Куда она могла подеваться? Я не могу все время ждать. Я не автомобиль».

Между тем Миллеру пришлось отправиться в деловую поездку в Европу. С его отъездом дела Мэрилин быстро начали ухудшаться. Она сказала докторам, что не может продолжать работу над фильмом, потому что кто-то из операторов, по ее словам, гомосексуалист.

Однажды утром Монтан со студии позвонил жене и сказал, что Мэрилин на съемки не приехала, а телефон у нее не отвечает. Напрасно Симона Синьоре стучала в дверь соседского домика, ей никто не открыл. Тогда оператор с телефонного пульта сообщил, что хоть Мэрилин и не отвечает, но она дома, так как недавно звонила в город. Оказалось, актриса просто симулировала.

Разъяренный Монтан вернулся в отель, где написал записку:

«Когда в другой раз будешь ночь напролет трепаться с моей женой и слушать ее байки вместо того чтобы пойти спать, и решишь не вставать утром и не идти в студию, пожалуйста, скажи мне. Я не враг. Я твой друг. А капризные маленькие девочки никогда не забавляли меня. Всего наилучшего

Ив».

Монтан и Синьоре подсунули записку под дверь, но так, чтобы кончик ее выступал снаружи. На их глазах записка медленно вползла внутрь. Мэрилин, получив послание, никаких действий не предприняла. Тогда Монтан через дверь прокричал, что дневные работы на студии отменены «из-за отсутствующих», и до вечера исчез.

В одиннадцать вечера Мэрилин по-прежнему признаков жизни не подавала. Потом Монтанам из Европы позвонил Миллер и сказал, что ему был звонок от Мэрилин. Он попросил их сходить к ней.

«Внезапно, — вспоминала потом Синьоре, — в моих руках оказалась плачущая девочка, которая все время приговаривала: "Я плохая, плохая, плохая. Я никогда больше не буду этого делать. Я обещаю"». Монтан погладил ее по голове и попросил на другой день не опаздывать.

Нельзя сказать, что атмосфера на съемках фильма «Займемся любовью» была уж такая мрачная и безрадостная. Мэрилин Монро еще не совсем утратила чувство юмора. Ей сообщили, что цензор не пропустит сцену с поцелуями, если она будет лежать, так как создастся впечатление, что они с Монтаном занимаются любовью по-настоящему. «Что ж, — ответила Мэрилин, — мы могли с таким же успехом заняться этим и стоя!»

Несмотря на профессиональные разногласия, у француза и Мэрилин в ту весну начался роман.

Глаз на Ива Монтана Мэрилин положила давно, еще тогда, когда они вместе с Шелли Уинтерс, с которой снимали одну квартиру, составили свои списки желанных любовников. Теперь она всем подряд, включая психиатра, стала говорить, что француз выглядит точь в точь как Ди Маджо и что он физически

возбуждает ее. На съемочной площадке было видно, что им нравится изображать из себя влюбленных. Как это часто бывает с кинопартнерами, границы между искусством и реальностью оказались стертыми.

Симона Синьоре почувствовала опасность, но, связанная контрактом, была вынуждена выехать в Европу. Артур Миллер, находившийся то в Лос-Анджелесе, то за его пределами, закрыл глаза на грозившую опасность, так как, похоже, уже смирился с тем, что брак не сегодня-завтра готов был рухнуть. Мэрилин и Монтан в своих соседних бунгало все чаще оставались предоставленными самим себе.

Один репортер, опираясь на одно из последних интервью с Монтаном, рассказывает, что Мэрилин взяла француза штурмом, когда постучала в его бунгало, придя в норковом пальто, под которым ничего не было. Этот прием Мэрилин нам уже знаком.

Из других источников узнаем, что Артур Миллер застал парочку в постели, когда однажды вернулся в дом, чтобы взять забытую трубку. Вскоре постельные истории начала распространять гостиничная прислуга. Любовный роман, или только намек на него, стал достоянием гласности.

В то лето, когда работа над фильмом была завершена, Монтан через Нью-Йорк возвращался в Париж. Тем временем Мэрилин на Восточном побережье предприняла хитроумный перехват возлюбленного. Она сняла в гостинице номер и явилась в аэропорт, нагруженная шампанским. Короткая остановка превратилась в пятичасовую отсрочку. Мэрилин и Монтана видели в ее лимузине, где они в обнимку сидели на заднем сиденье. После того сбитый с толку и сконфуженный француз вернулся в Париж, где его ждала вконец исстрадавшаяся Симона Синьоре.

Прошло чуть больше месяца, и Мэрилин, снимавшаяся в Неваде в картине «Неприкаянные», снова стала причиной прекращения работы. У нее случился очередной нервный срыв, и ее отправили на лечение в Лос-Анджелес. Пока она там находилась, в Калифорнию ненадолго прилетел Монтан. Узнав об этом, Мэрилин из больничной палаты обрушила на него град телефонных звонков. Разговаривать с нею на сей раз француз отказался.

Хоть Монтан и отрицал, что у них роман, по всему было видно, что он испытывал душевное смятение. «Штука в том, — сказал он Арту Бухвальду, — что у нас с Мэрилин много точек соприкосновения...» Другому репортеру он признался: «Если бы я не был женат и Мэрилин не была замужем, то был бы не прочь жениться на ней».

Что до Мэрилин, то она не хотела отпускать его. На протяжении многих месяцев она будет тешить себя надеждой, что сумеет склонить Монтана на свою сторону. Но больше они не встретятся.

Симона Синьоре, несмотря на все переживания, отнеслась к случившемуся философски. «Если Мэрилин влюбилась в моего мужа, — сказала она в одном из редких интервью, — значит, у нее хороший вкус. Потому что я тоже люблю его».

Позже в биографии жены Ива Монтана встретится горькое признание, касающееся Мэрилин: «Она даже не подозревала, что я не испытывала к ней ни малейшей неприязни и как хорошо я все понимала... Она умерла, так и не узнав, что я никогда не расставалась с шелковым шарфиком цвета шампанского, который она подарила мне. Сейчас он уже несколько поистрепался, но я аккуратно сворачиваю его, и ничего не видно».

Примечания

1. В советском прокате — «Путь в высшее общество».

Глава 26

Во время съемок фильма «Займемся любовью» у Мэрилин случился очередной «коллапс». И к ней в бунгало в отеле «Беверли Хиллз» начал наведываться новый доктор. Это был Ральф Гринсон, известный в Калифорнии психиатр. Взять Мэрилин под свою опеку, пока она была в Голливуде, его попросил нью-йоркский психоаналитик актрисы.

Между врачом и пациенткой завязались необычные отношения. Произошло так, что Ральф Гринсон, его жена и дети стали для Мэрилин новой приемной семьей. Через два года Гринсон будет одним из немногих, кто последним разговаривал с живой Мэрилин и одним из первых увидел ее мертвой.

Новый психиатр Мэрилин пользовался международным

признанием. Русский по происхождению, он учился в Вене и Швейцарии.

В Голливуде Гринсон не считал себя новичком. В число его пациентов входило немало деятелей шоу-бизнеса, включая Фрэнка Синатру. Когда психиатр впервые встретился с Мэрилин Монро, ему минуло сорок девять лет. Внешне это был видный, стройный мужчина, известный своей чувствительностью и участливым отношением к пациентам.

По вполне понятным причинам доктор Гринсон, как правило, отказывается говорить о своих знаменитых клиентах. Но после смерти Мэрилин Монро он выступал перед коллегами из лос-анджелесского центра по профилактике самоубийств, которым ознакомиться с делом пришлось по долгу службы после приглашения коронера1. Гринсон, ныне покойный, давал также осторожные интервью двум писателям, записи которых сохранились.

Автору также представилась возможность взглянуть на профессиональные записи доктора, касавшиеся Мэрилин, начиная с первого дня их знакомства. Материал этот позволяет в новом свете увидеть психическое состояние Мэрилин за два года до ее смерти.

Первый визит Мэрилин к доктору Гринсону состоялся после рабочего дня, проведенного на съемках картины «Займемся любовью». Ему сразу бросилось в глаза, что актриса находится под сильным влиянием седативных средств. Она невнятно произносила слова, и реакции ее были замедленными. Она казалась отрешенной, не понимала простейших вопросов и несла какую-то несусветную чушь. Единственное, чего она хотела, так это как можно быстрее улечься на кушетку, чтобы пройти сеанс терапии по Фрейду. Гринсон, встревоженный ее состоянием, решил ограничиться «поддерживающей терапией», не прибегая к глубокому психоанализу. Сначала он занялся изучением условий ее повседневной жизни.

Мэрилин разразилась потоком жалоб. Она сказала, что ей не нравится ее роль в картине, хотя раньше заявляла, что сценарий «Займемся любовью» — самый лучший из всех, что попадались ей прежде. Еще она говорила, что от своей репетиторши Паулы Страсберг не видит никакой пользы, потому что та чрезмерно много внимания уделяет собственной дочери Сьюзен. Так

психиатр Гринсон взял на себя роль «оказывающего поддержку наставника по актерскому мастерству».

Мэрилин сказала врачу о своей хронической бессоннице, чем и объяснила применение лекарств, увлечение которыми доктор посчитал чрезмерным. Новая пациентка не преминула посетовать на своих терапевтов. В ходе беседы выяснилось, что она, желая получить нужное лекарство, бегала от одного доктора к другому. Гринсон понял, что Мэрилин этими визитами настраивала их друг против друга. Она поразила Гринсона своими познаниями по части лекарств и напугала той мешаниной медикаментозных средств, которую принимала за один раз.

В частной беседе разгневанный доктор Гринсон на чем свет ругал «глупых врачей», которые поддевались на льстивые увещевания Мэрилин. Он предпринял попытку добиться от нее согласия ходить только к одному терапевту, настоятельно потребовал от нее прекращения внутривенного введения лекарств и особенно воспротивился дальнейшему применению демерола, который при привыкании становился крайне опасным.

Побеседовав с докторами, которых навещала Мэрилин, Гринсон пришел к выводу, что, «несмотря на тот факт, что у нее, казалось, выработалось привыкание, обычного привыкания не наблюдалось». Мэрилин производила впечатление человека, который по собственному желанию мог отказаться от тех или иных средств. При этом признаков абстиненции не было. Но врачи не скрыли от него опасения, что Мэрилин уже находится на пути к привыканию.

Стремясь отучить Мэрилин от злоупотребления медикаментами, Гринсон одновременно пытался научить ее искусству сна. Это была тяжелая борьба. Однажды, зайдя к ней в отель, он обнаружил Мэрилин, «умолявшую сделать ей внутривенную инъекцию натриевого пентатала или амитала, — и это несмотря на то, что накануне она проспала четырнадцать часов».

«Я сказал ей, — писал психиатр, — что она уже получила столько лекарства, что этого количества хватило бы уложить спать пятерых людей. Причина того, что она не спит, состояла в том, что она боится уснуть. Я пообещал ей, что она будет засыпать после меньшей дозы препаратов, если осознает, что борется со сном и одновременно пытается найти иную форму

забытья, отличную от сна».

Доктору Гринсону приходилось выслушивать «ядовитые замечания» Мэрилин в адрес Артура Миллера. Она утверждала, что ее муж был «холоден и неотзывчив» на ее проблемы, что его привлекали другие женщины и он находился под сильным влиянием своей матери. Она обвиняла Миллера в том, что тот мало внимания уделял отцу и не был «мил» с детьми. Она уверяла Гринсона, что Миллер расскажет ему иную историю, и просила не верить мужу.

Гринсон встретился с Миллером и увидел, что тот «был очень заинтересован в том, чтобы помочь своей жене, и искренне беспокоился за нее, хотя время от времени он начинал сердиться и проявлял нежелание сотрудничать». Психиатр чувствовал, что отношение Миллера к ней походило на «отношение отца, который сделал больше, чем большинство отцов способно сделать, и терпение его стремительно приближается к концу». Он сказал Миллеру, что Мэрилин нуждается в любви и преданности без всяких условий. Меньшее было для нее непереносимым.

Много времени спустя, уже после смерти Мэрилин, Гринсон говорил коллегам, что, по его мнению, брак Миллера потерпел фиаско «преимущественно» на сексуальной почве. Как он выяснил, Мэрилин считала себя фригидной. Ей «было трудно все время испытывать оргазм с одним и тем же человеком».

Гринсон писал также, что эта сексуально неудовлетворенная женщина «наслаждалась и упивалась собственной внешностью, чувствуя, что является необыкновенно красивой, возможно, самой красивой женщиной в мире. Она всегда прилагала неимоверные усилия, чтобы выглядеть привлекательной и произвести хорошее впечатление, появляясь на публике, хотя, с другой стороны, когда она оставалась дома и ее никто не мог видеть, она порой была не в состоянии привести себя в порядок. Временами ей казалось, что она ничтожна и ничего не стоит. Единственным средством, которое было способно вызвать у нее чувство уверенности в значимости ее жизни, была привлекательность собственного тела».

В 1960 году, выслушав первые жалобы Мэрилин на других людей, он написал: «По мере того как ее беспокойство усиливается, она начинает вести себя, как сирота, беспризорное существо и мазохистски провоцирует людей на плохое обращение

с ней. Когда в ее памяти всплывают картины прошлого, она все чаще заговаривает о травмирующем душу опыте сиротской жизни». У доктора Гринсона сложилось впечатление, что эта тридцатичетырехлетняя женщина по-прежнему считает себя «хрупким брошенным созданием».

Наблюдая за пациенткой на протяжении месяцев, доктор Гринсон, однако, воздерживался от диагноза, хотя отмечал у нее симптомы как паранойи и «депрессивных реакций», так и признаки шизофрении. Кроме того, он очень хорошо знал, что имеет дело с психикой настолько хрупкой, что кризис может наступить в любой момент.

Однако в 1960 году доктор Гринсон надеялся стабилизировать состояние своей подопечной и взять его под контроль. В первую очередь, надо было добиться, чтобы Мэрилин как можно меньше принимала лекарственных препаратов. Он прямо так и заявил, что «не собирается помогать ей убивать себя, а также досаждать мужу или искать спасения в забвении...». Это была прекрасная цель, но достичь ее не удалось.

«Наиболее серьезным осложнением глубокого депрессивного состояния, — сказано в «Руководстве по психическим расстройствам», книге, которой пользуются психиатры Соединенных Штатов для официального определения диагноза, — является самоубийство».

Примечания

1. Особый судебный следователь в США.

Глава 27

Это было за три года до описанных выше событий. В ту пору Мэрилин поправлялась после очередного выкидыша. Как-то Артур Миллер вышел погулять в парк, разбитый напротив нью-йоркской «Докторской больницы». Своему попутчику, фотографу Сэму Шоу, он рассказал о том, что написал новеллу под названием «Неприкаянные».

Идея рассказа пришла Миллеру еще до женитьбы на Мэрилин, когда он жил в Неваде, ожидая развода. Там на ранчо «Стикс» в Каньоне Куэйл Миллер познакомился с тремя ковбоями, которые зарабатывали на жизнь тем, что ловили диких лошадей. Это были бродяги, не вписывавшиеся в привычные рамки

американского общества. Тогда драматурга поразила мысль, что они были, должно быть, последними представителями исчезающего типа американцев. Лошади, которых они отлавливали, продавались на корм собакам по шесть центов за фунт. Они тоже были своего рода могиканами истребленных когда-то табунов. Из такой истории едва ли могла получиться пьеса, и это довольно длинное для новеллы повествование Миллер предложил журналу «Эсквайр».

Тогда в парке напротив «Докторской больницы» ему в голову и пришла мысль, что новеллу все-таки можно расширить и превратить в киносценарий. Вышло так, что «Неприкаянные» стали для Мэрилин, как выразился один из близких друзей Миллеров, «валентинкой».

Между тем взаимоотношения супругов были уже совсем не те, когда в июле 1960 года в отеле «Мейпс» в Рино, штат Невада, собрался уникальный ансамбль талантов. Как сообщил журналу «Тайм» продюсер, цель была в том, чтобы «попытаться создать по-настоящему динамичную картину». В ней должны были сниматься такие звезды, как Кларк Гейбл, Мэрилин Монро, Монтгомери Клифт и Эли Уоллэч. На второстепенные роли были приглашены тоже известные актеры, которые сочли за честь участвовать в создании фильма. Режиссером утвердили Джона Хьюстона, которого соблазнила возможность после многолетнего перерыва сделать фильм на американской земле.

Мэрилин предстояло сыграть роль Розлин, одинокой беспокойной женщины с Запада, которая приезжает в Рино, чтобы развестись с мужем. Она влюбляется в Гея, закоренелого индивидуалиста, мужчину много старше ее. Он промышляет тем, что вместе с двумя парнями отлавливает диких лошадей. Его играл Кларк Гейбл.

Розлин, подобно Мэрилин в реальной жизни, решила помешать уничтожению бедных животных. Ее борьба за спасение лошадей становится поистине эпопеей, которая позволяет зрителям надеяться, что победит любовь.

Артур Миллер приехал в Неваду раньше Мэрилин. Он понимал, что брак разваливается. Кроме того, подозревал, хотя, возможно, до конца не верил этому, что жена изменяет с Ивом Монтаном. Несколькими месяцами раньше, когда Миллер был в Европе, где вместе с Джоном Хьюстоном работал над

киносценарием «Неприкаянных», Хьюстон рассказал ему историю о супругах, которые развелись после того, как признались друг другу в своих изменах. Миллер, кивнув, заметил: «Правда погубила их».

В роли консультанта по супружеским вопросам снова оказался Брэд Декстер, актер, к помощи которого обращалась Мэрилин, когда ее брак с Ди Маджо грозил рухнуть. Мэрилин сказала о Миллере: «Он обвиняет меня в том, что я готова лечь в постель с первым встречным парнем. Это ужасно. Не смог бы ты поговорить с ним?» Декстер пообедал с Миллером в Беверли Хиллз в ресторане «Ла Скала», но ничего не добился.

Причиной развода Миллера с Мэрилин была, конечно, не связь ее с Монтаном. Просто наступил момент, когда он больше уже не мог вызволять жену из бесчисленных бед, куда она себя ввергала. Настала пора подумать о собственном спасении.

На съемках «Неприкаянных» в компании с Генри Картье-Брессоном работала замечательная женщина-фотограф Инга Морат. Она станет для Миллера третьей женой, с которой он будет жить в счастливом согласии. Последние сцены из драматической совместной жизни с Мэрилин разворачивались во время работы над «Неприкаянными».

Шла третья неделя июля. Джим Хаспил приехал в аэропорт, чтобы проводить Мэрилин, улетавшую на Западное побережье. Ему сразу бросилось в глаза, что выглядит она ужасно — диковата и неопрятна, с «мешками под глазами и пятнами менструальной крови на юбке. Я не хотел видеть ее такой и отвернулся».

Когда через три дня Мэрилин прилетела в Рино, штат Невада, она снова, как всегда, заставила всех ждать, так как переодевалась в туалете самолета. Среди встречавших была жена губернатора Невады, которую муж послал с букетом цветов приветствовать кинозвезду.

На другой день, когда жара в пустыне перевалила за 100 градусов по Фаренгейту, Мэрилин приступила к съемкам. На площадке она еще могла выглядеть замечательно, фотограф Картье-Брессон заметил, что такое сочетание красоты и природного ума способно создать «некий мифический образ, который во Франции мы называем la femme eternelle1».

Элис Мак-Интайер из «Эсквайра» считала, что «в ней нет ничего земного, что подобных людей вы никогда не видели. Она на удивление белокожа и настолько светлая, что в ее присутствии вы можете смотреть на других с такой же легкостью, с какой взираете на тьму, окружающую луну. Действительно, создается впечатление, что многообразная в проявлениях своей личности М.М., может быть, является воплощением самой Белой Богини: презирающая нижнее белье, одетая в облегающий белый шелк, украшенный бесчисленными красными вишнями, она тотчас становится символом беспристрастной и вечной популярности, символом, который тем не менее всегда сохраняет свою чистоту, — и остается потенциально опасной, способной нести смерть богиней, чья улыбка, обращенная непосредственно к вам, невыразимо, до боли в сердце, прелестна».

Белая Богиня торжествовала: ей предстояло работать в паре с Королем. Кларк Гейбл был для нее кумиром, напоминавшим человека на фотографии, того самого, про которого ей когда-то мать сказала, что это ее отец. Он был человеком, которого в своих мечтах она иногда представляла родным отцом.

«Все эти годы думала о нем, — говорила она журналисту, — и вот теперь Ретт Батлер! Разве он не чудный? Мы репетировали одну очень длинную сцену, как вдруг он начал подрагивать, так, чуть-чуть. Я даже не могу вам передать, как много это для меня значило. Узнать, что некто — мой кумир — просто человек».

Кларк Гейбл, профессионал в высшем смысле этого слова, понимал ценность Мэрилин как актрисы. Он еще успеет сказать своему агенту Джорджу Чейзину, что работа с Мэрилин в «Неприкаянных» сделала этот фильм одним из самых лучших среди его семидесяти картин. Тем не менее он спрашивал: «В чем, черт возьми, проблема с этой девчонкой? Проклятье, она мне нравится, хотя дьявольски непрофессиональна. Я, черт побери, едва не чокнулся в этом Рино, ожидая, когда она появится».

На площадке, где снимали «Неприкаянных», по утрам опять начали задавать один и тот же вопрос: «Мэрилин сегодня работает?» Снова, оказавшись без врачебного контроля Гринсона, она стала тонуть в алкоголе и злоупотреблять таблетками. По свидетельству Джона Хьюстона, однажды актриса за день приняла двадцать таблеток нембутала, которые запивала водкой или шампанским. Часто, когда по утрам от снотворного она еще

пребывала в забытьи и лежала в постели, ее старый друг Уайти Снайдер гримировал актрису.

«Мэрилин появлялась на площадке, — вспоминает Хьюстон, — и запиралась в гримерной, порой нам приходилось ждать ее все утро. Иногда она просто была не в себе. Помнится, я говорил Миллеру: «Если она будет продолжать в том же духе, то через два-три года окажется в лечебнице или умрет. Того, кто позволяет употреблять ей наркотики, следовало бы пристрелить». В каком-то смысле для Миллера это прозвучало как обвинение, но вскоре я убедился, что на нее он не оказывал никакого влияния».

В день рождения Джона Хьюстона, 5 августа, Мэрилин и Миллер на глазах у всей съемочной группы страшно поссорились. Об этом писали даже в газетах.

Скандал, безусловно, разгорелся не без причины. В конце недели, чтобы увидеть — или попытаться увидеть — Ива Монтана, приехавшего из Европы, Мэрилин понеслась в Лос-Анджелес. На съемочной же площадке она распространила слух, что Миллер состоит в любовной связи с ассистенткой Джона Хьюстона по сценарной части, Анжелой Аллен. Цель вымысла в том, по предположению Ал-лен, чтобы «избавиться от чувства своей вины из-за Монтана. Она не могла позволить себе испытывать угрызения совести, поэтому нападение для нее стало средством защиты».

«Я был на стороне Миллера, — вспоминает Джон Хьюстон, — этот человек делал все возможное, чтобы сохранить семью. Во время съемок Мэрилин много раз ставила его в неудобное положение на глазах у всех людей. Однажды она бросила его на площадке, то есть я хочу сказать, посередине этой чертовой пустыни. Мы все уезжали, и я увидел, что Миллер остался один. Других машин не было, а в свою она его не пустила. Это была злобная, мстительная выходка. Это был позор».

Две недели спустя огромная туча черного дыма затмила солнце над Рино. В сьерре бушевали лесные пожары. Напряжение в электрических сетях упало. В ту ночь светились окна только крупных казино, больницы и одно окно на девятом этаже в отеле «Мейпс», где Артур Миллер трудился над сценарием. Свет для его лампы на письменном столе давал генератор кинокомпании, снимавшей «Неприкаянных».

Пока Миллер работал, Мэрилин стояла в темноте рядом с Руппертом Алланом, ее пресс-агентом, и смотрела на реку Траки. Аллан рассказывал ей о жизненном цикле рыб, о том, как лосось поднимается в верховья реки, чтобы отнереститься, и сколько тысяч особей гибнет при этом. Аллан выразился по-другому: «...просто прекращают борьбу и становятся добычей других рыб или енотов».

«Ужасно, — обронила Мэрилин. — Я могу понять лососей. Я чувствую так же, как и они».

Мэрилин рассказала Аллану о случае, когда намеревалась совершить самоубийство. Однажды в Нью-Йорке она решила спрыгнуть с тринадцатого этажа своей квартиры и в ночной рубашке вышла на выступ стены. «Внизу я увидела женщину в коричневом твидовом костюме, — сказала Мэрилин, — и подумала, что если я спрыгну, то прибью и ее. Я ждала там пять или десять минут, но она не уходила. Я так замерзла, что вернулась назад в комнату. Но я могла бы сделать это».

Аллан почувствовал, что Мэрилин не шутила. Он сказал, что тоже иногда подумывал о самоубийстве, и, подобно Норману Ростену, он предложил ей заключить договор. «Если кто-то из нас, ты или я, когда-нибудь снова подумает о самоубийстве, — сказал он, — то позвонит другому». Они договорились, что, если придется сделать такой звонок или оставить записку, их кодом будут слова «река Траки».

Заключать подобные соглашения уже вошло у Мэрилин в привычку. После договоров с Норманом Ростеном и Алланом Руппертом будет еще один — с Ли Страсбергом, ее преподавателем по актерскому мастерству. Страсберг вспомнит, что, примерно в это время, «я добился от нее обещания, что, если у нее возникнет настроение такого рода, она сначала непременно позвонит мне...».

26 августа 1960 года, сидя с Мэрилин в машине, Гейбл произнес вот такой монолог: «Дорогуша, нам всем придется уйти, по причине ли или без нее. Смерть — такой же естественный процесс, как жизнь; насколько я могу судить, человек, который боится умереть, точно так же боится жить. Так что делать нечего, нужно просто забыть об этом и все. Мне так кажется».

На другой день после того, как ее удалось спасти, сделав

промывание желудка, Мэрилин отправили в Лос-Анджелес. В такой изнуряющей жаре к трапу самолета ее привезли, завернув в мокрую простыню. Внизу остался аэропорт с растворившейся в толпе съемочной группой. Девушки махали плакатами, на которых было написано: «ВОЗВРАЩАЙСЯ СКОРЕЕ, МЭРИЛИН» и «ТЫ НУЖНА НЕПРИКАЯННЫМ».

Под присмотром психиатра Ральфа Гринсона и терапевта доктора Хаймана Энгельберга Мэрилин провела в «Вестсайдской больнице» десять дней. Именно тогда отчаянно и тщетно пыталась она по телефону разыскать Ива Монтана. Встревоженные, ей звонили ее друзья Марлон Брандо и Фрэнк Синатра.

К тому времени, когда Мэрилин возобновила работу, творческим коллективом «Неприкаянных» овладело настроение, близкое к истерии. Пока Мэрилин находилась в больнице, небезызвестная обозревательница Луэлла Парсонс напечатала статью, в которой без обиняков говорилось, что Мэрилин была «серьезно больной девушкой, гораздо серьезнее, чем предполагалось ранее», и что она находилась под наблюдением психиатра. Состояние звезды, от которой зависела судьба «Неприкаянных», теперь стало достоянием широкой гласности, и ее коллеги жили в атмосфере тягостного ожидания, временами скрашенного черным юмором.

Однажды в 4.30 утра пришла телефонограмма из Нью-Йорка, в ней спрашивали, насколько достоверны сведения о самоубийстве Мэрилин. «Что вы, это невозможно! — ответил пресс-агент «Неприкаянных». — В семь тридцать утра она должна быть на съемочной площадке!»

В одной из первых сцен в «Неприкаянных» ˆгероине Мэрилин, добивающейся развода, посоветовали выбросить кольцо в реку Траки. Она узнает, что, согласно народному поверью, это в дальнейшей жизни избавит ее от новых разводов. Этот эпизод поверг Мэрилин в уныние, поскольку ее собственный очередной развод был уже не за горами. Во время пребывания в больнице она умоляла репортера Эрла Уилсона не вдаваться в подробности ее отравления лекарствами. Скоро будет другая, более громкая история, добавила она, касающаяся ее и Артура Миллера.

В конце сентября на съемочной площадке появится У. Дж. Уиттерби, пишущий для английского издания «Манчестер

Гардиан». Его первое впечатление о царившей там атмосфере «было таким, словно я оказался посредине минного поля в окружении маниакально-депрессивных людей».

Репортер побеседует и с Мэрилин, и с Миллером, и узнает, что драматург беспокоится о жене и выступает на ее стороне. Может быть, предполагает автор, слухи о скором разрыве были ложны? Тогда, 10 октября, когда они с Миллером просмотрели телевизионные дебаты Кеннеди и Никсона, в комнату с шумом ворвалась Мэрилин. «Слава Богу, ты кого-то привел в дом, — холодно бросила она Миллеру. — Ты никогда никого не приглашаешь. Это так скучно». Закончив тираду, она исчезла в ванной комнате.

Миллер, по замечанию Уиттерби, выглядел так, словно его ударили.

Неделю спустя компания отмечала сорокапятилетие Артура Миллера. Праздничный ужин был заказан в «Крисмас Три Инн». Вечер прошел шумно и весело, гак как на другой день намечалось завершение натурных съемок. Мэрилин тоже позволила себе присутствовать на торжествах. В разгар веселья, взяв слово, поднялся с места доморощенный шутник киногруппы оператор Рассел Метти. Отпустив несколько острот по адресу выдающихся мужчин компании, он повернулся к Мэрилин. «Мэрилин, пожалуйста, сделай нам одолжение, — сказал Метти. — Встань и поздравь Артура с днем рождения». В воцарившейся тишине Мэрилин покачала головой.

Ужин длился недолго. Когда все встали из-за стола, Мэрилин присоединилась к компании Джона Хьюстона, собравшейся за игрой в кости. С игрой она знакома не была и поэтому спросила Хьюстона: «Что я должна загадать, бросая кость, Джон?»

«Ни о чем не думай, дорогая, просто бросай, — сказал ей Хьюстон, — это как судьба. Не думай, просто делай».

Сегодня Хьюстон вспоминает: «Ей повезло, но она не знала, как быть дальше».

Когда съемки «Неприкаянных» были закончены, Миллер и Мэрилин вернулись в Нью-Йорк. Летели они разными рейсами. 11 ноября — в День заключения перемирия2 — Мэрилин сдержала обещание дать Эрлу Уилсону эксклюзивное интервью. «Браку

Мэрилин Монро с Артуром Миллером настал конец, — написал Уилсон в своей статье, — в скором времени следует ожидать мирного развода».

Мэрилин, со всех сторон осаждаемая репортерами, подтвердила правдивость сказанного. Она была бледная и заплаканная. В толчее и неразберихе один из газетчиков сунул ей микрофон прямо в рот и обломал кусочек зуба.

А примерно через неделю, в четыре часа утра, Мэрилин разбудил телефонный звонок. Она узнала, что от сердечного приступа скончался Кларк Гейбл. Разговаривая по домофону с журналистом, стоявшим в вестибюле, Мэрилин всхлипывала: «О Господи, какая трагедия! Знать его и работать с ним было для меня большой радостью. Передайте мою любовь и глубочайшее соболезнование его жене, Кей».

Кей Гейбл в ту пору была беременна, и отцу не пришлось увидеть новорожденного. К Мэрилин она испытывала двойственное чувство. В глубине души она подозревала, что та увивалась вокруг ее мужа. Своей подруге Кендис Рочлен миссис Гейбл сказала, что, по ее мнению, «напряжение, вызванное работой с Мэрилин, сыграло определенную роль в кончине Кларка». Однако на следующий год Мэрилин все же пригласили на крестины новорожденного сына Гейбла, и она так долго и так страстно прижимала его к груди, что гости почувствовали себя неловко.

Мэрилин на самом деле считала себя виноватой в смерти Гейбла. Признавшись, что во время съемок «Неприкаянных» она скверно обращалась с ним, Мэрилин спросила Сиднея Сколски: «Наверно, я наказывала своего отца? Отыгрывалась на нем за все те годы, которые он заставил меня ждать?»

Сколски вспоминал, что она пребывала «в темном провале отчаяния».

Хотя Джон Хьюстон и Артур Миллер трудились над «Неприкаянными» в поте лица, фильм не был встречен как «действительно классная картина». Мало кто считал, что фильм получился. Однако многие хвалебно отзывались об игре Мэрилин и Гейбла.

Что касается Джона Хьюстона, то сегодня он полагает, что

Мэрилин не играла, в обычном смысле этого слова. «Она сразу обращалась к собственному жизненному опыту, извлекая нечто необычное, присущее только ей одной. Актерской техникой она не владела нисколько. Для нее все было взаправду и всегда была только сама Мэрилин. Только это была Мэрилин и еще что-то сверх того. Она находила ка-кие-то штрихи, штрихи женских характеров, обнаруженные в самой себе».

Много лет спустя Артур Миллер сказал: «В «Неприкаянных» ее игра как драматической актрисы была бесподобна, но я не уверен в том, что результат стоил всей этой муки, всего этого страдания. Он не стоит ничего».

После объявления о разводе прошла неделя. Артур Миллер, ошеломленный, сидел в просмотровом зале. «Я все еще не понимаю этого, — сказал он. — Мы прошли через это. Это было моим подарком ей, и все же ухожу без нее».

Киногруппа, снимавшая «Неприкаянных», была распущена. Мэрилин, сидя на столе и отхлебнув из горлышка «Бурбона», сказала: «Я уже задумываюсь о будущем и надеюсь, что в другой раз сыграю лучше». Потом она вздохнула. «Я пытаюсь найти себя. Миллионы людей прожили жизни, так и не найдя себя. Для меня лучший способ найти себя — доказать самой себе, что я актриса».

Эти надежды Мэрилин-актрисы не сбылись. Второй ее фильм завершен не будет. Мэрилин-человек безуспешно искала успокоения. Еще до окончания съемок, чувствуя себя как никогда плохо, Мэрилин возобновила отношения со своим другом Робертом Слэтцером. Она подарила ему фотографию с надписью:

«Бобу на память о незабываемых моментах в Рино и других местах, — от одного «неприкаянного» другому.
Всегда с любовью,

Мэрилин.
8 сентября 1960 г.»

В ноябре Мэрилин позвонила из Нью-Йорка другому своему старому возлюбленному, Нико Минардосу. Он находился в Греции, где снимался с Джейн Мэнсфилд. И Мэрилин, похоже, хотелось выяснить, не было ли у него с Мэнсфилд романа. Еще Мэрилин попыталась разыскать Милтона Грина, но по каким-то причинам — каким именно, Грин уже не помнит — он ей не

перезвонил. Но больше всего Мэрилин надеялась, что ее отношения с Ивом Монтаном еще наладятся.

Весть о разводе звезды дала пищу для новых толков о французе. Тем более, что из Парижа сообщили о размолвке между Ивом Монтаном с Симоной Синьоре. Нужно сказать, что слухи эти были отнюдь не безосновательны. За неделю до Рождества I960 года Пэт Ньюком, пресс-агент Мэрилин, которая стала одним из наиболее доверенных лиц актрисы, оказалась свидетельницей семейной драмы, разыгравшейся в квартире Мэрилин. Монтан со дня на день должен был появиться в Нью-Йорке, и Мэрилин надеялась снова встретиться с ним. И тут из Парижа ей позвонила доведенная до отчаяния, перешагнувшая через гордость Симона Синьоре. Мэрилин попросила Ньюком взять вторую трубку и послушать.

«Симона умоляла Мэрилин не встречаться с Монтаном, просила оставить его в покое, — вспоминает Ньюком. — Я чувствовала себя просто ужасно: ведь такая замечательная женщина, исключительный человек, умоляла Мэрилин».

Монтан в Нью-Йорк не приехал. В последнюю минуту он отменил поездку. Мэрилин, по словам Ньюком, была «опустошена».

В то Рождество, по свидетельству горничной Мэрилин Лены Пепитоне, актриса снова была на волоске от самоубийства. Пепитоне увидела, что хозяйка стоит у окна своей спальни, «держась за наружное лепное украшение». Когда горничная схватила ее за талию, Мэрилин закричала: «Лена, нет. Дай мне умереть. Я хочу умереть. Я заслужила смерть. Что я натворила со своей жизнью? Кто у меня есть? А ведь сейчас Рождество».

* * *

В то Рождество 1960 года спасителем стал Ди Маджо. Он всегда приходил на помощь и сейчас, узнав, что Мэрилин порвала с Артуром Миллером, поспешил навестить ее. Рассказывают, что у порога дома бывшей жены в то Рождественское утро он был с большим букетом.

По словам Пепитоне, с тех пор Ди Маджо регулярно появлялся в доме Мэрилин в обеденное время. Одетый в строгий деловой костюм, Ди Маджо приходил, никем не замеченный, так

как пользовался служебным лифтом. Уходил он обычно рано утром, еще до прихода других посетителей.

В начале 1961 года состояние Мэрилин резко ухудшилось. Еще во время Рождественских праздников побеспокоила она своего адвоката, желая составить новое завещание. Из своего пристрастия к наркотикам она уже не делала секрета. Друзья видели, как по утрам Мэрилин принимала барбитураты, словно совершала некий ритуал. Она, чтобы ускорить действие лекарства, прокалывала капсулы булавкой.

Иногда, в особенно тяжелые минуты, Мэрилин обращалась за помощью к Страсбергам, ища в их доме утешения и покоя. Ей отдавали комнату сына Джона, а он ютился на диване в гостиной. Джон Страсберг рассказывает, что однажды ночью проснулся от того, что Мэрилин в ночной рубашке стояла рядом. Девятнадцатилетний Джон не знал, как поступить с женщиной, которой перевалило за тридцать и которая бормотала что-то об «одиночестве ... и потребности поговорить...»

Сестра Джона Сьюзен вспоминает, как Мэрилин, пьяная от принятых лекарств и спиртного, «стоя на четвереньках перед комнатой родителей, скреблась в дверь...»

20 января 1961 года в восемь часов вечера судья специально для Мэрилин Монро опять открыл свой кабинет. Это происходило в городе Хуаресе в Мексике. Причиной неурочного визита было расторжение брака Мэрилин Монро и Артура Миллера после четырех с половиной лет совместной жизни. Мэрилин в сопровождении Пэт Ньюком и мексиканского адвоката просила оформить развод, мотивируя его «несходством характеров». Адвокат, представлявший интересы Миллера, сказал, что желание расстаться у них обоюдное.

Одетая во все черное, Мэрилин подписала необходимые бумаги, не читая их, потом с трудом протиснулась через толпу свидетелей. Мэрилин, желая избежать широкой огласки, поехала в Мексику в день инаугурации президента Кеннеди. На другой день к обеду Мэрилин уже вернулась в Нью-Йорк.

Чувствуя себя после развода одинокой, Мэрилин снова сблизилась с Джимом Хаспилом, ставшим ее настоящим другом, но державшимся в стороне в годы замужества актрисы. Он был потрясен, когда Мэрилин подарила ему фотографию с надписью:

«Одному-единственному Джимми, моему другу. С любовью Мэрилин». Словосочетание «единственному Джимми» было несколько раз подчеркнуто. Хаспил, который теперь был уже взрослым мужчиной, с горечью сознавал, что у Мэрилин нет настоящих друзей и она ясно понимает это.

В начале февраля в газетах начали появляться первые рецензии на «Неприкаянных». Большинство из них носило критический характер. В одном из обзоров о роли Мэрилин говорилось следующее: «В ней мы не видим ничего, кроме неврастенички, она почти не несет никакого смысла». Даже Хаспил, который всегда был искренен с Мэрилин, позвонил и сказал ей, что картина ему не понравилась.

На другой день случилось то, что предсказывал Джон Хьюстон, только произошло это раньше, чем он предполагал. Мэрилин Монро оказалась в психиатрической больнице.

Примечания

1. Вечная женщина (фр.)

2. Имеется в виду день окончания Первой мировой войны.

Глава 28

Психиатрическая клиника «Пейн-Уайтни» в Корнельском медицинском центре занимала высотное здание из белого кирпича, выходившее на Восточную реку Манхэттена. Эту больницу порекомендовала Мэрилин ее постоянный психиатр доктор Марианна Крис. За последние два месяца пациентка посетила ее около пятидесяти раз. Теперь доктор сумела убедить актрису в том, что та нуждается в специальном лечении, чтобы остановить процесс сползания в беспамятство, вызванный наркотическим действием употребляемых ею лекарственных препаратов.

Для Мэрилин больница всегда была местом, где можно расслабиться и хорошенько отдохнуть. Вот почему прием, оказанный ей в «Пейн-Уайтни», вызвал у актрисы настоящий шок.

В клинику Мэрилин приехала, закутанная в огромную шубу. Она зарегистрировалась под именем «Фей Миллер». После чего ее провели на этаж, предназначенный для «умеренно беспокойных» больных. Как явствует из ее собственных воспоминаний, она тут

же почувствовала себя скорее заключенной, чем пациенткой. Дверь изнутри запиралась на замок. Одежду актрисы немедленно забрали. В ванной комнате двери не было. Разговоры по телефону были строго ограничены.

Впоследствии Мэрилин рассказывала Сьюзен Страсберг: «Я всегда боялась, что стану сумасшедшей, как моя мать, но когда я попала в палату с психическими больными, я поняла, что они на самом деле были помешанными — а я просто была не совсем здорова».

Медсестра из «Пейн-Уайтни», через много лег дававшая интервью журналу «Лайф», вспоминала, как Мэрилин стояла за дверью и не переставая кричала: «Откройте дверь! Я никого не побеспокою, только выпустите меня. Пожалуйста! Откройте дверь!» Дверь оставалась запертой.

То, что произошло дальше, Мэрилин объяснит потом тем, что решила: «Ладно, раз вы вздумали обращаться со мной, как с чокнутой, я и вести себя буду соответствующим образом».

По свидетельству другого работника больницы, Мэрилин сняла одежду и нагая стояла у окна. Тогда ее доставили в охраняемую палату на девятом этаже, где в стеклянную дверь она запустила стул.

Больничная медсестра сказала в интервью: «Нам всем хотелось защитить ее. Мы все чувствовали себя так, словно хотели взять ее на руки, успокоить и сказать: «Теперь все хорошо». Такое чувство вызывают у вас маленькие и одинокие дети. Знаете, хочется осушить им слезы, погладить по головке или подержать их ручки».

Спустя несколько месяцев Глория Романова, подруга Мэрилин, услышит от актрисы ее мрачную историю о больничном заключении. «Это было похоже на ночной кошмар, — сказала она. — Они держали меня в смирительной рубашке. Они давали мне столько успокоительного, чтобы я не впадала в забытье. Возможно, ты не поверишь, но по ночам то и дело приходили врачи и медсестры поглазеть на меня. А я со связанными руками была не в состоянии защитить себя. Я была для них любопытным объектом, а мои дела никого не волновали».

Газетчики вскоре узнали, что Мэрилин попала в клинику и

что причина ее госпитализации, как уверяли агенты актрисы, — это заболевание «неясного происхождения». Один врач отверг предположение, что это шизофрения, однако отметил, что актриса «находится в неустойчивом психическом состоянии, так как слишком много работала».

Тем временем Мэрилин вела борьбу за свое освобождение. Ниже приводится со всеми ошибками текст записки, которую она бросила Страсбергам:

«Дорогие Ли и Паула,

Доктор Крис упекла меня в нью-йоркскую больницу — психиатрическое отделение, где за мной присматривают два идиота врача. Они не должны быть моими врачами.

Вы не получали от меня известий по той причине, что я сижу здесь в заточении со всеми этими бедными помешанными. Уверена, что, если еще задержусь в этом кошмаре, то прикончу одного аз этих психов. Ли, умоляю, помоги мне, это последнее место на земле, куда меня можно было поместить, — может быть, если ты позвонишь доктору Крис и сумеешь убедить ее в моей повышенной чувствительности и в том, что мне нужно вернуться к занятиям... Ли, я пытаюсь всегда помнить о том, что ты однажды сказал на уроке, что «искусство превыше науки».

А все, касающееся науки, что окружает меня сейчас, я хотела бы забыть, — например, визжащих женщин и т.п.

Пожалуйста, помоги мне, — если доктор Крис станет уверять тебя, что со мной все в порядке, можешь заверить ее, что я не в порядке . Мне здесь не место!

Люблю вас обоих.

Мэрилин.

P.S. простите за орфографию — и здесь не на чем писать. Я на этаже для особо опасных, здесь как в камере. Можете себе представить — бетонные блоки и они засунули меня сюда, потому что наврали что пригласили моего доктора и Джо а сами заперли дверь ванной и я разбила стекло но кроме этого я ничего такого не сделала что выходит за рамки».

Но из больничной неволи Мэрилин вызволили не Страсберги. Это сделал Джо Ди Маджо. Актриса, воспользовавшись положенным ей на телефонные разговоры временем, позвонила ему во Флориду, и он незамедлительно вылетел в Нью-Йорк. Вечером Мэрилин тайно вывели по подвальным коридорам. Следующие три недели она провела в неврологическом

отделении Колумбийского пресвитерианского медицинского центра. Сведений о приступах истерии и каких-то драматических событиях нет.

Из документального фильма, снятого в день выхода Мэрилин из больницы, видно, как бесстыдно и безнравственно вела себя толпа репортеров, которые на протяжении всех этих лет освещали неблагополучные моменты ее личной жизни. Стискиваемую со всех сторон, Мэрилин в окружении шестнадцати полицейских и охранников из больничного персонала вели к ожидавшему ее лимузину.

В описании этого события всех своих соперников переплюнул журнал «Нью-Йорк. Джорнал-Американ», поместив на своих страницах в высшей степени бестактную историю. По утверждению репортера, Мэрилин якобы сказала: «Я чувствую себя замечательно». Затем автор добавил:

«Мир стоит, как стоял, ребята, так что не бойтесь, не бойтесь. Лицо Мэрилин по-прежнему выглядит как призрачный лепесток розы, тонкая улыбка мягка, как всегда, фигура — ах, эта фигура, — лучше всего они развязали ее нервные узлы».

Норман Ростен, несколько раз проведывавший Мэрилин в больнице, вынес другой вердикт. «Она была больна, — писал он позже, — и не только физически и психически, но больше всего была больна ее душа, основной источник желаний. В ее глазах не было света».

Большую поддержку в ту весну оказал ей Джо Ди Маджо, бывший муж, который так и не смог ее забыть. В его жизни не нашлось места для другой женщины, и, когда Мэрилин позволяла, он дарил ей относительный покой. И на этот раз он провел возле нее много дней. Мэрилин вылетела к нему во Флориду, где он тренировал свою старую команду нью-йоркских «Янки». Потом в Нью-Йорке Ди Маджо иногда оставался у нее на ночь. Прислуга знала об этом, и поползли слухи, что они собираются снова жениться. Но Мэрилин была в том состоянии, которое не позволяет предпринимать серьезные шаги.

Шло время, и возникла идея предложить Мэрилин роль Сэди Томпсон в телевизионной постановке «Дождь», по новелле Сомерсета Моэма. Но планы пришлось отложить в долгий ящик.

Ходили разговоры о том, что Мэрилин собирается играть в фильме «Фрейд», который задумал поставить режиссер Джон Хьюстон по киносценарию Жана-Поля Сартра. Сартр считал Мэрилин «одной из величайших актрис современности». Она должна была получить роль Сесили, одной из пациенток Фрейда. Но доктор Гринсон, ее калифорнийский психиатр, отсоветовал делать это. Одной из причин было то, что дочь Фрейда, с которой Гринсон был знаком, возражала против создания фильма. В тесном кругу он признавался, что эта роль могла бы нанести Мэрилин непоправимый ущерб.

В 1961 году Мэрилин совсем не работала. В течение лета она дважды оказывалась на больничной койке, но на этот раз из-за физических недомоганий. В мае в Лос-Анджелесе актрисе сделали еще одну гинекологическую операцию. Врачи обнаружили непроходимость фаллопиевых труб, которая возникла, по всей видимости, в из-за неумелых хирургических вмешательств после абортов.

А через месяц, уже в Нью-Йорке, Мэрилин, прижимавшую простыню к лицу, на носилках внесли в поликлиническую больницу. На сей раз у нее было острое воспаление желчного пузыря. Доктор Ричард Коттрел, которому пришлось заниматься пациенткой, ужаснулся, узнав, что такой обаятельной внешностью наделено создание, нашпигованное физическими недугами.

В заключительной сцене из «Неприкаянных», вселяющей в зрителей надежду, Гейбл и Мэрилин ночью едут на свет звезды, которая должна привести их домой. Теперь в больнице Мэрилин вместе с доктором Коттрелом вышла на балкон и посмотрела в небо. «Взгляните на звезды, — пробормотала она, — как ярко светят они там в вышине, но каждая из них, должно быть, очень одинока». Позже она мрачно скажет: «Это выдуманный мир, правда?»

Доктор Коттрел не совсем для себя уяснил, какой же была она, Мэрилин. Он обратил внимание на то, что актриса, вероятно вспомнив о своем происхождении, зарегистрировалась в больнице под именем Нормы Джин Бейкер1. К этому имени она не обращалась уже много лет.

В 1961 году ситуация у Мэрилин была ужасающей. Ее новая секретарша в Нью-Йорке Марджори Стенджел, работавшая ранее у Монтгомери Клифта и Фей Данауэй, вспоминает о тридцатипятилетней Мэрилин как о «самом пустом человеке из всех, с кем я встречалась». На вопрос своей парикмахерши, пытавшейся разузнать у нее о каких-нибудь подробностях из жизни самой известной в мире кинозвезды, она ответила: «Моя дорогая, двадцать четыре часа твоей жизни являются более интересными и занятыми, чем две недели Мэрилин Монро».

Появившись у Мэрилин, Стенджел отметила, что теперь ее квартира стала «мерзкой, грязной и унылой, с запятнанными собакой коврами». Она говорит: «На самом деле ее жизнь была пуста. Она не встречалась с друзьями, никуда не выходила, я даже не видела, чтобы она что-нибудь читала, за исключением только одного случая, когда она держала в руках книжку Гарольда Робинса. Она ничего не делала, были только телефонные звонки. Длинные тайные телефонные разговоры, которые она вела из другой комнаты, часто с ее психоаналитиком из Калифорнии. Это вызывало чувство гадливости».

У Мэрилин, по словам Стенджел, вошло в привычку

сквернословие. Она все чаще и чаще в разговоре позволяла себе резкий тон, ничем не напоминавший едва слышный, всем известный детский голосок.

Несмотря на все усилия психиатров, актриса продолжала отравлять себя лекарствами. Стенджел говорит: «Квартира ее была завалена полупустыми пузырьками с пилюлями, выписанными на мое имя, ее имя, имена друзей. Некоторые доктора пойдут на это для вас, если вы богаты и известны».

Во время ее пребывания в Калифорнии прической Мэрилин занимался молодой парикмахер Джордж Мастерс. Он вспоминает, что вскоре после выхода актрисы из больницы увидел ее в каком-то «порванном махровом халате. Она сказала, что живет на икре, шампанском и сваренных вкрутую яйцах. Она могла позволить себе целых две недели выглядеть как старая карга. Иногда от нее пахло, волосы она не расчесывала неделями. Поэтому требовалось порой часов девять, чтобы привести ее в порядок и воссоздать образ прежней Мэрилин Монро».

Однажды Мэрилин вызвала Мастерса из Калифорнии в Нью-Йорк, чтобы тот сделал ей прическу. Встретив его у порога, она сказала, что, к сожалению, слишком устала, чтобы принять его. Возмещая парикмахеру затраты, она сунула ему чек на сумму в две тысячи долларов.

Мастерс также был свидетелем того, что Мэрилин злоупотребляла лекарствами. «Помнится, однажды, — рассказывает он, — она предложила мне таблетку нембутала. Предложила так, как люди угощают вином. Я подержал ее во рту, а потом выплюнул. Мне кажется, глотать таблетки она начинала спозаранку. Порой мне приходилось ждать ее по два часа: она была в ванной и якобы умывалась. Два часа! Согласитесь, это очень странно».

«Когда я начинал трудиться над ней, — говорит Мастерс, — она вдруг менялась — почти как хамелеон. Иным делался ее голос, другой манера поведения. У меня мурашки по спине бежали, когда она постепенно превращалась в Мэрилин Монро».

У Мастерса создалось впечатление, то Мэрилин стала «бесполой. Я думаю, если у нее к тому времени и оставалось какое-то желание, так это только завоевывать мужчин. Это был вызов, и, похоже, это заводило ее. Думаю, в ней было два

человека, а может, и три: она сама, Мэрилин Монро и бесполое, расчетливое существо, заботившееся только о себе».

* * *

Летом 1961 года Мэрилин вернулась в ту же квартиру на Дохени, где жила в начале пятидесятых годов. Джин Кармен была ей старой подругой. Они познакомились несколько лет назад в «Экторз Стьюдио» в Нью-Йорке. Теперь, став соседками, сблизились.

Дом на Дохени представлял собой низкое, не поддающееся описанию, угловое здание. На почтовом ящике Мэрилин значилось только имя ее секретарши с Востока Марджори Стенджел. Актриса занимала одну из квартир, выходивших окнами во внутренний дворик. Темный коридор вел в большую и еще более темную спальню, непроницаемая тьма в которой поддерживалась благодаря тяжелым черным гардинам на окнах. Первоначально предназначенная под гостиную, эта комната теперь стала спальней. Главное место там занимала огромная двуспальная кровать. Комната сделалась, как выразился один из друзей, «алтарем сна». В ней совсем не было картин и очень мало личных вещей.

Здесь, на Дохени, Мэрилин и Джин Кармен за выпивкой и разговорами коротали время, преимущественно ночные часы. Двадцатисемилетняя Кармен была на восемь лет младше Мэрилин. Будущая актриса, она иногда выступала под именем Сейбер Даро. Свою карьеру начала так же, как и Мэрилин, снимаясь для обложек журналов, затем стала получать роли во второстепенных картинах.

Кармен считала способность Мэрилин выпить большую дозу спиртного «олимпийским стандартом». Что же до лекарств, то у них было много общего. «Я, пока жила в Вегасе, пристрастилась к снотворным пилюлям, — говорит Кармен, — в потреблении препаратов мы стали с ней, как родные сестры. Мы обе принимали секонал и нембутал, иногда заимствовали друг у друга рецепты. Но на ночь мне хватало двух-трех таблеток; Мэрилин к тому времени, когда мы встретились, глотала их пригоршнями...»

Подруги болтали о сексе и мужчинах. Мэрилин говорила о ребенке и утверждала, что родила одного, когда была еще

подростком, и боялась, что Господь накажет ее за то, что не оставила малыша себе. «Из того, что она говорила мне, — рассказывает Кармен, — явствовало, что секс не давал Мэрилин ровным счетом ничего. Она никогда не испытывала оргазма, а только делала вид, что испытывает. Она чувствовала себя так неуверенно, — вспоминает Кармен, — она не сомневалась, что потеряет даже лучших своих друзей, когда станет старой и безобразной и останется без средств к существованию...»

Мысли о самоубийстве по-прежнему не отпускали Мэрилин. «У меня нет иного выхода, кроме смерти, — говорила она, будучи навеселе, — мне хотелось бы уйти во всем белом, в белой атласной ночной сорочке и на белых атласных подушках. И чтобы нашелся кто-нибудь, кто сделал бы меня красивой. А ты не могла бы стать для меня тем человеком?»

В мае того года Мэрилин, нуждаясь в психиатрической помощи, снова прибегла к услугам доктора Ральфа Гринсона. Тот, расстроившись из-за «ужасного одиночества» Мэрилин, принял решение, полностью противоречащее традициям психиатрии, — открыл для актрисы двери собственного дома.

Это решение Гринсона резко критиковали его коллеги. В то же время, по словам его вдовы, Мэрилин частично получила то, чего ей так не хватало, — защиту и чувство семьи. К тому же доктор по-настоящему сочувствовал тридцатипятилетнему приемышу. С этого момента он, его жена и двое их детей стали для Мэрилин родной семьей.

Гринсоны жили в прекрасном доме мексиканского стиля, построенном на вершине единственной горы в Санта-Монике. Избавляя Мэрилин от визитов к нему в кабинет, доктор обычно принимал актрису у себя в доме. Мэрилин, что для нее несвойственно, приходила заранее. Вероятно, это связано с замечанием Гринсона, что непунктуальность — признак неуважения. Дочери Гринсонов Джоан был двадцать один год, и она изучала искусство. Ей приходилось встречать Мэрилин, когда доктор был занят. Вдвоем они прогуливались около бассейна и любовались открывавшимся сверху видом на город и Тихий океан.

Для Джоан Гринсон встречи с кинозвездой первой величины были хлопотны, но притягательны. Вскоре она стала навещать актрису, возить ее по городу. Так начиналась их необычная

дружба. Мэрилин делилась своим женским опытом, давала советы по поводу макияжа; она показала Джоан, как обесцвечивать волосы, оттенять верхнюю губу. Они даже обменивались платьями.

«В ту пору только начиналось увлечение твистом, — вспоминает Джоан, — и она учила меня танцевать твист так, как она себе это представляет, учила всем этим телодвижением с прижиманием, то есть тому, что можно увидеть по телевидению, ничего неприличного. Мэрилин относилась ко мне, как к младшей сестре. Она никогда не показывала мне свои фотографии в обнаженном виде и никогда не говорила, что спала с кем попало. Мне она преподносила себя как совершенно невинное создание».

Дэнни Гринсон, двадцатичетырехлетний брат Джоан, никогда не думал, что у него с Мэрилин будет что-нибудь общее. Студент с радикальными, по современной мерке, политическими взглядами, он ожидал увидеть «богатую голливудскую шлюху». Вместо этого он оказался под влиянием женщины, которая «ни в коей степени не была напыщенной или фальшивой, от нее исходило душевное тепло». Мэрилин в черном парике сопровождала Дэнни, когда тот ходил в поисках жилья для себя. Они говорили о политике, и он убедился, что она симпатизировала его самым левым настроениям.

Мэрилин с доктором Гринсоном встречалась шесть, а то и семь раз в неделю. Он принимал ее, вернувшись из клиники домой. Она, естественно, была последней назначенной пациенткой. Выпрямившись, сидела актриса на стуле и весь отведенный ей час изливала доктору свои печали. Потом они вместе выходили из его кабинета и присоединялись к семье. Примерно через день-два к столу подавались спиртные напитки. Из холодильника доставали персональную бутылку Мэрилин с шампанским «Дом Периньон», зачастую уже початую, если она была принесена накануне. Иногда Мэрилин оставалась на ужин, после которого помогала на кухне вымыть посуду, сопровождая это занятие рассказами на «вечнозеленую» тему о своих домашних обязанностях в пору сиротского детства.

В мае 1961 года Гринсон с надеждой писал, что «дела у нее обстоят довольно хорошо». Было это до того, как Мэрилин перенесла операцию на желчном пузыре, за которой началось прогрессирующее ухудшение. Он добавлял: «Меня ужасает

пустота ее жизни в смысле человеческих отношений. По своей сути это явно нарциссианский способ существования... В целом наблюдается некоторое улучшение, но не могу сказать, насколько глубок этот процесс или как давно длится».

Три недели спустя, в день своего тридцатипятилетия, Мэрилин прислала доктору Гринсону телеграмму, в которой говорилось:

«ДОРОГОЙ ДОКТОР ГРИНСОН, Я СЧАСТЛИВА, ЧТО В ЭТОМ МИРЕ ЛЮДЕЙ ЕСТЬ ВЫ. У МЕНЯ ПОЯВИЛАСЬ НАДЕЖДА, ХОТЯ СЕГОДНЯ МНЕ СТУКНУЛО ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ. МЭРИЛИН».

Начало 1961 года ознаменовалось для Мэрилин сближением с Гордоном Хивером, к которому она прониклась неожиданным доверием. С этим англичанином она была знакома уже много лет. В пятидесятые годы Хивер жил в Голливуде и работал в сценарном отделе «Парамаунта». Он принимал участие в нескольких фильмах Хичкока, а потом женился на деньгах. Он весьма гордился своей уникальной способностью запоминать факты и события, за что Хичкок прозвал его «мистер Память», по аналогии с персонажем из «Тридцати девяти шагов» (Thirty Nine Steps).

В начале января 1961 года, рассказывает Хивер, Мэрилин сообщила ему, что у нее недавно состоялось «свидание с будущим президентом Соединенных Штатов». По тому, как она это сказала, он понял, что Мэрилин имела в виду то, что она переспала с Джоном Кеннеди. Разговор этот состоялся за несколько недель до приведения президента к присяге. Информация об инаугурации Кеннеди и разводе Мэрилин печатались одновременно.

Рис. 5. Телеграмма Мэрилин своему психиатру в день ее тридцатипятилетия, 1 июня, 1961

Рис. 5. Телеграмма Мэрилин своему психиатру в день ее тридцатипятилетия, 1 июня, 1961.

Роман с президентом, а потом дружба с Робертом Кеннеди, Фрэнком Синатрой и его приятелями, — все это и легло в основу того мифа, которым стали последние дни Мэрилин Монро.

Примечания

1. Бейкер была фамилией первого мужа ее матери, умершего еще до рождения Мэрилин.

Глава 29

«Мэрилин Монро всего никогда никому не рассказывала».

Пэт Ньюком, пресс-секретарь Мэрилин и близкий друг семьи Кеннеди

«Мужчина, лишающий женщину иллюзий, подвергается опасности».

Слова Персиана Сейинга, процитированные сэром Артуром Конан Дойлем

Шла вторая неделя июля 1960 года. Теплой летней ночью, незадолго до начала съемок «Неприкаянных», вдоль береговой линии Тихого океана севернее от Санта-Моники, штат Калифорния, ехали в автомобиле два человека. Миновав ряд роскошных домов с фасадами, выходившими на океан, и обогнув припаркованные в два ряда машины, они тихо подкатили к обочине. Они разулись и босиком пошли по влажному песку вдоль линии прибоя, в ту сторону, откуда приехали.

Этими затерявшимися в темноте фигурами были переодетые в штатское офицеры из бюро расследования при окружном прокуроре Лос-Анджелеса. Дом, за которым они вели наблюдение, принадлежал Питеру Лоуфорду, актеру, женатому на Патрисии Кеннеди Лоуфорд, сестре кандидата в президенты. На этой неделе Кеннеди официально был выдвинут кандидатом в президенты от демократической партии. Судя по доносившемуся из дома шуму, Лоуфорды по этому поводу закатили вечеринку.

Старший из офицеров Фрэнк Хронек во время войны служил в разведке. В правоохранительных органах Калифорнии ему было суждено стать легендарной фигурой. Занимая должность старшего следователя в окружной прокуратуре Лос-Анджелеса, он был ходячей энциклопедией по всем вопросам, касавшимся его профессии, а также по некоторым, выходящим за ее рамки, — от организованной преступности и политической коррупции до изнаночной стороны шоу-бизнеса. Хронек обратился к своему высшему начальству с просьбой разрешить ему вести наблюдение за домом Лоуфорда, чтобы выяснись, нет ли среди гостей лиц, связанных с мафией. Его начальник, сторонник демократической партии, велел ему держаться от этого дела подальше, но Хронек

этому распоряжению не подчинился.

В ту ночь офицеры, подойдя вплотную к забору и желая посмотреть, что делается за ним, были замечены частной охраной, вооруженной пулеметами. Но уходить Хронек не спешил. Он вступил в разговоры с охраной, а потом вместе с товарищем удалился от особняка. Этого времени вполне хватило, чтобы окинуть взглядом веселую компанию, собравшуюся у бассейна. Среди гостей заметил он стайку женщин, в числе которых были и знакомые девицы по вызову, поставляемые одной небезызвестной мадам. Некоторые из них гуляли, как выразился один офицер, «в чем мать родила».

Был там и Джон Кеннеди.

Человек, ставший вскоре президентом, довольно быстро уехал. «Кандидату требовался отдых», — пояснил один из сопровождавших его. Позже офицеры из окружной прокуратуры узнали, что кандидат отдыхал в компании Мэрилин Монро.

Правда это или ложь? О веселой пирушке в доме Лоуфорда автору рассказал коллега следователя Хронека. Причины усомниться в этом нет. А вот как расценивать голословное утверждение о Мэрилин и Кеннеди? Не мог ли осведомитель в 1960 году сообщить офицерам обыкновенную сплетню, о которой забывают немедленно после того, как донесение подшили к делу? Действительно ли Кеннеди был в любовной связи с Мэрилин? Чтобы ответить на этот вопрос, два десятилетия спустя пришлось провести кропотливое расследование.

* * *

Толки о связи Мэрилин с президентом Кеннеди или его братом Робертом, или с ними обоими и после смерти актрисы не умолкали. Слухов было так много и так часто подливали они масла в огонь скандала, раздуваемого досужими газетчиками, что разумным людям казалось проще отбросить их как вымысел. Однако изыскания последних лет убеждают, что истории эти появились не на пустом месте.

В этой книге ставится задача подробно описать интимную жизнь братьев Кеннеди. Попытки такого рода уже создали миф, который еще больше запутал обывателя и сделал непонятной легенду о самой Мэрилин Монро. Тем не менее есть факты из

проверенных источников и прямые воспоминания современников, позволяющие правдиво оценить события.

Вполне очевидно то, что Кеннеди, защищенные цитаделью своего семейного клана, обладавшие королевским богатством и могуществом, а также высокомерием, связанным со всем вышесказанным, могли вести сексуальную жизнь, которая по понятиям простых смертных выходила за рамки приличия. Чтобы разобраться в отношениях Мэрилин с братьями Кеннеди, нужно хотя бы вкратце сказать о традициях этого семейства в интимной жизни.

Джон Кеннеди и его братья брали пример со своего отца. Джозеф Кеннеди, по свидетельству многочисленных источников, был человеком, напоминавшим средневекового лорда, хозяина поместья, который не мог пропустить ни одной юбки, считая это своим данным от рождения правом. Делал он это не стесняясь, прямо на глазах своих детей, как сыновей, так и дочерей. Причем есть сведения, что собственные дети были помощниками в его любовных похождениях.

Джон Кеннеди как-то признался Клэр Бут Льюс, бывшему послу Соединенных Штатов Америки и жене издателя «Тайм»: «Папа всем мальчикам советовал никогда не упускать своей возможности в постели». Джон, о чем известно из многочисленных документов, более чем ретиво следовал отцовскому наказу. Начиная со времен его службы в Военно-морском флоте США, где своим однокашникам он был больше известен под именем «Шафти»1, и кончая пребыванием в Белом доме, будущий президент никогда не прекращал повесничать.

Нэнси Дикерсон, репортер, встречавшаяся с Джоном Кеннеди, говорила: «Устоять против него было невозможно. Секс для Джека Кеннеди был все равно что чашка кофе или, может быть, десерт». Тем не менее Кеннеди никогда не путал секс с любовью.

Таков Джон. Но колеса молвы стоят, как вкопанные, когда речь заходит о Роберте. Исключение — его отношения с Мэрилин Монро. Джон очень высоко отзывался о моральных устоях Роберта, называя его «пуританином, не поддающимся коррупции». К 1960 году, когда Роберту исполнилось тридцать пять лет, он уже десять лет был женат и имел семерых детей, за что получил титул «Отца года» Америки.

Все это правда, однако не следует делать скоропалительных выводов о том, что Роберт Кеннеди был святошей. Историк Артур Шлесингер, его биограф, лояльно относившийся к клану Кеннеди, на мой вопрос дал прямой ответ: «Ничто человеческое не было чуждо Бобби. Он любил выпить, ему нравились молодые женщины. Он всегда потакал своим желаниям, когда был в отъезде. А случалось это очень часто».

Все Кеннеди были без ума от кино. Джо, отец семейства, в двадцатые годы переехал в Калифорнию, чтобы снимать в Голливуде фильмы и сколотить состояние. Особенно широкую известность из любовных приключений Джо получил его роман с Глорией Свенсон.

Джон Кеннеди, живший в сороковые и пятидесятые годы на Западном побережье, превзошел отца в волокитстве за голливудскими дивами. Среди его жертв встречаются имена, которые сегодня для слуха, как выцветшие фотографии для глаза: Джин Тирни, Соня Хени, Энджела Грин, Ким Новак, Джанет Ли и Ронда Флеминг. Во время его пребывания у власти близким его другом была Энджи Дикинсон.

Джуди Гарланд дружила с Робертом Кеннеди. Грета Гарбо была почетной гостьей на обедах в Белом доме, где собирались только президент, его жена и друг Кеннеди Лем Биллингз.

Кинорежиссер Джошуа Логан вспоминает, что Марлен Дитрих как-то рассказала ему: «Джек Кеннеди привез меня в Белый дом и попытался заигрывать. Потом, когда я входила в лифт, он с искренней тревогой в голосе спросил: "Еще хочу узнать, — ты когда-нибудь спала с моим отцом?"»

Братьям Кеннеди нужна была в Калифорнии резиденция для деловых встреч и развлечений. К 1960 году они ее получили — дом на побережье, принадлежавший их зятю Питеру Лоуфорду. Лоуфорд, как бы ни описывались события, касавшиеся Мэрилин и братьев Кеннеди, играл роль связующего звена.

В спокойные годы восхождения Кеннеди на вершину власти Питер и Пэт Лоуфорд вели шикарную жизнь в похожем на дворец особняке, в котором, кроме подогреваемого плавательного бассейна длиной в пятьдесят футов, был и кинозал. Дом этот строился для Луиса Б. Мэйера, директора «Метро-Голдвин-Мэйер».

В 1960 году Лоуфорду минуло тридцать семь лет. Британец по происхождению, он был сыном генерала времен Первой мировой войны. В тридцатые годы отец его эмигрировал во Флориду, где ему довелось пережить трудные времена. В Голливуд Лоуфорд переехал за несколько лет до описываемых событий. Его привлекательная внешность помогла ему бросить работу билетера в кинотеатре и стать исполнителем главных ролей в фильмах категории Б.

К середине пятидесятых годов актерская карьера Лоуфорда как будто достигла апогея. Его известность в значительной мере связана с регулярным участием в светских раутах и пристрастием к серфингу. Весной 1954 года он женился на Патрисии, «Пэт» Кеннеди, шестой дочери Джозефа, самой прелестной из его дочерей. К I960 году, как раз накануне избрания Джона президентом, они вместе с тремя своими детьми и обосновались в Санта-Монике.

Как супружеская пара Лоуфорды представляли собой редкое и завидное сочетание — один из красивейших мужчин калифорнийского побережья женился на представительнице величайшей династии Запада. Один из авторов описывал Лоуфорда как человека «загорелого, безмятежного, с налетом беспристрастной дружественности, свойственной привилегированному меньшинству». Другой писал: «Проблема Лоуфордов состоит в том, что у них как будто нет проблем».

Однако в частной жизни Лоуфорды стремительно приближались к клубку проблем. Супружество их оказалось коротким. К тому же, по свидетельству соседей, оба они уже стали настоящими пьяницами. Лоуфорд, который в 1984 году умер от болезни печени, любил выпивать в собственном баре, порой продолжая это занятие до рассвета. Друзья и знакомые говорят, что он без разбора принимал запрещенные наркотики.

Лоуфорд любил эксцентричный секс. Его мать, леди Лоуфорд, однажды непрозрачно намекнула прессе, что ее сын в юности частенько получал хорошую взбучку. Она сказала: «Я по-прежнему утверждаю, и Питер согласен со мной, что взбучка сделала гораздо больше для него, чем что бы то ни было, чтобы подготовить его к настоящей роли».

Две его знакомые, имевшие с ним достаточно близкие

отношения, говорят, что у Лоуфорда были шокирующие привычки. Одна вспоминает, что, вместо того «чтобы заняться любовью, он иногда заставлял меня кусать его соски до тех пор, пока они не начинали кровоточить». Другая оставила его, потому что он требовал от нее участия в групповом сексе.

Этому отъявленному сибариту и выпала честь принимать у себя в доме братьев Кеннеди, когда те приезжали в Калифорнию, чтобы расслабиться. Даже сегодня немногие согласны описывать то, что творилось во время тех визитов. Но в 1984 году мне удалось поговорить с Джин Мартин, бывшей женой певца Дина Мартина. Они с мужем были частыми гостями в доме Лоуфорда. Они бывали там и в те дни, когда приезжали братья Кеннеди, Джон и Роберт. Ее воспоминания лишены какой бы то ни было романтичности.

«Питера я запомнила в роли сводника для Джека Кеннеди, — говорит Джин Мартин. — Это было жутковато — слишком уж они торжествовали по этому поводу, и никогда не отличались скромностью. Нет, никакого благоразумия у братьев Кеннеди не было, ни у Джека, ни у Боба. Они вели себя, как старшеклассники, очень неосмотрительно для своего возраста. Просто жуть берет от тех вещей, что творились в том доме на берегу».

Мартин продолжает: «Этель2 могла находиться в одной комнате, а Бобби с какой-нибудь женщиной — в другой. Да, Бобби был бабником, только не в такой степени, как его брат Джек. Джеком руководили инстинкты, и он не тратил времени понапрасну: «Пойдем наверх, пойдем в ванную, куда угодно». Я не входила в число пассий Бобби, но точно знаю об этом. Моя подруга как-то оказалась с ним в библиотеке. Не успела она опомниться, как дверь оказалась запертой и он завалил ее на диван — удивительно!.. Все было так вульгарно. Вот такие были они — президент Соединенных Штатов и министр юстиции».

Иногда Джин Мартин в доме Лоуфорда видела и Мэрилин Монро. Она была «совершенно уверена» в том, что Мэрилин имела половые связи с обоими братьями Кеннеди, но добавляет при этом: «Если вы сами не находились в ванной, как можно что-то предполагать?»

История о половой связи Мэрилин с братьями Кеннеди была рассказана и другими свидетелями. Вкупе с иной достоверной

информацией она вряд ли может считаться необоснованным предположением.

Примечания

1. (Руг.) Имеющий отношение к женским половым органам.

2. Жена Роберта.

Глава 30

Осенью 1954 года Джон Кеннеди, в ту пору тридцатисемилетний сенатор, перенес тяжелую операцию в одной из больниц Нью-Йорка. У него были проблемы с позвоночником, осложнявшиеся к тому же болезнью Эддисона, прогрессирующим нарушением функции надпочечников. Выздоравливая, он развлекался игрой в шашки и стрельбой из пугача по воздушным шарам. Репортер Присцилла Мак-Миллан, навестившая его там, считала, что царившая в больнице атмосфера «напоминала студенческое общежитие». Она обратила внимание на аквариум с тропической рыбкой, Howdy Doody Doll, куклу на постели и плакат с Мэрилин Монро на стене. На фотографии Мэрилин Монро стояла в синих шортах с расставленными ногами. Плакат был приколот вниз головой, так что ноги актрисы «болтались в воздухе».

Прошло уже два года с тех пор, как «обнаженный» календарь Мэрилин стал темой общенационального обсуждения, и тысячи мужчин по всей стране украшали ее изображениями стены. Однако выздоравливающий Кеннеди смотрел на плакат не тем взглядом, что большинство людей. На протяжении почти десяти лет, приезжая в Голливуд, он постоянно останавливался у Чарльза Фелдмена, известного импресарио. В начале пятидесятых годов Фелдмен представлял деловые интересы Мэрилин. Есть, по крайней мере, два свидетеля, утверждающие, что с Мэрилин Монро Кеннеди познакомился еще в 1951 году.

Долго работавшая у Фелдмена секретарша Грейс Добиш полагает, что такая встреча действительно состоялась. Ален Бернхейм, работавший с Фелдменом и хорошо знавший Мэрилин, считает, что актриса присутствовала на обеде, данном импресарио в честь Кеннеди. Бернхейм отвозил Кеннеди домой, и, по его утверждению, в тот вечер будущий президент ушел с вечеринки с другой девушкой.

Двое друзей Мэрилин также утверждают, что ее встреча с Джоном Кеннеди произошла в пятидесятые годы. Роберт Слэтцер, знавший актрису всю ее взрослую жизнь, говорит, что она упоминала о встречах с Кеннеди во время замужества с Ди Маджо — опять же в доме Чарльза Фелдмена — и позже, в Нью-Йорке, уже живя с Миллером. Артур Джеймс, познакомившийся с Мэрилин через Чарли Чаплина Младшего в конце сороковых, хранит воспоминания о первом ее знакомстве с братьями Кеннеди.

В середине пятидесятых годов Джеймс был преуспевающим агентом по недвижимости. Большую часть времени он проводил в Малибу, где живет и поныне. Он утверждает, что связь Мэрилин с Джоном Кеннеди началась в 1954 году, в последние месяцы ее брака с Ди Маджо. Джеймс говорит, что Мэрилин рассказывала ему о свидании с Кеннеди во время его приезда в Калифорнию, и сам Джеймс однажды видел их вместе.

«Несмотря на то, что Джек был сенатором, — говорит Джеймс, — здесь его практически не знали и они с Мэрилин могли оставаться незамеченными. Иногда они заходили выпить в «Малибу Коттедж», самое грязное место на всей земле. Это был просто бар с восьмью, кажется, посадочными местами и опилками на полу, но в ту пору он стал местом, куда заглядывали самые большие знаменитости Голливуда».

Джеймс, который до сих пор качает головой при мысли, что все «это было на виду у всех», говорит, что видел Джона Кеннеди, тогда сенатора, прогуливавшегося в компании Мэрилин по берегу неподалеку от малибской пристани. Актриса рассказывала Джеймсу, что они с Джоном втихомолку снимали комнату в «Холидей-Хаус Мотель» в Малибу или в другой гостинице, расположенной там, где бульвар Заходящего Солнца встречается с Пасифик-Коаст-Хайвей. Это было место тайных свиданий любовников.

«Мне не кажется, что для Джека Кеннеди эта встреча имела тогда какое-то значение, — говорит Джеймс, — но Мэрилин так и не забыла этого и переживала, особенно потом, когда он стал президентом. Позднее их резиденцией стал дом Питера Лоуфорда в Санта-Монике».

Питер Лоуфорд, у которого я взял интервью незадолго до его кончины в 1984 году, знал Мэрилин уже в 1950 году, когда ей

было только двадцать четыре года. Впервые они встретились в агентстве Уильяма Морриса, потом на вечеринке, и Лоуфорд положил на нее глаз.

«Я никогда не забуду, как при нашем первом свидании заехал за ней. Когда я вошел в квартиру, мне пришлось двигаться очень осторожно, чтобы не наступить на собачье дерьмо. Мэрилин мельком взглянула и проронила: «Ох, он опять нагадил». Тогда мы договорились ограничиться совместным обедом, но встреча затянулась. Мы съездили на джипе в Малибу, чтобы покататься на доске для серфинга. Помнится, она еще все время пряталась под широкополой шляпой от солнца. Если не ошибаюсь, встречались мы с ней раза два».

Однако Лоуфорд умолчал о том, что по-настоящему влюбился в Мэрилин, но она взаимностью не ответила. Она жаловалась на него Энн, матери бывшего любовника Фреда Каргера. «Лоуфорд преследовал ее, досаждая визитами, — вспоминает Вай Рассел, ближайшая подруга Энн, — бывало, она приходила к нам в три часа утра, чтобы хоть немного поспать. Я не думаю, что она сколько-нибудь любила Питера Лоуфорда; она отзывалась о нем как о человеке, который усложнял ее жизнь».

Годы шли, Мэрилин и Лоуфорд время от времени видели друг друга, соблюдая безопасную дистанцию. Оба они по выходным часто наведывались в дом Джина Келли, который утомлял своих известных гостей волейбольными сражениями, начинавшимися после вечеринки, когда поднималось солнце. В ту пору у Лоуфорда в разгаре был роман с Пэт Кеннеди, ставшей вскоре его женой.

Пэт Лоуфорд с симпатией относилась к Мэрилин и чувствовала, что актриса нуждается в помощи, По словам Питера, это была ее идея включить Мэрилин в число гостей их дома, когда шла предвыборная кампания Джона Кеннеди. (Миссис Лоуфорд отказалась дать интервью для этой книги.)

Лоуфорд, чья многолетняя преданность президенту Кеннеди сродни идолопоклонству, наотрез опроверг слухи о какой бы то ни было связи Мэрилин с обоими братьями. Во время повторного расследования обстоятельств смерти Мэрилин в 1982 году он сказал следователю из окружной прокуратуры Лос-Анджелеса, что актриса познакомилась с Кеннеди в 1961 году, когда он уже стал президентом. Это случилось, как утверждал Лоуфорд, на

приеме, где кинозвезда оказалась в числе гостей. «Вся эта история об их романе — сплошная дурь», — заверил меня Лоуфорд. Но человек, близко знавший его, рассказывает иную историю.

В 1976 году Питер Лоуфорд вступил в свой третий по счету брак. Его женой стала будущая актриса по имени Дебора Гулд (Gould). Ему было пятьдесят два года, а ей — двадцать пять. Союз их продлился всего несколько месяцев. Гулд поняла, что вышла замуж за человека, который, по ее выражению, «уничтожал себя». Кроме алкоголя, он травил себя наркотиками, кокаином и «ангельской пылью», или ПСП (пентахлорфенолом), чрезвычайно опасным химическим соединением, часто выдаваемым за ЛСД.

Беря интервью у Гулд в 1983 году, я заметил, что Лоуфорд отрицал связь Мэрилин с братьями Кеннеди. Со своей женой он оказался более откровенным, и как-то ночью, будучи «слегка навеселе», Лоуфорд не выдержал и рассказал ей все, что ему было известно. Гулд вспоминала, что держала его голову на коленях, а он говорил и говорил.

«Питер рассказал мне, — начала бывшая жена Лоуфорда, — что Джек — он называл его Джек — всегда хотел познакомиться с Мэрилин Монро. Это была одна из его причуд. Не мог ли Питер устроить это для него? Он устроил — он мог сделать все, о чем бы его ни попросили».

Цитируя Лоуфорда, Гулд говорит, что роман с Джоном Кеннеди начался еще до его президентства и продолжался во время него. То, что говорила Гулд, согласуется со словами второй жены Лоуфорда Мэри Роуэн, с которой я беседовал при написании этой книги. По утверждению обеих бывших жен, Лоуфорд упоминал о связи Мэрилин Монро как с Джоном, так и с Робертом Кеннеди. Гулд рассказала о том времени, когда дружба с Джоном уже шла к концу и начиналось сближение с Робертом. Но об этом речь пойдет позже.

После ночных откровений Лоуфорд, по словам Гулд, утром очень беспокоился, потому что точно не помнил, что именно сказал. «В тот день он вылетел в Нью-Йорк, откуда позвонил и в панике пытался у меня дознаться, что же все-таки он наболтал. Он сказал мне, — вспоминает Гулд, — что я должна забыть все, о чем узнала».

В начале 1960 года, когда предвыборная кампания Кеннеди

развернулась в полную силу, дом Лоуфорда в Санта-Монике стал штаб-квартирой, где собирались консультанты кандидата. Одним из них был Пит Саммерс, политический стратег Кеннеди, обеспечивающий контакты с телевидением. Саммерс несколько раз видел Мэрилин в компании Кеннеди. Это всегда происходило в доме Лоуфорда, где собиралось еще человек десять.

«Все они были близкими друзьями, — вспоминает Саммерс, — но должен сказать, что она была на особом счету — президент и впрямь был просто без ума от Мэрилин. Она была веселой, может быть, несколько нервозной, но я думаю, что ее нервозность связана с тем, что она попала в новую для себя обстановку и общалась с людьми, поднаторевшими в политике. Она чувствовала себя не совсем в своей тарелке. По ее горящим звездным блеском глазам я видел, что она очарована президентом и находится во власти его обаяния... Но тем не менее она полностью владела собой и была способна поддерживать беседу. Она отличалась большим умом».

Учитывая психическое состояние Мэрилин, ее пристрастие к алкоголю и снотворным таблеткам, невольно задаешься вопросом, что привлекательного нашел в ней Джон Кеннеди? Ясно одно, что как бы ни складывалась судьба — актриса умела скрывать свои несчастья под прикрытием пленительной красоты. Кроме того, к этому времени она стала гораздо искушеннее в политике, чем можно было себе представить.

На протяжении ряда лет, особенно в пору ее замужества с Артуром Миллером, Мэрилин вращалась в кругу людей, которые много времени уделяли политическим дискуссиям. В Нью-Йорке довольно долго дружила она с выдающимся журналистом Лестером Маркелом.

В возрасте двадцати пяти лет Маркел был помощником редактора «Геральд Трибьюн», и около полувека занимал он пост редактора воскресного выпуска «Нью-Йорк Таймс». Впервые Мэрилин, стремясь расширить свой кругозор, написала ему в середине пятидесятых годов. Они пообедали в «Сарди», а потом шестидесятилетний Маркел, сам звезда в газетном мире, поразил своих коллег, устроив для Мэрилин экскурсию по залу, где готовятся новости для «Таймс».

В семидесятых годах в возрасте восьмидесяти четырех лет Маркел скончался. После его смерти дочь видного журналиста в

одном из ящиков отцовского письменного стола обнаружила письмо от Мэрилин Монро, датированное мартом 1960 года. В это время она снималась в картине «Займемся любовью». Письмо дает редкую возможность познакомиться с мыслями Мэрилин Монро, не лишенными прозорливости.

Рис. 6. Письмо Лестера Маркела, редактора воскресного выпуска «Нью-Йорк Таймс». Его беспокойство было беспочвенным — из послания видно, что Мэрилин все еще поддерживала отношения с легендарным журналистом

Рис. 6. Письмо Лестера Маркела, редактора воскресного выпуска «Нью-Йорк Таймс». Его беспокойство было беспочвенным — из послания видно, что Мэрилин все еще поддерживала отношения с легендарным журналистом.

Дорогой Лестер,

Я все еще в постели. Лежу и думаю, — даже о вас... О нашем недавнем разговоре на политическую тему: возвращаясь к тому, что никого нет. А как насчет Рокфеллера? Во-первых, он республиканец, как и «Нью-Йорк Таймс», во-вторых, что довольно интересно, он либеральнее, чем большинство демократов. Может быть, он смог бы эволюционировать? В настоящее время, во всяком случае, Хэмфри является единственным человеком. Но кто знает, ведь так трудно что-либо разузнать о нем. (Мне на ум не приходит ни одной конкретной статьи!) Конечно, из Стивенсона мог бы выйти толк, если бы только он умел говорить с простыми людьми, а не с профессорами. Конечно, никого, подобного Никсону, раньше не было, потому что у всех остальных, по крайней мере, были души! В идеальном случае судья Уильям Дуглас мог бы стать лучшим президентом, но он развелся, следовательно, ему это уже не удастся — хотя у меня есть идея насчет того, чтобы выдвинуть Дугласа в президенты, а Кеннеди — в вице-президенты, тогда католики, которые могли бы проголосовать за него, буду голосовать из-за Кеннеди, и им будет неважно, развелся он или нет! В этом случае Стивенсон мог бы стать государственным секретарем!

...Это правда, что я часто бываю в вашем доме, захожу к моему замечательному доктору1, как, должно быть, вам уже доложили ваши шпионы. Мне бы не хотелось, чтобы вы видели меня до тех пор, пока я не облачусь в своего сомалийского леопарда. Я хочу, чтобы вы считали меня хищницей.

Люблю, целую,
Мэрилин.

P.S. Лозунги конца 60-х:
«Нет — Никсону»
«Через горный перевал с Хэмфри (?)2»
«В тупик — с Саймингтоном».
«Назад в Бостон к Рождеству — Кеннеди»

Несомненно, такое письмо мог написать только человек, который либо знал современных политиков, либо — как в случае с Мэрилин — живо интересовался событиями политической жизни.

Об этом Мэрилин постоянно беседовала с Гринсонами, которые придерживались вполне либеральных взглядов. Они считали Мэрилин довольно радикально настроенной. «Мэрилин страстно выступала за равноправие, права для черных, права для бедных, — вспоминает Джоан Гринсон, — себя она относила к рабочим, всегда считая этих людей своим классом».

За несколько лет до этого, когда Мэрилин интенсивно занялась чтением с целью повышения собственного образования, она открыто восхищалась индийским лидером Неру. Она говорила, что кубинцу Фиделю Кастро надо дать шанс доказать, что он способен создать в стране демократический режим.

Весной 1960 года ее имя стояло первым в списке виднейших кинодеятелей Голливуда, наряду с такими актерами, как Марлон Брандо, Джин Келли, Ширли Мак-Лейн и Питер Лоуфорд, оказывавших материальную поддержку СЕЙН (SANE), национальному комитету, боровшемуся за разумную ядерную политику. Когда один интервьюер спросил ее, какие сны или кошмары ее пугают, в ответ прозвучало: «Мой кошмар — это водородная бомба. А ваш?»

Внешняя политика США вызывала у Мэрилин здоровый скептицизм, который мог показаться тогда не столь здоровым сторонникам правого крыла. Летом 1960 года она позвонила Руперту Аллену, одному из своих пресс-агентов, чтобы обсудить с ним заголовки утренних газет. Она была возмущена тем, что так мало внимания уделено сообщению об истребителе ВМФ США, нарушившем воздушные границы Советского Союза. Москва утверждала, что самолет вел шпионское наблюдение, в то время как Вашингтон заверял, что тот проводил исследование океанской поверхности. Еще большую тревогу вызвало другое

событие, случившееся несколько недель спустя, когда русские сбили «У-2», самолет ЦРУ, пилотируемый Гари Пауэрсом. Правительство Соединенных Штатов сначала лживо утверждало, что «У-2» занимался метеорологическими измерениями.

Мэрилин просто хотела выяснить, почему известие о самолете ВМФ считалось второстепенной новостью. Аллан, ветеран Военно-морского флота, ответил, что, возможно, на этот раз правительство США говорит правду. «Не знаю, Руперт, — усомнилась Мэрилин, — я нам не доверяю». С другой стороны, говорит Руперт, Мэрилин нравилось ощущать себя американкой. Она была истинной патриоткой, может быть, даже порой слишком наивной.

Мэрилин значилась официальной сторонницей демократической партии. В апреле 1960 года, когда шла подготовка к предварительным выборам, городской комитет от демократической партии Роксбери, городка в штате Коннектикут, где жили Мэрилин и Артур Миллер, выдвинул ее в качестве альтернативного делегата.

«Разве было бы плохо, — спрашивал представитель комитета, — если бы Мэрилин стала делегатом съезда?» Шаг этот нельзя было считать вполне серьезным, тем не менее накануне съезда в одной газете Лос-Анджелеса появилось сообщение, что «друзья-демократы Мэрилин Монро настаивают на ее участии в съезде».

Примечания

1. Маркелы жили в том же здании, где Страсберги и нью-йоркский психиатр Мэрилин, доктор Марианна Крис.

2. — так в оригинале.

Глава 31

В июле 1960 года в Лос-Анджелесе впервые за сорок лет состоялся съезд демократов, на котором его участники выбрали кандидата от своей партии. Само собой разумеется, что присутствовали на съезде братья Кеннеди, Роберт и Джон, а также их отец, Джозеф, получивший приют в особняке на Беверли Хиллз, принадлежавшем величайшей кинозвезде его времени Марион Дейвиес.

Мэрилин Монро на съезде не была, ее имя даже не

упоминалось, если не считать кулуарных разговоров за стенами отеля «Беверли Хилтон». Фред Каргер, музыкант, за которого двенадцать лет назад Мэрилин хотела выйти замуж, отказался играть на балу, куда пришел Джон Кеннеди. Он увел весь свой оркестр, говорит первая жена Каргера, Пэтти, потому что «слышал о том, что Кеннеди путался с Мэрилин, и это нервировало его». Демократам пришлось довольствоваться искусством Фрэнка Синатры и Джуди Гарланд.

Мэрилин же в то время находилась в Нью-Йорке, воспользовавшись кратковременной передышкой между съемками картин «Займемся любовью» и «Неприкаянные». Сообщение о том, что кандидатом от партии демократов выдвинут Кеннеди, она услышала, лежа на кушетке в квартире на 57-й улице. Ей делал массаж Ральф Робертс, актер, друг и массажист.

А через два дня вечером, когда солнце уже клонилось к закату, уставший Кеннеди в «Колизее» Лос-Анджелеса провозглашал: «Сегодня мы стоим на подступах К новому рубежу, — рубежу, знаменующему начало шестидесятых, — рубежу неизведанных возможностей и опасностей... Я прошу каждого из вас в этом новом времени стать первопроходцем».

Как свидетельствуют очевидцы, Мэрилин бросила все и прилетела в Лос-Анджелес, чтобы в ночь триумфа быть рядом с Кеннеди.

В ту ночь Питер Лоуфорд закатил в честь новоиспеченного кандидата прием. С этой целью из любимого ресторана Мэрилин на Беверли Хиллз «У Романова», которым владели ее друзья, он пригласил главного бармена по имени Росс Акуна. Он был человеком, привыкшим иметь дело со знаменитостями и обладавшим хорошей памятью.

Вот что рассказал Акуна о приеме, устроенном сразу после выступления Джона Кеннеди в «Колизее»: «Я увидел, как в зал вошли Сэмми Дэвис и Мэрилин Монро. Я не знал, что к чему, но я был бармен, а бармен видит многое и всегда держит язык за зубами. Очень скоро пришел молодой Кеннеди, сразу после той знаменательной речи в «Колизее». По правде говоря, когда он заказывал мне выпивку, то не мог выдавить из себя ни слова, он все записывал на бумаге, — после великого множества речей он лишился голоса. Он пил декери1. Я почувствовал, что Монро и молодой Кеннеди состоят в довольно близких отношениях. А

Сэмми Дэвис? Думаю, его просто попросили привезти Монро».

Джин Кармен, соседка по квартире на Дохени и близкая подруга Мэрилин, также утверждает, что в ту ночь Мэрилин встречалась с Кеннеди. Об этом говорила ей сама Мэрилин несколько месяцев спустя. Учитывая слова Акуны и Кармен, можно не сомневаться, что информация, полученная следователями окружной прокуратуры, была вполне надежной.

Питер Саммерс, доверенное лицо Кеннеди в предвыборной кампании, который в том же году, только раньше, уже встречал Кеннеди с Мэрилин, опять увидел их вместе. Он заметил, что от прежней настороженности Мэрилин по отношению к Кеннеди не осталось ни следа. «Мне кажется, что в последующие разы, когда мне снова довелось видеть их вместе сразу после номинации, Мэрилин выглядела более спокойной».

Если Мэрилин на самом деле встречалась с Кеннеди на съезде, то это было в разгар ее увлечения Ивом Монтаном и в пору распада брачного союза с Миллером.

Позже, во время съемок «Неприкаянных», Мэрилин спросила британского корреспондента У. Дж. Уиттерби, что он думает о Кеннеди. Уиттерби осторожно ответил, что из двух — Никсона и Кеннеди — предпочтение отдает последнему. Мэрилин, показавшаяся Уиттерби «шаловливой ... и возбужденной», сказала, что было бы здорово иметь такого молодого и симпатичного президента.

«Вы хотите сказать — у него голливудская внешность?» — спросил Уиттерби.

«Вы не можете не согласиться, — ответила Мэрилин, — что это лучше, чем иметь старых уродов, у которых нет ни мозгов, ни красоты».

Тогда Мэрилин призналась Уиттерби, что хочет, чтобы на выборах победил Кеннеди. Так оно и случилось, и на другой же день Арт Бухвальд написал:

«По отношению к Монро нужно придерживаться твердых принципов. Кто станет следующим послом в государство Монро? Эта одна из многих проблем, решить которую предстоит только что избранному президенту Кеннеди уже в январе. Очевидно, что

предоставить ее самой себе нельзя. Слишком много алчных людей положили на нее глаз, а сейчас, когда посол Миллер сложил с себя полномочия, она может бесцельно метаться из стороны в сторону».

* * *

Очень немногие люди — разве что ее психиатры к ближайшие друзья — знали доподлинно, каким неустойчивым было душевное состояние Мэрилин. Три месяца длилось одиночество и отчуждение, предшествовавшие ее заключению в «Пейн-Уайтни», психиатрическую клинику Нью-Йорка. Миллера рядом уже не было, Монтан окончательно отказался от нее, и Мэрилин погрузилась в наркотическое забытье. Некоторое утешение находила она в визитах в «Экторз Стьюдио», именно там она снова встретилась с репортером У. Дж. Уиттерби. Англичанин предложил ей выпить вместе. Так началась серия бесед, которым мог бы позавидовать любой из журналистов2.

В течение ряда недель Мэрилин и Уиттерби несколько раз встречались в каком-то, ныне не существующем, баре на Восьмой Авеню. После первой выпивки Мэрилин придирчиво просмотрела записную книжку репортера, а потом решила всецело довериться ему. «Если хотите, напишите обо мне в ваших записках, — сказала она, — только сейчас ничего не печатайте. Сделайте это, когда я уйду на

покой!» Беседы с Мэрилин Уиттерби добросовестно застенографировал в двух блокнотах. Наложенный Мэрилин запрет на обнародование их разговоров он еще долгое время соблюдал и после ее смерти. В этих записях есть откровенные признания, связанные с кланом Кеннеди.

Через месяц после провозглашения Кеннеди президентом Уиттерби на свое замечание о том, что и Кеннеди не всегда говорит по делу, получил от Мэрилин краткий ответ: «О, нет, напротив».

Джоан Гринсон, дочь психиатра, вспоминает, что актриса «любила, чтобы все было черным либо белым, правильным либо неправильным, хорошим либо плохим. А сила эмоций ее была такова, что порой делалось невозможным вести с ней дискуссии». Эти черты кинозвезды ощутил и Уиттерби.

В январе 1961 года она приехала на встречу с Уиттерби в состоянии, которое серьезно встревожило журналиста. Она сказала, что держится только на таблетках, и ее настроение резко меняется от радужного до неописуемой ярости, от разговорчивого до полного, тягостного молчания. Они говорили о гражданских правах; Мэрилин упомянула, что однажды у нее был роман с молодым чернокожим, как оказалось, у Уиттерби тоже была как-то чернокожая девушка. В разговоре с ней он осмелился высказать предположение, что Кеннеди не сможет кардинально решить проблему чернокожих. «Президент пройдет весь путь до конца... — твердила Мэрилин. — Кеннеди уже хорошо осведомлены о настоящей ситуации... Подождите, и вы увидите. Вас ждут сюрпризы».

Через два десятка лет, когда я разговаривал с Уиттерби, он все еще ясно помнил, что «Мэрилин не давала мне и слова сказать против Кеннеди. Она говорила так, как мог говорить только знающий человек, как если бы ей была известна обратная сторона медали».

Во время их последнего в 1961 году свидания Мэрилин опять была под воздействием допинга и временами теряла нить беседы. Она сгорала от желания установить памятник в честь своего покойного учителя по актерскому мастерству Михаила Чехова и всерьез полагала, что помочь в этом мог бы президент Соединенных Штатов. «При упоминании имени Кеннеди она делалась похожей на девочку, помешанную на кумире», — вспоминает Уиттерби. Ему это показалось странным, и он постарался перевести разговор на другую тему.

Каждый раз, когда Кеннеди приезжал в Нью-Йорк, как до выборов, так и после них, местом своей резиденции он выбирал «Карлиль-Отель». Там он снимал номер-люкс с впечатляющим видом на Манхэттен. Там удовлетворялась его малейшая прихоть и гарантировалось абсолютное уважение к его частной жизни. Журналисты могли безуспешно осаждать вестибюль здания, а президент, когда в том была нужда, в сопровождении людей из службы безопасности оказывался в соседнем жилом здании или отеле, которые соединялись с «Карлилем» тайными тоннелями. От дома, где жила Мэрилин, этот отель отделяло восемнадцать строений.

Имеются сведения о том, что Мэрилин навещала Кеннеди в «Карлиле». Об этом говорит и Джейн Шэлам, представительница

известного в политических кругах Нью-Йорка семейства. Окна ее номера выходили на «черный вход» в «Карлиль». «Я видела, как приходила и уходила Мэрилин, — рассказывает Шэлам, — она так часто сновала туда и обратно, что я не могла не заметить ее. В большинстве случаев люди не узнавали ее — когда она появлялась без макияжа и зачесывала волосы назад. Ни за что нельзя было узнать, что это Мэрилин Монро. Я видела, как она приходила в «Карлиль», когда там останавливались Кеннеди. Другой причины для ее появления в отеле как будто не было».

Однажды и президенту пришлось ждать, как простому смертному, когда он пригласил ее на интимный ужин в «Карлиле», рассказывает Эрл Уилсон, цитируя «бородача» привратника, который, как правило, провожал Мэрилин на подобные рандеву. Уилсон не называет имя своего информатора, но агент Питера Лоуфорда, Милт Эббинз, сознается, что однажды сам выступал в такой роли.

Эббинз — человек, состоявший в приятельских отношениях с президентом — вспоминает, что Мэрилин как-то попросила его отвезти ее на прием на Парк-авеню. Туда они приехали через два часа, и он незаметно провел ее мимо толпы газетчиков, осаждавших вестибюль. (На Мэрилин был парик, шелковая косынка и темные очки.) После чего он быстро ушел. Когда Эббинз уходил, президент оставался на приеме и Мэрилин тоже была с ним.

Сама Мэрилин также говорила близким людям о своих встречах с Джоном Кеннеди. Паула Страсберг, ныне покойная, в частной беседе призналась, что Мэрилин рассказывала ей о романе. Еще она добавила, что у нее есть имеющие отношение к этому делу письма, «которые она поместила в сейфе банка и которые не подлежат огласке на протяжении ближайших пятидесяти лет, чтобы причастным к событиям людям не было причинено зло».

О Джоне Кеннеди, со слов Мэрилин, знал и Сидней Сколски, ветеран репортерского полка Голливуда, который был для Мэрилин советчиком и наставником с самых первых дней ее актерской карьеры. В 1983 году, за несколько недель до смерти, Сколски заявил: «Мэрилин говорила мне, что у нее с президентом роман, и я ей поверил». Сколски тогда ничего не написал об откровениях актрисы. Молчание он хранил еще много лет и после ее смерти. Впоследствии вспоминая об этом, он мрачно заметил:

«Должен признаться, что до сих пор с ужасом думаю, что могло бы случиться со мной, если бы я рискнул написать об этом романе в своем обозрении тогда, когда впервые узнал о нем».

Сколски говорил, что Мэрилин всегда называла Кеннеди «Президент», никогда не упоминая его имени. «Она жаловалась, — вспоминал он, — о тех трудностях, с которыми ей приходилось сталкиваться на встречах с президентом. Даже оставаясь с ним наедине в доме Питера Лоуфорда в Санта-Монике, нельзя было выключать свет. Если бы что-то произошло и свет погас, секретная служба снесла бы двери и вломилась в комнату. Правда, я думаю, ничего такого не случалось!»

Два других репортера с Западного побережья утверждают, что узнали об отношениях Мэрилин с президентом из первых рук. Джеймс Бейкон, знакомый с кинозвездой много лет, говорит: «6 то время она очень много пила. Где-то менее чем за год до смерти она обмолвилась, что спит с Джеком Кеннеди. Она говорила, что ему некогда было предаваться предварительной любовной игре, потому что он вечно спешил».

Джимми Старр, еще один обозреватель из Лос-Анджелеса, узнал об отношениях Мэрилин и президента от актрисы Энджи Дикинсон. В ту пору она была молодой и менее сдержанной на язык особой, чем сегодня. Подобно Сколски и Бейкону тогда он ничего не опубликовал.

«Когда он стал президентом, — вспоминал преданный друг Мэрилин из Нью-Йорка Генри Розенфельд, — она пришла в необычайное возбуждение. Она считала, что он был самой крупной личностью в мире из тех, с кем она встречалась. Она пребывала в таком восторженном состоянии, что можно было подумать, что она подросток».

Розенфельд, как и Сколски, полагал, что Мэрилин упивалась секретностью своего знакомства, но порой проявляла неосторожность. Иногда по телефону, имея в виду президента, она говорила «вы знаете, кто».

Вот как представлял себе это Розенфельд. «В Нью-Йорке, как мне кажется, они иногда встречались в каком-то здании на Пятьдесят третьей улице возле Третьего авеню. Один или два раза Мэрилин ездила к нему в Вашингтон, но в Белый дом она никогда не ходила».

В 1984 году в Лос-Анджелесе я разговаривал с Пэт Ньюком, последним пресс-агентом Мэрилин Монро. В конце жизни актриса почти не разлучалась с этой женщиной. Джона Кеннеди она знала еще до выборов и впоследствии стала близка с семьей Кеннеди. На вопрос об отношениях президента и Мэрилин Ньюком сказала: «Без комментариев». На вопрос о Мэрилин и Роберте Кеннеди она ответила: «Об этом я не знала».

Те, кто близко связан с Кеннеди, как правило, на эту тему распространяться не желают. И все-таки одно исключение из этого правила есть. Сенатор Джордж Статерс из Флориды в 1947 году был таким же новым конгрессменом, как и Джон Кеннеди. В сенат он вошел немного раньше будущего президента. Известен он был под именем «Великолепный Джордж» или «Смач»3. Он был единственным политиком, кто на свадьбе Кеннеди выступал в качестве шафера. К тому времени когда Кеннеди стал президентом, он уже был его давнишним и преданным другом, которого приглашали на приватные обеды в Белый дом. В наши дни, несмотря на то, что ему уже за семьдесят, он продолжает заниматься во Флориде юридической практикой.

Сенатор Статерс говорит, что о Мэрилин Монро он слышал от самого Джона Кеннеди, но в связи с его братом Робертом. «Я никогда не верил, что до Бобби Джек Кеннеди часто виделся с Мэрилин, — говорит он. — Он забрал ее у Бобби, да, именно так — Джек забирал девчонок у своих братьев или друзей для кратковременной связи, так всегда было».

Статерс к этому добавляет, что слышал о Мэрилин «в кулуарах Белого дома и в семейном кругу». Он говорит, что спрашивал об этом зятя Кеннеди Стивена Смита и тот ответил: «Думаю, что Бобби был первым, кто имел отношения с Мэрилин Монро».

Но упрямые факты говорят, что Мэрилин была близка с обоими братьями Кеннеди. Если для президента она, возможно, играла роль очередной игрушки, то для Роберта, «пуританина», как выразился его старший брат, скорее всего это увлечение было чем-то большим.

* * *

Роберта Кеннеди почти никогда не видели на людях в

компании с Мэрилин Монро. Вместе на глаза они попались только однажды, и то человеку, который хорошо знал клан Кеннеди. Речь идет о Стенли Третике, фотографе журнала «Лук», который запечатлевал самые важные мгновения из жизни Первого Семейства. Он имел доступ в Белый дом, навещал площадку Кеннеди в «Хайаннисспорт» и часто путешествовал с Робертом Кеннеди.

Министра юстиции вместе с Мэрилин Третик видел на одном светском рауте «только для приглашенных гостей» — он полагает, что это было во время остановки в Сан-Франциско, в последние месяцы жизни Мэрилин. По его словам, «они танцевали в отеле на приеме по какому-то полуприватному поводу, что-то вроде сбора денег. Они танцевали, прижавшись друг к другу, и выглядело все очень романтично. Тогда у меня мелькнула мысль: «Господи, да они — чудная парочка». Но я тут же выбросил эту мысль из головы».

Пару эту Третик не фотографировал. Он вспоминает: «Бывают часы, когда просто не можешь снимать, или когда что-то не соответствует хронике, которую я создавал. Сейчас я даже не могу сказать, были ли фотоаппараты со мной. А случай тот я запомнил по той причине, что вместе они очень хорошо смотрелись, казалось, что у них взаимная симпатия...»

У другого свидетеля нет сомнений в характере близости Мэрилин и Роберта Кеннеди. Джин Кармен, соседка актрисы по квартире на Дохени в Лос-Анжелесе, вспоминает удивительный эпизод, который произошел, вероятно, весной 1962 года. «Однажды вечером в квартире Мэрилин зазвонил колокольчик. Она была в ванной, поэтому позвонила мне по телефону и попросила открыть дверь. Когда я открыла, то увидела Бобби». Кармен утверждает, что министра юстиции узнала сразу. Она была в полном замешательстве, он, похоже, также. «У него был такой вид, словно он не знал, то ли убежать, то ли остаться, — говорит Кармен. — Я растерянно повторяю: «Проходите, проходите», — а сама продолжала стоять на его пути как вкопанная. Наконец я отошла в сторону, а тем временем из ванны выплыла Мэрилин и бросилась в его объятия ... Она, не стесняясь, поцеловала его, что было совершенно не в ее характере...»

В тот вечер Кармен выпила стакан вина в компании с Мэрилин и Робертом Кеннеди. Все чувствовали себя неловко, и она поспешила оставить их вдвоем. Еще она вспоминает, что

Мэрилин раньше рассказывала ей о встречах с Джоном Кеннеди, но никогда не упоминала о его младшем брате.

Был еще случай, вспоминает Кармен, когда к Мэрилин приехали оба брата с двумя товарищами, но в тот раз они тотчас же уехали, захватив с собой и Мэрилин. С Робертом Кеннеди, продолжает Кармен, у нее произошла еще одна неожиданная встреча. Рассказывает она об этом неохотно, и это вполне понятно. Если верить Кармен, то этот примечательный эпизод произошел при весьма странных обстоятельствах.

Кармен давно знала, что Мэрилин испытывала непонятную радость, когда ходила нагишом. Однажды они пошли в кино в норковых пальто, под которыми ничего не было. (Учитывая склонность Мэрилин к подобного рода затеям, эта история не кажется вымышленной.) Кармен говорит, что они обе дружили с комиком Джеком Бенни; Мэрилин знала его с 1953 года. Номер дома Бенни также есть в записной книжке Мэрилин.

Бенни, продолжает Кармен, сопровождал Мэрилин и ее саму в массажный кабинет на Бульваре Заходящего Солнца, где та и другая делали массаж лица. Однажды, чтобы подразнить Бенни, обе женщины вышли из здания и одновременно распахнули перед ожидавшим их возле автомобиля Бенни полы своих норковых пальто. Под пальто на них ничего не было.

Кармен признается, что нагота вскоре стала для них троих чем-то вроде постоянной шутки. Часто они втроем отправлялись на «обнаженный» пляж. При этом Кармен утверждает, что никаких сексуальных отношений с Бенни не было. В начале шестидесятых уже открылся пляж, где было разрешено плавать в голом виде. Располагался он севернее Санта-Моники, неподалеку от современного Пеппердайнского университета. Поскольку Джек Бенни и Мэрилин подвергались определенному риску, на пляж они приходили в замаскированном виде: Мэрилин в своем парике с черными волосами, Бенни — с бородой, специально позаимствованной для этого случая. Это помогало, и их никто не узнавал. Фальшивая борода хранилась в квартире Мэрилин.

«Итак, борода лежала там, — говорит Кармен, — когда навестить Мэрилин приехал Бобби. Мне кажется, он спросил нас, для чего эта штука была нужна. Мы объяснили и рассказали ему о штуке Бенни, тогда он ответил: «Бенни можно узнать, будь у него и десять бород». На что Мэрилин возразила: «О, нет, ни за что.

Никто не узнает тебя, если мы позаботимся об этом». Она пристроила к его лицу бороду, я принесла солнечные очки. А на голову ему мы еще нашлепнули шапку, что-то типа бейсболки. Он взглянул на себя в зеркало и пробормотал: «Возможно, меня и не узнали бы», или что-то подобное. Тогда мы предложили: "Давайте рискнем?"»

Кармен понимает, что ее история кажется неправдоподобной, но она утверждает, что Роберт Кеннеди просто не мог не поддаться искушению в силу своего характера. Они отправились на «нагой» пляж в машине с откидывающимся верхом, принадлежавшей Кармен. Роберт был с бородой, а Мэрилин — в своем обычном парике. Свечерело, и народу не так было много. «Мы прогуливались вдоль пляжа, сидели на одеяле, которое прихватили из машины, — вспоминает Кармен. — И поняли, что никому нет дела до двух знаменитых людей, которых никто не узнал. На пляже мы были такими же отдыхающими, как и все остальные. По дороге домой смеялись от души».

Узнав получше прошлое Кармен и изучив бумаги из объемной папки, где собраны данные о ее участии в шоу-бизнесе, я убедился, что она была именно такой, какой предстает в своих рассказах, имея широкий круг друзей, включая Питера Лоуфорда и Фрэнка Синатру. Она правильно назвала имя домохозяйки того времени и уверенно ориентировалась в здании на Дохени, когда в 1983 году мы вместе отправились туда. Мэрилин, купив весной 1962 года новый дом, не сразу покинула старую квартиру.

Кармен говорит, что первая встреча с Робертом Кеннеди произошла «после того, как Мэрилин рассказала мне о вечеринке у Лоуфордов и о том шоке, который она испытала, увидев РФК». Как удалось выяснить, этот вечер состоялся в феврале 1962 года.

Имеются также свидетельства, что Мэрилин виделась со старшим братом Роберта Кеннеди осенью 1961 года. В середине ноября, в первый год своего президентства, Джон Кеннеди появился в Лос-Анджелесе. Он приехал впервые после выборов, чтобы произнести несколько речей и зажечь энтузиазмом сердца калифорнийских избирателей, сыгравших ключевую роль в его победе. В отеле «Беверли Хилтон», где он остановился, был устроен прием на двести гостей, в число которых входили местные политики и представители администрации.

Одним из участников приема был Филип Уотсон, в ту пору

только начинавший борьбу за пост юридического советника окружного судьи Лос-Анджелеса. Своей цели он добьется и будет занимать эту должность до 1977 года. Уотсон был республиканцем. Но статус юридического советника не требовал партийной принадлежности, и Уотсон пользовался поддержкой со стороны обеих партий. Знакомство с президентом помогало открывать многие двери, и Марк Бойар, отвечавший за финансовое обеспечение президентской кампании в Калифорнии, устроил для Уотсона приглашение. Сначала в одной из верхних приемных комнат отеля Уотсон выстоял длинную очередь, чтобы пожать президенту руку. Потом, чтобы свести его с Кеннеди поближе, Бойар проводил Уотсона на встречу для узкого круга в одном из люксов внизу. На этот раз президента он увидел в компании Мэрилин Монро.

«В той комнате, где они находились, — вспоминает Уотсон, — было еще около двух десятков людей. Я уже был наслышан о них и поэтому почти не удивился. Меня представили им обоим, с ней я тоже разговаривал. Тогда она показалась мне красавицей — в белом, обтягивающем фигуру платье, — но пустоголовой. Вот такое впечатление произвела она на меня в тот вечер. Ничего особенного я не заметил. Они не держались за руки и ничего такого не было4.

Какова бы ни была истинная природа интереса братьев Кеннеди к Мэрилин Монро, они, несомненно, играли с огнем. Бывший пресс-секретарь Роберта Кеннеди Эдвин Гутман вспоминает, что Мэрилин была на двух-трех приемах в доме Лоуфордов, на которых присутствовал и Роберт Кеннеди. О сексуальной связи между ними он ничего не слышал. «После одного из вечеров, — вспоминает Гутман, — она была слишком пьяна, чтобы самой управлять автомобилем, и мы вдвоем отвезли ее. Боб попросил меня сопровождать его. Он не объяснил зачем, но это и так было ясно: он не хотел, чтобы видели, как поздно вечером он на машине уезжает с вечеринки вдвоем с Мэрилин Монро».

Министр юстиции понимал, каким риском сопровождается флирт и даже намек на флирт в невинной, казалось бы, ситуации. Тем не менее особой тревоги и беспокойства в то время он не проявлял. А вот в последние месяцы жизни Мэрилин опасность для него стала угрожающей. Только ныне, имея точные сведения, мы можем представить, насколько хорошо были известны альковные тайны братьев Кеннеди их злейшим врагам — главарям организованной преступности.

Бывший помощник директора ФБР Кортни Эванс, являвшийся связующим звеном между Дж. Эдгаром Гувером и Робертом Кеннеди, среди газетчиков снискал себе славу человека, вежливо уклоняющегося от вопросов. Но в 1984 году, при обсуждении темы чувствительности президента Джона Кеннеди к шантажу на сексуальной почве, Эванс мне сказал: «Насколько я знаю, предпринималась попытка со стороны организованной преступности оказать давление на президента. Это то, о чем я помню». Сказал он мало, но во всяком случае больше, чем кто-либо до него.

Ссылаясь на плохую память, Эванс не сообщил какие-то подробности, хотя назвал репортеру двух главных врагов Кеннеди — Сэма Джанкану, одного из самых влиятельных в истории мафии боссов, и Джимми Хоффа, криминального руководителя профсоюза водителей грузового транспорта. Еще Эванс отметил, что возможность оказать на президента давление была связана и с Мэрилин Монро.

Я спросил бывшего помощника директора ФБР, не стало ли ему на каком-то этапе известно о «неразберихе» с Монро ... или о попытке организованной преступности повлиять на президента

или его брата с помощью актрисы.

Эванс ответил: «Естественно, такие истории до меня доходили, потому что они еще до ее смерти имели очень широкое распространение как в Вашингтоне, так и в Лос-Анджелесе. Но насколько они соответствовали действительности, этого я знать не могу. У меня на этот счет имеются собственные подозрения...»

Эванс с нарочитой настойчивостью подчеркивал, что его далеко не завидная роль посредника между двумя людьми, Гувером и Робертом Кеннеди, которые испытывали взаимное глубочайшее чувство неприязни, приводила к тому, что тот и другой не давали ему всех необходимых сведений.

Некоторые данные, касающиеся Мэрилин и братьев Кеннеди, возможно, и по сей день хранятся в секретных папках ФБР. В контрольном примечании к документам работник ведомства написал, что «сведения бюро о покойной Мэрилин Монро обширны». Слово «обширный» является одним из определений, используемых для описания папок с материалами, и оно ни в коей мере не приложено к нескольким десяткам документов, которые удалось получить в ФБР после многократных запросов со ссылкой на законодательный акт о свободе информации. Исследователю, втянутому в разгадку этой головоломки, надо самое пристальное внимание уделить другому любовнику Мэрилин Монро, с которым у нее был роман в то же время, что и с братьями Кеннеди. Речь идет о певце по имени Фрэнк Синатра.

Примечания

1. Коктейль из рома и лимонного сока.

2. Подтверждением контактов Уиттерби с Мэрилин служит тот факт, что в обнаруженной в 1986 году записной книжке актрисы значилось его имя.

3. Многозначное слово, одно из значений которого «порок».

4. На другой день после приема в «Хилтоне» президент навестил Лоуфордов в Санта-Монике. К дому на побережье Мэрилин подвез Уайти Снайдер, ее гример. По имеющимся сведениям это было, похоже, 19 ноября 1961 года.

Глава 32

Незадолго до смерти Мэрилин Монро один репортер спросил Синатру, насколько хорошо тот знает ее.

«Кого? — саркастически переспросил Синатра. — Мисс Монро? Она напоминает мне юную невинную девушку, с которой я ходил в старшие классы средней школы и которая позже стала монашкой. Это факт».

Когда Мэрилин рассказали об этом, она ядовито заметила: «Скажите ему, чтобы заглянул в "Ху из Ху"».

Согласно свидетельству фотографа Милтона Грина, впервые Мэрилин увидела Синатру на обеде . «У Романова» в 1954 году, когда ее брак с Ди Маджо трещал по всем швам. Через несколько недель после встречи случился пресловутый «налет по ложному адресу», когда Синатра принял участие в попытке Ди Маджо разоблачить неверную Мэрилин.

Второй раз Синатра встретился с Мэрилин только через шесть лет, в 1960 году, когда распадался ее брак с Миллером и был провозглашен президентом Джон Кеннеди. В августе того года всю съемочную группу «Неприкаянных» Синатра пригласил на свой концерт в «Кал-Нева-Лодж», неподалеку от места натурных съемок в Неваде. На концерт Мэрилин пришла в сопровождении Артура Миллера, чувствовавшего себя явно не в своей тарелке. В то время Синатра как раз собирался выкупить «Кал-Нева-Лодж», представлявший собой казино и курортный комплекс на лесистом берегу озера Тахо. Он располагался на возвышавшихся над озером холмах, включая в себя плавательный бассейн и несколько шикарных бунгало. В рекламных объявлениях говорилось: «Небеса в горной сьерре». Но это был рай, облюбованный гангстерами.

Прелесть этого места была в том, что пограничная линия между Калифорнией и Невадой проходила как раз по территории курорта, деля пополам общественные помещения и плавательный бассейн. Казино было разрешено только в штате Невада, так как калифорнийские законы запрещали азартные игры. Синатра по-своему устроил казино, нанял новых менеджеров. Одним был Пол «Скинни» (Тощий) Д'Амато из Атлантик-сити, которого главный юрисконсульт комитета конгресса по расследованию политических убийств назовет однажды «гангстером из Нью-Джерси». Его роль в Додже, согласно мнению того же представителя власти, состояла в том, чтобы защищать интересы

главы чикагской мафии Сэма Джанканы.

Джанкана был «боссом боссов» чикагского синдиката и восседал на троне, занимаемом когда-то Аль Капоне. К 1960 году он стал заправилой целой сети организованной преступности, опутавшей обширные территории в Соединенных Штатах. Сеть эта охватывала и казино, и рэкет в шоу-бизнесе Западного побережья. После прихода к власти администрации Кеннеди Джанкана стал главной фигурой судебного преследования. Основной целью Роберта Кеннеди, министра юстиции, стало, ни много ни мало, уничтожение в Америке мафии. Джанкана, если бы его приперли к стенке, оказался бы в безнадежном положении.

В 1981 году, поклявшись говорить правду в своих свидетельских показаниях перед комиссией по контролю за игровым бизнесом в Неваде, Синатра сказал, что в 1960 году знаком был с Джанканой поверхностно и не знал, что тот главарь мафии. Еще он говорил, что в «Кал-Нева-Лодж» Джанкану никогда не приглашал. Узнав, однако, что мафиози там появился, он потребовал, чтобы тот немедленно покинул его заведение.

Но дочь Джанканы засвидетельствовала, что несколько раз присутствовала на встречах отца с Синатрой еще в 1954 году и что Синатра «в знак дружбы и уважения» неизменно встречал Джанкану с распростертыми объятиями. По словам Питера Лоуфорда, Синатре «доставляло видимое удовольствие хвастаться своей дружбой с Джанканой» и «Джанкана частенько останавливался в доме Фрэнка в Палм-Спрингз».

Когда связь Синатры с Джанканой вылезла наружу, «Кал-Нева-Лодж» в глазах публики превратился для Фрэнка в величайший позор. Как стало известно сотрудникам ФБР, которые подслушали с помощью тайно установленных микрофонов речь Джанканы, босс мафии был совладельцем «Кал-Невы». В 1963 году, когда документально будет установлено участие Джанканы в «Додже», Синатре придется уйти из бизнеса, Постановлением комитета по контролю за игровым бизнесом его лицензия на ведение такого рода дел будет аннулирована.

Семейство Кеннеди также имело связи с «Кал-Нева». Отец президента нередко посещал заведение еще до того, как владельцем его стал Фрэнк Синатра. Каждый год в декабре управляющий административно-хозяйственной частью посылал семейству Кеннеди две рождественские елки высотой до трех

метров.

В число завсегдатаев названного заведения входил и зять президента Питер Лоуфорд. В последние недели жизни Мэрилин он сопровождал актрису в «Кал-Нева». Визиты Мэрилин в это злачное место стали одной из главных загадок последних дней ее жизни.

В конце 1960 года, вскоре после того как Мэрилин ушла от Артура Миллера, Фрэнк Синатра начал проявлять к ней особое внимание. Он нашел ей замену Хьюго, таксы, оставшейся у Миллера. Новой собакой актрисы стал белый пудель, и Мэрилин сходу придумала для пса кличку. Зная о разговорах по поводу связи Синатры с преступным миром, она назвала пуделя «Маф» (от слова «мафия») и считала эту кличку довольно забавной.

В 1961 году, когда Мэрилин после кратковременного пребывания в нью-йоркской психиатрической лечебнице «Пейн-Уайтни» прилетела в Калифорнию, Синатра предоставил в ее распоряжение свой дом. По словам Джорджа Мастерса, тогдашнего парикмахера Мэрилин, Синатра иногда бывал в квартире на Дохени, где в тот год обосновалась Мэрилин.

Мастерс говорит: «Я никогда не видел Синатру, но поскольку я общался с Мэрилин, мне казалось, что я близко знаю его... Мэрилин брала меня с собой, уезжая в его дом на холмах Бель-Эр. Я знать не знал, куда мы едем, все держалось в большом секрете. Это касалось и его выступлений в Лас-Вегасе. Для меня он всегда оставался невидимым, как Говард Хьюз».

В мае психиатр Мэрилин доктор Гринсон писал своему коллеге: «Больше всего я старался помочь ей не чувствовать себя такой одинокой и не пытаться найти успокоение в лекарствах или в дружбе с опасными людьми, которые вступали с ней в какую-то садомазохистскую связь... Таким образом приходится поступать с юной девушкой, которая нуждается в вашем руководстве, дружбе и твердости. Похоже, это ее вполне устраивает... Она сказала, что после разговора со мной впервые в жизни ей нестерпимо захотелось вернуться в Лос-Анджелес. Конечно, это не мешает ей вместе с Ф.С. отправиться на несколько часов в Палм-Спрингз. Она не хранит мне верность, как не хранят верность родителю...»

В начале июня, когда в отеле «Пески» в Лас-Вегасе начались выступления Синатры, Мэрилин приехала туда. Были там и две

сестры президента Кеннеди, Пэт Лоуфорд и Джин, жена Стивена Смита.

Певец Эдди Фишер, тоже присутствовавший на концерте со своей тогдашней женой Элизабет Тейлор, вспоминает: «Элизабет и я сидели в зале вместе с Дином, Джин Мартин и Мэрилин Монро, у которой в ту пору с Синатрой был роман, и смотрели концерт. Но все глаза были устремлены на Мэрилин, она покачивалась в такт музыке и хлопала ладонями по сцене. Из платья с низким вырезом вываливались груди. Она была так красива — и так пьяна. На вечеринку в тот вечер она опоздала, но Синатра не стал скрывать своего недовольства ее поведением, и вскоре она исчезла».

В июле, когда Мэрилин вернулась в Лос-Анджелес после операции на желчном пузыре, с доктором Гринсоном она встречалась регулярно. Как он потом напишет своему коллеге, теперь он считал «ее ужасно, ужасно одинокой», отмечая тяготение к окрашенному параноидальными оттенками чувству, вызванному дурным обращением. Гринсон говорил, что, на его взгляд, Мэрилин тянулась к постоянному общению с людьми, которые причиняли ей только боль. Имена таких людей он не называл.

В следующем месяце, в августе 1961 года, Мэрилин провела выходные вместе с Синатрой на его яхте. Жена Дина Мартина Джин и Глория Романова, которые также были на борту, ясно дают понять, что Мэрилин на судне была в качестве женщины Синатры: они жили в одной каюте.

Мэрилин изо всех сил старалась казаться любезной, но, похоже, чувствовала себя растерянно и очень злоупотребляла лекарствами. Жан Мартин говорит: «Помнится, что перед прогулкой на яхте мы поднялись в дом Фрэнка и он попросил меня: «Ты не зайдешь и не поможешь Мэрилин одеться, чтобы мы могли сесть в лимузин и поехать?» Она не могла заставить себя собраться».

«Она принимала снотворные таблетки, — вспоминает Глория Романова, — так что в десять часов вечера исчезала и не появлялась до одиннадцати-двенадцати часов следующего дня. Мы подшучивали над Фрэнком, говоря: "Вот это романтика!"» Джин Мартин вспоминает, как Мэрилин «бродила по палубе в тщетной надежде найти таблетки. Если она не могла уснуть, то

полуодетая шаталась по судну и пыталась найти кого-то, кто согласился бы в три часа утра дать ей «красненькие».

Когда путешествие закончилось, все решили еще собраться на берегу, а Мэрилин сошла с яхты и, ни слова никому не говоря, куда-то ушла.

Месяц спустя Мэрилин позвонила в Нью-Йорк своей горничной Лене Пепитоне и велела привезти ей платье, в котором она хотела провести вечер с Синатрой. Пепитоне помнит, как Синатра заехал за Мэрилин, чтобы забрать ее с собой. «Он извлек из кармана коробочку, — рассказывает Лена, — и украсил уши Мэрилин парой изумрудных сережек. Они поцеловались с такой страстью, что я смутилась и почувствовала себя лишней».

Эти серьги запомнились и парикмахеру Джорджу Мастерсу. Он говорит, что Мэрилин надевала их только один раз. Потом она их отдала Пэт Ньюком, своему пресс-секретарю.

Летом 1961 года, по словам Лены Пепитоне, Мэрилин впервые заговорила о браке с Фрэнком Синатрой. Она очень расстраивалась, замечая, что он обращает внимание на других женщин. Через несколько месяцев Синатра объявит о своей помолвке: избранницей его стала актриса Джульет Проуз. Свидетельств в пользу того, что он был страстно влюблен в Мэрилин, нет, тем не менее встречаться они продолжали до самой ее смерти. Хотя Мэрилин уже иначе оценивала Синатру. Рассматривая как-то фотографии, оставшиеся в память о путешествии на яхте, она обронила: «Вряд ли дам ему копии. Думаю, что я и так достаточно дала ему».

Близость Мэрилин с Синатрой была на руку тем, кто вынашивал замыслы навредить братьям Кеннеди. Ведь Фрэнк ввел Мэрилин в крут людей, среди которых было немало злейших врагов президента и министра юстиции. Они могли воспользоваться тем, что продолжались ее встречи с обоими братьями. Как много знала мафия? — вот в чем вопрос.

Глава 33

Новые исследования показывают, что мафиози в Калифорнии заинтересовались Мэрилин Монро еще задолго до президентства Кеннеди. Это был интерес хищника к своей жертве, подогреваемый, вероятно, гангстером из Лос-Анджелеса Микки

Коуэном.

Коуэн, выходец из Нью-Йорка, в истории американской организованной преступности являет собой странную фигуру, связанную с сицилийской мафией; он любил похвастаться, что в сороковые годы был одним из главарей военной банды, которая занималась рэкетом в Лос-Анджелесе. Сложность была в том, что Коуэн, на жизнь которого многократно покушались, вынужден был искать путь нелегкого сосуществования с криминальными семейными кланами страны, — путь, отмеченный трупами.

После тюремного заключения, которое ослабило его могущество, Коуэн в конце пятидесятых годов пытался вернуть себе былую силу. Общество видело в нем незаурядного человека, известного своими панибратскими отношениями с голливудскими шишками, среди которых были Фрэнк Синатра и иже с ним. Коуэн вложил деньги в Дина Мартина и Джерри Льюиса и на заре их карьеры помог перенести их шоу с Восточного побережья в Калифорнию. В 1951 году на вопрос сенатского комитета по делам организованной преступности, как в его записную книжку попал номер домашнего телефона Фрэнка Синатры, Коуэн ответил: «Как? Он мой приятель». Коуэн на пару со своим любимым бульдогом, обожавшим лазанью1, любил наведываться в ресторан «Вилла Капри», где Синатра и Ди Маджо однажды обсуждали план налета на дом Мэрилин Монро, получивший известность под названием «налет по ложному адресу».

В конце 1959 года, когда брак Мэрилин с Миллером начал расшатываться, Мэрилин проводила в Голливуде времени больше, чем когда бы то ни было. Это была пора затянувшихся съемок картины «Займемся любовью». Именно тогда, к удивлению следователей, имя актрисы упоминалось в связи с делом Микки Коуэна.

В тот год бюро расследований при окружном прокуроре Лос-Анджелеса вело постоянное наблюдение за Коуэном и итальянцами из его ближайшего окружения. Коуэн был на свободе, и цель наблюдения состояла в том, чтобы как можно быстрее снова упрятать его за решетку. Следователей прокуратуры особенно интересовали связь Коуэна с наркобизнесом и его усилия по сбору компромата на кинозвезд с целью шантажа и коммерческой эксплуатации.

Метод был старомоден и беспощаден. Один из людей Коуэна старательно и расчетливо занимался обольщением какой-нибудь кинозвезды, затем делал так, чтобы их половой акт был заснят на кинопленку. Говорят, что подобное сделали с Ланой Тернер, когда она оказалась в постели с пособником Коуэна Джони Стомпанато. Закончилось все убийством Стомпанато, который погиб от руки собственной дочери-подростка. Кинозаписи полового акта Тернер и Стомпанато были распроданы за сотни долларов каждая. Однажды ночью в конце 1959 года Гари Уин, следователь окружной прокуратуры, вместе со своим коллегой Фрэнком Хронеком вел наблюдение за рестораном на Бульваре Сансет, — как он сейчас полагает, это был «Плимут Хаус». Они видели, как в ресторан в сопровождении женщины и двоих мужчин вошла Мэрилин Монро. В ее эскорте, говорит Уин, был один из «приятных итальянских мальчиков», двадцативосьмилетний Джордж Пишителле.

«Мы просидели в засаде до двух часов ночи, — вспоминает Уин, — тут из ресторана вышли Пишителле с Монро. Мы следовали за их машиной над Каньоном Голдуотер до мотеля на бульваре Ван-Нюйс. Увидели, как они вошли внутрь. Вскоре после этого нам с Фрэнком пришлось разделиться. Как они выходили из мотеля, мы не видели».

По словам бывшего следователя Уина, слежка за Мэрилин велась и в других случаях, которые так же щекотали нервы. Разведка, правда, показала, что Мэрилин иногда общалась и с Пишителле, и с Сэмом Лосиньо, другим прихвостнем Коуэна. Уин говорит, что прослушивал запись, сделанную в спальне Мэрилин, и пришел к выводу, что цель состояла в вымогательстве.

Фрэнка Хронека, коллеги Уина, уже нет. Однако история эта находит косвенное подтверждение в воспоминаниях Джека Тобина, бывшего репортера отдела новостей «Лос-Анджелес Таймс», специализировавшегося на информации об организованной преступности. Он помнит, что Хронек ему об этом рассказывал.

Кроме того, один из старших чинов правоохранительного ведомства также свидетельствует, что следствие против группы Коуэна велось в связи с «вымогательством» у ведущих звезд. В составе группы был Пишителле, а Мэрилин Монро указана как одна из жертв2.

Коуэн и его пособники сегодня мертвы, поэтому допросить их нельзя. Но молчание, которое они уже никогда не нарушат, скрывает цели в отношении Мэрилин Монро, грозившие ей гибельными последствиями. Специалисты по борьбе с организованной преступностью утверждают, что задолго до прихода эры Кеннеди Микки Коуэн был знаком с Сэмом Джанканой. К тому же он встречался со ставленником Джанканы в Голливуде Джонни Розелли и, вероятно, подчинялся его указаниям. А Джонни Розелли, в свою очередь, знал Мэрилин.

Еще до того, как Мэрилин обосновалась в Голливуде, Розелли состоял в криминальных отношениях с людьми, двое из которых сыграли существенную роль в ее карьере. Гарри Кон, давший ей первый контракт, использовал деньги мафии, поступившие от Розелли, чтобы установить контроль над «Коламбией Пикчерс». Перед Розелли Кон оставался в долгу. Оба покровителя Мэрилин носили одинаковые кольца с рубинами, которыми снабдил их Розелли. Он сказал им, что это один из наиболее приемлемых способов, с помощью которого мафиози из неитальянца делали себе «кровного брата».

До того как молодая Мэрилин стала его протеже и в качестве близкой знакомой начала появляться на званых обедах, Джо Шенк, старый могол киностудии «XX век—Фокс», отсидел положенный срок за дачу ложных показаний. Привлечен он был к судебной ответственности за причастность к выплате дани мафии: он собственноручно передал первый взнос наличными, завернутыми в оберточную бумагу. Одним из мафиози, проходивших по делу о вымогательстве, был Джонни Розелли.

Розелли мог познакомиться с Мэрилин после выхода из тюрьмы. Пэтти Каргер, первая жена любовника Мэрилин, утверждает, что Розелли был знаком с семьей Каргеров. Он заезжал к ним за своей девушкой и ее матерью, которые приходили к Картерам играть в покер.

Двое других свидетелей также говорят, что Розелли знал Мэрилин, Один из них — Джозеф Шаймон, бывший полицейский инспектор из Вашингтона, округ Коламбия, который вместе с представителем ЦРУ, Джанканой и Розелли принимал участие в подготовке покушения на Кастро. Шаймон был доверенным лицом Розелли до самой его смерти. Он говорит: «Розелли виделся с Монро, они встречались в обществе, он хорошо знал многих из ее друзей и коллег по работе».

В 1984 году ответственный работник министерства финансов предложил мне взять интервью у Гарри Холла, который длительное время служил «высоконадежным» осведомителем правоохранительных органов, особенно по части организованной преступности. К тому же он случайно оказался другом Джо Ди Маджо. Вскоре после смерти Мэрилин Холл наткнулся на Розелли в аптечном магазине в отеле «Уилшайер» Беверли. В разговоре они вспомнили Мэрилин, и Холл сказал, что «Розелли дал ему ясно понять, что он был лично знаком с Мэрилин. Он признался, что она нравилась ему... Какие личные дела были у них, мне об этом не известно...».

Являясь ставленником Джанканы в Калифорнии, Розелли поддерживал отношения еще с одной женщиной, о которой теперь известно, что она была любовницей президента Кеннеди. Ее зовут Джудит Кэмбелл. Кэмбелл, как выяснил десять лет назад разведывательный сенатский комитет, была близка с Кеннеди с начала 1960 до весны 1962 года, но встречи их носили случайный характер. По прошествии примерно шести недель с начала этого знакомства Кэмбелл встретилась с боссом мафии Сэмом Джанканой. Тесный контакт с ней он поддерживал на протяжении всего ее романа с Кеннеди.

Истории обеих женщин — Кэмбелл и Мэрилин — имеют удивительное сходство. Хотя сравнивать двадцатишестилетнюю Кэмбелл с Мэрилин Монро неправомерно, тем не менее первая также кровное детище Голливуда. Тогда она была старлеткой и имела контракты с «Уорнер Бразерз», «М-Г-М» и «Юниверсал». У нее, как и у Мэрилин, был роман с Фрэнком Синатрой, который и представил ее Джону Кеннеди. Таким образом она вошла в круг людей, с которыми общалась Мэрилин.

Кэмбелл встретилась с Глорией Ловелл, секретаршей Синатры, ставшей одной из соседок Мэрилин на Дохени. Доктор Ред Кон, близкий друг Синатры, был гинекологом Кэмбелл. Долгое время он обслуживал и Мэрилин. За несколько дней до смерти взбудораженная Мэрилин позвонит ему.

Никто и никогда не интересовался причиной, по которой Джанкана поддерживал знакомство с Джудит Кэмбелл. Его убили в 1975 году, и сенатский разведывательный комитет его не успел допросить. Его приспешник Джонни Розелли был убит в 1976 году. Вынудить Кэмбелл рассказать какие-либо подробности

комитет не сумел, а приглашать в качестве свидетеля Фрэнка Синатру Не стал.

Уильям Сэфайер из «Нью-Йорк Таймс» наметил ряд вопросов, которые комитет мог бы задать Синатре, если бы вызвал его для дачи показаний. Обсуждали ли мафиози с Синатрой любовную связь Кэмбелл с президентом? Были ли сделаны какие-то звукозаписи или фотографии Кеннеди в компании с Кэмбелл, которые преступники могли бы использовать с целью шантажа? Не просили ли мафиози Синатру или еще кого познакомить Кэмбелл с братьями Кеннеди?

Некоторые из этих вопросов с таким же успехом можно было задать Синатре или кому другому по поводу Мэрилин Монро и, по крайней мере, еще одной женщины.3 Есть сведения, что мафия вела наблюдение за братьями Кеннеди с интересом хищницы.

В начале 1961 года комика Джерри Льюиса известили, что ему предстоит быть ответчиком в деле о расторжении брака, затеянном мужем старлетки по имени Джудит Мередит. Льюис попросил работавшую под его началом на киностудии «Парамаунт» Джудит Кэмбелл, чтобы она уговорила босса мафии Сэма Джанкану уладить дело со следователем, занимавшимся разводом. Джанкана, по словам Кэмбелл, посодействовал, и обвинения в адюльтере оказались недоказанными.

Следователем в деле Мередит был известный голливудский частный сыщик Фред Оташ. Он подтверждает правдивость истории, но добавляет, что к тому делу о разводе привлекались и другие мужчины. В одном документе ФБР, обнаруженном недавно, сказано, что в список входили такие имена, как: Дин Мартин, Джерр Льюис, Фрэнк Синатра и т. д. и т. п.

Оташ утверждает, что среди «и т. д. и т. п.» значился и Джон Кеннеди. Детектив говорит, что имя президента не фигурировало в деле о разводе только благодаря вмешательству мафии.

Случилось это, по словам Оташа, весной 1961 года. Ему позвонил Джонни Розелли, адъютант Джанканы, и договорился о встрече в ресторане «Браун Дерби», якобы «по просьбе министра юстиции». Оташ говорит, что Розелли буквально силой заставил его вычеркнуть имя Кеннеди из числа свидетелей. После встречи, на которой присутствовал и Джанкана, Оташ был вынужден подчиниться.

Джуди Мередит, с которой разговаривали уже в наши дни, отрицает любовную связь с Джоном Кеннеди. Человек, возбудивший дело о разводе по просьбе мужа Мередит, Питер Фэрчайлд, утверждает, что в документах действительно содержались сведения о причастности Кеннеди к адюльтеру.

Спорным во всей этой грязной истории остается утверждение Розелли, что вмешаться в дело Мередит ему пришлось «по просьбе министра юстиции». Естественно, никто из близкого окружения президента, не говоря уже о самом министре юстиции, лично не просил босса мафии замять историю супружеской неверности. Администрация Кеннеди (и в первую очередь министерство юстиции, возглавляемое неподкупным Робертом) больше, чем предыдущие Администрации США, затратила сил на борьбу с организованной преступностью. Однако дело Мередит могло иметь для Кеннеди тяжелые последствия, поскольку имя президента фигурировало в рискованном соседстве с именем Фрэнка Синатры и иже с ними.

Конечно, имя Джона Кеннеди могло прозвучать на слушании дела о разводе, но там же назвали бы и имена Фрэнка Синатры и его друзей. Вполне вероятно, что Синатра или кто-то из его сподвижников, узнав об этом, сказал о возникшей проблеме Розелли. То, что главный мафиози Голливуда сделал для Джерри Льюиса, он мог бы сделать и для Кеннеди. Для этого у него были свои причины.

Сэнди Смит, старый репортер «Лайфа» и «Чикаго Сан-Таймс», занимавшийся криминальной хроникой, является признанным авторитетом по всем вопросам, связанным с министерством юстиции и борьбой против организованной преступности в эпоху президента Кеннеди. Про дело Мередит и группу Синатры он сказал так: «В то время они были очень близки с Джеком Кеннеди. Им ничего не стоило оказать президенту услугу и шепнуть нужное слово на ушко Розелли. А тот рад был угодить президенту».

Тогда Синатра был довольно близок с президентом. Человек с политическими взглядами католика (потом выступал непоколебимым поборником Рональда Рейгана), он и его «клан» оказывали существенную поддержку Кеннеди во время выборной кампании. Песни Синатры «Весь путь» (All the Way) и «Высокие надежды» (High Hopes) стали звуковым символом кампании. Он

способствовал взлету Кеннеди до президентских вершин, он помог ему с организацией праздника по поводу его инаугурации и в глазах общественности считался другом президента.

Что касается мафии, говорит репортер Сэнди Смит, то «эти ребята никогда не упускают возможности сделать что-то для правительства или для кого-то, кто в этом правительстве занимает видный пост, ставя таким образом ответственных людей в зависимость, которая в будущем может сыграть важную роль. Для Розелли это было очень характерно».

Не было ничего удивительного в том, что Розелли не без участия ЦРУ стал человеком, который мог бы предъявить счет кому-то из правительства. Незадолго до избрания Кеннеди на пост президента страны в том же ресторане «Браун Дерби», где позже Розелли замнет дело о разводе Джудит Мередит, он во время выпивки был завербован ЦРУ для участия в печально знаменитой серии заговоров, цель которых состояла в подготовке убийства Фиделя Кастро. Контракт управления с мафией, с Розелли и Джанканой в частности, действовал до 1963 года, когда ЦРУ разорвало его.

Ранним вечером 12 июля 1961 года Джанкана вошел в зал ожидания чикагского аэропорта «О'Хара». Это была обычная остановка на пути следования в Нью-Йорк. Его сопровождала Филиция Мак-Гир, самая высокая и самая прелестная из трех сестер Мак-Гир, составлявших в ту пору наиболее популярную женскую вокальную группу в Соединенных Штатах. Босс мафии был влюблен в нее по уши, и она уже давно ездила с ним повсюду.

В аэропорту их уже поджидали агенты ФБР, исполнявшие приказ министра юстиции Роберта Кеннеди. Они давно пытались выследить Джанкану, и сейчас им повезло: можно было, как говорится, достать его с помощью любовницы Филиции Мак-Гир. Двое агентов предложили Мак-Гир выбор: либо получить повестку в суд, либо немедленно подвергнуться унизительному допросу. Она предпочла второе, ее тотчас оттащили от Джанканы и отвели в служебное помещение.

Джанкана безуспешно возмущался, а затем поднялся на борт самолета и вскоре вернулся в зал ожидания, неся в руках сумку Мак-Гир и ее шляпу. Агенты ФБР при виде мафиози с дамской сумочкой в руках так и покатились со смеху. Тут Джанкана

взорвался. Сегодня, когда нам уже многое известно из личной жизни президента Кеннеди, можно сказать, что тирада, которой разразился мафиози, сулила главе государства прямую угрозу. Вот строки из доклада ФБР:

«Тогда Джанкана показал, что он знает о намерении агентов сообщить о результатах его допроса своему «боссу», который, в свою очередь, сообщит о результатах их «верховному боссу» и «верховному боссу верховного босса», и он сказал: «Вы знаете, кого я имею в виду, я имею в виду Кеннеди». Потом он заявил: "Я знаю о Кеннеди все, а Филиция знает о Кеннеди еще больше, и в один прекрасный день мы расскажем все. Сегодня вы раздули пожар, который никогда не потухнет. Вы проклянете этот день..."».

Что имел в виду мафиози, говоря, что знает о братьях Кеннеди «все»? Когда агенты попросили его уточнить, что это значит, он от комментариев отказался.

Знал ли Джанкана только о связи президента с Джудит Кэмбелл? Или о президенте и Джудит Мередит? На что намекал, говоря, что Филиция Мак-Гир знает «гораздо больше»?

Когда в 1983 году я разговаривал с Филицией Мак-Гир, рассказывать про Сэма Джанкану она отказалась. Однако поначалу охотно разглагольствовала о Мэрилин Монро. Оказывается, Мак-Гир довольно хорошо знала Мэрилин. Они познакомились в Нью-Йорке, когда Мэрилин вышла замуж за Артура Миллера. Мак-Гир жила через четыре дома от Восточной 57-й улицы. Они виделись и потом, во время президентства Джона Кеннеди, но где и когда — Мак-Гир уточнять не стала. Джо, заявила Мак-Гир, и сегодня еще «мой дорогой друг».

Когда я задал Мак-Гир вопрос о Мэрилин и братьях Кеннеди, она без колебаний ответила: «Сначала у нее была связь с Джоном. С Бобом тоже определенно был роман... Их видели вместе в укромных уголках. И, знаете, это очень характерно для Кеннеди — передавать подруг от одного к другому: от Джо к Джону, от Джека к Бобби, от Бобби к Теду. Именно так они и поступали».

О Роберте Кеннеди, говорила Мак-Гир, явно передавая собственные впечатления, Мэрилин «хранила молчание, но после выпивки, особенно если была в подавленном состоянии, она становилась словоохотливой. Сперва свою близость она хранила в

тайне. Потом она пыталась подтолкнуть его к определенному решению, потому что хотела выйти за него замуж...». В этот момент, разговаривая со мной по телефону, Мак-Гир вдруг занервничала. Когда я спросил ее, что думал Джанкана по поводу Мэрилин, она ответила: «Мне бы не хотелось говорить...». Мы условились встретиться, но она после этого на письма и звонки мои не отвечала.

Сведения, сообщенные Филицией Мак-Гир, тревожны уже сами по себе, поскольку естественно предположить, что то, что знала она, знал и Сэм Джанкана.

«Как в героях греческой трагедии, — написал Роберт Блейки, бывший главный юрисконсульт комитета конгресса, занимавшегося расследованием убийства Джона Кеннеди, — в характере президента был фатальный изъян, hamartia, который делал его уязвимым для нападок со стороны организованной преступности...»

Роковой этот недостаток заключался в любви президента к женщинам. В 1961 и в следующем году, ставшем последним в жизни Мэрилин, волокитство за женщинами, в том числе и за Монро, сделало братьев Кеннеди удобной мишенью для нападок всевозможного рода. Они были совершенно не защищены от давления мафии. Но, как видно, угрозу эту братья Кеннеди не считали достаточно серьезной.

Сенатор Сматерс, друг президента, считает, что тот мало беспокоился по поводу риска, которому подвергался из-за неумеренных сексуальных аппетитов. «Ему казалось, что там, где дело касалось жизни, он непотопляем, — признался мне в 1983 году сенатор, — он никогда не колебался».

Во время президентства Кеннеди Уильям Кейн, нынешний консультант по вопросам безопасности в Нью-Йорке, был инспектором ФБР, занимавшимся делами, связанными с организованной преступностью. О Роберте Кеннеди вспоминает он с восхищением. До сих пор он бережно хранит подаренный ему министром юстиции портсигар. С чувством легкого замешательства вспоминает он об одном интересном эпизоде, происшедшем в конце недели как раз накануне дня Труда4 1961 года.

Информаторы сообщили ФБР, рассказывает Кейн, что

министр юстиции провел день где-то «в пустыне возле Лас-Вегаса, причем не с одной, а с двумя девушками на одеяле. Кто-то из преступного клана, воспользовавшись аппаратурой для телесъемки, сделал фотографии ... и мы получили сведения о том, что мафия собирается этими снимками шантажировать министра юстиции Соединенных Штатов. Достоверность этой информации подтверждали и другие источники».

По словам Кейна, предупредить Роберта Кеннеди об опасности выпало на долю Кортни Эванса, посредника между департаментом юстиции и Эдвардом Гувером. Министр юстиции, говорит Кейн, был в характерном для него виде: рукава закатаны, ноги лежали на столе. Выслушав, он неожиданно спросил, что Эванс собирается делать в предстоящие выходные. На этом их разговор и закончился. «Придать этому факту меньше значения, наверно, было нельзя, — полагает Кейн. — Потрясти его или заставить смутиться было так же невозможно, как полететь на луну».

Бывший помощник директора ФБР Эванс этот конкретный эпизод не припомнил, но заметил: «Вероятно, все именно так и случилось. Ходить на ковер с подобного рода информацией мне приходилось много раз. Такова была обычная реакция Бобби Кеннеди».

Он добавляет: «Когда мне доводилось сообщить министру юстиции о голословных утверждениях в адрес президента, он никогда не говорил ни «да», ни «нет». Он обычно оставался беспристрастным. Когда речь касалась его, он просто говорил: «Я не могу отвечать за то, что болтают обо мне другие люди». Я приходил туда, чтобы передавать информацию, но никак не для того, чтобы ее получать».

Эванс, которому довелось много ездить вместе с Робертом Кеннеди, вспоминает: «Единственным местом, где он в конце дня уходил один, был Лос-Анджелес. Тогда я подозревал, что он встречается с Мэрилин Монро. То, что было для меня только подозрением, другим было известно точно».

Неосмотрительность братьев Кеннеди была неразумной бравадой и не могла оставаться не замеченной их врагами. Роман с Мэрилин был явной оплошностью, поскольку доверять ей уже было нельзя: к концу 1961 года актриса как личность начала уже деградировать.

Примечания

1. Блюдо из лапши, подаваемое с пряным мясом и сырным соусом.

2. В рапортах бюро расследований при окружной прокуратуре Лос-Анджелеса за 1961 год имеются сведения о том, что Питер Лоуфорд занимался сбором денег в пользу соратника Коуэна Кэнди Барра, находившегося в то время за решеткой по обвинению в сбыте наркотиков. Лоуфорд «отчаянно стремился» получить компрометирующие звукозаписи с «вечеринок», которые он посещал в гостиной Барра.

3. При написании этой книги я обращался к Синатре, но получил отказ — так он обычно поступал во всех подобных случаях.

4. Первый понедельник сентября.

Глава 34

Примерно на протяжении недели в трубке контактного телефона радиостанции Ки-Ди-Эй-Уай в Лос-Анджелесе раздавался один и тот же женский голос. На звонки отвечал Том Клей, известный в ту пору диск-жокей. «Я спросил имя женщины, — рассказывает Клей, — потому что это единственный способ представить человека в эфире; она ответила, что назовет себя при условии не объявлять имени. Было похоже, что она очень напугана, и я пообещал. Тогда она сказала: «Я Мэрилин Монро». На что я возразил: «О'кей, в таком случае — я Фрэнк Синатра», — и повесил трубку. Она снова позвонила и была по-настоящему взбешена. Три или четыре дня спустя она спросила, не могу ли я выпить с ней чашечку кофе».

Том Клей все еще не верил своей заочной знакомой, однако пошел по адресу, названному женщиной. Сейчас он с точностью не может припомнить, где это было, но, судя по описанию, скорее всего он оказался в квартире на Дохени. Женщина, которую он там увидел, на самом деле была Мэрилин Монро.

Она в пляжном халате, с шампанским в руках пригласила Клея пройти в дом. Дело было в 9.30 утра. Соблазнить его, рассказывает он, хозяйка и не пыталась, она позвала его для того, чтобы излить душу. По всему чувствовалось, что женщина

пребывала в глубоком смятении.

«На протяжении трех недель, — вспоминает Клей, — я заходил к ней почти через день и оставался там около часа. Больше всего ее интересовала моя семейная жизнь, моя жена и мои дети. Ей хотелось узнать о моих детишках мельчайшие подробности. Она интересовалась моей малышкой, которую я называл «Рибел»1, потому что она была сущим дьяволенком. Однажды я спросил ее: «Как вы можете быть такой одинокой?» Мэрилин ответила: «Вы когда-нибудь были в доме, где сорок комнат? Умножьте мое одиночество на сорок».

Жизнь Мэрилин в Лос-Анджелесе теперь была в опасном вакууме, более опасном, чем представлялось окружающим. Глория Романова, часто встречавшаяся с Мэрилин Монро летом 1961 года в пору их сближения с Фрэнком Синатрой, говорит: «Несколько раз она мешала спиртное и снотворное, тогда ее приходилось откачивать. Это были очень опасные моменты».

После очередного такого случая с передозировкой снотворного начальство киностудии «XX век—Фокс» наняло специальных консультантов, которые должны были заботиться о том, чтобы дело не получило огласку. Для студии подобное поведение Монро, угрожавшее ее жизни, было чревато негативной рекламой и более высокими суммами страхования при создании нового фильма с ее участием.

Одновременно консультантам было поручено замять еще одно дело, касавшееся некой голливудской дамы, хваставшей тем, что состояла в лесбийской связи с Мэрилин Монро. Замолчать ее заставила солидная сумма наличными, хотя до сих пор точно не известно, правду она говорила или нет.

В психиатрическом лечении Мэрилин в то лето учитывались и проблемы гомосексуализма. Доктор Гринсон встречался с Мэрилин семь раз в неделю, «потому, прежде всего, что она чувствовала себя очень одинокой и никто не навещал ее, и, если бы не я, ей даже нечем было бы заняться». Он четко выделил две задачи, которые стоило решить: навязчивый страх Мэрилин перед гомосексуализмом и ее неспособность переносить какую бы то ни было боль, как душевную, так и физическую.

«Она не выносила малейшего намека на гомосексуализм, — писал доктор Гринсон. — Хотя у нее была явная боязнь

гомосексуализма, она против воли все же попадала в ситуации с гомосексуальной окраской. Но стоило ей почувствовать это, как она тотчас обвиняла в этом других людей и они становились ее врагами». Например, говорил Гринсон, был случай с одной из подруг Мэрилин, которая обесцветила волосы, сделав их примерно такого же цвета, как волосы Мэрилин. «Мэрилин тотчас пришла к скоропалительному выводу, что девушка «пытается посягнуть на нее, что сходство означает гомосексуальное посягательство». И она обрушила на бедняжку всю свою ярость».

В переписке доктора Гринсона девушка появилась под именем «Пэт». Кроме Пэт Лоуфорд, среди близких знакомых Мэрилин в последние годы ее жизни была еще одна Пэт, ее пресс-секретарь Пэт Ньюком. Она действительно вспоминает, что бывали громкие скандалы по поводу цвета волос, она очень хорошо помнит «частые приступы ярости» Мэрилин. Однако ей ничего не было известно о повышенной чувствительности Мэрилин к проблеме гомосексуализма.

Что касается отношения его пациентки к мужчинам, то доктор Гринсон отмечал склонность Мэрилин к полной неразборчивости в половых связях. В последние месяцы жизни она рассказывала ему, что имела половые отношения с одним из рабочих, переоборудовавших ее дом. Однажды она пригласила к себе таксиста, который доставил ее домой поздно ночью. Один, не пожелавший назвать себя, следователь окружной прокуратуры Лос-Анджелеса рассказывал, что на одном голливудском приеме однажды наткнулся на Мэрилин, занимавшуюся с мужчиной любовью в одном из темных коридоров.

В конце 1961 года Мэрилин для доктора Гринсона была не только пациенткой, но и другом семьи. Довольно трудно было добиться важного в деле лечения разделения врачебных и личных отношений. Мэрилин, как он выяснил, страшно обижалась при малейшем его раздражении и не терпела даже намека на частичное несовершенство «некоторых идеальных цифр в ее жизни».

«Мэрилин не могла успокоиться, пока мир не был восстановлен, — писал доктор Гринсон. — Но психиатр боялся, что она увидит только один выход который принесет давно желанный полный покой. Ее неспособность справляться с ситуациями, которые она расценивала как болезненные, наряду с патологической фобией, испытываемой к гомосексуализму, —

отмечал Гринсон, — стали теми решающими факторами, которые привели Мэрилин к смерти».

В декабре 1961 года Гринсон писал: «У нее развились тяжелые депрессивные и параноидальные реакции. Она говорила об уходе из кинобизнеса, о самоубийстве и тому подобных вещах. Ввиду того, что Мэрилин могла покончить с собой, мне пришлось прикрепить к ней медицинских сестер, дежуривших и днем и ночью, и взять под строгий контроль прием лекарственных препаратов. Мэрилин отчаянно боролась с постоянным присутствием посторонних в своем доме, и по прошествии нескольких недель стало ясно, что оставаться у нее они больше не могут».

Записная книжка Мэрилин с адресами, относящаяся к тому времени и обнаруженная автором в 1986 году, содержала фамилии более трех десятков докторов и нескольких медсестер. Они нужны были не столько для лечения, сколько для того, чтобы выписывать рецепты на лекарства.

Последнее Рождество Мэрилин встретила не в одиночестве. Джо Ди Маджо, делавший ее праздники более или менее сносными, и на этот раз пришел на помощь. Вероятно, это был его отклик на просьбу доктора Гринсона. Мэрилин, чтобы придать своему жилищу праздничный вид, купила крошечную елочку и фонарики. Послеобеденное время в Рождественский день провели они в доме Гринсонов, где, к большой радости Мэрилин и всеобщему удовольствию, центром внимания стал Ди Маджо, герой бейсбола.

В Новогоднюю ночь, сразу после полуночи, в гости к Мэрилин и Ди Маджо зашла со своим приятелем дочь доктора Гринсона Джоан. Они пили шампанское и на открытом огне жарили каштаны.

Ди Маджо казался «предупредительным, внимательным и заботливым, как член семьи, — вспоминает Джоан. — Что касается Мэрилин, похоже, ей нравилось делать что-то для него. Они производили впечатление давнишних супругов».

После того как праздники закончились и Ди Маджо уехал, Мэрилин на миниатюрном рождественском деревце еще долго зажигала огоньки. Оно стояло до тех пор, пока не засохло и пока не осыпались с него украшения.

В начале 1962 года, по совету доктора Гринсона, Мэрилин начала присматривать для себя новый дом. Собственного дома у нее никогда не было, и Гринсон надеялся, что это приобретение принесет Мэрилин долгожданное чувство уверенности и защищенности и положит конец ее мыслям о бездомном сиротстве.

Поиском нового дома Мэрилин занялась вместе с Юнис Меррей, шестидесятилетней женщиной, имевшей опыт по уходу за психиатрическими пациентами. Ее привел доктор Гринсон незадолго до Рождества. Это произошло после того, как квалифицированные медсестры отказались дальше терпеть выходки Мэрилин. С тех пор миссис Меррей и стала мастером на все руки и помощником актрисы. Сама она предпочитала, чтобы ее называли «преданный ассистент».

Поиски дома были сопряжены с трудностями. В одном намеченном на продажу доме хозяйка, увидев, что ее покупательница Мэрилин Монро, пронзительно закричала: «Убирайтесь с моей территории!» Все же в конце января дом был найден — довольно скромное одноэтажное здание в жилом районе, носящем название Брентвуд, построенное, как и дом Гринсонов, в мексиканском стиле, с обшитыми деревом потолками, с большой гостиной, расположенной в центральной части постройки, маленькими спальнями.

Здание это разительно отличалось от вызывающе богатых домов, в которых жили голливудские звезды, но Мэрилин была довольна покупкой. Стоял дом в тупиковой части переулка и создавал впечатление уединенности. К тому же в близком соседстве были дома, где Мэрилин искала и находила утешение. В нескольких минутах езды жили доктор Гринсон и Питер Лоуфорд, в доме которого актриса время от времени встречалась с братьями Кеннеди.

Дом купили довольно быстро, воспользовавшись услугами юриста, который занимался также делами и Фрэнка Синатры. Пришлось, правда, взять деньги взаймы. Мэрилин не снималась в кино уже год, а ее процентные отчисления с прибыли за последние фильмы на ее счет не поступили. Большая часть этих денег придет уже после смерти Мэрилин. Когда она покупала новый дом, у Мэрилин было мало наличных денег, и умерла она, оставив на текущем счету всего 5000 долларов.

Подписывая контракт на владение домом в Брентвуде, Мэрилин разразилась слезами, о причине которых позже сказала: «Я чувствовала себя так плохо, потому что покупала дом одна».

В начале 1962 года доктор Гринсон убедился, что проблема лекарственного злоупотребления взята под контроль. Он надеялся, что теперь дела его подопечной действительно пойдут на поправку. Похоже, никто не обратил внимания на странный маленький герб, украшавший наружную плитку дома. Написанный по латыни девиз гласил: «Cursum Perficio». В переводе это означает: «Свое путешествие я заканчиваю».

Мэрилин было почти тридцать шесть лет. Жить ей оставалось только шесть месяцев.

Примечания

1. Возмездие (англ.)

Глава 35

«Проклятье, — вырвалось у Мэрилин, сидевшей в гостиной в доме Гринсонов рядом с сыном доктора Дэнни, — я пойду на обед к Лоуфордам, и Бобби тоже будет там. Ким Новак станет хвастаться своим новым домом возле Биг-Сюр, а мне бы хотелось поговорить с ним о чем-то более серьезном».

Январь 1962 года шел к концу. Мэрилин в самом деле собиралась пообедать в компании Роберта Кеннеди, и это ни для кого не было секретом. Она была в числе гостей, приглашенных к Лоуфордам на обед, назначенный на 1 февраля. Министр юстиции с женой намеревались совершить кругосветное путешествие и должны были проездом остановиться в Лос-Анджелесе.

Во всяком случае, именно так было написано в газетах тех дней. Сегодня об этом событии, в зависимости от личных пристрастий, упоминают либо для того, чтобы обозначить начало романа, либо в качестве доказательства, что Мэрилин Монро и министр юстиции встретились впервые.

В разговоре с Дэнни Гринсоном Мэрилин обсуждала политические вопросы, которые хотела бы затронуть во время предстоящей встречи. «Закончилось все тем, что она записала их,

— вспоминает молодой Гринсон. — В них содержалась критика левого толка — тогда меня очень беспокоила наша поддержка режима Диема во Вьетнаме. Еще были вопросы о парламентском комитете по расследованию антиамериканской деятельности, о гражданских правах и тому подобные... Она хотела произвести на него впечатление...»

Так поначалу и вышло. Но потом Роберт Кеннеди заметил, что Мэрилин подглядывает в свою сумочку, где у нее лежала шпаргалка. Это его здорово позабавило. Сей эпизод использовали, чтобы посмеяться над интеллектом Мэрилин. На самом деле, желая произвести хорошее впечатление, Мэрилин всегда к застольным разговорам готовилась заранее. И ее домашнее задание, похоже, успешно играло отведенную ему роль.

Об этом обеде Мэрилин по дороге в Мехико через несколько недель рассказывала Фреду Вандербилт Филду, американскому экспатрианту. Филд вспоминает, что, по словам Мэрилин, «в тот вечер они с Кеннеди на время удалились, как она выразилась, в укромное местечко, где у них состоялся длинный разговор на политическую тему. Она сказала мне, что интересовалась у Кеннеди, не собирались ли они подпалить Дж. Эдгара Гувера — о котором она отзывалась в исключительно резком тоне, — на что Кеннеди ответил, что пока ни он, ни его брат не чувствуют себя достаточно сильными, чтобы сделать это, хотя им очень того хотелось бы».

Глория Романова, также приглашенная на обед, говорит, что в тот вечер Мэрилин танцевала с Кеннеди, всецело завладев его вниманием. Еще она добавляет веселую деталь: «Кеннеди по межгороду позвонил отцу, чтобы сообщить, что сидит рядом с Мэрилин Монро, и поинтересоваться у отца, не хочет ли тот поздороваться с ней».

Через полгода после смерти Мэрилин многие из ее личных бумаг были уничтожены. Ее душеприказчица Инее Мелсон просто выкинула их, убирая дом. Однако она сохранила написанное от руки письмо, которое нашла в одном из ящиков. Сделала она это по той причине, что его содержание шокировало ее. Прислала его, очевидно, Джин, одна из сестер Кеннеди.

В верхней части листа типографским способом был отпечатан адрес дома, где обычно отдыхали Кеннеди, «Бульвар Норт-Оушн, Палм-Бич, Флорида». Далее шел рукописный текст:

«Дорогая Мэрилин.

Мама попросила меня написать Вам и поблагодарить за любезное послание папе. Оно по-настоящему порадовало его, и Вы были так предусмотрительны, что послали его.

Как стало ясно, Вы и Бобби — новая тема!

Мы все считаем, что Вы должны приехать вместе с ним, когда он вернется на Восток!

Еще раз спасибо за послание.

С любовью
Джин Смит»

В библиотеке Джона Ф. Кеннеди, хранилище огромного числа документов семейной корреспонденции, констатировали, что «не представляется возможным» найти образец почерка Джин Кеннеди того периода.

В 1984 году я показал письмо мужу Джин, Стивену Смиту, который сегодня занимается финансовыми делами семейства Кеннеди, и спросил, является ли оно, на его взгляд, подлинным. Смит ответил: «Можно сказать, что такая вероятность не исключается. Почерк не слишком отличается. Джин, конечно, может и не помнить, писала она письмо или нет, но свою руку она должна непременно узнать. Нужно спросить Джин».

Однако, прочитав записку, зять Кеннеди испытал раздражение и сказал, что должен проконсультироваться с женой. Позже Смит написал мне, что она «не припоминает, чтобы когда-либо писала нечто подобное и опознать документ также не может...».

Предположим, что письмо подлинное, что в таком случае это значит? Дата не проставлена, но установить время написания могла бы ссылка на «любезное послание Мэрилин папе». «Папа», семидесятитрехлетний Джозеф Кеннеди 19 декабря 1961 года перенес в Палм-Бич серьезный удар. Болезнь его растянется на многие месяцы, а недееспособность сохранится до конца жизни.

Что касается возвращения «Бобби» на Восточное побережье, то это, возможно, имеет отношение к завершению его кругосветного путешествия, начало которого совпадало со званым обедом в доме Лоуфордов.

Рис. 7. Письмо, как предполагается, от Джин Кеннеди Смит, обнаруженное после смерти Мэрилин. Ссылка на «Бобби» еще не нашла объяснения. Но имя Джин Кеннеди фигурирует в записной книжке актрисы. Обе женщины, несомненно, общались друг с другом

Рис. 7. Письмо, как предполагается, от Джин Кеннеди Смит, обнаруженное после смерти Мэрилин. Ссылка на «Бобби» еще не нашла объяснения. Но имя Джин Кеннеди фигурирует в записной книжке актрисы. Обе женщины, несомненно, общались друг с другом.

С другой стороны, сестра министра юстиции могла ответить на вежливое послание Мэрилин, написанное Джозефу Кеннеди, в любое время уже после Рождества или — если Глория Романова ничего не напутала о разговоре Мэрилин со старшим Кеннеди по телефону с приема — сразу после обеда. В одном случае письмо можно отнести к январю, в другом — к февралю 1962 года.

Но оставим в покое дату. Как понимать провокационное заявление: «Как стало ясно, Вы и Бобби — новая тема!»? Была ли это неудачная шутка, произнесенная по следам светской сплетни, связавшей Мэрилин и Роберта Кеннеди? Едва ли. В тот период подобных слухов не было. Значит ли эта фраза именно то, о чем в ней говорится на жаргоне времени? Не было ли это со стороны Джин Кеннеди своего рода шутливым признанием романа, легкого флирта, возникшего между Мэрилин и ее братом? Если так, то совершенно очевидно, что роман начался несколько раньше, что также согласуется с утверждениями соседки Мэрилин, Джин Кармен, упоминавшей о встречах в 1961 году.

До настоящего времени все выводы о связи Мэрилин и Роберта Кеннеди строились на непрочном фундаменте, то есть на злобных сплетнях. Оба они мертвы и не могут постоять за себя, поэтому их отношения требуют тщательного исследования. Вызвано это не в последнюю очередь тем фактом, что имя Кеннеди упоминается в связи с таинственными обстоятельствами смерти Мэрилин.

Личный секретарь Роберта Кеннеди Энджи Новелло осторожно, но честно отвечает на вопрос о близости бывшего босса и Мэрилин Монро. Она вспоминает, что встречала Мэрилин в доме Лоуфордов весной 1962 года, когда присутствовали оба Кеннеди и Пэт Ньюком. Примерно с того времени, вспоминает она, — и записная книжка Мэрилин с номерами телефонов

служит тому доказательством — актриса многократно звонила ему в департамент юстиции.

Энджи Новелло говорит, что Кеннеди всегда либо отвечал на звонки Мэрилин, либо вскоре перезванивал сам. «Он был таким отзывчивым человеком; он никогда не отворачивался от того, кто нуждался в помощи, и я уверена, он хорошо знал о ее проблемах. Он умел слушать, а в этом, на мой взгляд, она нуждалась больше всего на свете». Новелло также подчеркнула, что Кеннеди был хорошим другом певице Джуди Гарланд, и никто не намекает на роман с ней.

Пресс-секретарь Кеннеди, Эд Гутман, говорит, что министр юстиции встречался с Мэрилин всего четыре или пять раз. У других коллег Кеннеди несколько иные воспоминания. Один из них, кто пожелал сохранить свое имя в секрете, сказал репортеру из «Манчестер Гардиан» У. Дж. Уиттерби, что «роман с Монро воспринимал как данность, но это была единственная связь Бобби».

Держать языки за зубами люди перестали в 1968 году после убийства Роберта Кеннеди. Как-то двое его друзей, писатель Джон Марканд и Фредди Эпси, нынешняя жена Джорджа Плимптона, собрались на вечер воспоминаний. Как сказал один из участников, беседа касалась и обыденного, где «было много суеты и флирта, и того, что мисс Монро была очень влюблена в Бобби Кеннеди». Этот очевидец из профессионалов, работавших на Кеннеди, также предпочел остаться анонимным. Другие были более открытыми и общительными.

Третья жена Питера Лоуфорда, Дебора Гулд, сказавшая, что однажды ночью Питер проговорился и выложил ей все, что знал о Мэрилин Монро и братьях Кеннеди, сообщает, что в кладовке среди бумаг, которые там хранил ее муж, она обнаружила фотографию. На ней «были Питер Лоуфорд, Мэрилин Монро и Бобби Кеннеди, — вспоминает Гулд. — Они держались за руки. Насколько мне помнится, на Мэрилин был халат, в руках она сжимала бутылку шампанского «Дом Периньон». Было похоже, что они неплохо отдыхали, находясь на пляже».

Как Гулд поняла со слов Лоуфорда, роман Роберта Кеннеди с Мэрилин Монро начался после того, как он пришел к актрисе в роли «посыльного мальчика» от своего брата, чтобы сказать, что их отношения с президентом больше не могут продолжаться.

«Новость эту Мэрилин восприняла очень тяжело, — говорит Гулд, — и Бобби уходил с мыслью, что ему следовало бы узнать актрису получше. Сначала ему хотелось просто утешить ее, но вскоре знакомство между Мэрилин и Бобби переросло в любовную связь. Из того, что говорил Питер, можно заключить, что он влюбился по уши».

Но самым убедительным доказательством близости Мэрилин с Робертом Кеннеди являются воспоминания их современника, бывшего непосредственным очевидцем происходившего. Речь идет о дочери доктора Гринсона, Джоан, которая в последние месяцы жизни Мэрилин была очень дружна с ней. Она вспоминает их «девичьи разговоры» с Мэрилин. Чаще всего они были посвящены любовным переживаниям самой Джоан, но в начале 1962 года Мэрилин, захлебываясь от восторга, заговорила о «новом мужчине в своей жизни».

«Она призналась мне, — говорит Джоан, — что встречалась с кем-то, но не хотела обременять меня ответственностью, которая была бы неизбежна, узнай я его имя, поскольку человек был довольно известен. Она сказала, что будет называть его «Дженерал». Мы обе рассмеялись. В этом так мало было Тайны, что не составляло никакого труда вычислить, о ком шла речь, и понять, что происходило».

Но Джоан Гринсон доподлинно не знала, что означало это наименование «Дженерал», и решила, что это относится к президенту. Хотя в журнале «Лайф» тогда были опубликованы материалы о Роберте Кеннеди, где министра юстиции называли просто «Дженерал»1.

Сам доктор Гринсон на протяжении многих лет, описывая любовную жизнь Мэрилин, о которой узнавал от своей пациентки, строго придерживался профессиональной этики. Делать это ему приходилось в силу того, что ходило множество сплетен. Атаки репортеров он обычно отбивал. Но в 1973 году, выведенный из себя голословным утверждением, промелькнувшим в книге о Мэрилин Нормана Мейлера, Гринсон согласился на беседу с писателем Морисом Золотовым. «Мэрилин, — сказал доктор, — в ту пору не имела никаких сколько-нибудь серьезных увлечений. Ее чувств глубоко не затрагивал ни Роберт Кеннеди, ни другой какой мужчина».

Возможно, Гринсон, гуманист до мозга костей, у которого на

рабочем столе лежал серебряный доллар Кеннеди, просто пытался похоронить сплетни. Однако вскоре после смерти Мэрилин, в частной беседе с психиатрами из лос-анджелесского центра профилактики самоубийств, доктор Гринсон говорил совсем иное.

В 1984 году я беседовал с доктором Робертом Литманом. Он был одним из двух членов бригады по предотвращению самоубийств, который опрашивал доктора Гринсона. Он вспоминает, что Гринсон был страшно расстроен, до такой степени, что Литман чувствовал себя не столько человеком, проводившим формальный допрос, сколько утешителем. Он учился у Гринсона; испытывал к нему огромное уважение и «полагал, что об этом нельзя было говорить, пока доктор Гринсон был жив».

Психиатр Мэрилин умер в 1979 году, и я получил доступ к рапорту доктора Литмана и оригинальным записям. В начале 1962 года Литман писал:

«Примерно в это время Мэрилин начала встречаться с «очень важными людьми». Гринсона чрезвычайно беспокоило то, что ее просто использовали... С другой стороны, ей как будто была во благо связь с такими могущественными и влиятельными людьми, поэтому он не мог объявить, что так уж был против этого... Он сказал ей, чтобы она еще раз проверила, что делает это, потому что действительно считает полезным, а не потому, что должна это делать».

Доктор Литман говорит сейчас, что Гринсон .в разговоре с ним упоминал, что у Мэрилин «были близкие отношения с очень важными людьми в правительстве» и что связь эта была «половой», и что мужчины, о которых шла речь, занимали «высшую ступеньку власти». Доктор Литман говорит, что хотя доктор Гринсон не назвал имен Кеннеди, тем не менее он «ничуть не сомневался», кого он подразумевал под «очень важными людьми в правительстве». При этом Литман чувствовал, что психиатр Мэрилин не был «абсолютно искренен» даже с ним.

Второму из той бригады по профилактике самоубийств, доктору Норману Табачнику, Гринсон также сказал о «двух важных людях» в жизни актрисы, и Табачник был уверен, что речь шла о братьях Кеннеди. Бригада по профилактике самоубийств была создана коронером Лос-Анджелеса Теодором Курфи,

который заявил, что она опросит «всех лиц, с кем в последнее время общалась Мэрилин». Возглавлял команду доктор Норман Фарберов. Он говорит, что братья Кеннеди опрошены не были, и при этом добавляет: «Бесспорно, теперь осторожность выдвинулась на первый план».

Как видно из показаний современников, любовные линии братьев иногда перекрещивались. При всей необычности этого наблюдения, оно не противоречит сложившемуся мнению о семействе Кеннеди. Согласно фамильной легенде, мужчины клана, случалось, обхаживали одну и ту же женщину. Что касается Мэрилин Монро, то скорее всего здесь можно говорить не столько о состязании мужчин между собой, сколько о потерявшей ориентацию женщине, вообразившей, что она способна настроить одного Кеннеди против другого.

Незадолго до своей кончины Мэрилин сказала Анн Каргер, матери Фреда Каргера, своего возлюбленного прежних лет, что у нее роман с Робертом Кеннеди. Джо Ди Маджо говорить о Мэрилин не желает, но своему другу Генри Холлу, который несколько дней после смерти Мэрилин гостил у него, он признался, что знал о связи бывшей жены с Робертом Кеннеди. Ди Маджо, как заметил Холл, был «очень зол из-за этого, очень зол».

Дом Лоуфордов в Санта-Монике с видом на берег стоял в одном ряду с подобными же домами, которыми владели богатые люди. Соседи во время президентства Кеннеди не без интереса следили за приходившими и уходившими гостями. Некоторым из жителей было что рассказать. Линн Шерман, дочь Гарри, известного создателя вестернов, жила рядом с Лоуфордами. Она, наблюдая за игрой в волейбол на пляже, убедилась, что Мэрилин была частой гостьей в этом доме.

Шерман вспоминает: «Она выходила, чтобы присоединиться к играющим, но валилась с ног. Такое случалось не раз. Солнце и таблетки делали свое дело — и актрису приходилось тащить в дом».

Линн Шерман считает, что роман с Робертом Кеннеди был. «Только дураки делают другие выводы, поскольку не знают, что происходило на самом деле, — говорит она сейчас, — но там было много-много свиданий. Подъезжал служебный автомобиль, а это означало, что Роберт Кеннеди был в городе. И вот входила прислуга и объявляла: «Прибыла Мэрилин». Она бывала в брюках

с шарфиком на голове. Иногда я видела, как Мэрилин и Роберт, пройдя через внутренний дворик, выходили на пляж, чтобы прогуляться. С моего балкона было видно, что прогуливались они там довольно часто, и у меня не было сомнений на их счет».

Шерман говорит, что мысль о их близости у нее еще более укрепилась после беседы с Пэт, сестрой Роберта, когда та зашла выпить. «В этом не было ничего необычного, — говорит Шерман. — Она жаловалась на Питера и обмолвилась: "Мы все проходим через это, — посмотри, что приходится переживать Этель"».

Другая соседка, в ту пору миссис Шерри Джеймс, говорила с Питером Лоуфордом о смерти Мэрилин. Из его слов следовало, что «Мэрилин от него перешла Джеку, а от Джека — к Бобби». Лоуфорд, скорее всего, выдал желаемое за действительное, так как всем было известно, что, несмотря на его ухаживания, Мэрилин отвергала его.

Из всех семей, живших на побережье, Лоуфорды особенно близки были с мистером и миссис Питер Дай. Марджори Дай, наследница состояния Мерриветер Пост, на просьбы дать интервью не откликнулась. Но ее бывший муж, ныне учитель, согласился поговорить со мной.

Питер Дай встречал Мэрилин на пляже. Она запомнилась ему печальной, «большую часть времени пребывавшей в лекарственном дурмане». Однажды, когда в домике на пляже она развалилась на диване, Дай заметил на белых брюках Мэрилин пятна крови. Она, как уже бывало, вроде и не замечала этого. В другой раз за ужином кто-то из гостей придрался к языковой ошибке, допущенной Мэрилин, и она в слезах выскочила из-за стола.

Как выяснилось, Дай знал Кеннеди довольно близко. В доме Лоуфордов он нередко видел Мэрилин с Робертом Кеннеди. Он полагает, что «у них определенно был роман. Она была без ума от него и почти все время смотрела на него влюбленными глазами. Я ненавижу слово «мачо», но Кеннеди на самом деле играл роль какого-то агрессивного, высокомерного мужчины. Он никогда не был оживлен, никогда не улыбался. Она была по уши влюблена в него. Мне кажется, ее всегда привлекали мужчины, в которых она видела титанов мысли. Ей нравился этот тип, и ей надоело то, что ее пускали по рукам, как кусок мяса. Она стремилась уйти от этого».

Студийная горничная Мэрилин Хейзл Вашингтон вспоминает, что Роберт Кеннеди иногда звонил ее хозяйке. То же говорит и Лена Пепитоне, горничная из Нью-Йорка: «Я знаю, что Бобби звонил ей много раз, но они соблюдали осторожность. Он только говорил: «Можно пригласить Мэрилин?», — потом она скрывалась за дверью спальни, где порой болтала не меньше часа. Я знала, что это был он, потому что она однажды сказала мне об этом, а потом я уже сама узнавала его голос».

В каких еще местах, кроме дома Лоуфордов, могли влюбленные встречаться в последние месяцы жизни Мэрилин? Юнис Меррей, часто бывавшая в новом доме актрисы в Брентвуде, утверждает, что министр юстиции заходил к ней только раз, и то мимоходом, чтобы «взглянуть на ее кухню». В другом интервью она изменила цифру в большую сторону, говоря уже «возможно, о двух-трех визитах», подчеркивая при этом, что ничего предосудительного в том не было.

В 1962 году Мэрилин наняла на работу зятя Меррей Нормана Джефриса. Он помогал переделывать дом. Меррей проявила странное нежелание помочь мне встретиться с ее зятем, но его местонахождение все же удалось установить. Визит Роберта Кеннеди, свидетелем которого он стал, действительно носил тайный характер.

«Было смешно, — говорит Норман Джефрис, — потому что с Мэрилин были Юнис и я, и нам предстояло уйти. Причем сделать это нужно было до его появления. Так мы и поступили». По правде говоря, Джефрис был еще возле дома, когда на машине с откидывающимся верхом подъехал Роберт Кеннеди. Он был один.

На Западном побережье Мэрилин и Кеннеди, бесспорно, проявляли больше благоразумия и встречались тайно. Из полицейских источников и бесед с агентами службы безопасности «Дженерал Телефон» явствует, что местом свиданий была квартира в Галивер-сити, в юго-западной части Лос-Анджелеса. Трое офицеров службы припоминают, что после смерти Мэрилин там был произведен обыск.

На Восточном побережье, по словам Лены Пепитоне, визитов Кеннеди к Мэрилин в Манхэттене не было. Однако ей точно известно, что актриса в 1961 году тайком ездила в Вашингтон и что эти поездки имели отношение к Кеннеди.

Слишком много людей знали об интимной связи Мэрилин с Робертом и Джоном Кеннеди, и это было уже не безопасно, но все равно встречи эти продолжались. Тем временем, вероятно, желая заполнить пустоту одиночества, которая вызывала беспокойство психиатра актрисы доктора Гринсона, Мэрилин потянулась к людям.

Примечания

1. По-английски министр юстиции — Attorney General.

Глава 36

В феврале 1962 года отец Артура Миллера Айзадор, отдыхавший во Флориде, получил телеграмму следующего содержания:

«Прибываю сегодня вечером в 9.05, рейс 605, компании Истерн Эрлайнз. Забронируйте номер в Фонтенбло. С любовью Мэрилин».

В тот вечер старик и актриса ужинали в клубе «Джиджи» и смотрели слабенькую танцевальную программу. Потом они вернулись в отель, где Мэрилин известила свекра, что Артур снова собирается жениться. На этот раз его избранницей была Индж Морат.

Отец драматурга был удивлен. Позднее он говорил: «Мэрилин хотела, чтобы я воспринял все правильно. Она хотела, чтобы я защитил ее, но и она сама защищала меня». Тем же вечером в кармане своего пальто Миллер-старший обнаружил 200 долларов.

В январе Мэрилин потрясло известие о помолвке Фрэнка Синатры с Джульет Проуз. Теперь же намерение Артура Миллера вступить в очередной брак повергло ее в буквальном смысле в шок. Она замкнулась, отделив себя от всего остального мира, и даже не отвечала на телефонные звонки. Потом она узнала, что миссис Миллер беременна. Услышав о скором рождении ребенка, Мэрилин, по-видимому, расстроилась еще больше: ведь ей-то не довелось познать радости материнства.

В тот период она готовилась к съемкам картины «Так больше нельзя». Это был последний фильм, который по условиям контракта она должна была сделать для киностудии «XX век— Фокс». Закончен он не был. Генри Уэйнстейн, продюсер, фильма и друг семьи Гринсонов, узнал о душевном состоянии Мэрилин, и это повергло его в ужас.

Однажды, примерно в то время, когда Мэрилин известили о новом браке Миллера, актриса в 8 часов утра не пришла на обсуждение костюмов. Уэйнстейн позвонил ей, на другом конце провода ему ответил заплетающийся хриплый голос. Продюсер

сказал, что приедет за ней немедленно, на что Мэрилин едва слышно пробормотала: «Здесь только одна кровать. Где ты будешь спать?» Он застал ее в состоянии комы от чрезмерной дозы барбитуратов. Вызвали врача. Бедный желудок Мэрилин, давно знакомый с промываниями, снова был промыт, и Мэрилин возвратили к жизни.

На студии «XX век—Фокс» провели собрание. Один из исполнительных директоров сказал, что съемки надо отменить, так как Мэрилин совершенно не в состоянии работать. «Обычно съемки отменялись при сердечных приступах, — пояснил он. — Но в данном случае то же самое: ведь в любой день она может погубить себя, приняв излишнюю дозу».

«Но нет, — возразил один из его коллег, — если бы у нее был сердечный приступ, мы никогда бы не сумели застраховать производство. А теперь в этом проблемы нет. С медицинской точки зрения она в хорошем состоянии».

Предпочтение было отдано второй точке зрения. Работа над картиной, прозорливо названной «Так больше нельзя», продолжилась. Однако, по рекомендации доктора Гринсона, Мэрилин вначале получила короткий отдых. Тогда она и отправилась во Флориду, чтобы повидаться с отцом Артура Миллера и Джо Ди Маджо, а 20 февраля внезапно уехала в Мексику.

Парикмахер Джордж Мастерс со всемирно известной кинозвездой на коленях сидел в туалете самолета. Мэрилин Монро настояла, чтобы они уединились там, и он привел в порядок ее волосы и поправил макияж. В городе Мехико актриса хотела появиться во всей красе. Поездка была задумана как частный визит, но сохранить его в секрете не удалось.

В отеле «Хилтон», где Фрэнк Синатра заказал для нее номер, тихая компания выдержала осаду. По коридорам ходила вооруженная охрана, но журналисты, обуреваемые желанием взять интервью, своих позиций не сдавали. Два дня спустя, когда они своего наконец добились, состоялась шумная пресс-конференция. Фотографы изощрялись друг перед другом, желая удовлетворить самые прихотливые фантазии читателей. Один снимок, не опубликованный в то время, особенно близок к порнографии. Он подтверждает, что трусиков Мэрилин не носила. Актриса с мрачным видом на протяжении всей пресс-

конференции попивала шампанское.

Получив свою дань, репортеры на несколько дней оставили Мэрилин в покое. Из Мехико она ездила на рынок Тулука, а также на горный курорт Такско. В сопровождении Юнис Меррей, ее компаньонки из Лос-Анджелеса, актриса делала покупки для нового дома: стол, зеркала в серебряной оправе и картины. Завела она себе и новых друзей.

Старые соседи из Коннектикута познакомили Мэрилин с одной супружеской четой, которая вызвалась показать ей Мехико. Это был Фред Вандербилт Филд и его мексиканка-жена. Филд, родившийся в невероятно богатом семействе, получил прозвище «первый коммунист Америки с радужным будущим». Они с женой входили в колонию сторонников левого крыла. В Мехико супруги чувствовали себя в изгнании. Познакомившись с Мэрилин, они сразу же полюбили ее. На их взгляд, она была «красива безмерно, отзывчивая, привлекательная, самобытная и остроумная; любознательная, она с жадностью знакомилась с новыми предметами, людьми, мыслями; в то же время она была невероятно сложна».

Судя по словам Фреда Филда, политические взгляды Мэрилин были «смелыми — она рассказывала нам о своих переживаниях по поводу гражданских прав, о равноправии черных, восхищалась тем, что было сделано в Китае, гневно осуждала «охоту за красными» и маккартизм, говорила о своей ненависти к Дж. Эдгару Гуверу».

Мэрилин прониклась к Филдам доверием. Она с восторгом рассказывала им о знакомстве с Робертом Кеннеди, о Фрэнке Синатре. Но больше всего она говорила о прошлых неудачах и надеждах на будущее.

«Очень много рассказывала она о браке с Артуром Миллером, — говорит Филд, — делая упор на то, что она потеряла, о браке, который не состоялся, о потере детей. Она говорила, что хотела бы уехать из Голливуда, найти какого-нибудь парня — насколько я понял, что-то среднее между Ди Маджо и Миллером, — такого, который был бы обходителен с ней и в то же время мог быть интеллектуальным лидером и все время подталкивать ее. Она хотела жить в деревне, в корне изменив свою судьбу. Много внимания в разговорах актриса уделяла собственным недостаткам ума, неспособности уживаться с людьми, которыми

восхищалась. Она говорила о своем возрасте, о том, что скоро ей исполнится тридцать шесть, а также о необходимости как-то держаться на плаву».

Филд видел, что Мэрилин много пьет. Он вспоминает: «У меня создавалось впечатление, что Мэрилин имела очень много сексуальных связей, длившихся всего одну ночь. По всему было видно, что это позволяло ей в какой-то степени расслабиться».

Филд с беспокойством отмечал, с какой скоростью развивалось очередное увлечение Мэрилин одним мужчиной. Речь идет о Хосе Боланьосе, мексиканском сценаристе, который был моложе ее на десять лет.

Боланьос, стройный молодой человек приятной наружности — пожалуй, даже слишком приятной, — начал ухаживание стремительно, отчего оно скорее походило на атаку. Сначала он прислал на серебряном блюде (семейной реликвии, по его словам) цветы Пэт Ньюком, пресс-секретарю Мэрилин. Ньюком, тронутая вниманием, познакомила Боланьоса с Мэрилин, чтобы та могла «выходить на люди и хорошо проводить время».

Прибывший утром Фред Филд понял, что мексиканец провел у актрисы всю ночь. Позже, когда Мэрилин поехала в Такско, Боланьос увязался за ней. Он появился в середине ночи, причем не один, а наняв несколько музыкантов, и у отеля спел ей жуткую серенаду. Несмотря на предупреждение Филда, Мэрилин продолжала встречаться с мексиканцем.

Боланьос происходил из семьи со средним достатком. Еще до встречи с Мэрилин он был уже довольно известен в мире кино. Себя он считал большим другом великого режиссера Луи Бюньюеля. В двадцатилетнем возрасте он написал сценарий для «Кукарачи», снискавшей самые восторженные похвалы, которые, однако, не поправили его дела, пошедшие на спад.

В беседе со мной в 1983 году Боланьос все так же превозносил Мэрилин. Он рассказывал, что роман их продлился до самой ее кончины, т.е. в общей сложности пять месяцев со дня знакомства, и что с ним она получала редкостное сексуальное удовольствие, которого не знала с другими мужчинами. Еще он утверждал, что незадолго до смерти она собиралась выйти за него замуж. Его адвокат и друг Хорхе Барраган повторяет то же самое — об этом же он говорил и в 1962 году, за несколько дней до

смерти Мэрилин. Те, кто был близок с Мэрилин, рисуют довольно противоречивую картину.

По словам ее нью-йоркской горничной Лены Пепитоне, Мэрилин действительно упоминала о Боланьосе и говорила, что он хотел бы жениться на ней. На снимках, сделанных вскоре после ее визита в Мексику, можно увидеть Мэрилин, танцующую с Боланьосом. Она выглядит оживленной, но очевидцы добавляют, что она была очень пьяна в тот вечер. Другие современники, включая Пэт Ньюком, Юнис Меррей, а также парикмахера Джорджа Мастерса, подтверждают, что мексиканец приезжал в Лос-Анджелес.

Может быть, близость с Боланьосом была лебединой песней актрисы? Как мы увидим дальше, знакомство это вполне могло иметь мрачный оттенок. Независимо от того, какими мотивами руководствовался мексиканец, Мэрилин переживала смятение и чувство сожаления.

Незадолго до отъезда из Мехико она посетила Государственный институт защиты детей, который занимался обеспечением сирот и обездоленных подростков. Она намеревалась сделать пожертвование в сумме 1000 долларов, но потом в каком-то порыве разорвала чек и выписала новый на 10000 долларов.

Из сообщений некоторых репортеров мы узнаем, что Мэрилин собиралась взять на воспитание какого-нибудь мексиканского ребенка. Должно быть, в ней снова проснулась тоска по материнству. В недалеком будущем все это приобретет мрачную окраску.

Утром 2 марта, когда Мэрилин должна была лететь домой, ее никак не могли разбудить. Парикмахер актрисы Джордж Мастерс вспоминает: «Мне пришлось нести ее на руках. Помнится, я поднял ее с постели и вынес из комнаты. Похоже, она снова приняла слишком много пилюль». Со всклоченными волосами, в темных очках актриса, пошатываясь, появилась в аэропорту. В одной газете ядовито написали, что от нее пахло спиртным и что визит в Мексику закончился пьяным марафоном.

На прощание Мэрилин в адрес газетчиков бросила: «Адьос, мучачос»1, — и неустойчивой походкой пошла к самолету, который должен был доставить ее в Лос-Анджелес. Начался ее

последний раунд.

Примечания

1. До свидания, мальчики (исп.)

Глава 37

Когда Мэрилин вернулась из Мексики, шел март. Именно тогда перед президентом Кеннеди замаячила угроза, что его чрезмерное увлечение женщинами может стать достоянием гласности. Штормовое предупреждение звучало уже давно.

Почти месяц прошел с того дня, как босс мафии Джанкана пригрозил «рассказать о братьях Кеннеди все». Естественно предположить, что министр юстиции Роберт Кеннеди был извещен о гневной тираде мафиози в аэропорту. Если же ему об этом все же не доложили — а такая роковая оплошность вполне могла быть, — то о зловещем развитии событий он вполне обоснованно должен был узнать в течение 1961 года.

Джанкана был лишь одним из опасных врагов Кеннеди. Второй из них, Джимми Хоффа, председатель профсоюза водителей грузового транспорта, усматривал в Роберте Кеннеди личного врага и теперь сошелся с ним в ближнем бою. Работая в различных комиссиях сената, Кеннеди убедился в том, что профсоюз в том виде, в котором он существовал под председательством Хоффы, был «скрытым злом». Имя Хоффы он неоспоримо связывал с организованной преступностью, в частности, с чикагским синдикатом, возглавляемым Джанканой.

Как и Джанкана, Хоффа был в поле зрения полиции. Чтобы не сесть в тюрьму, тот пускал в ход все средства, включая подкуп судей и запугивание свидетелей. И только благодаря усилиям Роберта Кеннеди, он — в конце концов — все же окажется за решеткой. Тем временем Хоффа вел отчаянную борьбу против министра юстиции. Студия Мэрилин Монро «XX век—Фокс» также была втянута в это противоборство.

В 1961 году «Фокс» объявил, что намечает снять картину по книге Кеннеди «Враг внутри», изданной накануне президентской кампании. В ней рассказывалось о Хоффе и мафии. Продюсером был Джерри Уалд, участвовавший в создании первых фильмов с Мэрилин Монро.

Через несколько дней после объявления о будущем фильме Уалду позвонил неизвестный. Незнакомец спросил: «Ты и есть тот сукин сын, кто собрался снимать "Врага внутри"»? Это был первый из многочисленных звонков, помимо которых были и письма, содержавшие угрозы в адрес Уалда и студии. После прямого запугивания, к которому прибегнет один из адвокатов Хоффы, затея с фильмом рухнет, хотя в 1962 году предварительная работа над картиной шла полным ходом. На главную роль пригласили Пола Ньюмена. Роберт Кеннеди принимал участие в обсуждении сценария. Одновременно «Уорнер Бразерз» настаивал на создании фильма о военных подвигах Джона Кеннеди, командовавшего PT 109. Подобно Уалду, Джек Уорнер также получал анонимные письма. В них содержались утверждения, что президент «сексуальный извращенец и имеет многочисленных любовниц», а также обещали, что «вскоре разгорится скандал и погубит и вашу картину, и вас».

В 1961 году в ФБР пришло письмо, в котором предлагали представить доказательства, что президент прелюбодей. Обещали прислать и фотографии. Найти снимки, которые, мягко говоря, могли бы поставить президента в неловкое положение, не составляло никакого труда. Примерно в то же время, когда было отправлено это письмо, на приеме в отеле «Беверли Хилтон» президента Кеннеди видели с Мэрилин Монро.

Роберт Кеннеди также продолжал рисковать. Уалд, продюсер «Врага внутри», приехал однажды в дом в Малибу повстречаться с Кеннеди и увидел его там вдвоем с Мэрилин.

Затем тревожные сигналы посыпались, как из рога изобилия. И декабря 1961 года Дж. Эдгар Гувер сообщил Роберту Кеннеди, что ФБР располагает информацией о том, что Сэм Джанкана намеревается воспользоваться услугами Синатры, который стал посредником между ним и Кеннеди-старшим. Согласно полученным данным, у Синатры уже были разговоры с отцом президента.

Сотрудники из министерства юстиции начали поговаривать о том, что не понимают, как администрация может бороться с мафией, если Кеннеди водят дружбу с Фрэнком Синатрой, о связях которого с мафией всем хорошо известно.

Незадолго до Рождества 1961 года агенты ФБР подслушали телефонный разговор Джонни Розелли с Джанканой. Он только

что побывал в ресторане «У Романова» с приятелем Мэрилин Питером Лоуфордом — одним из «клана» Синатры. Мафиози о Синатре отзывались с презрением. Они не могли привлечь его в качестве посредника между собой и Кеннеди. Розелли предложил Джанкане решиться на отчаянный шаг. «Ты правильно все понял, Мо, поступи по-другому. Поимей всех и каждого... Пусть они узнают, на что ты способен».

В феврале 1962 года, пока Мэрилин была в Мехико, наблюдения за Розелли выявили, что вторая любовница Джона Кеннеди, Юдит Кэмбелл, одновременно встречалась и с президентом, и с Джанканой. Таким образом, была обнаружена одна из «мин», заложенных под кресло президента, и директор ФБР принял меры по ее обезвреживанию.

Гувер как-то обедал с президентом, и предполагают, что предметом их беседы была Юдит Кэмбелл. И больше, как свидетельствовал телефонный формуляр Белого дома, разговоров с ней не было. Однако сама она утверждает, что все равно президент продолжал встречаться с ней. Похоже, Джон Кеннеди не воспринял всерьез предостережений Гувера. Кеннет О'Доннел, помощник Кеннеди, присутствовавший при встрече главы государства с директором ФБР, позже говорил, что президент якобы сказал: «Избавьтесь от этого ублюдка. Он уже порядком надоел».

23 марта, на следующий день после обеда с Гувером, оба Кеннеди должны были вылететь в Калифорнию. Джон Кеннеди хотел погостить у Фрэнка Синатры в Палм-Спрингс, но в последнюю минуту изменил первоначальный план, решив остановиться у Бинга Кросби, жившего в тех же местах. Питер Лоуфорд впоследствии говорил, что президент попросил его сделать необходимые приготовления, чтобы ему не пришлось, как говорится, спать в той же постели, где за три недели до его приезда спал Джанкана — мафиози, которого преследовал его брат. Разве трудно понять президента? Но Синатра посчитал себя страшно оскорбленным. Гнев свой он выместил на Питере Лоуфорде, разорвав с ним отношения.

Мэрилин лучше всех прочих знала о переживаниях Синатры. Она сказала Сиднею Сколски, что была в доме Питера Лоуфорда на встрече, на которую пришли Фрэнк Синатра и один из братьев Кеннеди.

Роберт Кеннеди объявил, по какой причине президент больше не мог встречаться с Фрэнком Синатрой. По словам Мэрилин, министр юстиции произнес страстную речь и даже сказал о том, что если президент не разорвет отношения с Синатрой, то будет вынужден подать в отставку. Участники встречи разошлись в гробовой тишине.

Но опасность не помешала Джону Кеннеди видеться с Мэрилин Монро. Они встретились через три дня после обеда президента с Гувером, во время поездки Кеннеди в Калифорнию.

В субботу 24 марта 1962 года президент проснулся в доме Кросби близ Палм-Спрингс. Мэрилин, жившая в недавно купленном доме, встала рано. Из-за ремонта водопровод временно был отключен, и она, чтобы вымыть голову, пошла к доктору Гринсону. Вернувшись, сделала прическу и принялась одеваться. Ушло несколько часов на то, чтобы превратить отцветающую Норму Джин в «Мэрилин».

Питер Лоуфорд, заехавший за ней, чтобы отвезти в «пески», в ожидании мерил шагами холл. «Когда Мэрилин вышла из спальни, — говорит Юнис Меррей, — у нее поверх новой прически был надет черный парик».

В те выходные президент открыто развлекал знаменитых гостей из шоу-бизнеса, однако о роли Мэрилин газеты не обмолвились ни словом. Но есть два очевидца того, что происходило в доме близ Палм-Спрингс. Президент из особняка Бинго Кросби, где он официально остановился, не раз отлучался.

Бывший юридический советник округа Лос-Анджелес Фили Уотсон, видевший Мэрилин с президентом в «Хилтоне» четыре месяца назад, с удивлением заметил, что они опять вместе. Если в «Хилтоне» никаких признаков интимности не было заметно, то теперь их близость сомнений у Уотсона не вызывала.

«Я гостил в частном доме на ранчо «Мираж», — говорит Уотсон, — и меня пригласили на прием в одно место во владениях Синатры. Стоял холодный, обычный для пустыни вечер. По сути было две вечеринки. Много народу собралось возле бассейна, гости то входили, то выходили из просторного дома, выстроенного в испанском стиле. Синатру я не видел, но Мэрилин и президент были там, к тому же рядом. По всему было видно, что они хорошо проводили время и занимались тем, что

казалось им вполне естественным».

Уотсон говорит, что президент с Мэрилин были в коттедже на первом этаже, где он принимал лишь избранных гостей. Уотсон, как и на приеме в «Хилтоне», туда попал благодаря своему приятелю, стараниями которого и получил должность юридического советника. С президентом, помнившим его по предыдущей встрече, у него была короткая беседа. «Кроме него, присутствовало еще два или три человека, — говорит Уотсон. — На президенте был свитер с воротом «хомут», а на Мэрилин платье, похожее на халат. Чувствовалось, что она много пила. Глядя на них, можно было заключить, что они близки и провели вместе ночь».

Рассказ второго очевидца о том, что делалось в выходные в Палм-Спрингс, не расходится с наблюдениями Уотсона. В последние месяцы жизни Мэрилин посвящала в свои тайны Ральфа Робертса, актера и массажиста, с которым познакомилась в доме Страсбергов в Нью-Йорке. В затемненной комнате, пока Робертс делал расслабляющий массаж, с помощью которого пытался бороться с ее бессонницей, Мэрилин обсуждала с ним некоторые вопросы анатомии человека, в области которой имела определенные познания.

В разговоре с Робертсом Мэрилин обмолвилась, что, видимо, скоро увидится с президентом. Обронив это, она попросила Робертса объяснить ей, как бедренная кость соединяется с тазобедренным суставом. Находясь в Палм-Спрингс, Мэрилин позвонила Робертсу. В голосе ее прозвучали шаловливые нотки.

«Я тут поспорила со своим приятелем, — сказала она, отлично сознавая, что Робертс знает, на кого она намекает, — и он считает, что я неправа относительно тех мышц, о которых мы говорили. Я передам ему трубочку, и ты скажи ему сам».

«Секунду спустя, — вспоминает Робертс, — я уже слышал знаменитую бостонскую речь. Я рассказал о мышцах, и он поблагодарил меня. Конечно, я и виду не подал, что знаю, кто он, и он себя не назвал».

Потом Мэрилин рассказала Робертсу, что дискуссия о мышечной системе возникла у них с Кеннеди после того, как она начала делать массаж больной спины президента. «Я посоветовала ему делать массаж у тебя, Ральф, — сообщила

Мэрилин, — но он сказал, что результат не может быть аналогичным. Думаю, что благодаря мне его спине стало лучше».

Как видим, Мэрилин отличалась рискованной болтливостью. Теперь она свои отношения с братьями Кеннеди уже обсуждала со всем кругом друзей. Президент и министр юстиции продолжали вести себя так, словно были неуязвимы. В тайне от них многие занимались подслушиванием. Некоторые из этих людей были заклятыми врагами Кеннеди, и активность их ставила под угрозу само президентство Кеннеди.

Глава 38

Вскоре после возвращения Мэрилин из Мексики в доме Арта Джеймса, агента по продаже недвижимости, зазвонил телефон. С Мэрилин он был знаком уже много лет, начиная с ее романов с Чарли Чаплиным Мл. и Эдвардом Дж. Робинсоном Мл. Джеймс, Чаплин и Робинсон, давнишние близкие друзья, и теперь, когда Мэрилин жила в Лос-Анджелесе, часто встречались с ней. Люди знали о ее дружбе с Джеймсом. По этой причине в марте 1962 году в его доме и прозвучал тревожный телефонный звонок.

Звонил посредник, передавший информацию от Кармина Де Сапио, коррумпированного политика из независимой организации демократической партии в Нью-Йорке, имевший связи с мафией, в частности с боссом профсоюза водителей грузового транспорта Джимми Хоффой. «Просьба, — вспоминает Джеймс, — состояла в том, чтобы я на некоторое время — может быть, на выходные — увез Мэрилин из ее дома к себе в Лагуна-Бич. Они хотели, чтобы в ее доме никого не было и они могли установить подслушивающую аппаратуру. Я знал об отношениях Мэрилин с Робертом Кеннеди, — она рассказывала мне, — по этой причине они и хотели прослушивать ее дом».

«Я ответил им, что не стану этого делать, — говорит сегодня Джеймс, — и не стал. К величайшему моему облегчению, об этом я больше не слышал. Но я не предупредил Мэрилин. Я подумал, что у нее и без того хватало причин для волнений. Раз они захотели установить в доме «жучки», то, несомненно, нашли способ, как сделать это».

Между прочим, новый калифорнийский дом Мэрилин был весьма удобен для подслушивания. Ведь в нем много перестраивалось и работы велись на протяжении 1962 года. В

доме постоянно толклись рабочие. Что же касается квартиры в Нью-Йорке, то она оставалась почти все время пустой и также была легкой добычей.

В ходе расследования, проведенного при подготовке этой книги, было обнаружено много информации, подтверждающей, что Мэрилин и братья Кеннеди были объектами электронного подслушивания и что это началось в 1961 году. По иронии судьбы, как выяснилось, затеял это отнюдь не преступный мир, а бывший муж Мэрилин Джо Ди Маджо.

Ди Маджо интересовало все, что касалось Мэрилин. Еще в ту пору, когда произошел «налет по ложному адресу», он для слежки за ней нанял частных детективов. Теперь, считая себя ее защитником, герой бейсбола поступил таким же образом.

Мне удалось связаться с полицейским из отдела охраны, Джоном Даноффом, который одно время работал на Фреда Оташа, частного детектива, помогавшего Фрэнку Синатре избежать неприятностей, связанных с его причастностью к «налету по ложному адресу». Данофф принимал участие во многих операциях, проводимых Оташем, и он утверждает, что Мэрилин интересовала не только одного Ди Маджо.

Данофф говорит, что Джо Ди Маджо неоднократно звонил в офис Оташа, иногда и приходил, чтобы обсудить то или иное дело. «У меня создалось впечатление, — вспоминает он, — что Ди Маджо по-прежнему испытывал к Мэрилин всепоглощающее чувство и хотел быть в курсе всех ее передвижений».

В 1961 году, по словам Даноффа, команда Оташа опутала проводами все комнаты и телефонную линию как в квартире Мэрилин, так и в пляжном доме Лоуфорда. Удалось даже «внедриться» в телефонный автоответчик Мэрилин.

Главная обязанность Даноффа, как он утверждает, была в том, чтобы сидеть в машине, оснащенной принимающей аппаратурой. Он пояснил, что «жучок», установленный в доме Лоуфорда, позволял слышать отрывки из разговоров Мэрилин и президента и характерною звуки любовных сует. Как следует из воспоминаний Даноффа, так было в день Благодарения 1961 года. Мы знаем, что в ноябре того года президент гостил в Лос-Анджелесе и встречался с Мэрилин.

Секретный агент из министерства финансов, — часто пользовавшийся услугами Данoффа в шестидесятые годы, считает его «честным информатором». Его бывший работодатель Фред Оташ личную причастность к прослушиванию разговоров Мэрилин и президента отрицает, однако добавляет: «Вы правы, слежка действительно была». Оташ добавляет, что в середине президентства Кеннеди правительственные агенты заставили его передать им досье как на Мэрилин, так и на Кеннеди.

Джон Доулан, бывший начальник одного из детективных агентств Восточного побережья, вспоминает, что незадолго до смерти Мэрилин был в Лос-Анджелесе, где проходила встреча Международного Совета следователей. Среди них Доулан увидел Фреда Оташа. «Оташ сказал, — вспоминает Доулан, — что установил в телефоне Мэрилин Монро «жучок», и сделал это, вероятно, по просьбе Джо Ди Маджо». На той же встрече в Лос-Анджелесе присутствовал Виктор Пишителло, бывший президент Всемирной ассоциации детективов. Он тоже вспоминал о подобном разговоре с Оташем.

С какой бы невинной целью ни поручил Ди Маджо установить наблюдение за бывшей женой, была серьезная опасность утечки информации. Данофф, например, утверждает, что, работая на Оташа, он встречался с такими мафиози, как Мики Коуэн и Джонни Розелли. Сам Ди Маджо, интересовавшийся Мэрилин исключительно по личным причинам, иногда появлялся в сомнительных местах и общался с людьми с такими же сомнительными связями.

Юдит Кэмбелл, одновременно состоявшая в любовной связи с президентом и боссом мафии, рассказывала, как однажды пожаловалась Джанкане, что не смогла забронировать себе номер в отеле «Плаза» в Нью-Йорке. «Не беспокойся, — утешил ее Джанкана. — Когда приедешь туда, позвони Ди Маджо... Он поместит тебя в "Плазу"».

Бывший муж Мэрилин много времени проводил на озере Тахо, где жил гангстер Тощий Д'Амато, менеджер «Кал-Нева Додж», его старинный друг. Д'Амато, с которым мне довелось побеседовать в 1984 году, сказал, что он и Ди Маджо были приятелями с сороковых годов. Он с гордостью показал многочисленные снимки, где был запечатлен в компании с Ди Маджо.

Неизвестно откуда, но мафиози именно в то время узнали о связи Мэрилин и братьев Кеннеди. Филлиция Мак-Гир, неразлучно бывшая при Джанкане, говорит, что знала все о романе и его развитии. Тощий Д'Амато рассказывал мне: «Я знал — мы знали — о Монро и братьях Кеннеди, особенно о Роберте, но не хочу, чтобы в связи с этим на меня ссылались. Сделайте, чтобы все выглядело так, как если бы друг Фрэнка Синатры рассказал вам о Мэрилин то, что знаем мы». В то время, когда мы беседовали, Д'Амато был очень болен и вскоре после этого умер.

Артур Беллетти, радиотехник из Флориды, принимавший участие в благословленной Джанканой установке электронных жучков, говорит, что в 1961 году узнал о том, что Мэрилин встречалась с президентом в Вирджинии, близ Вашингтона.

Считается, что компромат на Мэрилин и Роберта Кеннеди был получен криминальным миром прежде всего благодаря лидеру профсоюза водителей грузового транспорта Джимми Хоффе. Отличился в этом деле личный радиотехник Хоффы Бернард Спиндел.

Спиндел был пионером в области электронного подслушивания. В годы второй мировой войны он служил в войсках связи США. С помощью его технической смекалки немало ценных сведений попадало в руки разведывательных служб. После войны способности Спиндела нашли себе применение в разгадывании уловок, применяемых при разводе, и в делах, связанных с мошенничеством. Потом, в середине пятидесятых годов, его нанял Джимми Хоффа, задумавший наладить электронное подслушивание своих же коллег по профсоюзу. Затем пришлось ему и самому защититься от «разведчиков». С тех пор Спиндел работал только на Хоффу.

Для Роберта Кеннеди Спиндел представлял настоящую проблему. Его меры по защите Хоффы оказались весьма эффективными. К тому же придраться к самому специалисту не было никакого повода. Однажды Кеннеди попытался «обработать» Спиндела и заставить его свидетельствовать против Хоффы. Но замысел не удался, и с тех пор они возненавидели друг друга.

Сейчас Спиндела нет в живых, но при написании этой книги я нашел Эрла Джейкокса, который в 1962 году был у него в помощниках. Прямодушный человек, который во время наших пространных бесед поражал своей искренностью, он был простым

техническим исполнителем. «За несколько месяцев до смерти Мэрилин, — вспоминает Джейкокс, — Спиндел показал мне несколько пленок. Это было в столовой его дома в Холмсе, Нью-Йорк. Помню, как он вытащил две пленки и сказал: «Я должен дать тебе их копии, чтобы у тебя хранился полный набор». Он сказал, что это были записи бесед Мэрилин Монро и Бобби Кеннеди. Это были две семидюймовых бобины по пятнадцать сотен футов пленки на каждой, там могло быть записано двенадцать часов разговоров... Он сказал, что на пленках разговоры обоих Кеннеди».

«Спиндел ясно дал мне понять, — говорит Джейкокс, — что в прошлом имела место связь с Джоном Кеннеди, а в настоящее время — с Робертом Кеннеди».

После смерти Мэрилин, говорит Джейкокс, он работал в Нью-Йорке в охране Фаберже, парфюмерной компании, которая находилась неподалеку от квартиры Мэрилин Монро на Восточной 57-й улице. Он рассказывает: «Берни радостно сообщил мне, что только что получил все счета за междугородные телефонные переговоры из квартиры Мэрилин...» Джейкокс говорит, что у Спиндела были оригиналы ее телефонных счетов и что среди них значились звонки Роберту Кеннеди в Вашингтон. Несмотря на то, что на счете имелся только номер телефона Роберта Кеннеди, на пленках Спиндела, насколько понял Джейкокс, были записаны и разговоры с самим президентом.

Спиндел сказал Джейкоксу, что часть информации, касающейся Мэрилин и Роберта Кеннеди, поступила с «жучка», вмонтированного в министерстве юстиции в Вашингтоне. Согласно описанию Спиндела, «жучок» был на плинтусе в кабинете министра юстиции и мог воспринимать звуки через слой краски. После сеанса готовый «продукт» из кабинета забирал сообщник Спиндела в министерстве юстиции.

Как это ни покажется абсурдным, тем не менее, согласно полученным в ФБР документам, были серьезные подозрения, что с лета 1961 года до весны следующего, когда умерла Мэрилин, «в отделе по уголовным делам министерства работали два сообщника Хоффы». Личность одного из информаторов Хоффы была установлена, и виновного привлекли к уголовной ответственности, а второй остается и поныне неизвестным. Быть может, в данном случае речь идет о поставленном Спинделом «жучке», а не о человеке?

Мы знаем, что Мэрилин часто звонила в министерство юстиции. Об этом свидетельствуют воспоминания секретарши Роберта Кеннеди и уцелевшие страницы из калифорнийских записных книжек Мэрилин. С утверждениями Спиндела полностью совпадают показания человека, значительное время работавшего на Роберта Кеннеди.

Джеймс Келли, — бывший полицейский детектив, сотрудничавший с Робертом Кеннеди в сенатской комиссии по расследованиям Мак-Клеллана, созданной министром специально для слежки за Хоффой. Впоследствии он стал главным следователем другой комиссии конгресса, а в министерстве юстиции начальником отдела по подготовке кадров для правоохранительных органов. Кроме того, Келли также работал в агентстве новостей Си-Би-Эс в отделе по расследованию фактов и даже стал директором одного из бостонских телевизионных каналов. За свою неподкупность он снискал всеобщее уважение как следователь конгресса. Даже сам Кеннеди отметил талант следователя в своей книге «Враг внутри». Спиндела Келли знал с 1952 года, когда специалист по электронике был консультантом в нью-йоркском комитете по борьбе с преступностью. Хоть они и стояли по разные стороны правоохранительной баррикады, но испытывали друг к другу профессиональное уважение. Иногда Келли оставался на ночь в загородном доме Спиндела.

В 1979 году незадолго до смерти Келли пообедал в Вашингтоне с Дэном Молдеа, автором книги о Джимми Хоффе. Горячие поклонники Кеннеди, они прониклись друг к другу доверием. Молдеа был потрясен тем, что рассказал ему Келли, когда в беседе они коснулись Бернарда Спиндела и темы подслушивания. Келли сказал, что Спиндел ему не только рассказал о своих «пленках Монро», но и разрешил прослушать их. Это была запись «постельной беседы» между Мэрилин и одним из Кеннеди. Качество записи оставляло желать лучшего, имелись помехи, как это часто бывает при подслушивании. Тем не менее Келли, знавший обоих братьев, считал, что запись была подлинной.

Джозеф Шаймон, бывший полицейский инспектор, знал как Спиндела, так и Хоффу. «Джимми Хоффа нанял Спиндела, — говорит Шаймон. — Он хотел получить что-нибудь на Бобби и шантажировать его... Ходили слухи, что он вертится вокруг Мэрилин Монро... Спиндел должен был установить в доме Монро

подслушивающую аппаратуру. И я знаю, что тогда Берни находился на Западном побережье».

В семидесятые годы Хоффу прямо спросили, что знал он об интимной жизни братьев Кеннеди. Когда задали вопрос о прослушивании дома Монро, он сначала горячо запротестовал, но потом сказал: «У меня уже имелась пленка с записями разговоров Бобби Кеннеди и Джека Кеннеди, такая пакостная и жуткая, — ее передала мне одна девчонка. И хоть мои люди подначивали меня, я не мог пустить ее в дело. Я убрал ее подальше и поставил на ней крест. Забудьте об этом...» Когда его спросили, не собирался ли он использовать пленку против Роберта Кеннеди, Хоффа заявил: «Мне бы не хотелось ставить в неловкое положение его жену и семью».

Немного найдется людей, которые бы поверили этому. Два человека из близкого окружения Хоффы утверждают, что у него был грязный материал на Роберта Кеннеди. Чак О'Брайен, приемный сын и когда-то доверенный помощник Хоффы, до сих пор работающий в профсоюзе водителей грузового транспорта, говорит: «Спиндел упоминал, что занимался этим в Калифорнии. Он интересовался и Монро по просьбе старика, а также некоторых политиков. Пленки у него на самом деле имелись».

Лоренс Берне, бывший в ту пору адвокатом" профсоюза, говорит, что «осознавал», что Хоффа получил компрометирующий материал на Кеннеди, однако вдаваться в детали отказался. «Это больной вопрос, — говорит Берне, — Хоффа держал рот на замке».

Хоффа исчез в 1975 году. Полагают, что он был убит. Спиндела тоже уже нет в живых. Как будет видно далее, Хоффа и в самом деле хотел использовать Монро как оружие против Роберта Кеннеди. Мысль о том, чтобы дать ход информации о ее связи с Кеннеди, не оставляла его и после смерти актрисы. Бесспорно, что не с благими намерениями за несколько месяцев до ее кончины он распорядился установить подслушивающую аппаратуру в доме Мэрилин.

Вооруженный солидными сведениями о прослушивании разговоров Мэрилин, я снова обратился к Фреду Оташу, детективу из Голливуда, которого якобы нанял Джо Ди Маджо. При втором интервью Оташ объявил: «Ко мне от имени Джимми Хоффы обратился Бернард Спиндел. Я сказал, что не стану этим

заниматься. Тогда на Побережье пожаловал Спиндел и установил микрофоны. Имелись и комнатные «жучки». Это был не просто телефон. За Монро уже следил Барни Рудитски, он работал со мной, и у него на Монро было заведено досье, и на братьев Кеннеди тоже».

Барни Рудитски, бывшего нью-йоркского полицейского, организовавшего для Ди Маджо «налет по ложному адресу», сегодня тоже нет в живых. Ди Маджо, как и всегда, отказывается говорить о Мэрилин Монро.

Несмотря на отдельные сомнительные детали, вполне достаточно данных, чтобы сказать, что разговоры Монро и братьев Кеннеди прослушивались и были записаны на пленку. Можно предположить, что операция, начавшаяся без каких-либо неблаговидных целей, если ее инициатором был Джо Ди Маджо, потом стала коварным оружием в руках Джимми Хоффы, злейшего врага братьев Кеннеди. Если бы Мэрилин имела ясное представление о том, что творилось в 1962 году, она бы перепуталась. Хотя известно, что она и так нервничала. По свидетельству ее компаньонки Юнис Меррей актриса навела справки о своих соседях и не написала номер своего телефона на аппарате.

Миссис Меррей считала, что это объясняется желанием великой звезды отстоять свое право на частную жизнь, поэтому не усматривала тут ничего предосудительного. Но беспокойство имело более глубокие корни. Довольно часто в Нью-Йорке и Калифорнии Мэрилин звонила с телефонов общественного пользования.

Роберт Слэтцер, знавший Мэрилин с сороковых годов, говорит: «Она сказала, что, наверно, ее телефонная линия прослушивается. По этой причине актриса начала носить с собой тяжелый кошелек, набитый монетами, и когда ей нужно было позвонить по важному поводу, она шла к телефону-автомату. Было видно, что она испугана».

Артур Джеймс, с которым в последние дни жизни виделась она довольно часто, рассказывает: «Иногда Мэрилин звонила из телефонной будки в Баррингтон-парке и говорила: «Прошу тебя, давай встретимся?» Она рассказывала, что стоит в телефонной будке и смотрит, как играют дети, — это было так печально. Она звонила из общественных телефонов-автоматов, как я понимаю,

из-за навязчивой идеи, что ее частная жизнь перестала быть тайной для окружающих. Грешно было бы винить ее: ведь несколько месяцев назад меня самого просили помочь установить в ее доме подслушивающую аппаратуру. Но я так и не сказал ей об этом».

Если бы Мэрилин даже предупредили о нависшей над ней опасности, она вряд ли сумела бы полностью осознать всю полноту ее. Состояние актрисы теперь было очень нестабильно, ей все труднее и труднее было владеть собой.

* * *

Весной 1962 года ее друг, поэт Норман Ростен, посетил Голливуд. Они с женой навестили Мэрилин в ее новом доме в Брентвуде. С удовольствием слушали супруги щебетание хозяйки о домашних заботах, издавали одобрительные звуки по поводу привезенных ею из Мексики масок и ацтекского календаря. Все же, находясь в полупустых комнатах с окнами, занавешенными белыми простынями, Ростен испытывал глубокое беспокойство. Слушая Мэрилин, он слышал только «скрытое отчаяние».

Случайно Ростен встретился с Ди Маджо и Синатрой. «Ди Маджо, — говорила Мэрилин, — присматривает за мной или что-то в этом роде. Если у меня возникают какие-то проблемы, мне достаточно позвонить Джо». При Синатре, который зашел, чтобы пригласить Мэрилин на обед, она, похоже, испытывала пьянящее чувство и была немного нервной». На другой день она позвонила в 7.30 утра — так ей не терпелось поговорить о Синатре. «Он хорош, правда?» — спросила Мэрилин.

«Тон ее голоса, — вспоминал впоследствии Ростен, — был вовсе не радостным, а скорее испуганным».

Однажды вечером Ростен вместе с Мэрилин слушали его пленку: поэт читал свои стихи. Она сказала, что перед его приездом «приняла маленькую таблетку» и ей придется лечь в постель. Когда Ростен уходил, хозяйка уже задремала, а магнитофон продолжал работать. Все больше и больше Ростен укреплялся в мнении, что друзья уже не смогут повлиять на судьбу актрисы.

В последний день своего пребывания в Калифорнии Ростен вдвоем с Мэрилин сели в лимузин и поехали в художественную

галерею. Внимание Мэрилин привлекла одна работа Родена. Это была бронзовая копия, изображавшая обнимающихся мужчину и женщину, — мужчина был плотоядно агрессивен, а женщина покорна. «Посмотри на них, — промолвила Мэрилин, — как красиво. Он делает ей больно, но в то же время он хочет любить ее». Она тут же купила эту статую, заплатив более тысячи долларов. Актриса сгорала от нетерпения, желая побыстрее показать свое приобретение доктору Гринсону. Но то, что произошло дальше, встревожило как Ростена, так и психиатра.

Гринсон сказал, что, на его взгляд, статуя поразительна. Мэрилин, не удовлетворенная таким ответом, водила по ней руками. «Что это значит? — допытывалась она. — Он что, владеет ею или это только видимость? А это что? Похоже на пенис». Казалось, что голос ее вот-вот сорвется. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что предмет, заинтересовавший ее, не был пенисом, но Мэрилин не унималась: «Как вы думаете, доктор? Что это значит?»

Ростен чувствовал, что Мэрилин хотела получить ответы на вопросы, на которые не было ответа, — как можно почувствовать любовную нежность, как распознать Жестокость и защититься от нее? «Правда состояла в том, — заключил он, — что она теряла себя».

Ростен ничего не знал о запутанных отношениях Мэрилин с братьями Кеннеди, не подозревал о существовании электронных «жучков», установленных в ее доме, не знал, какие темные силы окружали ее. Друг-репортер Сидней Сколски с ее слов уже знал о связи с президентом. Она регулярно звонила ему в конце каждой недели. Сколски сразу же почувствовал неблагополучную атмосферу и разрешал дочери по параллельному телефону послушать разговор.

«Она была потеряна, — размышлял позже Сколски, — человек, карабкающийся вверх, дитя природы. Чем выше она поднималась, тем потеряннее становилась. Как леопард в хемингуэевских "Снегах Килиманджаро"».

Глава 39

В разгар всей этой неразберихи Мэрилин предстояли съемки в кино, которым предшествовала беседа в гостиной отеля «Беверли Хиллз». Заказав три бутылки шампанского, Мэрилин

вела разговор с Наннели Джонсоном, написавшим сценарии к двум предыдущим фильмам Мэрилин. Теперь они толковали о картине «Так больше нельзя». Киностудия «XX век—Фокс» настаивала на участии актрисы в этой картине, и доктор Гринсон надеялся, что она поможет его пациентке отвлечься.

Мэрилин на фильм, представлявший собою перепев старой комедии 1939 года «Моя любимая жена», больших надежд не возлагала. Это была история женщины, много лет считавшейся умершей, которая возвращается домой в день, когда ее муж решает жениться во второй раз. Студия полагала, что сумеет убедить актрису и что картина получится удачной. Для работы над ней продюсером был приглашен Генри Уэйнстейн — друг доктора Гринсона, — а в качестве сценариста — Джонсон. Хоть Мэрилин и принимала близко к сердцу известие о женитьбе своего бывшего мужа, Артура Миллера, но шампанское делало свое дело.

«За последние пару лет она сильно сдала, — вспоминал Джонсон. — Она была убеждена, что в этот год сможет обрести прежнюю форму». Когда сценарий был закончен и он уезжал из Калифорнии, Мэрилин, нарушив свой распорядок, встала рано утром проводить его. В гостиничный номер Джонсона пробралась, сказав портье, что она проститутка. Потом, «паря от счастья», отвезла сценариста в аэропорт. Но, как только он уехал, всё опять пошло наперекосяк.

Мэрилин с большим уважением относилась к своему режиссеру, великому Джорджу Кьюкору, с которым они сделали фильм «Займемся любовью». Однако, когда начали обсуждать сценарий, от былого пиетета не осталось и следа. Кьюкор считал, что сценарий еще не совсем готов, и в начале апреля, за две недели до съемок, он попросил другого автора переписать его заново. Такое решение режиссера вызвало панику у Мэрилин, а ее друга Наннели Джонсона не было рядом, чтобы протянуть руку помощи.

Картина «Так больше нельзя» была обречена с самого начала. Ее постигла беда, несоизмеримая со страхом и причудами звезды. Киностудия «XX век—Фокс» была в состоянии агонии от финансового убытка, нанесенного ей другой звездой и другой картиной, снимавшейся на другом конце света, в Риме. Речь идет об Элизабет Тейлор и ее «Клеопатре». За год киностудия потеряла 22 миллиона долларов, а новый фильм с участием Монро обещал

быть прибыльным. Эта звезда досталась им дешево — по старому контракту от 1955 года, заключенному со студией Милтоном Грином, Монро должна была получить лишь 100000 долларов. На сей раз Мэрилин могла бы окончательно развязаться со своими договорными обязательствами. Но никто не получил то, на что рассчитывал.

Продюсер Уэйнстейн, который недавно вытащил Мэрилин из лекарственной комы, боялся, как бы не случилось худшее. Теперь он воочию убедился в том, что действительно имел дело с «очень больной, одолеваемой параноидальными настроениями дамой». Мэрилин дали отдельные листы сценария и попросили крестом отмечать строчки, вызвавшие у нее сомнения, и двойным крестом те, которые не понравились вовсе. К великому ужасу Уэйнстейна, Мэрилин усмотрела в этом какой-то подвох, и если бы не вмешательство доктора Гринсона, то неизвестно, чем бы все кончилось.

Новый сценарист, Уолтер Бернстейн, нашел Мэрилин «одновременно ищущей, внимательной и непримиримой».

«Помните, что вы располагаете Мэрилин Монро», — как-то сказала она ему, настаивая на том, что в одной из сцен на ней должно быть бикини.

Но эта Монро превзошла даже свою пресловутую неуверенность. Она вбила себе в голову, что участница фильма актриса Сид Чарисс хочет иметь такие же белокурые волосы, как и у нее. Несмотря на уверения, что волосы Чарисс будут светло-каштановыми, Мэрилин с убежденностью прорицательницы возразила: «Ее подсознание хочет, чтобы они были белыми».

Во избежание конфликтов сделали более темными волосы даже пятидесятилетней актрисы, ис-поднявшей роль домработницы. Сценаристу Бернстейну велели убрать из сценария все строчки, в которых можно было усмотреть хоть малейший намек на то, что киномужа Мэрилин, которого играл Дин Мартин, могла заинтересовать какая-то другая женщина.

Киностудия готова была вывернуться наизнанку, чтобы выполнить все прихоти Мэрилин, но она не знала, как бороться с отсутствием кинозвезды. За тридцать пять дней работы над фильмом Мэрилин лишь двенадцать раз почтила своим присутствием съемочную площадку. Когда она появлялась,

охранник у студийных ворот, чтобы собрать всех, кто нужен, оглашал окрестности криком: «Она вернулась! Она вернулась!»

Причиной отсутствия было недомогание. Со дня возвращения из Мексики Мэрилин страдала от вирусной инфекции, вызывавшей вспышки синусита и эпизодическое повышение температуры. Отныне на студии следить за температурой звезды стало ежедневным занятием всех и каждого. Было решено, что актриса участвует в съемках лишь в том случае, если ее температура не превысит отметки 37,1 градусов. Пока студийные врачи занимались контрольными измерениями, начальство, чуть дыша, толпилось в коридоре.

Теперь Мэрилин проявляла сговорчивость только тогда, когда ей этого хотелось. Приходивший к ней на дом парикмахер Джордж Мастерс вспоминает о тактике задержек, которые сводили его с ума. «Она старалась задержать меня «как будто невзначай», запачкав, например, волосы кремом, чтобы я опоздал на самолет. Когда я готовил ее для выхода, на это уходило девять часов. Но не думайте, что все это время я трудился над ней, — она просто хотела, чтобы я оставался рядом».

На студии Мэрилин была просто невыносима. Однажды, узнав, что у Дина Мартина насморк, она упорхнула в мгновение ока, не слушая заверения медиков, что это не заразно. Есть ли вирус, нет ли его она предпочитала тянуть время. Однажды после обеда Билли Травилла, ее друг и художник по костюмам, шел к воротам студии, когда возле него остановился лимузин. Стекло опустилось и дама в темных очках восторженно воскликнула: «Билли! Билли!» Беззаботно поболтав с ним минуту, Мэрилин вдруг хлопнула себя ладонью по губам: «О, Билли, я совсем забыла, у меня же сегодня нет голоса».

Когда же Мэрилин по утрам появлялась на студии, ее часто видели у входных ворот, где она стояла, борясь с позывами на рвоту. Продюсер Уэйнстейн, добрый по натуре человек, приписывал это ее страху перед съемочной площадкой. Сегодня он говорит: «Всем нам знакомо волнение, чувство неудовлетворенности, сердечная боль, но тут был обыкновенный, примитивный ужас, который испытывают немногие люди».

Сдерживающим началом для Мэрилин, если вообще можно о нем говорить, являлся доктор Гринсон. Она встречалась с ним каждый день. Поскольку один кризис сменялся другим и

Мэрилин в любой день могла снова скатиться к наркотикам, доктор удлинил свои сеансы до четырех-пяти часов. «Я стал своего рода пленником той формы лечения, которая, по моему мнению, была приемлемой для нее, но почти невозможна для меня, — писал Гринсон. — Временами мне приходила мысль, что продолжаться так больше не может».

Жене Гринсона нездоровилось, но доктору постоянно приходилось откладывать отпуск, чтобы Мэрилин могла принимать участие в съемках фильма. 10 мая, перепоручив ее своим коллегам, он с женой отправился в Европу. В тот день из-за «вирусной инфекции» Мэрилин работа остановилась. Неделю спустя актриса вылетела на Восточное побережье, чтобы в последний раз предстать перед публикой. Это памятное выступление было в честь президента Кеннеди.

Заблаговременно, под покровом большой секретности Мэрилин пригласила к себе модельера Жан-Луи и попросила создать платье, которое выглядело бы экстравагантным даже для нее. Он говорит: «Это была прозрачная, очень тонкая ткань, украшенная искусственными бриллиантами, чтобы в свете прожекторов она могла сверкать. Под платье она ничего не надела, совершенно ничего. Стоило оно 5000 долларов. Со спины она выглядела не слишком красиво, но...»

Пока Жан-Луи сражался с булавками и «молниями», горничная сообщила Мэрилин: «Вам звонят из Гайанниспорта». Жан-Луи знал, что это был дом Кеннеди в Массачусетсе, и по волнению Мэрилин он понял, с какой целью шилось платье. «Она начала напевать: «С днем рождения, мистер прези... — а потом со смешком добавила: — Ох, я не должна говорить это».

Чествование президента 19 мая в Мэдисон-Сквер-Гарден в связи с днем рождения имело привкус Британских королевских именин — день не совпадал с настоящей датой рождения Джона Кеннеди. Чтобы поздравить своего лидера и пополнить партийную казну миллионами долларов, собралось пятнадцать тысяч демократов. В представлении должны были участвовать такие звезды как: Джек Бенни, Генри Фонда, Элла Фицджеральд, Пегги Ли и Мария Каллас. Питер Лоуфорд заметил: «Будет здорово, если Мэрилин Монро пропоет президенту: "С днем рождения"».

Продюсеров картины «Так больше нельзя» посвятили в эту

идею еще до того, как работа над фильмом зашла в гибельный тупик. Они яростно протестовали против участия Мэрилин в празднике, но та пошла на обман. Она сослалась на болезненные месячные и сказала, что из-за этого пропустит еще больше рабочих дней. Уэйнстейн вопрошал: «Но почему у нее не было месячных в предыдущем месяце?» Продюсер вяло махнул рукой, когда Питер Лоуфорд, забрав Мэрилин со студии, помогал ей сесть в личный вертолет Фрэнка Синатры.

Мэрилин снова овладел страх. Сидя в ванне, возле которой в роли слушательницы стояла Джоан Гринсон, она репетировала, превращая поздравительную песенку в серенаду соблазняющую. Запинаясь, Мэрилин бормотала, что никогда не сможет вытянуть этого. Тогда Джоан Гринсон дала ей детскую книжицу «Паровозик, который мог». В ней говорилось о разбитом паровозике, который снова и снова пытался преодолеть горный перевал и наконец сумел сделать это. Мэрилин, чтобы чувствовать себя увереннее, взяла книжку с собой в Нью-Йорк.

В своей квартире в Манхэттене Мэрилин часами репетировала, напевая под пластинку поздравительные куплеты. Организаторы гала-концерта попросили ее вставить пару собственных строчек. Вместе с Дэнни Гринсон сочинили они несколько озорных колкостей с политической окраской. Она все еще нетвердо усвоила даже хорошо известный припев. Когда президента по телефону известили о ее выступлении, он от всего сердца рассмеялся. По мере того как решающий миг приближался, к книжке о паровозике она для успокоения добавила несколько порций ликера. К моменту, когда Мэрилин ждали за кулисами «Гардена», она была уже изрядно пьяна. Буквально зашитая в платье, она едва могла шевелить ногами.

По другую сторону рампы в огромном зале сидели братья Кеннеди. Роберт был с женой, но президент прибыл один. Несмотря на торжественное событие, Первая леди страны осталась в Вирджинии, где занималась верховой ездой.

Джон Кеннеди сидел в президентской ложе, закинув ноги на перила и с наслаждением курил сигару. Шоу было в полном разгаре, когда микрофон взял Питер Лоуфорд и начал нести отсебятину.

«Мистер президент, — сказал он, — по случаю вашего дня рождения эта прелестная леди поражает не только красотой, но и

пунктуальностью. Мистер президент, — Мэрилин Монро!» В зале раздались аплодисменты, но Мэрилин не появилась.

Позже, когда выступили другие звезды, зять президента, кашлянув, оглянулся через плечо и снова объявил: «Женщина, о которой действительно можно сказать, что она не нуждается в представлении». Раздался барабанный бой, но актриса опять не вышла.

Мэрилин должна была появиться последней. Наконец Питер Лоуфорд сказал: «Мистер президент, ввиду того, что в истории шоу-бизнеса не было женщины, которая столько бы значила, и сделала еще больше, — при этих словах в зале послышались смешки, — Мистер президент, — (на этот раз с сильным нажимом) запоздалая Мэрилин Монро!» Стоявший за кулисами агент Лоуфорда буквально вытолкнул Мэрилин на сцену. Долгие тридцать секунд она никак не могла собраться. Потом мягко и нерешительно начала:

С днем рождения вас,
С днем рождения вас,
С днем рождения, мистер пре-зи-дент,
С днем рождения вас.

После аплодисментов Мэрилин, не допустив ни единой ошибки, пропела стихи, написанные специально по этому поводу Ричардом Адлером на мелодию «Спасибо за память» (Thanks for the Memory):

Спасибо, мистер президент,
За все, что вы сделали,
За сражения, которые выиграли,
За то, как справляетесь с «Ю.С.Стил»

И с тоннами наших проблем, —
За все мы вас благодарим.

Мэрилин провозгласила здравицу в честь дня рождения, подхваченную всеми присутствующими, и отступила от микрофона. Тогда слово взял президент. Он сказал: «Спасибо. Теперь, после того как мне так мило и дружно пропели «С днем рождения», мне можно удалиться от политики».

После гала-концерта, за кулисами, Мэрилин представила

президенту своего бывшего свекра, Айзадора Миллера, которого она пригласила на вечер. Потом она появилась на приеме для более узкого крута, устроенного Артом Кримом, президентом объединения артистов. Там видел ее Артур Шлезингер, бывший в ту пору в Белом доме помощником по специальным вопросам. Он был «очарован ее манерой держаться и ее умом, одновременно таким неброским, таким непосредственным, таким проницательным. Все же в ней чувствовалось что-то нереальное, как будто разговариваешь с кем-то, кто находится под водой».

Адлай Стивенсон, американский представитель в Организации Объединенных Наций, вспоминал, что сумел пробиться к Мэрилин только после того, как «сокрушил сильную защиту, выставленную Робертом Кеннеди, который вился вокруг нее, как мошка вьется над пламенем».

Шлезингер, причисливший и себя к мошкам, записал в своем журнале: «Бобби и я затеяли между собой шутливое состязание за нее; она была очень мила с ним и любезна со мной — но потом погрузилась в свой блистающий туман».

На работу в Голливуд Мэрилин явилась в понедельник утром. На другой день над павильоном номер 14 на студии «XX век— Фокс» опустилась особая тишина. Мэрилин, вернувшаяся с Восточного побережья, в приподнятом настроении собиралась играть сцену ночного купания. По сценарию ей надо было погрузиться в бассейн обнаженной. Сначала она вошла в воду в бикини телесного цвета. Оператор посетовал, что купальник был виден. Мэрилин, пошептавшись с режиссером Джорджем Кьюкором, удалилась в гримерную.

Несколько минут спустя она вернулась. В этот момент электрик крикнул напарнику, что один из верхних прожекторов недостаточно ярок. «Бобби, — обратился он к оператору по свету, — не мог бы ты сделать 10-К чуточку горячее?»

Стоявшая у бассейна Мэрилин прыснула от смеха. «Надеюсь, Бобби — это девушка», — сказала она. Потом, сбросив с плеч голубой халат, она обнаженная соскользнула в воду.

Всех праздных зевак, не объяснив почему, Кьюкор попросил покинуть съемочную площадку. Три студийных фотографа, обычно присутствовавшие на съемках, защелкали аппаратами, сначала даже не осознав, что через двенадцать лет после

появления знаменитых «обнаженных» календарей Мэрилин снимают нагую Мэрилин Монро.

Уильям Вудфилд, один из фотографов, вспоминает: «Мы не имели ни малейшего представления о том, что должно было случиться. Пока она была в воде, мы по-настоящему ничего и не видели. Потом, когда актриса вышла из бассейна, вдруг стало ясно, что на ней ничего нет. Затворы наших «Никонов» работали без передышки, мы сделали столько снимков, сколько было можно. Потом она ушла».

Слух о том, что Мэрилин снималась в обнаженном виде, быстро распространился. Известие, сопровождаемое щедро расточаемыми похвалами о прекрасно сохранившейся физической форме Мэрилин, стало желанной для студии рекламой. Ее фигура, как сообщалось всему миру, по-прежнему восхитительна и выражается в цифрах 37-22-35. В следующем месяце журнал «Лайф» напечатал серию снимков, достаточно откровенных, чтобы увидеть, что Мэрилин обнажена, но в то же время вполне приличных.

Тем временем, проявив свои пленки, Вудфилд и его коллеги поняли, что наткнулись на золотую жилу. «На некоторых фотографиях были видны соски и попка, — вспоминает Вудфилд. — и мы не могли пустить снимки в дело без личного разрешения Мэрилин. По этой причине и поехали к ней. Она сказала нам следующее: "Послушайте, ребята, мне только и нужно-то потеснить Лиз Тейлор с обложек журналов мира. Покажите мне снимки, и я изыму те, которые захочу, а вы позаботитесь, чтобы я появилась на обложках"».

Так началась эта выгодная торговая операция. После того как Мэрилин просмотрела фотографии (изъяла она всего несколько), оригиналы были помещены в сейфы банка. Набор снимков был отправлен Хью Хефнеру, издателю «Плейбоя», который в 1962 Году был единственным надежным покупателем подобной продукции на американском рынке. Сделка с Хефнером была заключена на рекордную сумму в 25000 долларов, а общая прибыль от всех продаж составила более 150000 долларов.

Вудфилд не без самоуважения говорит: «Славно мы потрудились в то утро...» В 1949 году, когда Норма Джин позировала для «обнаженного календаря», ей заплатили 50 долларов, в то время как фотограф получил 200. Ее фотографии,

где она плавает в нагом виде, «Плейбой» напечатал через год с лишним после смерти актрисы.

* * *

1 июня Мэрилин исполнилось тридцать шесть лет. В тот вечер, водрузив на голову норковый берет, она с затуманенным взором стояла у торта, украшенного горящими свечами. Настал ее черед слушать поздравления с днем рождения. Песенку, соответствующую случаю, нестройным хором пропела ей съемочная группа картины «Так больше нельзя». О торте позаботилась ее дублерша Эвелин Мориарти. Он был украшен двумя изображениями Мэрилин, взятыми из фильма. На одном она была запечатлена в белье, на другом — в бикини. Надпись гласила: «С днем рождения».

Вечером того же дня на стадионе «Доджер» Мэрилин произвела вбрасывание мяча в баскетбольной встрече, проводимой в пользу Ассоциации по борьбе с мышечной дистрофией. Начальство студии, опасаясь, что все может закончиться недомоганием, пыталось уговорить ее не ходить на стадион. Но она все же пошла, поскольку обещала взять с собой маленького сына Дина Мартина. Потом она пообедала с другом и вернулась домой, чтобы в необустроенном доме, сидя на картонных коробках, выпить шампанского в компании Джоан и Дэнни Гринсонов.

Гринсоны подарили ей бокал для шампанского, на котором внутри было выгравировано ее имя. «Теперь, — сказала Мэрилин, — когда пью, я буду знать, кто я».

День ее рождения совпал с пятницей. Не прошло и сорока восьми часов, как Мэрилин снова позвала к себе детей доктора Гринсона. Поскольку голос ее прозвучал глухо и безрадостно, они поспешили к ней.

«Она голая сидела на кровати, прикрывшись только простыней, — вспоминает Дэнни Гринсон, — на ней была черная маска для сна, подобная той, что носил «Одинокий Рэйнджер». Ничего эротического в ее виде не было. Эта женщина достигла предельного отчаяния. Она не могла спать, — это была середина дня, — она говорила о том, как ужасно чувствует себя, какой бесполезной себя считает. Она сказала, что никому не нужна, что безобразна и что люди милы с ней только потому, что это им

выгодно. Она сказала, что у нее никого нет и что ее никто не любит. Еще она посетовала, что у нее нет детей. Одним словом, выдала полный набор мрачных мыслей. Она сказала, что жить дальше не имеет смысла».

Все, что говорили ей молодые Гринсоны, не могло переубедить Мэрилин. Поскольку отец находился в отпуске в Европе, они позвонили одному из его коллег-психиатров. Рядом с ее кроватью доктор заметил строй пузырьков с таблетками и без разбора ссыпал их в свой саквояж. А Гринсоны, будучи не в силах чем-то помочь, ушли домой.

Кризис длился всю следующую неделю. На студию позвонила Паула Страсберг, ее преподаватель по актерскому мастерству, и сообщила, что Мэрилин больна. На другой день актриса попросила Юнис Меррей позвонить доктору Гринсону в Европу и задать несколько вопросов, которые, на ее взгляд, требовали немедленного ответа. Миссис Меррей сейчас уже не помнит, что это были за вопросы.

На той же неделе, в четверг, натянув на голову черный парик, Мэрилин пошла сделать рентгеновский снимок носа. Кроме того, она показалась доктору Майклу Гурдену, косметическому хирургу, пожаловавшись на травму носа. Гурден припоминает, что она сказала ему, будто бы «поскользнулась в душе». Миссис Меррей утверждает, что не помнит ни о травме, ни о визитах к медикам.

А на «Фоксе» говорили о дальнейшей судьбе одной из самых знаменитых актрис. Продюсеры, просмотрев отснятый материал картины «Так больше нельзя», увидели, что Мэрилин играла, «как в замедленной съемке, что действовало усыпляюще». Режиссер Джордж Кьюкор был потрясен увиденным. Высшее начальство уже подумывало о подыскании замены ей.

Генри Уэйнстейну позвонил доктор Гринсон и сказал, что он уже на пути к дому. Он пообещал, что к понедельнику сумеет вернуть Мэрилин на съемочную площадку. Доктор немедленно вылетел в Лос-Анджелес и поздно вечером уже был на месте. Прямо из аэропорта он поехал к пациентке. Но он опоздал. Еще в пятницу Мэрилин была уволена. Съемки картины прекращены.

«Звездная система вышла из-под контроля, — сказал исполнительный директор «Фокса», вице-президент Питер Леватес. — Управлять дурдомом мы позволили самим обитателям, и они практически разрушили его». Эту фразу он произнес через три дня после увольнения Мэрилин, в то время как заминка с фильмом «Так больше нельзя» вызвала поток взаимных упреков и судебных исков. Студия предъявила Мэрилин иск на сумму в полмиллиона долларов. Когда Дин Мартин отказался работать с какой-либо другой актрисой, иск предъявили и ему.

В свою очередь Мэрилин повсюду рассылала телеграммы самого разнообразного содержания. Киногруппа «Так больше нельзя» поместила в «Варайети» написанное в сардоническом тоне объявление с выражением «благодарности» Мэрилин Монро за то, что оставила их без работы. Она ответила каждому из них отдельным посланием. В них говорилось: «Прошу поверить мне, я здесь ни при чем. Мне так хотелось работать с вами». Она обратилась к Фрэнку Синатре, который в ту пору находился в Монте-Карло. У них был общий адвокат, и теперь она нуждалась в его услугах. Звали его Милтон Рудин. Она хотела, чтобы он попросил киностудию о снисхождении.

После кончины Мэрилин, то есть примерно через два месяца после описываемых событий, будет сказано, что она умерла в состоянии глубочайшей депрессии, вызванной оскорблением ее как профессиональной актрисы. Но, по правде говоря, Мэрилин не долго лила слезы из-за своего увольнения. На студии довольно быстро поняли, что заменить Монро никто не может, и уже затевались переговоры о ее восстановлении. Мэрилин же

занималась очередной саморекламой.

Не прошло и двух недель со дня отставки, а актриса уже давала пространные интервью и много фотографировалась. Ее интервьюерами были авторы крупнейших журналов: «Лайфа», «Вога» и «Космополитена».

В одном интервью Мэрилин сказала: «Тридцать шесть — это здорово, когда подростки от двенадцати до семнадцати еще свистят вслед». Сьюзен Страсберг, дочь репетиторши, говорила, что Мэрилин выглядела хорошо. «Знаете, — утверждала Мэрилин, — сейчас я нахожусь в лучшей форме, чем когда бы то ни было, лучше, чем в пору моей юности». И в знак подтверждения она распахнула блузку и показала грудь.

На протяжении тех нескольких недель, что еще оставались у нее, Мэрилин старалась доказать, что за шестнадцать лет тело ее не только не утратило своей привлекательности, но даже выросло в цене, поскольку снимки из недорогих изданий перекочевали на глянцевые страницы журналов шестидесятых. Для журнала «Лайф» она сфотографировалась на стропилах в облегающем свитере и брюках. Для «Космополитена» позировала в мексиканском свитере у пляжного дома Питера Лоуфорда, на фоне океана, обдуваемая ветром и с бокалом шампанского в руках.

Во время ночных фотосъемок для журнала «Вог», в отеле «Бель-Эр», Мэрилин в последний раз удовлетворила свою потребность в эксгибиционизме. Наедине с фотографом и бутылками с шампанским она позировала в мехах, прикрывшись прозрачным газовым шарфиком. А напоследок фотографировалась в совершенно обнаженном виде. Объектив фотоаппарата запечатлел некоторую усталость, шрам на животе — память, оставшуюся после операции на желчном пузыре, — но сам фотограф узрел на ней печать бессмертия.

«Мэрилин обладала силой, — два десятилетия спустя писал фотограф Берт Стерн. — Она была ветром, той кометообразной формой, которую Блейк рисует вокруг священной фигуры. Она была светом, и богиней, и луной. Даль и мечта, тайна и опасность. А также все остальное в придачу, включая Голливуд и девчонку из соседнего дома, на которой мечтает жениться каждый парнишка. Я мог повесить камеру на крючок, чтобы убежать с ней и зажить счастливо...»

Другой обозреватель не испытал столь возвышенных чувств. «Лайф», который начал вести с Мэрилин переговоры вскоре после гала-концерта в честь дня рождения президента, прислал в Лос-Анджелес репортера по имени Ричард Меримен. Ему, как и Мэрилин, было тридцать шесть, в отдел «Нравов и морали» «Лайфа» он перешел с должности редактора религиозного отдела. Журнал готовил материалы о славе, и Пэт Ньюком, помощник Мэрилин по связи с прессой, предложила им рассказать о своей хозяйке. Меримен, одолжив магнитофон, которым еще не умел пользоваться, отправился в Брентвуд. Взятое им интервью Мэрилин увидела отпечатанным за два дня до смерти. Оно стало ее последним обращением к публике.

Меримен сидел в гостиной и возился с магнитофоном, когда раздался голос: «Чем могу помочь?» Взгляд репортера уткнулся в ярко-желтые брюки, он поднял глаза и увидел знакомое лицо.

«Я был поражен, — говорит он сегодня, — насколько пастозной была ее кожа, — пастозной и лишенной жизни. Эта кожа не дышала здоровьем. Ее нельзя было назвать белой, и нельзя было назвать серой. Она просто была немного шероховатой и безжизненной, словно долгое-долгое время была покрыта гримом. Выглядела она ужасно, но, когда я по-настоящему присмотрелся, мне ее кожа напомнила картон. Волосы ее тоже казались безжизненными, в них не было силы, как в волосах, которые тысячу раз укладывали, разогревали и развивали».

Меримен и Мэрилин сразу нашли общий язык. Его попросили прислать вопросы заранее, и во время их первой встречи Мэрилин давала хорошо заученные ответы. Несмотря на большой опыт работы в шоу-бизнесе, ей по-прежнему приходилось готовиться к интервью точно так, как к званому обеду, устроенному как-то Робертом Кеннеди. Постепенно она расслабилась, и Меримен слушал, как она болтала с кем-то по телефону. По пустым комнатам эхо разносило переливы ее звонкого смеха. Но смех этот вызывал неприятное ощущение, слишком он был долгий и не производил впечатление здорового.

Пэт Ньюком присутствовала при беседе. В воспоминаниях Меримена она осталась как «навязчиво верная, преданная до крайности. Она строила из себя единственного друга Мэрилин». Украдкой Мэрилин извинилась за Ньюком, пожав плечами и

словно говоря: «Ну, что я могу сделать?» Сегодня Ньюком говорит, что участвовала в разговоре только по настоянию Мэрилин.

Мэрилин сказала журналисту, что не хочет, чтобы он снимал в ее доме. «Не желаю, чтобы все видели, где именно я живу», — объяснила она. Актриса обычно много рассказывала, в основном о своем бесправном детстве. Она говорила об актерской игре, о преданности не студии, а простым людям, которые и составляют ее аудиторию. «Актер, — сказала она, — это не машина».

«Я всегда чувствовала, — говорила Мэрилин, — что должны получать те, кто платит деньги, так должно быть. Иногда, когда приходится снимать сцены, где заложен большой смысл и ты ответственна за то, как донесешь его, у меня возникает желание (фу ты) быть какой-нибудь уборщицей. Думаю, все актеры проходят через это. Мы не только хотим быть хорошими; мы должны быть такими...»

«Слава накладывает определенные обязательства, — сказала Мэрилин репортеру «Лайфа». — Я ничего не имею против обязанности быть шикарной и сексуальной. Мы все, благодаря Богу, рождены сексуальными существами, но, к сожалению, многие люди презирают и разрушают этот природный дар. Искусство, подлинное искусство, основывается на этом — и все остальное».

Мэрилин с тоской говорила о приемных детях, которых обрела и потеряла вместе с замужеством за Ди Маджо и браком с Миллером. Снова и снова возвращалась она к теме «детей и стариков, и трудового народа» — людей, которые понимали ее и утешали своим миролюбием. Когда ночью Меримен уходил, после первой встречи он пообещал на другой день принести ей расшифровку записи беседы. Мэрилин обрадовалась. «Я не очень хорошо сплю», — сказала она. «Так будет что почитать ночью».

Вернувшись в «Хилтон», Меримен думал, что взял интервью у женщины, которая ему очень понравилась, у женщины, которая «очень сообразительна». «Я очень хорошо чувствовал, — вспоминает он, — что Мэрилин давала себе отчет в каждом слове и каждом своем движении, пока я был там. Она как бы вылепливала себя для меня, для «Лайфа», для данной ситуации, не знаю точно, для чего именно».

Он приходил к ней еще несколько раз. Мэрилин читала расшифровку текста, пыталась делать кое-какие поправки. Казалось, ее особенно волнует то, что своими словами она может нечаянно обидеть бывших ее приемных детей. Над абзацами, в которых речь шла о них, она работала особенно тщательно. Однажды, когда Меримен пришел на очередную беседу, он долго и напрасно звонил в дверь, хотя было очевидно, что в доме кто-то есть. В другой раз, когда он был у нее в гостях, Мэрилин вышла на кухню, а затем вернулась, держа в руке ампулу. «Без обмана, — сказала она, — они заставляют меня делать уколы в печень».

«Когда я наведался к Ней в последний раз, — вспоминает Меримен, — она провожала меня и говорила о цветах в саду. Я шел по дорожке, ведущей от дома, а она стояла в дверях и наблюдала за мной, потом окликнула: «Эй, спасибо!» Мне стало грустно из-за нее. Это было так трогательно. Эта крошка была очень сильной».

Было и другое чувство. Меримен говорит: «Я был рад, что ухожу. Мне не понравилась атмосфера того дома — в ней было что-то гадливое, нездоровое. Дом чем-то напоминал остров. У меня было ощущение, что я нахожусь в крепости, знаете, бывает такое чувство, когда кажется, что мир ополчился против вас и вы находитесь в боевой готовности».

Мэрилин сказала Меримену слова, совпадающие с замыслом журнала «Лайф». «Слава пройдет, — говорила она в микрофон, — а пока она есть у меня, слава. Конечно, она пройдет, я всегда знала, что слава переменчива. Во всяком случае, это нечто, что я испытала, но живу я не тем».

Строчки эти звучат, как ее завещание, и с тех пор они трактуются именно таким образом, хотя у Меримена, возвращавшегося домой в Нью-Йорк, подобных мыслей не было. Листы с расшифровкой интервью лежали в кейсе, стоявшем у его ног. На пленке было еще кое-что, сказанное Мэрилин. «Теперь я живу в моей работе, — на одном дыхании произнес нервный голос, — и поддерживаю отношения с небольшим числом людей, на которых на самом деле могу рассчитывать».

Работы больше не было, и Мэрилин оставалось только с болью в сердце вспоминать о прежних друзьях.

Глава 40

Во время фотосеансов для «Вога» фотограф заметил, что Мэрилин выглядит задумчивой, а ему хотелось, чтобы она смеялась и была оживлена. Развеять ее плохое настроение он попросил Пэт Ньюком. Тогда та сказала: «Как насчет тех двух возлюбленных в твоей жизни?», — Мэрилин хихикнула. Фотограф не имел ни малейшего представления, кого имела в виду пресс-секретарь, но нужный снимок он сделал.

В картине «Так больше нельзя» Мэрилин играла роль человека, оставшегося в живых после кораблекрушения и на несколько лет оторванного от остального мира. Она должна была узнать у своих спасителей: «Кто сейчас президент?» На ответ: «Кеннеди», — ей надо было спросить: «Который из них?» В реальной жизни друзья Мэрилин могли бы задать подобный вопрос ей, так как до них доходили истории, связывавшие актрису сначала с одним, потом с другим братом, а потом снова с первым.

Нью-Йорк гудел от слухов, когда Мэрилин в день рождения президента пропела ему поздравительные куплеты на гала-концерте. В ту ночь сплетни укладывали ее в постель то с одним, то с другим братом. Сьюзен Страсберг, которая тоже была на приеме, вспоминает, что оба, президент и Мэрилин, уехали рано, но по отдельности.

«Нью-Йорк Таймс» в репортаже писала, что президент вернулся в отель «Карлил» в 2 часа ночи. Его биограф Ральф Мартин со слов неизвестного очевидца добавляет, что тот видел, как к нему там присоединилась Мэрилин. Если так было на самом деле, то их встреча не продлилась долго.

Джим Хаспил, молодой друг Мэрилин, в ту ночь дежурил у ее дома. До этого он уже побывал в Мэдисон-Сквер-Гарден и теперь надеялся перехватить Мэрилин, когда она вернется домой, чтобы перемолвиться с ней несколькими словами. Она приехала одна в пятом часу. Вышла из лимузина, держа в руках туфли.

«Ее волосы, — говорит Хаспил, — уже были причесаны, как на шоу. Теперь они были похожи на ватный торт».

Добравшаяся до дома Мэрилин нуждалась в компании и внимании. Ральф Робертс, массажист, вспоминает, что она позвонила ему и попросила сделать массаж. Стряхнув с себя

остатки сна, он поспешил к ней, чтобы исполнить просьбу.

Что было ночью — неведомо, но зато известно, что президентские причуды этим не кончились. Еще раз коснутся они судьбы Мэрилин, состояние которой стало более опасным из-за того, что она (по непроверенным данным) начала применять наркотики.

Есть сведения, что с начала 1962 года до кончины Мэрилин Монро президент в Вашингтоне поддерживал любовные отношения с женщиной по имени Мэри Мейер, которая была ненамного моложе президента и знала его с университетских дней. В конце пятидесятых годов после неудачного брака с офицером из ЦРУ она приехала домой в Вирджинию. Там ее родня жила по соседству с семейством Роберта Кеннеди. В пору президентства Кеннеди Мэри вела жизнь свободного художника и друга знаменитостей. Одним из ее приятелей был Джон Кеннеди, у которого она бывала в гостях в Белом доме.

В семидесятые годы один из близких знакомых Мейер сделал сенсационное сообщение о том, что она познакомила президента с марихуаной. Джеймс Труитт, один из исполнительных директоров «Вашингтон-Пост», сказал, что во время свидания с президентом Кеннеди в Белом доме Мейер принесла ему шесть сигарет с марихуаной. Они выкурили их вместе, й президент пошутил по поводу предстоящей конференции по наркотикам. Кроме того, он проявил интерес к употреблению других наркотиков. Труитт утверждал, что президент был знаком и с кокаином.

Во время расследования правоохранительными органами обстоятельств смерти Мэрилин Монро, которое проводилось в 1982 году, Питер Лоуфорд заявил, что о наркотиках президент разговаривал и с кинозвездой. Лоуфорд рассказывал, что в 1961 году, когда Кеннеди и Мэрилин встречались в его доме, «значительную часть вечера они посвятили обсуждению пилюль».

Мэри Мейер не намного пережила Мэрилин. В 1964 году она была убита из огнестрельного оружия при обстоятельствах, которые так и не были надлежащим образом расследованы. Ее имя снова всплыло два года назад, когда увидела свет автобиография доктора Тимоти Лири, психолога, получившего известность благодаря экспериментам с наркотиками, вызывающими изменения в психике, в частности ЛСД, и

выступлением в их защиту.

Лири, который в 1962 году занимался исследованиями в Гарвардском университете, рассказывает, что весной того года его навестила Мейер. Она упомянула какого-то таинственного любовника, «очень важного человека... общественного деятеля, которого заинтересовало то, что он узнал о ЛСД. Теперь он хотел бы попробовать его сам».

К доктору Лири Мейер обратилась как к обладавшему академическими знаниями специалисту, который мог дать по этому наркотику исчерпывающие сведения. Заинтригованный, Лири согласился встретиться С ней, и таких встреч у них было несколько. Позднее Лири познакомился и с Мэрилин Монро.

Встреча произошла в мае во время съемок фильма «Так больше нельзя» и, вероятно, как раз перед ее выступлением на гала-концерте по случаю дня рождения президента. В Калифорнии, уже снискавшей себе репутацию центра наркокультуры, доктор Лири с изумлением ощутил, что его встречают как гуру психоделии1. Благодаря этому имя его стало известно каждой домохозяйке. На Восточном побережье его исследовательская работа не выходила за академические рамки; здесь же он встретил множество людей, преимущественно из сферы шоу-бизнеса, которые уже экспериментировали с наркотиками, изменяющими психику. Некоторые из них делали это с ведома и при поддержке видных психиатров.

Встреча с Мэрилин случилась в конце приема, устроенного в Голливуде. Там, наряду с врачами, присутствовали и знаменитости. Среди них были Дженнифер Джоунз и Деннис Хоппер. «Я очень уто-милея», — говорит Лири. «Меня таскали но всему городу, я побывал на одной крупной киностудии, где на протяжении всего вечера меня забрасывали вопросами о наркотиках. Я поднялся в спальню и прилег. Через некоторое время появилась Мэрилин и разбудила меня. До этого на вечере я не видел ее, поэтому догадался, что она приехала уже после того, как я ушел. Она хотела познакомиться со мной и просила просветить ее относительно ЛСД».

Лири попытался объяснить ей, что ЛСД — это не то средство, которое можно принимать бездумно. В ту ночь он ничего ей не предлагал. Скорее наоборот, Мэрилин протянула ему две пилюли, назвав их «Рэнди-Мэндис». Это жаргонное обозначение мандракса

— транквилизатора, популярного среди наркоманов в начале шестидесятых годов. В сочетании с алкоголем он вызывал чувство эйфории. Мэрилин сказала, что «пилюли дал ей мексиканский приятель», и пошутила, что это таблетки аспирина. Они вызвали у Лири глубокий сон.

Утром Мэрилин позвонила хозяйке дома, где остановился Лири, и они с Лиари договорились вместе пообедать в одном из ресторанов на бульваре Заходящего Солнца. Сегодня он называется «Источник». Лири чувствовал себя бодрым и энергичным. Мэрилин показалась ему «клубком противоречий. Смешной, игривой, но очень строптивой. Мы разговаривали о наркотиках, и я рассказал ей о проекте, который будущим летом собирался осуществить в Мексике. Она сказала, что хотела бы тоже приехать и присоединиться к ним. Но еще ей не терпелось проверить, как действует ЛСД». Лири говорит, что Мэрилин показалась ему «неустойчивой», но он не знал, что она состоит под постоянным психиатрическим наблюдением, дела ее плохи.

В ту ночь Лири дал Мэрилин ЛСД — «очень маленькую дозу». Они вместе поехали на широкий пляж в Венеции и в темноте гуляли по берегу моря. «Было весело», — вспоминает Лири.

В начале шестидесятых годов на Западном побережье самым крупным специалистом по изучению наркотиков был доктор Оскар Джэнигер, ныне профессор психологии при калифорнийской медицинской школе. Он хорошо помнит визит Лири в Лос-Анджелес в то лето. Он даже вспомнил, что квартирная хозяйка Лири, Вирджиния Деннисон, давала Мэрилин уроки йоги. Доктор Джэнигер говорит: «Люди, с которыми я работал, хорошо знали Мэрилин».

Из рассказа Лири видно, что в тот год, по крайней мере, две любовницы президента Кеннеди хотели поближе познакомиться с ЛСД. Но страшно и подумать, что это были за опыты с ЛСД у Мэрилин при ее тогдашнем состоянии.

Сразу же после увольнения с киностудии «XX век—Фокс» Мэрилин полетела в Нью-Йорк. Накануне, а может быть, и немного раньше она в последний раз беседовала с У. Дж. Уитерби, британским репортером, с которым после «Неприкаянных» время от времени встречалась. Они не виделись с прошлого года. «Я двинулся ей навстречу и увидел, как она переменилась, — вспоминает Уитерби. — У нее был измученный,

усталый вид... Я не мог поверить, чтобы женщина, которую я недавно видел, могла так измениться».

Уитерби и Мэрилин говорили о новой женитьбе Артура Миллера, и Мэрилин загадочно произнесла: «Может быть, в скором времени и я выйду замуж». Казалось, она была серьезна, потом с грустной улыбкой добавила: «Есть, правда, одна проблема. Сейчас он женат. И он знаменит. Так что встречаться нам приходится тайком». Еще она сказала, что ее возлюбленный имеет отношение к политике в Вашингтоне. А через несколько минут уже расточала похвалы в адрес президента. Она считала, что из него «получится второй Линкольн». Позже, в Центральном парке, Уитерби отважился спросить Мэрилин, знает ли она президента лично. Она не ответила и продолжала бросать белкам картофельные чипсы.

По мнению Генри Уэйнстейна, продюсера картины «Так больше нельзя», отсчет последних мгновений жизни Мэрилин начался не 8 июня, в день ее увольнения, а с тех выходных, когда она, как нам теперь известно со слов детей Гринсона, погрузилась в черную бездну отчаяния.

«На той неделе что-то произошло, — говорит Уэйнстейн, — а что именно, доподлинно не известно. Я хочу сказать, люди знают. Пожалуй, единственный человек, кто что-то знает наверняка, это Пэт Ньюком».

Ньюком, пресс-агент Мэрилин, много времени проводила с актрисой, когда у той возникали проблемы. По свидетельству миссис Меррей, она принесла Мэрилин транквилизаторы вместо тех таблеток, которые изъял у нее психиатр, заменивший доктора Гринсона. У Нормана Джефриса, зятя миссис Меррей, возникло ощущение, что «в собственной спальне Мэрилин напоминала пленницу».

Сама же Пэт Ньюком решительно опровергает утверждение, что когда-либо снабжала Мэрилин лекарственными средствами или что Мэрилин похожа на «пленницу». Пэт была другом президента Кеннеди еще до того, как начала работать у актрисы. Она все знает, но и словом не обмолвилась о причинах внезапного кризиса. Все же, вероятно, ухудшение состояния Мэрилин можно увязать с одним из двух несчастий: потерей ребенка или разрывом отношений с братьями Кеннеди.

13 июня Мэрилин отправила странную многословную телеграмму. Она была послана на домашний адрес Роберта Кеннеди в Вирджинию. В ней говорилось (см. рис. 8):

Уважаемые министр юстиции и миссис Роберт Кеннеди. Я была бы рада принять Ваше приглашение, почтив вниманием Пэт и Питера Лоуфордов. К сожалению, я вовлечена в марш свободы и выступаю против лишения прав, принадлежавших немногим уцелевшим земным звездам. В конце концов, мы требуем всего лишь права мерцать.

Мэрилин Монро

Как это ни покажется невероятным, но на приглашение одного из Кеннеди Мэрилин ответила отказом. Но через две недели ее встреча с Робертом Кеннеди все-таки произошла. Намереваясь провести ряд совещаний по борьбе с организованной преступностью, он вечером 26 июня вылетел в Лос-Анджелес, входивший в число городов, которые наметил посетить министр юстиции во время поездки по стране. В документах ФБР не говорится о том, сопровождала ли его жена Этель.

С Робертом Кеннеди Мэрилин встретилась на званом обеде в доме Лоуфордов, опоздав на два с половиной часа. На другой день, по свидетельству миссис Меррей и одного из соседей, он навестил актрису в ее доме.

Юнис Меррей говорит, что Кеннеди приехал на автомобиле с откидывающимся верхом. «Одет он был просто, и в просторных штанах и рубашке с открытым воротом выглядел по-мальчишески». Именно об этом визите рассказывал Норман Джефрис, когда ему было велено «убраться до появления Кеннеди». Но случилось так, что именитый гость прибыл как раз в тот момент, когда Норман уходил. По словам миссис Меррей, Кеннеди был в доме около часа. Она говорит, что «визит этот, похоже, не особенно обрадовал хозяйку».

Рис. 8
Рис. 8.

В эти оставшиеся пять недель жизни Мэрилин больше не увидят ни с одним из братьев. Те, кто встречал Мэрилин в эти дни, говорят, что выглядела она удрученной. По словам Питера Лоуфорда, его жена Пэт, сестра Кеннеди, делала все возможное,

чтобы взбодрить актрису. Несколько раз Лоуфорды предлагали Мэрилин ночевать в их особняке. Это позволило еще лучше понять, каким глубоко несчастным человеком она была.

«Я чутко сплю, — рассказывал мне Лоуфорд. — Однажды я по какой-то причине проснулся. Уже светало, я выглянул в окно и увидел одинокую фигуру на балконе. Это была Мэрилин в накинутом на плечи халате. Мне показалось, что она выпила. Я вышел к ней и спросил: «Ты в порядке?» У нее по лицу текли слезы. Пэт тоже проснулась. Мы позвали ее в комнаты и поговорили с ней».

Питер Лоуфорд сказал, что не знал, почему Мэрилин чувствовала себя такой несчастной.

Судя по тому, что актриса обращалась к врачам, с начала июля она пребывала в состоянии полнейшей безысходности или ипохондрии, хотя, возможно, были оба недомогания. С психиатром Гринсоном за тридцать пять дней она встречалась двадцать семь раз, с терапевтом доктором Энгельбергом — тринадцать. Если предположить, что медицинские записи врачей точны, то в это время Мэрилин почти безвыездно жила в Лос-Анджелесе. Хотя от очевидцев нам известно, что за город она выезжала, по меньшей мере, трижды. Дважды побывала на озере Тахо в «Кал-Нева-Лодж», казино, совладельцами которого, как полагают, были Фрэнк Синатра и Сэм Джанкана.

Питер Лоуфорд говорит, что за три недели до смерти Мэрилин они с женой возили ее в «Кал-Нева», где в то время выступал Синатра. Она останавливалась в домике номер 52 стоявшем в ряду бунгало, предназначенных для Синатры и его личных гостей. Персонал, начиная от экономки и кончая коридорным, хорошо помнит печальную, отрешенную от мира фигуру.

Мей Шупмен, служившая тогда в «Додже» кассиршей, вспоминает: «Она была не совсем здорова. Она хорошо маскировалась, все время была закутана в черный шарф и большую часть времени проводила у себя в комнате. Из-за этого все были даже встревожены. Она ложилась спать, оставляя рядом с собой телефонную трубку, соединенную с центральным телефонным пультом. Мне кажется, актриса чего-то боялась, а это позволяло ей не чувствовать себя такой одинокой».

Вероятно, только благодаря телефонистке Мэрилин не умерла в те выходные. Телефонистка сидела в офисе казино. Играла музыка, в игровом зале над столами колдовали крупье из последней смены, когда на линии, соединявшей пульт с бунгало номер 52, донеслись странные звуки и затрудненное дыхание; Телефонистка позвонила менеджеру, и тот поднял тревогу. Мэрилин снова превысила дозу снотворного.

Питер Лоуфорд сказал мне, что ничего не знал о случившемся до утра. Из его заявления в полицию следует, что в ту ночь с Мэрилин в комнате была его жена Пэт. Она осознала опасность только тогда, когда Мэрилин свалилась с кровати. Глория Романова, в те выходные тоже отдыхавшая в «Кал-Нева-Лодж», говорит: «Мне кажется, все это так туманно, потому что все они много пили».

Романова вспоминает: «Мэрилин пила шампанское и водку, а потом приняла снотворное. После полуночи Лоуфорды, чтобы она заснула, прогулялись с ней. По-моему, они пригласили с собой и Фрэнка. Помнится, Мэрилин рассказывала мне, что ее проблема состоит в том, что снотворное в обычных дозах больше не помогает ей, как всем другим людям, потому что слишком долго она его принимает. Глотать таблетки Мэрилин начинала примерно с девяти часов вечера, таким образом, создавалось летальное соединение спиртного и снотворного».

На личном самолете Фрэнка Синатры, прославленном в газетах как летающий купол удовольствия, Мэрилин в тяжелом состоянии доставили в аэропорт Рино, вернув под опеку ее докторов и компаньонки Юнис Меррей.

Сегодня Меррей говорит, что ничего не помнит о поездках на озеро Тахо. Не сохранилось у нее воспоминаний и о другом не менее важном эпизоде, который, вероятно, и стал причиной отчаяния Мэрилин. Возможно, она снова была беременна.

* * *

«Мне хотелось бы быть настоящей женщиной и иметь ребенка», — обмолвилась Мэрилин в начале года во время поездки в Мексику. После многочисленных выкидышей и не бесследных абортов надежда все еще не покидала ее. На протяжении последних месяцев жизни она продолжала говорить о детях, а в одном из своих последних интервью даже, похоже,

заострила внимание на этой проблеме.

В беседе с фотожурналистом Джорджем Барри-сом Мэрилин сказала: «Женщина, чтобы забеременеть от мужчины, должна любить его всем сердцем. Я хочу сказать, особенно в тех случаях, когда она не состоит с ним в браке. И когда мужчина покидает женщину, узнав, что она беременна его ребенком, когда он не женится на ней, это не может не ранить женщину до глубины души».

Разговор этот состоялся примерно через месяц после того, как Мэрилин внезапно погрузилась в наркотический дурман. При написании этой книги я опросил множество людей, и некоторые из них считают, что Мэрилин в ту пору была беременна.

Артур Джеймс, общий друг актрисы, Чарли Чаплина-младшего и Эдварда Дж. Робинсона-младшего, свидетельствует, что к нему в Лагуна-Бич как-то на выходные приехала Мэрилин. Это могло быть недель за шесть до ее смерти. Там гостили тогда ныне покойные Чаплин и Робинсон.

«По всему было видно, что с бедняжкой стряслась беда, — говорит Джеймс, — теперь ей было плохо даже по ее собственным меркам. О Кеннеди она уже рассказывала нам раньше, теперь ей было плохо. Мэрилин сказала, что потеряла ребенка, и я подумал, что, вероятно, был выкидыш».

Тогда же прошел слух, что Мэрилин сделала очередной аборт. Билл Вудфилд, один из фотографов, занятый на съемках фильма «Так больше нельзя», вспоминает, что кто-то из работников гримуборной актрисы — он полагает, что это была Агнес Фланаген, парикмахерша — сказал ему, что на Мэрилин «было жалко смотреть», потому что она только что сделала аборт. Добавляли, что операция была выполнена в Мексике.

Можно сослаться и на Фреда Оташа, частного детектива, который в то время, вероятно, вел наблюдение за актрисой. Он говорит, что об аборте Мэрилин узнал из одного полицейского источника. «Чтобы сделать его, в Тихуану ездил американский врач, — утверждает он. — Таким образом, обеспечивалась безопасность Мэрилин с медицинской точки зрения и безопасность доктора — с точки зрения закона США».

В 1962 году, когда эта операция оставалась в Америке

запрещенной, в пограничном городе аборты делались легально. По иронии судьбы, в день смерти Мэрилин Монро одна американская женщина получит международную известность, благодаря тому, что отправится делать аборт в Швецию, где подобные операции не выходили за рамки закона.

Медицинских свидетельств, подтверждающих беременность Мэрилин, нет. Аутопсия, проведенная 5 августа, на этот вопрос не дает ни отрицательного, ни положительного ответа. С другой стороны, ни выкидыш, ни хорошо выполненный аборт по прошествии нескольких недель не могут оставить после себя никаких следов. Правда, Мэрилин звонила в июне в больницу «Синайские Кедры», но этот факт может и не иметь отношения к беременности.

Свидетели, слышавшие о беременности, единодушно утверждают, что отцом был назван один из братьев Кеннеди, и расходятся только в том, кто именно из них, Джон или Роберт. Артур Джеймс, узнавший о «выкидыше» от самой Мэрилин, решил, что виновником был Роберт.

С этим согласуются показания двух других свидетелей, которые по своему положению должны были знать, что творится с Мэрилин. Майкл Селзмен, ныне голливудский продюсер, в 1962 году работал на Артура Джекобса, близкого друга Мэрилин, который поддерживал ее контакты с прессой, то есть был коллегой Пэт Ньюком, тоже занимавшейся делами Мэрилин. Селзмен слышал, как Ньюком и его работодатель, Джекобс, обсуждали романы Мэрилин с братьями Кеннеди. Он говорит, что особенно их волновало то, как бы разоблачение этой связи не испортило политическую карьеру обоих братьев. Селзмен также слышал, что Мэрилин в последние месяцы жизни сделала аборт.

Артура Джекобса, который был в Голливуде видным продюсером, сегодня нет в живых. Однако важным источником сведений о последнем годе жизни Мэрилин является его вдова Натали: «Все, кто знал ее, знали и ее близость с Кеннеди. Последние месяцы для нее были особенно тяжелыми. Иногда Артуру и мне приходилось оставаться у нее до пяти-шести часов утра. Мы разговаривали с ней и старались не давать ей пить и принимать таблетки».

По словам Натали Джекобс, «Артур совершенно точно знал о ее романе с президентом. Джон Кеннеди частенько наведывался

сюда, — об этом говорил Артур, — и не с помощью BBC-1, а инкогнито. Не спрашивайте, как ему удавалось сохранять секретность, — Бог знает, как он добивался этого. Останавливался высокий гость всегда в особняке Питера Лоуфорда на берегу».

Она продолжает: «Мэрилин исступленно преследовала президента. Мне кажется, он был влюблен в нее, но такие чувства мимолетны. Есть детская книжка «Складка во времени» (A Wrinkle in Time). Мне кажется, именно этим она и была для него, складкой во времени. Не скажу, какие отношения у нее были с Робертом, но и он приезжал сюда, чтобы увидеться с ней».

Натали Джекобс также слышала о беременности Мэрилин, которая будто бы была незадолго до смерти. «Мэрилин сказала, что у нее произошел выкидыш. Артур не знал, говорила она правду или все нафантазировала».

Друг Мэрилин, Артур Джекобс, — единственный человек, кто утверждает, что слышал об этом из уст самой Мэрилин, но и тот не уверен, правда это или вымысел. Он знал, что у актрисы были серьезные гинекологические проблемы и длительные задержки месячных.

Врачи, с которыми я консультировался на эту тему, говорят, что люди, злоупотребляющие таблетками и алкоголем, утрачивают связь с реальным миром. Мэрилин, как мы знаем, имела склонность к фантазиям. Именно по этой причине к ее словам о беременности надо относиться с оглядкой. Правда ли, выдумка ли, но эта история в любом случае угрожала скандалом. Потому-то братья Кеннеди теперь и старались держаться подальше от актрисы.

Натали Джекобс рассказывает, что в последние недели жизни Мэрилин отчаянно пыталась достучаться до них, но каждый раз ее обманывали. «Мне кажется, в этом и заключалась причина ее безысходности, — говорит миссис Джекобс, — мой муж тоже так считал».

У друга Мэрилин Артура Джеймса, который принимал актрису у себя в Лагуне за шесть недель до ее кончины, создалось точно такое впечатление. «О братьях Кеннеди она говорила открыто, — рассказывает он, — и только с любовью и восхищением. Но ее ужасно обидело, когда ей сказали, чтобы она

не пыталась звонить или искать встреч с ними, — с Джоном и Робертом».

В том факте, что поздравительные куплеты президенту Кеннеди по случаю его дня рождения Мэрилин исполняла на мелодию «Спасибо за память», теперь она, должно быть, усмотрела горькую иронию. Связь с Кеннеди, как оказалось, была нарушена.

Примечания

1. Ощущение мира через наркотический транс.

Глава 41

Когда Мэрилин звонила Роберту Кеннеди в министерство юстиции, она, по словам его биографа Артура Шлезингера, пользовалась условленным именем. Для звонков Кеннеди дал ей «специальный номер», говорит компаньонка Мэрилин, Юнис Меррей.

Долгое время не удавалось обнаружить запись сигналов, поступавших на домашний телефон Мэрилин. Но в результате проведенного мной расследования многие из звонков, приходившиеся на июнь — начало августа, были установлены. Речь идет о списке телефонных звонков, который после смерти Мэрилин был составлен полицией в ходе визита в Главную телефонную компанию. Из этого документа видно, что после 25 июня Мэрилин не звонила по специальному номеру, а набирала номер главного операторского пульта министерства юстиции в Вашингтоне — RE7-8200 (см. рис. 9).

Разговор, зафиксированный 25 июня, длился всего одну минуту и, по-видимому, ничего существенного не содержал. Вероятно, ей сообщили, что в то время Роберт Кеннеди находился на борту самолета, летящего на Западное побережье через Чикаго. Его она увидела на другой день на обеде в доме Лоуфордов, а также на следующий день, когда он приходил в дом Мэрилин и свидетелем чего были Юнис Меррей и ее зять.

В министерство юстиции звонила Мэрилин дважды: 2 июля, когда Кеннеди только что вернулся в Вашингтон, и — 16 июля, когда министр юстиции собирался в Лас-Вегас. На следующий день она звонила еще два раза.

В течение того месяца Мэрилин общалась со своим старым любовником Робертом Слэтцером, с которым и прежде время от времени поддерживала отношения. Как сказано ранее1, я нашел множество свидетелей, подтвердивших, что они были рядом со Слетцером в те минуты, когда Мэрилин ему звонила. В 1974 году в своей противоречивой книге о Мэрилин Слэтцер написал, что в последние недели жизни Мэрилин говорила ему о своем романе с братьями Кеннеди и о том, что дружбе с Робертом пришел конец.2

Рис. 9. Часть списка телефонных звонков Мэрилин, затерянного после ее смерти и обнаруженного автором. Тут фиксируются разговоры по одному из двух телефонов, установленных в доме Монро. Обратите внимание на восемь звонков в Вашингтон по номеру RE7-8200, одному из номеров министерства юстиции 1962 года. Слово «Кеннеди» на полях с правой стороны написано рукой следователя

Рис. 9. Часть списка телефонных звонков Мэрилин, затерянного после ее смерти и обнаруженного автором. Тут фиксируются разговоры по одному из двух телефонов, установленных в доме Монро. Обратите внимание на восемь звонков в Вашингтон по номеру RE7-8200, одному из номеров министерства юстиции 1962 года. Слово «Кеннеди» на полях с правой стороны написано рукой следователя.

Книга Слэтцера была встречена с некоторым скептицизмом. В частности сомнения вызывал сам способ воспроизведения длинных бесед, которые автор не мог дословно запомнить. Теперь же в свете новых данных, собранных при подготовке этой книги, воспоминания Слэтцера внушают больше доверия, чем раньше.

Слэтцер цитирует Мэрилин: «Он игнорирует меня. Я пытаюсь дозвониться до него, но не могу». Это происходило потому, объяснил Слетцер, что Кеннеди изменил номер своего персонального телефона. Он слышал об этом от самой Мэрилин в июне 1962 года. Именно тогда, как мы уже убедились, она отчаянно пыталась пробиться в министерство юстиции, набирая общий номер. Обнаруженный позже список телефонных звонков подтверждает достоверность рассказа Слэтцера, который, кстати сказать, также списком не располагал. В обстоятельных беседах Слэтцер восстановил даты своих встреч и телефонных разговоров с Мэрилин, и они точно совпадают с полученными позднее данными, о которых Слэтцер ничего не знал.

Летом 1962 года Слэтцер делал на телевидении серию передач о жизни дикой природы. Он разрывался между Голливудом и монтажной в Коламбусе, штат Огайо. В середине июня, рассказывает Слэтцер, он заехал к Мэрилин домой. Как и все, он слышал сплетни о Мэрилин и братьях Кеннеди и спросил у нее об этом.

Мэрилин призналась, что у нее роман с младшим братом. Похоже, она тешила себя надеждами, что в один прекрасный день он женится на ней. Подобные намеки делала она и британскому репортеру Уитерби. Слэтцер пришел в ужас. Он сказал ей, что это глупые надежды. Министр юстиции не захочет подобным поступком испортить свою политическую карьеру и создать опасную ситуацию для президента. Однако Монро не хотела прислушиваться к голосу трезвого рассудка. Слэтцер говорит, что безуспешно попытался вразумить ее еще раз, хорошо понимая, что эта связь может привести к катастрофе.

Через несколько дней — Слэтцер полагает, что это было десять дней спустя после Дня Независимости, т. е. накануне или сразу после случая в «Кал-Нева-Лодж» — Мэрилин позвонила ему из телефона-автомата и попросила встретиться с ней за углом ее дома. В тот вечер они по побережью доехали до пляжа в Пойнт-Дьюм, куда наведывались в прошлом. Мэрилин, по словам Слэтцера, сдерживала внутреннее напряжение, и когда ее прорвало и она сказала, что Роберт Кеннеди не отвечает на ее телефонные звонки, Слэтцер снова посоветовал Мэрилин забыть о нем.

На смену слезам пришел гнев. Слэтцер рассказывает, что она в объемистой хозяйственной сумке, среди пузырьков с таблетками и косметическими принадлежностями, нашла несколько бумаг, соединенных вместе резиновым кольцом. Это, как пояснила Мэрилин, были на бланках министерства юстиции адресованные ей записки от Роберта Кеннеди. Она позволила Слэтцеру лишь краем глаза взглянуть на них. А еще она показала ему «маленькую красную книжечку».

Мэрилин позволила Слэтцеру полистать книжицу, которую она назвала своим «дневником». Он говорит, что тут были записи бесед с Кеннеди, включая замечания по поводу Кубы, вторжения в залив Свиней, предпринятого в минувшем году, а также слова о намерении Кеннеди упрятать за решетку лидера профсоюза водителей грузового транспорта Джимми Хоффу.

Слэтцер с удивлением поинтересовался, зачем Мэрилин делала записи. «Потому, — ответила она, — что Бобби нравилось говорить о политике. Однажды он вышел из себя из-за того, что я ничего не запомнила из сказанного им».

Многие с недоверием относились к описанной Слэтцером истории именно из-за эпизода с дневником. Мэрилин, утверждали они, по своему характеру не могла вести какие бы то ни было записи. Но они ошибаются. На протяжении многих лет актриса делала записи, но они по причине ее неорганизованности были случайными. Слэтцер говорит, что книжечка, которую он видел, «была не еженедельником в полном смысле слова, но заметками о том, чем занималась Мэрилин». Это точно соответствовало ее характеру.

Мэрилин купила себе «еженедельник и записную книжку» еще в 1951 году, что и засвидетельствовал репортер «Тайм» Эзра Гудмен. Репортер Джейм Бейкон смеялся, когда она записала Туда ка-кую-то высказанную им остроумную мысль. В 1955 году Эми Грин видела, что Мэрилин носит с собой «дневник в кожаном переплете с маленьким ключиком», и Сьюзен Страсберг вспоминает о ней как о «большой любительнице делать записи». В конце 1960 года Ричард Гехман тоже видел» как актриса что-то писала в блокноте. В пору знакомства с Робертом Кеннеди Мэрилин сохранила привычку вести записи, и он, похоже, знал об этом.

По словам Джин Кармен, соседки Мэрилин по квартире на Дохени, «она вела какое-то подобие дневника. Она, бывало, говорила: «Подожди, я хочу это записать, пока не забыла», — и, вытаскивая дневник, записывала несколько строчек. Порой это были вполне заурядные вещи. Однажды я видела ее с Бобби, и он рассказал какой-то анекдот о разнице между женой и секретаршей. Мэрилин полезла за своей записной книжкой, и Бобби, взглянув на нее, посоветовал: «Избавься от нее». Тогда мне показалось, что он говорит так, между прочим. Теперь же я думаю, что, может быть, он был в самом деле обеспокоен».

Возможно, Кеннеди рассказывал Мэрилин не только анекдоты. Не выдавая государственных секретов, говорил и о вещах, о которых бы следовало молчать. Кроме Слэтцера, еще два человека, с которыми Мэрилин встречалась в Мексике, рассказывают, что ей не терпелось передать содержание беседы с

министром юстиции, состоявшейся в доме Лоуфордов. Человек, познакомивший ее с Мексикой, Фред Вандербилт Филд, вспоминает со слов Мэрилин об откровениях Кеннеди по поводу Дж. Эдгара Гувера. Хосе Боланьос, ее мексиканский любовник, говорит, что Мэрилин якобы упоминала о том, с кем они с Кеннеди обсуждали режим Кастро на Кубе. Как мы увидим далее, не умевшая держать язык за зубами Мэрилин могла подвергнуть риску безопасность страны.

Менее чем за месяц до смерти актрисы последний ее агент Джордж Чейзин понял, насколько близка была его клиентка к Роберту Кеннеди. 13 июля правительство предъявило его компании. Музыкальной корпорации Америки, антитрестовский иск. Причиной стало монопольное положение МКА в шоу-бизнесе. Чейзин знал о правительственном расследовании, но не ожидал, что дело дойдет до судебного иска. За шесть месяцев до этого в ресторане «У Романова» Мэрилин предупредила его о возможности такого исхода. Когда же он усомнился в этом, она намекнула, что источником ее сведений является министр юстиции.

Харрис Уоффорд, бывший специальный помощник при президенте, описывая Джудит Кэмбелл, Сэма Джанкану и план покушения на Кастро, подготовленный ЦРУ, рассказывает: «Кроме моральных аспектов, министра юстиции, должно быть, пугала трясина возможного шантажа, в которой он бы оказался... Как могли ЦРУ и Кеннеди проявить такую глупость?.. Что оно или министр юстиции должны были сделать, чтобы избавиться от этого и свести до минимума риск разоблачения?»

Вероятно, к июлю братья Кеннеди наконец поняли все безрассудство своего общения с Мэрилин, не говоря уже о других женщинах, с которыми встречался президент.

В мае, после многомесячного колебания, ЦРУ сообщило Роберту Кеннеди о том, что знает о его отношениях с лидерами мафии — в частности, с Сэмом Джанканой и Джонни Розелли — в связи с подготовкой убийства Кастро. Прошло всего два месяца с тех пор, как Джона Кеннеди известили о том, что- ФБР осведомлено о его встречах с Юдит Кэмбелл, которая одновременно является любовницей Джанканы.

Так же в мае, накануне празднования дня рождения президента, лидеру профсоюза водителей грузового транспорта

было предъявлено обвинение в вымогательстве. Таким образом, Джиму Хоффу был нанесен решительный удар в предпринятой против него юридической атаке. Он ломал голову, как выйти из трудной ситуации. Хоффа зашел так далеко, что рассматривал убийство Роберта Кеннеди как один из наиболее подходящих способов решения своей проблемы. Правда, известно об этом стало гораздо позже. Сидя в своем офисе в Вашингтоне, Хоффа высказал о министре юстиции свое мнение: «Кеннеди нужно убрать... Кто-то должен спихнуть этого ублюдка... Знаете, у меня уже имеется на него материал. Он ездит в машине с открытым верхом и плавает один. У меня есть ружье 27 калибра с оптическим прицелом. С его помощью можно стрелять с большого расстояния без промаха. С этой штукой его было бы легко достать. Но я попаду в число подозреваемых; слишком уж все очевидно...»

Сказал это Хоффа либо в конце июня, либо в начале июля. 27 июня Кеннеди навестил Мэрилин Монро дома, куда приехал один на машине с открытым верхом. Похоже, что у Хоффы, который как будто установил наблюдение за Мэрилин и Кеннеди, действительно имелся «материал» на министра юстиции.

Тогда же агентами ФБР был подслушан разговор нью-йоркского мафиози Эдди Мак-Грата с некой женщиной по имени Джин: «С каких это пор половое сношение расценивается как правонарушение федерального масштаба? ...А если это так, то президент Соединенных Штатов должен быть привлечен к уголовной ответственности, потому что, как я знаю, он перетрахался со всеми красотками, которых приводит к нему Синатра...»

Не прошло и двух недель, как в министерстве юстиции появился первый подготовленный его юристами рапорт на Фрэнка Синатру. В течение лета было составлено еще два. В основном они касались казино и его менеджера с уголовным прошлым Тощего Д'Амато, но упоминалось и о «дружбе» Синатры с Сэмом Джанканой, грозившим «рассказать все» о братьях Кеннеди.

Человек, составлявший рапорты на Синатру, Дугалд Мак-Миллан стушевался, когда его спросили, знал ли он об одновременной связи Мэрилин Монро с братьями Кеннеди и Фрэнком Синатрой. «Понимаете, — ответил он, — я не думаю, что должен был вникать в это».

Учитывая участие Джанканы в осуществлении планов ЦРУ, в мае Роберт Кеннеди решил не привлекать главу мафии к судебной ответственности по делу о телефонном подслушивании. Через два дня он встретился с директором ФБР Гувером, и Гувер заметил, что Кеннеди хорошо знал о «грязной сплетне», согласно которой Джанкана не понес ответственности благодаря своей дружбе с Фрэнком Синатрой, явившимся, в свою очередь, близким другом семьи Кеннеди. Министр юстиции заявил, что понимает это и очень встревожен...

27 июня, в день, когда Роберт Кеннеди навестил Мэрилин в ее доме в Лос-Анджелесе, министр юстиции по отношению к Джимми Хоффа проявил несвойственную ему нерешительность. Из рапорта ФБР, выданного мне после цензурного вмешательства, видно, что в тот день министр юстиции совещался с Джерри Уалдом, будущим продюсером картины по его обличительной книге «Враг внутри», направленной против лидеров профсоюза водителей грузовиков. «Казалось, министра юстиции мучил вопрос, стоило ли выпускать картину до того, как будет закончен суд, к которому привлекался Джеймс Хоффа».

Роберт Кеннеди хорошо осознавал, что это были дни особой опасности, и встречам братьев с Мэрилин Монро следовало положить конец.

* * *

19 июля, в день рождения Джоан Гринсон, Мэрилин держалась молодцом. Она помогла устроить неожиданную для именинницы вечеринку, потом танцевала твист с чернокожей девушкой, у которой не было партнера. Она и Джоан еще несколько раз разговаривали по телефону, но Мэрилин занимали другие мысли. Четыре дня спустя она снова попыталась дозвониться до министерства юстиции, но через минуту повесила трубку.

Джин Кармен несколько раз видела Мэрилин и говорила, что «та выглядела жутко». В летние ночи заснуть было труднее, чем когда бы то ни было. В ночные часы приглашала она Ральфа Робертса, и тот делал ей успокаивающий массаж. В один день у нее было два визита к доктору Гринсону и два визита к ее терапевту доктору Энгельбергу. Энгельбергу она еще звонила в два часа ночи.

Характер Мэрилин заметна портился, и она все больше была склонна к интригам. Когда к ней наведалось студийное начальство, чтобы оговорить условия возможного возобновления работы над фильмом «Так больше нельзя», она спрятала в соседней комнате Пэт Ньюком, чтобы та подслушала их разговор. Вызванная из Европы для участия в этих переговорах Паула Страсберг оказалась в незавидном положении. Мало того, что Мэрилин высокомерно обращалась с ней, она еще обвиняла Паулу в бесплодности переговоров. Страсберг улетела в Нью-Йорк.

Терпение Юнис Меррей тоже было не безгранично. Однажды ее зять Норман Джефрис застал тещу с упакованными чемоданами и готовую к отъезду. Но тогда она все-таки осталась.

Дни и ночи у Мэрилин уже, похоже, начали сливаться. Страсберг, гостившая у актрисы, однажды проснулась в предрассветный час и увидела, как Мэрилин слоняется по коридору. В былые дни актриса иногда надевала парик, темные очки и отправлялась полюбоваться веселой суетой на пирсе Санта-Моники. Теперь во тьме ночи встречали ее, бродившую по берегу в нескольких сотнях ярдов от дома Лоуфордов.

За неделю до смерти Мэрилин поехала в самое опасное место, кишащее мафиози, «Кал-Нева-Лодж» на озере Тахо. Юнис Меррей, однако, говорит, что не помнит такой поездки, и Питер Лоуфорд также о ней никогда не упоминал.

Об этом злосчастном путешествии в прессе не писал никто, за исключением друга Мэрилин, Сиднея Сколски. Работники казино, кто хорошо помнит приезд Мэрилин, рассказывают об одном неприятном эпизоде.

Джо Лэнгфорд, работавший под началом своего брата Рея, метрдотеля, вспоминает, что встретил Мэрилин в аэропорту. «Мне кажется, это было за неделю до ее смерти», — рассказывает он. «Она прилетела на самолете Фрэнка Синатры, помнится, пилот еще говорил: «Господи, как я рад, что избавился от нее». Похоже, она много пила; в те выходные она страшно много пила».

Рей Лэнгфорд, метрдотель, заходил к ней в бунгало по просьбе Синатры. По его мнению, это было «всего за несколько дней до смерти Мэрилин». Когда он ее увидел, «на голове

актрисы был платок и на глазах — очень темные очки. Выглядела она очень опечаленной». То же рассказывают и другие очевидцы из обслуживающего персонала казино.

Уезжала Мэрилин, по словам Джо Лэнгфорда, «в страшной спешке. Мне кажется, она создала для обслуги какие-то проблемы». Двое свидетелей — вдова пилота Синатры и второй пилот — также вспоминают о жуткой спешке в связи с отъездом в Лос-Анджелес.3

Самолет Синатры, двухмоторный «Мартин», носивший имя дочери певца Кристины, обошелся ему в 6 миллионов долларов. Это был целый летающий дворец, отделанный деревом, со сплошным ковровым покрытием, баром, роскошной ванной комнатой и пианино. По словам вдовы пилота Барбары Льето, явиться на озеро Тахо мужу приказали в срочном порядке. Домой он вернулся глубокой ночью, очень рассерженный, чего с ним не бывало.

Как следует из рассказа миссис Льето, Мэрилин на борт самолета поднялась в изрядном подпитии. Там вместе с ней были Питер и Пэт Лоуфорды, а также один из парикмахеров актрисы. Похоже, сначала они полетели в Сан-Франциско. Пока пассажиры ездили по городу, команда терпеливо ожидала их возвращения. Затем по заказу миссис Лоуфорд был совершен полет на Восточное побережье.

Было уже поздно, когда самолет Синатры взял курс на Лос-Анджелес. По словам миссис Льето, Питер Лоуфорд, к этому времени тоже крепко набравшийся, крупно повздорил с пилотом из-за места посадки. Питер настаивал на приземлении в Санта-Монике, хотя летчик утверждал, что в темное время суток тамошний местный аэропорт не принимает самолеты.

Когда после полуночи аэроплан наконец приземлился в Лос-Анджелесе, Мэрилин вышла оттуда «в полном беспорядке». С трапа она спустилась босая, и пилот помогал ей надеть туфли. Потом, сев в лимузин, она уехала домой, а экипаж повез Лоуфорда в Санта-Монику на своем автомобиле. Пилот прямо-таки пришел в бешенство, когда в двух кварталах от дома Лоуфорд заставил их остановить машину, чтобы позвонить куда-то из телефона-автомата. На беседу у него ушло не менее получаса. Почему, ломали они головы, нельзя было ему подождать каких-нибудь пять минут и спокойно позвонить из

своего особняка?

Теперь, задним числом, и мы можем задуматься, не беспокоился ли и Лоуфорд о личной безопасности?

Атмосфера во время пребывания в «Кал-Нева-Лодж» была очень напряженной. Один из друзей Мэрилин с Восточного побережья, доктор Сэнди Файерстоун, вспоминает телефонный разговор с Мэрилин незадолго до смерти, когда та жаловалась, что «ее вынуждают ходить на вечеринки, а она не слишком любит Питера Лоуфорда, потому что тот закатывает дикие оргии».

Один фотолаборант, пожелавший остаться неизвестным, вспоминает, что проявлял для Фрэнка Синатры фотопленку со снимками Мэрилин Монро, сделанными в последние выходные в ее жизни. «Я предложил ему сжечь их, — говорит очевидец, — что он и сделал в моем присутствии». На снимках Мэрилин, по словам фотолаборанта, выглядела скверно.

Во время последнего наркотического кошмара к ней на озеро Тахо приехал Джо Ди Маджо, еще пытавшийся помочь Мэрилин. Рей Лэнгфорд, метрдотель, вспоминает, что снял для него номер в ближайшем мотеле «Силвер Крест». Ди Маджо хотел выяснить, где Мэрилин, а Лоуфорд, еще не знавший о ее приезде, ответил, что ему это не известно. Брат Лэнгфорда, Джо, говорит, что Ди Маджо хотел поговорить с ней по телефону, но на территорию «Кал-Нева» не входил, «потому что тогда враждовал с Синатрой».

Другой свидетель, посетивший «Кал-Нева-Лодж» на той же неделе, когда не стало Мэрилин, от одного служащего услышал мрачную историю. Он вспоминал, как на рассвете выглянул из окна казино и «на краю бассейна увидел покачивающуюся из стороны в сторону босую Мэрилин. Взгляд ее был устремлен на вершину холма». К ней поспешил встревоженный служащий из «Кал-Нева», но она по-прежнему стояла и смотрела куда-то вверх. Он проследил за ее взглядом и увидел на подъездной аллее Ди Маджо, «смотревшего на Мэрилин».

О поездке в «Кал-Нева-Лодж» Мэрилин перед смертью рассказывала массажисту Ральфу Робертсу. «Она сказала, что это был сущий кошмар, ужасные выходные», — вспоминает Робертс. «Ей совсем не хотелось туда ехать. Оказавшись там, она увидела Джо. Без ссоры с Синатрой ей нельзя было выйти из комнаты. И Джо видел в Синатре соперника».

В начале года, сразу после переезда Мэрилин в новый дом, Джо Ди Маджо приезжал навестить ее. С собой он привез старого товарища Гарри Холла, делившего с ним когда-то спортивную славу. «Он постучал в дверь, — рассказывает Холл, — она открыла ее, но, увидев Джо, тотчас захлопнула. Джо сказал: «Что ж, неудачный день». Потом они снова пришли, и на этот раз, говорит Холл, она впустила их. По его словам, Ди Маджо все еще надеялся, что Они опять поженятся. Есть и другие подтверждения, что в последние месяцы жизни Мэрилин у бывших супругов были дружеские отношения.

Иногда Ди Маджо терял терпение. Во время съемок картины «Так больше нельзя» сценарист Наннели Джонсон попросил его поехать в Калифорнию и поддержать Мэрилин. «Он пообещал позвонить ей по телефону, — вспоминал Джонсон, — но категорически не хотел предпринимать какие-либо другие шаги... Для него она была потерянной дамой, и пока был кто-то, готовый спасти ее, он оставался в стороне. Короче говоря, он уже был сыт ею по горло».

Все же в последние месяцы жизни Мэрилин у Ди Маджо проснулась былая страсть. Поездки на озеро Тахо приводили его в ярость. «Он был. очень расстроен, — говорит Гарри Холл. — Она ездила туда, там ее пичкали таблетками, устраивали сексуальные оргии, а Джо в то время думал, что раз он друг Синатры, то ничего подобного не может быть... Мне кажется, с тех пор они больше никогда с Синатрой не разговаривали. Джо считал, что тот должен из уважения к нему оставить Мэрилин в покое».

В 1962 году Ди Маджо занимался прибыльным делом. С жалованием в 100000 долларов в год он был представителем «В.Г. Моннетт», компании с Восточного побережья, снабжавшей гарнизонные магазины. Президенту компании Валмору Моннетту он говорил, что «все еще любит Мэрилин». 1 августа 1962 года, на той неделе, когда Мэрилин ушла из жизни, Ди Маджо уволился из компании. Как утверждает Моннетт: «Он сказал мне, что переговорил с Мэрилин и похоже, она наконец согласилась оставить кино и повторно выйти за него замуж».

В последние месяцы жизни Мэрилин оценила преданность Ди Маджо. Она написала бывшему мужу:

Дорогой Джо,

Если бы только мне удалось сделать тебя счастливым — я бы преуспела в одном самом большом [в оригинале допущена орфографическая ошибка] и самом трудном деле, а именно: сделать совершенно счастливым одного человека . Твое счастье значит и мое счастье.

Письмо это не было отправлено. Его нашли уже после смерти актрисы.

Ди Маджо был зол не только на Синатру, но и на обоих братьев Кеннеди. Весной он приезжал навестить Мэрилин, захватив своего сына, Джо-младшего, и его невесту Памелу Райес. Райес вспоминает, что Мэрилин говорила с Ди Маджо о Роберте Кеннеди и разговор этот закончился скандалом.

А теперь Мэрилин очень страдала и нуждалась в человеке, которому могла бы выплеснуть всю горечь, накопившуюся после разрыва с Кеннеди. В конце июля во время сеанса массажа она внезапно спросила Ральфа Робертса: «Ральф, ты что-нибудь слышал обо мне и Бобби?»

Робертс ответил: «Весь Голливуд только и говорит об этом!» На что Мэрилин возразила: «Ну так вот, это неправда. Он не в моем вкусе. Он слишком тщедушный».

Как раз перед последним визитом Мэрилин в «Кал-Нева-Лодж» Роберт Слэтцер, собиравшийся в поездку на Восточное побережье, совершил с актрисой прощальную автомобильную прогулку. Настроение Мэрилин менялось от радостного воодушевления до глубокого уныния, и разговор о желании «начать новую жизнь» переходил к жалобам на Роберта Кеннеди. Она с мрачным видом гадала, почему он бросил ее. Не потому ли, что она была недостаточно образованна? В конце концов Мэрилин разразилась слезами и, всхлипывая, говорила, что он хотел просто с нею поиграть. Кеннеди, по ее словам, «получил то, что хотел».

Просматривая вдвоем со Слэтцером дневник, Мэрилин сказала о Кеннеди: «Может быть, его жене было бы интересно кое-что узнать из того, что он говорил мне. Здесь все, и я рада, что вела записи».

Бывший частный детектив Джон Долан, один из тех, кто занимался прослушиванием ее бесед, говорит, что из записей

разговоров видно, до какого отчаяния она дошла однажды, отважившись позвонить министру юстиции домой в Вирджинию. Он пришел в ярость.

«Роберт Кеннеди, — говорит Слэтцер, — стал некоммуникабельным, и ее это не устраивало».

Пол Д'Амато, человек, возможно представлявший в «Кал-Нева-Лодж» интересы Джанканы, в 1984 году подтвердил, что, Мэрилин побывала там незадолго до своей кончины. В пижаме, сидя на кровати, ставшей в скором времени его смертным ложем, куря одну за другой сигареты «Мальборо», Д'Амато рассказывал мне о последней в жизни Мэрилин поездке.

Потом, сжав тонкие губы, Д'Амато пробормотал: «Конечно, этого я не говорил», и добавил: «За тем, что произошло, скрывалось гораздо большее, чем вам рассказали. Для Бобби Кеннеди это мог бы быть грандиозный скандал, правда?»

Теперь Мэрилин снова подумывала о смерти. С Милтоном Рудиным, адвокатом, услугами которого она пользовалась вместе с Фрэнком Синатрой, Мэрилин проконсультировалась по поводу нового завещания. Говорят, что она намеревалась из него вычеркнуть Страсбергов, так как они «воспользовались» ею. Но завещание осталось без изменений. Рудин, считавший, что «она явно тяжело больна», помешал Мэрилин сделать это.

Доктор Гринсон, психиатр актрисы, виделся с ней почти каждый день — за вычетом времени, проведенного ею на озере Тахо. За несколько дней до смерти актрисы он напишет другу: «Мне следовало бы для безопасности поместить ее в психиатрическую лечебницу, но это было бы безопасно для меня, но ужасно для нее...»

26 июля Роберт Кеннеди снова приехал в Лос-Анджелес, где выступил с речью в Национальной страховой ассоциации. В середине дня, когда он направлялся на запланированную встречу, в отделении ФБР Лос-Анджелеса раздался анонимный телефонный звонок: кто-то предупреждал о готовящемся покушении на министра юстиции. Звонивший добавил, что убийцы из числа гангстеров.

30 июля 1962 года Мэрилин в последний раз позвонила в министерство юстиции, о чем свидетельствует запись в

сохранившемся списке телефонных звонков, из ее дома. Разговор длился восемь минут и состоялся он в понедельник, начавший последнюю неделю ее жизни.

Примечания

1. См. главу 11, с. 134.

2. В 1972 году, когда Роберт Слэтцер только собирался опубликовать книгу о Монро, где речь шла в основном о периоде жизни актрисы, связанном с Кеннеди, автору пригрозили, что свою жизнь он подвергнет опасности, если не откажется от публикации. Его издательство, мелкое предприятие в Калифорнии, тоже получило подобное предупреждение. К дому редактора Тома Монтгомери подошли двое и избили человека, открывшего им дверь. По всей видимости, они решили, что напали на Монтгомери. Монтгомери, подтвердивший этот факт, добавляет, что были и другие угрозы. Компания сразу же вышла из бизнеса, ее срочно выкупили. А у начальства возникло мнение, что это было сделано намеренно, чтобы не дать книге о Монро выйти в свет. Книгу через два года и безо всяких помех издал «Пинакл Хаус».

3. Свидетели ошибаются, называя день отъезда. По крайней мере, двое из них утверждают, что это было за сутки до ее кончины. Время, по всей видимости, спрессовало в памяти у них события. Согласно другим данным, в последние дни своей жизни Мэрилин не отлучалась из Лос-Анджелеса.

Глава 42

«Кто убил Мэрилин Монро? — вот в чем вопрос... Это была трагедия».

Шон О'Кейси

«Знаете, от кого я нахожусь в постоянной зависимости? — спросила Мэрилин репортера У. Дж. Уитерби. — Не от незнакомых и не от друзей. От телефона! Он мой лучший друг. Я люблю звонить друзьям, особенно поздно ночью, когда не могу спать. У меня есть мечта: мы все встаем и идем в аптечный магазин»1.

В последние дни жизни Мэрилин особенно много эксплуатировала своего «лучшего друга». Укрывшись за стенами

дома, она названивала друзьям на Восточное побережье. Генри Розенфельду, королю модной одежды, она сказала, что в скором времени намеревается приехать в Нью-Йорк и вместе с ним пойти на премьеру «Мистера президента», нового шоу, которое готовилось в Вашингтоне. Она позвонила Лене Пепитоне, своей горничной в Нью-Йорке, и сообщила, что намерена в сентябре устроить прием.

Мэрилин с жаром обсуждала планы на будущее. Она позвонила Джину Келли и поинтересовалась мюзиклом, действие которого разворачивалось на фоне событий Первой мировой войны; Сиднею Сколски говорила о фильме о Джин Харлоу, где собиралась играть главную роль. Она ходила на просмотры картин режиссера Ли Томпсона, желавшего снять с ее участием фильм, который увидит свет под названием «Какой путь пройти» (What a Way to Go). Она разговаривала с композитором Джулом Стайном, мечтая о музыкальной версии пьесы «Дерево растет в Бруклине» (A Tree Grows in Brooklyn), где собиралась играть с Фрэнком Синатрой.

В воскресенье Мэрилин должна была встретиться со Сколски и Келли, затем вместе с Синатрой пообедать «У Романова». На понедельник была намечена встреча с Томпсоном, а затем ей предстояло лететь в Нью-Йорк на деловое свидание со Стайном.

Никому из тех, с кем она разговаривала в свою последнюю неделю, подавленной она не показалась. Пропустить по стаканчику приходили к ней двое старых студийных друзей, гример Уайти Снайдер и помощник костюмера Марджори Плечер. Сегодня они вспоминают: «Она выглядела, как никогда, хорошо; и настроение у нее было бодрым».

Но были признаки и другого настроения. Мэрилин звонила калифорнийскому психиатру Кенни Кингстону, у которого консультировалась в прошлом. В этом случае темой диалога была любовь. Вспоминая тот разговор, доктор мысленно уносится в прошлое. Мэрилин как будто сказала ему следующее: «Любовь — единственное, что есть в нас бессмертного. Что значила бы без нее жизнь?»

На той же неделе, в среду, гинеколог, доктор Леон Крон, играл в гольф на площадке «Хиллкрест». Это был его выходной день, и он подосадовал, когда его пригласили в здание клуба ответить на срочный телефонный звонок. Звонила Мэрилин, которую он лечил много лет назад, незадолго до окончания работы над фильмом «Некоторые любят погорячее».

В тот раз Мэрилин затопала на него ногами в ответ на его совет воздержаться от алкоголя, не злоупотреблять пилюлями, не волноваться, если она хочет сохранить ребенка. Теперь, пребывая в сумрачном настроении, она спросила: «Вы все еще сердитесь на меня?» Ошарашенный доктор ответил, что не сердится.

Мэрилин хотела поскорее увидеть Крона. Они договорились, что вместе пообедают, но встреча так и не состоялась, потому что Мэрилин умерла. Оплакивала ли актриса своих неродившихся детей? В ту неделю исполнилось пять лет, как она потеряла первого ребенка от Артура Миллера. Или, может быть, она собиралась поговорить с доктором Кроном о других своих женских проблемах?

Мэрилин тянулась к своим старым друзьям. За день или два до ухода из жизни, на сеансе массажа, проводимом Ральфом Робертсоном, она говорила ему, на чьи звонки отвечать и кому отказывать. Среди тех, с кем ей хотелось бы пообщаться, актриса назвала Марлона Брандо. Прошло уже семь лет с того времени, как они стали близки. Когда он отвечал на ее звонки, они всегда подолгу болтали. По словам Робертса, Брандо однажды заставил ее хорошо посмеяться. О предмете их последней беседы сам актер предпочитает не распространяться.

С троими, по крайней мере, Мэрилин говорила о братьях Кеннеди, и по всему было видно, что она находилась в страшном смятении. Из телефонной будки в парке Баррингтон, где она стояла и в последний раз наблюдала за играми детей, актриса

позвонила Артуру Джеймсу.

«Что мне с «ним» делать?» — спросила она, явно намекая на президента. Потом так же, как в разговоре со Слэтцером, начала сетовать на Роберта Кеннеди, сказав, что тот «холодно порвал с ней», но из ума у нее не шел другой брат — «Джек».

Джеймсу Мэрилин снова позвонила в среду, но дома не застала, отвечал автоответчик. Она сказала, что нуждается в помощи. «Я попытался дозвониться ей, — вспоминает Джеймс, — но на звонок ответил другой женский голос, и трубку повесили».

В пятницу днем, 3 августа Мэрилин позвонила в Нью-Йорк Норману Ростену. Она хотела знать, что он и его жена думают по поводу ее интервью в журнале «Лайф», а также поговорить о новых предложениях и о скором приезде на Восток. «Мы здорово повеселимся, — сказала она. — Давайте, пока не состарились, начнем жить по-настоящему...»

Ростену голос Мэрилин показался исступленным. Монро перескакивала с одной темы на другую. Звонок настолько расстроил его, что он тут же написал ей письмо. Но оно пришло, когда ее уже не стало.

Мэрилин отчаянно пыталась выйти из одиночества. В пятницу она снова позвонила своему преданному другу, Анн Каргер, матери своего старого возлюбленного Фреда. «Это было накануне ее смерти, — говорит Элизабет Каргер, последняя жена Фреда. — Она сказала, что очень любит Боба Кеннеди и собирается выйти за него замуж. Но голос у нее был безрадостный». Анн Каргер, как рассказывает ее невестка, ответила Мэрилин, чтобы та не строила иллюзий. На это Мэрилин возразила: «Если любит, так оно и будет».

В тот день — речь идет о пятнице — Мэрилин ходила звонить из телефонной будки Роберту Слэтцеру, который уже был дома в Коламбусе, штат Огайо. Когда прозвенел звонок, у него в гостях были четыре друга, трое из них и сейчас живы и подтверждают, что такой телефонный разговор состоялся. Двое из них сами разговаривали с актрисой. Мэрилин просматривала сценарий Дорала Ченовета, писателя и друга Слэтцера. Она сказала, что сценарий ей понравился. Его поразил тот факт, что она внимательно все прочитала. Позднее пьеса под названием «Этот Божий бизнес» (This God Bu$ine$$) с успехом шла в театре.

Друг Слэтцера, владелец ресторана Ли Генри, также перебросился с Мэрилин несколькими словами. Он вспоминает, что узнал знаменитый голос, но при этом добавляет: «Можно было подумать, что она либо в подпитии, либо наглоталась наркотиков».

Слэтцер тоже разговаривал с ней на этой неделе уже не первый раз. Накануне он звонил ей и сказал, что в конце недели в Калифорнии ожидается приезд Роберта Кеннеди, и если Мэрилин нужно, то это удобный случай встретиться с ним и поговорить.

Теперь, в пятницу, Мэрилин сообщила ему, что все еще пытается дозвониться до Кеннеди в Вашингтоне, но безуспешно. Был ли Слэтцер уверен в том, что Кеннеди действительно будет в Калифорнии? Он предложил ей просмотреть газетные сообщения. Мэрилин сказала, что лучше узнает у подруги сестры Кеннеди, Пэт Лоуфорд. Пэт в это время находилась в поместье Кеннеди в Массачусетсе, и Мэрилин решила позвонить Питеру Лоуфорду и спросить номер ее тамошнего телефона. Он не отказал ей в этом. Тогда же или в другой день она выведала и домашний номер телефона Роберта Кеннеди и наконец дозвонилась до него. Точно известно, что в те выходные министр юстиции находился в Калифорнии.

Из документов ФБР и газетных сообщений видно, что в пятницу после обеда Роберт Кеннеди с женой и четырьмя детьми вылетел в Сан-Франциско. Министр юстиции сочетал дела с развлечением: после официального выступления перед Ассоциацией американских адвокатов он намеревался отправиться на отдых в горы в штате Вашингтон. Сан-Францискская газета «Кроникл» сообщала, что прибыл он «без своей обычной ослепительной улыбки» и с теми, кто его встречал, поздоровался «деревянным» рукопожатием.

В специальном рапорте ФБР, поступившем в штаб-квартиру две недели спустя, сказано, что министр юстиции вместе с семьей «провел выходные на ранчо Бейтсов, расположенном в шестидесяти милях к югу от Сан-Франциско. Это был строго семейный отдых». Ранчо принадлежало Джону Бейтсу, состоятельному юристу, который принимал у себя высокого гостя как представитель Ассоциации адвокатов.

Бейтс говорит, что на ранчо в те выходные Мэрилин не

звонила. Однако одному из немногих современных репортеров, проводивших серьезные исследования, удалось обнаружить «следы» отчаявшейся Мэрилин. Флорабел Мьюир, в ту пору обозреватель «Нью-Йорк Дейли Ньюс», несколько недель потратила на восстановление хронологии событий в последние дни жизни Мэрилин Монро. Несмотря на то, что Кеннеди остановился на выходные за городом, на ранчо Бейтса, Ассоциация адвокатов забронировала для него номер в городском отеле «Сен-Франсис». Там Мэрилин и надеялась найти его.

По словам ее бывшей помощницы Элизабет Фланчер, Мьюир заплатила телефонистке в «Сен-Франсисе» за то, что та дала ей информацию о телефонных разговорах в конце той недели. «Она обнаружила, что Мэрилин несколько раз звонила в отель и каждый раз оставляла для Кеннеди сообщения, — рассказывает Фланчер, — но звонки остались без ответа».

В тот день, когда Роберт Кеннеди был в пути на Запад, газеты поместили заявление Белого дома, в котором говорилось, что через две недели его брат отправится в Калифорнию. О приезде президента Мэрилин уже сообщила Сиднею Сколски. Ему она рассказывала только о своих отношениях с Джоном Кеннеди. Как бы между прочим сказала, что во время его визита надеется «быть с ним».

Если бы братья Кеннеди прочитали «Нью-Йорк Джорнал Американ» за пятницу, у них бы появились еще более веские причины воздержаться от встреч и разговоров с Мэрилин. Обозревательница Дороти Килгаллен в своей колонке язвительно намекнула, что Мэрилин «пленяет своими чарами красивого джентльмена, имя которого звучит даже громче, чем звучало имя Ди Маджо в зените его славы. Так что не спешите сбрасывать Мэрилин со счетов».

Пятница, 3 августа, был предпоследним днем в жизни Мэрилин Монро. Она провела его, как обычно: побывала в питомнике Фрэнка в Санта-Монике, где отобрала растения для своего сада, потом наведалась к доктору и психиатру, что входило в ее дневной распорядок. Однако по сей день остается загадкой, чем занималась она вечером после безуспешной попытки дозвониться до Роберта Кеннеди в Сан-Франциско.

Согласно одним данным, она предприняла отчаянный шаг — полетела на Север, чтобы самой найти Роберта Кеннеди. Пэт

Ньюком, пресс-агент Мэрилин и друг семьи Кеннеди, говорит, что они с актрисой в тот вечер ужинали в ресторане в Санта-Монике. Это было их любимое заведение, но название его и точное месторасположение она по прошествии стольких лет уже не помнит.

Следователи окружной прокуратуры, беседовавшие с Ньюком во время расследования 1982 года, остались недовольны ее рассказом о событиях того вечера. Есть и другие, хотя тоже неубедительные версии. В тот день Мэрилин в «Бриггз Деликатессен» заказала еды и спиртного на сорок девять долларов — весьма(крупная покупка в пересчете на сегодняшний курс. По словам Джина Леона, владельца модного ресторана «Ла Скала», все это надо было доставить на дом.

Леон, француз по национальности, когда-то был простым официантом в любимом ресторане Фрэнка Синатры и Джо Ди Маджо, а стал владельцем «Ла Скала» и знал Мэрилин много лет. Он даже сказал, что в тот вечер сам привез заказанное в дом актрисы, но добиться от него каких-либо подробностей не удалось. Он лишь заметил, что, кроме Мэрилин, в доме находился еще кто-то, но назвать имя человека отказался. «Я помню все очень отчетливо, — сказал Леон, — но придется затронуть слишком обширную тему, многих крупных деятелей, которых сегодня уже нет с нами».

По неизвестным причинам события той пятницы доныне остаются под покровом секретности. Ту ночь Мэрилин провела без сна.

Примечания

1. Сочетание аптеки, магазина и кафе.

Глава 43

В субботу, 4 августа, Джин Кармен в своей квартире на Дохени проснулась от телефонного звонка, раздавшегося на рассвете. Еще полусонная, она выслушала взволнованный рассказ Мэрилин о весьма дурных событиях прошедшей ночи.

Кармен вспоминает, что актриса «рассказывала, как всю ночь ей не давали покоя звонки. Какая-то женщина обзывала ее всякими словами, после чего вешала трубку, либо просто звонила и вешала трубку, не сказав ни слова. Мэрилин добавила, что

голос ей знаком, но она не может назвать имени».

Суть первого разговора можно было бы выразить такими словами: «Ты, шлюха, оставь Бобби в покое». Звонки продолжались до 5.30 утра, и теперь Мэрилин чувствовала себя совершенно разбитой. «Она хотела, чтобы я приехала к ней. Она сказала: «Захвати пакет с таблетками», — у нас с ней было общее пристрастие к снотворному, и мы всегда говорили так, намекая на него, — «и выпьем немного вина».

Кармен, которая на тот день назначила встречи, ответила, что приехать не может. Они условились поговорить попозже. Это был день рождения Кармен. Открыв почтовый ящик, она убедилась, что Мэрилин не забыла об этом и прислала ей поздравительную открытку. Все, знавшие Монро, подтверждают, что она всегда помнила о днях рождения.

В три часа ночи, по всей вероятности, в перерыве между анонимными звонками, она попыталась дозвониться до Артура Джеймса. Но его не оказалось в городе, и о сообщении Мэрилин он узнал уже после смерти актрисы.

Утром позвонил отец Артура Миллера. Ему сказали, что Мэрилин одевается и позже ему перезвонит. Но звонка он так и не дождался, и это показалось ему странным. Мэрилин очень любила старика и обычно прерывала даже важные дела, чтобы поговорить с ним.

В то утро Норман Джефрис занимался полом на кухне, когда взгляд его уперся в голые женские ноги. Он поднял голову и, увидев Мэрилин, завернутую в большое банное полотенце, испугался.

«Я никогда не забуду ее вида, — говорит Джефрис. — Она выглядела больной, безысходно больной, — и не только в физическом смысле, — я подумал, что с ней, должно быть, стряслось что-то страшное. Может быть, она приняла слишком большую дозу стимуляторов или еще чего-то; может быть, она была до ужаса испугана. Такой я ее никогда раньше не видел».

У Мэрилин было два телефонных аппарата: один, розовый, предназначался для всех, а номер второго, белого, она давала только избранному кругу друзей. Оба телефона имели длинные провода, поэтому, разговаривая, Мэрилин могла бродить по всему

дому.

Уцелевший список телефонных звонков по зловещим причинам, которые станут ясными позже, не прольет света на телефонные разговоры Мэрилин в последние двадцать четыре часа. В то утро у Мэрилин, закрывшейся в своей комнате — вероятно, с белым аппаратом, — состоялось несколько телефонных бесед.

Ральф Робертс, массажист, говорит, что Мэрилин позвонила ему и попросила выполнить поручение: достать не выпущенную еще запись одного певца, которому она надеялась помочь. Кроме того, упомянула о совместном ужине во внутреннем дворике, но они решили договориться об этом позднее. Ближе к вечеру Мэрилин сказала, что еще не знает, чем займется.

Как обычно, в конце недели Мэрилин позвонил живший на другом конце города репортер Сидней Сколски. Ее откровения по поводу братьев Кеннеди насторожили его. На этот раз он снова попросил свою дочь Стеффи послушать разговор по параллельному аппарату. Он интуитивно чувствовал, что ему нужен свидетель.

«Что ты собираешься делать сегодня вечером?» — весело спросил Сколски. Оказалось, план на вечер у нее уже сложился. Она ответила: «Возможно, спущусь на пляж. Похоже, там будут все». Насколько дочь Сколски помнит, Мэрилин добавила, что намеревается встретиться с одним из братьев Кеннеди в доме Лоуфордов.

В ту субботу, вероятно, ближе к полудню, к Мэрилин зашла Агнес Фланеган, одна из ее парикмахерш и давнишняя подруга. Пока Фланеган была у нее в доме, случилось что-то странное. Это — одно из самых непонятных событий того загадочного конца недели.

Почти следом за нею, рассказывала Фланеган, приехал посыльный с пакетом. Мэрилин открыла пакет, достала оттуда игрушечного плюшевого тигра, с которым и вышла к бассейну. Держа тигра в руках, она, ничего не говоря, присела у воды. Фланеган показалось, что актриса находилась в «ужасно угнетенном состоянии». Растерявшись, Фланеган встала и тут же уехала. На снимках, сделанных во дворе дома Мэрилин на другой день, видно, что у бассейна лежат две плюшевые игрушки. Одна

из них похожа на тигра. Может быть, вместе с тигром она получила какую-то расстроившую ее записку, или — что тоже вполне возможно — сама игрушка была каким-то знаком? Во всяком случае, Мэрилин потеряла над собой контроль.

О событиях последних часов ее жизни нам известно, главным образом, со слов Питера Лоуфорда, Пэт Ньюком, Юнис Меррей и доктора Гринсона. Показания первых двух свидетелей противоречат друг другу. По-видимому, это объясняется их близкими отношениями с братьями Кеннеди. Как мы увидим, и рассказ миссис Меррей о вечерних часах Мэрилин также вызывает сомнение.

Исследования, проведенные автором этой книги, включая беседы с семьей Гринсона и его коллегами, а также ознакомление с перепиской доктора показывают, что психиатр в описании тех выходных был правдив. Предоставим ему слово и узнаем, что же произошло во второй половине дня в субботу.

«Около 4.30 дня мне позвонила Мэрилин, — писал Гринсон. — Мне показалось, что она несколько угнетена и находится под воздействием наркотиков. Я отправился к ней. Она все еще очень сердилась на свою подругу, которая проспала кряду пятнадцать часов. Мэрилин злилась потому, что сама спала из рук вон плохо ... Но после того, как я провел с ней около двух с половиной часов, она как будто немного успокоилась».

Письма доктора Гринсона и его заявления, сделанные коллегам-психиатрам из отряда по предотвращению самоубийств Лос-Анджелеса, дают важную информацию о двух ключевых моментах из последних часов жизни Мэрилин. По словам доктора, еще в пятницу, когда он тоже виделся с актрисой, она была «очень сердита и зла на свою подругу Пэт». Речь идет о Пэт Ньюком. В пятницу ночью, как свидетельствует Гринсон, они все еще продолжали ссориться, и вечером в субботу Мэрилин по-прежнему дулась на Ньюком.

Почему Пэт Ньюком вызвала такую ярость Мэрилин? Пресс-агент согласна, что «Мэрилин сходила с ума, когда не могла заснуть. Она свирепела, это правда. Но я считаю, что она злилась еще и по другому поводу. Думаю, было еще что-то, не связанное со мной, о чем я и не знаю».

Сьюзен Страсберг хорошо помнит, что еще во время съемок

«Неприкаянных» Мэрилин дала Пэт прозвище «Сибил» из-за существовавшего между ними соперничества, похожего на то, какое бывает между родными братьями и сестрами1. Стеффи Сколски говорит то же самое. В прошлом Мэрилин ревновала Ньюком. Много лет назад во время съемок «Автобусной остановки» она считала, что Ньюком, женщина, моложе ее на двенадцать лет, увивалась вокруг мужчины, который нравился актрисе.

Теперь Стеффи Сколски, слушая одну из последних бесед отца с Мэрилин, услышала, как та сказала, что все изменилось. «Пэт ревнует меня», — призналась она. Причиной ссоры Мэрилин с Ньюком мог стать Роберт Кеннеди.

О стычках с Мэрилин в ту злополучную субботу Ньюком говорит только одно: «В то утро Мэрилин звонили. Когда же я встала, она уже была в ярости». После смерти Мэрилин в разговоре с коллегами из отряда по предотвращению самоубийств доктор Гринсон туманно намекал на обстоятельства, которые могли так расстроить Мэрилин.

Сказав, что Мэрилин имела половые отношения с «исключительно важными людьми в правительстве ... на самом высоком уровне», доктор Гринсон добавляет, что в субботу днем она «выразила серьезную неудовлетворенность тем, что у нее, самой красивой женщины на свете, срывается свидание вечером».

По словам одного из врачей отряда по предотвращению самоубийств, доктора Табачника, Гринсон сказал, что в тот вечер Мэрилин надеялась увидеть «очень важных людей». Она позвонила доктору, когда узнала, что встреча отменяется. Мэрилин умерла, говорил Гринсон, чувствуя себя «отвергнутой одним из тех, с кем была очень близка».

Перед тем как позвонить Гринсону, Мэрилин по телефону или из записки, приложенной к тигренку, узнала, что свидание с Робертом Кеннеди вечером не состоится. Это усугубило ее чувство глубочайшей безысходности.

Встречаясь с Мэрилин практически каждый день на протяжении многих недель, доктор Гринсон полагал, что уж в эти выходные будет свободен, и в субботу вечером его ждали на ужин. Визит к Мэрилин во второй половине дня надолго задержал доктора.

Мэрилин хотела, чтобы Пэт Ньюком покинула ее, и доктор Гринсон попросил женщину уехать. Сейчас Ньюком говорит, что сделала это по собственному желанию. Юнис Меррей вспоминает, что Ньюком вскочила и ушла, не попрощавшись.

В 6.30 вечера, как было условлено, позвонил Ральф Робертс и спросил, можно ли приходить на ужин. Трубку телефона снял доктор Гринсон и сказал, что Мэрилин нет. Потом, вспомнив о собственном званом ужине, психиатр начал собираться.

«Мэрилин хотела прогуляться и дойти до пирса Санта-Моники, — вспоминал позже доктор Гринсон, — но я сказал, что она слишком пьяна для этого. Она казалась несколько подавленной, но я столько раз видел ее еще в худшем состоянии». На всякий случай он попросил Юнис Меррей остаться с Мэрилин на ночь, а сам помчался домой, чтобы успеть одеться к ужину. Было 7.15 вечера.

Один из приемных детей Мэрилин, Джо Ди Маджо-младший, дважды в тот день пытался до нее дозвониться. Молодой Ди Маджо проходил в ту пору морскую службу в Кэмп-Пендлтон, штат Калифорния. Позвонив, он услышал голос Меррей. Та сказала, что Мэрилин нет дома. Вскоре после ухода доктора Гринсона молодой Ди Маджо все-таки дозвонился.

В 7.40 вечера Мэрилин позвонила доктору Гринсону, который в тот момент брился. Он с радостью отметил, что голос ее повеселел: молодой Джо сообщил ей, что отказался жениться, и эта новость приободрила ее. Доктор Гринсон пожелал Мэрилин хорошо выспаться и пообещал позвонить утром.

По словам Юнис Меррей, после этого Мэрилин объявила, что на прогулку не поедет. Она ушла в спальню и закрыла за собой дверь. Из-за стены до миссис Меррей доносились звуки музыки, записанной на магнитофон. Это были песни Фрэнка Синатры.

Больше, как говорит миссис Меррей, живой Мэрилин она не видела. Было около восьми часов вечера, на Тихоокеанском побережье начало смеркаться. В комнате Мэрилин по-прежнему звучала музыка.

Когда Мэрилин последний раз звонила доктору Гринсону, она спросила его: «Вы забрали мой пузырек с нембуталом?» Он не

брал, но ее вопрос вывел его из состояния равновесия, так как он был уверен, что Мэрилин перестала принимать барбитураты. Но его не очень волновало то, что его пациентка осталась без снотворных пилюль.

Если бы психиатр мог предугадать, что произойдет позже, то проявил бы побольше беспокойства. В комнате Мэрилин после ее кончины среди других медикаментов найдут пустой пузырек из-под нембутала, на наклейке которого написано, что в нем двадцать пять таблеток. Кроме того, было указано, что лекарство выписано в пятницу, за день до смерти актрисы. Будет обнаружен и полупустой флакон с капсулами хлоралгидрата, менее опасного снотворного, выписанного 31 июля.

Доктор Хайман Энгельберг, терапевт Мэрилин, интервью дает редко. Однако, как видно из тогдашнего счета, в тот день, когда был выписан нембутал, он посетил пациентку на дому. Из документа, хранящегося в деле, заведенном коронером, узнаем, что нембутал выписал доктор Энгельберг.

Комиссия по предотвращению самоубийств придет к выводу, что нембутал Мэрилин выписывали доктор Энгельберг и доктор Лу Сигел, которые не знали, что она пользуется услугами того и другого. Доктор Лу Сигел, гинеколог, ныне покойный, в 1982 году с жаром отрицал свою причастность к лечению Мэрилин. Доктор Ли Сигел, студийный врач, действительно часто лечивший актрису, говорит, что последний раз видел ее за много недель до кончины.

Гринсон позднее признается, что доктора Энгельберга к Мэрилин привел он, надеясь отучить ее от снотворного. Оба врача решили согласовывать все медикаментозные назначения своей пациентке, но их договоренность, по-видимому, оказалась нарушена.

По словам Юнис Меррей, Мэрилин в тот день задала ей странный вопрос: «Миссис Меррей, — якобы спросила она, — у нас есть кислород?» Хотя продолжать разговор Мэрилин не стала, тем не менее миссис Мерей всполошилась и позвонила Гринсону. Доктор о таком звонке нигде не упоминал.

Естественно, Гринсон ничего не знал о раннем звонке Мэрилин Джин Кармен, когда актриса попросила подругу прийти и принести «пакет со снотворным». По словам Кармен, Мэрилин

потом снова позвонила ей и настойчиво повторила просьбу. Кармен опять сослалась на занятость.

Из Нью-Йорка, примерно между восьмью и девятью часами по калифорнийскому времени, Мэрилин позвонил ее богатый друг Генри Розенфельд. Телефонную трубку сняла она сама. Он говорит, что голос ее показался ему «пьяным», но в этом он не усмотрел ничего необычного.

Около 9.30 Мэрилин позвонила Сиднею Гилярову, одному из лучших голливудских парикмахеров, хорошо ее знавшему. На страницах этой книги он до сих пор не появлялся по той причине, что никогда не говорит о своих клиентах. Мэрилин сказала Гилярову: «У меня депрессия», — и, не попрощавшись, повесила трубку. Гиляров знал Мэрилин и тоже не увидел причин для беспокойства. Обсуждать подробности их разговора он отказался.

Хосе Боланьос, приехавший к Мэрилин из Мексики, говорит, что между половиной десятого и десятью звонил ей из ресторана «Шипе», расположенного неподалеку от ее дома. Он тоже не рассказал, о чем они говорили, но сказал, что разговор она закончила, просто положив трубку. Как и Гиляров, Боланьос решил, что для Мэрилин это было вполне обычное поведение. Он думает, что, вероятно, был последним человеком, с которым разговаривала Мэрилин, но, похоже, это не так.

Около десяти, говорит Джин Кармен, Мэрилин снова позвонила. «Ты действительно не можешь прийти?» — спросила она. Чувствовалось, что актриса нервничает. Она добавила, что боится, как бы не повторились звонки предыдущей ночи, когда ее просили оставить Роберта Кеннеди в покое. Что касается всего остального, то Мэрилин как будто была в порядке. Но и на сей раз Кармен нашла предлог и отказалась прийти. Позже телефон снова звонил, но Кармен просто не снимала трубку.

На другой день Ральф Робертс узнал, что в десять часов вечера ему позвонила женщина и оставила на автоответчике «невнятную запись». Узнав, что Робертса нет, повесила трубку.

Робертс, проживавший по тому адресу временно, номер своего телефона, кроме Мэрилин, дал еще двум женщинам, с которыми поддерживал чисто деловые отношения. Он считает, что звонила Мэрилин.

Сведений о других звонках нет. Около 3.30 ночи дочь психиатра Джоан слышала, как в спальне родителей зазвонил телефон. Раздались приглушенные голоса, потом кто-то (это был отец) спустился вниз по лестнице и послышался звук мотора. Почувствовав голод, Джоан пошла на кухню, чтобы взять что-нибудь из холодильника.

«Я спросила маму, что случилось, — вспоминает Джоан. — Она ответила, что у Мэрилин какие-то проблемы, и, охнув, пошла спать».

Расстояние, отделявшее дом Гринсонов от дома Мэрилин, не превышало полутора миль. По дороге психиатра начали одолевать дурные предчувствия. Звонила Юнис Мерей и сказала, что в полночь в комнате Мэрилин заметила свет. Потом, проснувшись после трех, она увидела, что свет еще горит. Ей это показалось странным. Боясь прогневать Мэрилин, если неосторожно разбудит ее, Юнис решила позвонить доктору Гринсону.

«Я попросил ее постучать в дверь, — писал доктор Гринсон своему другу. — Она так и сделала, но ответа не было. Тогда зашла с фасада дома и заглянула в окно — Мэрилин неподвижно лежала на кровати. Я сказал, что немедленно выезжаю, а ее попросил позвонить доктору Энгельбергу».

До дома Мэрилин Гринсон доехал за пять минут. Он убедился, что дверь спальни заперта. Доктор вышел из дома и заглянул в окно. Многие задаются вопросом, можно ли было что-нибудь увидеть, если на окнах висели тяжелые светонепроницаемые шторы, привезенные Мэрилин со старой квартиры.

Но доктор Гринсон и миссис Меррей говорят, что забранное решеткой окно спальни в ту душную ночь было приоткрыто. Сопоставив фотографию тех лет с нынешним видом окна, убеждаешься, что можно было просунуть руку и, раздвинув шторы, увидеть кровать Мэрилин. Но решетки мешали попасть в комнату. Гринсон сказал, что взял кочергу и разбил незарешеченное окно на боковой стороне дома — оно позже появится на газетных фотографиях, — и, протянув руку, повернул шпингалет. После чего вскарабкаться на низкий подоконник не представляло никакой трудности.

«Даже на расстоянии, — писал доктор Гринсон, — я увидел, что Мэрилин... Она лежала, уткнувшись лицом в подушку, плечи были неприкрыты. В правой руке у нее был крепко зажат телефон. Полагаю, она пыталась куда-то дозвониться, пока не впала в забытье».

На фотографиях, сделанных полицейскими несколько часов спустя, Мэрилин, вытянувшись, лежит прикрытая скомканным постельным бельем. Голова покоится на подушке левой щекой вниз, глаза закрыты, лицо безмятежно, как в глубоком сне.

Доктор Гринсон открыл дверь и сказал Юнис Меррей: «Мы потеряли ее». Минут через пятнадцать приехал доктор Энгельберг.

Не прошло и часа после того, как Юнис Меррей подняла тревогу, а уже на дежурном пульте Центрального отделения полиции Лос-Анджелеса раздался звонок доктора Энгельберга. Его соединили с Западным отделением Лос-Анджелеса, к которому относился район, где жила Мэрилин. Ответил командир караула сержант Джек Клеммонс. Когда доктор сказал: «Я звоню из дома Мэрилин Монро. Она умерла», — Клеммонс сначала не поверил и подумал, что кто-то «шутит». На место происшествия он поехал сам.

В доме горел свет. Юнис Меррей проводила сержанта в комнату Мэрилин, где рядом с телом сидели оба врача.

Говорил, в основном, доктор Гринсон. Он указал на один из пузырьков, которыми был заставлен прикроватный столик: флакон говорил сам за себя — он был пуст и закрыт пробкой. Надпись на ярлыке гласила: «Нембутал». Предсмертной записки Мэрилин не оставила. Телефон был на обычном месте, поставленный рукой доктора Гринсона.

Все, казалось, в порядке. Миссис Меррей заканчивала прибираться на кухне, она даже постирала белье. Все же что-то беспокоило Клеммонса. «Хотя это ни о чем не свидетельствует, — говорит он, — но я уходил с тревожным чувством, словно было что-то такое, чего я не понимал».

Примечания

1. Игра слов «Sybil» и «sibling», где второе в переводе с англ. значит родной брат или сестра.

Глава 44

Около пяти часов утра в воскресенье 5 августа молодой репортер по имени Джо Рамирес сообщил миру сенсационную новость. Умирал великий актер Чарльз Лоутон, и Рамирес попросил поставить его в известность тотчас, как это случится. Когда же раздался звонок, он узнал, что умерла Мэрилин Монро. Рамирес, работавший на мелкое агентство, называемое «Сити Ньюз», помчался в свой офис и немедленно передал новость по телеграфу.

Попасть в воскресные газеты это известие не успело, но, переданное по радио, заставило содрогнуться слушателей всего мира. Редакторы отделов новостей обрывали телефоны, пытаясь узнать подробности.

Тем временем на другом конце киногорода репортер Джо Хаймс вытащил из постели фотографа Билла Вудфилда. Оба они знали Мэрилин, и Вудфилд однажды вел с нею переговоры о публикации фото, где она снята в обнаженном виде. Хаймс, известный репортер из нью-йоркской газеты «Геральд Трибьюн», всего несколько недель назад случайно встретив Мэрилин в магазине, напечатал об актрисе свой материал. Хаймс и Вудфилд влезли в черный «Мерседес», принадлежавший когда-то Хэмфри Богарту, и в предрассветных сумерках помчались к дому Мэрилин.

Обозреватель из «Ассошиейтед Пресс» Джеймс Бейкон, любовник Мэрилин-старлетки, о смерти кинозвезды узнал от приятеля, приемник которого был настроен на частоту полицейской радиосвязи. Он тоже выехал на место происшествия. К этому времени у дома в Брентвуде уже стояли два полицейских автомобиля. На улице толпились одетые в ночные пижамы и халаты соседи. «Я применил старый прием, — рассказывает Бейкон. — Подошел к полицейскому и сказал, что я из офиса коронера1, таким образом мне удалось проникнуть в дом. Там я пробыл совсем недолго — ровно столько, чтобы увидеть ее лежащей на кровати... Я обратил внимание, что ногти ее выглядели неопрятно. Через несколько минут появился настоящий коронер со своей командой, и мне пришлось немедленно уйти».

Человек из офиса коронера сразу, как и доктор Гринсон,

понял, что Мэрилин была мертва уже «несколько часов». Началось трупное окоченение, и «потребовалось пять минут, чтобы распрямить ее... Она лежала не совсем прямо, а в каком-то полусогнутом положении. Знаете, от всех этих обработок волосы ее были в ужасном состоянии, совершенно испорчены. Она выглядела так, что совсем не была похожа на Мэрилин Монро. Она напоминала умершую бедную маленькую девочку: без грима, всклоченные, неприбранные волосы, усталое тело. В той или иной степени мы все приходим к этому...».

Люди из команды коронера вынесли из дома накрытое голубой простыней тело Мэрилин и увезли в видавшем виды фургоне в морг Вествуд-Виллидж, находящийся рядом с кладбищем, где покоится ее бабка по материнской линии. Останки самой знаменитой в мире кинозвезды на некоторое время поместили в чулан, заставленный щетками, тряпками и бутылками. Часа через два тело перевезли в камеру номер 33 окружного морга в здании суда Лос-Анджелеса. Мэрилин стала частичкой статистической отчетности — делом, заведенным коронером под номером 81128.

В тот день в морг проникли два фотографа. Одним был Бад Грей из «Геральд-Экземинер». Он фотографировал завернутый в саван труп, а в это время его коллега, чтобы заглушить щелчок затвора камеры, щелкнул зажигалкой. Вторым был вольный фотограф Ли Уинер, пославший свои снимки в журнал «Лайф». Он пришел в морг, держа в одной руке чемодан с фотокамерой, а в другой бутылку виски. Согласившись пропустить стаканчик, один из служащих открыл обитую нержавеющей сталью дверь камеры и выдвинул полку с останками Мэрилин Монро. Уинер сделал снимки накрытого и раскрытого тела. На одной из опубликованных фотографий видна идентификационная бирка, прикрепленная к большому пальцу актрисы. Знаменитое тело фоторепортеры снимали в последний раз.

Тем временем пресса разыскивала ее близких. Мужья по поводу смерти Мэрилин распространяться не стали. Находившийся в тот момент на дежурстве Джеймс Дахерти узнал о случившемся по полицейской рации. Он только и сумел произнести: «Мне жаль». Артур Миллер, несмотря на свою славу мастера слова, вообще едва был в состоянии говорить. По словам одного из членов его семьи, он как будто сказал: «Это должно было случиться. Не знаю, когда и как, но это было неизбежно». Миллер заявил, что на похороны не пойдет, потому что «там ее

все равно уже нет».

За день до трагедии Ди Маджо участвовал в показательной игре в Сан-Франциско, а потом в клубе «Бимбо» встречался с приятелями. Печальную новость он услышал рано утром, возможно, ее сообщил ему один из друзей Фрэнка Синатры. Первым же рейсом он вылетел в Лос-Анджелес, связался с сыном, Джо-младшим, который был в Кэмп-Пендлтон, и вскоре с двумя близкими друзьями скрылся за дверью люкса номер 1035 отеля «Мирамор», находившегося неподалеку от дома Мэрилин.

Ди Маджо без излишней шумихи сделал единственное, что и следовало сделать в той обстановке. Ведь тело Мэрилин на какое-то время оказалось невостребованным. Мать ее была недееспособной и содержалась в интернате, и сводная сестра Мэрилин согласилась, чтобы Ди Маджо взял похороны на себя. Он настоял на том, чтобы эта церемония проходила скромно и при закрытых дверях. Прессе Ди Маджо ничего не сообщал. В частной беседе его приятель Гарри Холл сказал, что великий бейсболист сидел, запершись в комнате, и плакал. Рядом на столе лежал ворох нераспечатанных телеграмм. Если все же он начинал говорить, то метал громы и молнии в Синатру, его окружение и братьев Кеннеди. «Виновным в ее смерти он считал Бобби Кеннеди, — вспоминает Холл. — Об этом он сказал прямо там, в "Мираморе"».

Между приступами рыданий Паула Страсберг говорила, что Мэрилин «обладала качеством, которого не было ни у одной актрисы мира». Она с жаром добавляла: «Мэрилин была совершенно беспечной». Ее дочь Сьюзен позже о том же сказала метафорически: «Железная бабочка — так называли ее некоторые люди. Бабочки красивы, они доставляют большую радость и очень мало живут».

Милтон и Эми Грин узнали о случившемся по телефону, когда находились в Париже. Особенно их потряс тот факт, что у Эми были дурные предчувствия. Она все боялась, что с Мэрилин стряслась ка-кая-то беда, и перед отъездом из Нью-Йорка заставила мужа позвонить ей. Мэрилин ответила, что с ней все в порядке, и они посмеялись.

Проводился опрос режиссеров, боссов и звезд. Билли Уайлдер, выйдя из самолета в Париже, еще не слышал о трагедии. В этот момент его спросили, что он думает о Мэрилин.

«Я сказал то, что обычно говорил, может быть, с какими-то вариациями, — с грустью вспоминает Уайлдер. — Потом из окна такси по дороге в отель я вдруг увидел плакаты. А эти ублюдки мне ничего не сказали...»

Позже Уайлдер, как и Джон Хьюстон, отдаст должное актерскому дарованию Мэрилин. Во время съемок «Неприкаянных», припомнил Хьюстон, Мэрилин выразила опасение, что «пройдет всего несколько лет, и она умрет или попадет в лечебное заведение». Джошуа Логан заявил, что Мэрилин «одна из наиболее неоцененных личностей мира».

Даррил Занук, президент киностудии «XX век—Фокс», человек, которому потребовалось много времени, чтобы оценить Мэрилин по достоинству, был щедр на похвалы. «Никто не открывал ее, — сказал он, — к звездной вершине она пробивалась сама».

Сэр Лоренс Оливье считал: «Человеческое мнение — ужасно непостоянная подпитка для жизни, а ее эксплуатировали сверх всякой меры».

«Новость я услышала по радио в семь утра, — сказала вдова киноактера Кларка Гейбла Кей, — я пошла на обедню и помолилась за нее».

Семья Гринсонов была в трауре. Доктор Гринсон позвонил домашним прямо из дома Мэрилин. Вернулся он совершенно без сил и все время повторял, что, по его мнению, это был несчастный случай. Много позже, все еще чувствуя себя виноватым, он скажет: «Это было несчастное создание, которому я пытался помочь, но сделал еще хуже». Сразу после случившегося он встретил Джо Ди Маджо — и один утешал другого.

Фрэнк Синатра сказал, что был «глубоко опечален... Мне будет очень не хватать ее». Его слуга, Джордж Джекобс, вспоминал: «Тот август выдался тяжелым. Происходили странные вещи. После смерти Мэрилин Фрэнк несколько недель был очень расстроен. Он позвал меня и сказал: «Давай уедем отсюда», — и мы уехали в Палм-Спрингс».

Пэт Ньюком, приехавшая в дом Мэрилин рано утром, уезжая, закатила сцену. «Продолжайте снимать, стервятники!» —

крикнула пресс-агент, обращаясь к фотографам. Вспоминают, что тогда она якобы сказала: «Когда ваш лучший друг наложит на себя руки, как себя будете чувствовать вы?» Сейчас, правда, она отрицает, что говорила нечто подобное. Противореча фактам, которые известны нам сегодня, Пэт Ньюком заявила, что Мэрилин «чувствовала себя великолепно» и накануне вечером была в хорошем настроении.

Для публики Питер Лоуфорд сказал: «Пэт [Кеннеди] и я очень любили ее. Она, похоже, была одной из самых замечательных личностей, которых я когда-либо знал. Все, что я мог бы добавить, будет повторением сказанного».

Разговаривая с приятелем по телефону в то утро, Лоуфорд не сказал ничего вразумительного. В своем особняке он нашел сандалии Мэрилин и приказал своему лакею покрыть их бронзой. Он забрел в дом соседки, Шерри Хаузер, «в состоянии полной растерянности, опустошенности и в слезах. Он все время повторял, что был последним человеком, кто разговаривал с ней». Это, может быть, и является сердцевиной тайны, которая окружает смерть Мэрилин Монро.

В тот день биограф Мэрилин, Морис Золотов, в компании политиков находился на одном приеме в Нью-Йорке. Некоторые из присутствовавших там были близки к клану Кеннеди. Уже тогда, вспоминает Золотов, имя Роберта Кеннеди упоминалось в связи со смертью Мэрилин.

На Восточном побережье был полдень. В имении Кеннеди в Гайаннис порт престарелый Джозеф, поправлявшийся после постигшего его удара, выполнял оздоровительные упражнения в плавательном бассейне. Рядом находились домашние и люди из ближайшего окружения. В воде с ним был его старый водитель и преданный слуга, Фрэнк Зондерс. «И тут подошла его племянница Энн Гарген и сказала, что умерла Мэрилин Монро, — вспоминает Зондерс. — Старик начал повторять: «Нет .... нет...», — и мы покинули бассейн. Воцарилась странная тишина. Какая удивительная реакция, подумал я, и это глубоко врезалось в мою память. Много лет спустя, когда поползли слухи о Мэрилин Монро и Джоне Кеннеди, а потом и Роберте Кеннеди, я вспомнил о той тишине, воцарившейся в тот августовский день. Было похоже на поминки, на которых не было покойного...»

Тем временем в Калифорнии на ранчо Бейтса, к югу от Сан-

Франциско, Роберт Кеннеди с утра отправился в церковь. Потом он отдыхал с хозяевами дома, они катались верхом на лошадях, играли в футбол. Джон Бейтс рассказывает, что имя Мэрилин Монро с тех пор, как министр юстиции в пятницу прибыл на ранчо, упоминалось несколько раз, но это в связи с ее проблемами в целом. «Мы все знали, — добавляет он, — о ее знакомстве с Джеком».

Бейтс полагает, что известие о смерти Мэрилин пришло только в воскресенье вечером, когда группа вернулась в город. На вопрос, как отнесся Кеннеди к этому сообщению, проявил ли какие чувства, Бейтс ответил: «Нет. Очень спокойно воспринял...» «Как если бы это была очередная голливудская трагедия?» «Именно так. Тема обсуждалась, — говорит Бейтс, — с праздным любопытством».

В понедельник Роберт Кеннеди выступал на встрече с представителями Ассоциации американских адвокатов. Потом, перед тем как отправиться на ранчо, к семье, он в приватном порядке пообедал с директором ЦРУ.

В Вашингтоне президент Кеннеди сделал специальное заявление. Он обратился к конгрессу с предложением в законодательном порядке усилить контроль над употреблением сильнодействующих лекарственных средств.

* * *

В воскресенье рано утром в Лос-Анджелесе молодой помощник судебного медицинского эксперта доктор Томас Ногучи отметил в журнале свой приход на работу. На письменном столе он нашел записку от шефа, коронера Теодора Курфи, в которой тот просил его произвести вскрытие тела Мэрилин Монро. Наблюдателем от окружного прокурора на аутопсии был его помощник, опытный судебный медик, Джон Майнер.

Возглавлял следственный отдел Лос-Анджелесской полиции Тэд Брайн, про которого говорили, что он способен работать круглые сутки. Когда он все-таки хотел отдохнуть, то уезжал в укромное местечко в Малибу, где у него был трейлер без телефона. В то воскресное утро к нему примчался на мотоцикле полицейский со срочным сообщением. Умерла Мэрилин Монро, и в связи с этим возникли определенные проблемы. Не мог ли

начальник следственного отдела немедленно приехать в главное полицейское управление?

Проведение следствия возлагалось на начальника полиции Уильяма Паркера, всеми уважаемого офицера. Своими служебными заботами он часто делился с женой Хелен. Она вспоминает, что «он хотел, чтобы этому делу следователи уделили особое внимание, поэтому послал туда лучших специалистов, включая и следователей из центрального отделения полиции. Вызвано это было бесконечными толками о близости актрисы с Джоном и Робертом Кеннеди. А мистер Паркер восхищался Робертом, считал его очень умным и думал, что из него мог бы получиться президент лучше, чем из Джона».

«Мне кажется, что Роберт и Джон Кеннеди по вероисповеданию были католиками, — говорит вдова начальника полиции, — и мистер Паркер тоже был католиком. И, может быть, он полагал, что республиканцы могут воспользоваться тем, что произошло. В связи с чем он сказал: «Во всем нужно тщательно разобраться». Мистер Паркер был очень, очень строг, и там, где было нужно, он мог поднажать, лишь бы докопаться до сути дела. Он говорил: "Не жалейте никого"».

О шефе Паркере и сегодня вспоминают как о человеке твердых правил и кристальной честности. Однако через несколько недель, когда его жена спросила, как обстоят дела с расследованием смерти Монро, Паркер ответил завуалированно, что было ему не свойственно. «Похоже, дело состояло из одних вопросов, — вспоминает Хелен Паркер. — Помнится, он делал вот что», — и она пальцем нарисовала в воздухе вопросительный знак.

Было проведено два расследования — коронера, пестревшее ошибками, и полицейское, — оказавшиеся под семью замками.

Примечания

1. Следователь, производящий дознание в случае насильственной или скоропостижной смерти.

Глава 45

5 августа в 10.30 утра, спустя шесть часов после первого официального уведомления о смерти Мэрилин Монро, ее широко разрекламированное, выше всех прочих на земле ценимое тело,

накрытое полиэтиленом, лежало в длинной комнате без окон под залом суда в Лос-Анджелесе. Эдди Дей, помогавший при вскрытии, приготовил Мэрилин к проведению аутопсии на столе номер 1 с крышкой из нержавеющей стали, оборудованном водопроводными шлангами и канализационной системой, а также весами для взвешивания человеческих органов.

С этого дня фигура доктора Ногучи — хирурга, проводившего вскрытие — вызывала противоречивое к себе отношение. Поначалу он вознесся до поста главного судебно-медицинского эксперта, но недавно был смещен с этой должности за злоупотребление служебным положением и использование в корыстных целях сенсационных сообщений о смерти знаменитостей. С выдвинутым против него обвинением он продолжает сражаться и по сей день, а коллеги, несмотря на бурю протеста, избрали его председателем правления Национальной ассоциации судебно-медицинских экспертов.

Среди клиентов Ногучи были такие знаменитости как: Шарон Тейт, Уильям Холден, Натали Вуд и Джон Белуши. В 1968 году он зондировал пробитую голову сенатора Роберта Кеннеди.

Ногучи и Джон Майнер, наблюдатель из окружной прокуратуры, находились под глубоким впечатлением, когда тело Мэрилин Монро снова было накрыто простыней. Майнер говорит: «Том и я видели тысячи тел, но мы оба были очень тронуты, мы испытывали чувство искренней печали, нам все время казалось, что эта молодая женщина в любую минуту может подняться и слезть со стола».

Над Мэрилин Монро Ногучи трудился несколько часов. Его скальпель кромсал тело, воспетое многочисленными фотографиями, его хирургическая пила вскрыла череп, чтобы вынуть мозг, заставлявший миллионы зрителей испытывать волнение чувств и смеяться. Из его записей мы узнаем, что Мэрилин была «36-летней женщиной, белой расы, нормального телосложения, нормальной упитанности, весом 117 фунтов и ростом 65,5 дюймов. Волосы на голове светлые, обесцвеченные. Глаза голубые». Мы узнаем о шрамах, оставленных после аппендэктомии и операции на желчном пузыре, невидимых на фотографиях благодаря высокому мастерству фотографов. Мы узнаем, что, несмотря на известную эксцентричность, живая Монро была в довольно приличной форме.

Когда Мэрилин увезли, от ее красоты не осталось и следа. На единственном из уцелевших посмертных снимков, обнаруженном в полицейских делах, у Мэрилин одутловатое, раздувшееся лицо, слипшиеся волосы прямыми прядями свисают с края стола. Во время удаления мозга были повреждены лицевые мышцы. Останки после того, как работа судмедэкспертов была закончена, промыли водой.

С медицинской точки зрения Ногучи, выполнявший вскрытие, объяснения причины смерти Мэрилин Монро не нашел. Кроме пары синяков, которые могли быть получены при ударах о предметы, других признаков физического насилия обнаружено не было. Зная о найденных на прикроватном столике пустых пузырьках из-под таблеток, Ногучи полагал, что ответ на главный вопрос мог дать токсиколог — специалист по отравлениям.

Рано утром в понедельник, когда транспорт Лос-Анджелеса еще развозил пассажиров на работу, главный токсиколог Ральф Абернети ломал голову над образцами, ожидавшими его в лаборатории. Тут были упаковки для таблеток, — в том числе пустой пузырек из-под нембутала, — пробирки с кровью и мочой, пробы содержимого желудка и кишечника Мэрилин, а также кусочки печени и почек. Доктор Ногучи просил провести тест на наличие алкоголя и барбитуратов.

Через несколько часов Ногучи знал, что в 100 миллиграммах крови Мэрилин содержалось 4,5 миллиграмма барбитуратов, а алкоголя не было вообще. За несколько часов до кончины она не выпила ни капли своего любимого вина — шампанского. А ведь по общепризнанной версии, повторявшейся многие годы, Мэрилин умерла якобы от классического сочетания алкоголя с барбитуратами.

Но главным виновником трагедии оставались лекарственные препараты. Дальнейшие исследования показали наличие в печени пентобарбитала в количестве 13% мг и 8% хлоралгидрата в крови. Пентобарбитал является химическим веществом, входящим в состав снотворных пилюль нембутала, а хлоралгидрат относится к разряду наименее опасных транквилизаторов, обнаруженных в доме Мэрилин.

Патологоанатом из больницы Св. Варфоломея в Лондоне, доктор Кристофер Фостер, подчеркивает, что чрезвычайно трудно с точностью установить, какое количество лекарства было

выпито. Однако, по его подсчетам, Мэрилин приняла дозу нембутала, в десять раз превышавшую нормальную терапевтическую дозу. Уровень хлоралгидрата свидетельствует «о поразительном факте»: этого лекарства она приняла в двадцать раз больше, чем рекомендуется. А любое из этих двух лекарств в такой дозе может оказаться для человека фатальным. Понятно, что их сочетание способно убить наверняка.

10 августа, пять дней спустя после смерти Мэрилин, доктор Ногучи на основании аутопсии представил окончательное заключение о смерти, наступившей «в результате острого отравления барбитуратами, принятыми в избыточной дозе». В подзаголовке «тип смерти» он обвел «самоубийство», добавив от себя слово «вероятное». Этот вердикт коронер объявит прессе.

Однако ссылка на самоубийство убедила не всех. Больше всего возражений вызвало заключение Ногучи, что Мэрилин все это проглотила, или, как сформулировал коронер, «приняла сама».

Есть причины оспаривать вывод эксперта. Так, известно, что в подобных случаях в желудке обнаруживают следы пилюль — фрагменты желатиновых капсул, иногда нерастворившиеся таблетки. К тому же капсулы барбитуратов оставляют отчетливый след красителя. Еще известно, что у жертв передозировки перед смертью начинается рвота.

Скептики также отмечают, что в спальне Мэрилин не было стакана и не было воды, без которой она не смогла бы проглотить такое количество пилюль. Короче говоря, они считают, что смертельную дозу Мэрилин кто-то помог принять, иными словами — Мэрилин была убита.

Отсутствие стакана действительно кажется непонятным. Окружной прокурор в 1982 году пытался решить эту проблему, ссылаясь на опубликованную фотографию, на которой была запечатлена сцена смерти и где «якобы был виден сосуд для питья». На том снимке рядом с прикроватным столиком — объект, по форме напоминающий флягу.

В ванной Мэрилин, смежной со спальней, в ту ночь водопровод из-за ремонта не работал. Если она и ходила за водой в другую комнату, то миссис Меррей ее не заметила.

Хороший полицейский должен был сразу отметить, есть стакан или его нет. Однако ни в одном из трех полицейских рапортов об этом не говорится. Скудность данных вызывает путаницу. В акте, составленном на месте происшествия, сказано, что на прикроватном столике было обнаружено пятнадцать пузырьков из-под лекарств. В токсикологических рапортах упоминается только восемь.

Из сообщений прессы явствует, что дом Мэрилин официально был опечатан только в 8.30 утра. Распоряжаться имуществом актрисы было поручено опекунше ее матери Инес Мелсон. Войти в дом ей с мужем позволили на другой день. Она вспоминала, что прикроватный столик и тогда был завален медицинскими флаконами. «Пузырькам не было конца и края, — говорила мне Мелсон. — Там были снотворные таблетки, включая нембутал и секонал. Те, кто побывал здесь до нас, не убрали их».

Миссис Мелсон, думая только о репутации Мэрилин, уничтожила лекарства. «Все таблетки мы спустили в туалет, а пузырьки, кажется, я забрала с собой и выбросила, — вспоминала она. — Сколько раз после того, как я их уничтожила, я жалела, что не сохранила их». Но Мельсон тут не виновата. Виноваты те, кто своевременно не доставил все эти пузырьки коронеру.

Однако сомнения скептиков (если исключить халтурную работу полиции) были развеяны ведущими судебными патологами. При подготовке этой книги я консультировался с судебными экспертами из шести американских городов, двумя британскими патологами, двумя токсикологами и гастроэнтерологом. В ряде случаев специалисты даже не знали, что речь идет о Мэрилин Монро.

По частным вопросам специалисты были согласны с заключением, представленным окружному прокурору Лос-Анджелеса в 1982 году доктором Бойдом Стивенсом, главным судебно-медицинским экспертом Сан-Франциско.

Что касается отсутствия рвоты, то специалисты единодушно опровергли мнение, что при отравлений барбитуратами неизбежна рвота. Иногда так действительно бывает, но гораздо чаще, особенно в тех случаях, когда нембутал принимают на протяжении нескольких часов, люди просто спокойно засыпают.

Капсулы нембутала на самом деле содержат красящие

элементы, но препарат, в отличие от секонала, редко оставляет след. Окрашивание чаще зависит от капсулы, а не от нембутала. Следов никаких не остается, если капсулы перед употреблением были раскрыты, а их жидкое содержимое выпито. Порой Мэрилин так и поступала.

Если с этим все более или менее ясно, то мнения экспертов серьезно разошлись по вопросу, который как раз вызвал самые яростные споры скептиков. Речь идет об отсутствии остатков капсул в желудке Мэрилин. Это указывает на то, утверждают скептики, что смертельную дозу она получила не внутрь, а каким-то иным путем — возможно, в инъекциях. Это, в свою очередь, свидетельствует об убийстве.

Доктора Стивенса, подготовившего для окружной прокуратуры в 1982 году заключение, отсутствие следов капсул не волновало. Это, как указывает он, снова дело случая: бывает и «так и эдак». Часто остатки капсулы обнаруживают в желудке, но это зависит от разных обстоятельств: когда человек последний раз ел или пил и сколько; зависит от индивидуального обмена веществ, от того, регулярно ли человек принимал этот препарат и имел ли к нему высокую толерантность; принималось ли средство одноразово или на протяжении нескольких часов.

Что до Мэрилин, то сведения о приеме пищи противоречивы. Юнис Меррей говорит, что Мэрилин в течение дня ничего не ела, в то время как Пэт Ньюком вспоминает, что за обедом они съели по гамбургеру. Но в любом случае к вечеру ее желудок должен был быть практически пуст и готов к быстрому всасыванию барбитуратов. После многолетнего употребления снотворного у Мэрилин наверняка развилась высокая толерантность к барбитуратам. Друзья вспоминают, что она глотала их лошадиными дозами, не добиваясь сколько-нибудь серьезного эффекта.

Ни один из врачей, с кем я консультировался, не мог с точностью назвать число принятых капсул. Доктор Ногучи считал, что цифра колебалась между тридцатью и сорока. Другие полагали, что их могло быть от пятнадцати до сорока.

На пресс-конференции в 1962 году лос-анджелесский коронер Курфи высказал мнение, что Мэрилин большую дозу снотворного приняла «в течение короткого времени». При этом он якобы сказал, что пилюли она проглотила «одним залпом, скажем, за

несколько секунд».

Сегодня ни один из медиков, с кем удалось поговорить, включая и доктора Ногучи, с этим положением не согласен. Всасывание вещества печенью, как это было у Мэрилин, означает, что процесс продолжался определенное время. Анализ печени свидетельствует о том, что какую-то дозу лекарственного препарата Мэрилин приняла за несколько часов до смерти.

Доктор Кейт Симпсон, заслуженный профессор судебной медицины из Лондонского университета и старший патолог министерства внутренних дел, был при правительстве Англии главным судебно-медицинским экспертом. В 1985 году, незадолго до собственной кончины, он по моей просьбе тщательным образом ознакомился со всей доступной информацией, касавшейся смерти Мэрилин Монро. После чего вынес вердикт: «Если бы ту аутопсию проводил я, то не смог бы квалифицировать эту смерть как самоубийство посредством пищеварительного отравления. Содержание барбитуратов в крови и печени достаточно велико; на этом основании, исходя из своего врачебного опыта, должен сказать, что вероятность присутствия остатков капсул в желудке также велика. Однако ничего найдено не было».

Профессор Симпсон говорил: «Нужно было исследовать весь пищеварительный тракт: двенадцатиперстную кишку и другие отделы кишечника. При исследовании тех органов, вероятно, были бы обнаружены хотя бы крошечные остатки капсул, если отравление наступило в результате передозировки при внутреннем приеме нембутала».

В Лос-Анджелесе доктор Ногучи удрученно заметил, что такое исследование не проводилось. Частицы соответствующих органов он отправил в лабораторию, но нужной экспертизе они не подверглись. Тесты не проводились, полагает Ногучи, по той причине, что токсикологи решили, что высокое содержание барбитуратов в крови и печени само по себе объясняет причину смерти.

Ногучи говорит, что потом он попытался настоять на проведении анализа проб. «По некоторым причинам я чувствовал себя некомфортно, — говорит он, — и вскоре после того, как дело официально было закрыто, я позвонил в отдел токсикологии и попросил провести анализ... Абернети сказал, что кусочки

органов уничтожены».

Факт уничтожения медицинских вещественных доказательств токсиколог Абернети прокомментировать отказался. Бывший помощник окружного прокурора Джон Майнер, присутствовавший на вскрытии, говорит, что слайды, сделанные для экспертизы, подлежали сохранению. Однако в 1984 году все усилия разыскать их не увенчались успехом. Также не осталось ни одной судебно-медицинской фотографии, хотя сделано их было довольно много.

Доктор Ногучи очень сожалеет, что в свое время не потребовал проведения анализа ткани кишечника. «Я должен был настоять на исследовании всех органов, — сокрушается он. — Но я не поступил так, как следовало бы. Поскольку я был ниже по чину, то не считал себя вправе бросать вызов руководству департамента в связи с процедурой проведения экспертизы...»

При более полном исследовании кишечника, возможно, и были бы найдены остатки капсул, не обнаруженные в желудке, а это исключило бы будущие противоречия и подозрение в убийстве.

Могла ли Мэрилин получить смертельную дозу барбитуратов посредством инъекции? Большинство опрошенных медиков утверждают, что поступление препарата непосредственно в кровеносное русло при внутривенном, внутримышечном или подкожном введении привело бы к мгновенной смерти, а это противоречит имеющимся данным. Известно, что большое количество барбитуратов находилось в организме Мэрилин длительное время, так как началось их всасывание печенью. Все три эксперта, присутствовавшие на аутопсии, утверждают, что доктор Ногучи с помощью увеличительного стекла пытался найти следы от инъекции, осмотрев даже такие места, как вагина и подъязычная область, но ничего не нашел.

Существует, правда, еще один способ ввести смертельную дозу вещества. Препарат можно ввести в прямую кишку, или, выражаясь языком непрофессионалов, сделать клизму. Этот вариант прежде не рассматривался.

Джон Майнер, помощник окружного прокурора, адъюнкт-профессор, читавший лекции в медицинской школе Южно-Калифорнийского университета, присутствовал на аутопсии и

такую возможность не исключает.

Профессор Симпсон подытоживает: «Отсутствие остатков капсул при таком уровне барбитуратов в крови и печени вызывает у меня недоумение. Этому можно найти три объяснения. Первое: барбитураты Мэрилин принимала на протяжении всего дня, но доктор Гринсон, посетивший ее днем, признаков воздействия снотворного не отмечал. Принятый ранее нембутал мог сохраняться в крови от восьми до двенадцати часов. Потом она могла одноразово принять примерно пятнадцать пилюль, — не обязательно больше — и вкупе с имевшейся в организме принятая доза могла оказаться смертельной. Монро имела репутацию человека, злоупотреблявшего снотворным; возможно, в прошлом такие дозы не причиняли ей вреда. Она могла предположить, что и на этот раз с ней ничего не случится, забыв о кумулятивном эффекте пилюль, поступивших в организм раньше. В таком случае ее смерть можно было бы рассматривать не как самоубийство, а как трагическую ошибку».

Прежде чем перейти ко второму предположению профессора Симпсона, не мешало бы вспомнить о серии субботних телефонных звонков Мэрилин своей подруге Джин Кармен. Первый раз она позвонила ей рано утром и попросила приятельницу принести снотворное. Потом она повторила свою просьбу, затем еще раз звонила около 10 часов вечера, но Кармен уже не помнит, просила ли она опять снотворное.

Если Мэрилин просила принести ей таблетки, что бы это могло значить? Не старалась ли она запастись нужным количеством, чтобы совершить самоубийство? Проглотила ли она уже двадцать пять капсул, выписанных накануне? Не по этой ли причине, как свидетельствует зять Юнис Меррей, в субботу утром Мэрилин выглядела такой опустошенной? Ответов на эти вопросы нет, но они подводят нас к другому предположению профессора Симпсона. Его рассмотрение вызывает такие же печальные мысли, как и первое.

«Еще мне хотелось бы знать, — говорил профессор, — кроме таблеток, принятых внутрь, не было ли иного пути для дополнительной дозы. При расследовании надо бы серьезно обдумать и этот вариант. Смертельная доза, ставшая последней каплей, могла быть введена ректально. Сделать это можно было без особого труда при очистительной клизме».

Летальную дозу, указывал профессор Симпсон, мог ввести ей человек, не подозревавший о том, что за предыдущие часы в организме Мэрилин препараты достигли опасной концентрации. И снова ее смерть могла бы рассматриваться как несчастный случай, невольной причиной которого стало второе лицо.

Существует третье предположение, которое остается только предположением: что смертельную дозу ввели Мэрилин с заранее обдуманным намерением. В таком случае мы имеем дело с убийством.

* * *

На время забудем об имеющихся свидетельствах. По какой причине могли убить Мэрилин? Был ли у кого мотив для убийства? Существуют три версии.

Одни намекали на то, что Мэрилин слишком много знала, и она сама и ее дневник стали взрывоопасными, поэтому с ней покончили Кеннеди либо какие-то другие темные личности, действовавшие по их указке. Другие полагают, что Мэрилин, которую молва связывала с Кеннеди, убрали враги братьев; они рассчитывали на то, что смерть актрисы станет причиной скандала, который положит конец президентству. Какие враги, спросите вы?

В одной брошюре правого толка подмечено, что вокруг Мэрилин в основном вращались люди с левыми взглядами, на основании чего сделан вывод о заговоре против Мэрилин с целью защитить от скандала Роберта Кеннеди, которого правые считали оголтелым леваком.

Норман Мейлер в 1973 году в своей книге о Мэрилин всерьез рассматривал версию об убийстве. Он считал, что «у правого крыла ФБР или ЦРУ имелось более чем достаточно оснований устроить Бобби Кеннеди скандал».

Хэнк Мессик, маститый автор работ по организованной преступности, служивший раньше консультантом при нью-йоркском Совместном законодательном комитете по преступности, полагает, что мафия знала о связи Кеннеди с Мэрилин. Учитывая состояние Мэрилин, которая на озере Тахо впала в лекарственную кому, преступники решили воспользоваться мечущейся в поисках помощи актрисой и

заманить Роберта Кеннеди в западню.

Мессик указывает на тот факт, что мафиози в 1961 году уже применяли хлоралгидрат — вещество, обнаруженное в организме Мэрилин, — применяли с целью дискредитировать человека, занимавшего пост в местной администрации. Его опоили снотворным и уложили в постель с молодой женщиной, а потом сфотографировали. В случае с Мэрилин, утверждает Мессик, целью было вынудить Роберта Кеннеди прийти актрисе на помощь. Застигнутого в доме Мэрилин глубокой ночью Кеннеди можно было заставить смягчить меры, направленные против организованной преступности, либо скомпрометировать его как государственного деятеля.

Заговор не удался, говорит Мессик. Кеннеди, скрепя сердце, отказался проглотить наживку. К ее призывам он остался глух, и она умерла. Мессик уверяет, что его гипотеза строится на основании бесед с неназванными чиновниками из министерства юстиции с мафиози.

Те, кто с недоверием относится к версии об убийстве, ссылаются на то, что Мэрилин и раньше пыталась свести с жизнью счеты и продолжала губить себя. Вся ее прошлая жизнь — тому свидетельство. Это так. И все же сторонники версии об убийстве могут возразить, что нет более простого способа убить пилота, чем испортить его летательный аппарат. Не было более простого способа убрать Мэрилин, чем симулировать ее самоубийство.

Норман Мейлер писал: «Для любого, кто пожелал бы поставить Кеннеди в неловкое положение и, возможно, дать ход распространению слухов, которые к 1964 году погубили бы их, вернее всего было бы пойти на убийство Мэрилин и обставить дело таким образом, чтобы в первых сообщениях оно выглядело как самоубийство. Но самоубийство такое неправдоподобное, которое уже через неделю заставило бы все газеты намекать на убийство. Подобный маневр мог бы нанести Кеннеди непоправимый урон. А сплетни доделали бы свое черное дело. Кто при таких обстоятельствах поверит, что они не имели к этому никакого отношения? Даже преданные демократы — и те начнут сомневаться».

Но Мейлер с сожалением замечает, что написал все это, не проведя должного исследования. Таким образом он предпринял

попытку прослыть прозорливым писателем, за что подвергся справедливой критике. Теперь, когда исследования завершены, Мейлер не выглядит таким уж глупцом.

Если отбросить юридические формальности, то по большому счету неважно, была ли Мэрилин убита, наложила на себя руки или — такой вариант также не исключается — переоценила свою невосприимчивость к нембуталу. Ключом к разгадке событий, сопутствовавших ее кончине, является слово «скандал».

Уже говорилось о том, что распутство президента Кеннеди и осведомленность об этом мафии, безусловно, могли стать причиной его убийства в Далласе в ноябре 1963 года. Летом 1962 года любовные похождения братьев, в том числе близость с Мэрилин, поставили их под удар, сделали уязвимыми. Не имея весомых доказательств, как говорят юристы, нужно собирать свидетельства и раскладывать по полочкам, а потом сравнивать их вес. Для историка этот метод является вполне оправданным и законным.

Масса информации, собранной в этой книге, не оставляет сомнения в том, что братья Кеннеди впрямь не были равнодушны к слабому полу. Опасность крылась в том, — и тут есть доказательства — что враги не только знали об этом, наблюдали и подслушивали, но и ждали удобного момента для разоблачения их. Смерть Мэрилин, независимо от ее причины, и дала такую возможность.

Только по счастливой для Кеннеди случайности пресса в 1962 году не начала копаться в обстоятельствах кончины Мэрилин, оставив это занятие сплетникам правого толка с весьма ограниченной аудиторией. Хотя слово «случайность», вероятно, неточное. Обстоятельства кончины Мэрилин, к которым братья Кеннеди имели непосредственное отношение, засекречивались намеренно.

Глава 46

В первые недели после смерти Мэрилин хирурга-патолога Томаса Ногучи волновали не детали судебно-медицинской экспертизы, а другие проблемы. Сидя в кресле здания суда, он говорит, что им «безраздельно владело чувство, что расследовать дело не спешили и картина смерти изменена».

В 1962 году, до того как был создан институт следователей коронера, судебному эксперту для получения нужных доказательств приходилось пользоваться сведениями, собранными полицией. Ногучи говорит: «На основании того, что я видел, мне казалось, что полицейское управление скрывало факты. С этим я часто сталкивался в работе, особенно, если дело касалось кончины важных людей...» Факты подтверждают его предположение.

В то трагическое утро, перед тем как дом Мэрилин опечатали, опытные репортеры были свидетелями самого начала полицейского расследования, которое проводится во всех случаях неестественной смерти. «Была типичная полицейская сцена, — вспоминает Джеймс Бейкон из «Ассошиейтед Пресс», — фараоны что-то проверяли, ставили меловые отметки, проводили измерения и т. п.». Было сделано множество фотографий, как заметил в своем обзоре 1982 года окружной прокурор Лос-Анджелеса. По словам одного вышедшего в отставку офицера полиции, пожелавшего остаться неизвестным, снимались отпечатки пальцев. Джо Хайемс из нью-йоркской «Геральд Трибьюн» видел, как детективы накрывали спальню Мэрилин «большим полотном с целью сохранить вещественные доказательства».

Сперва казалось, что расследованием занимались детективы из отделения Западного Лос-Анджелеса, поскольку смерть произошла в их районе. Тем временем шеф полиции Паркер намеревался начать собственное расследование, о чем он говорил своей жене. Оно длилось несколько недель. Но официально об этом не объявлялось.

Возглавлявший следственный отдел Тэд Браун, отозванный в день смерти Мэрилин из отпуска, был человеком, который предпочитал беседовать со своими подчиненными, когда те вели расследование, и знать все подробности. «Делом Монро Тэд занимался лично, — вспоминает один из коллег Брауна, бывший инспектор Кеннет Мак-Каули. — К нему он проявлял особый интерес. Мальчикам приходилось много работать». Брат Брауна и его сын, сами бывшие полицейские, подтверждают это.

Канцелярскими делами шефа занимался адъютант Брауна, Пит Стендерап. «Тэд внимательно следил за ходом этого расследования, — вспоминает он. — Если кто-то из ребят хотел его видеть, я прилагал все усилия, чтобы они встретились. Я

следил за тем, чтобы он своевременно показал почту, все сообщения. Помнится, в день поступало от трех до восьми страниц текста, и это продолжалось на протяжении многих недель. Тут были офицерские докладные записки, которые мы называли «пятнадцать семерок». Они носили конфиденциальный характер и не относились к числу тех документов, которые можно было передать для рассмотрения в суд, — неофициальные суждения о происшедшем. В тех докладных имя Роберта Кеннеди упоминалось неоднократно...»

Сам Браун расследованием дела Монро не занимался. Круг его обязанностей ограничивался делами об убийствах. И, вероятно, из-за предварительных данных судебно-медицинской экспертизы люди его к этому делу отношения не имели. Оно было передано другой известной личности, капитану Джеймсу Гамильтону, возглавлявшему отдел разведки. Вел он его в обстановке полной секретности, не допуская к нему даже самых доверенных сотрудников.

Первый помощник Гамильтона, лейтенант Марион Филлипс, вспоминает: «Мы знали о расследовании, но нас к нему не допускали. Чертовски горячим оно представлялось. Им занимались капитан Гамильтон и шеф Паркер. Длилось оно довольно долго, потом дело легло на стол шефа».

Сегодня почти ничего не уцелело от того бумажного урагана, который обрушился на рабочие столы полицейских. В 1974 году, когда прокатилась новая волна интереса к давней трагедии, Кеннет Мак-Каули, получивший уже должность командира, затребовал дело Монро. Специальный сектор отдела по расследованию убийств информировал, что:

Отдел по расследованию грабежей и убийств подобными материалами не располагает. Следователи связались с отделением Западного Лос-Анджелеса, которое известило, что в их файлах криминальных сообщений, относящихся к смерти мисс Монро, не имеется.

В заключение говорилось, что отсутствие материалов — это простое следствие рутинной нормы, по которой документы уничтожаются каждые десять лет. Через год, под давлением прессы, голословно утверждавшей, что шеф Паркер, заискивая перед Кеннеди, прекратил расследование по делу Монро, шеф полиции предложил разведывательному отделу, занимавшемуся

борьбой с организованной преступностью, заново в этом разобраться. Оказалось, что в папках не было даже обычного рапорта, удостоверяющего факт смерти, то есть основного документа, составляемого во всех случаях неестественной смерти. Начался в какой-то степени унизительный поиск бумаг по всему городу.

Наконец нужный рапорт вместе с пачкой других документов был обнаружен в пригородном гараже. Шеф следственного отдела, Тэд Браун, не удовлетворенный результатом, на ранних этапах расследования изъял несколько документов. Теперь его сын передал их команде из разведывательного отдела. Те, в свою очередь, сравнили их и доставили в оперативный отдел.

В 1979 году капитан Финк из разведывательного отдела, шедший по следам дознания с 1975 года, получил официальную бумагу. В ней говорилось:

Папка с делом, приготовленным для шефа Гейтса, находится в архиве ОСС. В папке ОСС содержатся все документы плюс дополнительная информация и фотографии.

ОСС (отдел специальной службы) занимался такими делами, которые не являлись обычными. Раз полицейское управление находит затруднительным для себя следить за документами, представляется благоразумным записать, где в последний раз видели уцелевшую папку с материалами по делу Монро. Бесспорно, было бы интересно изучить дело в целом, а также прилагаемую «дополнительную информацию и фотографии», но полицейское управление не приветствует исследования по делу Монро.

Человеком; занимавшимся в 1975 году просмотром дела, был Дэррил Гейтс, тогдашний начальник оперативного отдела. В 1984 году, будучи шефом полиции, он отказался показать полицейское досье, заведенное в связи со смертью Мэрилин. Как он объяснил, дело «хранилось в секретной папке». Но позже, когда эта книга готовилась к печати, он все же показал документы, которые оказались только частью первоначального досье.

Лейтенант Марион Филлипс, бывший старший секретарь в полицейском разведывательном отделе, не знает, что случилось с подлинниками. В 1962 году ему сказали, что шеф Паркер «брал досье, чтобы показать кому-то в Вашингтоне. Больше о нем

ничего не слышали».

После смерти Паркера в 1966 году мэр Лос-Анджелеса Сэм Йорти, республиканец по политическим взглядам, обратился в полицейское управление и попросил прислать ему дело Монро. Он был наслышан о Кеннеди и хотел удовлетворить свое любопытство. На его запрос полиция ответила просто: «Его там нет...»

Было бы неверно думать, что в деле Монро шеф Паркер изменил своей традиционной кристальной честности. Из полученных данных можно было заключить, что дело к убийству отношения не имело, и по этой причине он передал папку с документами вышестоящему начальству, умыв таким образом руки. Вот, видимо, почему несколько недель спустя он на вопрос жены беспомощно развел руками и изобразил в воздухе вопросительный знак.

Расследованием смерти Мэрилин Монро занималось не только полицейское управление. В 1982 году после вспышки новой полемики лос-анджелесское правление наблюдателей обратилось к окружному прокурору с просьбой пересмотреть дело.

Первопричиной этого было публичное заявление бывшего помощника коронера Лайонела Грэндисона. Он сообщил, что в 1962 году, когда он работал при коронере, его силой вынудили подписать свидетельство о смерти Мэрилин Монро. Ввиду того, что он состоял на административной службе, правление наблюдателей сочло необходимым заняться этим заявлением.

Помощник окружного прокурора Рональд Кэррол проверил утверждения Грэндисона, а также некоторые другие аспекты дела. Грэндисон не вызвал у него доверия, более того, он усмотрел, что тот попал под влияние «красных», которые с годами набирали силу. После этого он заключил, что «на основании доступной информации дальнейшее расследование по факту смерти мисс Монро не требуется».

Однако запрос Кэррола выявил, что окружная прокуратура проявляла активный интерес к делу о смерти Монро. Помощник окружного прокурора, Джон Дикки, которому тогда было поручено заниматься расследованием, сегодня беседовать на эту тему отказывается. В частности, он не дает ответа» допрашивал

ли он Питера Лоуфорда или Роберта Кеннеди. В сохранившихся материалах сведений об этом не имеется.

Тем не менее в результате последних исследований выяснилось, что в 1962 году немало донесений было написано следователем окружной прокуратуры Фрэнком Хронеком, который, как нам уже известно, ранее вел наблюдения за Мэрилин и домом Лоуфордов. Сегодня в папках окружной прокуратуры рапортов Хронека нет.

По свидетельству его семьи, Хронек до самой своей смерти считал, что мафия имела прямое отношение к событиям, сопутствовавшим кончине Мэрилин Монро. Все это было связано и с увлечением актрисой братьями Кеннеди. В частности, он упоминал имена Сэма Джанканы и Джонни Розелли. Говорил следователь и о том, что на какой-то стадии в дело вмешалось Центральное разведывательное управление. Хронек подозревал, что Мэрилин умерла не своей смертью.

Другой бывший помощник окружного прокурора уверен, что в досье должен быть, по крайней мере, один документ. Речь идет о Джоне Майнере, присутствовавшем на вскрытии тела Мэрилин Монро. Он говорит, что доктор Курфи, занимавший в 1962 году должность коронера, попросил его побеседовать с доктором Гринсоном. Он полагает, выбор пал на него потому, что он сам учился в институте психиатрии и лично знал Гринсона.

По словам Майнера, с доктором Гринсоном он встретился в кабинете психиатра, когда после смерти Мэрилин не прошло и четырех часов. Доктор Гринсон очень переживал. Он понимал, что обязан отвечать, и полностью доверял своему знакомому, говорил искренне и свободно. Майнер, юрист, придерживающийся старомодных этических правил, достойных восхищения, но вызывающих порой раздражение, подробно рассказывать о той беседе не стал. Но и та отрывочная информация, которой он поделился, имеет ключевое значение.

Гринсон не только говорил сам об откровениях Мэрилин, но и позволил Майнеру прослушать сорокаминутную пленку с записью голоса Мэрилин. Эта запись была сделана не на терапевтическом сеансе (Гринсон не записывал своих пациентов), и голоса Гринсона на пленке не было. Должно быть, Мэрилин, купившая магнитофон за несколько недель до смерти, просто решила своими переживаниями поделиться с психиатром.

Майнер говорит, что впоследствии Гринсон уничтожил запись.

Из кабинета психиатра помощник окружного прокурора ушел в смятении. Из того, что он узнал, можно было заключить, что добровольный уход Мэрилин из жизни был «совершенно невероятен». «Кроме всего прочего, — говорит Майнер, — чувствовалось, что у нее были планы и надежды на ближайшее будущее». Но он не стал уточнять, связаны ли они как-то с одним из братьев Кеннеди.

На вопрос, не думал ли доктор Гринсон, что Мэрилин была убита, Майнер ответил: «Вот этого-то я и не могу сказать».

В августе 1962 года Майнер, будучи помощником окружного прокурора, должен был представить рапорт о беседе с доктором Гринсоном. Вместо этого он написал донесение, суть которого, насколько он помнил, сводилась к следующему:

По вашей просьбе я виделся с доктором Гринсоном и беседовал с ним по поводу смерти Мэрилин Монро. На эту тему мы проговорили несколько часов. На основании сказанного доктором Гринсоном и прослушанной магнитофонной записи могу сказать определенно, что это было не самоубийство.

Свое сообщение он отправил коронеру Курфи, а копию его — старшему помощнику окружного прокурора Мэнли Боулеру. Ответа он ждал с некоторой тревогой. Он полагал, что, учитывая имеющиеся свидетельства, окружной прокурор должен созвать комиссию, куда он будет приглашен для дачи показаний. Сейчас Майнер говорит: «Но из этических соображений я бы отказался и мог бы за проявление неуважения к суду быть привлечен к ответственности».

Но волновался Майнер напрасно. Его докладная осталась без ответа, и неизвестно, где она сейчас находится. На вопрос, почему не было никакой реакции, Майнер пожимает плечами. Теперь, занимаясь частной юридической практикой, он говорит: «Знаете, Боулер, мой босс был настоящим бюрократом. Он видел рапорт коронера — но к чему раскачивать лодку? Так обычно и бывает».

Сначала в 1962 году чиновники действовали как положено. В течение тридцати шести часов после смерти Мэрилин Монро «всю доступную информацию» коронер Курфи велел передать в Центр

профилактики самоубийств Лос-Анджелеса. На другой день основатель Центра, доктор Норм Фарберов, сказал: «Мы опрашиваем всех и каждого. Мы разузнаем всю подноготную, насколько это будет нужно». Двумя днями позже, пока он утверждал, что его полномочия допрашивать всех и каждого не имеют границ, в «Лос-Анджелес Таймс» появилось сообщение: «ВОЗМОЖНОСТИ СЛЕДСТВИЯ ТУМАННЫ». На другой день в Нью-Йорке «Геральд Трибьюн» дала следующий заголовок: «ЧТО УБИЛО МЭРИЛИН МОНРО? РАССЛЕДОВАНИЕ УГЛУБЛЯЕТСЯ».

Вдруг следствие прекращается. 12 августа, ровно через неделю после смерти Мэрилин Монро, газеты Сан-Франциско и Нью-Йорка печатают такие заголовки: «ЗАГАДОЧНЫЕ «ДАВЛЕНИЯ» В ДЕЛЕ РАССЛЕДОВАНИЯ СМЕРТИ МЭРИЛИН». Флорабел Мьюир, опытный репортер, писавшая на криминальные темы, отмечала, что «на полицию Лос-Анджелеса оказывается непонятное давление... о чем сегодня вечером сообщили источники, близкие к полицейским кругам... Упомянутые давления имеют загадочное происхождение. Но явно исходят от лиц, тесно общавшихся с Мэрилин на протяжении последних недель ее жизни».

Еще через пять дней коронер Курфи закрыл дело. Выслушать вердикт о «вероятном самоубийстве», вынесенный коронером и бригадой из Центра предотвращения самоубийств, пришло семьдесят представителей прессы. Много было сказано о пилюлях и прошлом актрисы, о предположительном часе смерти. Газетчики ушли удовлетворенными, на этом все и кончилось.

Доктор Гринсон, борясь с этическими соображениями, пытался рассказать правду. Когда власти обратились к нему, он помог им в установлении истины, но это ничего не изменило. Теперь он стал мишенью для злобных сплетен. Два года спустя, остановленный на ходу одним из репортеров, он сказал: «Я не могу ни объясниться, ни защитить себя, не назвав тех фактов, о которых не вправе говорить. Положение, в котором я оказался, когда не можешь говорить, ужасно. Просто я не могу рассказать всей истории».

Глава 47

Ключом ко «всей истории» мог оказаться молчаливый свидетель, зажатый в окоченевших пальцах Мэрилин, обнаруженный доктором Гринсоном в тот момент, когда он

увидел ее мертвой, — телефон. Это был драматический момент, и пресса охотно ухватилась за него. Вопросом этим до внезапного прекращения следствия интересовалась и команда из Центра по профилактике самоубийств.

Командир отряда доктор Фарберов хотел спросить Гринсона, что услышал он в трубке, прежде чем повесить ее, гудок или тишину, признак прерванного разговора. Умерла ли Мэрилин, разговаривая с кем-то, и с кем именно? На второй день газеты запестрели крупными заголовками: «Загадочный телефонный звонок». В центре внимания на некоторое время оказалась Юнис Меррей.

В интервью прессе Меррей сказала, что «когда той ночью ложилась спать и увидела в спальне Мэрилин свет, то подумала, что та, должно быть, кому-то звонит».

На другой день в утренних радиосообщениях были процитированы слова миссис Меррей, которая якобы сказала, что «видела свет, пробивавшийся из-под двери спальни мисс Монро». Каким образом Меррей могла узнать о том, что свет горит, когда она сама уверяла, что ворс нового ковра закрывал щель, не пропуская свет? Это был спорный момент. Чтобы увидеть свет, ей нужно было выйти во двор и заглянуть в окно.

Сейчас Меррей утверждает, что внимание ее привлек не свет, а телефонный провод, змеившийся по коридору и уходивший под дверь спальни. Независимо от того, что именно она увидела, телефон стал основной темой сообщений.

Говорят, что Меррей о телефонном звонке как будто сказала: «Не помню, сколько было времени и кто именно ей звонил, но Мэрилин после разговора казалась встревоженной...» Откуда Меррей могла знать, что звонок встревожил Мэрилин, если она утверждает, что видела ее последний раз около восьми часов? Это еще один темный момент во всей истории. Сегодня Меррей говорит, что ни о каком звонке вообще не помнит.

Когда газеты запестрели заголовками «ПОИСК ТАИНСТВЕННОГО ДРУГА», на первый план выдвинулся один из друзей Мэрилин. Зять Кеннеди, Питер Лоуфорд, через своего агента Милта Эббинса сделал заявление: «Примерно в 7.00 вечера, — сказал Эббинс, — Лоуфорд позвонил ей, чтобы пригласить вместе с подругой Пэт Ньюком на скромный ужин,

который давал в своем доме». По его словам, мисс Монро ответила, что хотела бы прийти, но устала и собирается лечь спать пораньше. В личной беседе Лоуфорд сказал: «Ничего странного в Мэрилин не чувствовалось. Судя по голосу, она была в порядке».

Неизвестно, насколько правдивы слова Лоуфорда, тем более что позднее он говорил иначе. В любом случае, это не был «конец загадки», как заявила одна газета. Если он позвонил в семь, тогда чей звонок, раздавшийся значительно позже, «взволновал» Мэрилин в тот вечер?

В 1962 году власти успешно замяли дальнейшие обсуждения темы телефона. «Не было никакого загадочного звонка», — сказал один из членов команды по профилактике самоубийств во время заключительной пресс-конференции коронера. Со своей стороны полиция также объявила, что Мэрилин «перед ее кончиной никто по телефону не звонил». Сержант Байрон, детектив, начавший осмотр ее дома, сказал без обиняков, что Лоуфорд был последним, кто звонил Мэрилин.

Этот вывод, сделанный как будто «после тщательного расследования», свидетельствует о сверхъестественной следопытской способности: тогда не было способа узнать, какие звонки были на тот или иной номер. Телефонная компания для предъявления счета регистрировала только исходящие звонки. Телефонные разговоры Мэрилин представляли собой потенциально важную информацию. Полиция в первое же утро не преминула проверить их. К этому можно добавить еще кое-какие тревожные сведения.

Среди уцелевших документов полицейского досье есть один рапорт, написанный в день смерти Мэрилин. В нем сержант Байрон, опираясь на подсказку своего босса, лейтенанта Армстронга, сообщает:

Телефон мисс Монро, GR6-1890, был проверен, никаких платных (междугородных) звонков за интересующий период времени сделано не было. Номер телефона 472-4830 в настоящее время проверяется.

После обстоятельных бесед с работниками «Дженерал Телефоун», компании, предоставлявшей телефонные услуги Мэрилин, стало ясно, что тот рапорт был полной бессмыслицей. В

1962 году междугородные звонки фиксировались от руки на специальных картонках телефонистом, отвечавшим на вызов на местной телефонной станции и соединявшим звонившего с абонентом. Их складывали в ящики и забирали в полночь семь раз в неделю, после чего доставляли в управление компании. А вызовы с помощью набора диска записывались на желтую бобину и тоже поступали в управление компании. Утром в первую очередь сортировались платные (междугородные) звонки, затем на неделю, а то и больше, они исчезали в бухгалтерии.

«Получить данные теоретически было можно только в короткую пору временного затишья рано утром, — говорит бывший охранник компании. — После этого в течение нескольких дней отыскать их было невозможно, даже если бы сам Дж. Эдгар Гувер потребовал найти их. При соблюдении тех формальностей, которые тогда были у нас, никакой простой полицейский не мог получить сведения о звонках Мэрилин раньше, чем через две недели после ее смерти».

Сержант Байрон отказывается комментировать что-либо, касающееся дела Монро. Как полагают чиновники телефонной компании, его «проверка» одного из телефонных номеров Мэрилин свелась к заявлению отдела охраны, что единственными доступными на тот момент сведениями был соответствующий счет Мэрилин, составленный, вероятно, еще до конца июля, то есть за четыре дня до фатальной ночи.

В то время был порядок, при котором запрос о полицейской проверке в телефонную компанию подписывался самим шефом полиции. Потом, когда бухгалтерская работа с карточками завершалась, офицер мог прийти в телефонную компанию и сделать выписки. Сохранившийся перечень телефонных звонков Мэрилин отражает эту процедуру. Выписки были сделаны две недели спустя после смерти Мэрилин. Они сами по себе тоже дают любопытную информацию.

Составленный для оплаты счета список телефонных вызовов, сделанных Мэрилин с обоих аппаратов в конце июля, включает ряд междугородных звонков, в том числе и в министерство юстиции. В полицейском списке, охватывавшем последние дни жизни Мэрилин, с 1 по 4 августа, указаны только три разговора. Первый, с Норманом Ростеном из Нью-Йорка, состоялся в пятницу, два других вызова — в местечки неподалеку от Лос-Анджелеса. Это довольно странно, поскольку нам известно, что в

последние два дня у Мэрилин много было междугородных переговоров. Куда в течение десяти дней, пока полиция не сделала запрос, подевались сведения об остальных звонках?

12 августа в своей статье о «странном давлении» на полицейское расследование репортер Флорабел Мьюир прямо говорила о телефонных звонках Мэрилин: «Полиция изъяла отпечатанный список телефонной компании с теми исходящими звонками». У Мьюир в полицейских делах была набита рука, и она имела хорошие контакты.

Тем временем Джо Хайемс из «Геральд Трибьюн» — как и Мьюир, один из тех немногих репортеров, которые провели мало-мальски серьезное расследование — тоже времени даром не терял и использовал собственные связи. Он наткнулся на нечто сенсационное.

«В утро ее смерти, — говорит Хайемс, — я связался с сотрудником телефонной компании и попросил его скопировать для меня список номеров с ее ленты. За определенную плату он согласился оказать мне эту услугу. Вскоре мой знакомый позвонил мне из телефона-автомата. «Здесь черт знает что творится, — сказал он. — Оказывается, не только тебя интересуют телефонные звонки Мэрилин. Но лента исчезла. Мне сказали, что ее изъяла секретная служба. Я никогда не слышал, чтобы правительство предпринимало такие быстрые действия. По всей видимости, сделать это приказал кто-то наверху».

Проверка источников информации Хайемса и Мьюир подтвердила правдивость их историй, а также показала, что сведения о телефонных звонках были изъяты в воскресенье до полудня, то есть в течение нескольких часов после того, как стало официально известно о кончине Мэрилин. Правда, более вероятно, что записи были изъяты ФБР, а не секретной службой.

Важно то, что записи были изъяты утром в воскресенье, так как это было единственное время, когда они оставались доступными перед тем, как на несколько недель исчезнуть в джунглях бухгалтерии. Естественно, что такие быстрые и ловкие действия могли быть предприняты только после вмешательства кого-то, обладавшего большой властью и силой; кого-то, кто ни свет ни заря мог поднять с постели исполнительного директора телефонной компании и заставить его сделать это.

Один из охранников «Дженерал Телефоун», Боб Уорнер, служивший в компании в 1962 году, до сих пор там работает. Он говорит, что «не помнит» об изъятии списков телефонных звонков Мэрилин. Но другой человек сохранил довольно интересные воспоминания. Дин Фанк, бывший издатель «Ивнинг Аутлук» в Санта-Монике, был близким другом управляющего местного отделения «Дженерал Телефоун», Ныне покойного Роберта Тайаркса.

Фанк хорошо помнит, как сидел с Тайарксом перед заседанием правления вскоре после смерти Мэрилин и обсуждал случившееся. «Он сказал мне, что на другой день приходили агенты ФБР и забрали записи».

В документе ФБР с частичной цензурной правкой, написанном в 1973 году, бывший старший агент ФБР из лос-анджелесского отделения отметил, что в ответ на запросы прессы об изъятии записи он сказал, что ничего не помнит об этом событии. «Никаких воспоминаний», — испытанная временем официальная установка, с одной стороны, дает право на отрицательный ответ, с другой — позволяет и «вспомнить», если факт станет достоянием гласности.

Пока эта книга готовилась к печати, правда выплыла наружу. Я нашел еще одного бывшего агента ФБР, который просил не называть его имени. В 1962 году он был видной фигурой и занимался борьбой с организованной преступностью в крупном городе на Западном побережье.

«Я убежден в том, — говорит он, — что ФБР изъяло сведения о телефонных звонках Мэрилин Монро. Когда Мэрилин умерла, я находился в Калифорнии и там встретил людей, которые при обычных обстоятельствах не должны были бы находиться там, — агенты не из города. Они появились сразу, как только она умерла, и еще до того, как кто-либо успел опомниться. Потом я узнал, что они и изъяли те списки. Это можно было сделать только по приказу кого-то сверху, выше, чем Гувер».

Выше, чем Гувер? Бывший агент хорошо понимал, что в то время приказы исходили «либо от министра юстиции, либо от президента. Мне это известно потому, что я знаком со структурой ФБР, а также порядком, существовавшим в те дни. Я знал, что этот приказ мог быть отдан по телефону прямой связи, а не каким-то иным способом, следы которого можно было бы

обнаружить». «Чтобы нельзя было отследить?» «Так точно», — ответил агент.

Дин Фанк, издатель газеты в Санта-Монике, вспоминает еще одну деталь из их беседы с бывшим исполнительным директором телефонной компании Робертом Тайарксом. «Говоря об этом, он проявлял колебания, — вспоминает Фанк, — но обмолвился, что в ту ночь, когда Мэрилин умерла, был звонок в Вашингтон».

Прежде чем расследование было прекращено, доктор Литман из лос-анджелесского отряда по профилактике самоубийств также узнал, что примерно в 9.00 вечера, когда шли последние минуты ее жизни, Мэрилин звонила на Восточное побережье.

Наиболее важным доказательством изъятия списка телефонных звонков является свидетельство отставного агента ФБР с Западного побережья. Он совершенно уверен в том, что приказ исходил от кого-то, кто «выше, чем Гувер», — то есть от Роберта Кеннеди или самого президента. Это указывает на то, что братья хорошо понимали, какой невосполнимый урон понесут, если широкая общественность узнает о телефонных звонках. Чтобы исключить это, им пришлось обратиться за помощью к человеку, который на дух не переносил Роберта Кеннеди, к Гуверу. Это было более чем унизительно — и означало, что с этого момента братья будут в неоплатном долгу у директора ФБР. Им пришлось полностью положиться на него и уповать, что близость с Мэрилин останется в тайне.

Но опасность для Роберта Кеннеди все же продолжала существовать, так как актриса звонила ему и раньше, и сведения об этих звонках ко дню смерти Мэрилин ушли в бухгалтерию. Даже вмешательство ФБР не помогло бы выудить их оттуда. Список телефонных разговоров Мэрилин с министерством юстиции в июне и июле, хранящийся в полицейском архиве Лос-Анджелеса, мог быть получен только официальным путем. Для этого по прошествии двух недель после смерти актрисы кому-то из полиции пришлось лично прийти в «Дженерал Телефоун».

В 1962 году полицейский секретарь Ширли Бро, занимавшийся, в частности, тем, что печатал заявления с просьбой разрешить ознакомиться со списком телефонных звонков, хорошо помнит, что по делу Монро такого заявления не было. Бро, работавший тогда в разведывательном отделе, вспоминает, что «всю документацию по тому делу вел секретарь

капитана. Сделано это было в целях секретности. Это было исключением из правил, и все из-за людей, с которыми, как известно, Мэрилин Монро имела дело. Поэтому было решено рисковать».

Капитаном, командиром разведывательного отдела, был Джеймс Гамильтон, который лично занимался делом Монро по поручению шефа Паркера. Некоторое время спустя после случившегося он обедал с криминальным репортером, которого хорошо знал и которому доверял, Джеком Тобином из «Лос-Анджелес Таймс». Тобин рассказывает: «Гамильтон сказал, что имеет на руках список телефонных разговоров Монро за два последних дня ее жизни. Я заинтересовался, но он заметил: «Больше я тебе ничего не скажу». Было ясно, что знал он гораздо больше».

Капитана Гамильтона очень хорошо знал Роберт Кеннеди. Он несколько раз упоминал его имя в своей книге «Враг внутри», а в предисловии называл его «мой друг». Кеннеди восхищался системой Гамильтона по сбору разведывательных данных. Он обращался к нему за советом во время работы в сенате и в министерстве юстиции.

Год спустя после смерти Мэрилин, уволившись из полиции, Гамильтон стал шефом службы безопасности в Национальной футбольной лиге. На эту должность рекомендовал его Роберт Кеннеди. Сын Гамильтона говорит: «Его отношения с Кеннеди не были связаны с его профессиональными обязанностями».

В то утро, когда скончалась Мэрилин, шеф следственного отдела Тэд Браун был вызван в полицейское управление из-за возникшей «проблемы». Этот день он намеревался провести с помощником шефа местного разведывательного отделения министерства финансов Вирджилом Крэбтри. Проблема, как сказал Браун Крэбтри, состояла в том, что в постели Мэрилин был обнаружен кусочек смятой бумажки. На нем — номер телефона Белого дома.

Преемником шефа полиции Паркера стал Том Редаин, который в 1962 году был помощником шефа. Он говорит: «Когда дело касалось Гамильтона и его разведывательного отдела, никто не знал ничего о том, что там происходит. Гамильтон разговаривал только с двумя лицами — Господом Богом и шефом Паркером. Я знал, что дело Монро расследовал Гамильтон, но

подробности мне не были известны. Еще я слышал, что был какой-то документ для служебного пользования, который никогда не был обнародован».

Бывший шеф Реддин добавляет: «На той ступени, которую я занимал в полицейском департаменте, связи Кеннеди не были ни для кого тайной. Связь Кеннеди — хотя следовало бы назвать имя во множественном числе — с Мэрилин Монро была всем известна. Мы слышали, что один из ее последних звонков был адресован Бобби Кеннеди».

Лоренса Шиллера, одного из фотографов, запечатлевшего сцену плавания обнаженной Мэрилин на съемках картины «Так больше нельзя», в городе не было, когда он получил известие о смерти Мэрилин. Он срочно вернулся в Лос-Анджелес и вечером того же дня сидел в кабинете Артура Джекобса, консультанта Мэрилин по связи с общественностью.

Тогда в кабинете, рассказывает Шиллер, он случайно услышал разговор Джекобса с Пэт Ньюком. В тот момент их очень беспокоило, говорит он, «о чем станет известно из телефонного списка».

Но беспокоились они напрасно. Как выяснилось, об этом кто-то хорошо позаботился.

Глава 48

Что на самом деле произошло в ночь смерти Мэрилин? Кто и что делал в те роковые часы? Ответы на эти вопросы есть, но весьма обтекаемые. Свидетели говорят нехотя, а некоторых сегодня нет уже в живых.

В 1983 году заглянувший в фешенебельный ресторан Питер Лоуфорд выглядел как тщедушный старик, хотя ему в ту пору было только шестьдесят. Слишком бурная жизнь наложила на него свой отпечаток. Когда разговор коснулся той трагической ночи, его ссутуленная фигура напряглась и дрожащая рука медленно потянулась к пепельнице. Дрожащим голосом он начал свой рассказ. Всхлипывая, Лоуфорд сказал: «До сего дня я не могу простить себя; нет мне прощения за то, что я не пошел тогда...» Он залился слезами, и эту тему пришлось оставить. Лоуфорд умер, когда эта книга готовилась к печати.

Длинная и тонкая, как спица, в свои восемьдесят два года, Юнис Меррей в 1983 году у себя в жалком домишке в Санта-Монике принимала репортера. В беседе с ним она тщательно обдумывала свои ответы. Память, такая цепкая во всем, что касалось второстепенных деталей, вдруг начинала изменять ей, когда речь заходила о ключевых событиях той ночи. Репортер покидал ее дом с чувством, что Меррей весьма ловко играла с ним.

Лоуфорд и Меррей были главными свидетелями последних часов жизни Мэрилин, но ни один из них под присягой не давал свидетельских показаний. Полиция допросила Меррей сразу после смерти Мэрилин, а потом через несколько дней. Во второй раз на допросе присутствовал лейтенант Армстронг, командир следственного отдела Западного Лос-Анджелеса. Здесь впервые прилагается донесение о допросе, в нем говорится:

По мнению офицеров, миссис Меррей темнила и не давала прямых ответов на вопросы о том, чем в то время занималась мисс Монро. Неизвестно, делала ли она это намеренно или нет...

Если после беседы с миссис Меррей у полиции осталось чувство беспокойства, то побеседовать с Питером Лоуфордом вообще не удалось. В полицейском рапорте 1962 года читаем: «Была предпринята попытка связаться с мистером Лоуфордом, но его секретарь сообщил, что мистер Лоуфорд в 1.00 дня улетел. Это было через три дня после смерти Мэрилин, 8 августа, когда Питер Лоуфорд отправился искать спасения в доме Кеннеди в Гайанниспорт.

Там к нему присоединилась приглашенная Робертом Кеннеди Пэт Ньюком. По словам доктора Фарберова, шефа отряда профилактики самоубийств, Ньюком до отъезда отказалась давать какие-либо показания. «Она встретила меня каменным молчанием, — вспоминает Фарберов, — и не проявила желания разговаривать».

Тринадцать лет понадобилось полиции, чтобы наконец допросить Питера Лоуфорда. Это было во время повторного полицейского дознания, проведенного в 1975 году. Еще раз, в 1982 году, с ним беседовал окружной прокурор. Оценить сказанное Лоуфордом следователям оказалось довольно трудно. «Он был напорист, — рассказывает один из них, — не испытывал никаких сомнений и был уверен в том, что говорил».

Рис. 10. Фрагмент документа из полицейского дела по расследованию смерти Мэрилин Монро вышел в свет в 1985 году, когда автор сумел раздобыть его. Как видим, следователи были совсем не удовлетворены показаниями основного свидетеля, экономки миссис Меррей

Рис. 10. Фрагмент документа из полицейского дела по расследованию смерти Мэрилин Монро вышел в свет в 1985 году, когда автор сумел раздобыть его. Как видим, следователи были совсем не удовлетворены показаниями основного свидетеля, экономки миссис Меррей.

С годами рассказанная Лоуфордом история претерпевала изменения. Разным полицейским он излагал видоизмененные версии. К счастью, сравнивая показания главных свидетелей с показаниями людей, которых ранее никто не опрашивал, можно попытаться восстановить события последних часов жизни Мэрилин.

* * *

В тот трагический субботний вечер в дом Лоуфордов было приглашено несколько человек. В их числе телевизионный продюсер Джо Наар и его жена Долорес. Наары жили в двух милях от пляжного особняка Лоуфордов и всего в четырех кварталах от дома Мэрилин. С Лоуфордами они были в приятельских отношениях, и в их доме часто встречали и Мэрилин и Роберта Кеннеди. Они говорят, что по субботам Питер Лоуфорд иногда звонил им и приглашал на ужин. Поскольку Мэрилин тоже была приглашена, Лоуфорд попросил заехать за ней.

Джо Наар говорит, что позже, когда они уже собирались уезжать на вечеринку, Питер позвонил и сказал, что Мэрилин не приедет. Она устала и собиралась остаться дома.

Однако вскоре — вероятно, что в тот вечер, только раньше — Мэрилин на короткое время все же появилась в доме Лоуфордов. Во всяком случае, как нам известно, о своем намерении отправиться на пляж она еще днем сказала доктору Гринсону.

В 1979 году из беседы с давней подругой Мэрилин, актрисой Натали Вуд, состоявшейся после похорон Даррила Занука, выяснилось, что за несколько часов до смерти Мэрилин она

вместе с актером Уореном Битти находилась в доме Лоуфорда.

Помня об этом, я связался с Битти в 1983 году. С некоторой неуверенностью он произнес: «Ах да, я видел ее вечером накануне смерти. Но я, э-э-э, не думаю, что разглагольствование об этом может что-то дать, э-э-э ... я не желаю, чтобы на меня ссылались, к тому же не думаю, что буду распространяться на эту тему...»

Что имел в виду Битти, говоря «вечером накануне смерти», пятницу или трагическую субботу? Покров тайны скрывает то, чем занималась Мэрилин как в пятницу, так и в субботу вечером. Добавить что-либо еще Битти отказался.

Если Мэрилин побывала в доме Лоуфорда в субботу вечером, — а Битти и Вуд на самом деле присутствовали там, — то визит был коротким и закончился прежде, чем прибыли остальные гости. Во всяком случае, к приезду Джо и Долорес Наар — восьми тридцати вечера — никого из упомянутых лиц уже не было.

На ужине вместе с Наарами был продюсер Джордже Буллете Дергом. Он и раньше бывал в доме Лоуфордов, когда Мэрилин «приезжала с Бобби, а затем уезжала». В тот вечер, вспоминает он, Лоуфорд заказал на дом китайские блюда, и он слышал, что Мэрилин тоже приглашена на ужин. Начиная с этого момента, события описываются по-разному.

Лоуфорд в заявлении прессе сказал, что звонил Мэрилин только один раз, в 7.00 вечера, когда она отказалась от приглашения, сославшись на усталость. Эта версия вполне соответствует тому, что рассказывают Наары. Они вспоминают, что Мэрилин отказалась приехать на вечеринку до того, как они отправились в гости. Однако в 1975 году Лоуфорд на допросе полиции упомянул о нескольких своих звонках Мэрилин и изложил новую версию разыгравшейся трагедии.

Лоуфорд сказал, что первый раз позвонил Мэрилин в 5 часов вечера. Примерно в это же время расстроенная Мэрилин разговаривала по телефону с доктором Гринсоном. Лоуфорд заметил, что она «очень сокрушалась» из-за отстранения ее от съемок в фильме «Так больше нельзя» и по «некоторым другим личным делам». Он уговаривал ее приехать на вечер, и она пообещала подумать.

В 7.30 вечера или немного позже, согласно этой версии

Лоуфорда, он, не дождавшись от нее никаких вестей, снова позвонил Мэрилин. И опять она показалась ему расстроенной, а ее «речь невнятной. Она повторила, что устала и не придет. Голос ее постепенно слабел, и Лоуфорду, чтобы оживить ее, пришлось заорать на нее. [Он назвал это словесной оплеухой.] Потом Мэрилин сказала: «Скажи «до свидания» Джеку [Джону Кеннеди] и скажи «до свидания» себе, потому что ты хороший парень».

И тут телефон умолк, сказал Лоуфорд в полиции в 1975 году. Он решил, что Мэрилин положила трубку, и несколько раз пытался звонить ей, но номер был занят.

В 1982 году подобную же историю с вариациями Лоуфорд изложил следователям из окружной прокуратуры. На этот раз он сказал, что второго разговора не было и номер был занят, когда он попытался дозвониться. Занятым он оставался целых полчаса, и Лоуфорд позвонил телефонисту. Когда ему сказали, что трубка не лежит на месте, он встревожился. Но Лоуфорд, как свидетельствует один из его слуг, уже был довольно пьян.

Член о1ряда по профилактике самоубийств, доктор Литман узнал, что после разговора с Мэрилин Лоуфорд звонил в Вашингтон.

Лоуфорд говорил, что намеревался сам отправиться к Мэрилин, чтобы выяснить, в чем дело, но сначала решил посоветоваться со своим агентом Милтоном Эббинсом. Эббинс подтверждает, что такой разговор был. Из свидетельских показаний, правда, неясно, присутствовал ли Эббинс на вечере или Лоуфорд связался с ним по телефону. Эббинс, по его словам, посоветовал Лоуфорду не ездить и пообещал разыскать адвоката Мэрилин, Милтона Рудина. Как выяснилось, Милтон Рудин был еще и шурином доктора Гринсона.

Эббинс рассказывает, что нашел Рудина тоже на вечеринке. Адвокат, допрошенный полицией в 1962 году, сказал, что ему позвонил в 8.45 вечера Эббинс и поделился с ним своими опасениями. Рудин обещал поговорить с Мэрилин по телефону. Минут через пятнадцать он так и сделал, на звонок ответила миссис Меррей.

Дать показания полиции в 1983 году Рудин отказался, так что нам придется довольствоваться теми сведениями, которые были получены от него через три дня после смерти Мэрилин. Как

следует из полицейского донесения, адвокат сказал, что спросил миссис Меррей о физическом состоянии мисс Монро, и миссис Меррей его уверила, что с мисс Монро все в порядке. Полагая, что мисс Монро просто переживала очередную полосу уныния, мистер Рудин даже и не подумал о том, что могло произойти что-то дурное.

Юнис Меррей подтверждает разговор с адвокатом, но твердо помнит, что тот ни слова не сказал о беседе Лоуфорда с Мэрилин, которая насторожила первого. Она не усмотрела ничего особенного в звонке юриста и, не взглянув на Мэрилин, сказала, что у той все в порядке. Согласно этой версии, все так и было на самом деле. Потом она легла в постель и спала до 3.30 утра, после чего, проснувшись, она обнаружила, что дверь Мэрилин заперта, и тогда, встревожась, позвонила доктору Гринсону.

Этот рассказ можно было бы принять на веру, если бы не несколько существенных моментов. Во-первых, в официальной версии есть два слабых места. Они касаются мотивации.

Даже сейчас, по прошествии двадцати трех лет, мы не знаем, почему в середине ночи Меррей вдруг всполошилась из-за Мэрилин. Ведь, по ее словам, Рудин ничего такого ей не сказал, что могло бы вызвать тревогу. Можно ли поверить, что вид телефонного шнура, уходящего под дверь спальни Мэрилин, до такой степени встревожил миссис Меррей, что та ни свет ни заря подняла шум и начала звонить доктору Гринсону?

Много позже в воспоминаниях одной ее родственницы, Роуз Шейд, прозвучала мысль, что «какое-то шестое чувство предупредило Юнис об опасности». Но поверить в это непросто.

Итак, в связи с миссис Меррей остается вопрос «почему?» В отношении Питера Лоуфорда встает вопрос «почему не?..» Почему после встревожившего его разговора с Мэрилин Лоуфорд просто не сел в машину и не поехал к ней?

Отвечая на этот вопрос, Лоуфорд ссылается на разговор со своим агентом, Милту Эббинсом, который ему сказал: «Ты не можешь поехать туда! Ты зять президента Соединенных Штатов, и твоя жена в отъезде. Давай я свяжусь с ее адвокатом и врачом. Вот кто должен отправиться туда».

Эббинс подтвердил, что так и было, но насколько это

соответствует правде? Если Мэрилин, как всегда утверждал Лоуфорд, не была близка с Кеннеди, то зачем понадобилась ему эта вереница телефонных звонков? Почему Эббинс решил, что это дело столь щепетильное? Почему не поступили они так, как полагалось, то есть не отправились взглянуть на Мэрилин?

Второй слабый момент касается времени действия как миссис Меррей, так и событий, разворачивавшихся в доме Лоуфорда. В этом плане все версии грешат недосказанностью. Устранение этого главного недостатка позволило бы ответить на ключевые вопросы.

Мистер и миссис Наар, дающие наиболее убедительный отчет о событиях вечера, говорят, что уехали после ужина довольно рано, «задолго до одиннадцати». Они были дома и уже укладывались спать, когда неожиданно позвонил Лоуфорд. Он сказал, что очень беспокоится, так как «позвонила Мэрилин: она приняла, пожалуй, чрезмерно много таблеток и боится, что переборщила».

Лоуфорд попросил Джо Наара пока не ложиться спать, поскольку, может быть, придется проведать Мэрилин. Наар согласился. Потом, как утверждают супруги, Лоуфорд снова им позвонил и сказал, что причин для беспокойства нет. Наары легли спать.

Свидетельство Нааров важно потому, что отодвигает события на более позднее вечернее время. Оба супруга твердо заверяют, что во время ужина — с восьми до десяти — тревоги по поводу Мэрилин никто не высказывал и не было никаких упоминаний о «прощальных» телефонных звонках. Если бы драматические события уже начались, они уверены, что непременно бы услышали об этом. На ужин собрался узкий крут знакомых, они очень хорошо знали Лоуфорда и Мэрилин. Но, пока они находились в доме, там все было тихо.

Свидетельство Буллетса Дергома, второго установленного гостя, совпадает с показаниями Нааров в главном — во времени. Он говорит, было поздно, и они с Лоуфордом выпивали, когда тот вдруг обеспокоился состоянием Мэрилин. Тогда-то, уверяет Дергом, и начал он наводить все эти справки.

Здесь снова вернемся к миссис Меррей. Сразу после печальных событий доктор Гринсон писал друзьям, что миссис

Меррей впервые заметила свет в комнате Мэрилин в полночь, потом она, насколько понял Гринсон с ее слов, опять заснула и проспала до 3.30 утра, когда ее разбудило «шестое чувство».

Согласно ее первому заявлению, упоминаемому в прессе, Меррей сначала увидела свет в «полночь». Первый полицейский, оказавшийся на месте происшествия, сержант Клеммонс, также вспоминает, что Меррей, по ее словам, сперва встревожилась «в полночь».

В обстоятельном интервью, данном автору этой книги, она трижды повторила, что проснулась и обнаружила тело «около полуночи». Когда я заострил на этом внимание, Меррей отреклась от сказанного, сославшись на то, что события трагической ночи теперь могли перепутаться у нее в голове.

Миссис Меррей замечает, что они бесконечно долго не звонили в полицию, и подчеркивает, что виноваты в этом доктора. «Им было что обсудить, — рассказывает она, — как это могло случиться и какое отношение имело к тому количеству таблеток, которые они выписали ей». Однако из первого заявления доктора Гринсона полиции и из его переписки с друзьями известно, что о происшедшем он узнал от миссис Меррей, позвонившей ему в 3.30 утра.

Даже в восприятии обычного очевидца есть существенная разница между полночью и половиной четвертого утра. Если миссис Меррей поняла, что Мэрилин мертва иди с ней что-то стряслось в полночь, и если она не позвонила Гринсону сразу, тогда что же происходило между полуночью и предрассветным часом?

Сегодня эту загадку можно решить благодаря неожиданным новым свидетелям, обладающим поразительной, не известной доселе информацией.

* * *

Артура Джекобса, возглавлявшего отдел по связи Мэрилин с общественностью, никто никогда не спрашивал о том, что случилось в ту роковую ночь. Его уже нет, но его вдова Натали предлагает версию происшедшего, которая в корне меняет всю историю.

Как мы уже знаем, Джекобсы были достаточно близки с Мэрилин. Последние месяцы они проводили с ней довольно много времени, занимались ее проблемами и слушали жалостливую историю о несчастной любви к президенту и встречах с Бобби Кеннеди.

Ночь 4 августа 1962 года Натали никогда не забудет. Это был канун ее дня рождения. Тем субботним вечером она и Артур отправились на концерт в Голливудскую Чашу. Они сидели под открытым небом, слушали музыку оркестра Генри Манчини и восхищалась исполнительским мастерством фортепианного дуэта Ферранте и Тейчера.

Стояла прекрасная ночь, Натали была влюблена. Они с Артуром еще не были женаты и наслаждались редким для них тихим вечером, когда голливудские клиенты не досаждали им своими прихотями. Но когда концерт близился к завершению, спокойствие внезапно было нарушено. Кто-то — как она считает, из обслуживающего персонала Чаши — подошел к Артуру с важным сообщением. Его передала Пэт Ньюком, и Натали уверена, что речь шла о смерти Мэрилин Монро.

«Мы узнали новость задолго до того, как она стала всем известна, — говорит Натали., — Мы тотчас ушли с концерта, и Артур отвез меня домой, а сам поехал к Мэрилин домой, и, мне кажется, я не видела его дня два. Ему нужно было что-то наговорить прессе».

Катали Джекобс совершенно уверена в том, что о смерти Мэрилин они узнали до того, как концерт завершился. Как видно из газеты «Лос-Анджелес Таймс», концерт начался в 8.30 вечера, следовательно, должен был закончиться до полуночи. Натали Джекобс полагает, что новость эту сообщили им в 11.30 вечера.

Я напомнил ей, что по официальной версии, представленной полиции и общественности, тело Мэрилин было обнаружено после 3.30 утра. Она ответила: «Позвольте мне объяснить. Все это состряпал мой муж, не знаю уж зачем, меня там не было. Я оставалась дома. Но в том и заключалась его работа».

Благодаря этому новому свидетельству многое становится на свои места. Теперь ясно, почему многочисленные гости в доме Лоуфорда ничего не слышали о тревожных телефонных звонках Мэрилин на протяжении того вечера. Нам теперь понятно, почему

Лоуфорд позвонил двум из своих гостей, Наарам, только после того, как они вернулись домой, и попросил их не ложиться спать, боясь, что придется пойти и проведать Мэрилин. И, если теперь возникла необходимость «состряпать» правду, мы можем точно сказать, почему он позвонил им вторично и говорил, что причин для беспокойства нет.

Пришло время опять обратиться к медицинскому освидетельствованию. Профессор Кейт Симпсон недоумевал, узнав, что тело Мэрилин в 3.40 утра, когда доктор Гринсон вошел в ее спальню, уже было в состоянии трупного окоченения. Профессор Симпсон говорил: «Rigor mortis (трупное окоченение) наступает через четыре-шесть часов после смерти, следовательно ее смерть наступила до полуночи». По признанию многочисленных друзей, которым она звонила в тот субботний вечер с восьми до десяти, язык у Мэрилин, похоже, заплетался. Вполне вероятно, что она впала в кому около 10 часов вечера. Но сомнительно, чтоб все это время, пока в предрассветные часы миссис Меррей не позвонила доктору Гринсону, мертвая Мэрилин просто лежала на постели.

Есть еще одно важное свидетельство в пользу того, что роковые события развернулись именно в это время, то есть задолго до того, как был потревожен доктор Гринсон. Согласно этому свидетельству, в доме до прихода психиатра побывали другие люди, и они надеялись, что Мэрилин еще можно вернуть к жизни.

В 1982 году во время повторного расследования дела окружной прокуратурой следователи получили совершенно новые сведения, о которых прежде ничего не было известно, — в ту ночь к дому Мэрилин вызывали машину «скорой помощи».

Сотрудники окружной прокуратуры беседовали с бывшим водителем «скорой помощи» Кеном Хантером, который в 1962 году работал в «Шэфер Эмбьюланс», самой крупной в Лос-Анджелесе частной компании по оказанию скорой медицинской помощи. Он сообщил, что в доме Мэрилин побывал «в ранние утренние часы». Работнику окружной прокуратуры Хантер сказал, что, когда они приехали, Мэрилин уже была, мертва. Полиция появилась уже после их отъезда.

Мне Хантер рассказывал, что не видел ни докторов, ни полиции. Казалось, что он чего-то не договаривает. После первой

беседы встретиться со мной повторно отказался. Окружному прокурору Хантер сообщил, что, как ему помнится, в ту ночь на вызов вместе с ним выезжал ассистент по имени Меррей Либовитц. Я разыскал Либовитца. Свое имя он изменил на Лейб.

Моя телефонная беседа с Лейбом началась с продолжительного молчания на другом конце провода в ответ на вопрос о его работе в «скорой помощи» Шэфера. Когда же я объяснил ему причину своего интереса, он ответил: «Не хочу иметь к этому никакого отношения... В ту ночь я не дежурил. Я услышал об этом на другое утро, когда пришел на работу... Меня это не волнует, у меня нет причин для волнений. Прошу вас больше не беспокоить меня вашими звонками».

В 1985 году я несколько раз беседовал с ныне покойным Уолтом Шэфером, который в ту пору еще руководил основанной им компанией по оказанию скорой медицинской помощи. Он совершенно однозначно подтвердил, что машина «скорой помощи» в ту ночь выезжала к дому Мэрилин. На вопрос о том, не ездил ли по вызову Меррей Либовитц, он ответил: «Ездил, мне это известно».

Шэфер сказал, что о вызове к Монро он узнал утром. Счет был оплачен из ее средств. «Мы и раньше вытаскивали ее, — вспоминает он, — это все из-за барбитуратов. Мы вытаскивали ее из комы».

К сказанному руководитель компании добавил самую интересную подробность, связанную с событиями той роковой ночи. Он сказал, что машина «скорой помощи» «доставила Мэрилин в больницу Санта-Моники. Она умерла не дома. Она скончалась в больнице».

Уолт Шэфер точно не помнил, кто вызывал «скорую» и кто сопровождал Мэрилин в больницу. Журналы регистрации в его компании хранятся только в течение пяти лет, поэтому нет возможности документально установить истину. Первоначальный поиск в больнице Санта-Моники не принес никаких результатов. С 1962 года персонал многократно менялся, к тому же могло быть и такое, что работники палаты по оказанию 'скорой медицинской помощи и не знали, с кем имели дело, — если Мэрилин на самом деле доставляли в больницу.

Много вопросов остается без ответа. Кто вызвал карету

«скорой помощи»? Кто незаметно привез мертвое тело Мэрилин домой до того, как в 3.30 утра миссис Меррей подняла тревогу? Если так было на самом деле, то почему телефон оказался в мертвой руке Мэрилин?1

Из показаний следует, что в доме Мэрилин до того предрассветного часа могло находиться несколько человек. Натали Джэкобс уверяет, что Артур Джэкобс появился там сразу, как только покинул Голливудскую Чашу. Это было примерно в 11.30 вечера. Некоторые считают, что в полночь в доме Мэрилин находился и Милтон Рудин, ее адвокат.

Агент Лоуфорда Эббинс, который в тот вечер разыскал по телефону Рудина, уверяет, что адвокат звонил ему в четыре часа утра, то есть — до того, как была вызвана полиция.

«Сейчас я нахожусь в доме Мэрилин, — якобы сказал Эббинсу Рудин, — она умерла». И знаете, что интересно? Никто не упомянул о том, что в доме находился Рудин, ведь он был там.

Допрошенная в 1973 году Пэт Ньюком также сказала, что узнала о смерти Мэрилин «около четырех утра» от Рудина, который позвонил ей — как она полагает — из дома Мэрилин.

В 1982 году в заявлении сотрудникам окружной прокуратуры Питер Лоуфорд впервые назвал точное время, когда он узнал о смерти. Он сказал, что был разбужен в 1.30 ночи. Звонил Эббинс и, сославшись на Рудина, сообщил о кончине Мэрилин. Лоуфорд «уверен, что узнал об этом в 1.30, так как, услышав звонок Эббинса, взглянул на настольные часы».

Эббинс подтверждает, что пытался сообщить о происшедшем Лоуфорду, но это было никак не раньше 4.00 утра, и он уверяет, что телефон Лоуфорда не ответил. Что, Питера Лоуфорда не было дома?

Горькие ответы на эти вопросы дает бывшая жена Лоуфорда, Дебора Гулд. В минуты откровенности он говорил ей о Мэрилин. «Мэрилин позвонила Питеру, — говорит Дебора, — хватаясь за последнюю возможность, и сказала, что больше так не может и что для всех будет лучше, если она уйдет из жизни, поэтому она собирается покончить с собой. Питер очень много пил, к тому же наделен был циничным юмором. Возможно, он не воспринял это всерьез».

Может быть, Питер Лоуфорд все же отозвался на тревожный телефонный звонок Мэрилин, но приехал к ней слишком поздно? Похоже, что он был одним из первых, кто оказался в ее доме.

Как вспоминает Дебора Гулд, в ответ на слова Мэрилин о самоубийстве Лоуфорд якобы сказал: «Чушь, Мэрилин, возьми себя в руки; но, Господи, что бы ты ни сделала, не оставляй предсмертных записок». «На этом беседа закончилась, — говорит Гулд, — это все, что он мне рассказал».

На вопрос, оставила ли Мэрилин предсмертную записку, Гулд ответила: «Да, оставила». На вопрос, о чем в ней говорилось, она сказала: «Не знаю, записка была уничтожена». Кто уничтожил ее? «Уверена, что это сделал Питер, он сам сказал мне об этом», — прозвучало в ответ.

Бывшая жена Лоуфорда говорит, что в ту ночь Питер побывал в доме Мэрилин. Согласно ее сообщению, «он отправился туда и все прибрал, сделал все возможное до прибытия полиции и прессы...». На вопрос о предполагаемом уничтожении записки

Гулд говорит, что Лоуфорд сделал это, «чтобы защитить любимых, имевших к этому отношение».

Любимыми близкими, по мнению Гулд, были братья Кеннеди. «В этом и заключалась роль Питера, — говорит она, — выполнять всю грязную работу и все предусматривать». Братья Кеннеди, добавляет Гулд, позаботились о том, чтобы глубокого расследования обстоятельств смерти Монро не было.

Примечания

1. Новая информация, о которой речь идет в послесловии, вероятно, может объяснить это.

Глава 49

Солнце еще не поднялось, было 5 часов утра в воскресенье, 5 августа, когда в одной квартире Голливуда ожила рация. Это было жилище опытного и осмотрительного сотрудника безопасности Западного побережья. Со мной он стал разговаривать только после того, как получил письменную гарантию, что его имя ни при каких обстоятельствах упоминаться не будет. За пять продолжительных бесед, где были сложные

ходы, я убедился в его опытности и правдивости показаний.

Вызов по рации, говорит работник службы безопасности, был сделан Фрэдом Оташем, голливудским частным детективом, имевшим отношение к слежке за Мэрилин Монро и братьями Кеннеди. Оташ, как он охотно признается, работал по найму. На этот раз, по иронии судьбы, ему предстояло делать прикрытие для братьев Кеннеди.

Чтобы одеться и добраться до офиса Оташа, сотруднику безопасности понадобилось двадцать минут. Там, по его словам, он увидел Оташа в компании с Питером Лоуфордом, «который вертелся, как уж под вилами».

Совещание было коротким и деловым. Работнику службы безопасности сообщили, что умерла Мэрилин Монро, которая накануне пыталась дозвониться президенту в Белый дом (он в те выходные отдыхал в Гайанниспорт), — и делала она это, будучи ужасно расстроенной из-за Роберта Кеннеди.

По словам работника безопасности, «Лоуфорд сказал, что Монро была в ярости из-за того, что ею попользовались и бросили. Она не хотела, чтобы с ней обращались, словно с куском мяса». Работник безопасности понял, что Мэрилин оставила какую-то записку, которую уже изъяли. Его задача, как ему сказали, состояла в том, чтобы обыскать весь дом актрисы и забрать, если они есть, бумаги и письма, изобличающие ее связь с братьями Кеннеди. Еще ему вменялось в обязанность найти и перекрыть все каналы, по которым может идти утечка информации.

Фрэд Оташ, ознакомившись с показаниями сотрудника безопасности, говорит: «Мне известно, что [сотрудник службы безопасности] рассказывал о том, как я звонил ему среди ночи и как мы встречались вместе с Питером Лоуфордом и обсуждали вопросы подчистки после смерти Мэрилин Монро. На это я отвечу: «Я не стану это ни подтверждать, ни опровергать». Могу только сказать, что всю правду выложу лишь перед большим советом»1.

Консультант из службы безопасности говорит, что посчитал данное ему поручение невыполнимым, но ему хорошо заплатили — речь идет о тысячах долларов. Он имел прекрасные контакты с полицией, в чем я убедился, и к девяти часам, сопровождаемый полицейским офицером, уже входил в дом Монро.

Полицейский был из другого отделения города и находиться здесь у него не было повода. Он нервничал, и в доме они провели не более двадцати минут. В общем, сотруднику службы безопасности не удалось справиться с заданием, и он покинул место происшествия с пустыми руками. Но прежде, чем уйти, он заметил одну немаловажную деталь — в комнате, выходящей в сад, была взломана конторка.

Судя по обнаруженным в доме Мэрилин счетам, предъявленным ей от компании, занимающейся замками и сейфами, тем летом она в своей конторке сменила замок. Друг Джо Ди Маджо — Харри Холл, ездивший с ним в воскресенье в

дом покойной — говорит, что Ди Маджо «искал там какую-то книжку, но ее нигде не было. После Мэрилин не осталось никаких ее личных записей».

Консультант из службы безопасности звонил Лоуфорду по поводу их встречи и узнал, что «в субботу в доме Мэрилин появился Бобби Кеннеди, а вечером он какое-то время был в доме Фрэнка. Они пытались уговорить актрису приехать в особняк. Насколько я понял, Бобби прибыл в город и покинул его, как выразился Лоуфорд, с помощью Воздушных сил. Думаю, он уехал вскоре после последнего звонка Мэрилин».

Бывшая жена Лоуфорда Дебора Гулд слышала от мужа, что министр юстиции сначала хотел, чтобы Лоуфорд дал Мэрилин понять, что их роман подошел к концу. Это было дня за два до ее смерти. Потом, добавляет Гулд, она в отчаянии пыталась поговорить по телефону с Бобби. Питер упоминал, что она звонила Пэт и выяснила, где находится Бобби. Она узнала, что тот на Западном побережье, в Сан-Франциско.

На мое замечание, что, по словам Лоуфорда, сказанным им в 1973 году, те выходные Роберт Кеннеди провел на Восточном побережье, Гулд ответила: «Питер — очень хороший актер, но совсем не умеет лгать».

Гулд, ссылаясь на слова мужа, говорит, что в те выходные Роберт Кеннеди прилетел из Сан-Франциско в Лос-Анджелес. Письменные источники подтверждают, что Роберт Кеннеди действительно был в Калифорнии. Но оставался ли он в пределах Сан-Франциско или ездил в Лос-Анджелес навестить Мэрилин?

* * *

«Даже Питеру Пэну было бы трудно сделать это, — говорит Джон Бейтс, хозяин ранчо, где гостил Кеннеди. — Это все измышления». Во время отдыха на ранчо Роберт и Этель Кеннеди вместе с детьми почти все время проводили с семьей Бейтса. Несмотря на то, что они жили в отдельном коттедже для гостей, чаще всего обедали и ужинали вместе.

В субботу, в последний день жизни Мэрилин, как вспоминает Бейтс, они все вместе отправились кататься на лошадях. Он уверен, что знал бы, если бы Кеннеди отлучился на достаточно долгое время, которое требуется, чтобы долететь до Лос-

Анджелеса и вернуться назад в воскресенье вскоре после полуночи.

Ранчо находится в Джилрое, в трехстах милях к северо-западу от Лос-Анджелеса. В 9.30 утра в воскресенье, как утверждает приходской священник, Кеннеди пришел на мессу в церковь Святой Марии.

Спросить кого-либо еще о пребывании Роберта Кеннеди на ранчо, кроме членов семьи Бейтса, не представляется возможным. Отдых в те выходные носил частный характер. Кеннеди опекали сотрудники ФБР из отделения Сан-Франциско, но специальный агент, занимавшийся этим делом в то время, не проявил отзывчивости и встречаться с автором не стал. Беседовать о передвижениях министра юстиции агент Фрэнк Прайс отказался.

Если в ту субботу Роберт Кеннеди действительно побывал в Лос-Анджелесе, то без самолета тут не обошлось. В том районе есть несколько взлетно-посадочных площадок, которые могут принять частный летательный аппарат. По свидетельству очевидцев из Лос-Анджелеса, Кеннеди и совершил воздушное путешествие.

По иронии судьбы, сведения об этом исходили от самого Питера Лоуфорда, человека, который публично твердил, что в те выходные Роберта Кеннеди в Лос-Анджелесе и близко не было.

Бывший партнер Мэрилин по шоу-бизнесу Милтон Грин рассказал мне, что узнал об этом, когда после смерти Мэрилин обедал с Лоуфордом в Нью-Йорке. Тот сообщил ему, что Кеннеди «был в городе. Он виделся ней. Он отправился на пляж, а Мэрилин принялась трезвонить Лоуфорду».

Два офицера полиции также как будто утверждали, что Кеннеди приезжал в Лос-Анджелес. По словам бывшего мэра Йорти, шеф полиции Паркер сообщил ему, что «в ночь ее смерти в гостинице «Беверли Хиллз» видели брата президента».

Начальник следственного отдела Тэд Брайн тоже не раз говорил, что Кеннеди был в Лос-Анджелесе. Брат Брауна, Финис, сам бывший детектив, занимался этим делом. Он беседовал с людьми, которые «утверждали, что в ночь, когда она приняла большую дозу снотворного, видели Кеннеди и Лоуфорда в гостинице. С этой информацией я отправился к Тэду, и он сказал

мне, что у него были такие сведения. Он уверен в том, что в ту ночь Кеннеди находился в Лос-Анджелесе».

Хью Мак-Дональд, возглавлявший в 1962 году отдел по расследованию убийств при департаменте шерифа, вспоминает, что Тэд Браун якобы сказал: «Бобби на самом деле был в доме Лоуфорда, но на обеде с ней не встречался».

Во время недавнего расследования, проведенного окружной прокуратурой, бывший помощник окружного прокурора Джон Дикки сказал следователям, что в 1962 году располагал информацией о пребывании Кеннеди в Лос-Анджелесе и не сомневался в этом.

Из двух отрывочных сообщений — от сотрудника полиции и служащего киностудии «XX век—Фокс» Фрэнка Нейла — известно, что в город Кеннеди прилетел на вертолете, приземлившемся недалеко от павильона номер 18, на площадке, где садятся вертолеты, обслуживающие «Беверли Хилтон». Как удалось выяснить, брат президента появился в городе вскоре после обеда.

В 1982 году окружной прокурор не придал большого значения тому факту, что люди видели, как Кеннеди подъезжал днем к дому Мэрилин. Недавно мне удалось найти человека, от которого исходила эта информация. Им оказалась женщина по имени Бетти Поллард. Она говорит, что мать ее в тот день играла в бридж в соседнем доме. И вдруг хозяйка дома обратила внимание игроков на припарковавшийся автомобиль. Из машины вышел узнанный всеми Кеннеди и скрылся в доме Мэрилин. Хозяйка упомянула, что и раньше видела, как он приезжал туда.

Если данный факт имел место, то произошло это до 5.00 вечера, когда в доме Мэрилин появился доктор Гринсон. Юнис Меррей отрицает, что видела Роберта Кеннеди в тот день, но поясняет, что между двумя и четырьмя часами ходила за покупками, а оставались Мэрилин и Пэт Ньюком2.

Бывшая жена Лоуфорда, ссылаясь на слова мужа, говорит, что Кеннеди в тот день навестил Мэрилин. Порвать их отношения он сперва пытался по телефону, сказала Гулд, «и опасался, что ситуация выйдет из-под контроля, а враги воспользуются информацией и испортят ему карьеру. Питер сказал, из числа гангстеров».

Мэрилин, по словам Гулд, отказалась выслушивать его доводы, переданные через Лоуфорда, и тогда Кеннеди решил встретиться с ней в последний раз. «Он сразу приехал к Мэрилин домой», — говорит Гулд. «Мэрилин уже знала, что подошла к финалу и все кончено, поэтому чувствовала себя подавленной».

В 4.30 доктор Гринсон, считавший, что накануне Мэрилин была в хорошем настроении, расстроился из-за ее неожиданного звонка. Судя по голосу, она наглоталась пилюль и нервничала.

Одна из причин спада в настроении, по словам сотрудника центра профилактики самоубийств, который беседовал с доктором Гринсоном, состояла в том, что «Мэрилин вечером рассчитывала встретиться с кем-то из «очень важных людей», но встреча была отменена. Что-то случилось».

Есть еще один свидетель, который утверждает, что в тот день сам лично видел Роберта Кеннеди в Лос-Анджелесе. Розыск бывших обитателей пляжных особняков вывел автора на Уорда Вуда, жившего по соседству с Лоуфордами. Он рассказывает, что в конце дня был на улице и видел, как приехал Кеннеди, приехал не на служебной машине. Вуд, торговавший когда-то автомобилями, думает, что это был «Мерседес».

Бывшая жена Лоуфорда Дебора Гулд говорит, что не вызывала врачей и полицию с полночи до половины четвертого утра, так как надо было «отправить Бобби из города». Как она поняла со слов Лоуфорда, тот «улетел в аэропорт на вертолете».

Спустя несколько дней после смерти Мэрилин для проведения самостоятельного расследования обстоятельств кончины кинозвезды объединились в одну команду бывший начальник отдела из «Геральд Трибьюн» Джо Хаймс и фотограф Уильям Вудфилд. Себе в помощники они наняли одного полицейского, у которого удалось взять интервью при подготовке этой книги. Хаймс и бывший полицейский, по их словам, разузнали о том, что в ту ночь недалеко от особняка Лоуфорда приземлился вертолет. Об этом рассказали в конфиденциальных беседах соседи Лоуфорда.

Уже не раз бывало, что в 1962 году вертолеты доставляли людей и увозили их из дома Лоуфордов. Опросы соседей, а также выдержки из газетных материалов показывают, что Питер

Лоуфорд безумно любил этот, тогда относительно новый, вид транспорта, используемый чаще в военных целях, а также для нужд исключительно богатых людей.

Сам Лоуфорд в беседе с автором этой книги признался, что в те дни он был счастливым пользователем вертолета. Соседи по пляжу жаловались, что вертолеты, которым было разрешено во время президентства Кеннеди приземляться на берегу, засоряли их бассейны песком.

Репортер Джо Хаймс предпринял попытку отыскать следы того вертолета, который якобы приземлился по соседству с особняком Лоуфорда в ту роковую ночь. Он установил, что в ночь смерти Мэрилин в небольшой компании по прокату вертолетов был арендован «маленький вертолет. Но компания не выразила желания показать мне записи и наотрез отказалась назвать имя пассажира. Меня даже попросили покинуть частные владения компании».

Фотографу Уильяму Вудфилду, коллеге Хаймса, повезло больше. Готовя статью о роскошном частном самолете Фрэнка Синатры, он недавно воспользовался услугами вертолета для съемок с воздуха. Вертолет, о котором шла речь, часто нанимали Синатра и Лоуфорд. После смерти Мэрилин не прошло и трех дней, как Вудфилд снова навестил в Кловер-Филд, Санта-Моника, возившего его пилота. Кловер-Филд — ближайшая от дома Лоуфорда взлетно-посадочная площадка.

Вудфилд говорит, что отправился к пилоту под предлогом, что хочет собрать материал для статьи об использовании вертолетов известными личностями. Эту идею он высказал еще во время их предыдущей встречи. Она обещала дать пилоту и его компании хорошую рекламу, поэтому тот оказался сговорчивым и не стал возражать, когда Вудфилд попросил у него разрешения полистать бортжурнал вертолета якобы для того, чтобы найти имена знаменитостей, пользовавшихся вертолетом в последнее время.

Тихо устроившись над журналом, он в поисках записи, фиксирующей события роковой августовской ночи, перевернул несколько страниц и нашел то, на что не смел даже надеяться. Запись, сделанная в ночь смерти Мэрилин Монро, гласила, что транспортное средство было арендовано для доставки пассажира из особняка Лоуфорда в главный аэропорт Лос-Анджелеса.

«В журнале, — вспоминает Вудфилд, — стояло время после полуночи, кажется, что-то между двенадцатью и двумя часами ночи. Было ясно, что вертолет из Санта-Моники доставлял Роберта Кеннеди».

Хаймс и Вудфилд поняли, что наткнулись на интересные сведения. Запершись в маленьком кабинетике в доме Хаймса, они позвонили в офис Роберта Кеннеди в Вашингтоне. Они рассказали помощнику о том, что узнали, и спросили, не хочет ли министр юстиции прокомментировать данные сведения, «чтобы поставить в этой истории точку». Ответ не заставил себя долго ждать. Им сказали, вспоминает Вудфилд, что «министр юстиции будет благодарен, если вы замнете эту историю».

Полученные сведения Хаймс передал по телефону в нью-йоркскую редакцию газеты «Геральд Трибьюн». Через час ему позвонил старший редактор и поздравил с успешным расследованием. «Хотя мы республиканская газета и нынешний год является годом выборов, — сказал редактор, — история эта нанесет президенту неоправданный удар. Он окажется виновным... Поэтому мы ее в свет не выпустим».

В газетах еще долгое время печаталась информация о взрослой жизни Мэрилин, а единственная серьезная попытка расследовать ее смерть была подавлена. Начался двадцатилетний период недомолвок и полуправды.

Сегодня, впервые принимая во внимание все свидетельские показания, мы в состоянии воссоздать последние дни и часы жизни Мэрилин. Оказывается, на протяжении многих месяцев она имела половые отношения то с президентом, то с Робертом Кеннеди. Обоих братьев и Мэрилин друг в друге поначалу привлекал звездный блеск. Звезды, сиявшие в соседних галактиках политики и шоу-бизнеса, испытывали друг к другу взаимный интерес. Братья, воспитанные в условиях, когда не знали отказа ни от одной женщины, которую возжелали, сначала не распознали в Мэрилин женщину, от которой исходила двойная опасность.

От Мэрилин исходила опасность, которой просто не могло быть у менее знаменитых любовниц, какой была, например, Юдит Кэмбелл. Все обвинения в любовных связях, если не имелось доказательств, запечатленных беспристрастным оком объектива,

легко можно было отвести. В те дни, когда история еще не знала Уотергейта и когда общественные деятели пользовались безоговорочным доверием, голословные обвинения в связи с большинством женщин даже не удостаивались опровержения. Но Мэрилин Монро не относилась к их числу — имя ее само по себе было силой, как и имя братьев Кеннеди.

Кроме того, дополнительную угрозу таила нестабильность душевного состояния Мэрилин. Весьма сомнительно, чтобы за красотой и умом кто-либо из Кеннеди мог рассмотреть пошатнувшуюся природу ее личности. Природу, которая, как выразился позже ее психиатр, должна была неминуемо привести ее в лечебное заведение, не носи она имени Мэрилин Монро.

Со своей стороны, Мэрилин, теряя связь с реальностью, возможно, грезила, что отношения с Кеннеди могут вылиться во что-то серьезное и постоянное. Из некоторых ее высказываний, обращенных к друзьям, можно заключить, что она обнадеживала себя призрачными иллюзиями. После двух браков с великими американскими звездами спорта и культуры она полагала, что может получить главный приз — одного из Кеннеди в качестве супруга.

В моменты просветления Мэрилин, вероятно, понимала полную невозможность такого будущего. Встречи с президентом всегда носили спорадический характер; к лету 1962 года она, должно быть, поняла, что этот интерес, страстный, но бездумный, чуть-чуть выходил за пределы его привычного удовлетворения собственных прихотей. Тогда появился Роберт Кеннеди.

Министр юстиции никогда не пользовался репутацией бабника, как его брат. Возможно, их отношения начались с его стороны как акт спасения, как попытка направить ее эмоциональное состояние в нормальное русло. Но вскоре, вероятно соблазнившись возможностью пойти по стопам брата и насладиться сексапильным призом, Роберт попал под влияние мерцающего света тонкой души Мэрилин. Их роман длился несколько месяцев. Потом, не в последнюю очередь, испугавшись потока сообщений, согласно которым преступные элементы намеревались воспользоваться слабостью братьев Кеннеди, министр юстиции предпринял попытку разорвать отношения.

Сделать это оказалось нелегко. Окунувшуюся с головой в отчаяние Мэрилин трудно было сбросить со счетов. Требуя

непрестанного внимания, она стала сущим наказанием, и, как выразился Роберт Слэтцер, ради того, чтобы удержать мужчину, она была способна пригрозить разоблачением.

Похоже, обязанность зятя Кеннеди Питера Лоуфорда состояла в том, чтобы нейтрализовать опасность. Сам он был существом слабым, человеком, склонявшимся то к своим связям с Белым домом, то с преступным миром. В число его знакомых входил Сэм Джанкана. Чтобы успокоить Мэрилин, он чаще, чем следовало бы, возил ее в места, кишевшие недругами Кеннеди, каким было казино «Кал-Нева-Лодж». Именно там провела она свою последнюю неделю жизни, злоупотребляя спиртным и лекарственными препаратами, недоступная для единственного человека, который, возможно, смог бы спасти ее, оттащив от края пропасти, в которую она скатывалась. Речь идет о Джо Ди Маджо.

В последнюю пятницу, когда Роберт Кеннеди прибыл в Сан-Франциско, мольбы Мэрилин, похоже, достигли пика. Вероятно, вообразив, что смог бы вразумить ее, министр юстиции в середине дня в субботу нанес кратковременный визит в Лос-Анджелес. Очевидно, он посетил ее в доме в Брентвуде, чтобы только сказать, что их отношения не могут больше продолжаться, после чего удалился, намереваясь провести вечер в особняке Лоуфорда или еще где-нибудь.

Не в силах смягчить душевную боль постоянным приемом транквилизаторов, Мэрилин позвонила своему психиатру доктору Гринсону. Она сообщила ему, что вечером ожидала увидеть Роберта Кеннеди, но была отвергнута. Гринсон попытался успокоить ее, как поступил бы на его месте любой. Уезжая, он полагал, что преуспел в этом.

Оставшись одна с телефоном и таблетками, Мэрилин в надежде получить помощь сделала ряд телефонных звонков. Кого-то из друзей не оказалось дома, кто-то не понял, что на этот раз ее отчаяние имеет иную окраску. Повторные звонки Роберту Кеннеди и безумные попытки связаться с ним посредством Питера Лоуфорда эффекта не принесли, Кеннеди не появлялся. Как большинство мужчин и женщин, желающих отделаться от возлюбленного, он, вероятно, думал, что наиболее безболезненным способом является жесткость и неприступность. Кроме того, он больше не мог позволить себе подвергаться опасности быть разоблаченным недругами и не мог рисковать, посещая дом Мэрилин.

Сегодня невозможно сказать, сыграли ли какую роль враги Кеннеди — агенты Сэма Джанканы и Джимми Хоффы — в последние часы жизни Мэрилин. Медицинское заключение не дает однозначного ответа на вопрос, помог ли кто Мэрилин принять фатальную дозу барбитуратов. Более вероятней представляется ситуация, когда она сама переоценила свои силы и после продолжительного приема средства на протяжении всего дня приняла слишком большую дозу. Автор не думает, что она хотела уйти из жизни.

Поздно вечером в субботу, вероятно, вскоре после десяти, Мэрилин последний раз позвонила Лоуфорду. Речь ее была бессвязной и путаной, по всему было видно, что сознание оставляет ее. Вероятно, было бы разумно предположить, что известие об этом толкнуло Роберта Кеннеди на вполне объяснимый, человеческий поступок. Вероятно, он один или с Питером Лоуфордом, поспешившим ему вслед, бросился к дому Мэрилин, до которого от пляжного особняка было рукой подать. Мэрилин они обнаружили в коматозном состоянии, но еще живую.

Вот тогда-то, судя по отрывочным, но жизненно важным показаниям, и была вызвана машина «скорой помощи». Если глава компании по оказанию скорой медицинской помощи не ошибается, Мэрилин была доставлена в больницу живой. Она могла умереть в момент поступления в больницу Санта-Моники, где, укутанную одеялами и без грима, ее никто не узнал. Хотя более правдоподобной автор считает другую возможность, когда Мэрилин умерла до прибытия в больницу и человек, сопровождавший ее — им вполне мог быть сам Роберт Кеннеди, — оказался перед ужасным выбором.

Мэрилин умерла при обстоятельствах, которые в случае обнародования погубили бы карьеру министра юстиции. Даже если бы у него не было романа с ней, — хотя все факты свидетельствовали об обратном — для Кеннеди, оказавшегося рядом с мертвой Мэрилин Монро пусть даже при исполнении акта милосердия, это означало бы политическое фиаско.

Единственным решением было вернуть тело в дом в Брентвуде, в кровать, на то место, откуда делала она отчаянные звонки. Теперь требовалось время, — время, необходимое, в первую очередь, для незаметного исчезновения Роберта Кеннеди

из города и для изъятия из дома Мэрилин компрометирующих материалов. Только после того, как все было завершено, прозвенел звонок в доме доктора Гринсона. Тот немедленно появился и между 3.30 и 4.00 часами утра «обнаружил» тело.

Как видно из данных, собранных репортерами Хаймсом и Вудфилдом, а также из показаний третьей жены Питера Лоуфорда, Деборы Гулд, в северную Калифорнию министр юстиции отправился воздушным путем. Тем временем Лоуфорд, как он сказал Гулд, уничтожил некий компрометирующий документ, который скорее всего был недописанным письмом, а не посмертной запиской. После чего частному детективу Фреду Оташу он поручил еще раз осмотреть дом и ликвидировать следы любых других подозрительных бумаг, которые могли уцелеть. Но Оташ и его коллеги особенно не преуспели. Рано утром в воскресенье, к тому времени, когда они получили задание, в движение пришло более мощное колесо.

К дому Мэрилин бросился вызванный с концерта, проходившего в Голливудской Чаше, Артур Джекобс, агент по связи Мэрилин с общественностью, человек, обладавший в Голливуде определенной властью. Возможно, что он так никогда и не узнал о событиях той роковой ночи, об отмененном вызове «скорой помощи», о ночных передвижениях Роберта Кеннеди, но он был именно тем человеком, как точно выразилась его жена, который мог «состряпать все, что угодно». Тем временем некто, наделенный настоящей властью — им вполне мог оказаться и сам Роберт Кеннеди, — потревожил директора ФБР Дж. Эдгара Гувера. Из Вашингтона поступил приказ изъять в телефонной компании список телефонных звонков, сделанных Мэрилин в последние часы; в тот ранний час задание это оставалось еще выполнимым.

Возможно, этот сценарий в отдельных деталях грешит неточностями, но является вполне правдоподобной реконструкцией событий на основании имеющихся на сегодня данных. Вероятно, в ту ночь не было совершено никакого серьезного правонарушения, хотя возврат тела Мэрилин Монро домой был неправомерным и уничтожение Лоуфордом записки — явно незаконным. Пережитые ночные часы и последующие дни, должно быть, стали самыми мучительными в жизни Роберта Кеннеди. В отличие от своего менее везучего брата Эдварда, опасность публичного разоблачения прошла в волоске от него.

В 1983 году в день собственной кончины человек, снимавший два фильма с участием Мэрилин Монро, Джордж Кьюкор, завел разговор о ее смерти. Неизвестно, какими личными знаниями о событиях ночи 4 августа 1962 года он располагал, но его замечание оказалось как нельзя более уместным. «Жуткое это было дело, — сказал он товарищу, — худшее из ее отклонений. Власть и деньги. В завершение она была слишком простодушна».

Примечания

1. Оташ был там после публикации «Богини» в 1985 году. Его важные новые показания нашли отражение в послесловии.

2. Незадолго до того, как Меррей ушла, ее машину из гаража пригнал механик, Генри Д'Антонио. Он дает противоречивые сведения о том, заходил он в дом или не заходил, но начинает горячо защищаться, когда его спрашивают, что он видел в тот день. Все вопросы он переадресовывает Юнис Меррей.

Глава 50

«Сдай в архив и забудь. Всегда найдется хорошая причина ничего не делать». Снаружи мир давно и крепко спал.

Джон Ле Карре'з Смайли в «Почетном школьнике

«Если со мной что случится, — за девять лет до случившегося сказала Мэрилин Монро Уайти Снайдеру, — пообещай мне, что ты загримируешь меня». В ту пору ей было только двадцать семь лет. Тогда она снималась в картине «Джентльмены предпочитают блондинок», но уже мысли о смерти посещали ее. Чтобы он не забыл об этом, в знак напоминания она подарила ему золотую брошь с надписью: «Пока я еще не остыла, Мэрилин».

Снайдер все эти годы постоянно терял эту брошь, но, отправляясь в морг Мемориального парка Вествуда через два дня после ее смерти, он положил украшение в карман. Еще он захватил с собой бутылку джина.

Снайдеру и его будущей жене, ассистенту костюмера, длительное время служившей у Мэрилин, Марджори Плечер, выпала участь привести в порядок забальзамированные останки, носившие когда-то имя Мэрилин.

Пожухлые, прямыми прядями свисавшие волосы они

спрятали под париком, в котором снималась она в «Неприкаянных». Вокруг шеи повязали шифоновый шарф. Под ним знаменитой фигуры больше не существовало. После грубого вмешательства хирурга грудь утратила свою изысканную форму.

«О Боже, — подумала Плечер, — Мэрилин и без груди! Она бы умерла». Они со Снайдером достали полиэтиленовые пакеты и, разорвав подушку, набили их ее содержимым, чтобы сделать своей подруге искусственную грудь. Потом они облачили тело в простое платье от Пуччи, которое в последнее время Мэрилин особенно любила. «Она выглядела красивой, — скажет после похорон кто-то из присутствовавших на церемонии, — как красивая кукла».

С разрешения ее сводной сестры Бернис Миракл, устройством похорон занялся Джо Ди Маджо. Помогала ему в этом бывший импресарио Мэрилин Инес Мелсон. Они знали, что Мэрилин не нравилась идея быть зарытой в землю. По этой причине они выбрали захоронение в стене. За место, стоившее 800 долларов, и бронзовый гроб заплатил Ди Маджо. Общественности объявили, что пожертвования следовало посылать в организации, которые оказывали помощь нуждающимся детям.

Ди Маджо и Мелсон сделали для прессы заявление, в котором говорилось, что похороны будут скромными, «чтобы к последнему месту упокоения Мэрилин могла отправиться тихо, как она всегда хотела». Приглашение получило только двадцать четыре человека, включая Гринсонов и членов семьи Каргера, Ли и Паулу Страсберг, старых работников гримерной Мэрилин, массажиста Ральфа Робертса, адвоката Милтона Рудина и Пэт Ньюком.

Фрэнк Синатра в число приглашенных не вошел. «Синатра, Элла Фицджеральд и Сэмми Дэвис-младший, — вспоминает миссис Мелсон, — были преисполнены решимости прийти. Они набрались наглости привести с собой охранников и намеревались сказать, что у них имелось разрешение на посещение часовни». Синатру внутрь не впустили, но пудель по кличке Маф, которого он подарил Мэрилин, некоторое время жил у него в будке.

В число приглашенных не вошли также Питер и Пэт Лоуфорды. Лоуфорду, бросившемуся на вертолете за своими соседями, это совсем не понравилось. На публике из-за того, что его жена, сестра президента, напрасно прилетела с Западного

побережья, он метал громы и молнии. «Похоже, это было нарочно придумано, — сказал Лоуфорд, — не допустить некоторых старых друзей Мэрилин».

В морге кто-то слышал, как Джо Ди Маджо говорил одному из организаторов похорон: «Позаботьтесь о том, чтобы ни один из этих проклятых Кеннеди не появился на похоронах».

Ночь накануне погребения Ди Маджо провел один на один с останками Мэрилин. Большую часть времени он простоял на коленях.

Пока бывший муж внутри часовни предавался скорби, у ворот снаружи несли ночное бдение несколько преданных последователей. На другой день посмотреть на церемонию собралась относительно небольшая толпа, не превышавшая тысячи человек.

«Пришли сотни репортеров и фотографов, — вспоминает Джоан Гринсон. — В щелканье затворов и жужжании камер тонул нормальный человеческий говор. Сначала нам не разрешили войти в часовню. Владелец похоронного бюро сказал, что семья еще не простилась с телом. Тогда я подумала, какая семья? Если бы у нее была семья, нам, вероятно, не пришлось бы приходить сюда».

Наконец избранные приглашенные собрались в часовне перед гробом, казавшимся чересчур большим. Надгробное слово произнес Ли Страсберг, учитель Мэрилин, у которого не нашлось времени, чтобы навестить ее, когда он в последний раз приезжал на Западное побережье.

Страсберг сказал о Мэрилин следующее: «Она обладала блестящим качеством, сочетавшим в себе печаль, лучистость и томление, что делало ее непохожей на остальных и в то же время вызывало у всех желание быть частью этого».

Пастор, не относящийся ни к одной конкретной религии, нараспев произнес краткую молитву из книги псалмов: «Как страшно и чудесно создал ее Творец!»

В часовне раздались звуки музыки «Над радугой» (Over the Rainbow) — Мэрилин была страстной поклонницей Джуди Гарланд. На этом все почти закончилось.

Служители бросили цветы к ногам гроба и приподняли крышку. «Как только они сделали это, — вспоминает Джоан Гринсон — меня шокировал вид желтых волос, я не могла переносить это».

Из тех, кто прощался с ней, Ди Маджо был последним. Мэрилин лежала, утопая в бархате, как выразилась пресса, цвета шампанского, с букетиком роз Ди Маджо в мертвых руках.

Ди Маджо, проплакавший всю церемонию, сказал: «Я люблю тебя и никогда не перестану любить», — а потом нагнулся, чтобы запечатлеть прощальный поцелуй.

Сдерживаемая нарядом полиции, более многочисленным, чем требовалось, толпа наблюдала за тем, как тело Мэрилин препроводили к Мавзолею памяти. Катафалк, окруженный по бокам охранниками из гвардии Пинкертона в голубой униформе и белых перчатках, двигался медленно.

Пастор произнес: «Прах к праху», — и гроб подкатили к отверстию в стене, прикрытому коричневым занавесом. С большим трудом, обливаясь от жары потом, четыре человека в черном втолкнули гроб под низкий свод.

Среди венков от знаменитостей были присланные Фрэнком Синатрой, Джеком Бенни и Спиросом Скурасом. Были цветы, помеченные одним словом «Артур», а также букеты от детей Миллера.

К анонимному венку прилагался полный текст сонета Элизабет Барретт Браунинг, где были такие строчки:

Как я люблю тебя? Позволь ответить.
...Люблю тебя всем сердцем,
Улыбками, слезами, всем, что в моей жизни есть!
??????И если даст Господь,
То после смерти еще сильней тебя любить я буду.

Три раза в неделю на протяжении двадцати лет присылал Джо Ди Маджо к месту погребения Мэрилин две красных розы. В 1982 году без всякого объяснения порядок этот был нарушен.

Тогда на смену ему пришел друг Мэрилин Роберт Слэтцер.

Он посылает белые розы, причем по договору цветы к ее мавзолею будут присылаться и после его смерти.

«Вы знаете, где бедняжка похоронена? — спросил режиссер Джордж Кьюкор. — Чтобы попасть на это кладбище, нужно проехать мимо торговца автомобилями, мимо здания банка, и там она лежит, как раз между Уилширским бульваром и Вествудским бульваром, а мимо несется транспортный поток».

В Вествудском Мемориальном парке соседями Мэрилин после смерти стало еще несколько знаменитостей. В пятидесяти футах от гробницы Мэрилин покоится прах Питера Лоуфорда, захороненный совсем недавно. Иногда, когда старые цветы в урне Мэрилин кажутся слишком свежими и их жаль выбрасывать, кладбищенский служитель переносит их на могилу Натали Вуд, расположенную в двух шагах.

Рядом, выше гробницы Мэрилин, в той же стене покоится тело неприметного подростка по имени Дарби Уинтерс. Она была убита в 1962 году почти сразу после смерти Мэрилин. Тогда она только что сказала матери, что в далеком будущем хотела бы быть похороненной рядом с Мэрилин Монро.

Несколько лет назад владельцы вакантного места подле ниши Мэрилин объявили о его продаже за 25000 долларов. Но кладбищенское начальство не говорит, состоялась ли продажа.

Тонкий ручеек преданных поклонников Монро и просто любопытных к месту ее успения и сегодня еще продолжает течь. Каменную плиту уже однажды меняли, когда она была испорчена охотниками за сувенирами и несмываемой губной помадой со следами женских губ.

После смерти Мэрилин жизнь бывших мужей и любовников бесповоротно изменилась.

Три года спустя после кончины Мэрилин, в 1965 году. Джо Ди Маджо стоял в строю на церемонии чествования бейсбольного героя Микки Мэнтла на стадионе «Янки» в Нью-Йорке. Вдоль строя прошел Роберт Кеннеди. Он улыбался и пожимал игрокам руки. Отказавшись пожать его руку, Ди Маджо резко попятился назад.

«Мэрилин, — замечает певец Сэмми Дэвис, — летучей мышью

застыла в памяти мужчин, знавших ее».

Облаченная в зеленое, богиня покоится за мраморной доской с простой надписью: «Мэрилин Монро 1926—1962». Она лежит в спокойнейшем месте, где нет объятий, ни настоящих, ни вымышленных.

Три недели спустя после смерти Мэрилин ее мать Глэдис из лечебницы «Рок Хейвен», в которой все еще пребывала, написала необычайно ясное короткое письмо (см. рис. 11). В записке, предназначенной ее опекунше Инес Мелсон, она сказала о своей «дорогой Норме Джин»:

Сейчас она пребывает в мире и покое, и пусть Господь наш благословит ее и никогда не оставит ее ... Я хочу, чтобы ты знала, что я примерно в течение года давала ей (Норме) воспитание в духе Христианской науки. Хотела, чтобы она была счастливой и веселой. Да благословит вас всех Господь...»

Через несколько месяцев как-то темной ночью мать Мэрилин сбежит из лечебницы. Прижимая к груди Библию и учебник по Христианской науке, она спустилась вниз по веревке, связанной из простыней, и затерялась в предместьях Лос-Анджелеса.

Рис. 1
Рис. 1

Ее обнаружили в баптистской церкви. Прежде чем ее вернули в заточение, с ней побеседовал священник. «Люди должны знать, — сказала мать знаменитой дочери, — что я никогда не хотела, чтобы она стала актрисой. Ее карьера никогда не давала ей ничего хорошего».

За месяц до смерти Мэрилин, сидя вдвоем с руководителем студии «XX век—Фокс», Питером Леватесом, Мэрилин с грустью заметила о себе:

«Женщина из меня не получилась. Мои мужчины из-за моего образа секс-символа, созданного ими и мной самой, слишком многого ожидают от меня. Ожидают так много, что я не могу соответствовать их ожиданиям. Они ожидают, что зазвонят колокола и засвистят свистки, но моя анатомия ничем не отличается от анатомии других женщин, Я не могу соответствовать этому».

Через несколько дней после того разговора Мэрилин спросила Ричарда Меримена, репортера из «Лайфа»: «Вы знаете книгу «Каждый»?» Меримен ответил утвердительно.

«Так вот, — сказала ему Мэрилин, — я хочу просто оставаться в фантазии Каждого».

Вот что говорит о Мэрилин и других идолах того времени бывшая жена Дина Мартина Джин: «Я называю их людьми с плакатов. Они долгое время остаются знаменитыми, но во многих случаях в них нет ничего особенного. Вы знаете их только по ролям, которые они сыграли в своих фильмах. Я не отношусь к жестокосердым людям, но просто вижу их, какими они есть. Все эти Монтгомери Клифт и Мэрилин Монро, Элизабет Тейлор и Дэвид Боуи. В жизни они привлекают друг друга. Они встречаются на вечеринках, бросаются навстречу друг другу, но в них нет ничего, что значило бы хоть что-то для простых смертных. История сохраняет их имена во времени, на стене спальни моего сына я вижу их портреты, бледные и прекрасные, но не имеющие ничего общего с реальностью».

Все же Мэрилин Монро была чем-то большим, чем просто лицо с плаката, — хотя однажды именно в этом статусе висела она на стене больничной палаты Джона Кеннеди. Мэрилин являла собой клубок противоречий, секс-символ, не нашедший счастья в любви, актрису, приходившую в ужас каждый раз, когда ступала на съемочную площадку. Страстная сторонница просвещения и учебы, она так и не научилась жить в мире с самой собой и в завершение оказалась в состоянии, очень близком к помешательству.

Несмотря на все это, наследство, оставленное Мэрилин, все же относится скорее к материальной сфере, нежели к фантазиям. «Каждый», о котором она упоминала в последнем обращении к публике, остается во власти чар женщины, достигшей удивительных успехов. Мэрилин, покинутое дитя, выросшее из полного лишений детства, завоевала себе место в мире известности не только благодаря сексу. Она достигла этого благодаря тяжелому труду и присущему ей блеску, который исходит от нее даже в самых бессодержательных фильмах, выбранных Голливудом для ее старта. На протяжении десятка лет ее существование на экране и вне его заставляло смеяться и плакать миллионы людей, и, похоже, они до сих пор далеки от

забвения.

В наш нестабильный век, положивший начало «звездному царству», большей памяти и канонизации, чем Мэрилин Монро, удостоился только Чарли Чаплин. Этот факт, вероятно, немало удивил бы и позабавил ее. Долго не смолкающий ломкий смех Мэрилин не покидает нас на протяжении десятилетий эпохи, которую некоторые люди именуют беспокойным веком. В той странной телеграмме, адресованной Роберту Кеннеди, отправленной за несколько недель до смерти, Мэрилин Монро причислила себя к числу тех немногих оставшихся на земле звезд. «Мы требовали всего лишь, — писала она, — наше право мерцать». Она не только заслужила это право. Каждый сделал ее богиней.

1985. Открыто — и закрыто

«Никто никогда не давал эти показания под присягой. Я полагаю, что все продолжающиеся вопросы должны быть подтверждены, объяснены или опровергнуты как несостоятельные...»

Майк Антонович, Правление наблюдателей округа Лос-Анджелес, октябрь 1985 года

«Как государственные обвинители, мы не можем выступать в поддержку расследования большим жюри дел, представляющих исторический интерес, искусственно скрывая их под маской обычного криминального дознания».

Айра Рейнер, окружной прокурор Лос-Анджелеса, ноябрь 1985 года

«Она совершила самоубийство, приняв снотворное; такова реальность, и в ней нет ничего особенного, за исключением того факта, что она — это Мэрилин Монро». Так говорил шеф полиции Лос-Анджелеса Даррил Гейтс, объявив об открытом доступе общественности к полицейским документам, касающимся смерти Мэрилин Монро. Случилось это 23 сентября 1985 года. «Позвольте мне выразить слабую надежду, — сказал генеральный прокурор Калифорнии Джон Ван де Камп, — что Мэрилин Монро будет позволено покоиться с миром».

Рассекречивание документов произошло не само по себе.

Ранее Гейтс отказался показать мне их. Теперь, зная, что я все равно получил их благодаря конфиденциальному источнику, под давлением телевизионной программы Эй-Би-Си «20/20» он сдался.

В рассекреченном досье сведений содержалось меньше, чем в книге «Богиня». (В лихорадочном ажиотаже бюрократического порыва чиновники вымарали — как засвидетельствовала полиция — телефонные номера, которые открыто воспроизводились в данной книге.) Гейтс надеялся, что рассекречивание документов «положит конец спекуляциям о насильственной смерти Мэрилин Монро», — хотя подобная мысль в книге «Богиня» не прозвучала. Но надеялся он напрасно.

На протяжении многих месяцев имя Мэрилин Монро не сходило с газетных полос. Для автора этой книги и издателя это означало нежданно-негаданную рекламу, получить которую нельзя было ни за какие деньги. «Богиня» стала бестселлером. В связи с этим имело место также два происшествия — позорный балаган, связанный с большим жюри округа Лос-Анджелеса, и скандал из-за отмены телевизионной передачи. По иронии судьбы и в полном соответствии с духом нашего времени, отмена телевизионной программы произвела больший фурор, нежели потерпевший неудачу судебный процесс. Отмена сопровождалась инсинуациями, что произошла она не без вмешательства семейства Кеннеди. Таким образом, для миллионов американцев «Монро-шоу-85» превратилось в «Шоу, которого никогда не было».

Фиаско большого жюри

В сентябре 1985 года в Лос-Анджелесе друг Мэрилин Роберт Слэтцер написал письмо Майку Антоновичу из Правления наблюдателей округа Лос-Анджелес, где указывал на новые факты, появившиеся в «Богине». Внимание Слэтцера привлекла информация о том, что живую Мэрилин на «скорой помощи» вывезли из дома и что были люди, которые знали, что она умерла или умирает, за пять часов до того, как был вызван доктор Гринсон, «обнаруживший» ее в постели мертвой.

Слэтцер чувствовал, что некоторые свидетели, мягко говоря, лгали. Он обратился к окружным наблюдателям с просьбой допросить оставшихся в живых свидетелей — впервые за все время — под присягой.

Правление наблюдателей Лос-Анджелеса представляет собой любопытное образование местной администрации. Теоретически оно является правительственным органом округа Лос-Анджелес. Наблюдатели и раньше пытались потребовать проведения расследования обстоятельств смерти Мэрилин Монро. Именно по их просьбе в 1982 году окружной прокурор Джон Ван де Камп приказал пересмотреть имевшиеся в деле факты. Тогда был сделан вывод, что, несмотря на «фактические расхождения и оставленные без ответа вопросы ... совокупность доступных нам свидетельств не способна доказать наличие состава преступления».

В 1985 году на страницах «Богини» появилась новая информация. На этот раз наблюдатели просили большое жюри — орган, уполномоченный решать, имеются ли основания для возбуждения судебного дела — ознакомиться с новыми фактами. Работа эта была поручена комиссии жюри по уголовным делам.

Через две недели после запроса наблюдателей старшина присяжных большого жюри Сэм Кордова сказал, что судебная комиссия дала добро на расследование обстоятельств смерти Монро. Окружной прокурор Айра Рейнер объявил заявление Кордовы «безответственным сверх всякой меры» и не соответствующим действительности.

Случилось это в пятницу. В понедельник старшина присяжных большого жюри Кордова был смещен с занимаемого места судьей Верховного суда. Новый старшина присяжных о расследовании по делу Монро сказал следующее: «Я сдержанно отношусь к перспективе продолжать раскручивать его». И никакого раскручивания не было. Большое жюри решило не проводить повторного расследования.

Кордова заявил, что большое жюри действовало по указке окружного прокурора. Другой член жюри сказал: «Рейнер в этом вопросе перехватил инициативу в свои руки». Почти вся информация жюри исходила все от тех же чиновников окружной прокуратуры, которые в 1982 году рекомендовали дело повторно не рассматривать.

В 1985 году дело Мэрилин утонуло в пучине личностных конфликтов и политических предубеждений. Сэм Кордова был довольно противоречивой фигурой в большом жюри. Окружной прокурор Рейнер, либеральный демократ, зачастую вел себя

непредсказуемо. На этот раз он оправдал ожидания и противился каждому новому дознанию.

Правление наблюдателей, направившее дело на рассмотрение большого жюри, в большинстве своем является республиканским, при соотношении голосов 3 к 2. Майк Антонович, движущая сила Правления в деле Монро, относится к консервативным республиканцам и баллотируется в сенат Соединенных Штатов.

Во время всей этой шумихи никто, похоже, не был заинтересован в получении новых данных. После того, как все завершилось, я обнаружил, что ни старшина присяжных большого жюри, ни Правление наблюдателей эту книгу, ставшую основанием для нового дознания, еще не видели.

За последний год большой материал был собран журналистами телевизионной компании Эй-Би-Си, Британской вещательной корпорацией и мной самим. Имеются новые данные об отношениях Мэрилин с братьями Кеннеди, о слежке, установленной за ними их недругами и о передвижениях Роберта Кеннеди в день ее смерти. Вот эти сведения.

Мэрилин и братья Кеннеди

Ключевым источником информации относительно романа Мэрилин и президента является Пит Саммерс, старший советник Кеннеди в 1960 году, человек, благодаря которому демократический конвент состоялся в Лос-Анджелесе. Сегодня Саммерс рассказывает, что связь эта советникам Кеннеди не давала покоя. Беспокойство по этому поводу началось в самый разгар встречи.

«Проходило много праздничных приемов, — рассказывает Саммерс. — На одном из них — в «Беверли Хиллз» — присутствовала Мэрилин. Там собрался избранный круг, были танцы. Она была там, и я видел, как Джек сразу после того, как закончил телефонный разговор с женой, оставшейся на Восточном побережье, вышел и начал танцевать с Мэрилин».

Саммерс говорит: «Мы не знали, насколько серьезным будет этот роман — останется ли он платоническим или выльется в нечто другое». Он выяснил это, побывав в пляжном особняке Лоуфорда.

«Мне нужно было поехать туда и повидаться с Джеком, — вспоминает Саммерс. — Он, завязывая галстук, вышел из душа и начал говорить. Несколько минут спустя из душа появилась завернутая в полотенце Мэрилин. Было ясно, что она была с ним в душе. Сомневаться не приходилось, но, похоже, ни одного из них это не беспокоило».

Саммерс и другие советники Кеннеди были озабочены. Он говорит: «У меня в средствах массовой информации имелись дружки, и они уже начали меня расспрашивать об этом. Я сказал президенту, и я сказал Бобби, что мы можем наломать дров и нас размажут по тарелке... Бобби по этому поводу сделал Джеку по-настоящему серьезное внушение. Он был уже не одним из многих. Он уже, знаете, больше Н? был просто сенатором Кеннеди. Поэтому он находился под пристальным вниманием. А это могло уничтожить нас».

Во время президентства, по мере того как продолжались спорадические встречи Мэрилин с Джоном Кеннеди, дом зятя снова стал полезным» Взять интервью у последней жены Питера Лоуфорда, Пэт Ситон, до его смерти, случившейся в 1984 году, не представлялось возможным. Она подтвердила факт использования ванной комнаты в пляжном особняке не только по прямому назначению. «Питер рассказывал мне, что у Дж.Ф.К. был роман, — говорит Ситон. — Когда он показал мне дом, то обратил мое внимание на ванну из оникса и сказал: "Джек и Мэрилин трахались здесь"».

Свидания Мэрилин с президентом в марте 1962 года в Палм-Спрингс теперь получили дальнейшее документальное подтверждение. Продюсер «Буллетс» Дергом, близкий друг Лоуфорда, вспоминает, как «однажды летел на одну вечеринку в частном самолете. По дороге в аэропорт мне сказали, что на борту будет кое-кто еще, но предполагалось, что я не узнаю их. На ней был парик и все такое, но я знал наверняка. Это была Мэрилин. Когда мы прибыли на место, ее встретил автомобиль и увез куда-то».

Друг и массажист Мэрилин Ральф Робертс разъясняет. Мэрилин, путешествуя, часто использовала вымышленное имя. Во время поездки в Палм-Спрингс она с разрешения Робертса называла себя «Тони Робертс», сочетанием имен массажиста и другого приятеля.

Актриса Терри Мур, бывшая жена Говарда Хьюза, говорит, что Мэрилин рассказывала ей о своих отношениях с обоими Кеннеди и что ее надежды не знали границ. «Она даже представляла себя в роли «Первой леди» с одним или с другим из них».

Во время президентства Джон Кеннеди снимал дом во Флориде у Джозефины Пол. Вдова бывшего посла в Норвегии, она получила известность как первая женщина, возглавившая представительскую фирму на Нью-Йоркской фондовой бирже. Она была «шокирована» тем, что творилось в ее доме во время пребывания там президента, когда он приезжал туда с двумя приятелями и стайкой молодых женщин. Немецкая экономка хорошо усвоила, что готовить отдельные спальни для женщин нужды не было.

По свидетельству одного друга миссис Пол, который связался со мной после публикации «Богини», Мэрилин тоже входила в число гостей. Миссис Пол жаловалась: «Мэрилин Монро в мой дом они привозили для Бобби, но я не по этой причине разрешила им использовать мой дом».

Образ Роберта Кеннеди, верного мужа, пуританина, давно канул в Лету. Во время написания «Богини» меня интересовали только связи с Мэрилин — главной темой моей книги. Продюсеры Эй-Би-Си и Би-Би-Эс установили, что, кроме Мэрилин, брат президента состоял во внебрачных отношениях, по крайней мере, с еще четырьмя женщинами. Одна была женой главного помощника Кеннеди. В конце концов, и Роберту Кеннеди ничто человеческое не было чуждо.

Пресс-секретарь министра юстиции Эд Гутман говорил мне, что был почти уверен в том, что Кеннеди познакомился с Мэрилин за шесть месяцев до ее смерти, не ранее. Гутман, как оказалось, был прав.

Во время многолетних исследований я поддерживал связь с импресарио Мэрилин Инес Мелсон. Престарелая и больная, она часто упоминала о запертой конторке в гараже, которую после смерти Мэрилин никто не открывал. В 1985 году, после кончины Мелсон, я наконец познакомился с ее содержимым.

В ворохе бумаг я нашел два письма, написанных Мэрилин после встречи с Робертом Кеннеди. Они представляли собой копии, написанные под копирку, но их подлинность не вызывает

сомнения.

2 февраля 1962 года в письме бывшему свекру, Айзадору Миллеру, Мэрилин писала:

Прошлым вечером я была на обеде, устраиваемом в честь министра юстиции Роберта Кеннеди. Для своих 36 лет он кажется довольно зрелым и разумным, но, кроме его программы по Гражданским правам, мне в нем больше всего понравилось его замечательное чувство юмора.

В тот же день Мэрилин написала «Боббибоунсу», четырнадцатилетнему сыну Артура Миллера Роберту. Она поблагодарила его за рекомендованную книгу. «Это «Повелитель мух» или блох? — спрашивала Мэрилин. — Мне бы хотелось прочесть нечто по-настоящему жуткое».1

Потом Мэрилин перешла к последним новостям:

«Ах, Бобби, только представь. Вчера вечером я была на обеде с министром юстиции Соединенных Штатов Робертом Кеннеди, и я спросила, что его министерство собирается делать с Гражданскими правами и некоторыми другими вопросами. Он очень интеллигентен и, кроме всего прочего, у него ужасное чувство юмора. Мне кажется, тебе бы он понравился. Как бы то ни было, мне пришлось пойти на обед, потому что он был там почетным гостем и, когда его спросили, кого бы он хотел там видеть, он ответил, что хотел бы видеть меня. Итак, я отправилась на обед и сидела рядом с ним. К тому же он неплохо танцует. Но самое большое впечатление на меня произвело его серьезное отношение к Гражданским правам. Он ответил на все мои вопросы и в конце сказал, что напишет мне письмо и поместит его в газету. Так что, когда получу его, я пришлю тебе копию, потому что там будет много интересного, потому что я и в самом деле задавала ему кучу вопросов. Перво-наперво, он спросил меня, ходила ли я на какие-нибудь собрания (ха-ха-ха!). Я рассмеялась и сказала: «Нет, а эти вопросы из тех, ответы на которые ждет вся американская молодежь, и ждет, что будут предприняты какие-то действия». Не то чтобы я относила себя к молодежи, но я чувствую себя еще молодой. Но ему самому всего 36, что очень удивило меня, потому что мне 35. В целом это был приятный вечер».

На другой день после приема, на котором присутствовал

министр юстиции, Мэрилин написала Миллерам, Роберту и его дедушке. К тому вечеру она готовилась загодя, штудируя политические вопросы с сыном Гринсона Дэнни. По дате видно, что отношения с министром юстиции раскручивались в течение последних шести месяцев жизни Мэрилин почти до самого последнего ее дня.

Из двух недавних интервью следует, что после возвращения Кеннеди из кругосветного путешествия свидание, которого он добивался, положило начало их роману.

Приятель Лоуфорда «Буллете» Дергон вспоминает, как в 1962 году во время обеда в особняке на побережье произошло некое замешательство. «Вдруг неожиданно для всех вошли Мэрилин и Роберт Кеннеди. Оглядевшись, они увидели, что присутствовало несколько посторонних людей, и удалились, сказав только: «Привет!» и «Пока!» Мы обменялись взглядами и сказали: «Ладно, все в порядке...» Я понял, что они почувствовали, что это было не самое подходящее место для их появления вместе. И они ушли».

Питер Дай, сосед Лоуфорда по пляжу, говорит: «Она рассказывала мне, что была без ума от него... Мне казалось, что он испытывал то же самое. Она одновременно была помешана на нем и боялась его».

Мэрилин, пребывая в смятении чувств, встречалась теперь с обоими братьями. В Калифорнию ей звонили они оба, как теперь замечает Юнис Мер-рей. Нью-йоркская горничная Лена Пепитоне говорит, что Роберт Кеннеди звонил «много раз».

Встречи были тайными, но не всегда безопасными. «Бывали всякие проблемы, — говорит близкий друг президента сенатор Джордж Сматерс. — Помнится, Мэрилин, собиравшаяся встретиться с Робертом, в самолете напилась... Ее пытались утихомирить, но она сказала им: «Я собираюсь встретиться с Бобби...»

Президент, рассказывает Сматерс, «высказал мне свою озабоченность связью брата с Мэрилин». По иронии судьбы они поменялись местами. Неравнодушный к женскому полу президент — которого в 1960 году во время конвента предостерегал его младший брат — беспокоился теперь из-за поведения Роберта.

Через три недели после встречи с Мэрилин, в конце февраля, вернувшись после кругосветного путешествия, он получил меморандум от Дж. Эдгара Гувера. В нем сообщалось, что очередная любовница президента, Юдит Кэмбелл, поддерживает регулярные отношения с мафиози Джонни Розелли. Гувер также обнаружил, что Кэмбелл наряду с президентом встречалась с боссом Розелли, Сэмом Джанканой. Теперь никто не сомневается, что в тот момент Гувер предостерег президента от дальнейших контактов с Кэмбелл.

Убедительные данные свидетельствуют о том, что ни один из них не внял предостережениям, и братья продолжали встречаться, один — с Монро, другой — с Кэмбелл. Но звонки Кэмбелл в Белый дом прекратились. С другой стороны, сама Кэмбелл уверяет, что ее контакты с президентом продолжались еще, по крайней мере, три месяца.

Спустя много недель после предупреждения Гувера Кэмбелл была в Беверли Хиллз и садилась в один лимузин с Аленом Делоном и другом президента, актрисой Энджи Диккинсон. Кэмбелл говорит, что Диккинсон якобы воскликнула: «Вы Юдит, Кэмбелл?.. Джон мне столько о вас рассказывал!»

Незадолго до поездки в Мексику, состоявшейся в феврале, Мэрилин немного покаталась на автомобиле со своим старым другом, голливудским корреспондентом Сиднеем Сколски. «Она снова говорила о президенте, — вспоминал Сколски. — Она сказала, что говорила ему обо мне. Она сказала, что в марте собирается побывать на обеде в Белом доме и что возьмет меня с собой».

Но пришел март, и ни слова не было сказано о визите в Белый дом. И президент не стал препятствовать появлению Мэрилин в Калифорнии ради того, чтобы встретиться с ним, хотя прошло не более сорока восьми часов после предупреждения Гувера относительно Кэмбелл.

Бытует мнение, что решение президента не останавливаться во время того визита в доме Фрэнка Синатры было принято им по совету брата. Но по свидетельству одного очевидца, отношение Роберта на этот счет было прямо противоположным.

«Ошибочно сообщалось, — вспоминал, один из помощников президента Кеннет О'Доннелл, — что это министр юстиции

отсоветовал брату останавливаться в доме Синатры из-за связей последнего с известными преступниками, но на самом деле Бобби по телефону попросил меня замолвить словечко в пользу Синатры. «Бобби, эту поездку устраивает не министерство юстиции», — напомнил я ему. Бобби сказал: «Ладно, пусть будет по-вашему».

Один из источников из персонала Кеннеди, с которым я беседовал при написании этой книги, утверждает, что Роберт Кеннеди общался с Фрэнком Синатрой во Флориде даже в 1965 году. Так что положение вещей не всегда таково, каким кажется.

В мае 1962 года, невзирая на все предостережения, Роберт Кеннеди принял активное участие в появлении Мэрилин в Нью-Йорке на торжествах по поводу дня рождения президента, когда она пропела ему поздравительную песенку.

Тогдашний президент исполнительного комитета «Фокса» Милтон Гуд вспоминает, что ему поступил звонок от Роберта Кеннеди. «Я объяснил Кеннеди, почему мы не можем пойти на это. Он очень рассердился и ругал меня на чем свет стоит, а потом швырнул трубку. Он обозвал меня «никчемный еврейский ублюдок», и мне это не слишком понравилось... На последующих встречах он ясно дал мне понять, что негодует по поводу моего поведения. Он не забыл об этом».

Гуд, юрист по образованию, утверждает, что позже в шестидесятые годы, когда Линдон Джонсон хотел назначить его на должность федерального судьи, Кеннеди воспротивился этому.

Пленки Монро — и что с ними стало?

После публикации «Богини» стало ясно, что скрытые микрофоны стали источником грязного материала на Монро и братьев Кеннеди. Впервые заговорили операторы и специалисты по электронному прослушиванию, давая таким образом новую информацию, которая могла бы послужить разгадкой того, что на самом деле произошло в последние часы жизни Мэрилин.

Кто санкционировал подслушивание? Всегда напрашивался наиболее простой ответ — Джимми Хоффа, потому что к делу имел отношение регулярно используемый им специалист Бернард Спиндел. Но вдова Спиндела уверяет: «Берни действительно говорил, что у него имелись пленки, в том числе и те, что были записаны в ночь смерти Мэрилин. Но он не уточнял, являлись ли

записи делом его рук и для Хоффы ли была выполнена эта работа».

Спиндел, как несколько других профессионалов, занимавших высшую ступеньку в этой области в период ее становления, работал по найму. Он устанавливал электронные «жучки» для политиков, выявлял и обезвреживал «жучки», установленные их противниками. Полицейским он читал лекции об электронном подслушивании и соответствующих устройствах. Один из его соратников лично видел, как тот работал с разведчиками, по всей вероятности из ЦРУ. Роберт Кеннеди однажды попытался увести его у профсоюзного босса Хоффы. По свидетельству одного техника, длительное время работавшего с ним, Спиндел иногда работал на босса мафии Сэма Джанкану.

Спиндел был незаменимым специалистом. В то же время он отличался непостоянством и, как человек, располагавший опасными секретами, таил в себе угрозу. Ранее в этой книге мы уже отмечали, как разговор Джанканы прослушивался благодаря комнатному «жучку», установленному ФБР, когда тот выражал свои опасения относительно братьев Кеннеди и желание избавиться от слишком пристального внимания со стороны Роберта Кеннеди.

Как следует из расшифровок конгресса, которые удалось мне раздобыть, та же беседа включала и разговор о подслушивающих устройствах, состоявшийся между Джанканой и его голливудским приспешником Джонни Розелли. Заканчивался он очевидной ссылкой на Роберта Кеннеди. Диалог мафиози публикуется впервые:

Джанкана: То, что мне нужно, должно быть действительно крошечным.

Розелли: Хорошо, вот один, который можно прикрепить к стене. У меня есть один парень, специалист по этому делу, он-то и принес его мне.

Джанкана: Нельзя взять такой здоровый микрофон и установить его на стене в квартире...

Розелли: Можно, если разобрать его на части.

Джанкана: Если разберешь его на части, возможно, не

добьешься достаточной громкости звука...

Розелли: Послушай, испытай его, у тебя есть специалист по электронике... Подожди, я тебе объясню, что это такое... У них в ЦРУ есть это...

Джанкана: Похоже на сигарету...

Розелли: У ФБР ... есть портативное устройство, с его помощью можно записывать разговор на расстоянии... Я умолял их во что бы то ни стало доложить об этой штуке ... ЦРУ ... У меня есть другого вида... Один парень в Лос-Анджелесе, у которого имеется нечто вроде электронного колпачка, он показывал его мне ... так что я попытался выяснить, какие бывают самые миниатюрные. Если поместим его сюда, у тебя есть приемник? ... с какого расстояния?

Джанкана: Может быть, квартал, два или три...

Розелли: Каких размеров этот приемник?

Джанкана: Как... коробочка была такой величины, может быть, три на три дюйма. Мы несли всякий вздор, а оно воспринимало. Подумай об этом.

Розелли: Хорошо. Я подумаю над этим. Бобби в Вашингтоне.

Эта беседа состоялась в декабре 1961 года, к этому времени наблюдения за спальней президента шли полным ходом. Как сообщалось в этой книге, Джон Данофф, техник, работавший на голливудского детектива Фреда Оташа, прослушивал, как Джон Кеннеди занимался любовью с Мэрилин в день Благодарения в 1961 году в калифорнийском особняке Питера Лоуфорда.

Недавно Данофф счел возможным дать кое-какие подробности. «Определив место получения наиболее сильного сигнала, — говорит он, — примерно в пяти сотнях ярдах от дома я занял позицию... К своему изумлению, я начал узнавать голоса, — из-за бостонского произношения президента и голос Мэрилин Монро... Я слышал, как они разговаривают, было ясно, что они собираются раздеваться, а потом в постели занимались сексом...»

Данофф говорит, что, согласно правилам, записи он отнес своему шефу, Фреду Оташу. Оташ сказал ему, что заказчиком был

Джо Ди Маджо, добавив при этом: «Оттого, что ты чего-то не знаешь, хуже тебе не будет». Оташ, который прежде отрицал всякую личную причастность к операциям по прослушиванию, сейчас подтверждает правдивость слов Даноффа.

В интервью Эй-Би-Эс и Би-Би-Си Оташ рассказал, как в 1961 году ему позвонил Бернард Спиндел и попросил встретиться с ним во Флориде. «Я отправился на самолете, — вспоминал он, — там у меня состоялась встреча со Спинделом и Хоффой. Они хотели, чтобы я начал собирать компрометирующий материал на Джека и Бобби Кеннеди».

Оташ согласился. Являясь бывшим офицером полиции, он говорит: «У меня имелся доступ к информации о всех передвижениях президента и Бобби Кеннеди. Когда мы получали сведения о том, что они намереваются прибыть в город, к работе подключались все подслушивающие устройства. В доме Лоуфорда их было четыре или пять».

Разработать операцию помогал Спиндел, но его основным местом обретания оставалось Восточное побережье. В Калифорнии Оташ нанял собственного специалиста. Это консультант, который на протяжении многих лет обслуживал политиков, телефонных операторов казино Лас-Вегаса и правительственные агентства. Только в отличие от Спиндела он старался избегать рекламы. Дать показания он согласился только при условии, оговоренном в письменной форме, что его имя фигурировать нигде не будет.

Карьера консультанта служит ярким свидетельством того, какой опасности подвергаются могущественные люди, прибегая к тайной слежке. Одним из его основных клиентов на протяжении многих лет был миллионер Говард Хьюз, который в то время активно манипулировал политиками с целью получения максимальной прибыли в оборонной промышленности, авиации и Голливуде. В 1962 году, работая по найму у республиканцев во время кампании Ричарда Никсона за место губернатора в Калифорнии, консультант обнаружил, что Роберт Кеннеди отдал приказ о ведении наблюдения за штаб-квартирой республиканцев. «Мы наблюдали за его людьми, наблюдавшими за республиканцами, — говорит консультант, — и я сам был свидетелем того, как записанные пленки посылались на Восток и пересекали ворота дома Роберта Кеннеди в Вирджинии».

«Жучки» в доме Питера Лоуфорда, говорит консультант, были установлены до того, как возник интерес к Мэрилин Монро. Устройства были установлены раньше, когда консультант находился в доме по поводу одного большого приема.

Итак, пленку с записью любовной сцены президента и Мэрилин Монро Оташ и консультант прослушивали в конце 1961 года. Консультант и раньше устанавливал «жучки» для прослушивания Роберта и Эдварда Кеннеди. Это было в Сан-Франциско во время президентских выборов. Работа эта выполнялась по заказу Джимми Хоффы. Консультант жалеет об этом. Хоффа никогда не нравился ему. Заподозрив, что наблюдение за Мэрилин осуществлялось также по его указке, он стал привередлив. Консультант утверждает, и показания Оташа также совпадают с его утверждением, что одна из пленок с записью президента и Монро была уничтожена.

В других случаях Оташ подобного замешательства не испытывал. Он подтверждает, что «двадцать пять или тридцать пленок» было переправлено Бернарду Спинделу. Записи в руках посредников, имевших непосредственное отношение к мафиози — Спиндел работал на Хоффу и иногда на Джанкану, — представляли собой вполне осязаемую угрозу для президента. Джонни Розелли, человек Джанканы в Голливуде, знал как Оташа, так и его оперативника Данoффа.

В марте 1962 года — как раз в тот период, когда начался роман Роберта Кеннеди с Мэрилин Монро — он стал специальным объектом электронного прослушивания. Как-то к другу Мэрилин Артуру Джеймсу обратился его приятель, мафиози с Западного побережья, Кармин Де'Сапио, с просьбой увезти куда-нибудь актрису, чтобы можно было установить в ее доме подслушивающую аппаратуру. Джеймс отказался, но «жучки» тем не менее были установлены.

Сыщик Фред Оташ недавно признался: «В последние месяцы жизни Мэрилин в Калифорнию приезжал Бернард Спиндел, он хотел, чтобы я организовал незаконное установление подслушивающей аппаратуры в ее доме: «жучков» в ее спальне и телефоне ... Я сказал: «Нет, я не хочу принимать в этом участия». Тогда он спросил: «Вы не можете оказать нам поддержку, скажем, людьми? — Тогда я ответил: "Да, пожалуйста"».

Оташ продолжал играть главенствующую роль. Он

предоставлял все необходимое и полевых операторов, находившихся в его распоряжении; полученные результаты он переправлял Спинделу.

Впервые Оташ и другие передали содержание разговоров, записанных на пленки. «Очень много записей было посвящено Роберту Кеннеди и Монро, — говорит Оташ, — имелись также записи Мэрилин и президента». На некоторых запечатлены звуки, сопровождающие процесс совокупления, на других — ссоры.

«На одной из пленок, — рассказал мне Оташ, — я слышал, как она вопила, вопила и вопила на него. Потому что, по ее словам, он обещал развестись и жениться на ней. Она без конца твердила об этом, и все закончилось потасовкой». По свидетельству Оташа, об утверждении Мэрилин, что она беременна, он узнал от своих оперативников и от одного полицейского источника.

Техник Спиндела Эрл Джейкокс, который ранее признался только в том, что видел эти пленки, теперь говорит, что Спиндел давал ему прослушать записи телефонных разговоров Мэрилин 1962 года с обоймы братьями Кеннеди. Были звонки как в Белый дом, так и Роберту Кеннеди в министерство юстиции.

«Когда она звонила, разыскивая Джека, — говорит Джейкокс, — на другом конце провода часто отвечал мужской голос секретаря... Мне кажется, его звали Кенни». Личного помощника президента Кеннеди звали Кеннет О'Доннелл.

«Во время этих звонков Мэрилин большей частью была возбуждена, очень возбуждена... Она вела себя как женщина, которую предали».

Был как-то разговор о свидании в Вирджинии и о том, что Роберт Кеннеди не встретился с ней на озере Тахо. Звонки президенту, рассказывает Джейкокс, как будто носили осведомительный характер, она пыталась вызнать у него относительно намерений его брата. «Джек Кеннеди говорил с ней довольно спокойно, — вспоминает Джейкокс. — Он был не прочь поговорить о брате». В то время как Роберт Кеннеди, напротив, «свирепел и бросал трубку».

Предполагается, что записи велись и в день смерти Мэрилин. Логической причины для опровержения этого предположения нет.

С какой стати могло понадобиться отключать микрофоны в тот день? Оташ говорит, что из записей видно, что во второй половине дня Роберт Кеннеди действительно навестил Мэрилин и что пара занималась любовью, затем последовала жестокая ссора, закончившаяся со стороны Мэрилин взрывом, когда та запальчиво выкрикнула: «Меня пустили по рукам, как кусок мяса. Ты лгал мне. Убирайся отсюда. Я устала. Оставь меня в покое». Кеннеди ушел.

По истечении нескольких часов Мэрилин скончалась. На некоторое время мы оставим электронное ухо и послушаем людей, причастных к субботнему вечеру 4 августа. Новые исследования принесли новые плоды.

Уловка в ночи

Питер Лоуфорд, зять Кеннеди, был пьяницей и наркоманом, но у Кеннеди имеется причина быть ему благодарными. Он отказался раскрывать что-либо, что ему было известно о Мэрилин, но не из-за чувства лояльности к Роберту, а из-за его прямо-таки маниакальной преданности памяти президента. Тем не менее Лоуфорд . оставил кое-какую достоверную информацию о том, что произошло в ночь, когда умерла Мэрилин.

В начале семидесятых годов продюсер «Эй-Би-Си Ньюз» Йорн Уинтер, готовя документальный фильм о Мэрилин, некоторое время провел в компании Лоуфорда. Было решено, что он не станет допытываться у Лоуфорда относительно связи актрисы с Кеннеди. Однако, когда работа была завершена, сидя с Уинтером наедине в просмотровом зале, Лоуфорд заговорил о той фатальной ночи и попытках доставить ее в особняк на берегу.

«Лоуфорд сказал Мэрилин, что там будет Бобби Кеннеди, — вспоминает Уинтер, — и что, возможно, на огонек заглянут Уоррен Битти2 и Натали Вуд. Мэрилин поинтересовалась: «Кто еще? — и Лоуфорд назвал имена еще нескольких дам, которые по ее определению принадлежали к дорогим девочкам по вызову. Это очень расстроило ее, и она спросила, как смеет он приглашать ее, когда в доме будут подобные женщины. С этими словами она повесила трубку... Лоуфорд разговаривал с ней еще раз, уже после того, как она наглоталась таблеток, после чего позвонил ее адвокату Милтону Рудину...»

Это совпадает с теми сведениями, которые я почерпнул у одной соседки Лоуфорда. Подобный рассказ она услышала от

приятеля Лоуфорда, продюсера «Буллетса» Дергома, который утверждает, что в ту ночь гостил в доме на берегу.

Детектив Оташ, знавший Дергома, говорит, что тот якобы сказал (только в прошлом году), что «Бобби очень беспокоился, как бы Мэрилин не вышла из-под контроля и не распустила язык. Он сказал Питеру: "Доставь ее сюда. Она не станет разговаривать со мной сейчас, поэтому приведи ее на пляж ты"».

Дергом, которого в 1986 году спросили об этом, заявил, что ему ничего не известно. Он сказал, что Роберта Кеннеди там не было, но прибытие Мэрилин ожидалось. «Точно я помню только одно, — добавляет он, — что примерно в 9.30 появилась Пэт Ньюком. Она остановилась на ступеньке и сказала: "Питер, Мэрилин не придет, ей нездоровится"».

Дергом рассказывает, что «около 10 или 11 часов Лоуфорд предпринял попытку позвонить адвокату Мэрилин, Милтону Рудину; «к дому направился адвокат или еще кто-то ... но было уже поздно».

Многолетняя служанка Лоуфорда Эрма Ли Рейли говорит, — так же как и гости Джо и Долорес Нааров, — что до десяти часов вечера, времени ее ухода, о Мэрилин никто не беспокоился. Пока Мэрилин находилась в доме, Роберта Кеннеди там не было.

Показания Джульет Розуэлл, бывшей работницы пресс-агента Мэрилин Артура Джекобса, совпадают с показаниями жены Джекобса, утверждавшей, что известие о серьезной болезни Мэрилин или ее смерти пришло до полуночи. «Туда я пошел, — сообщил ей Джекобс, — в одиннадцать часов».

Долорес Наар, ушедшая с вечеринки вместе с мужем до одиннадцати, утверждает, что совершенно уверена в том, что Лоуфорд позвонил им вскоре после этого и сказал, будто «доктор Мэрилин дал ей транквилизатор и она теперь отдыхает».

Что произошло в тот промежуток между одиннадцатью и 3.30 часами утра, когда экономка Юнис Меррей наконец позвонила психиатру Гринсону? Дочь Гринсона Джоан полагает, что поначалу, когда забили тревогу, было решено не беспокоить отца. Тем временем в доме Мэрилин что-то происходило.

Противоречивые показания окружают заявление Уолтера

Шефера, владельца крупнейшей в Лос-Анджелесе компании по оказанию скорой медицинской помощи, которое он сделал в 1985 году. Суть его сводится к тому, что «скорая помощь» была вызвана Мэрилин, когда та еще была жива. В бригаду, по его словам, входили Кен Хантер и Меррей Лейб.

Лейб и сегодня продолжает утверждать, что в ту ночь не дежурил, но Хантер недавно как будто сказал, что он и Лейб забрали Мэрилин, находившуюся «в коматозном состоянии».

Другой водитель Шефера, Джеймс Холл, — сначала в платном интервью — засвидетельствовал, что входил в вызванную тогда бригаду. О времени он говорит, что это случилось в «три ночи или что-то вскоре после трех». Он говорит, что помощница Мэрилин Пэт Ньюком была «в смятенном состоянии» и к моменту их прибытия уже находилась там и что Мэрилин еще была жива. Ньюком утверждает, что прибыла гораздо позже, и говорит, что к тому времени, когда она появилась в доме, никакой бригады «скорой помощи» в доме не было.

Холл говорит, что с коллегой они попробовали привести Мэрилин в чувство, но им помешал человек, назвавшийся врачом. Предполагаемый «доктор» взял медицинское руководство на себя и сделал Мэрилин какую-то инъекцию, после чего объявил, что Мэрилин мертва. Холл утверждает, что полиция прибыла в тот момент, когда машина «скорой помощи» уезжала.

История Холла совпадает с рассказами его домашних. Его отец, доктор Джордж Холл, бывший полицейский хирург, говорит, что о случившемся сын рассказал ему тогда же. То же говорят бывшая жена Холла и его сестра.

Можно не сомневаться в том, что «скорая помощь» действительно вызывалась, хотя о ней не упоминается ни в уцелевших полицейских отчетах, ни в сообщениях прессы. О том вызове 1962 года вспоминают сегодня не менее семи работников компании Шефера, один из них ныне является вице-президентом компании.

Доктор Мэрилин Хаймен Энгелберг утверждает, что все разговоры о «скорой помощи» являются «фантазией чистой воды». Но и он говорит, что тревога была поднята «что-то около одиннадцати или двенадцати».

Однако Эй-Би-Си и следователю окружной прокуратуры Энгелберг сказал, что его вызвали между 2.30 и 3.00 ночи, значительно раньше 3.50, как это указано в полицейском протоколе 1962 года.

Экономка миссис Меррей в 1985 году произвела фурор. Во время беседы со мной, когда я выступал в качестве представителя Би-Би-Си, она поведала свою обычную версию, с которой выступала перед общественностью. Потом, когда операторы уже покидали площадку, она внезапно сказала: «Зачем мне в моем возрасте продолжать скрывать случившееся?»

Затем миссис Меррей поразила нас, объявив, что в день смерти к Мэрилин на самом деле приходил Роберт Кеннеди и что к ней, пока она была еще жива, был вызван врач и «скорая помощь». Почти то же самое она рассказала и бригаде из Эй-Би-Си.

Миссис Меррей действительно рассказала все это. Тем не менее, хотя репортеры и чувствовали, что она стремилась рассказать правду, ее интервью сквозило противоречивыми и непостоянными данными.

Но четыре года назад миссис Меррей постаралась быть предельно откровенной. В 1982 году в беседе с исследователем Джастином Клейтоном она сказала, что «дверь Мэрилин обнаружила приоткрытой» около полуночи. В этот момент, как хорошо помнит Клейтон, она словно «остолбенела и, поспешно поднеся ладонь ко рту, сказала: "Я оговорилась, я обнаружила, что дверь заперта..."». В 1985 году, ссылаясь на показания, данные полиции в 1962 году, миссис Меррей сказала мне: «Я говорила то, что считала ... нужным говорить».

Среди полицейских, прибывших в дом Мэрилин, был человек по имени Марвин Айенон, занимающий сегодня должность шефа полиции Беверли Хиллз. Когда в 1986 году у него попытались взять интервью, отвечать на вопросы он отказался. Но свое первое в жизни интервью согласился дать мне сержант Роберт Байрон, детектив из отдела по расследованию убийств, также входивший в отряд полицейских, прибывших на место происшествия.

С постели его подняли в 5.00 утра. Сорок пять минут понадобилось ему, чтобы добраться до дома Мэрилин. По его

словам, в доме находились только адвокат Милтон Рудин, доктор Энгелберг и Юнис Меррей. «Энгелберг сказал мне, — вспоминает Байрон, — что ему позвонила экономка и сказала, что Мэрилин либо умерла, либо находится без сознания». Он пришел и увидел, что Мэрилин мертва. Юрист говорил очень мало. Он не проявил желания распространяться на эту тему. К тому времени, когда явился сержант, доктор Гринсон уже ушел.

Большую часть показаний снимали Байрон и старший по званию лейтенант Гровер Армстронг, шеф сыскного отдела полиции Лос-Анджелеса. Как видно из рапорта, самой большой трудностью, с которой они столкнулись, было привести к общему знаменателю показания миссис Меррей, доктора Энгелберга и доктора Гринсона. Особенно в вопросах относительно хронологии событий. В одном рапорте они проявили достаточную твердость и даже написали, что миссис Меррей «давала уклончивые ответы». Байрон, долгое время прослуживший в полиции, пять лет проработал детективом в отделе по расследованию убийств. «У меня было чувство, — вспоминает он, — что ей сказали, что говорить, и что все было отрепетировано заранее. Я не сомневался, что у нее была готовая история».

Насчет доктора Энгелберга и Милтона Рудина Байрон говорит: «Что касается тех двоих, результат был негативным... Они говорили мне то, что хотели бы, чтобы я знал. Во всяком случае, так мне это тогда казалось. Их отношение вывело меня из равновесия».

«Мало-помалу, — вспоминает Байрон, — кое-какие непредусмотренные ответы я получил. Они могли рассказать нам гораздо большее... Я чувствовал, что они неверно передавали хронологию событий, неверно описывали и сами события, но мы не сделали того, что должны были бы сделать в любом другом случае, — не доставили их в полицейский участок».

Расследования не проводили, объясняет Байрон, потому что на месте не было выявлено следов насилия, и аутопсия однозначно показала отравление барбитуратами. Но воспоминания о тех допросах др сих пор не дают мне покоя.

Байрон говорит, что в то время от полицейских источников слышал, как «ее навещал Роберт Кеннеди...». Но это не входило в круг расследования Байрона. Тем не менее сегодня мы имеем данные о времени отъезда Роберта Кеннеди из Лос-Анджелеса.

Придерживаясь версии, что Роберт Кеннеди улетел на вертолете, я опросил семью покойного Хола Коннерса, вертолет которого часто приземлялся на взлетно-посадочную площадку у дома Лоуфорда в Санта-Монике. Дочь Коннерса Патрисия вспоминает, что в ночь смерти Мэрилин отца долго не было дома. «На другое утро, — говорит она, — помнится, я спросила его: «Ты слышал, что умерла Мэрилин Монро?», — он, похоже, никак не отреагировал».

Главным пилотом Коннерса и вице-президентом лос-анджелесской службы воздушных перевозок был Джеймс Зонлик. Следы Зонлика были обнаружены во Флориде. Он вспоминает, что однажды Коннерс действительно забирал Роберта Кеннеди с побережья и при весьма необычных обстоятельствах.

«Он рассказал мне об этом примерно три дня спустя, — вспоминает Зонлик. — Нам позвонили из полицейского управления, потому что поступили жалобы от соседей за ночное беспокойство. Это была единственная ночная поездка, предпринятая нами в то время. Мне кажется, это случилось что-то около 9.30 или 11.00 вечера. Хол взял Кеннеди на борт у дома на берегу и доставил его в Международный аэропорт Лос-Анджелеса... Он был несколько польщен, что ему выпала честь перевозить столь важное лицо».

Эд Коннелли, который также работал под началом Коннерса, имеет аналогичные воспоминания: «На пляже Санта-Моники он приземлился без света, — рассказывает Коннелли. — Это было загадочно ... и не характерно для Хола поступить таким образом. Его это странным образом позабавило». Но ни Зонлик, ни Коннелли, являющиеся сегодня пилотами крупных авиалиний, не могут припомнить, когда именно состоялся тот полет. Зонлик полагает, что это было, вероятно, во второй половине 1962 года, — что совпадает с истинной хронологией событий.

Информация, полученная от двух источников, служит подтверждением тому факту, что в ту ночь Питер Лоуфорд нанял человека из службы безопасности, чтобы навести порядок в доме Мэрилин и ликвидировать малейшие следы присутствия Роберта Кеннеди. Детектив Фред Оташ, ранее отказавшийся подтвердить или опровергнуть эти сведения, теперь дал положительный ответ. Он понимает всю иронию создавшейся ситуации: человек, причастный к прослушиванию разговоров Кеннеди, должен был

затем действовать на их стороне.

Оташ устало рассказывает: «Лоуфорд пришел ко мне. В городе я был тем парнем, который помогал разрешить личные проблемы богатых и знаменитых людей. Я и раньше выручал Лоуфорда, когда из-за наркотиков у него были проблемы с департаментом шерифа. Услуги я оказывал за деньги и поэтому сказал, что мы сделаем все от нас зависящее».

Своей последней жене, Пэт Ситон, Лоуфорд сказал, что к услугам Оташа он обращался многократно, включая и ночь смерти Мэрилин.

Чтобы осведомленность Оташа не принесла сколько-нибудь вреда, были предприняты некоторые срочные меры. Оташ говорит, и его коллеги подтверждают, что агенты секретной службы в тот год «силой заставили» передать собранное им досье, в котором содержались материалы обо всех передвижениях Кеннеди в Лос-Анджелесе.

С целью защитить Кеннеди были предприняты и другие меры. Нельзя считать простым совпадением тот факт, что в архивах фотоагентств не сохранилось фотографии Мэрилин ни с одним из братьев Кеннеди, включая и вполне официальные снимки, сделанные на торжестве по случаю празднования дня рождения президента, когда Мэрилин пропела ему поздравительные куплеты в Мэдисон-Сквэр-Гарден.

В «Глоуб Фотос» имелось, по крайней мере, два сделанных в ту ночь снимка с изображением Мэрилин и президента. «На одном из них, — рассказывает один из бывших начальников, — он смотрел на нее снизу вверх. В его глазах светилось восхищение, — первоклассный был снимок...»

Примерно через две недели после кончины Мэрилин, предъявив удостоверения агентов ФБР, агентство «Глоуб» навестили двое мужчин. «Они сказали, что собирают материалы для президентской библиотеки, — рассказывает бывший исполнительный директор. — Они попросили нас показать им все имевшиеся у нас материалы по Монро. Присматривать за ними я попросил сотрудницу архива, но потом мы обнаружили, что пропало абсолютно все, включая даже негативы... Будьте уверены, по прошествии стольких лет эта потеря стоила нам тысячи долларов. Много чего они унесли с собой».

«Это было так неприятно, — говорила экономка Мэрилин, миссис Меррей, в 1985 году, — что защитники Роберта Кеннеди, знаете, должны были вмешаться и защитить его. Разве в этом нет логики?» На деле логика в этом была.

Самой неприятной частью всего этого остается тайна, которой окружены последние часы жизни Мэрилин. Столкнувшись с противоречивыми показаниями тех, кто замешан в этом деле, мы со всей осторожностью возвращаемся назад — к пленкам Монро, таившим для Роберта Кеннеди величайшую угрозу.

Версия тех, кто занимается перехватами телефонных сообщений

Фред Оташ, переправлявший записи с Западного побережья в Нью-Йорк Бернарду Спинделу, говорит, что к тому моменту, когда ближе к вечеру того субботнего дня Роберт Кеннеди покинул ее дом, Мэрилин уже «изрядно накачалась пилюлями и плохо соображала». Это в полной мере совпадает с замечанием доктора Гринсона, что Мэрилин, когда он в ответ на ее мольбы приехал, показалась ему «одурманенной наркотиками», — это было около 5 часов вечера.

Оташ уверяет, что в тот вечер не Мэрилин пыталась разыскать Роберта, а он пытался заставить ее прийти в дом Лоуфорда. Реакция Мэрилин, со слов Оташа, сводилась к следующему: «Прекратите беспокоить меня. Отстаньте от меня».

Коллега Оташа, консультант по вопросам безопасности, вспоминает, как потрясенный Лоуфорд описывал сложившуюся ситуацию. «Она хорошо запомнилась мне, — говорит он. — Мэрилин совершила поворот на сто восемьдесят градусов». Лоуфорд сказал, что Мэрилин, разыскивая президента, позвонила в Белый дом и сказала: «Держите своего братца подальше от меня — он просто использует меня...»

Оташ и консультант, занимавшиеся прослушиванием в Калифорнии, говорят, что о последних ночных часах им ничего не известно. Остались только противоречивые истории об обнаружении тела, вызове «скорой помощи» и поспешном отъезде Роберта Кеннеди. Близкие соратники человека, получившего пленки, Бернарда Спиндела, рассказывают куда более страшную историю. Один из них, следы которого удалось найти совсем

недавно, утверждает, что слушал записи.

В 1985 году в разгар переговоров относительно прав телевидения я встретился с человеком по имени Марк Монски, который занимал пост вице-президента телевизионных новостей Эн-Би-Си. Монски сказал, что, несмотря на то, что сам он никогда не занимался расследованием дела Монро, ему о нем рассказывал один давнишний и надежный знакомый. Этим знакомым оказался мужчина, который с начала шестидесятых годов занимался техническим обслуживанием правительства, но не в области электроники. Монски сказал, что его знакомый знал Спиндела, благодаря чему ему было известно о пленках Монро. С большим трудом, но все же его удалось уговорить встретиться со мной.

На первой встрече, происходившей в нью-йоркском клубе «Метрополитен», мне даже не было позволено узнать имя человека. Но со временем я все же узнал его. По причинам, которые, как я полагаю, вполне понятны читателю, называть его на страницах этой книги я не стану. Как консультант из службы безопасности, он и сегодня продолжает выполнять свои профессиональные обязанности. Его карьера, а возможно, и безопасность, зависят от сохранения его анонимности.

О деле Монро человек говорил с неохотой. Он отказался обнародовать известные ему факты даже за большие деньги. Свою историю он рассказывал мне многократно с интервалом в несколько месяцев, каждый раз повторяя ее без изменений. Информатор сказал мне, что посетил Бернарда Спиндела в его доме в Холмсе, штат Нью-Йорк, «вскоре после первого сердечного приступа», который произошел в 1967 году. Он вспоминает, как они сидели в гостиной, Спиндел прихлебывал имбирный эль, заедая его крекерами. Они были одни.

Спиндел рассказал ему, что в 1962 году его «наняли для сбора сведений о РФКЗ». Среди прослушивающей аппаратуры, установленной в доме Мэрилин, имелся миниатюрный, «не более рисового зернышка», микрофон, который почти невозможно различить невооруженным глазом при установке на стене или на деревянных панелях, гордость и радость последних инженерных достижений Спиндела. Воспринимаемые звуки он передавал на записывающее устройство, спрятанное в отдалении, где-нибудь в подполье. Спиндел изобрел систему, позволяющую делать запись с чрезвычайно малой скоростью, чтобы одна катушка могла вместить около пятнадцати часов записи.

Забирать готовую «продукцию» приходил кто-то из команды Оташа. В доме «жучки» стояли на обоих телефонных аппаратах актрисы и в спальне. По словам нового источника информации, Спиндел воспроизвел ему около сорока минут пленки, записанной в последний день жизни Мэрилин.

Из пленки следовало, что Роберт Кеннеди навещал ее дважды. «Сначала, — говорит он, — было слышно, как Мэрилин и Кеннеди разговаривали. Запись неважная, словно источник звука находился в соседней с микрофоном комнате или коридоре». Спальня Мэрилин находилась за углом большого вестибюля, откуда открывалась парадная дверь на улицу.

Информатор говорит, что голоса Мэрилин и Кеннеди были легко узнаваемыми, несмотря на эффект отражения. Информатор, как и Оташ, — следует заметить, что между собой они не знакомы — говорит, что шла жаркая перепалка. «Их голоса становились все громче, — вспоминает он. — Они спорили из-за чего-то, что обещал сделать Роберт Кеннеди. Мэрилин требовала объяснений, в частности, почему Кеннеди не собирался жениться на ней. По мере того как они ругались, голоса делались пронзительнее. Если бы я сразу не узнал голоса РФК, то не уверен, что мне удалось бы это на том этапе прослушивания. Голос его переходил в визг и напоминал вопли старухи...»

Гнев Кеннеди, как утверждает информатор, основывался на том, что ему стало что-то известно об электронном подслушивании. Он постоянно спрашивал: «Где он? Где он, мать твою?» — ссылаясь, по-видимому, на микрофон или магнитофон.

Остается неизвестным, знала ли Мэрилин об этом, но положительный ответ на этот вопрос только сделал бы тайну еще более запутанной. В любом случае ответа она не дала. Эпизод закончился, говорит информатор, звуком захлопнувшейся двери.

Далее из пленки следовало, что Кеннеди вернулся, но не один, а в сопровождении Питера Лоуфорда, — источнику, правда, не известно, редактировал ли Спиндел запись. Информатор говорит, что голоса Питера Лоуфорда он не знал, но о его принадлежности ему сообщил Спиндел. «Было слышно три отчетливых голоса, — говорит он. — Сначала звучание было гулким. РФК говорил что-то типа: «Мы должны знать. Это важно для семьи. Мы можем устроить все, как ты хочешь, но мы должны

найти его», — по всей видимости, он все еще искал записывающее устройство. Потом, очевидно, они подошли к микрофону ближе».

«Потом на пленке послышался какой-то лязгающий звук, — вспоминает информатор, — и Берни сказал, что, на его взгляд, он походил на звук задергиваемых штор. Они продолжали искать то, за чем пришли. Послышался звук падения, как если бы упали перевернутые книги. Иногда запись была чистой, иногда не очень. Кеннеди снова визгливо кричал, а Лоуфорд приговаривал: «Успокойся, успокойся...» Монро тоже орала на них, требовала покинуть ее дом».

Вторую часть записи информатор охарактеризовал как «тихие, глухие звуки, как от удара, шумы, потом приглушенные успокаивающие звуки. Было похоже, что ее укладывали в постель».

Из слов информатора вытекало, что последняя часть пленки включала разговор Кеннеди и Лоуфорда относительно возвращения Кеннеди в Сан-Франциско. Он утверждает, что собеседники договорились, что сразу после отъезда Кеннеди будет Мэрилин сделан звонок. В конце записи зазвонил телефон и кто-то снял трубку? Но сделавший это человек не произнес ни слова. Спиндел считает, что сделано это было для того, чтобы ввести звонившего в заблуждение, создать впечатление, что Мэрилин жива и ответила на телефон в то время, когда Роберт Кеннеди находился в ином месте. Спиндел уверен, что к тому моменту, когда Кеннеди покидал дом, Мэрилин была уже мертва.

Такое положение вещей могло бы объяснить тот факт, что доктор Гринсон обнаружил тело с «крепко зажатым» телефоном в руке. Но эпизод с телефоном все еще вызывает беспокойство.

Двое патологоанатомов, с которыми я обсуждал это дело, полагают, что человек, умирающий от отравления барбитуратами, впадая в фатальное забытье, «скорее всего расслабится и выпустит телефон из рук. Один их патологов сказал, что, если бы его попросили поразмыслить над этим фактом, он, вероятно, пришел бы к выводу, что телефон был помещен в мертвую руку уже после смерти. После смерти, когда началось трупное окоченение, мышцы сократились и рука естественно обхватила аппарат.

Информатор, рассказавший о пленке Спиндела, является

единственным человеком, кто утверждает, что прослушал ее полностью. Показания еще двух других свидетелей частично подтверждают факт ее существования. Одним из них является Билл Холт, специалист по взрывчатке и электронике, который работал в компании Спиндела после его смерти, случившейся в 1971 году. Теперь, являясь консультантом по вопросам безопасности, Холт подтверждает знакомство информатора со Спинделом. Еще он говорит, что ему о существовании пленки рассказал другой работник Спиндела по имени Майкл Моррисси4.

Холт рассказывает, что Моррисси говорил ему, что Спиндел давал ему прослушать пленку, и, судя по записи, Кеннеди и Лоуфорд действительно побывали в ее доме. На пленке была записана ссора, а затем звуки, указывавшие на то, что Мэрилин упала.

Моррисси, работающий в наше время юристом в Вашингтоне, подтверждает, что Спиндел давал ему прослушать пленку, — но только в течение нескольких секунд. Он говорит, что помнит только, что слышал глухой звук, как если бы кто-то рухнул на пол.

Несколько других коллег Спиндела также подтверждают тот факт, что специалист по перехвату телефонных сообщений упоминал о пленках. Ричард Баттерфилд, ныне исполнительный директор у Фаберже, и его жена уверяют, что Спиндел рассказывал им, что Роберт Кеннеди находился «С ней, когда она умерла». Доктор Генри Кэмин, врач и друг Спиндела, тоже подтверждает, что Спиндел говорил ему о пленках и убеждал, что там произошел какой-то грубый инцидент. Эрл Джейкокс, техник, работавший на Спиндела в 1962 году, говорит то же самое. Джейкокс говорит, что его работодатель «страшно нервничал» из-за этого.

Независимо от того, что содержалось в них, нам не известно, что стало с этими пленками. На рассвете 15 декабря 1966 года — четыре года спустя после смерти Мэрилин — в дом Спиндела в штате Нью-Йорк вломился отряд полицейских и следователей из окружной прокуратуры. Вооруженные ордером на обыск, они конфисковали огромное количество материала, в основном электронной аппаратуры. Спиндел утверждал, что главной целью налета была ликвидация всех данных, касавшихся связи Мэрилин и Кеннеди.

В 1985 году благодаря акту о свободе информации мне удалось заполучить рапорты ЦРУ и ФБР, написанные вскоре после налета на дом Спиндела. Большая часть содержавшегося в обоих документах материала была вымарана. Тем не менее из них видно, что оба агентства имели информацию о Спинделе и его предполагаемых данных по Монро.

Адвокаты Спиндела не мешкая подали судебный иск, требуя возвращения материалов, конфискованных в доме специалиста по перехвату телефонных сообщений. В частности, на рассмотрение в суд они подали аффидевит5, требуя возвращения «секретного досье Спиндела, в котором содержались пленки и иные материалы, касающиеся обстоятельств и причин смерти Мэрилин Монро, которые свидетельствуют о том, что официальное сообщение об обстоятельствах ее кончины является ошибочным».

Из судебного архива следует, что во время обыска Спиндел протестовал против изъятия определенных папок. Прежде чем изъять, их опечатали, в подписанном списке конфискованных материалов они значатся как «2 опечатанные папки — секретные сведения».

Проведенные исследования не позволили выяснить, что сделали власти с пропавшим материалом. Судебный иск, поданный вдовой Спиндела, включавший и требование вернуть конфискованные материалы, не увенчался успехом. ФБР утверждает, что досье, заведенное на Спиндела в штате Нью-Йорк, было в положенный срок уничтожено.

Один из адвокатов, имевших дело с судебным иском Спиндела, Арнольд Стрим, говорит: «Я не могу раскрыть того, что говорил мне мой клиент относительно тех пленок. Пока эта информация относится к разряду конфиденциальной, хотя его уже нет в живых, Но я уверен в том, что он сказал мне правду в целом и конкретно по этому делу... Я убежден в том, что пленки действительно существовали, а их копии имелись в распоряжении окружного прокурора». Стрим поясняет, что он не смог требовать удовлетворения иска в судебном порядке, поскольку судья объявил, что вопрос относительно пленок не имеет никакого отношения к рассматриваемому делу — перехвату телефонных сообщений, не связанному с Мэрилин Монро.

* * *

Тень Мэрилин преследовала Роберта Кеннеди до самой его смерти, случившейся также в Лос-Анджелесе шесть лет спустя. Через две недели после ее кончины помощник директора Кортни Эванс еще раз поставил в известность Кеннеди как министра юстиции о том, что мафия осведомлена о «связи с девушкой».

Ссылка на «девушку в Эль-Пасо», как написано в меморандуме ФБР от 20 августа 1962 года, ни о чем не говорит. Роберт Кеннеди, как он утверждал, возможно, никогда не был в Эль-Пасо, штат Техас. Однако в 1986 году я получил материалы по наблюдению, которые, по замечанию комиссий конгресса, послужили для ФБР первоисточником. ФБР была подслушана беседа Мейера Лански, «министра финансов» мафии, со своей женой Тедди о:

Бобби Кеннеди, у которого имеется семеро ребятишек и который волочится за девчонкой в ??? (вероятно Эль-Пасо). Тедди говорит, что во всем виноват Фрэнк Синатра, который является никем иным, как поставщиком девочек для тех парней. Синатра — парень, который сводит всех вместе. Мейер говорит, что Синатра не виноват в этом, что все начинается с президента, а дальше идет в соответствии с заведенным порядком.

Из представленных здесь материалов вытекает, что наблюдатели ФБР, слушая невнятную запись, не были вовсе уверены о местонахождении женщины, имевшей отношение к Роберту Кеннеди. Учитывая их неуверенность, можно ли предположить, что ссылка на «Эль-Пасо» на деле могла означать «озеро Тахо»? Тогда станет более понятным второй параграф рапорта от 20 августа, относящийся к Мэрилин Монро.

В пятницу 1 августа, всего за три дня до смерти Мэрилин, был подслушан разговор босса мафии Лански. До предыдущей пятницы Роберт Кеннеди находился в Лос-Анджелесе, а в доступных материалах не видно, где он провел выходные. Мэрилин, как известно, пребывала на озере Тахо.

В своей сообщении Дж. Эдгару Гуверу о реакции Кеннеди на перехваченный разговор Лански Эванс писал: «Он сказал, что с благодарностью относится к тому факту, что мы проинформировали его, что сплетникам ничего другого не остается, как распускать сплетни. Он сказал, что уже наслышан о голословных утверждениях, касающихся его предполагаемой

связи с Мэрилин Монро. На этот раз он хотя бы признался, что был знаком с Мэрилин Монро, поскольку она была хорошей подругой его сестры, Пэт Лоуфорд, но эти инсинуации ничего общего с реальностью не имеют».

В тот день, когда помощник директора написал свой меморандум, 20 августа 1962 года, микрофоны, установленные ФБР для прослушивания, зарегистрировали странный разговор между тремя представителями синдиката. Они обсуждали нечто, что один из них назвал «опасной ситуацией», за что он и его коллеги могли попасть под суд. Он опасался, что ситуация неизбежна, но говорил об одной тактике, которая могла бы заставить администрацию держаться поодаль. Несомненно, речь шла о давлении на братьев Кеннеди, — в частности, на министра юстиции Роберта Кеннеди, — а оружие, которым они намеревались воспользоваться, был скандал вокруг Мэрилин Монро.

«Они обрушатся на любое имя, — сказал человек из синдиката. — Кроме брата — все слишком серьезно, чтобы учинить скандал вокруг них. Хотелось бы ему увидеть заголовки, в которых фигурировало имя Мэрилин Монро? И его собственное? Как бы ему это понравилось? Как ты считаешь?.. Он там бывал множество раз. Дело было такое непростое — и эта _____ [приятельница Мэрилин] почти все время была с ним — думаешь, это секрет?»

Из обнаруженных на сегодняшний день документов не видно, имела ли место на деле попытка шантажа министра юстиции по поводу Мэрилин. Его общая политика преследования мафии продолжалась до тех пор, пока он оставался во главе департамента, то есть до 1964 года. В тот год тайна, окружавшая его действия в последние дни Мэрилин, грозила выйти наружу.

8 июля 1964 года Дж. Эдгар Гувер написал Кеннеди письмо, в котором рассказал о публикации брошюры одного из активистов правого толка, Фрэнка Кэпелла. «В его книге, — писал Гувер, — содержатся ссылки на вашу дружбу с покойной мисс Мэрилин Монро. Мистер Кэпелл заявил, что собирается в своей книге указать, что у вас с мисс Монро были интимные отношения и что в момент смерти мисс Монро вы находились в ее доме».

Из документов не видно, как отнесся к этому сообщению министр юстиции. Фрэнк Кэпелл, активист правого крайнего

крыла, начал свое расследование сразу после смерти Мэрилин Монро. Он преследовал одну-единственную цель — поставить Роберта Кеннеди в неловкое положение. Более подробное знакомство с мистером Кэпеллом позволяет получить представление о грязной стороне американской политики начала шестидесятых годов и кое-что интересное узнать о полицейском, который после смерти Мэрилин Монро первым оказался на месте происшествия.

Полицейский, бывший сержант Джек Клеммонс, одно время являлся главой Фай-По, ассоциации по пожарному и полицейскому расследованию; организации, которой вменялось в обязанность информировать общественность о «подрывной деятельности, угрожающей нашему американскому образу жизни». Подрывной деятельностью в 1962 году называли коммунизм, Красную Угрозу. Клеммонс подтверждает, что встретился с Кэпеллом незадолго до кончины Мэрилин. Кэпелл, ранее работавший следователем под началом шерифа, в тот год основал «Геральд оф Фридом», пропагандистскую брошюру, которая на протяжении многих последующих лет славилась жестокими нападками на американских либералов, особенно на Роберта Кеннеди.

Месяц спустя после смерти Мэрилин, рассказывает Клеммонс, вместе с Кэпеллом он отправился навестить Мориса Райеса, антрополога, работавшего ранее в министерстве иностранных дел на должности, имевшей отношение к разведке. Морис Райес имел какое-то отношение к голливудской группе, называемой «Киноальянс за сохранение американских идеалов» (Motion Picture Allience for the Preservation of American Ideas). Среди его основателей, говорит Клеммонс, были Джон Уэйн, писатель Борден Чейз и мать Джинджер Роджерс. В эпоху Маккарти альянс активно занимался преследованием деятелей Голливуда с левыми взглядами.

Райес и Кэпелл попросили Клеммонса помочь им выставить напоказ отношения Роберта Кеннеди и Мэрилин Монро, а также рассказать о том, где был и чем занимался он сам в момент ее смерти. Сержант согласился воспользоваться полицейскими источниками. Кэпелл тем временем заручился поддержкой друзей с Западного побережья, включая юриста Хелен Клейтон. Интервью с Клей и бывшим ее коллегой показали, что в своем расследовании они получили весьма ощутимые результаты. Одному полицейскому удалось проникнуть в кабинет шефа

Паркера и порыться в его бумагах, относившихся к делу. Сведения о передвижениях Роберта Кеннеди дали бывший охранник Лоуфорда и человек, работавший в фирме по прокату автомобилей. Источник из телефонной компании предоставил обстоятельный список звонков, сделанных Мэрилин, включая и звонки в министерство юстиции 3 и 4 августа, в день ее смерти.

Некоторые из этих материалов получил правый экстремист Фрэнк Кэпелл. В сентябре 1964 года, когда Роберт Кеннеди выдвинул свою кандидатуру на пост сенатора Нью-Йорка, Кэпелл опубликовал ядовитую книжицу под названием: «Странная смерть Мэрилин Монро». В ней цитировались выдержки из слушаний парламентской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, а также аналогичного органа сената Калифорнии, где доктору Мэрилин, Хайману Энгелбергу, «присвоено клеймо» бывшего коммуниста. Подобные ярлыки были приклеены и другим близким знакомым Мэрилин, а именно: ее репетиторше Пауле Страсберг и приятелю Норману Ростену. Роберт Кеннеди изображался как министр юстиции, попустительствующий расцвету коммунизма в Соединенных Штатах. Кэпелл почти дословно заявил, что Роберт Кеннеди убил Мэрилин Монро с помощью коммунистического заговора, чтобы не запятнать свою репутацию.

Книга Кэпелла, представляющая собой явный вздор с политическим оттенком, не нанесла Роберту Кеннеди сколько-нибудь чувствительного удара. Тем не менее недруги Кеннеди продолжали плести вокруг него заговор, намереваясь погубить его с помощью покойной Мэрилин. Когда книга Кэпелла увидела свет, руководитель профсоюза водителей грузового транспорта Джимми Хоффа и специалист по электронному прослушиванию Бернард Спиндел связались с Фредом Оташем, голливудским сыщиком, который, как известно, занимался операциями по установке электронных «жучков». Как видно из корреспонденции Оташа, Хоффа хотел, чтобы детектив оказал ему помощь в подготовке компрометирующих материалов.

После того, как Гувер предупредил Кеннеди относительно Кэпелла, в телефонном аппарате Кэпелла был установлен микрофон. В своей книге «Последние дни» (Final Days) репортеры, писавшие о Уотергейте, Вудворд и Бернстейн, показали, что президент Никсон, желавший доказать, что администрация президента Кеннеди так же не гнушалась никакими методами, как и его собственная, попросил юридического советника Фреда

Бузхардта раздобыть в министерстве юстиции список операций по электронному прослушиванию. В списке граждан, чьи телефоны прослушивались, оказалось и имя Фрэнка Кэпелла. Можно было не сомневаться в том, что сделано это было с ведома Роберта Кеннеди.

Во время телевизионного интервью программе «60 минут» в 1984 году Ричард Никсон сказал, что Роберт Кеннеди «использовал прослушивание телефонных разговоров с целями, которые едва ли подходили под определение «из интересов государственной безопасности». Так, например, они прослушивали телефон одного репортера, который, как им было известно, писал книгу о Мэрилин Монро, поскольку могли промелькнуть пагубные для Кеннеди комментарии...».

На другой год после публикации книги Кэпелла сам автор ее и сержант Клеммонс дискредитировали себя в глазах закона. Они оба, наравне с другими лицами, предстали перед большим жюри по обвинению в клеветнических намерениях в адрес калифорнийского сенатора Томаса Кучела. Кэпелл был признан виновным и приговорен к штрафу. С Клеммонса обвинение было снято, но из полиции ему пришлось уйти. В полицейском рапорте по этому поводу говорилось, что «его личные политические интересы стоят выше его интересов профессиональных».

История преподнесла неожиданный сюрприз, когда первым на месте происшествия было суждено оказаться полицейскому с ярко выраженными правыми политическими взглядами. Если не считать этого, то его громогласные заявления, что Мэрилин была убита, основанные на собственных данных, полученных при осмотре места происшествия, практически ничего не стоят. Клеммонс не имел опыта детектива по расследованию убийств.

Кэпелл, учитывая его правый экстремизм, еще в меньшей степени мог оказаться полезным в качестве сыщика. Что касается Бернарда Спиндела, то он наверняка обладал компрометирующими записями. Пленку с записью последних часов Мэрилин он воспроизводил своему коллеге даже в 1967 году, то есть позже обыска в его доме. Он сказал, что на всякий случай хранил копии у других людей. Один экземпляр, по его признанию, он держал у покойного Джорджа Эршема, служащего оружейной компании «Смит энд Вессон», который был якобы связан с ЦРУ.

Возможно, Спиндел не ошибался, когда полагал, что Роберт Кеннеди преследует его из-за собственных отношений с лидером профсоюза водителей грузового транспорта Хоффой. Тем не менее специалисту по электронному прослушиванию это дало все основания использовать полученный материал в собственных, порой неблаговидных, интересах.

Скандал, связанный с Мэрилин, представлял угрозу для Роберта Кеннеди до конца жизни. Ральф де Толедано, вашингтонский корреспондент, критик Кеннеди, говорит, что весной 1968 года к нему обратился один большой начальник из Американской автомобильной промышленности. Ему нужны были данные, которые можно было бы использовать против Кеннеди во время предвыборной кампании на пост президента. Он представлял, говорит де Толедано, «двухпартийную группировку, преисполненную решимости остановить Кеннеди».

Исполнительный директор компании, имя которого де Толедано предпочел не называть, выразил желание купить пленки Монро, если сохранились их копии. Нанятый им для поиска отставной полковник сухопутных сил Э. Дэннис Харрис утверждал, что таковые существуют. Он сказал, что они являются подлинными и за хорошие деньги могут быть приобретены. «План, — говорит де Толедано, — состоял в том, чтобы сделать с них распечатки и разослать в редакции всех национальных газет». В июне того года переговоры находились на последней стадии, когда Роберт Кеннеди был убит.

Истина, которая могла бы или не могла быть установлена с помощью этих пленок, умерла вместе со Спинделом. Когда это издание готовилось к печати, в правительственных архивах было сделано еще одно открытие, придавшее загадке, которой окружены последние дни Мэрилин, новую и более серьезную окраску.

Представляла ли Мэрилин Монро угрозу для безопасности?

Солнечным утром на Пасху 1986 года, когда большинство людей покидают столицу, чтобы хорошо провести праздник, четверо мужчин в штаб-квартире ФБР в Вашингтоне вели разговор о Мэрилин Монро. За столом сидело трое работников Бюро, помощник министра юстиции США и начальник одного из отделов ФБР. Там же присутствовал мой адвокат Джеймс Лизар, на протяжении многих лет выступавший за свободу информации, специалист по добыванию документов из правительственных

архивов.

Встреча эта имела основополагающее значение и должна была увенчать усилия исследователей по выяснению, какие именно документы на Мэрилин Монро содержатся в архивах ФБР. Из запроса, сделанного в ФБР в 1980 году, следовало, что информацией о Монро оно располагало «объемистой», но в результате настойчивых просьб выдана была жалкая горстка. Это свидетельствует о том, что с 1955 года досье Монро значилось в архивах ФБР под номером «105», принятым для обозначения «дел по иностранной контрразведке». На практике в бытность Дж. Эдгара Гувера существовала оговорка, позволявшая учинять слежку за любым лицом, совершившим нечто, что хотя бы отдаленно имело политическую направленность.

Папка Мэрилин под номером «105» содержала сведения о ее контактах с людьми, которые в Бюро проходили как лица с левыми взглядами, начиная с Артура Миллера и его знакомых. Три года назад в ФБР мне сообщили, что папка насчитывала тридцать одну страницу, из которых рассекречено могло быть только тринадцать, и то с существенно вымаранными частями.

Даже следователи окружной прокуратуры, занимавшиеся делом Мэрилин в 1982 году, не смогли ознакомиться с некоторыми материалами ФБР. Причиной, как им сказали, было то, что в них имелись сведения по наблюдению за деятельностью Мэрилин во время ее пребывания в Мексике в феврале 1962 года, за шесть месяцев до кончины.

В Мексику, как сообщается в этой книге, Мэрилин сопровождал человек, за которым ФБР вело пристальное наблюдение в течение более полувека. Имя его Фредерик Вандербилт Филд. Филд выехал из Штатов за десять лет до описываемых событий. Ему порядком надоели неустанные преследования, обусловленные его симпатией к коммунистам, к тому же за отказ назвать следователям конгресса имена своих друзей-коммунистов ему пришлось провести некоторое время в заключении.

В 1962 году Филд входил в группу двадцати пяти американских экспатриантов, включавшую также членов Голливудской Десятки, кинодеятелей, карьерам которых во время эпохи маккартизма был положен конец. Эти люди были близкими друзьями Фил-да. Сам он женился на мексиканке, которая

позировала художнику-коммунисту, Диего Ривере. Для офиса юридического атташе посольства США в Мехико, местной базы ФБР, Филд представлял главную мишень для долговременного наблюдения.

Памятуя об этом, мой адвокат обратился с просьбой выдать документы ФБР, касающиеся Филда, сузив запрос до одного года, в котором он познакомился с Мэрилин Монро. Чтобы отказ ФБР не мог быть мотивирован сохранением конфиденциальности, к его просьбе присоединился и сам Филд. В 1984 году после смерти Питера Лоуфорда действие Акта о свободе информации распространялось и на его досье. Эти оба запроса оказались плодотворными. После сложных юридических манипуляций наряду с ними было также выдано два скрытых доселе документа из папки Мэрилин, значившейся под грифом «105».

Документы, один из которых датирован 6 марта, а второй — 13 июля 1962 года, имеются как в папке Лоуфорда, так и в папке Филда. В заголовке стояло «МЭРИЛИН МОНРО — КАСАЕТСЯ БЕЗОПАСНОСТИ — К (коммунист)». Рапорты написаны агентами ФБР в Мексике и адресованы директору и другим офицерам ФБР. Текст оказался практически полностью вымаран рукой цензора. Несмотря на это, для настырного исследователя эти документы являются большим достижением, тем более что июльский документ был составлен всего за три недели до смерти Мэрилин.

Не слишком сложно догадаться, что мартовский рапорт был написан через три дня после отъезда Мэрилин из Мексики, и в нем шла речь о ее дружбе с представителями левых, подобных Филдам. Но с чем связан рапорт, составленный в середине июля? И почему, как следует из переписки ФБР, несколько страниц документа выдаче все же не подлежали?

В марте этого года ФБР выразило согласие принять участие в любопытной процедуре, ставшей возможной только благодаря Акту о свободе информации. На заседании в штаб-квартире ФБР мой адвокат лицом к лицу встретился с начальником отдела петиций ФБР. Вооруженный вымаранными документами, он получил разрешение задавать вопросы Петерсону. Перед ним лежали оригиналы, над которыми не работала рука цензора. Более часа сотрудник ФБР, взмахивая рукой наподобие карточного игрока, давал осторожные ответы на вопросы моего юриста. Эта, на первый взгляд глупая игра, оказалась стоящей свеч.

Начальник отдела Петерсон объяснил, что такая цензура обусловлена необходимостью защитить источник разведывательных данных — человека, а не электронное устройство — который обеспечил сбор данных. Человек, ставший информатором, во время пребывания Мэрилин в Мексике, несомненно, был в тесных отношениях с Фредом Филдом и имел непосредственный контакт с Мэрилин Монро.

Таким условиям отвечало несколько человек. Филд познакомил Мэрилин с некоторыми из своих друзей, придерживающихся левых взглядов. Среди них был двадцатишестилетний Хосе Боланьос, мексиканский деятель кино, ставший в Мексике любовником актрисы.

Фред Филд посоветовал Мэрилин не встречаться с Боланьосом, которого считал «человеком с левыми претензиями.

ФБР говорит, что раскрытие источника информации в Мексике могло бы даже сегодня поставить Бюро в неловкое положение перед мексиканским правительством. В 1962 году мексиканские работники службы безопасности работали в тесном контакте с разведкой США, и рукой цензуры в некоторых местах документов Мэрилин водило не ФБР, а другое агентство. Можно не сомневаться, что этим другим агентством является ЦРУ.

Кроме внештатных соглядатаев за братьями Кеннеди, увивающимися за Мэрилин, наблюдали также агенты США. Бывший инспектор ФБР Уильям Кейн говорит, что «из внутренних сводок того времени» помнит, как сообщалось о «машине Роберта Кеннеди, припаркованной на ее подъездной дорожке». Другой источник назвал один старший чин ФБР, бывшего помощника директора, который лично руководил наблюдением.

Для Дж. Эдварда Гувера в шпионстве за братьями Кеннеди не было ничего нового. Еще во время Второй мировой войны он с удовольствием прослушивал пленки ФБР, которые запечатлели звуки, как лейтенант Военно-морской разведки Джон Кеннеди занимался любовью с Ингрой Арвад, предполагаемым вражеским агентом. Уже в 1962 году Гувер отдал приказ вести наблюдение за любовницей Кеннеди, Юдит Кэмбелл. Если бы за Кеннеди не следили, когда они встречались с Мэрилин, такое упущение показалось бы странным. Так что страшно не существование мексиканского досье, страшно его содержание.

На той памятной встрече с ФБР обсуждалось содержание четырех документов. Они отражали период с февральского визита Мэрилин в Мексику и до лета 1963 года. Три рапорта освещают ее контакты с Филдом и его друзьями, по поводу чего высказывается сожаление и делается ужасное заключение, что социалистические идеи Артура Миллера оказали на Мэрилин Монро неблагоприятное действие.

В наиболее интересной части досье идет речь о братьях Кеннеди. В рапорте от 6 марта сообщается, что Мэрилин «провела время с Робертом Кеннеди в доме Лоуфорда» и что они говорили на политические темы. Филд, которому минул уже 81 год, хорошо помнит, как Мэрилин призналась ему, что, кроме всяких либеральных замыслов Роберта Кеннеди, они обсуждали с ним желание Кеннеди уволить Дж. Эдгара Гувера. Хосе Боланьос, в свою очередь, говорит, что Мэрилин рассказывала ему о продолжительных жарких дискуссиях с министром юстиции об американской политике относительно Кубы. Но к попыткам разузнать у него подробности Боланьос оставался глух и нем.

Но наибольшее беспокойство вызывает брифинг ФБР, в центре которого стояло обсуждение рапорта от 13 июля. В документе и приложенной к нему записке отдела внутренней разведки приводится информация, которую источник слышал от самой Мэрилин. Она якобы сообщила ему, что «побывала на обеде в резиденции Питера Лоуфорда» с одним из братьев Кеннеди. В беседе, как говорится в рапорте, обсуждались «важные вопросы». В стенограмме брифинга сказано, что одной из тем был вопрос «нравственности атомных испытаний».

Как следовало из рапорта, обед состоялся за несколько дней до 13 июля, таким образом, он мог иметь место либо в начале июля, либо в конце июня. В сообщении ФБР указано, что из братьев Кеннеди на обеде, на котором присутствовала Мэрилин, был президент. В этот период времени, как видно из первично собранных данных, Джон Кеннеди не мог быть в Лос-Анджелесе: в конце июня он с официальным визитом находился в Мексике. Дополнительные исследования, проведенные в процессе подготовки материалов для данной книги, показали, что передвижения президента все-таки иногда оставались в секрете. Во всяком случае, однажды, как свидетельствует вдова Артура Джекобса, пресс-агента Мэрилин, Джон Кеннеди тайно прилетал в Калифорнию, чтобы встретиться с Мэрилин. Однако на

вышеупомянутом обеде, вероятнее всего, присутствовал не Джон, а Роберт Кеннеди, министр юстиции.

Из досье ФБР вытекает, что Роберт находился в Лос-Анджелесе со второй половины 26 до утра 28 июня. Как уже упоминалось ранее, в этот свой визит он виделся с Мэрилин.

Как явствует из информации, недавно полученной из хранящегося в ФБР досье Мэрилин, именно в этот период один из братьев Кеннеди — предположительно, Роберт — обсуждал с актрисой вопрос атомных испытаний. В документах этой папки, содержание которых уже известно, ни слова не сказано о том, выдал ли кто из Кеннеди актрисе какую-либо государственную тайну. Автор также не намекает на это. Следует подчеркнуть лишь то, что любая частная беседа министра юстиции или президента по данному вопросу представляла особый интерес для советской разведки.

Из интервью, взятых автором у мексиканских знакомых Мэрилин, Фредерика Филда и Хосе Боланьоса, совершенно ясно, что Роберт Кеннеди обсуждал с ней важные темы, включая и кубинскую. Боланьос говорит, что в последний раз он виделся с Мэрилин в начале июля. Это время соответствует тому периоду, когда она якобы упомянула о своем разговоре с одним из Кеннеди о ядерных испытаниях. В тот месяц погостить в Соединенные Штаты приехал Фредерик Филд, человек, не скрывающий своих коммунистических убеждений, общающийся со сторонниками коммунистов в Мексике. Проживал он в нью-йоркской квартире Мэрилин. Из досье Филда видно, что в июне и июле он находился под пристальным вниманием ФБР. Из одного документа следует, что особый интерес для ФБР представляли контакты Филда с Мэрилин.

В сложившейся ситуации, в такой решительный момент бдительность Дж. Эдгара Гувера была вполне оправдана. В свете последних рассекреченных документов — пока мы не имеем полного доступа к досье — контакты Мэрилин с братьями Кеннеди делали ее потенциально опасной. К тому же, как это ни покажется наивным, она всегда стремилась представить себя как сторонницу левых. По словам Хосе Боланьоса, она «до хрипоты в голосе» спорила с Робертом Кеннеди из-за Кубы, и тогда он сказал ей, что она «превращается в коммунистку».

Что бы Мэрилин ни лепетала о своих разговорах с Кеннеди,

— с настоящими коммунистами ли, в окружении ли мафиози, которые имели собственные, далеко не благовидные, соображения относительно Кубы, — она представляла собой потенциальную опасность. Какими бы безобидными ни были комментарии братьев — враги всегда могли использовать их им во вред. Игрушкой в их руках была хрупкая женщина, ежедневно посещающая своего психиатра, — весьма неподходящее знакомство и для президента, и для министра юстиции.

За несколько недель до смерти Мэрилин Монро представляла угрозу для безопасности страны, а виноваты в этом были Кеннеди.

* * *

Бывший шеф полиции Лос-Анджелеса Том Реддин, получивший должность начальника управления после смерти Мэрилин, сказал, что новые данные ФБР «объясняют, почему истинное досье до сих пор засекречено. Оно не только грозит поставить семейство Кеннеди в неловкое положение, оно также имеет непосредственное отношение к государственной безопасности.

Помощник окружного прокурора Рональд Кэррол, руководивший предварительным расследованием в 1982 году, теперь говорит: «Если бы тогда нам было известно, что некоторые лица знали о том, что полиция была вызвана только после пяти-шести часов после смерти Мэрилин, мы бы продолжили расследование». Кэррол согласен и с тем, что не были предприняты соответствующие попытки расследовать утверждения о том, что последние часы жизни Мэрилин были тайно записаны на аудиопленку.

После запроса Кэррола на проведении нового официального расследования дела настаивал человек, проводивший посмертное вскрытие тела Мэрилин, Томас Ногучи. Он уже давно высказывал вслух опасения, что место происшествия после смерти актрисы не оставалось «нетронутым». В октябре 1985 года в телевизионной передаче Эй-Би-Си «Новости глазами очевидцев» Ногучи сказал, что имеются факты, требующие более глубокого изучения.

«У нее на спине, в области таза был синяк, возникновение которого никто толком не объяснял, — сказал Ногучи своему интервьюеру. — Мы не разбирались с соответствующими

данными... и прежде, чем мы получили возможность провести исследование содержимого желудка и кишечника, образцов уже не стало. У общественности могло сложиться впечатление, что мы что-то скрываем».

Позже, беседуя с журналистами, желавшими выяснить подробности, Ногучи сказал о синяке на теле Мэрилин: «Объяснения ему нет, а он свидетельствует о насилии». Еще он добавил, что не может с уверенностью утверждать, что актриса не была отравлена путем введения препарата с помощью инъекции. Бывший коронер заметил: «Мне кажется, что следовало бы провести расследование или дать соответствующую оценку новым данным, а не запирать двери».

Джон Ван де Камп, занимавший пост окружного прокурора во время пересмотра дела в 1982 году, в наши дни является генеральным прокурором Калифорнии. Он мог бы отдать приказ о возобновлении дела, возможно, назначив при этом специального прокурора. Сделать это мог и окружной прокурор, воспользовавшись возможностями Бюро расследований, то же можно сказать и о шефе полиции Гейтсе. Но все как будто сговорились не ворошить прошлое.

Дело репортера сообщать информацию, а не вынуждать чиновников проводить расследование. В конце данного сообщения следует сказать о провале властей — как в 1962 году, так и позже — в проведении полного и открытого расследования смерти гражданина. В результате этого провала пострадала истина.

Публике в данном случае ничего иного не остается, как довериться слову репортера. Одна из передовых статей газеты «Тайм» подчеркивала недавно, что «журналисты как будто призваны давать ответы, хотя на деле они задаются вопросом: "Как нам с этим быть?"». Та же статья напоминала нам, что: «право знать и право едины».

Ваш покорный слуга предоставляет право своему читателю решать, как быть с этой избитой историей, которую он изложил вам. В наш век заснятых на пленку новостей и выдохшегося стремления прессы давать правдивую информацию дело Мэрилин Монро может сослужить службу более важную, нежели выяснение подробностей ее смерти. Может быть, оно сделает людей более настойчивыми в утверждении своего права знать.

Примечания

1. Книга Уильяма Голдинга, опубликованная в 1954 году, в 1962 году была экранизирована.

2. см. стр. 577.

3. Аббревиатура имени Роберт Фрэнсис Кеннеди.

4. В 1975 году во время проводимого сенатом дознания относительно причастности ЦРУ к другим правительственным агентствам Моррисси признался, что инструктировал одного из федеральных чиновников по применению устройств, называемых средствами электронного убийства.

5. Письменное показание, подтвержденное присягой. Репортеру из «Лайфа» Джону Ниари Спиндел сообщил: «Хоган (окружной прокурор штата Нью-Йорк) оказал Кеннеди настоящую услугу, разрешив провести налет. Они украли мои пленки Мэрилин Монро и досье в целом».